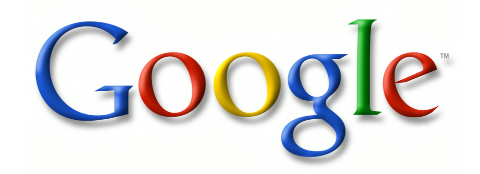


DUPLICATE.

1880 года

РУССКАЯ МЫСЛЬ.

ГОДЪ ВТОРОЙ.

IЮНЬ.

МОСКВА.

1881.

ОГЛАВЛЕНІЕ.

РУССКАЯ МЫСЛЬ

ЖУРНАЛЪ

НАУЧНЫЙ, ЛИТЕРАТУРНЫЙ И ПОЛИТИЧЕСКІЙ.

ГОДЪ ВТОРОЙ.

КНИГА VI.

МОСКВА.

1881.

Редакція и контора журнала: Долгоруковская улица, въ домѣ Дреземейеръ;
Отдѣленіе конторы: Петровскія торговыя линіи, кварт. № 61.

Типо-литогр. И. Н. Кушнерева и К°, Пименовская ул., д. Кушнеревой.

DUPLICATE
47479
DUPLICATE
ASTOR LIBRARY
FEB
8
1892
NEW YORK

ОГЛАВЛЕНІЕ.

Наше крестьянство и общинное землевладѣніе,

по «Сборнику матеріаловъ для изученія сельской поземельной общины».

«*Смѣется* крестьянинъ-земледѣлецъ, когда ему предлагаютъ подѣлить землю на отдѣльные участки»,—такъ говорится въ одной изъ статей «Сборника матеріаловъ для изученія сельской поземельной общины»,—смѣется и смѣхъ свой поясняетъ такими словами: «Ровно подѣлить нельзя: въ иномъ мѣстѣ хорошей земли пять десятинъ, а худой—двадцать; кого же на худую посадить? Если дать худой больше вдвое, нежели хорошей, и то неправильно будетъ: на хорошей день работы дастъ сбору четверть хлѣба, а на худой хозяинъ и недѣлю пробьется, да у него ничего не выйдетъ»,—кончаетъ это поясненіе мужикъ и еще больше смѣется, глядя на *чудака*, задающаго ему столь несообразный, по его мнѣнію, вопросъ (стр. 300—331).

На кого же изъ насъ, не крестьянъ, распространяется такой взглядъ мужика, сопровождаемый смѣхомъ?

Да чуть ли не на всѣхъ насъ, опекающихъ этого, по нашему мнѣнію, ребенка по уму. Не уходитъ отъ этого смѣха ни администраторъ, ни земскій человѣкъ, ни публицистъ, предлагающій введеніе въ деревню различныхъ порядковъ, измѣняющихъ современный строй ея жизни.

Знать объ этотъ смѣхѣ, предполагать, по крайней мѣрѣ, о возможности его существованія мы должны бы были давно, потому что, несмотря на все безправіе и приниженность народа, намъ все-таки приходится считаться съ подобнымъ на себя взглядомъ. Заводимъ ли въ деревнѣ школу, предписываемъ ли сокращать число кабаковъ, увеличивать сроки передѣловъ, улучшать породу скота, вводить травосѣяніе, разводить лѣсъ, обсаживать дома березками и проч. и проч.,—вездѣ, какъ хотите,

приходится невольно задумываться надъ вопросомъ: кажется ли все это благоразумнымъ мужику? Хотя мы и можемъ его всегда стращать чѣмъ угодно—штрафомъ, розгой, тюрьмой, высылкой въ Сибирь, всѣми разуваевскими и фишеровскими продѣлками, но все-таки въ дѣлѣ успѣшнаго выполненія нашего приказа играетъ не малую роль мнѣніе подневольнаго человѣка: «не съ ума ли сошелъ приказывающій господинъ?»... Тѣмъ болѣе это необходимо, что мужикъ еще, къ тому же, хитеръ и ему всегда возможно, спрятавшись въ свою деревенскую глушь, увернуться отъ должнаго съ нашей стороны надзора.

Волей-неволей приходится придти къ заключенію, что для осуществленія вводимаго необходимо дѣйствительное присутствіе у мужика какого-либо сознанія о разумности нашего приказа.

Мы много и долго пробовали заставлять крестьянина вѣрить въ разумность различныхъ мѣропріятій, пользуясь именами Бога и Царя. Но что же вышло?—Мужикъ пришелъ къ заключенію, что чиновники, дворяне и священники обманываютъ его, выдавая свое слово за Царское, за Божье, и какъ необходимое послѣдствіе всего этого является, съ одной стороны, рядъ такъ-называемыхъ «бунтовъ», а съ другой — рядъ различныхъ религіозныхъ сектъ.

Не слѣдуетъ ли изъ этого, читатели, что если хотимъ кого опекать, то необходимо знать, понимаетъ ли тебя опекаемый народъ, сознаетъ ли разумность твоего наставленія, и уже для этого только одного необходимо доподлинно-вѣрно и безошибочно знать весь строй его жизни, привычки, нравы, обстановку, условія, при которыхъ идетъ его дѣятельность, убѣжденія его, мысли его. Знать же намъ все это, а въ особенности душу крестьянскую, дѣло весьма нелегкое. Посмотрите, что говорится относительно этого предмета П. П. Семеновымъ, помѣстившимъ въ «Сборникѣ» подробное описаніе общинъ Мураевенской волости, Данковскаго уѣзда:

«Русскій крестьянинъ вообще до крайности откровененъ и честенъ въ своихъ показаніяхъ при двухъ условіяхъ, а именно: полной увѣренности его въ доброжелательствѣ къ нему лица его спрашивающаго и при отсутствіи всякой формальной, оффиціальной обстановки его опроса. При существованіи перваго условія, особое вниманіе мое было обращено на второе. Нарочный вызовъ крестьянина для опроса и распросъ его въ необычной для него обстановкѣ (напримѣръ, въ кабинетѣ владѣльческой усадьбы, за

письменнымъ столомъ, съ перомъ въ рукахъ, чернилицею и записными тетрадями)—все это не располагаетъ его къ откровеннымъ показаніямъ и не развязываетъ его языка. Стѣны волостнаго правленія и шнуровыя книги также не способствуютъ правильности его показаній: крестьянинъ пріученъ вѣковымъ воспитаніемъ къ различію существующему между оффиціальными и дѣйствительными фактами и очень хорошо знаетъ, что факты той и другой категоріи не вполнѣ, а только отчасти, совпадаютъ между собою и что оффиціальная истина имѣетъ нерѣдко только относительный, условный характеръ.

«Поэтому распросы свои я производилъ всегда, обдумавъ заранѣе и усвоивъ себѣ вполнѣ одну какую-либо группу вопросовъ програмы, при посѣщеніи меня крестьяниномъ волости по какому-либо дѣлу или, наоборотъ, при посѣщеніи моемъ какого-либо двора,—однимъ словомъ, при такихъ встрѣчахъ съ крестьянами, которыя были вызваны цѣлями болѣе или менѣе посторонними изслѣдованію. Распросъ всегда совершался на открытомъ воздухѣ или во дворѣ крестьянина, но ни въ какомъ случаѣ не въ чуждой ему обстановкѣ кабинета и еще менѣе въ знакомой ему обстановкѣ волостнаго правленія. Распросъ имѣлъ характеръ простой бесѣды, причемъ я избѣгалъ, по возможности, записей въ присутствіи крестьянъ, потому что непосредственное записываніе ихъ словъ не особенно располагаетъ ихъ къ откровенности, такъ какъ по русской пословицѣ: «не каждое слово въ строку пишется». Исключеніе, конечно, я дѣлалъ для коренныхъ цифровыхъ отмѣтокъ, необходимость которыхъ они хорошо понимаютъ. Отмѣтки эти дѣлались карандашомъ на бумажкѣ небольшаго размѣра, не имѣющей вида заранѣе приготовленной вѣдомости. За то, по окончаніи бесѣды, я записывалъ отвѣты крестьянъ немедленно, безъ чего никакая человѣческая память не можетъ представить полныхъ гарантій противъ неумышленнаго искаженія фактовъ или субъективнаго ихъ подбора. Записи мои были облечены въ форму отвѣтовъ на вопросы програмъ непремѣнно по каждой общинѣ отдѣльно. Такимъ образомъ получалась, послѣ каждой бесѣды, полная серія отвѣтовъ по одной главѣ и одной общинѣ и выполнялись постепенно при свиданіяхъ съ другими членами общинъ всѣ главы изслѣдованія по всѣмъ 20 общинамъ, причемъ сомнительныя или неясныя для меня показанія однихъ членовъ общинъ повѣрялись показаніями другихъ членовъ той же общины.

«Способъ изложенія вопросовъ и тонъ разговора имѣетъ не малое вліяніе на правильность и безошибочность показаній крестьянъ. Вопросъ долженъ быть поставленъ простымъ, яснымъ, но собственнымъ, индивидуальнымъ разговорнымъ языкомъ. Всякая поддѣлка подъ мѣстный крестьянскій говоръ дѣйствуетъ на крестьянина очень неблагопріятно, потому что онъ инстинктивно чувствуетъ въ такой поддѣлкѣ фальшивую ноту и, усматривая въ ней неискренность вопрошающаго, самъ относится къ нему неискренно. Если крестьянинъ не понимаетъ вопроса, необходимо перефразировать и переворачивать его до тѣхъ поръ, пока вопросъ не сдѣлается вполнѣ доступнымъ его пониманію. Вообще въ постановкѣ вопроса должно избѣгать всякой отвлеченности; на всякій конкретный вопросъ, поясненный примѣромъ, ставящимъ вопрошаемаго въ необходимость объяснить, какъ онъ на практикѣ исполняетъ или исполнилъ бы то или другое дѣло, вызываетъ его на вполнѣ отчетливый отвѣтъ. При отвлеченной, недоступной пониманію крестьянина постановкѣ вопроса или, что еще хуже, тенденціозной его формѣ, слишкомъ субъективный изслѣдователь весьма легко собьетъ крестьянина съ толку и *вложитъ ему въ уста тотъ отвѣтъ, который заранѣе сложился въ головѣ изслѣдователя*».

Кому же это потребовалось столько осторожности, вниманія къ различнымъ тонкимъ условіямъ и, такъ сказать, изысканности пріемовъ для того, чтобъ узнать истину относительно порядковъ въ крестьянской жизни?—Отвѣчаемъ: человѣку, съ малыхъ лѣтъ жившему въ Мураевенской волости и по образованію своему *не иностранцу* въ своемъ отечествѣ, а человѣку хорошо извѣстному своими учеными трудами по отчизновѣдѣнію.

До сихъ поръ мы дѣйствовали не справляясь съ тѣмъ, знаемъ ли доподлинно нашъ народъ, и смотрѣли на него какъ на невѣжественную массу, изъ которой возможно лѣпить все, что угодно. Отрицались представителями многихъ направленій таланты и способности народа и чуть ли не всѣми—способность разумнаго мышленія, а также существованіе у народа знаній и цѣльнаго, на основаніи этихъ знаній, міросозерцанія. На основаніи всего этого была провозглашена, почти единогласно, необходимость опеки надъ народомъ. И только въ послѣдніе годы начало проскальзывать нѣкоторое разномысліе въ воззрѣніяхъ на крестьянство русскаго образованнаго общества. Явились факты и данныя, добытыя путемъ болѣе строгаго, болѣе науч-

наго отношенія къ явленіямъ народной жизни. Эти данныя прояснили многое.

Статистическія и экономическія изслѣдованія многихъ земствъ, труды коммиссій, собиравшихъ свѣдѣнія по кустарнымъ промысламъ, волостнымъ судамъ, этнографическія работы Географическаго Общества, юридической коммиссіи, сельско-хозяйственныя обозрѣнія, предпринимавшіяся членами Вольнаго Экономическаго Общества, изслѣдованія частныхъ лицъ—все это въ совокупности дало совершенно иныя представленія о многихъ явленіяхъ жизни народа, которыя прежде были или совершенно неизвѣстны, или понимались ошибочно. Люди, слѣдившіе за всей этою работой относительно познанія жизни народной, увидѣли тогда одну изъ главнѣйшихъ своихъ ошибокъ, именно смѣшиваніе въ одно цѣлое массы земледѣльческаго населенія съ тѣмъ классомъ обитателей деревни, который отдѣлился отъ него совершенно своими воззрѣніями, цѣлями и даже родомъ занятій. И дѣйствительно, мы увидали тогда, что крестьянство ростовщичествующее, торгующее, фабричное, побывавшее въ военной службѣ, въ службѣ у городскихъ жителей и помѣщиковъ—составляетъ нѣчто совершенно иное по основнымъ принципамъ жизни, нежели все остальное, работающее надъ землею, крестьянство, которое и живетъ по особымъ, намъ чуждымъ, основамъ жизни. Разсѣялся также передъ нами мракъ вопроса о крестьянскомъ самоуправленіи. Мы увидѣли именно, что волостное правленіе есть только фикція самоуправленія, что здѣсь заправляетъ не общество, а всесильная власть низшей полиціи, огражденная отъ всякой возможности обжалованія ея дѣйствій. Что же касается до истиннаго самоуправленія, то оно ушло въ глухую жизнь сельскихъ обществъ, затворенную отъ насъ, спрятанную отъ нашего взгляда, и дѣйствуетъ тамъ, такъ сказать, подпольно.

Вслѣдъ за этимъ мы шагнули еще шагъ въ области изслѣдованія народной жизни и плодомъ этого явились нѣсколько программъ и системъ изслѣдованія самаго главнѣйшаго и основнаго вопроса — *«о сельской поземельной общинѣ»*. Совмѣстная работа двухъ нашихъ старѣйшихъ ученыхъ обществъ—Вольнаго-Экономическаго и Географическаго—сплотила всѣ отдѣльныя попытки къ изученію поземельной общины, и въ результатѣ этого мы имѣемъ теперь передъ собою объемистый томъ *положительныхъ отвѣтовъ* на вопросы систематически-выработанной программы по этому предмету. Отвѣты эти рисуютъ передъ нами

всю разностороннюю жизнь сельской общины, всю ея анатомію и физіологію, все психическое ея содержаніе. Знаніе, истинное знаніе народа, теперь если не совсѣмъ добыто, то мы на прямой дорогѣ къ нему, а слѣдовательно на дорогѣ къ искупленію многихъ грѣховъ противъ народа, или, иначе говоря, такихъ относительно его дѣйствій, послѣдствіями которыхъ были и есть милліоны людскихъ несчастій, истязаній, смертей, раззоренія, голода, холода, надруганіе надъ всѣмъ для народа священнымъ.

Да, гора сваливается съ плечъ, пробужденіе отъ томительнаго кошмара чувствуется по ознакомленіи съ истинною сущностью дѣла, съ дѣйствительными порядками общиннаго землевладѣнія, составляющими содержаніе «Сборника».

«Сборникъ» этотъ составленъ большею частью изъ чисто-объективныхъ отвѣтовъ на вопросы программы. Отвѣты касаются жизни сельскихъ общинъ въ одиннадцати мѣстностяхъ Россіи, различныхъ по географическому положенію, почвѣ и климату. Порядки общиннаго землевладѣнія во всѣхъ этихъ мѣстностяхъ весьма разнообразны. Соприкосновеніе этихъ порядковъ съ различными сторонами жизни не только экономической, но и нравственной—громадное. Нѣтъ, кажется, ни одной сельской земледѣльческой и неземледѣльческой работы и дѣла, нѣтъ ни одного движенія души обитателя селенія, которыя не стояли бы въ тѣсной связи и зависимости отъ основъ и порядковъ общиннаго землевладѣнія. Этими основами такъ все проникнуто, такъ все отъ нихъ зависитъ и въ свою очередь даетъ имъ воплощеніе, жизнь, что ничего здѣсь невозможно отдѣлить другъ отъ друга. Все представляется заколдованнымъ кругомъ, гдѣ нѣтъ ни начала, ни конца, гдѣ все нѣчто единое, одно въ другомъ заключающееся.

И грустную же, право, улыбку вызываютъ, послѣ ознакомленія съ данными «Сборника», тѣ толки объ общинѣ, которые слышатся зачастую въ нашемъ обществѣ,—толки, напримѣръ, о тягости круговой поруки, о вредѣ какой-то тамъ черезполосности, узкополосности, о неурожаяхъ отъ какихъ-то передѣловъ и проч. Представленія, выносимыя изъ этихъ толковъ объ общинномъ землевладѣніи, представляютъ собою чистѣйшій миражъ, а не сущую дѣйствительность,—миражъ, созданный на основаніи кое-какихъ плохо подмѣченныхъ, плохо разслышанныхъ, безсистемныхъ наблюденій прячущейся отъ насъ крестьянской дѣйствительности, дополненныхъ собственными измышле-

ніями на основаніи картинъ и нравовъ непохожей, какъ небо на землю, городской жизни, безъ основательнаго знакомства съ особенностями сельскаго хозяйства въ такой странѣ, какъ Россія, зачастую и безъ совершеннаго понятія о сельско-хозяйственномъ дѣлѣ, и при наивной увѣренности, что оно заключается только въ копаніи земли, а потому очень просто и несложно.

Данныя, наполняющія объемистый томъ «Сборника», касаются почти всѣхъ сторонъ деревенской жизни. Жизнь эта, прибавимъ, далеко не отличается, вопреки существующему мнѣнію, простотою и несложностью. Совершенно напротивъ,—она сложна до крайности. Собственно одна дѣловая жизнь деревенскаго обитателя, земледѣльца по занятію, разностороннѣе жизни любаго городскаго жителя изъ низшаго и средняго слоевъ городскаго населенія. Средней руки чиновникъ, писарь, купецъ, мелочной торговецъ—могутъ отправлять свое дѣло при весьма ограниченныхъ, сравнительно съ земледѣльцами, свѣдѣніяхъ. Масса фактовъ, входящихъ въ составъ ихъ дѣла, очень невелика при сопоставленіи ея съ массою тѣхъ дѣйствій, изъ которыхъ слагается такъ называемое сельское хозяйство. О степени разнообразія этихъ фактовъ, о вытекающей отсюда трудности правильныхъ выводовъ изъ нихъ—и говорить нечего. Взгляните, какъ разнообразны полевая и лѣсная растительность, почва, на которой она развивается,—на сколько измѣняется развитіе этой растительности отъ дѣйствія солнца, облачности неба, туманности или ясности воздуха, отъ дождей, вѣтровъ, отъ сосѣдства другихъ растеній, или присутствія насѣкомыхъ,—на сколько вліяетъ на почву болѣе или менѣе низкое или высокое ея положеніе, наклоненіе даннаго мѣста поля къ разнымъ странамъ свѣта, данное расположеніе лѣсовъ, которые относительно однихъ полей имѣютъ благотворное значеніе, защищаютъ ихъ, напримѣръ, отъ вѣтровъ, а относительно другихъ дѣйствуютъ совершенно противуположно, давая ненужный избытокъ влаги. Взгляните, сколько опять сложности въ дѣлѣ воспитанія и кормленія животныхъ, на которыхъ, какъ на живыхъ существъ, дѣйствуютъ разнообразнѣйшимъ образомъ различная растительность, качество воды, тепло, холодъ, туманъ, дождь, вѣтеръ и проч. Нужно ли купцу и чиновнику знать и принимать въ своемъ дѣлѣ въ соображеніе всѣ эти дѣйствія силъ природы, всю эту ея жизнь? Нужно ли затѣмъ городскому обитателю хлопотать о проведеніи

и исправленіи дорогъ между полями и селами, для проѣзда и прогонки скота, огораживать поля отъ возможности потравъ? Нужно ли ему умѣть владѣть сохой, бороной, косой, серпомъ, молотильнымъ снарядомъ, топоромъ для срубки дерева и починки телѣги, дровней, владѣть шиломъ, иглой для починки сбруи и проч.? Предстоитъ ли при всемъ этомъ надобность умѣть строить избу, ригу, рыть колодезь, дѣлать запруду, отводить воду,— затѣмъ вести болѣе сложное, нежели въ городѣ, хозяйство въ своемъ дворѣ, умѣть запасать на зиму и хранить различные продукты хозяйства,—быть знакомымъ съ дѣломъ сбыта своихъ произведеній и при всемъ этомъ быть членомъ семьи, и, наконецъ, быть не просто обывателемъ селенія, а дѣятельнымъ членомъ общества, т. е. обсуждать и рѣшать тѣ многоразличные вопросы, которые возникаютъ изъ жизни сельско-хозяйственной, общественной, семейной, изъ отношеній деревни къ другимъ сельскимъ обществамъ, къ постороннимъ деревни лицамъ, правительству и вообще государству? Даже послѣднія отношенія у жителя деревни поражаютъ своимъ количествомъ и разнообразіемъ при сравненіи ихъ съ отношеніями городскаго жителя.

Попробуйте перечислить хоть часть лежащихъ на земледѣльцѣ повинностей—и васъ изумитъ ихъ разнообразіе и количество: исправленіе дорогъ, починка мостовъ, содержаніе перевозовъ, поставка подводъ, исполненіе должности разсыльныхъ у разнообразнаго и многочисленнаго начальства, содержаніе карауловъ, препровожденіе арестантовъ, различнаго рода общественная служба, тушеніе лѣсныхъ пожаровъ, истребленіе вредныхъ насѣкомыхъ и животныхъ на чужихъ земляхъ и проч.

Умѣть сдѣлать какое-либо дѣло—значитъ понять и узнать многое, значитъ выработать вмѣстѣ съ этимъ и самый пріемъ для производства дѣла, а это въ свою очередь значитъ усовершенствовать какъ органы тѣла—глазъ, ухо, руки, ноги, такъ и самый мозгъ, который сознательно выбираетъ пріемъ и направляетъ дѣло.

Поэтому вся физическая дѣятельность крестьянина-земледѣльца не влечетъ за собою отупляющихъ послѣдствій собственно потому, что она *многоразлична*,—напротивъ, она является средствомъ развитія физическаго и умственнаго.

Что же касается до тѣхъ знаній, которыя крестьянинъ пріобрѣтаетъ изъ ежедневнаго наблюденія природы, до тѣхъ комбинацій и выводовъ изъ вѣковыхъ наблюденій человѣчества надъ

дѣйствіями силъ природы, которыя каждое поколѣніе преемственно передаетъ послѣдующему, то едва ли нужно говорить о ихъ обширности и разносторонности. Только у насъ въ Россіи большее число образованныхъ людей почти не знаетъ о существованіи цѣлыхъ томовъ сборниковъ, въ которые записаны *далеко еще не всѣ естественно-историческія знанія* крестьянства, формулированныя въ формѣ примѣтъ, предсказаній погоды, пословицъ, присловьевъ и проч. Перелистывая эти сборники, невольно улыбаешься надъ тѣмъ наивнымъ убѣжденіемъ, которое держится въ нашемъ образованномъ обществѣ относительно необходимости учить крестьянина нѣкоторымъ такимъ вещамъ изъ области природы и сельскаго хозяйства, которыя онъ и безъ того знаетъ очень хорошо.

Наконецъ, взявши всю сферу общественной жизни деревни, рѣшающей вопросы по сложнымъ, какъ выше видѣли читатели, сельско-хозяйственнымъ дѣламъ и не менѣе сложнымъ дѣламъ распредѣленія податей, отправленія повинностей, по дѣламъ управленія, суда, благоустройства и проч.,— приходится и здѣсь спросить: такъ ли эта сфера обширна у городскаго жителя, столь же ли она богата разнообразнымъ содержаніемъ, какъ въ деревенской общинѣ. Если вы совершенно незнакомы съ позднѣйшими работами по собиранію юридическихъ обычаевъ у нашего народа, то возьмите и почитайте хотя «Сборникъ пословицъ» Даля,—вы въ немъ одномъ найдете существованіе у крестьянства цѣлыхъ системъ изъ наукъ соціальныхъ, цѣлые своды своихъ собственныхъ законовъ, и всего этого вы напрасно будете искать у городскаго чиновника средней руки, у фабриканта, заводчика, купца, мѣщанина.

Вотъ вся-то эта многоразличная дѣловая жизнь деревни и отражается всѣми своими сторонами въ «Сборникѣ матеріаловъ о сельской поземельной общинѣ». Въ порядкахъ общиннаго землевладѣнія, изложенныхъ въ этой книгѣ, вы найдете тѣ принципы и основанія, по которымъ устраиваются и направляются всѣ главныя отрасли дѣятельности членовъ общества, взрослыхъ и дѣтей, и всѣ проявленія жизни семейной, общественной, нравственной. Отъ главныхъ основъ, управляющихъ общинною жизнію, вы увидите здѣсь зависимыми такія мелкія и крупныя дѣйствія отдѣльныхъ членовъ, которыя, взятыя внѣ общинной жизни, кажутся какъ бы неимѣющими между собой никакой связи. Такимъ образомъ вся *совокупность* различныхъ условій сель-

ской жизни представляется не простою, случайною, совокупностію, но чисто-*органическою*, въ которой все одно съ другимъ тѣсно связано и перевито, одно изъ другаго вытекаетъ, и гдѣ если коснуться одного, то тронется и все остальное.

Вслѣдствіе всего этого, изученіе помѣщенныхъ въ настоящемъ «Сборникѣ» порядковъ общиннаго землевладѣнія представляется крайне любопытнымъ и назидательнымъ; громадная же польза этого изученія, для предпринятія какихъ-либо дѣйствій, относительно народа со стороны администраціи, земствъ и вообще учрежденій и лицъ заинтересованныхъ благомъ народа, безспорна. Въ виду этого, мы разсмотримъ здѣсь нѣкоторые изъ главнѣйшихъ порядковъ общиннаго землевладѣнія, начавъ это дѣло съ передѣловъ полей, о которыхъ въ обществѣ нашемъ ходятъ весьма смутныя понятія, извращающія какъ самый фактъ, такъ и его сельско-хозяйственное и экономическое значеніе.

Приступаемъ къ этому.

Для того, чтобы выяснить себѣ, что такое *передѣлъ полей*, надобно напередъ ясно представить себѣ весь механизмъ дѣла распредѣленія общественныхъ земель. Этотъ механизмъ въ главныхъ своихъ чертахъ заключается въ слѣдующемъ:

Всѣ земли распредѣляются на нѣсколько участковъ, по степени ихъ производительности, по степени близости или отдаленности ихъ отъ усадьбъ и по тому количеству труда, который долженъ быть положенъ на ихъ обработку. Такимъ образомъ въ каждомъ селеніи оказываются иногда участки рядомъ лежащіе, но совершенно различные относительно удобства пользованія ими. Одни изъ нихъ лежатъ низко и подвержены вымочкамъ, другіе—высоко и подвержены засухамъ, третьи слишкомъ стѣснены лѣсомъ, четвертые наклонены на сѣверную или южную стороны, пятые заливаются водою, шестые имѣютъ хорошую почву, седьмые—худую, восьмые находятся подлѣ селенія, девятые—вдали отъ него, десятые—на дорогѣ прогона скота и потому нуждаются въ огораживаніи, одиннадцатые необходимо защищать отъ размыва ручьевъ и проч., и проч.

Удобность для разработки каждаго изъ такихъ участковъ и степень доходности его приводятся въ точную извѣстность обществомъ. А потому мы и видимъ въ каждомъ селеніи землю раздѣленную разъ навсегда на извѣстное число *разнообразныхъ по качеству* участковъ.

Община можетъ пользоваться своими землями при условіи общаго, совмѣстнаго труда надъ землею и раздѣла произведеній труда, или же при условіи воздѣлыванія каждымъ изъ ея членовъ части отведенной ему земли.

Для уравновѣшиванія выгодъ каждаго члена общества при отводѣ ему части общинной земли, онъ получаетъ въ каждомъ изъ участковъ, на которые раздѣлены земли по ихъ *качеству*, равное со всѣми другими общественниками *количество* земли. Вслѣдствіе сего, каждый изъ этихъ участковъ (кóновъ) разрѣзывается на равныя полосы, число которыхъ и соотвѣтствуетъ числу способныхъ къ земледѣлію членовъ общества.

Эта разбивка каждаго участка (кона) на опредѣленное число полосъ и представляетъ собою то, что принято называть *коренным передѣломъ*. Опредѣленіе числа полосъ при коренномъ передѣлѣ производится сообразно числу ревизскихъ душъ, или числу дворовъ, или числу тяголъ. Съ правомъ пользованія землею неразлучно соединена и обязанность отправленія передъ своимъ міромъ и передъ государствомъ повинностей; другими словами, каждый, получающій извѣстную часть земли, становится обязаннымъ нести соотвѣтственную размѣру земли службу міру и государству.

По установленіи такого кореннаго надѣла при ревизіи, или какъ въ большинствѣ общинъ, описанныхъ въ «Сборникѣ», при освобожденіи отъ крѣпостной зависимости, онъ остается уже нерушимымъ впредь до какого-либо важнаго событія въ экономической жизни общины, въ родѣ, напримѣръ, новой ревизіи, которая должна измѣнить количество причитающихся съ общества платежей.

Но между тѣмъ въ общинѣ, съ теченіемъ времени, происходятъ различныя измѣненія въ рабочей и платежной способности составляющихъ ее единицъ—ревизскихъ душъ, дворовъ, тяголъ. Такъ, напримѣръ, дворъ, имѣющій трехъ работниковъ, записанныхъ въ ревизію, владѣющій поэтому въ каждомъ участкѣ тремя полосами и отправляющій повинности съ трехъ душъ, теряетъ впослѣдствіи работника или двухъ, между тѣмъ въ другомъ дворѣ возрастаетъ рабочая, а съ нею и платежная способность. При накопленіи, съ теченіемъ времени, такого несообразнаго съ рабочими силами дворовъ распредѣленія земли, сельско-хозяйственный и экономическій бытъ общества начинаетъ мало-по-малу страдать, а финансовая сторона общинной жизни сильно расша-

тывается, и вотъ именно какимъ образомъ: дворы имѣвшіе при коренцомъ передѣлѣ по три полосы въ каждомъ изъ участковъ (коновъ) теряютъ потомъ часть своей рабочей силы, вслѣдствіе болѣзни, смерти, ухода въ военную службу работниковъ. Такимъ образомъ часть принадлежащихъ этимъ дворамъ земель остается безъ обработки, или дурно обработывается за невозможностью одному работнику справиться съ надѣломъ, отведеннымъ на трехъ. Слѣдствіемъ этого является въ общинѣ уже меньшее количество общаго дохода. Между тѣмъ количество денежныхъ платежей, лежащихъ на общинѣ, остается то же, что и прежде. И такъ какъ здѣсь каждый дворъ платитъ подати сообразно количеству полученной въ пользованіе земли, то естественно, что обезсиленный дворъ не извлекаетъ изъ надѣла все, что можно извлечь, и становится недоимщикомъ. Въ то же время у другихъ дворовъ, получившихъ при коренномъ передѣлѣ меньшее количество земли, сообразно ихъ рабочей силѣ, она увеличилась вслѣдствіе подрастанія молодаго поколѣнія и не имѣетъ должнаго приложенія.

И вотъ, для возстановленія равновѣсія между рабочею силой дворовъ и количествомъ находящейся въ ихъ распоряженіи земли, предпринимается въ обществѣ время отъ времени, смотря по надобности, *передѣлъ*, но *не коренной*, а такой, при которомъ ни межи, разграничивающія участки, ни число полосъ, на которыя участки раздѣлены при коренномъ передѣлѣ, не измѣняются, а происходитъ только разверстаніе между дворами полосъ—такимъ образомъ, чтобы вновь достигнуть нарушеннаго равновѣсія въ соотвѣтствіи числа полосъ съ числомъ работниковъ. Этого рода передѣлъ называется технически на народномъ языкѣ *жеребьевкой*, потому что производится большею частью по жеребью.

Жеребьевка, какъ упомянуто выше, дѣлается обыкновенно черезъ нѣсколько лѣтъ, но между тѣмъ измѣненія въ составѣ крестьянскихъ семей случаются ежегодно; кромѣ того, рабочая способность нѣкоторыхъ дворовъ падаетъ иногда весьма быстро, вслѣдствіе пожара, падежа скота и проч.

Такимъ образомъ почти ежегодно кто-либо изъ хозяевъ дворовъ вынужденъ передавать часть своей земли, а съ нею и платежъ части податей, болѣе счастливому двору. Такой переходъ полосъ изъ рукъ въ руки имѣетъ своимъ послѣдствіемъ сосредоточеніе въ чьихъ-либо рукахъ полосъ, расположенныхъ въ разныхъ мѣстахъ каждаго участка, чрезъ что затрудняется, конечно, и самая обработка полосъ, является, однимъ словомъ, усиленіе

черезполосности. И вотъ, для противодѣйствія этому, существуетъ *третій* видъ передѣла, тоже не имѣющій ничего общаго съ коренным передѣломъ, называемый технически *переверсткой* и заключающійся въ томъ, что нѣсколько хозяевъ, ставшихъ въ положеніе черезполосныхъ владѣльцевъ, устраиваютъ дѣло такъ, что каждый изъ нихъ получаетъ полосы въ мѣстахъ болѣе сподручныхъ ему для хозяйства на нихъ. Если это дѣло переверсткой устроиться не можетъ и если число хозяевъ страдающихъ отъ черезполосицы достигнетъ большихъ размѣровъ, тогда наступаетъ надобность въ производствѣ *жеребьевки*.

Вотъ и весь *механизмъ передѣловъ*. Изъ него видно, что пока крестьянская община живетъ при настоящихъ условіяхъ, передѣлы должны существовать какъ нѣчто необходимое для того, во-первыхъ, чтобы въ числѣ общественныхъ земель не оказывалось заброшенныхъ участковъ, такъ-называемыхъ *залужалыхъ полосъ*, заросшихъ травою, кустарникомъ, или же плохо обработанныхъ, истощенныхъ земель, разработать которыя впослѣдствіи чрезвычайно трудно и почти немыслимо безъ затраты большаго труда и значительныхъ расходовъ; во-вторыхъ, чтобъ общій приходъ общины, или количество производимыхъ ею продуктовъ не уменьшалось; въ-третьихъ, чтобы не увеличивались на ней недоимки. Для достиженія всего этого, община старается: 1) размѣстить земли во владѣніе возможно большаго числа членовъ общества, 2) распредѣлить болѣе равномѣрно земли между всѣми общественниками, 3) привести размѣръ владѣнія въ соотвѣтствіе съ рабочею способностью каждаго члена, 4) уничтожить разныя помѣхи успѣшному хозяйству, какъ, напримѣръ, черезполосицу. И всего этого община достигаетъ посредствомъ жеребьевокъ и переверстокъ.

Различныя условія географическія и экономическія, въ которыхъ находятся различныя сельскія общества, влекутъ вездѣ различныя измѣненія и своеобразности въ дѣлѣ распредѣленія земель. Такъ, въ Заозерской общинѣ Крестецкаго уѣзда, Новгородской губерніи, крайнее разнообразіе земли заставляетъ хозяйничать по двумъ системамъ: трехпольной на хорошихъ земляхъ и ляддинной (подсѣчной, огнепольной) на плохихъ. Въ этой общинѣ каждое поле раздѣлено на четыре жеребья. Всѣ же наличные хозяева распредѣлены на четыре группы, изъ которыхъ каждая получаетъ въ надѣлъ одинъ изъ жеребьевъ въ каждомъ полѣ и дѣлитъ между составляющими ее членами свои жеребьи на по-

лосы. Жеребьи распредѣлены такъ, что сумма производительности всѣхъ жеребьевъ, владѣемыхъ одной какою-либо группой хозяевъ, равна суммѣ производительности жеребьевъ другихъ группъ. Распредѣленіе домохозяевъ по группамъ производится не по взаимному согласію и не по порядку дворовъ. Хотя меньшинство здѣсь и предлагало стать въ жеребья (группы) *съ люба*, но большинство отказалось и потребовало назначенія по жребію, на томъ основаніи, чтобы не попали въ одну группу лучшіе домохозяева, а въ другую—бѣдняки или же одни (что особенно замѣчательно) *безпокойные*.

Порядокъ передѣловъ въ Заозерской общинѣ ляднинъ и болотъ совершенно иной: каждый годъ отыскивается удобное для расчистки лѣса подъ пашню мѣсто, на которомъ могли бы умѣститься всѣ четыре группы хозяевъ. По отысканіи, это мѣсто раздѣляется по жребію на четыре части, которыя и разверстываются, тоже по жребію, между четырьмя группами домохозяевъ. Затѣмъ каждая группа дѣлитъ свой участокъ на полосы. Каждый домохозяинъ вырубаетъ лѣсъ на своемъ участкѣ, сожигаетъ сучья и вѣтви и, распахавъ землю, пользуется ею нѣсколько лѣтъ и затѣмъ оставляетъ подъ траву. Лядина-*пашня* съ этого времени получаетъ названіе *нивы* или «временнаго сѣнокоса» и уже переходитъ въ распоряженіе міра, который при передѣлѣ всѣхъ своихъ сѣнокосовъ распредѣляетъ ее по правиламъ особо установленнымъ собственно для передѣловъ сѣнокосныхъ мѣстъ.

Причину или лучше сказать *разумъ* нѣкоторыхъ существующихъ порядковъ передѣловъ иногда бываетъ весьма трудно объяснить. Навести крестьянина на это объясненіе тоже весьма трудно, по причинамъ, которыя приведены нами выше. Но иногда это объясненіе удается добыть при обращеніи къ прошлой жизни деревень. Такъ, въ Блазновской общинѣ, Осташковскаго уѣзда, полосы домохозяевъ въ разныхъ участкахъ одного и того же поля слѣдуютъ въ одномъ и томъ же *неизмѣнномъ* порядкѣ; кромѣ того въ разныхъ поляхъ коновой порядокъ разный, такъ что если въ полѣ № 1 первая полоса (коновая) принадлежитъ Петрову, вторая — Никитину и т. д., то для поля № 2 идетъ уже другой порядокъ, и т. д.

Въ прежнее время, какъ замѣчаетъ П. В. Бауеръ, изслѣдователь Блазновской общины, когда въ деревнѣ было еще мало дворовъ, то каждому изъ нихъ хотѣлось пользоваться удобствомъ коновой и изводной (первой или послѣдней) полосъ,—удобствомъ,

состоящимъ въ большемъ ихъ постоянствѣ. Кто былъ коноводъ въ одномъ полѣ, тотъ долженъ былъ отдать другому это право въ другомъ полѣ. Владѣніе коновою и изводною (называется также она «залежною») полосами выгодно еще въ томъ отношеніи, что при «переверсткѣ» эти полосы всегда остаются не тронутыми, въ рукахъ прежнихъ владѣльцевъ. Вообще въ Блазновской общинѣ механизмъ распредѣленія земель настолько, можно сказать, совершененъ, что хотя и производится здѣсь постоянно, почти каждый годъ, переверстка, но измѣненіе полосъ является очень незначительнымъ, такъ что отдѣльные домохозяева мѣняютъ не всю полосу (въ каждомъ кону), а только часть ея; иные же совершенно остаются при прежнихъ своихъ полосахъ.

На страницѣ 243 изслѣдователь Заозерской общины помѣстилъ рисунокъ, изображающій полосы 6-ти домохозяевъ въ одномъ кону въ два послѣдовательные года. Изъ этого рисунка видно, что снятіе части земли съ однихъ домохозяевъ и прибавка ея другимъ имѣли своимъ послѣдствіемъ передвиженіе изъ однѣхъ рукъ въ другія весьма незначительнаго пространства владѣній каждаго домохозяина, между тѣмъ какъ къ прошлогоднимъ участкамъ новой земли (земли отъ другихъ участковъ) перешло около трети всей числившейся земли въ кону.

Разумъ этой системы еще яснѣе выступаетъ изъ отвѣта крестьянъ относительно того: «нарушается ли справедливость и выгода отъ того, что часть земли, удобренной однимъ хозяиномъ, переходитъ иногда при переверсткѣ къ неимѣющему скота — и не удерживаетъ ли это обстоятельство зажиточнаго хозяина отъ унавоживанія своихъ полосъ?» — Отвѣтъ этотъ таковъ: «Богъ дастъ, сберу хорошій урожай, а тамъ пусть пользуется другой, который не сдюжаетъ удобрить съ-мое. Падетъ у него скотина и онъ останется безъ навозу или накопитъ мало, *ему и въ помощь, что прежде владѣлъ посильнѣе дворъ его полосою; онъ и оправится помаленьку, и купитъ животинку*» (стр. 244). Запомните эту фразу: «оправится и купитъ животинку», и, перевернувъ страницу, читайте въ главѣ о «пастбищахъ» слѣдующее: «число скота (на пастбищѣ) для каждаго двора не ограничено и *міръ даже радъ, когда больше скотины, видя въ этомъ залогъ лучшаго удобренія полосъ*». Такимъ образомъ богатые члены міра желаютъ и имѣютъ выгоду желать, чтобы пострадавшіе, раззорившіеся отъ несчастія, бѣдняки поправлялись и заводили скотъ, т. е. могли навозить свои полосы, такъ

какъ эти полосы могутъ и имъ достаться, а бѣдные въ свою очередь имѣютъ полное основаніе желать, чтобы число скота увеличивалось и у зажиточныхъ. «*Все нѣтъ-нѣтъ, да и мнѣ перепадетъ лучше удобренная полоса*», говоритъ малосильный домохозяинъ (стр. 246).

Нужны ли коментаріи, чтобы понять здѣсь трезвый политико-экономическій взглядъ крестьянства, совпадающій съ нравственными человѣческими обязанностями? Нужны ли поясненія, чтобъ уразумѣть здѣсь такое образцовое практическое устройство быта, которое предупреждаетъ даже поводы къ зависти, ненависти, къ возможнаго рода неблагоустройству общественной жизни, поводы къ тѣмъ многочисленнымъ преступленіямъ и проступкамъ, которые имѣютъ мѣсто въ городскомъ быту, вслѣдствіе построенія въ немъ жизни на началѣ соперничества, наживы одного на счетъ другаго?

Такимъ образомъ здѣсь передѣлъ полосъ представляется такою частью сложнаго механизма общиннаго землевладѣнія, безъ которой ему въ настоящее время трудно было бы сладить съ различными условіями жизни. Такъ, напримѣръ, еслибы міръ не былъ крайне внимателенъ къ распредѣленію земли сообразно наличной платежной и рабочей силы дворовъ, то на Блазновской общинѣ, владѣющей землею плохаго качества, и при этомъ высоко обложенною, накопилась бы неоплатная податная недоимка, тогда какъ теперь она, сравнительно, весьма незначительна.

Тамъ, гдѣ, вслѣдствіе давленія кулаковъ, покровительствуемыхъ стоящею около крестьянства низшею администраціей, дѣла общины расшатаны,—тамъ вредъ отъ невозможности правильнаго распредѣленія земли, сообразно рабочей и платежной силѣ дворовъ, выступаетъ весьма ярко и вполнѣ ясно сознается крестьянствомъ.

Мало этого, тамъ получаетъ пищу мечта о чемъ-то подобномъ «*черному передѣлу*», или о надѣленіи при новой ревизіи всѣхъ безземельныхъ землею. Оно и дѣйствительно такъ должно быть: лишенная возможности распоряжаться своими землями, сообразно своимъ дѣйствительнымъ выгодамъ, масса крестьянства, бѣднѣя отъ этого и даже обезземеливаясь de facto, ищетъ выхода изъ тяжелаго положенія и, за неимѣніемъ реальнаго, обрѣтаетъ его въ надеждѣ на измѣненіе порядковъ въ будущемъ.

Такъ, въ деревнѣ Безсоновѣ, Ундоровской волости (Симбирской губерніи), когда начали накопляться недоимки за дворами, у которыхъ были убылыя души, то большинство крестьянъ по-

требовало сокращенія сроковъ передѣловъ; но тѣ крестьяне, кои принадлежатъ къ разряду воздѣлывающихъ землю не совсѣмъ-то собственными руками, а между прочимъ при посредствѣ *найма рабочихъ*, воспротивились этому.

Вліяніе міроѣдовъ, по словамъ изслѣдователя Ундоровской общины, г. Красовскаго, дѣлается крайне гибельно при существованіи *долгосрочныхъ* передѣловъ—именно потому, что дворъ, имѣвшій надѣлъ, напримѣръ, на четыре души и потерявшій впослѣдствіи двухъ-трехъ работниковъ, становится въ невозможность обработать всю землю и сдаетъ ее въ аренду міроѣду, конечно, за ничтожную плату, потому что міроѣдъ, видя нужду обѣднѣвшаго двора, много не дастъ. И дворъ этотъ, какъ замѣчаетъ г. Красовскій, *будетъ платить больше повинностей за землю, чѣмъ получать съ нея дохода*. Послѣдствіемъ этого явятся недоимки, что дастъ возможность усилить эксплуатацію бѣдныхъ богатыми и явится въ концѣ концовъ полнѣйшее раззореніе — обезземеленіе de facto. И вотъ въ этой Ундоровской волости, въ которой производилъ свои изслѣдованія г. Красовскій, мы и встрѣчаемся съ существованіемъ у крестьянъ ярко выраженнаго убѣжденія, *что при новой ревизіи прибылымъ душамъ земля нарѣжется отъ казны*.

Въ другихъ общинахъ, гдѣ положеніе дѣлъ иное, не походящее на положеніе дѣлъ въ Ундоровской, но и не столь благопріятное для устройства общинныхъ порядковъ, какъ, напримѣръ, въ Блазновской, о которой мы говорили выше, — тамъ, смотря по различнымъ мѣстнымъ условіямъ, можно встрѣтить весьма различныя комбинаціи относительно дѣла распредѣленія земель. Такъ, напримѣръ, во многихъ селеніяхъ Симбирскаго, Корсунскаго, Сенгилеевскаго уѣздовъ мы видимъ то существованіе приговоровъ о передѣлѣ земель на извѣстные сроки отъ 3 до 10 лѣтъ, — то передѣлы черезъ три года съ тѣмъ, чтобы всѣ дворы вывозили навозъ на пашню безъ остатка, подъ опасеніемъ получить за неисполненіе этого самую худую землю безъ жеребья (эта угроза, впрочемъ, не распространяется только на самыхъ бѣдныхъ крестьянъ, не имѣющихъ своего навоза), — то выдѣленіе изъ разряда передѣляемыхъ части земель унавоживаемыхъ.

Все это приводитъ къ заключенію, что различные виды передѣловъ и сроки, въ которыхъ они совершаются, имѣютъ за собою весьма разумное основаніе, — что въ однѣхъ мѣстностяхъ

является необходимость въ установленіи одного рода передѣловъ, въ другихъ иного,—что, слѣдовательно, нельзя рѣшать издали, лицу постороннему общинѣ, не посвященному во всѣ ея внутренніе порядки,—лицу, отъ котораго непремѣнно должны ускользать множество самыхъ тонкихъ условій, управляющихъ экономическою жизнію деревни, — нельзя брать на себя руководительства въ этомъ дѣлѣ, нельзя регламентировать порядки передѣловъ, или даже *вести какую-либо пропаганду по этому предмету*, какъ это дѣлаютъ многіе весьма замѣтные наши публицисты. Каждый изъ насъ, то-есть изъ лицъ образованнаго русскаго общества, какимъ бы разностороннимъ и высокимъ образованіемъ онъ ни обладалъ,—все-таки менѣе мужика знаетъ условія деревенской сельскохозяйственной и экономической жизни, о чемъ мы подробно и говорили въ началѣ статьи; на основаніи этихъ условій крестьянинъ правильнѣе насъ рѣшитъ, нуженъ ли передѣлъ и чрезъ какіе именно сроки.

Всѣ вышеприведенныя данныя говорятъ за то, что крестьянство и *находитъ необходимымъ передѣлы, и не дѣлаетъ ихъ зря, безъ нужды и необходимости*. Если не предстоитъ въ нихъ надобности, то оно умѣетъ избѣгать ихъ и даже *предупреждать ихъ необходимость въ будущемъ*. Такъ, изслѣдователемъ Заозерской общины (Крестецкаго уѣзда), г. Малинкинымъ, сообщается слѣдующій фактъ по этому предмету: приготовляясь къ дѣлу передѣловъ, каждый домохозяинъ ставитъ себѣ на разрѣшеніе вопросъ: *сколько ему потребовать себѣ земли*. Для рѣшенія этого вопроса, у домохозяина, имѣющаго жену и трехъ несовершеннолѣтнихъ сыновей, являются слѣдующія соображенія: если взять на три души поля, слѣдовательно столько же сѣнокоса, огорода, лядинъ и проч., то вначалѣ, года два-три, будетъ хотя трудно, но все-таки возможно управляться вдвоемъ съ женой; дальше будетъ легче, — подрастетъ сынъ. Затѣмъ впослѣдствіи старшаго сына придется отдать въ солдаты, но тутъ второй уже будетъ помощникомъ. Слѣдовательно, при взятіи земли на три души, не предвидится впослѣдствіи времени необходимости ни «скидывать», ни просить прибавки, да и не «навалятъ», потому что въ дворѣ будетъ постоянно только два работника.

Такимъ образомъ нашъ пресловутый *невѣжда* оказывается, вопреки нашимъ мнѣніямъ, крайне предусмотрительнымъ *не на единый годъ*, а *на цѣлые десятки лѣтъ*, *умницей*, взвѣши-

вающимъ такого рода условія, которыя намъ и въ голову бы никогда не пришли,—намъ, громящимъ въ продолженіе 20 лѣтъ общину и предлагающимъ установленіе долгихъ сроковъ передѣловъ.

Итакъ, крестьянство умѣетъ и предупреждать частые передѣлы. *Но было ли бы хорошо, еслибъ оно не умѣло или не могло ускорить передѣла*, вызвать его въ данное время въ случаѣ надобности,—напримѣръ, въ томъ случаѣ, когда бы война, болѣзнь, смерть и проч. убавили вдругъ въ большой семьѣ рабочія силы?—Отвѣтъ на этотъ вопросъ заключается въ сдѣланномъ уже выше выводѣ о томъ, что передѣлъ совершается для того, чтобы *привести въ соотвѣтствіе рабочую и платежную силы двора съ количествомъ владѣемой земли*, и что послѣдствіемъ этого несоотвѣтствія является меньшее количество произведеній земли, запустѣніе ея, требующее впослѣдствіи для новаго ея владѣльца затраты лишняго труда и капитала на разработку,—разстройство денежныхъ дѣлъ общины, недоимки на ней, недостатокъ денегъ въ государственномъ казначействѣ,—увеличеніе количества крестьянъ, отстающихъ отъ земледѣлія, наплывъ ихъ въ города, гдѣ послѣдствіе этого наплыва — низкая заработная плата, а отсюда бѣдность и голодность, порождающія массу преступленій и *вызывающія государство на увеличеніе расходовъ на полицію, судъ, тюрьмы* и проч., и проч., чему нѣсть числа...

Во всякой жизни частной и общественной важна привычка къ какому-либо дѣлу. Какъ въ частной семьѣ трудно бываетъ мѣнять данный складъ жизни, заведенный порядокъ, распредѣленіе занятій каждаго члена семьи, что бываетъ необходимо въ томъ случаѣ, когда приходится подчиняться какому-либо нововведенію, такъ это въ особенности является трудно исполнимымъ въ жизни цѣлаго общества. Въ силу этого всякая рутина не скоро уничтожается даже въ самомъ образованномъ обществѣ. Поразительные примѣры этому можно видѣть, напримѣръ, въ дѣлѣ измѣненія порядковъ обыденной нашей городской жизни, вслѣдствіе требованія какихъ-либо новѣйшихъ открытій въ области гигіены. Въ новой научной истинѣ здѣсь зачастую убѣждаются всѣ, но долго не можетъ никто поступать согласно съ нею. Разсказываютъ про одного профессора, который, читая въ университетской аудиторіи убѣдительнѣйшую лекцію о необходимости и безвред-

ности держать открытыми форточки въ мѣстахъ скопленія народа, вдругъ, обратившись въ сторону, произнесъ: «заприте форточку», движеніе воздуха изъ которой не замѣчалъ никто изъ сидѣвшихъ къ ней близко, а самъ профессоръ только издали видѣлъ форточку открытою. Однимъ словомъ, сила рутины есть такая сила, противъ которой безсильно бываетъ иногда и постороннее вліяніе, внѣшняя власть; а выйти изъ нея какому-либо обществу собственнымъ починомъ, самодѣятельностью, безъ помощи разразившагося вдругъ надъ его головой грома—дѣло чрезвычайно трудное, почти невозможное. Нужно при этомъ имѣть въ виду, что въ обществѣ, какъ въ живомъ организмѣ, существуетъ тѣсная, часто невидимая, связь между различными сторонами его жизни и что вслѣдствіе этого измѣненіе одной какойлибо изъ этихъ сторонъ отражается извѣстнымъ потрясеніемъ и на другія, а потому всегда почти случается такъ, что желательное нововведеніе съ одной стороны оказывается нежелательнымъ съ другой, или, говоря иначе, что-либо новое, полезное для всѣхъ является невыгоднымъ для нѣкоторыхъ и гибельнымъ для какой-либо части общества. Вслѣдствіе этого всякое нововведеніе всегда будетъ сопровождаться извѣстнымъ противодѣйствіемъ. Такимъ образомъ привычка всѣхъ и выгода нѣкоторыхъ постоянно будутъ мѣшать измѣненію даннаго порядка жизни. И вотъ, въ силу-то этого, во всѣхъ тѣхъ государствахъ Европы, гдѣ существуетъ частное землевладѣніе, а также въ тѣхъ мѣстностяхъ Россіи, гдѣ мы встрѣчаемся съ такъ-называемымъ подворнымъ владѣніемъ,—будь это у однодворцевъ, или у польской шляхты,—вездѣ мы видимъ, что всѣ мелкія землевладѣнія страдаютъ отъ чрезмѣрной черезполосицы и между тѣмъ ничего не могутъ предпринять не только къ уничтоженію, но хотя бы къ ея ослабленію *). Кажется, исправить здѣсь зло очень просто: стóитъ сговориться на обмѣнъ, на разверстаніе и—дѣлу конецъ. Но, нѣтъ, нѣкоторая закоснѣлость въ данныхъ неподвижныхъ формахъ, привычка многихъ владѣльцевъ къ данному мѣсту, данному клочку земли, новость дѣла, раздумье, какъ приступить къ нему — тормозятъ здѣсь всѣ начинанія, а нежеланіе трехъ-четырехъ землевладѣльцевъ, мало терпящихъ отъ черезполосицы, безпокоить себя для блага другихъ— помогаетъ неподвижности дѣла.

*) За многочисленными примѣрами этого отсылаемъ читателей къ труду профессора Постникова—„Общинное землевладѣніе“, вып. II.

Совсѣмъ иное представляется намъ относительно борьбы съ черезполосностію и узкополосицей въ селеніяхъ съ общиннымъ землевладѣніемъ. Здѣсь существуетъ привычка къ дѣлу распредѣленія земель; выработаны для этого и постоянно практикуются самыя подробныя правила; поступленіе по этимъ правиламъ и соблюденіе ихъ здѣсь представляется не насиліемъ, а дѣломъ обыкновеннымъ, слѣдованіемъ привычкѣ, обычнымъ обиходомъ мѣстной жизни, во всѣхъ своихъ частяхъ не противорѣчащимъ другимъ сторонамъ этой жизни, а наоборотъ—вытекающимъ изъ нея. Коренной передѣлъ, жеребьевка, переверстка—всѣ они созданы, какъ выше мы видѣли, для того, чтобы каждому удобнѣе было прилагать свой трудъ къ общинной землѣ. Два же послѣдніе рода передѣловъ играютъ весьма значительную роль, между прочимъ, и въ дѣлѣ уничтоженія черезполосицы. Но ежели гдѣ-либо почему-либо жеребьевка или переверстка не могли состояться въ данномъ году или, состоявшись, остались безслѣдны для многихъ или нѣскольκихъ дворовъ, или та и другая уже не могутъ поправить дѣла по разнымъ мѣстнымъ условіямъ, то здѣсь являются на выручку другія, воспитанныя общинною жизнію, *вѣковыя привычки* и дѣло разрѣшается весьма удачно, безъ особыхъ хлопотъ или тѣмъ, что *сосѣди обмѣниваются* между собою полосами, или, *соединясь въ артели*, обработываютъ свои смежныя полосы сообща и дѣлятся затѣмъ урожаемъ, или вмѣсто двухъ, напримѣръ, полосъ въ двухъ сосѣднихъ участкахъ поля (конахъ) *берутъ по одной* въ одномъ участкѣ. Иногда же два сосѣда, соединивъ въ одинъ участокъ принадлежащія имъ полосы, дѣлятъ его потомъ на *двѣ половины въ ширину*; если же одинъ изъ нихъ имѣетъ, напримѣръ, двѣ полосы, а другой три, то участокъ дѣлится въ ширину не на равныя части, а въ пропорціи 2 : 3 (стр. 161, 199, 349 и 362). Вообще *геній общины подсказываетъ* здѣсь, что надобно совершить. Бываютъ иногда самыя безвыходныя положенія, которыя ставятъ на разрѣшеніе, кажется, самые неразрѣшимые вопросы; но смотришь—выходъ является, вопросъ разрѣшенъ и совершается въ крестьянскомъ мірѣ нѣчто такое, примѣра чему *не встрѣтишь въ средѣ нашихъ* подворныхъ владѣльцевъ и въ практикѣ западно-европейскихъ народовъ. Такъ, напримѣръ, крестьяне одной общины въ Симбирской губерніи, для полученія (при трехпольномъ хозяйствѣ) болѣе широкихъ полосъ, придумали поступить такъ: *раз-*

бивъ свою пахотную землю вмѣсто трехъ на два поля, они сняли *третье у сосѣдняго помѣщика* (стр. 362).

Ведя рѣчь о передѣлахъ, нельзя не обратить вниманія на изложенныя въ «Сборникѣ» описанія самаго производства передѣловъ. Къ сожалѣнію, не всѣ изслѣдователи одиннадцати общинъ подробно изложили самый процессъ передѣловъ, такъ что на ряду съ нѣсколькими, болѣе или менѣе подробными, описаніями попадаются менѣе обстоятельныя; но однако вся совокупность этихъ описаній производитъ на читателя изумляющее, если можно такъ выразиться, впечатлѣніе. Вамъ не вѣрится, чтобъ это столь сложное, столь затрогивающее частные интересы дѣло могло совершаться такъ стройно, такъ справедливо, толпою изъ нѣсколькихъ сотенъ человѣкъ. Причемъ, къ большему своему удивленію, вы видите, что каждый членъ этой толпы дѣйствуетъ здѣсь не какъ нѣчто стадное, подчиняющееся коноводу, но каждый шагъ его сознателенъ,—онъ знаетъ, что дѣлаетъ, а дѣлаетъ онъ или отстаивая свой интересъ, или рѣшая вопросъ въ интересахъ другаго и всѣхъ остальныхъ. При рѣчи о вліяніи міроѣдовъ, кулаковъ, писарей на дѣла общины, чуть ли не всѣ изслѣдователи заявляютъ, что въ совершеніи дѣла распредѣленія и раздѣла земли — безсильны названныя сильныя личности и крестьяне дѣйствуютъ здѣсь вполнѣ самостоятельно. Нѣкоторыя общины, производя передѣлы и нарѣзки полосъ, выбираютъ изъ среды своей особыхъ мѣрщиковъ, дѣлильщиковъ и проч.; но это дѣлается, во-первыхъ, подъ контролемъ всѣхъ и каждаго и, во-вторыхъ, для того, чтобы не затруднять иногда большинство общества, и прилагается это тамъ, гдѣ впередъ извѣстно, что споровъ не будетъ и, вообще говоря, все совершаемое выборными всегда доподлинно и точно извѣстно всему обществу, какъ будто бы и производится всѣми и каждымъ самостоятельно.

Извѣстный корреспондентъ *Daily News*, Макъ-Гаханъ, внесъ въ свой дневникъ, веденный во время хивинскаго похода, одну знаменательную замѣтку относительно свойствъ *русскихъ* солдатъ. Во время экспедиціи генерала Головачева въ земли текинцевъ, послѣдніе,—говоритъ Макъ-Гаханъ,—сдѣлали неожиданное нападеніе на одинъ изъ фланговъ русскаго отряда именно въ то самое время, когда офицеры и всѣ вообще начальники были на другомъ флангѣ. Что же совершилось въ русскомъ отрядѣ? Солдаты,—пишетъ Макъ-Гаханъ,—*построились для битвы сами*

собою. Сдѣлать это, по нашему мнѣнію, могла только такая толпа, въ которой каждый человѣкъ управляется своимъ собственнымъ разумомъ, умѣя вмѣстѣ съ тѣмъ дѣйствовать стройно и *сообща*. Въ другихъ арміяхъ бывалый, зоркій наблюдатель Макъ-Гаханъ не замѣтилъ ничего подобнаго, несмотря на то, что солдатъ каждой европейской арміи проходитъ не менѣе строгую военную школу, какъ и у насъ. Слѣдовательно, начало этой особенности нельзя приписать собственно строевому обученію. Совершенно напротивъ,—мы знаемъ, что тамъ, гдѣ изъ данной военной машины вынимается одна какая-либо составная часть, эта машина перестаетъ дѣйствовать. Кромѣ того, мы знаемъ, что существуетъ на свѣтѣ еще одинъ, принадлежащій исключительно одной національности, особый разрядъ войска, которое само собою управляло и теперь *силится само управляться*, почти само собою учится военному дѣлу и, выходя на войну, представляетъ въ каждомъ единичномъ воинѣ личность способную дѣйствовать вполнѣ самостоятельно, безъ чьего-либо руководства; это войско—произведеніе русскаго общиннаго быта—*казаки*.

Еще одно свойство русскихъ солдатъ, тѣсно вяжущееся съ вышеизложеннымъ, замѣчено Макъ-Гахапомъ и, по его словамъ, отличаетъ ихъ отъ солдатъ другихъ націй — это *незнаніе паники*. Свойство это, по нашему мнѣнію, можетъ быть опять только въ той толпѣ, гдѣ каждый самъ по себѣ силенъ разсудочною способностью и волею и *умѣетъ почерпать силу и поддержку себѣ изъ дѣйствія сообща*.

Съ такимъ предисловіемъ мы рѣшаемся привести изъ «Сборника» описаніе передѣла въ одной изъ общинъ, потому что ожидаемъ встрѣтить такихъ читателей, которые не въ состояніи будутъ повѣрить тому, что дѣло дѣйствительно совершается на практикѣ у крестьянъ такъ, какъ оно изложено въ «Сборникѣ». Недавно намъ пришлось услыхать отъ образованнѣйшихъ музыкантовъ, с.-петербургскихъ консерватористовъ, сомнѣніе въ томъ, что г. Мельгуновъ не съ голосу крестьянъ записалъ, а самъ сочинилъ хоры къ мотивамъ пѣсенъ, напечатанные въ его «Сборникѣ пѣсенъ». Этимъ господамъ казалось невѣроятнымъ, чтобы мужики могли исполнять столь сложные, построенные фугами, хоры. Русское образованное общество, въ большинствѣ мало свѣдующее во всемъ, что касается народа, плохо вѣритъ въ его способность къ самоуправленію. Слыша время отъ времени о безпорядкахъ и неурядицахъ въ этомъ самоуправленіи, оно объясня-

етъ это не тѣмъ, чѣмъ бы слѣдовало, т. е. насилованіемъ самоуправленія извнѣ, со стороны кулачества, писарьства, урядничества и т. д., а неспособностію народа къ пониманію общественныхъ интересовъ и неумѣньемъ вести порядочно свои дѣла. Между тѣмъ вотъ одинъ изъ многихъ образчиковъ того, насколько предоставленные только себѣ и себѣ, безъ вмѣшательства опекуна какого бы то ни было названія, крестьяне умѣютъ управляться съ дѣломъ труднымъ, сложнымъ, затрогивающимъ самые жизненные интересы каждаго изъ дѣйствующихъ въ актѣ лицъ.

Рѣчь о необходимости передѣла въ Заозерской сельской общинѣ (Крестецкаго уѣзда, Новгородской губерніи) была поднята въ январѣ 1870 г. Необходимость передѣла вызывалась двумя обстоятельствами: 1) припискою къ обществу 10-ти новыхъ членовъ и 2) прибавкой къ землямъ общины 1.426 десятинъ (стр. 259 и 262).

Приводимъ дальше описаніе передѣла *пахотныхъ полей* — въ томъ видѣ, какъ оно сдѣлано г. Михаленко, изслѣдователемъ Заозерской общины, дозволивъ себѣ сдѣлать только нѣкоторые, несущественные, выпуски изъ его описанія:

Когда собрался сходъ, староста сосчиталъ, сколько кто беретъ душъ, и оказалось всего 92 души; еслибы было не 92, а 93, то прибавили бы 3, чтобы вышло 96, дѣлящееся на 4. Затѣмъ приступили къ вынутію жеребьевъ. Первый вынувшій жеребій говоритъ, сколько у него душъ, беретъ свой жеребій и отходитъ въ сторону. Такимъ порядкомъ продолжается дѣло, пока, положимъ, не наберется 18 душъ, потомъ предлагаютъ пятидушникамъ, не хочетъ ли кто присоединиться. Если пятидушниковъ нѣтъ, вынимаютъ жеребій, выходитъ жеребій на 4½ д.,—значитъ уже 22½ души; а полудушниковъ нѣтъ, кладется жеребій обратно. Если затѣмъ выпалъ жеребій двудушника, то получается 20 душъ; спрашиваютъ, кто изъ тредушниковъ идетъ „съ люба", — оказалось 7 желающихъ. „Тряси жеребій, кому идти". Всѣ жеребьи изъ чашки высыпаютъ и кладутъ только 7, которые встряхиваются. Затѣмъ каждый изъ желающихъ беретъ по жеребью, замѣчаетъ доставшійся ему значокъ и обратно кладетъ въ чашку; трясутъ—и первый выскочившій жеребій отходитъ для пополненія составляемаго жеребья до 23 душъ. Еслибы никто изъ тредушниковъ не пожелалъ идти добровольно, то трясли бы жеребій указаннымъ порядкомъ между ними всѣми. Итакъ, одна группа готова. Такъ же составляется 2-я, 3-я, а оставшіеся домохозяева входятъ въ составъ 4-й.

Когда жеребьи составлены, міръ сговаривается, „съ какого мѣста на какую полосу скакать". Здѣсь слово полоса употреблено въ смыслѣ жеребьевой полосы. Порѣшили скакать въ Озеркахъ на крайнюю полосу и «попогонно», т. е. на крайнюю жеребьевую полосу.

Раздѣлились на 4 части. Изъ каждой группы выходитъ по одному человѣку, всѣхъ четверо; кладутъ свои жеребьи въ чашку (до сихъ поръ они оставались въ рукахъ); жеребьи предварительно осматриваются, не ободрана ли на нихъ кора, вообще не нарушено ли равенство вѣса, и затѣмъ трясутъ, въ этомъ случаѣ говорится—„скачутъ" на извѣстную полосу. Первый выскочилъ, поло-

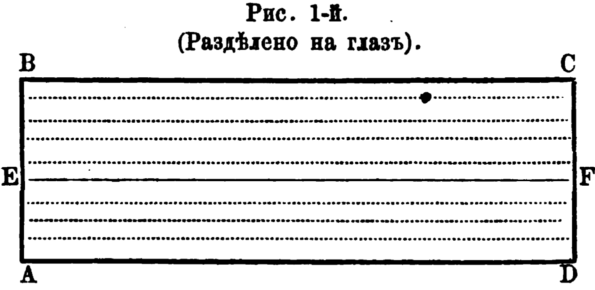
жимъ, „косынька“ *). Тотъ, кому изъ 4-хъ представителей принадлежитъ косыночка, объявляется и вмѣстѣ съ своею группой становится на крайнюю полосу; выскочившій вторымъ—на слѣдующую, третьимъ—встаетъ на третью и, наконецъ, четвертый—*лежень* — на послѣднюю полосу (*лежень*, т. е. жеребій оставшійся лежать въ чашкѣ). Такимъ образомъ душевые жеребьи размѣстились по полосамъ въ первомъ кускѣ поля А, въ Озеркахъ. Далѣе каждому домохозяину извѣстно, гдѣ и которая именно жеребьевая полоса яроваго поля относится къ 1, 2, 3 и 4 полосамъ меньшаго куска поля въ Озеркахъ.

Все это происходило въ деревнѣ на улицѣ. Теперь всѣ 4 группы отправляются осматривать доставшіяся имъ полосы. Послѣдуемъ за одной изъ нихъ, Горлопановской.

Жеребьевая полоса имѣетъ видъ прямоугольника и качество почвы всей полосы одинаковаго достоинства. Осмотрѣвши полосу, домохозяева распредѣляются по „половинамъ“. Всѣхъ домохозяевъ въ Горлопановскомъ жеребьѣ 9: 4 тредушника, 2 въ $2^1/_2$ д., 3 двудушника, всѣхъ 23 души; въ одной „половинѣ“ должно быть 12, а въ другой 11 душъ. Назовемъ домохозяевъ такъ: тредушники—a_1, a_2, a_3, a_4; въ $2^1/_2$ души—b_1, b_2; а двудушники—c_1, c_2, c_3.

Трясутъ жеребій, кому въ какой половинѣ быть, „кому съ кѣмъ“. Распредѣленіе по половинамъ происходитъ совершенно такъ, какъ весь міръ распредѣляется по группамъ. Въ одну половину попало два тредушника (a_1 и a_2) и 2 въ $2^1/_2$ д. (b_1 и b_2), всего 11 душъ; слѣд. во второй половинѣ 3 двудушника и 2 тредушника (c_1, c_2, c_3 и a_3, a_4), всего 12 душъ. Затѣмъ въ каждой половинѣ трясутъ жеребій, кому „отъ мѣру“, т. е. стать подлѣ становой межи (AD и BC) и кому „отъ половины“, т. е. подлѣ линіи EF, отдѣляющей 12 душ. паевъ отъ 11; „отъ мѣру“ сталъ a_1, а отъ половины—a_2; остаются b_1 и b_2, которые обыкновенно размѣщаются „съ люба, кому возлѣ кого“, или опять трясутъ жеребій, иногда конаются на палкѣ, какъ говорится „мѣряются“. Если трясутъ жеребій, то предварительно уговариваются, на кого скакать—на a_1 или на a_2. То же самое происходитъ, когда мѣряются на палкѣ.

Рис. 1-й.
(Раздѣлено на глазъ).



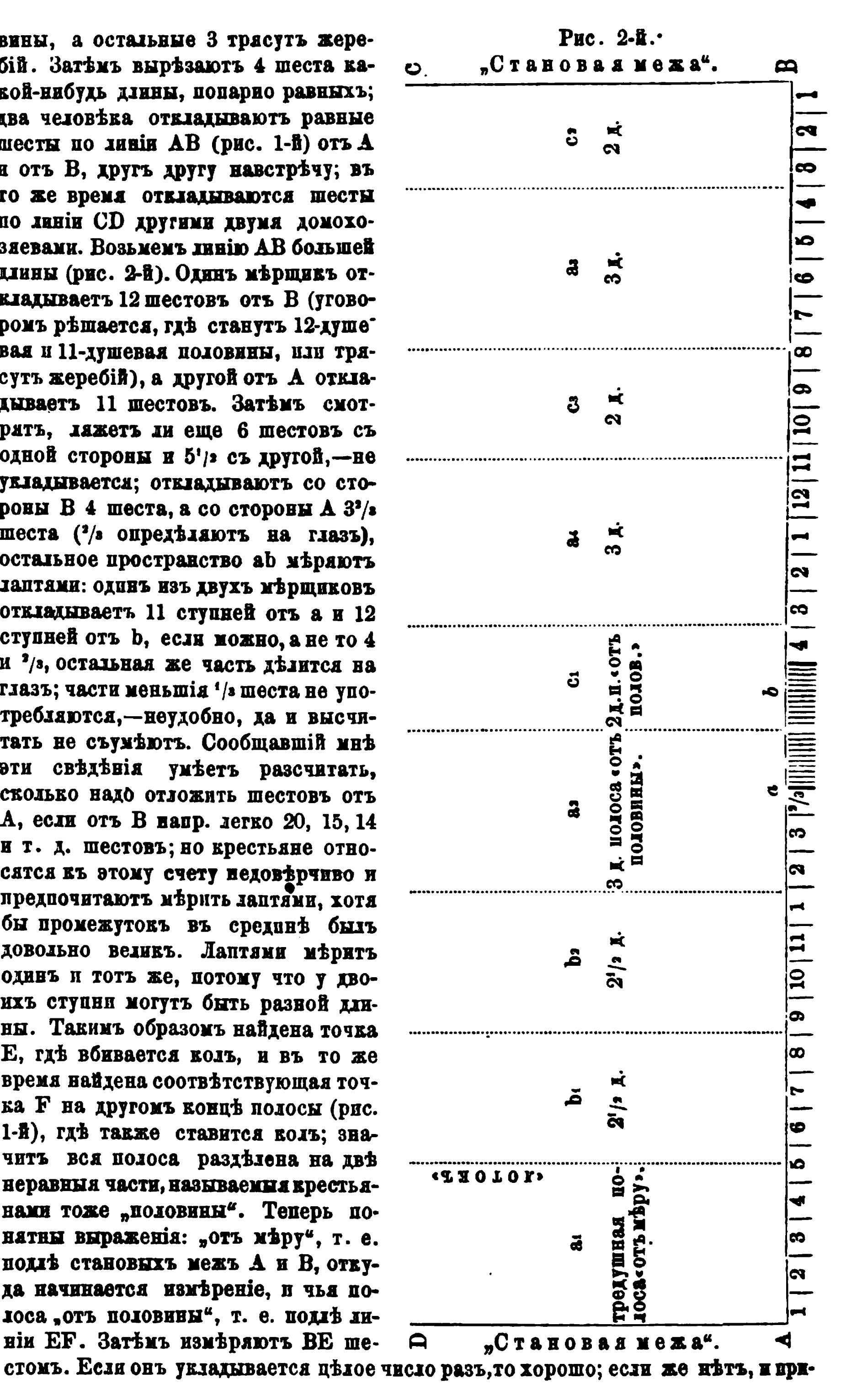
Наконецъ размѣстились: „отъ мѣру“ a_1, за нимъ b_1, потомъ b_2 и „отъ половины“ a_2. Итакъ, теперь извѣстно, „кто подлѣ кого“. То же самое дѣлаютъ домохозяева другой половины, т. е. по одному станутъ отъ мѣру и отъ поло-

---

*) Знаки на жеребьяхъ въ этой общинѣ приняты, обыкновенно, слѣдующіе: „зарубка“—горизонтальная черта; „косыночка“—косо-вырѣзанная черта; „хрестъ“ — двѣ крестъ-на-крестъ сдѣланныя черты; „лапочка“— три черты, расходящіяся изъ одного центра, подобно радіусамъ въ кругѣ; „вилюшка“— три черты, поставленныя одна въ отношеніи къ другой подъ острыми углами— это такъ сказать виляющая черта; и прочія комбинаціи изъ черточекъ, или зарубокъ, напримѣръ „тючка“, отъ слова *тюкнуть топоромъ*, походящая на римскую цифру XI.

вины, а остальные 3 трясутъ жеребій. Затѣмъ вырѣзаютъ 4 шеста какой-нибудь длины, попарно равныхъ; два человѣка откладываютъ равные шесты по линіи АВ (рис. 1-й) отъ А и отъ В, другъ другу навстрѣчу; въ то же время откладываются шесты по линіи CD другими двумя домохозяевами. Возьмемъ линію АВ большей длины (рис. 2-й). Одинъ мѣрщикъ откладываетъ 12 шестовъ отъ В (уговоромъ рѣшается, гдѣ станутъ 12-душевая и 11-душевая половины, или трясутъ жеребій), а другой отъ А откладываетъ 11 шестовъ. Затѣмъ смотрятъ, ляжетъ ли еще 6 шестовъ съ одной стороны и $5^1/_2$ съ другой,—не укладывается; откладываютъ со стороны В 4 шеста, а со стороны А $3^2/_3$ шеста ($^2/_3$ опредѣляютъ на глазъ), остальное пространство ab мѣряютъ лаптями: одинъ изъ двухъ мѣрщиковъ откладываетъ 11 ступней отъ a и 12 ступней отъ b, если можно, а не то 4 и $^2/_3$, остальная же часть дѣлится на глазъ; части меньшія $^1/_3$ шеста не употребляются,—неудобно, да и высчитать не съумѣютъ. Сообщавшій мнѣ эти свѣдѣнія умѣетъ разсчитать, сколько надо отложить шестовъ отъ А, если отъ В напр. легко 20, 15, 14 и т. д. шестовъ; но крестьяне относятся къ этому счету недовѣрчиво и предпочитаютъ мѣрить лаптями, хотя бы промежутокъ въ срединѣ былъ довольно великъ. Лаптями мѣритъ одинъ и тотъ же, потому что у двоихъ ступни могутъ быть разной длины. Такимъ образомъ найдена точка E, гдѣ вбивается колъ, и въ то же время найдена соотвѣтствующая точка F на другомъ концѣ полосы (рис. 1-й), гдѣ также ставится колъ; значитъ вся полоса раздѣлена на двѣ неравныя части, называемыя крестьянами тоже „половины“. Теперь понятны выраженія: „отъ мѣру“, т. е. подлѣ становыхъ межъ А и В, откуда начинается измѣреніе, и чья полоса „отъ половины“, т. е. подлѣ линіи EF. Затѣмъ измѣряютъ BE шестомъ. Если онъ укладывается цѣлое число разъ, то хорошо; если же нѣтъ, и при-

Рис. 2-й.



томъ съ неудобною дробью, то эту дробь измѣряютъ лаптями. Точно такъ же вымѣряется AE и разность полученныхъ величинъ даетъ ширину однодушной полосы; если эта разность больше длины даннаго шеста на неудобную дробь, то обыкновенно берутъ другой шестъ, равный разности BE—AE. Когда все выяснено, спрашиваютъ: „Кто отъ мѣру?"—a₁, тредушникъ.—„Вотъ тебѣ три души". Откладываютъ три шеста отъ A и домохозяинъ сейчасъ вбиваетъ колышекъ со своимъ знакомъ. „Дальше кто?" —b₁.—„Сколько душъ?"—Двѣ съ половиною.— „Вотъ тебѣ 2½ шеста", и т. д. То же самое дѣлается въ BE и на другомъ концѣ полосы въ CD. Во время паханья съ колышка на колышекъ дѣлается „лотокъ".

На другомъ концѣ жеребья вбивается колъ на мѣстѣ, соотвѣтствующемъ точкѣ E, на тотъ случай, если полоса не прямоугольникъ, почему ширина однодушной полосы на другомъ концѣ DC (рис. 1-й) не будетъ равна ширинѣ той же полосы со стороны AB, и въ этомъ случаѣ надо бы найти еще ширину однодушной полосы съ другого конца, т. е. найти разность CF и DF (рис. 1-й). Порядокъ, въ которомъ распредѣлены домохозяева въ разсмотрѣнной жеребьевой полосѣ, остается неизмѣннымъ во всѣхъ полосахъ, входящихъ въ составъ Горлопановскаго земельнаго жеребья, какъ въ степныхъ поляхъ, такъ и въ степныхъ логахъ до самой ревизіи. Въ разсмотрѣнномъ сейчасъ случаѣ всѣ душевыя полосы параллельны между собою и имѣютъ форму прямоугольника подобно цѣлой жеребьевой полосѣ. Такъ Горлопановскій жеребій дѣлилъ свою полосу въ Озеркахъ въ меньшемъ кускѣ поля, гдѣ жеребьевая полоса имѣетъ форму почти правильнаго параллелограма, къ которому, какъ и къ прямоугольнику, вполнѣ примѣнимъ изложенный способъ дѣленія на душевыя полосы. Матюхинцы въ своей полосѣ предварительно отрѣзали два клинообразные участка земли по лѣвую сторону отъ дороги, пересѣкающей поле, и по правую. Первый участокъ данъ хозяину смежной полосы „на заминъ", ибо вблизи параллельно полосѣ проходитъ другая дорога и проѣзжающіе заминаютъ посѣвъ; другой же участокъ данъ просто, какъ говорится, „на напуски", что дѣлается всегда, если поле ограничено не прямыми линіями (на планѣ эти „напуски" [надбавки] изображены для большей наглядности въ нѣсколько большемъ, чѣмъ слѣдуетъ, масштабѣ, на самомъ же дѣлѣ ширина ихъ не превышаетъ 1½ арш.). Возьмемъ теперь другой случай, когда жеребьевая полоса имѣетъ форму прямоугольника, ограниченнаго не прямыми линіями, и качество почвы не одинаково,—это самый сложный случай. Разсматриваемое здѣсь поле въ первый разъ было засѣяно въ 1873 г. „на сукахъ", значитъ относится къ пашнямъ, т. е. на немъ ведется лядинное хозяйство, и въ 1878 г. брошено подъ „ниву". На немъ снята одна рожь и четыре овса.

Осмотрѣвши этотъ участокъ, крестьяне прежде всего отрѣзали на глазъ „голову" или „головную часть", въ головѣ сдѣлали напуски, условившись, что они достанутся тѣмъ домохозяевамъ, на долю коихъ выпадутъ полосы въ головѣ короче и хуже по качеству; нашли извѣстнымъ порядкомъ точки E и F (здѣсь необходимы обѣ), опредѣлили ширину однодушной полосы и бросили жеребій, кому „отъ мѣру" и „кому отъ половины". То же сдѣлано, только безъ трясни жеребья, и въ головной части, причемъ напуски b, раздѣленные на глазъ, даны 4-мъ домохозяевамъ. Что касается до передѣловъ *степныхъ логовъ, нивъ, сѣнокосовъ, болотнаго лога* и проч. *угодій*, то передѣлъ каждаго изъ нихъ имѣетъ свои особенности, не менѣе любопытныя, какъ и приведенный здѣсь передѣлъ пахотныхъ полей.

Мы такъ много злоупотребили правомъ дѣлать выдержки,—злоупотребили по многимъ причинамъ, изъ которыхъ самая главнѣйшая заключается въ томъ, что ничто такъ хорошо не знакомитъ

съ фактомъ, какъ представленіе его во всѣхъ подробностяхъ, со всѣми мелочами. А ознакомленіе нашего образованнаго общества съ дѣйствительностію русской поземельной общины имѣетъ огромное значеніе и въ особенности для настоящаго времени, когда вниманіе правительства, земствъ, вліятельныхъ сельско-хозяйственныхъ обществъ, съѣздовъ обращено на вопросы внутренней жизни. Такъ, недавно члены с.-петербургскаго сельско-хозяйственнаго съѣзда, разсуждая по вопросу о *травосѣяніи*, высказали между прочимъ, что оно не можетъ быть введено вслѣдствіе существованія общиннаго землевладѣнія. Такое же мнѣніе по этому предмету говорилось на съѣздахъ пензенскомъ и другихъ. Но вѣдь только человѣку вполнѣ незнакомому съ порядками общиннаго землевладѣнія можетъ придти на мысль такая полнѣйшая нелѣпость; только люди незнакомые съ этими порядками могутъ предлагать *увеличеніе сроковъ передѣловъ* въ чаяніи, что этимъ можно достичь поднятія сельскаго хозяйства у крестьянъ. Еслибы наши журналы и газеты прервали свое молчаніе объ изданномъ Вольнымъ Экономическимъ Обществомъ «Сборникѣ», или же, вмѣстѣ съ разборомъ его недостатковъ, огласили бы главнѣйшіе изъ содержащихся въ немъ фактовъ, обрисовывающихъ существо землевладѣнія нашего народа, то и на бывшихъ, и на будущихъ сельско-хозяйственныхъ съѣздахъ, земскихъ собраніяхъ и еще можетъ-быть кое-гдѣ невѣдѣніе относительно русскаго общиннаго землевладѣнія перестало бы диктовать такія постановленія, которыя гибелью, и одной гибелью, отзовутся на народѣ.

Что касается до *травосѣянія, то оно уже давно практикуется у крестьянъ-общинниковъ,* введенное ими самими, безъ посредства какихъ-либо учителей, но, конечно, только тамъ, гдѣ экономическія условія позволили сдѣлать это. Такъ, изъ книги А. С. Ермолова: «Организація полеваго хозяйства»—видно, что травосѣяніе существуетъ у крестьянъ въ губерніяхъ Вологодской, Орловской; въ уѣздахъ Дмитріевскомъ, Сѣвскомъ и друг. можно встрѣтить въ сѣвооборотахъ крестьянъ и *корнеплоды*. Въ книгѣ профессора Совѣтова «О разведеніи кормовыхъ растеній на поляхъ» (IV изд. 1879 г.) прямо говорится, что крестьяне Воронежской губерніи, Задонскаго уѣзда, села Студеный-Колодезь—первые, *по собственному почину*, приступили къ посѣву безъ-

*) См. кн. 5-ю *Русской Мысли*—„Новыя данныя изъ русской жизни".

остнаго костра; что эту же, неизвѣстную нигдѣ на Западѣ (кромѣ Венгріи), траву начали сѣять, за неимѣніемъ луговъ, на поляхъ крестьяне Орловской губерніи. Что же касается до тимоѳеевки, то у г. Совѣтова отмѣченъ даже фактъ, что въ Вологодской губерніи (замѣтьте, сѣверной губерніи) крестьяне начали *первые* приступать къ разведенію тимоѳеевки. Такъ какъ у насъ крестьянское хозяйство terra incognita, то понятно, что чуть гдѣ-либо займутся изслѣдованіемъ его, то и натолкнутся на что-либо неожиданное. Такъ это и случилось въ прошломъ году въ Новгородской губерніи, изслѣдовавшій которую, по порученію земства, въ сельско-хозяйственномъ отношеніи, агрономъ Г. Н. Бычковъ вдругъ, недумано-негадано, увидалъ, что въ селеніи Маломъ-Дементьевѣ существуетъ никѣмъ не подозрѣваемое травосѣяніе, введенное притомъ самими дементьевцами. Изъ исторіи этого дѣла видно, что въ 1870 г. были въ первый разъ куплены крестьянами сѣмена клевера, а весною произведенъ и самый его посѣвъ на одномъ изъ полей.

Рѣшенію ввести травосѣяніе противился только одинъ старикъ бобыль, потому, между прочимъ, говорятъ крестьяне, что «силишки и орудишки у него было гораздо мало». Вмѣстѣ съ приговоромъ о введеніи травосѣянія положено было соотвѣтственно распредѣлить внутреннія межи угодій и самое пользованіе полями, лугами и выгонами. Годъ отъ году крестьяне совершенствовали свой новый сѣвооборотъ, ввели еще посѣвы тимоѳеевки и къ настоящему времени у нихъ сложилась и строго согласованная съ ихъ плохою сѣверною почвою, болотами и другими климатическими невзгодами теорія травосѣянія, положенія которой вылились, по обыкновенію, въ пословицы. Такъ, напримѣръ, они уже говорятъ про тимоѳеевку, что она—*недотрога при перестоѣ*, и проч. Они узнали уже, что клеверъ не любитъ возвращаться часто на прежнее мѣсто; дознали, что безъ вреда дѣлу можно увеличить посѣвы льна и картофеля. Короче говоря, совершилось нѣчто подобное тому, что случилось въ исторіи германскаго хозяйства, когда въ концѣ прошлаго и началѣ настоящаго столѣтія поднялась тамъ проповѣдь Шубарта, фонъ-Клеефельда, Альбрехта Тэера о замѣнѣ трехпольной системы плодоперемѣннымъ хозяйствомъ съ посѣвомъ клевера и плугопольныхъ растеній. Но есть, впрочемъ, здѣсь разница: въ Германіи крестьянъ учили знаменитые агрономы, а у дементьевцевъ былъ *одинъ пособникъ—общинный строй жизни* съ его совокупнымъ умомъ, съ

свойственною ему подвижностію въ дѣлѣ устройства лучшихъ порядковъ, съ его привычными передѣлами, жеребьевками, переверстками, равненіемъ выгодъ всѣхъ и каждаго, съ давно выработаннымъ умѣньемъ межевать земли, сортировать поля по качеству, распредѣлять ихъ подъ извѣстныя растенія и устраивать безобидное для каждаго пользованіе каждымъ угодьемъ.

У дементьевцевъ есть теперь уже и плуги, и вообще улучшенныя орудія. Мало этого, дементьевцы теперь высказываютъ очень тонкія критическія замѣчанія насчетъ, напримѣръ, косули съ сплошнымъ желѣзнымъ лемехомъ (ярославской) и косули съ рѣзнымъ лемехомъ (романовской); отдавая честь пароконному плугу передъ косулей, они не находятъ никакой пользы въ замѣнѣ косули одноконнымъ плугомъ и т. д.

Видя все это въ Дементьевской общинѣ, г. Бычковъ, во время сельско-хозяйственныхъ изслѣдованій другихъ мѣстностей Новгородской губерніи, не разъ убѣждалъ крестьянъ ввести травосѣяніе, но ему всегда почти отвѣчали: «если на это рѣшимся, то гдѣ же весною, при уничтоженіи пароваго выгона, будемъ пасти скотъ? Вѣдь у насъ *вмѣсто выгоннаго поля только прогонъ*, *луговъ мало*, да и пахать ихъ нельзя, — все больше зыбина. Если же отдѣлить часть пашни подъ траву, то *гдѣ мы будемъ сѣять хлѣбъ?* Мы и теперь покупаемъ на двѣ души до трехъ кулей ржаной муки, а тогда что?»

Такой же по сущности отвѣтъ дали крестьяне Тульской губерніи, Бѣлевскаго уѣзда, сельца Иванова, К. Д. Кавелину по поводу совѣтовъ его ввести на ихъ земляхъ травосѣяніе,—ввести приноравливаясь къ той системѣ, которая уже оправдала себя на сосѣднихъ съ ихними поляхъ г. Кавелина. Такъ, именно, они заявили ему лѣтомъ прошлаго года, что занятіе травою части ихъ пашенъ поставитъ ихъ въ самое безвыходное положеніе, такъ какъ придется *собрать тогда только половину того хлѣба,* который они собираютъ нынѣ *).

Изъ подробностей дѣла, приводимыхъ гг. Бычковымъ и Кавелинымъ, и, наконецъ, изъ составленной, на основаніи изученія русской сельскохозяйственной практики, книги г. Ермолова «Организація полеваго хозяйства» **)—видно, что, несмотря на пониманіе всѣхъ выгодъ введенія травосѣянія, крестьянство не мо-

*) *Земледѣльческая Газета* 1880 г., стр. 635, и *Правител. Вѣстникъ*, №№ 219—221 и 249-й 1880 г.

**) *Руск. Мысль* 1880 г., кн. 5.

жетъ, за весьма рѣдкими исключеніями, шагнуть здѣсь ни одного шага впередъ, собственно только потому, что *съ третьяго года* перехода отъ трехполья къ хозяйству съ травосѣяніемъ сельскій хозяинъ *начинаетъ получать меньше дохода, нежели при трехпольи*, и только съ 6-го года возвращается прежній доходъ.

К. Д. Кавелинъ, желая во что бы то ни стало помочь крестьянамъ (бывшимъ его крѣпостнымъ) въ дѣлѣ перехода отъ трехполья къ многополью, рѣшился *снабдить ихъ на время перехода своими выгонами*, но и за всѣмъ тѣмъ для возможности перехода оказалась надобность искать гдѣ-либо на сторонѣ ни больше, ни меньше—какъ *денежной ссуды*.

То, что мы сейчасъ разсказали относительно введенія травосѣянія, есть не что иное какъ *азбука этого дѣла*. И теперь вопросъ—какимъ образомъ при существованіи такой азбуки оказалось возможнымъ заявлять на с.-петербургскомъ съѣздѣ о томъ, что не будь у насъ общиннаго землевладѣнія, то было бы возможно и травосѣяніе. Какимъ же бы это образомъ могло случиться, что тотчасъ по надѣленіи крестьянъ подворно уничтожилось бы одно изъ главнѣйшихъ условій, тормозящихъ введеніе травосѣянія—*уменьшеніе съ третьяго года, по оставленіи трехполья, дохода съ земли?* Какъ же это такъ вышло на съѣздѣ, что при рѣчи о травосѣяніи этотъ вопросъ не былъ поставленъ въ основу дѣла и всѣхъ сужденій?

Мы полагаемъ, что еслибы члены съѣзда знали эту азбуку, то, конечно, они не рѣшились бы такъ жестоко компрометировать себя. Если между ними и были лица, видѣвшія свой интересъ въ обезземеленіи крестьянства, то они въ случаѣ знакомства съ этой азбукой постарались бы выставить какіе-либо другіе доводы въ пользу разрушенія общины, а не невозможность введенія при ней травосѣянія. Набрать же подобныхъ доводовъ очень легко въ настоящее время, т. е. пока русское образованное общество знаетъ не дѣйствительно существующіе у нашего крестьянства общинные порядки, а имѣетъ въ своемъ представленіи лишь смутныя понятія объ этихъ порядкахъ, какіе-то неясные призраки, способные принимать всевозможные, фантастическіе образы. При такомъ положеніи дѣлъ можно взвести на общину что угодно,—всему найдутся вѣрующіе.

Между тѣмъ, зная дѣйствительные порядки общиннаго землевладѣнія, приходится только изумляться нелѣпости предположенія о невозможности травосѣянія при этихъ порядкахъ. Можно

же вѣдь сѣять при общинѣ озимую и яровую рожь, пшеницу, подсолнечники, корнеплоды и проч.,—отчего же нельзя сѣять траву? Земля подъ посѣвъ растеній распредѣляется вѣдь одинаково, называйся она подворной или общинной.

Подворный владѣлецъ при трехпольной системѣ вѣдь тоже раздѣляетъ свой участокъ на три поля: озимое, яровое, паровое; первое засѣваетъ съ осени, второе—весною, третьему даетъ отдыхать и будетъ пасти на немъ скотъ. Если есть у него лугъ, то лугъ лугомъ и останется. Если же онъ захочетъ ввести травосѣяніе, то отдѣлитъ нужный участокъ еще подъ траву, сокративъ такимъ образомъ площадь посѣва озимыхъ хлѣбовъ. То же самое дѣлается и въ общинѣ, гдѣ не каждый отдѣльный клочокъ земли, а всѣ мірскія земли раздѣляются на три поля и въ каждомъ изъ нихъ каждый домохозяинъ получаетъ полосу, двѣ, три, смотря по рабочей и платежной силѣ его двора. Если община захочетъ ввести посѣвъ травъ, то разобьетъ свою землю вмѣсто трехъ на четыре поля и опять въ каждомъ нарѣжетъ каждому полосу. И вообще поступитъ и выйдетъ изъ представившагося здѣсь затруднительнаго положенія такъ, какъ это и во снѣ не можетъ присниться подворному владѣльцу,—возьметъ себѣ, какъ мы это выше видѣли, на примѣрѣ одной общины, заарендуетъ сосѣднее поле у помѣщика.

Да, «булки не на деревѣ ростутъ», а мужикъ и подворный, и общинный ростить ихъ одинъ годъ на одномъ мѣстѣ своихъ земель, въ другой на другомъ, въ третьемъ опять на третьемъ; а если онъ сѣетъ еще при этомъ траву, то въ четвертомъ году булка будетъ расти на четвертомъ мѣстѣ, въ пятомъ году на пятомъ и т. д. Загляните хотя въ планъ, составленный г. Кавелинымъ для своихъ крестьянъ и напечатанный въ № 249 *Прав. Вѣст.* прошлаго года. Планъ такъ нагляденъ, что можно понять дѣло и безъ знакомства съ азбукой сельскохозяйственнаго дѣла.

Не знаемъ, что будутъ говорить дальнѣйшіе сельскохозяйственные съѣзды о вредѣ общиннаго землевладѣнія для развитія сельскаго хозяйства у крестьянъ, что скажетъ и ожидаемый въ мартѣ или апрѣлѣ всероссійскій сельскохозяйственный съѣздъ, но полагаемъ, что можетъ-быть придется намъ услыхать по этому предмету меньше нелѣпостей, подобныхъ тѣмъ, которыхъ мы наслушались на съѣздахъ въ Харьковѣ, Пензѣ и т. д. до самаго Петербурга,—меньше, если только журналы и газеты прервутъ свое бездѣйствіе относительно ознакомленія русскаго обра-

зованнаго общества съ тѣмъ, что ему совершенно неизвѣстно, если редакторы и ихъ ближайшіе сотрудники удѣлятъ достаточную часть своихъ силъ и времени на это дѣло и отдадутъ ему значительное число строкъ на своихъ изданіяхъ. Безъ этого будетъ та же тьма въ понятіяхъ администраціи, земствъ, сельскихъ хозяевъ,—тьма, послѣдствія которой — опять неудачныя мѣры относительно крестьянства, дальнѣйшее истязаніе и раззореніе нашего прекраснаго народа. Будутъ собираться сельско-хозяйственныя общества, земскія собранія, съѣзды, положимъ, съ составомъ болѣе разнообразнымъ, нежели нынѣшній; но что-жъ, если все образованное общество, изъ котораго и формируется составъ всѣхъ этихъ учрежденій, будетъ продолжать не знать: во-первыхъ, дѣйствительности народной жизни, его хозяйственнаго быта, его самоуправленія, иначе говоря,—руской общины, и, во-вторыхъ, азбуки сельскаго хозяйства? Всѣ эти учрежденія будутъ тогда продолжать *подсказывать* только одни нелѣпыя мѣропріятія, на которыя народъ будетъ отвѣчать, смотря по роду ихъ, или *стономъ*, или мечтами о *черномъ передѣлѣ*, или *смѣхомъ* подобнымъ тому *смѣху*, разсказомъ о которомъ мы начали настоящую статью, а теперь при концѣ ея снова указываемъ на него читателямъ, присовокупляя тѣ мотивы, на основаніи которыхъ крестьянство дѣйствительно имѣетъ право смѣяться надъ вопросомъ: «отчего оно не покончитъ съ общиной и не раздѣлитъ землю подворно?» Вотъ эти мотивы:

Крестьяне Пустынской общины (Рязанскаго уѣзда) отвѣчаютъ на вышеприведенный вопросъ такъ:

«Мірское лучше, потому кляузъ меньше. Ежели всѣ собственники выйдутъ, неурядицъ не оберешься,—ссоры, драки, кляузы пойдутъ, такъ какъ всякій будетъ свою землю отъ другихъ оттораживать. Свободно проѣхать нельзя будетъ; изъ пустяковъ другъ съ другомъ тягаться будутъ. Главное—мірскаго согласія ужь не будетъ».

Крестьяне Старухинской общины (Чернскаго уѣзда, Тульской губерніи) придаютъ большое значеніе надзору міра за своими членами. Вслѣдствіе этого каждый здѣсь старается не отстать отъ другихъ въ работѣ, чтобы не прослыть хозяиномъ нерадивымъ. Бѣднаго, но дѣльнаго хозяина уважаютъ и умѣютъ цѣнить. Въ общинномъ землевладѣніи видятъ единственное средство противъ обезземеленія. У сосѣднихъ однодворцевъ и государственныхъ крестьянъ, владѣющихъ на четвертномъ правѣ,

хозяйство, по словамъ старухинцевъ, ведется не лучше, чѣмъ у нихъ; напротивъ, они считаютъ *четвертныхъ* плохими хозяевами, а недостатки своего хозяйства объясняютъ, главнымъ образомъ, недостаткомъ скота, невозможностію, по неимѣнію земли, завести травосѣяніе или отдѣльныя пастбища.

Въ Бороковой общинѣ (Псковской губерніи) на вопросъ, отъ чего не подѣлятся подворно, крестьяне отвѣчали сперва смѣхомъ, а потомъ такими рѣчами: «Ишь, ты что выдумалъ! Какъ же намъ не обчествомъ-то владѣть, а подѣлить землю промеждy себя на участки?... Ты одно подумай, какъ мы землю-то ровно подѣлимъ? Никакъ нельзя! Иное мѣсто-то землицы хорошей десятинъ пять, а худой и всѣ двадцать; кого-жъ ты на худую-то землю посадишь? Коли, примѣрно, дать худой-то побольѣ, чѣмъ хорошей,—ну, хоть вдвое,—и то неправильно будетъ: на хорошей-то я, примѣрно, день проработаю, да четверть хлѣба соберу, али семь мѣръ; а другой-то на худой и недѣлю пробьется, да у него ничего не выйдетъ... Такъ-то, братанъ, кончитъ мужикъ,— добавляетъ изслѣдователь,—и *засмѣется* еще пуще, глядя съ полупрезрительнымъ снисхожденіемъ на чудака, задающаго ему столь несообразные, по его мнѣнію, вопросы».

Въ Мораховской общинѣ (Купянскаго уѣзда, Харьковской губерніи) отношеніе крестьянъ къ мысли о переходѣ къ подворному владѣнію весьма недружелюбно. Здѣсь крестьяне прямо заявляютъ, что это можетъ повести къ окончательному раззоренію. Въ двухъ сосѣднихъ обществахъ были нѣсколько лѣтъ назадъ прискорбные безпорядки, вызвавшіе вмѣшательство военной власти, вслѣдствіе недоразумѣній, возникшихъ изъ нежеланія крестьянъ переходить къ подворному владѣнію.

Крестьяне Блазновской общины (Осташковскаго уѣзда, Тверской губерніи) въ отвѣтахъ своихъ, частію формулированныхъ изслѣдователемъ, частію изложенныхъ словами крестьянъ, указываютъ между прочимъ:

1) На то, что участковое владѣніе могло бы быть при *однородности угодій*, что невозможно никоимъ образомъ.

2) Что владѣніе каждаго двора своими полосами, безъ дѣлежа по числу душъ, приписанныхъ къ нему по 10 ревизіи, тоже нельзя устроить, «потому изъ этого однѣ неурядицы вышли бы». Невѣрное отношеніе между надѣломъ и наличной рабочею силой двора высказалось бы очень сильно, образовались бы недоимки и, пожалуй, до круговой поруки дошло бы дѣло.

3) «Что еслибы разницы не было, то и тогда дѣло не было бы лучше. Теперь, напримѣръ,—говорятъ крестьяне,—вдова Матвѣева лѣтъ шесть ничего не платила, а жила себѣ съ парнишкой, и огородъ былъ, и корову пасла за 1 р.; *выросъ Василій, ему дали одну душу, на будущій годъ—2, и опять пошло хозяйство*, а то давно бы баба пропала,—съ чего же платить повинности».

4) И, наконецъ, «допустивъ, что какъ-нибудь,—ну, по царскому приказу,—разбили бы землю на подворные участки, причемъ было бы много обиженныхъ въ пользу остальныхъ, потому вѣрно разбить нельзя, *все-таки черезъ 20—25 лѣтъ эти маленькіе участки были бы то же, что теперь небольшія деревни*,—то же было бы дѣленіе на полосы и т. д. *Они такъ и произошли, но давно когда-то*»...

Хотѣлось бы, чтобъ узнались эти многознаменательныя слова: «они такъ и произошли, но давно когда-то» — земствами, и съѣздами, и публицистами,—слова, свидѣтельствующія о громадной силѣ народнаго обычая, о непоколебимости устоевъ народнаго быта, и ясно говорящія о томъ, что всѣ усилія узаконить, совершенно ненужные для преуспѣянія хозяйства, долгосрочные передѣлы, или, что то-же, ввести особый видъ подворнаго владѣнія,—приведутъ только къ тому, къ чему привели измышленныя волостныя правленія и суды, т. е. какъ послѣдніе остались только фиктивными, а истинное самоуправленіе начало творить свое дѣло *подпольно*, такъ и распредѣленіе земель по соотвѣтствію рабочей силы съ платежною по-прежнему будетъ продолжаться, *но уже вопреки закону*. Итакъ, прибавятся только къ настоящимъ кеурядицамъ, раззоряющимъ народъ, еще новыя,—прибудетъ еще причинъ къ разладицѣ между опекающими и опекаемыми и мужикъ еще больше будетъ стонать, мечтать о «черномъ передѣлѣ» и подчасъ «*смѣяться*» надъ господами.

С. К—тинъ.

ПОДСѢЧНОЕ ХОЗЯЙСТВО,

или

ЗЕМСТВО СТРОИТЪ ЖЕЛѢЗНУЮ ДОРОГУ.

ГЛАВА VII *).

Рабочій день правителя канцеляріи губернатора.—На холмѣ.—Разговоръ послѣ встрѣчи на холмѣ.

I.

Для людей, работающихъ въ мѣру, не окончательно изнуряющихъ себя трудомъ, утро — начало дня, начало работы — самое пріятное время. Такими людьми ночь проведена въ покойномъ снѣ; они просыпаются съ бодрою мыслью въ головѣ, съ пріятнымъ зѣвкомъ, съ здоровымъ потягиваніемъ; они окрѣпли за ночь нравственно и физически; они весело смотрятъ на начинающійся день, поспѣшно умываются, пьютъ чай, кофе, или хлебаютъ кашицу и съ привѣтливымъ словомъ «добрый день», при встрѣчахъ съ людьми, принимаются за трудъ. Счастливы люди, посвятившіе себя подобному труду!... Но зло и болѣзненно смотритъ человѣкъ утромъ, когда обстоятельства заставляютъ его проводить день надъ трудомъ усидчивымъ и изнуряющимъ тѣло, не успокоивающимъ мысль, заставляющимъ большую часть ночи посвящать развлеченіямъ, чтобы дать работу уму. Такой трудъ въ большинствѣ случаевъ приходится нести чиновникамъ. Ихъ трудъ усидчивый и почти механическій, при которомъ мало работаетъ мысль; они страдаютъ геморроемъ, имѣютъ нужду большую часть ночи проводить въ болтовнѣ, въ картежной игрѣ, въ любовныхъ похожденіяхъ, пьянствѣ и т. п. развлеченіяхъ, и рѣдкій изъ нихъ тратитъ время на чтеніе, музыку, науку. Все это требуетъ усидчиваго труда,

*) *Русская Мысль*, апрѣль.

а чиновникъ и такъ усталъ сидѣть за бумагами въ канцеляріи, ему нужны наслажденія болѣе сильныя, чѣмъ наслажденія въ успѣхахъ его личной особы, въ наукахъ и искусствахъ, за успѣхи въ которыхъ ему не только не дадутъ награды, но, пожалуй, еще понизятъ въ служебной іерархіи... И встаетъ чиновникъ утромъ съ болью въ головѣ, съ злымъ расположеніемъ духа; пасмурно глядятъ его очи на начинающійся день — и пасмурно и непріятно глядѣть очамъ міра на чиновниковъ... Тутъ русскій духъ, тутъ Русью пахнетъ.

Кожуховъ вставалъ всегда въ половинѣ девятаго. Въ канцелярію онъ являлся въ десять. Четверть часа онъ тратилъ на сидѣнье въ халатѣ съ папиросою и брюзгливою миною на лицѣ, причемъ брюзгливость къ концу этого времени мало-по-малу уменьшалась, но не покидала его совсѣмъ; умывался онъ не менѣе четверти часа, одѣвался не менѣе трехъ четвертей и затѣмъ полчаса употреблялъ на prendre du thé, какъ говорилъ его лакей. Обыкновенно, послѣ чая Кожуховъ бывалъ уже въ нормальномъ расположеніи духа, но теперь, когда онъ приступилъ къ составленію записки «объ усиленіи губернаторской власти», его времяпрепровожденіе совершенно измѣнилось, а съ нимъ измѣнилось и его расположеніе духа. Ранѣе четырехъ часовъ ночи онъ теперь не ложился спать, послѣ обѣда засыпалъ всего на одинъ часъ, а остальное время—какъ въ канцеляріи, такъ и дома, равно какъ и у губернатора при докладѣ—онъ все сидѣлъ, сидѣлъ и сидѣлъ. Записка двигалась впередъ успѣшно, за нею мерещилась впереди награда, движеніе впередъ по службѣ, но въ настоящемъ пищевареніе его ухудшилось, головная боль проходила только къ часу дня, дурное расположеніе духа не покидало по цѣлымъ днямъ.

Онъ занималъ очень приличную квартиру изъ четырехъ комнатъ, съ параднымъ ходомъ съ улицы, держалъ лакея, правильно произносившаго prendre du thé и понимавшаго французскую рѣчь, столъ имѣлъ отъ хозяина дома, цивилизованнаго купца, любившаго поѣсть «французскаго стола» и кормившаго своего квартиранта, сравнительно за недорогую цѣну, очень хорошо. Кожуховъ одѣтъ былъ всегда изыскано и по модѣ; залъ, гостиная, кабинетъ и спальня его квартиры были изящны и убраны со вкусомъ; на верхнихъ полкахъ кабинетнаго шкафа видны были книги въ небольшомъ количествѣ, но въ прекрасныхъ переплетахъ. Книги были медицинскія, статистическія и юридическія; былъ «Сводъ о земскихъ учрежденіяхъ», «Питейный Уставъ», «Статистика С-нской

губерніи» и сочиненія Розенгейма, Майкова, Толстаго, Тургенева, Гончарова и Щедрина.

Было половина десятаго. Кожуховъ сидѣлъ за стаканомъ чая и чистилъ прекраснымъ, сложной конструкціи, ножичкомъ ногти.

— Господинъ Могутовъ, студентъ изъ Петербурга, желаетъ видѣть васъ,—сказалъ молодой, прилично одѣтый, лакей, не глядя на Кожухова.

— Э...кто?—спросилъ Кожуховъ громко, спросилъ только потому, что былъ въ дурномъ расположеніи духа.

— Господинъ Могутовъ! — громко и недовольно отвѣчалъ лакей.

Кожуховъ продолжалъ чистить ногти. Лакей сдѣлалъ недовольную мину и ушелъ.

«Чего ему нужно отъ меня?... И у меня дома?—прихлебывая чай, думалъ онъ.—Съ визитомъ что ли?... Вѣроятно, денегъ думаетъ просить взаймы?... Съ нихъ это станетъ...»

Онъ продолжалъ, безъ опредѣленныхъ мыслей, пить чай и чистисть ногти. Окончивъ стаканъ, онъ позвонилъ. Явился лакей, взялъ стаканъ и, когда уже дошелъ до двери, остановился, услышавъ голосъ Кожухова.

— Пусть пожалуютъ ко мнѣ въ канцелярію... Я не имѣю времени по утрамъ для визитовъ.

— Слушаю-съ,—сказалъ лакей и ушелъ.

Онъ осмотрѣлъ ногти, подошелъ къ зеркалу, поправилъ галстухъ и погладилъ бороду.

«Хоть бы скорѣе кончить эту проклятую записку,—думалъ онъ, медленно ходя по залѣ.—Можно заболѣть!... Съ утра и до четырехъ часовъ—одно и то же... Но работа идетъ отлично... Языкъ бойкій, доказательства вѣскія и притомъ всесторонніе... Не представить ли ее на степень магистра? Она очень похожа на диссертацію... Нѣтъ, она далеко лучше всякой диссертаціи. Я помню эти ученыя диссертаціи съ понадерганными мыслями и фразами изъ двухъ-трехъ книжекъ. А въ запискѣ листовъ сто будетъ. И это только записка, а поясненіе къ ней займетъ листовъ триста... Но этихъ поясненій я не дамъ никому,—я самъ буду поясненіемъ, когда одобрятъ записку и его превосходительство потребуютъ въ Петербургъ для развитія подробностей и организаціи власти, согласно съ ней... Тамъ удивятся моей громадной памяти и всесторонему знанію. Тамъ думаютъ, что въ провинціи нѣтъ головъ. Мало, но есть почище петербургскихъ...»

Онъ выпилъ медленно стаканъ чая, который былъ принесенъ лакеемъ такъ тихо, что онъ даже и не замѣтилъ.

«Безъ пяти десять,—глядя на часы, сказалъ онъ громко.— Пора на мѣсто службы... Уже пять лѣтъ на этомъ проклятомъ мѣстѣ!—думалъ онъ.—Если черезъ годъ, самое большее два, не будетъ движенія впередъ,—брошу и поѣду хлопотать въ Петербургъ. Будь я женатъ—другое дѣло. Для другаго мое мѣсто—на всю жизнь лучшаго не надо, но не для меня... За пять лѣтъ у меня и семи тысячъ нѣтъ, а живу аккуратно, расходую не болѣе трехъ тысячъ въ годъ... Надо возложить всю надежду на записку».

Онъ вышелъ на улицу и, надѣвая перчатки, постоялъ и окинулъ взглядомъ домъ Софьи Михайловны, какъ онъ называлъ домъ Рымнина.

«Когда чортъ возьметъ этого почтеннаго старца!—думалъ онъ идя по улицѣ.—Его Соня—тогда моя, съ ея молодостію и съ ея громаднымъ богатствомъ. Тогда къ чорту службу! Годъ пропутешествуемъ за границей, годъ проживемъ для знакомства въ губерніи и для приготовленія успѣха службы по выборамъ, а тамъ сперва уѣздный, а чрезъ три года губернскій предводитель...»

Онъ вышелъ на главную улицу. Ему любезно раскланивались чиновники другихъ присутственныхъ мѣстъ равнаго ему ранга, въ это же время шедшіе въ свои мѣста служенія, а прикащики и хозяева магазиновъ низко кланялись. Эти поклоны не развлекли его думъ и онъ дошелъ до канцеляріи съ однимъ, часто повторяемымъ, вопросомъ: «когда онъ умретъ?»

II.

Дверь въ извѣстную уже прихожую отворилъ сторожъ и снялъ съ Кожухова шубу и калоши, а молодой чиновникъ съ бойкимъ видомъ отворилъ ему дверь въ его присутствіе, отвѣсивъ при этомъ низкій поклонъ и оставаясь все время въ положеніи поклона, пока Кожуховъ не прошелъ въ дверь; тогда бойкій чиновникъ затворилъ дверь и, выпрямившись, сталъ возлѣ нея, но не въ прихожей, а въ самомъ присутствіи.

— Никто не дожидаетъ?—снимая шарфъ и кладя его и шляпу-цилиндръ на окно,—спросилъ Кожуховъ рѣзкимъ голосомъ, которымъ онъ всегда говорилъ съ подвѣдомственными ему чиновниками, причемъ физіономія его приняла видъ квази-страдающей.

— Студентъ, присланный третьяго-дня съ жандармомъ, Могутовъ, желаетъ видѣть васъ, Петръ Ивановичъ,—отвѣтилъ чиновникъ.

— Да?... Пусть дадутъ бумаги къ подписи.

— Слушаю-съ,—отвѣтилъ чиновникъ и скрылся.

Почти сейчасъ же вошелъ столоначальникъ административнаго стола канцеляріи губернатора.

— Добрый день, Петръ Ивановичъ,—кланяясь головой и становясь ровно у стола, сказалъ столоначальникъ, блондинъ, съ задумчивою физіономіей и съ меланхолически полузакрытыми глазами. Онъ считался любимцемъ Кожухова и подражалъ ему наружностію, голосомъ и жестикуляціей.

— Здравствуйте, — не глядя на столоначальника, сказалъ Кожуховъ и, замѣтно нехотя, подалъ ему руку.

Столоначальникъ, послѣ пожатія руки, вынулъ изъ принесеннаго имъ портфейля кипу бумагъ и положилъ ихъ предъ Кожуховымъ. Кожуховъ началъ читать бумаги. Можно было замѣтить, что онъ подражалъ губернатору въ манерѣ читать и подписывать бумаги, тогда какъ столоначальникъ замѣтно подражалъ ему самому во время доклада у губернатора.

— Это не годится... Я васъ попрошу ловить тонъ и мысль, какіе его превосходительство желаетъ употреблять въ этихъ случаяхъ... Вамъ пора знать! Если ваши бумаги исправлять, то что же съ другими?... Прикажете мнѣ самому писать? Но для чего же тогда господа столоначальники?—говорилъ Кожуховъ рѣзко, но безъ возвышенія голоса, прочитывая бумаги, положенныя передъ нимъ.—Отвѣтить болѣе внушительно, что подати должны быть собраны въ размѣрахъ прошлаго года... Провести мысль, что его превосходительство лично заинтересованъ успѣшнымъ сборомъ и д—ской исправникъ, вмѣстѣ съ подвѣдомственной ему сельскою полиціей, долженъ принять всѣ рѣшительныя мѣры для этого... Пусть увѣдомляетъ о ходѣ сборовъ каждую недѣлю съ подробнымъ изложеніемъ процесса сборовъ... Вы понимаете?—не отрывая глазъ отъ бумаги, читая и подписывая ихъ, говорилъ Кожуховъ.

— Понимаю, Петръ Ивановичъ,—отвѣчалъ столоначальникъ.— Чтобы было предпринято относительно каждаго плательщика, въ случаѣ невзноса имъ слѣдуемаго съ него оклада...

— Такъ... Но развить кратко, внушительно и сухо.

— Слушаю-съ.

— Вызвать П—скаго исправника и не отвѣчать ничего на жалобу становаго.

— Слушаю-съ.

— Къ пріѣзду его приготовить свѣдѣніе о всѣхъ промышленныхъ заведеніяхъ его уѣзда и о количествѣ лѣса, сплавляемаго по Б—лой.

— Слушаю-съ,—отвѣчалъ столоначальникъ, переступая съ ноги на ногу.

— Это передѣлать... Отвѣтить, что заявленіе получено, но что теперь не время возбуждать преслѣдованіе противъ глупыхъ словъ, сказанныхъ, вѣроятно, въ пьяномъ видѣ... Вообще, сообщить всѣмъ исправникамъ—попридерживаться съ составленіемъ актовъ и передачей оныхъ судебному слѣдователю. Недостатокъ въ продовольствіи есть и могутъ нарочно желать попасть въ тюрьму... Понимаете?

— При урожаѣ менѣе средняго нужно обратить вниманіе, не произнесены ли слова и не сдѣланъ ли проступокъ съ цѣлью попасть на казенное продовольствіе... Поощрять исполненіе подобныхъ желаній будетъ противно идеѣ правосудія, — сказалъ столоначальникъ въ отвѣтъ.

— Такъ, только болѣе гладко... Напомнить также, что справочныя цѣны малымъ чѣмъ должны разниться отъ прошлогоднихъ.

— Слушаю-съ.

Прошло болѣе часа, когда послѣдняя бумага была подписана и столоначальникъ административнаго стола ушелъ.

— Бумаги земскаго стола!—сказалъ Кожуховъ бойкому чиновнику, явившемуся тотчасъ по уходѣ столоначальника.

— Слушаю-съ,—уходя отвѣчалъ бойкій чиновникъ.

— Мнѣ не нравится вашъ способъ изложенія,—сказалъ Кожуховъ худощавому, не очень молодому чиновнику, столоначальнику земскаго стола, который, какъ и ушедшій, положилъ передъ нимъ кипу бумагъ, по которому была подана Кожуховымъ рука еще болѣе неохотно, чѣмъ его предшественнику.—Въ вашемъ изложеніи нѣтъ краткости и силы... Говорилъ вамъ ясно: полиція дѣлаетъ все для современнаго выгона людей на дорожную повинность, но полиція не имѣетъ возможности и обязанности контролировать самую работу,—это дѣло земства,—говорилъ Кожуховъ, читая бумаги.

— Слушаю-съ,—отвѣчалъ, кусая губы, столоначальникъ.

— Мало слушать, а надо исполнять... Я васъ объ этомъ еще разъ прошу,—усиливая голосъ на словѣ «прошу», говорилъ Кожуховъ. — Это измѣнить... Земство само признало неурожай, даже голодъ, а потому не найдетъ ли оно возможнымъ повременить взысканіемъ недоимокъ на земскія дѣла... Сами кричатъ о голодѣ, а требуютъ съ голоднаго взыскивать недоимки прошлаго года!... Нужно надѣяться, что, благодаря ихъ крику, сборы въ этомъ году будутъ еще менѣе прошлогоднихъ... Конечно, земскіе сборы... Поняли?

— Понялъ-съ,—отвѣтилъ столоначальникъ.

— Но нужно умѣть исполнить...

Со столоначальникомъ земскаго стола Кожуховъ проработалъ тоже около часу, а когда столоначальникъ вышелъ, бойкій чиновникъ доложилъ, что коммерціи совѣтникъ Фридманъ только-что пріѣхалъ и изволитъ раздѣваться въ прихожей.

— Пусть войдетъ... Пусть войдетъ и этотъ... Могутовъ,— сказалъ Кожуховъ, съ трудомъ вспомнивъ фамилію присланнаго три дня назадъ студента.

III.

— Здравствуйте, уважаемый Петръ Ивановичъ,—сказалъ, войдя въ присутствіе, щегольски одѣтый, высокій брюнетъ, лѣтъ подъ сорокъ, съ физіономіей полу-еврейской, полу-нѣмецкой, но съ чистымъ русскимъ выговоромъ.— Какъ ваше здоровье?... Но вы заняты?... Я могу обождать.

— Главное сдѣлано, а остальное подождетъ,—сказалъ Кожуховъ вставая, причемъ лицо его приняло менѣе страдальческій видъ.

Въ это время вошелъ Могутовъ и, поклонившись, подошелъ къ столу. Кожуховъ отвѣтилъ легкимъ кивкомъ головы и, не подавая руки, стоя оперши́сь пальцами одной руки объ столъ, вопросительно посмотрѣлъ на Могутова.

— Извините, что безпокою васъ. Моя фамилія Могутовъ и я имѣю къ вамъ личную просьбу. Быть-можетъ я пришелъ не во время, то позвольте придти въ другой разъ. Я былъ у васъ на квартирѣ, но вашъ человѣкъ послалъ меня сюда,—сказалъ Могутовъ.

— Я не имѣю времени на домашніе пріемы не въ воскресные и табельные дни. Готовъ слушать васъ здѣсь, — сказалъ Кожуховъ, не измѣняя позы.

— Я хотѣлъ попросить васъ, Петръ Ивановичъ, помочь мнѣ найти работу. У меня здѣсь нѣтъ знакомыхъ. Васъ перваго пришлось увидѣть при въѣздѣ сюда и, узнавъ, что вы сами были студентомъ, я и рѣшился безпокоить васъ моею просьбою.

Кожуховъ былъ недоволенъ. Ему не нравились слова Могутова, не нравилась форма изложенія. Онъ думалъ видѣть въ немъ тонкаго іезуита, зараженнаго громаднымъ самолюбіемъ и пострадавшаго отнюдь не за какой-либо принципъ или правило, а за желаніе быть главою молодежи для своихъ личныхъ цѣлей, но плохо разсчитавшаго ходы. Онъ думалъ услышать отъ него, пожалуй, то же самое, но выраженное не такъ, а хотя въ слѣдующемъ родѣ: «Я былъ привезенъ подъ непосредственное ваше наблюденіе, а потому счелъ долгомъ явиться къ вамъ, засвидѣтельствовать свое почтеніе и покорнѣйше просить обратить ваше вниманіе на меня. Я осмѣливаюсь просить васъ объ этомъ потому, что въ лицѣ вашемъ имѣю удовольствіе видѣть человѣка, окончившаго курсъ въ университетѣ, — слѣдовательно, бывшаго студента, къ счастью, не поддавшагося увлеченію молодости, какъ имѣлъ несчастіе сдѣлать я», и т. д. Онъ думалъ услышать бойкій говоръ, съ гордымъ, самоувѣреннымъ видомъ на лицѣ говорящаго, но вмѣсто того услышалъ отрывистыя фразы, произнесенныя монотоннымъ, черезчуръ ровнымъ голосомъ, безъ всякой робости и подобострастія. И это при постороннемъ слушателѣ!...

— Какую работу вы желаете имѣть? — спросилъ Кожуховъ сухо.

— Мнѣ оставалось три мѣсяца до окончанія курса въ институтѣ; занимался я хорошо, — могу составлять проекты заводскихъ и жилыхъ построекъ, могу быть техникомъ на фабрикѣ, могу чертить и заниматься перепиской... Кромѣ того я кончилъ гимназію съ медалью и могу быть репетиторомъ или взять на себя приготовленіе къ поступленію въ высшія реальныя училища. Не угодно ли вамъ посмотрѣть мой гимназическій аттестатъ и свидѣтельство института? — закончилъ Могутовъ, подавая бумаги.

— Вѣрю, не беря бумагъ, — сказалъ Кожуховъ. — Я могу предложить вамъ мѣсто переписчика въ канцеляріи его превосходительства.

— Я не могу служить.

— Если я предлагаю, то можете, — садясь сказалъ Кожуховъ и началъ перелистывать бумаги на столѣ, не глядя на Могутова.

— Я потому не могу, что далъ слово никогда не служить, не быть чиновникомъ,—сказалъ Могутовъ.

— Такъ-съ!—протяжно сказалъ Кожуховъ.—Это вы такой зарокъ дали руководствуясь наукой и опираясь на практику жизни,—да?

— Я далъ слово покойному отцу. Онъ много пострадалъ на службѣ... Можетъ-быть онъ ошибался, когда бралъ съ меня слово, но я далъ слово и долженъ сдержать его.

— Другаго занятія я вамъ предложить не могу,—сказалъ Кожуховъ и потомъ, обратясь къ Фридману, продолжалъ:—Я могу приступить къ вашему дѣлу, господинъ Фридманъ!

Фридманъ, когда началъ Кожуховъ говорить съ Могутовымъ, отошелъ въ глубь присутствія, сѣлъ на стулъ и, вынувъ изъ кармана свертокъ бумагъ, углубился въ нихъ. Услышавъ теперь слова Кожухова, онъ подошелъ къ столу и сѣлъ на одно изъ креселъ.

— Извините, что я обезпокоилъ васъ, Петръ Ивановичъ. Я хотѣлъ обратиться къ вамъ какъ къ человѣку, а не какъ къ правителю канцеляріи начальника губерніи,—сказалъ Могутовъ и, поклонившись, медленно пошелъ къ двери.

— До свиданья,—сказалъ Кожуховъ улыбаясь.—Перемѣните ваше слово, тогда могу помѣстить васъ въ канцелярію и даже чиновникомъ... Каковъ гусь?—обратился онъ къ Фридману, когда Могутовъ вышелъ.

— А кто они?—спросилъ Фридманъ, употребляя всегда множественное число вмѣсто единственнаго въ третьемъ лицѣ.

— Гусь!... Знаете гусей, которыхъ мужички хворостиной прогоняютъ на базаръ?... Это одинъ изъ нихъ. Сколько глупаго гонору, какіе взгляды на міръ, какіе великіе принципы исповѣдуютъ!...Гуси, а не люди—современная молодежь,—продолжалъ улыбаясь, но съ замѣтною раздражительностію, Кожуховъ. Ему не казались слова Могутова обидными, чтобы на нихъ разсердиться, чтобы за нихъ выгнать изъ присутствія,—они произнесены были съ оттѣнкомъ грусти, спокойнымъ голосомъ, безъ замѣтнаго желанія употребить ихъ въ видѣ брани, и Кожухову было только немного неловко отъ нихъ.

— А что вы имѣете спросить?—спросилъ онъ Фридмана послѣ короткаго молчанія.

— Дѣло не очень важное, но спѣшное,—началъ скоро Фридманъ.—Мы купили казенный лѣсъ въ прошломъ году, вы это

знаете. Потомъ мы его продали. Я вамъ скажу правду. Я получилъ телеграмму, что въ этомъ году начнутъ строить желѣзную дорогу чрезъ нашу губернію. Если начнуть, то и кончать. Мы хотимъ заготовить лѣсной матеріалъ для этой дороги, мы хотимъ заготовлять его сейчасъ. У насъ лѣсу много, но мы его продали. Но мы не хотимъ его отдать. Какъ это сдѣлать—это наше дѣло. Я только пришелъ просить васъ не мѣшать. Я заработаю тысячъ пять и вамъ дамъ пятьсотъ рублей. Мы бы могли купить еще другой лѣсъ, но этотъ лѣсъ около самой дороги, да и вы знаете, сколько хлопотъ и времени уйдетъ, пока купишь у казны лѣсъ.

— Въ чемъ же дѣло?—сухо спросилъ Кожуховъ.

— Я вамъ скажу правду. Мы продали лѣсъ не сплавъ въ Р.... Въ нашемъ контрактѣ сказано, что если случится пожаръ нашего лѣса, то мы не отвѣчаемъ... Ну, нашъ лѣсъ сгоритъ, а онъ не сгоритъ,—вы только не мѣшайте. Какъ это сдѣлать—мы уже знаемъ, но исправникъ говоритъ, что вы все знаете и лучше, чтобы вы знали.

— Надо подумать,—сказалъ разсѣянно Кожуховъ.

— На что вамъ думать? Вы знаете, что дѣло чистое,—Фридманъ нечистыхъ дѣлъ не дѣлаетъ,—мы только хотимъ выиграть время.

— Хорошо... Но вы мнѣ дадите пятьсотъ рублей, а начальнику губерніи—тысячу, и чрезъ меня.

— Много... Но я не люблю торговаться. Извольте полторы тысячи и росписки не надо. Вы дайте только записочку исправнику, что если моя просьба законна, то пусть не мѣшаетъ.

Кожуховъ взялъ деньги и написалъ письмо къ исправнику именно такъ, какъ говорилъ Фридманъ.

— Благодарю! Люблю, что скоро это у васъ. Прощайте и благодарю,—взявъ письмо и уходя, проговорилъ Фридманъ.

IV.

«Должно быть вѣрить исторіи съ институтками», думалъ Могутовъ, выйдя изъ канцеляріи и скоро шагая по улицѣ, направляясь за городъ. Ему нужно было осмотрѣть устройство овина и онъ торопился въ помѣщичью усадьбу, отстоявшую отъ города верстахъ въ десяти по шоссе, гдѣ, по словамъ Переѣхавшаго, былъ хорошій овинъ и доброй души управляющій.

«А сколько времени пропало даромъ, — выходя на шоссе, думалъ Могутовъ. — Съ душкомъ настоящаго піявки-чиновника: поводилъ, помучилъ и отпустилъ ни съ чѣмъ... Двѣнадцать часовъ уже; въ два — у овина, въ четыре — назадъ... Съ часъ провозимся тамъ и ранѣе пяти-шести не вернемся. Хорошо, что предупредилъ Лукерью оставить обѣдъ»...

День былъ солнечный, вѣтру не было даже въ полѣ, послѣ морозной ночи было не тепло, но только свѣжо. Въ полѣ, по сторонамъ шоссе, снѣгу уже не было, — онъ попадался только кое-гдѣ въ канавахъ рыхлыми и грязными кучами. На южныхъ склонахъ бугровъ замѣтна была слабая зелень начинавшей пробиваться наружу травы и изрѣдка попадались одинокая корова, лошадь или свинья, ищущіе такихъ бугровъ.

Управляющаго не было дома и овинъ показалъ Могутову гуменный, простой мужикъ. Могутовъ осмотрѣлъ овинъ, излазилъ во всѣ его щели, а потомъ долго расспрашивалъ гуменнаго о среднемъ урожаѣ каждаго рода хлѣбовъ, какого хлѣба сколько обыкновенно засѣваютъ, о процессѣ сушки хлѣба въ овинахъ, когда обыкновенно хлѣбъ бываетъ проданъ и забранъ торговцами, и т. д. Былъ четвертый часъ, когда онъ осмотрѣлъ все и началъ прощаться съ гуменнымъ.

— А вы пѣшкомъ будете? — спросилъ гуменный, пожимая руку Могутова.

— Пѣшкомъ. Тепло, да и недалеко отъ города, — отвѣтилъ Могутовъ.

— Оно такъ, а все съ непривычки... У насъ лошадки есть, да безъ приказу дать нельзя.

— Гдѣ бы тутъ можно чаю напиться? — спросилъ Могутовъ. Ему сильно хотѣлось пить.

— Поди, какъ на грѣхъ, управителя нѣтъ... Нешто хозяйкѣ его сказать?... А то вонъ, — гуменный указалъ на недалеко стоявшую хату на шоссе, — постоялый дворъ. Тамъ чай есть... Дворъ хорошій, чай есть...

Былъ уже пятый часъ, когда, напившись съ гуменнымъ на постояломъ дворѣ чаю, Могутовъ возвращался въ городъ. Вспоминая и думая надъ откровенною болтовней гуменнаго за чаемъ, суть которой заключалась въ томъ, что въ цѣломъ свѣтѣ, почитай, нѣтъ такого пропащаго и несчастнаго народа, какъ въ ихъ губерніи, — Могутовъ прошелъ версты три, не обращая вниманія на дорогу.

«Экая благодать какая! — сказалъ онъ громко, когда теперь посмотрѣлъ въ сторону.—Взойду на тотъ курганъ, оттуда еще лучше будетъ видно...» И онъ взошелъ на пологій холмъ, спустился немного въ противоположную шоссе сторону его и легъ, устремивъ жадный взоръ на картинную мѣстность предъ холмомъ. Ровное поле тянулось на нѣсколько верстъ направо, налѣво и вдаль и на немъ, на сколько видѣлъ глазъ,—ни кустика, ни малѣйшаго признака жилья человѣка, а поле было вспахано, черные пласты бороздъ лежали ровными и прямыми линіями и между ними кое-гдѣ виднѣлись пеньки прошлогодней жатвы. За полемъ чернѣлъ лѣсъ. Лучи закрытаго холмомъ, низко спустившагося солнца не достигали лѣса, а только рябили вспаханую землю далеко отъ холма направо и налѣво. Картина была проста, краски однообразны, но она поражала размѣрами, отсутствіемъ жилья человѣка. Только двѣ худенькія лошадки съ клочьями начинающей линять шерсти на бокахъ и спинѣ, да свинья—паслись у холма, да воронъ летѣлъ въ лѣсъ, и долго, долго летѣлъ, пока чуть замѣтною точкой не пропадалъ онъ, далеко еще не долетѣвъ до лѣса.

«Экій просторъ, ширь и благодать! — думалъ Могутовъ. — И сколько въ тебѣ, моя суровая родина, такихъ полей, еще большихъ лѣсовъ, а между тѣмъ «холодно, странничекъ, холодно! Голодно, родименькій, голодно!...» И неужели такъ до скончанія вѣка?...» И зашевелились въ его головѣ мысли, замелькали картины и образы...

Болѣе получаса лежалъ онъ на холмѣ и потомъ, какъ бы прогоняя мысли и образы прочь, онъ тряхнулъ головою, вскочилъ порывисто на ноги, окинулъ еще разъ пейзажъ быстрымъ взглядомъ и громко, экспромтомъ, запѣлъ на голосъ аріи «Руслана» Глинки:

О, поле, поле! Кто тебя
Вспахалъ, заборонилъ, засѣялъ?
Кто жатву тучную собралъ
И кто воспользовался ею?

Онъ повернулся, чтобъ идти съ кургана, и лицо его вдругъ приняло суровый видъ. Предъ нимъ, на самомъ верху холма, стояла Софья Михайловна, въ бархатной шубѣ и въ мѣховой шапочкѣ, и рядомъ съ ней—Катерина Дмитріевна, въ короткой зимней шубкѣ, въ черномъ платьѣ и съ мѣховой шапочкой въ

рукѣ. Могутовъ испугался,—испугался нежданнаго появленія людей такъ близко отъ него и притомъ — женщинъ въ дорогихъ одеждахъ. Онъ хотѣлъ поскорѣе уйти, когда мгновенный испугъ прошелъ и замѣнился непріятнымъ сознаніемъ, что эти барыни слышали его пѣніе и его пародію на Пушкина. Лица барынь онъ не замѣтилъ, но возможность показаться смѣшнымъ предъ какой бы то ни было женщиной всегда непріятна для мужчины, даже въ родѣ такого героя, какъ Могутовъ.

— Вы извините насъ,—улыбаясь и самымъ пріятнымъ голосомъ начала Софья Михайловна,—и, пожалуйста, не уходите. Мы нечаянно подслушали ваше пріятное пѣніе, но я, въ извиненіе, могу отвѣтить на вопросы вашей пѣсни.

Могутовъ остановился и посмотрѣлъ на Софью Михайловну.— «Кровь съ молокомъ», — вспомнилъ онъ изъ «Синей бороды», такъ часто попѣваемой его товарищами по курсу во время работъ въ мастерскихъ,—а потомъ, самъ не сознавая зачѣмъ и почему, онъ заговорилъ простонародною рѣчью, оставаясь серьезнымъ:

— Будьте ласковой, барынька, повѣдайте правдыньку о широкомъ полѣ,—сказалъ онъ, стоя бокомъ къ барынямъ.

— Поле это — мое, обработали его мои работники, а жатвой, само собой, воспользовалась я,—сказала Софья Михайловна, улыбаясь, но въ ея словахъ слышались довольство, гордость, тщеславіе.—Что вы не то смѣетесь, не то морщитесь?— спросила она, замѣтивъ, что ротъ Могутова покосился въ одну сторону.

— А вы, барынька, не слышите, какъ вонъ та ворона рѣчь сказываетъ?—сказалъ Могутовъ.

Барыни посмотрѣли въ сторону, куда глядѣлъ онъ. На спинѣ одной изъ лошадей, пасшихся у холма, сидѣла ворона, водя носомъ по спинѣ лошади и силясь ухватить зимнюю шерсть ея.

— Я не понимаю птичьяго языка, — сказала Софья Михайловна, продолжая улыбаться. — Съ кѣмъ и объ чемъ она «сказываетъ?» Если вы, не шутя, знаете птичій языкъ, скажите намъ,—добавила она.

Когда она съ падчерицей, выйдя изъ экипажа, пожелала взойти на холмъ и посмотрѣть на нравившееся и имъ «широкое поле» и когда онѣ увидѣли незнакомаго мужчину и услышали его пѣніе, онѣ почему-то рѣшили, что это — Могутовъ. Удивительнаго тутъ мало. Въ русскихъ городахъ скоро всѣ дѣлаются

извѣстными и наружностію, и времяпрепровожденіемъ. Гулять днемъ, въ будни, пѣшкомъ, вдали отъ города и распѣвать громко оригинальную пѣсню—можетъ только или пьяный, или заѣзжій. Съ такимъ свойствомъ характера въ трезвомъ видѣ не было никого изъ городскихъ обывателей; а изъ пріѣзжихъ, притомъ съ жандармомъ и съ оригинальной исторіей, —словомъ, при обстановкѣ позволяющей громко пѣть и не въ пьяномъ видѣ, и въ будни, и гуляя пѣшкомъ за семь верстъ отъ города,—могъ одинъ только Могутовъ. Не мудрено поэтому, что дамы вѣрно отгадали незнакомца,—не мудрено поэтому, что, не усомнившись въ своемъ опредѣленіи незнакомца, онѣ заинтересовались имъ: интереснаго мало въ глуши, а говоръ о Могутовѣ дѣлалъ его все-таки оригинальнымъ.

— Иной разъ, барынька, плохо понимаю языкъ этотъ, а сейчасъ оченно понятно было, какъ птица разговоръ вела. Полагать нужно, ворона къ свиньѣ рѣчь держала: смотри, молъ, свинья,—ворона сказывала,—какіе мои хорошіе работники—лошадки: гляди, какую шерсть мягкую да теплую для меня приготовили,—отвѣтилъ Могутовъ на вопросы Софьи Михайловны.

— Это вы меня вороной выругали?—громко вскрикнула Софья Михайловна, будто обидясь, но продолжая улыбаться.—Вы—господинъ Могутовъ?—спросила она потомъ, какъ спрашиваетъ большинство женщинъ, не думая, зачѣмъ и для чего.

Софья Михайловна, спрашивая: «вы—Могутовъ?»—руководствовалась только толчкомъ любознательной души своей, а можетъ-быть она думала провѣрить свое предположеніе о незнакомцѣ, но она отнюдь не имѣла желанія обидѣть незнакомца, а потому ее не мало удивило, когда она увидѣла, что лицо незнакомца сдѣлалось болѣе серьезнымъ, даже угрюмымъ.

— Вы, кажется, разсердились?... Право, я не считаю вашу шутку за брань. Я пошутила. Вы смотрѣли на ворону, ворона могла не сказать, но вы могли подумать то, что сказали, слушая мои хвастливыя рѣчи о «моихъ работникахъ»... Или вамъ непріятно, что я васъ приняла за Могутова?—ласково и минорнымъ тономъ продолжала Софья Михайловна, сказавъ послѣднюю фразу опять не думая. По ея понятіямъ, по тѣмъ слухамъ, которые ходили въ городѣ о Могутовѣ, онъ долженъ бы быть радъ, что выругалъ незнакомыхъ женщинъ, а никакъ не досадовать, сердиться или конфузиться.

— Извините меня,—снявъ шляпу, сказалъ Могутовъ. — Я сказалъ то, что думалъ, но сказалъ не такъ, какъ думалъ... Мнѣ показались ваши слова не только хвастливыми, но и злыми. Я хотѣлъ доказать это, но, вмѣсто того, неудачно съострилъ. Вышла ругань вмѣсто проповѣди. Извините, я не хотѣлъ васъ ругать.

Онъ стоялъ безъ шляпы, прямо глядя въ лицо Софьи Михайловны и досадуя на себя за остроту, сказанную такъ не кстати и безъ пользы. Онъ зналъ по простымъ рабочимъ, какая чуткая къ правдѣ душа, какой свѣтлый умъ часто скрывается подъ жалкою внѣшностью и тупымъ на видъ лицомъ; онъ испыталъ не разъ, какую силу имѣетъ искреннее слово, горячее убѣжденіе на искорененіе заблужденій и предразсудковъ; онъ считалъ мнѣнія и убѣжденія каждаго человѣка плодомъ всей его жизни, жизнь считалъ школой и наукой и думалъ, что не легкою насмѣшкой, а серьезнымъ разговоромъ нужно опровергать мнѣнія противника и только тогда, если противникъ желаетъ слушать опроверженія.

— Но вы можете еще доказать, мы васъ слушаемъ,—смотря на Могутова, продолжала Софья Михайловна.

— Это лишнее будетъ,—сказалъ онъ.

— Почему?—живо спросила Софья Михайловна.

— «Учить другихъ—потребенъ геній, потребна высшая душа, а мы съ своей душой лѣнивой, себялюбивой и пугливой не стоимъ мѣднаго гроша»,— сказалъ онъ, вспомнивъ это изреченіе Некрасова и продолжая досадовать на себя за неудачную проповѣдь.—Но вы простите меня.

Софья Михайловна улыбалась, смотрѣла на него и любовалась имъ. Онъ, дѣйствительно, былъ теперь оригинально красивъ: онъ стоялъ ровно, съ поднятой вверхъ головою, съ закинутыми назадъ длинными волосами, съ серьезнымъ лицомъ и съ большими угрюмыми глазами, устремленными на нее; но во взглядѣ замѣтна была просьба о прощеніи.

— Богъ знаетъ, что вы выдумали!—улыбаясь и подавая руку Могутову, нѣжно проговорила она.—Вотъ вамъ моя рука въ знакъ полнаго примиренія и полнаго забвенія вашей ругатни, хотя я право приняла все за мѣткую шутку... Вы, кажется, забыли, что стоите безъ шляпы?... Ха-ха-ха! Какъ вы оригинально-просты!... Ха-ха-ха-ха!

Онъ позабылъ, что снялъ шляпу, продолжая досадовать, что у него до сихъ поръ не выработался характеръ настолько, чтобы

каждое слово, каждый поступокъ были обдуманы, строго-сознательны. Подавая руку Софьѣ Михайловнѣ, онъ подалъ ее вмѣстѣ со шляпой, которую держала рука, и удивленіе, и торопливость, съ которыми онъ надѣвалъ шляпу, отразились грустною улыбкой на его лицѣ.

— Извольте намъ отрекомендоваться! Намъ очень пріятно съ вами познакомиться послѣ такой оригинальной встрѣчи,—пожимая руку Могутова и продолжая улыбаться,—сказала Софья Михайловна.

— Моя фамилія Могутовъ,—потянувъ изъ рукъ Софьи Михайловны свою руку,—сказалъ онъ.

— Вотъ не ожидала видѣть васъ такимъ!—и Софья Михайловна еще разъ окинула его пристальнымъ взглядомъ, какъ бы желая убѣдиться, не обманываетъ ли онъ ее.—О васъ такія страсти говорятъ въ городѣ!... А вы очень скромны и стыдливы,—боитесь даже словомъ обидѣть... Полное разочарованіе! Правда, Катя?...

Катя стояла съ опущенной внизъ головой и ничего не отвѣчала.

— Вы знаете, что про васъ говорятъ?—спросила Софья Михайловна, не дождавшись отвѣта падчерицы.

Онъ утвердительно кивнулъ головою

— И есть въ томъ правда?—спросила она.

— Нѣтъ... Вотъ и вы обзовете меня ругателемъ и тогда—ложись да и умирай,—отвѣтилъ онъ.

— Я вижу, что вы шутите. Что вамъ за дѣло до басенъ?... Про меня, да и про всѣхъ у насъ Богъ знаетъ что разсказываютъ, а видите, я не похожа на умирающую,—весело говорила Софья Михайловна.

— Работы не дадутъ,—сказалъ онъ.

— Ахъ, да!... У васъ можетъ-быть нѣтъ средствъ?... Я сужу всѣхъ по себѣ, замѣтивъ усилившуюся серьезность его лица,—продолжала она.—У меня есть средства, мнѣ и кажутся всѣ богатыми... Какъ это глупо!

— Я сказалъ не о средствахъ къ жизни, а о работѣ... Безъ работы и при средствахъ нельзя жить. «Нѣтъ бѣды кручиннѣе—безъ работы парню маяться»,—сказалъ онъ и поклонился, думая уходить.

— Я васъ еще немного задержу. Вы извините?... Да?... Отлично,—сказала Софья Михайловна, хотя онъ ничего не отвѣчалъ, а вопросительно смотрѣлъ на нее.

«Тѣшится новой игрушкой дитя, — думалъ онъ. — Какой смыслъ изъ всего этого?... А другая?...—Онъ посмотрѣлъ на другую. Глаза ихъ встрѣтились. Она смотрѣла на него пытливо, широко раскрывъ свои большіе глаза, которые, встрѣтивъ его взглядъ, быстро и стыдливо опустились внизъ.—Другая смотритъ какъ на звѣря и пужается, какъ малое дитя»,—подумалъ онъ.

— Вы видите предъ собою мать и дочь,—продолжала Софья Михайловна.—Мы,—правда, Катя?—очень желаемъ познакомиться съ вами и надѣемся, что вы постараетесь узнать, кто мы,—дамамъ неприлично самимъ рекомендоваться... Но вы непремѣнно должны быть у насъ,—слышите? Мой мужъ—земскій дѣятель, Дмитрій Ивановичъ Рымнинъ,—не забудете?

Онъ кивнулъ головой.

— Теперь до свиданья, — улыбаясь, кланяясь и подавая руку, сказала Софья Михайловна.

— Прощайте, тоже подавая руку и прямо смотря въ лицо Могутова,—сказала Катерина Дмитріевна.

Могутовъ посмотрѣлъ на нее и ей, какъ и ея мачихѣ, пожалъ руку не очень крѣпко, но и не очень слабо, обыкновеннымъ пожатіемъ. Въ пожатіи Катерины Дмитріевны было менѣе крѣпости и силы, чѣмъ въ пожатіи Софьи Михайловны. Барыни сошли съ холма, сѣли въ щегольской фаэтонъ, запряженный парой красивыхъ лошадей, съ бородатымъ кучеромъ на козлахъ и съ ливрейнымъ лакеемъ, который ловко посадилъ барынь и еще болѣе ловко вскочилъ на мѣсто рядомъ съ кучеромъ. Могутовъ стоялъ на холмѣ и видѣлъ всю ловкость лакея, и только когда экипажъ тронулся и Софья Михайловна, оглянувшись, кивнула ему головой, онъ сошелъ съ холма и скоро зашагалъ въ городъ.

«Экій случай! — думалъ онъ дорогою. — Аристократки въ бархатахъ и соболяхъ изволили разговаривать и даже просили пожаловать на домъ «вреднаго въ нравственномъ и правительственномъ отношеніяхъ»!... Нѣтъ, Переѣхавшій преувеличиваетъ!... «Свѣти же солнце красное, покуда я зеркало не пріобрѣлъ, на тѣнь свою мнѣ нужно наглядѣться!»... Чепуха! Герой исторіи съ институтками—вотъ корень, вотъ причина... Доѣдутъ до города и позабудутъ... «Еще и башмаковъ не износила, въ которыхъ шла за гробомъ»... Это объ аристократахъ сказалъ Шекспиръ... А ты? Ты не забудешь меня?—Нѣтъ. Любовь и цѣль жизни связываютъ насъ,—зачѣмъ намъ забывать другъ друга?..

Ну, а ты, Лёля, что ты теперь?... Какой извергъ завелъ тебя въ болото?... Какъ вырвать тебя изъ него?...»

Онъ не хотѣлъ, вѣроятно, думать о болотѣ и способѣ извлеченія изъ онаго Лели, такъ какъ тряхнулъ головой и еще скорѣе и не думая зашагалъ по шоссе.

V.

— Какой онъ робкій!... Я ожидала видѣть его смѣлымъ и дерз кимъ, а онъ боится муху обидѣть,—говорила Софья Михайловна въ фаэтонѣ.

— Онъ—не трусъ, мама,— замѣтила Катерина Дмитріевна.

— Я не говорю, что онъ — трусъ, но... черезчуръ деликатенъ. Это къ мущинѣ даже не идетъ.

— Онъ—не сладкій, мама... Вороновъ черезчуръ деликатный, а онъ на него не похожъ,—сказала Катерина Дмитріевна.

— Да?... Но, право, онъ — оригиналъ. Высокій, плотный, угрюмый и—тихая овечка вмѣстѣ. Какъ досадно, что я не распросила, за что его прислали?... Но какъ проницателенъ нашъ городъ! Какую подходящую исторію сочинили!... Это, кажется, Кожуховъ ѣдетъ верхомъ?— спросила Софья Михайловна, хотя ясно видѣла, что ѣхавшій на встрѣчу на прекрасной вороной лошади былъ Кожуховъ.

Всадникъ остановилъ коня, не доѣзжая шаговъ десяти до экипажа, и, когда фаэтонъ сравнялся съ нимъ, ловко отдалъ честь сперва по-военному—подъ козырекъ, потомъ, приподнявъ шляпу и отнеся ее далеко въ сторону, медленно и набокъ наклонивъ голову. Фаэтонъ поѣхалъ шагомъ и всадникъ, покрывъ голову шляпой, тоже поѣхалъ шагомъ, сбоку фаэтона, тамъ, гдѣ сидѣла Софья Михайловна.

— Угадайте, съ кѣмъ мы встрѣтились?—спросила Софья Михайловна послѣ обычныхъ привѣтствій и распросовъ о здоровьѣ дамъ, ихъ супруга и отца.

— Неужели съ волкомъ?—шутливо, гортаннымъ голосомъ, спросилъ Кожуховъ.

— Мы и сами думали, что съ волкомъ, но волкъ оказался, — для насъ, по крайней мѣрѣ,—тихой овечкой. Догадались?

— Ручные волки бываютъ, но «сколько волка ни корми, онъ все въ лѣсъ смотритъ», Софья Михайловна, и ихъ всегда держатъ на цѣпи.

— Вы сегодня плохой отгадчикъ... Какъ вы пожелтѣли!... Вы не больны? — смотря пристально на Кожухова, съ участіемъ сказала Софья Михайловна.

— Благодарю васъ. Здоровъ, но сплю четыре часа въ сутки. Старъ сталъ, Софья Михайловна, и четыре часа сна желтятъ меня, а прежде цѣлыя ночи безъ сна, и все ничего, — сказалъ онъ и вздохнулъ. Онъ сидѣлъ на конѣ бодро, смотрѣлъ здоровымъ и красивымъ мужчиной и былъ только чуть-чуть блѣднѣе обыкновеннаго, такъ что вздохъ его относился, вѣроятно, къ «цѣлымъ ночамъ безъ сна — и все ничего», чѣмъ къ старости его лѣтъ.

— Неужели опять кутите и играете въ карты?... Такъ давно бросили игру и вдругъ опять! — Въ голосѣ Софьи Михайловны слышны были участіе и тревога.

— Не то, Софья Михайловна! Его превосходительство задалъ спѣшную работу.

— И очень скучную... да? — торопливо и перебивая его, спросила Софья Михайловна.

— Напротивъ, очень интересную, но требующую громаднаго труда и тщательной обработки... Но кого же вы встрѣтили, Софья Михайловна?

— Господина очень похожаго на васъ... Онъ моложе, но такъ же солиденъ, говоритъ ровнымъ и спокойнымъ голосомъ, можетъ тонко шутить, незамѣтно смѣяться и прямо смотрѣть въ глаза, — словомъ, очень похожъ на васъ.

— Не отгадаю, — пожавъ плечами и подумавъ, сказалъ Кожуховъ. Ему нравилась характеристика его, но онъ не зналъ въ городѣ мужчинъ, похожихъ на него.

— Катя! не правда ли, что сегодня Петръ Ивановичъ очень похожъ на нашего новаго знакомаго? — спросила Софья Михайловна.

Катя пристально посмотрѣла на Кожухова; онъ смотрѣлъ впередъ и она видѣла его профиль.

— Кажется, мама... Но очень мало, — отвѣчала она.

Фаэтонъ поѣхалъ шибче.

— Нѣтъ, ты всмотрись, Катя, пристальнѣй, — говорила Софья Михайловна. — Они не одинаковы, но есть большое сходство, особенно когда Кожуховъ блѣденъ, какъ сегодня... Онъ такъ же высокъ, крѣпко сложенъ, держитъ голову гордо вверхъ, очень тонко улыбается и еще тоньше остритъ, — трудно даже разобрать на первыхъ порахъ... Право, между ними большое сходство... Но

есть и различіе. Тотъ—еще юноша, говоритъ по книгѣ, стихами, а этотъ—совсѣмъ мужчина, говоритъ свои мысли и слова... Я бы этому смѣлѣй подала руку при спускѣ съ горы... Тотъ можетъ самъ упасть... Правда, Катя?

— Не знаю, мама,—отвѣчала Катя и опять пристально посмотрѣла на Кожухова.

Фаэтонъ остановился у городскаго сада. Лакей ссадилъ барынь, а Кожуховъ отдалъ ему лошадь и всѣ пошли по главной аллеѣ сада.

— Мы встрѣтили Могутова, проболтали съ нимъ около получаса и, вообразите, намъ было очень весело съ нимъ,—сказала Софья Михайловна.

— Интересно. Вѣроятно, онъ вскочилъ на ходу къ вамъ въ фаэтонъ?—улыбаясь спросилъ Кожуховъ.

— О, нѣтъ! Мы первыя заговорили съ нимъ. Онъ лежалъ на холмѣ, знаете?—у широкаго поля.—И она разсказала ему довольно подробно встрѣчу съ Могутовымъ и весь разговоръ съ нимъ.—Но какъ онъ былъ симпатично-смѣшонъ и наивно красивъ, когда стоялъ безъ шляпы и самъ не замѣчалъ этого! Правда, Катя?—закончила разсказъ Софья Михайловна.

— Что ты спросила, мама?..

Катя шла задумавшись, пристально глядя впередъ, и не слышала, что говорила ея мачиха.

— О чемъ ты задумалась, Катя?... Ты не влюбилась ли въ Могутова?—И Софья Михайловна пытливо посмотрѣла на нее.

— Катерина Дмитріевна покраснѣла, но, какъ всегда, едва замѣтно, и только отъ взгляда мачихи не ускользнула краска.

— Я, мама, думала,—разъясняя свою задумчивость, отвѣчала дѣвушка,—отчего, мама, съ нами никто не говоритъ такъ, какъ онъ и при первомъ знакомствѣ? — спросила она, немного помолчавъ.

— Ты преувеличиваешь, Катя. Онъ говорилъ только оригинально... Что ты нашла особеннаго?—сказала Софья Михайловна.

Падчерица молчала.

— Я тоже имѣлъ счастье видѣть сегодня въ полдень господина Могутова, но на меня онъ произвелъ иное впечатлѣніе,—говорилъ Кожуховъ.—Много задора и самоувѣренности въ наружности, но тупость и самая жалкая бѣдность мыслей, при плохомъ выраженіи ихъ... Представте, приходитъ просить работы

и, не сказавъ и десятка словъ, имѣлъ сильное желаніе выругать меня.

— Какимъ образомъ?—съ сильнымъ любопытствомъ спросила Софья Михайловна, а ея падчерица, идя немного впереди, начала внимательно слушать.

— Пожаловали просить помощи въ пріисканіи для нихъ работы. Я предложилъ имъ поступить въ канцелярію начальника губерніи, такъ изволили отвѣтить, что они дали клятву не быть чиновникомъ и что ко мнѣ изволили обратиться не какъ къ чиновнику, а какъ къ студенту, ихъ товарищу... Затѣмъ повернулись и ушли... Я, конечно, нехотя смѣялся, что со мной рѣдко случается въ канцеляріи,—закончилъ Кожуховъ.

Катерина Дмитріевна обернулась и посмотрѣла на него.

— Вы ошибаетесь, Катерина Дмитріевна, придавая словамъ сего героя что-то особенное,—говорилъ Кожуховъ, какъ бы отвѣчая на взглядъ дѣвушки. — Вы мало знаете жизнь и людей и для васъ его слова показались интересными; но для опытныхъ людей въ нихъ—эффектность, рисовка безъ подкладки серьезнаго знанія и только...

Катерина Дмитріевна опять посмотрѣла на него; глаза ихъ встрѣтились и его перваго не потупились въ землю, не заморгали вѣками, а обратились въ глубь аллеи.

— Къ намъ идетъ на встрѣчу и новый, и молодой педагогъ,— сказалъ онъ.

«Онъ клевещетъ на Могутова»,—подумала дѣвушка.

VI.

Послѣ обычныхъ при встрѣчѣ поклоновъ, рукопожатій и разговоровъ, Катерина Дмитріевна пошла со Львовымъ впереди, а сзади ихъ, шагахъ въ пяти, Софья Михайловна съ Кожуховымъ.

— Вы не знаете, господинъ Львовъ, чьи вотъ эти стихи: «только геній можетъ учить другихъ, а мы, трусы и жалкіе люди, не стоимъ мѣднаго гроша»?—спросила дѣвушка.

— Это не стихи, Катерина Дмитріевна!—сказалъ удивленно Львовъ. Онъ былъ такого высокаго мнѣнія о своей спутницѣ, что не понималъ и удивлялся, какъ она могла прозу принять за стихи.

— Но развѣ эта фраза не можетъ быть написана стихами?— громко и нетерпѣливо спросила она.—Я слышала стихи, но не

упомнила ихъ... Я сказала, какъ поняла ихъ, — добавила она уже обыкновеннымъ голосомъ, сама удивляясь своей нетерпѣливости на непонятливость Львова.

— Не помню... Нѣтъ, къ сожалѣнію, не знаю, чьи это стихи... Но я могу справиться, если вамъ угодно.—Онъ не замѣтилъ вспышки гнѣва въ дѣвушкѣ и говорилъ, какъ всегда, услужливо и любезно.

— Если можно, узнайте... Знаете для чего? — живо спросила она.

— Нѣтъ, къ сожалѣнію, не знаю.—Онъ, дѣйствительно, сожалѣлъ, и сильно сожалѣлъ.

— Папа совѣтовалъ мнѣ начать заниматься педагогіей. Я начала читать педагогическія книги и надумала давать кому-нибудь уроки, но сего дня услышала, что «только геній можетъ учить другихъ»—и мнѣ показалось, что я берусь не за свое дѣло... Мнѣ хочется прочесть все стихотвореніе. Тамъ... какая я глупая! Мнѣ показалось, что въ стихотвореніи говорится, что̀ нужно имѣть, чтобы хорошо учить...—закончила она уже не такъ бойко, какъ начала.

— Вы клевещете на себя!—съ увлеченіемъ началъ Львовъ.— Вы знаете многое и лучше, чѣмъ мы, учителя! Я помню, какъ правдиво и съ какимъ чувствомъ сказали вы о Пушкинѣ: «Болѣе любишь природу и людей послѣ чтенія Пушкина»,—сказали вы и такъ точно опредѣлили поэзію.

— Это «Дитя» Боборыкина, это не я такъ сказала,—перебила она Львова. — Я видала ее на сценѣ, вспомнила тогда ея слова и сказала вамъ.

— Я слышалъ и знаю, что это правда, что вы отлично знаете гимназическій курсъ, — чего же вамъ еще?... Нѣтъ, вы клевещете на себя! Вы будете лучшей учительницей!—У Львова въ головѣ рисовался пансіонъ, въ которомъ онъ и она—хозяева-педагоги; онъ восхищался этой мыслью и, подъ вліяніемъ восхищенія, слова лились скоро и съ увлеченіемъ.

— Вы правы,—глядя на Львова, сказала она.—Стихотвореніе, вѣрно, говоритъ не о томъ; учить грамотѣ, географіи, ариѳметикѣ,—генія не нужно... Тамъ—о другомъ, но я не знаю, о чемъ...

— Вы можете учить всему! Не боги горшки обжигаютъ, а у васъ даже и грѣховъ нѣтъ. Вы — чужды пороковъ; вы можете быть учительницей всего, кромѣ лжи, лукавства, нена-

вписти, но вѣдь такихъ предметовъ нѣтъ. Будьте учительницей, Катерина Дмитріевна! Да, да, будьте учительницей! — слабо вскрикнулъ въ заключеніе Львовъ и въ его голосѣ слышны были и приказаніе пророка, и робость влюбленнаго юноши, и объясненіе въ любви, какъ будто онъ просилъ ее быть его женою. Въ головѣ его носилась мысль, что если она будетъ учительницею, то она будетъ его и женою.

— Я спрошу папу, какъ это сдѣлать,—улыбнувшись, сказала она, взглянувъ опять ему въ лицо.

— Благодарю васъ! Благодарю васъ! — еще болѣе горячо сказалъ онъ и крѣпко жалъ ея руку.

А Софья Михайловна тоже увлечена была разговоромъ съ Кожуховымъ и не обращала вниманія на падчерицу.

— Можетъ я и ошибаюсь въ Могутовѣ, — говорилъ Кожуховъ, — но Богъ съ нимъ. Если я золъ и несправедливъ къ нему, то вы сами причиною тому... Мнѣ тяжело, Софья Михайловна! Мужчина не можетъ довольствоваться тою любовью, которую даете мнѣ вы. Отъ такой любви можно сойти съ ума, сдѣлаться злымъ и несправедливымъ къ людямъ. — Въ голосѣ Кожухова мало было измѣненія противъ обыкновеннаго, но Софья Михайловна въ немъ ясно слышала досаду, раздражительность.

— Вы думаете, что женщина наслаждается такою любовью?... Что для меня пріятно любить и только ждать и ждать?... Научите, что дѣлать?... У меня языкъ не повернется сказать ему,—проговорила она.

— Можно обойтись безъ напрасной тревоги его и насъ... Посмотрите прямѣй на ваше отношеніе къ нему.... Вы страдаете изъ-за одного предразсудка,—сказалъ холодно и спокойно Кожуховъ, какъ говорятъ люди подавленные неудовлетворенною страстью, но сильнымъ характеромъ сдерживающіе незамѣтно гнетъ.

— Этого никогда не будетъ!—въ противоположность Кожухову взволновалась Софья Михайловна. — Я, вѣдь, не дѣвочка и знаю послѣдствія... Я вѣрю и желаю дѣтей отъ нашей любви, но развѣ легче признаться въ измѣнѣ тогда, чѣмъ теперь?... Если у меня теперь не хватаетъ духу, я не могу даже представить себѣ его лица, убитаго вида, а когда онъ узнаетъ, что же будетъ тогда?... Нѣтъ, нѣтъ, этого быть не можетъ!

Обѣ пары шли долго молча.

— Скажите, господинъ Львовъ, можетъ актеръ прямо смотрѣть въ глаза?—спросила Катерина Дмитріевна.

— На сценѣ они смотрятъ прямо, а такъ... У меня не было знакомыхъ актеровъ, Катерина Дмитріевна,—отвѣчалъ Львовъ.

— Нѣтъ, я не про театральныхъ актеровъ... Кто притворяется, можно это узнать сразу?—улыбаясь недогадливости Львова, спросила она.

— Мнѣ кажется, можно, только очень трудно и не сразу: ловкаго мошенника, говорятъ, никакъ не узнаешь, пока самъ не попадется.

— Скажите, за что присылаютъ студентовъ?—спросила она опять послѣ долгаго молчанія.

— Больше за пустяки, Катерина Дмитріевна. Когда я былъ студентомъ, такъ человѣкъ сорокъ выслали и только за то, что просили объ уничтоженіи формы... Потомъ форму отмѣнили...

— И ихъ опять возвратили?—живо спросила она.

— Вѣроятно, но навѣрно не могу сказать.

— Студенты всегда бѣдные люди?

— Почти; богатые—исключеніе... Такъ было въ мое время, не знаю какъ теперь... Почему васъ это интересуетъ, Катерина Дмитріевна?—спросилъ Львовъ послѣ долгаго молчанія. Онъ думалъ, что она спрашивала объ актерахъ и о прочемъ такъ,—неловко же быть долго задумчивой и молчаливой,—и самъ предложилъ вопросъ не затѣмъ, чтобы развлечь ее, не потому, что его интересовалъ вопросъ, а потому, что и для него неприлично долго молчать, хотя онъ зналъ, что она думаетъ о немъ и объ его словахъ.

— Я видѣла Могутова... Мама съ нимъ разговаривала... Познакомьтесь съ нимъ! Онъ очень добрый... Кожуховъ говоритъ, что онъ—актеръ, но Кожуховъ говоритъ неправду,—отвѣтила она.

— При первой же возможности постараюсь познакомиться,—немного подумавъ, отвѣчалъ Львовъ.—Про него говорятъ очень много дурнаго, да и вообще онъ присланъ съ жандармомъ, а наше начальство строго смотритъ на щекотливыя знакомства, но...

— Ненужно, ненужно!—живо перебила она.—Если съ нимъ знакомиться опасно, то для меня все равно.

— Не то что опасно... Я недавно пріѣхалъ, начальство еще меня не знаетъ... Можетъ подумать, что я тоже раздѣляю мысли Могутова..

— Если вы не рѣшаетесь переговорить съ Дмитріемъ Ивановичемъ, то позвольте это сдѣлать мнѣ, — говорилъ въ то же время Кожуховъ Софьѣ Михайловнѣ.

— Отчего вы не переговорили съ нимъ, не спросясь меня?— подумавъ, отвѣчала она. — Вышло бы естественное объясненіе, было бы хорошо... Я не умѣю хитрять,—будетъ похоже на сговоръ, будто я стыжусь сама сказать... Поймите, я не стыжусь и не боюсь любви къ вамъ, но мнѣ жаль огорчить его. Еслибы вы знали, какъ онъ добръ! Я могу убить его... Думаю даже, что онъ догадывается о нашей любви, но считаетъ ее временною вспышкой. Онъ знаетъ, что если я брошусь въ ваши объятія, то и часу не буду съ нимъ,—у меня не подымутся глаза посмотрѣть на него... Нѣтъ, нѣтъ!... Какъ ни тяжело, но будемъ терпѣть.

— Не знаю, люблю ли я васъ болѣе за красоту, за умъ или за вашу добрую душу,—сказалъ Кожуховъ.—Вѣроятно, за все вмѣстѣ; но я досадую на вашу доброту... Когда вы предполагаете ѣхать въ ваши имѣнія? — спросилъ онъ, перемѣняя разговоръ, а съ нимъ и голосъ.

— Сейчасъ послѣ праздниковъ, а можетъ даже въ концѣ праздниковъ. Весна началась рано,—пора дѣлать приготовленія къ работамъ въ полѣ...

Обѣ пары вышли изъ сада и направились къ дому Рымниныхъ. Когда они подошли къ дому, кавалеры простились любезно съ дамами, отказавшись зайти въ домъ: Кожуховъ— работою губернатора, а Львовъ—педагогическимъ совѣтомъ въ этотъ вечеръ.

«Не уговоришь ее,—думалъ Кожуховъ, идя въ свою квартиру.—Чего боится?—Вспышки гнѣва старца... Не помретъ!... А еслибъ и померъ? — Пора... Половина имѣній — ея собственность. Не понимаю!... Бросилъ бы службу и, до смерти старца, жили бы амуромъ, а тамъ его смерть, свадьба и—впередъ, впередъ... Терпи и того жди, что подвернется добрый молодецъ, въ родѣ этого Могутова, которымъ мы изволили заинтересоваться... Любовь женщины—вѣтеръ, пока нѣтъ брака и дѣтей, а главное—дѣтей... Нѣтъ, чортъ возьми, я далѣе откладывать не буду! При первомъ удобномъ случаѣ переговорю съ нимъ и тамъ... У него заговоритъ гордость, желаніе щегольнуть самопожертвованіемъ, явится объясненіе, она, не умѣя лгать, откроетъ все и — дѣло въ шляпѣ... А она красива и притомъ

умна, бойка и богата... Нужно торопиться... Могутовъ—что?... А могутъ подвернуться почище угрюмаго студіоза».

«Сколько въ ней доброты при идеальной красотѣ! —думалъ въ то же время Львовъ, идя къ гимназіи.—Я буду бояться прикоснуться къ ней, когда она будетъ моей женой... Да будетъ ли?... Но она мнѣ довѣряетъ, спрашиваетъ совѣта, дала порученіе о стихахъ, просила познакомиться... Да, наконецъ, зачѣмъ идти въ учительницы, если только она не желаетъ сдѣлать угодное мнѣ, чтобы приготовить себя въ жены для меня?... Я говорилъ о пансіонѣ, о поэтической жизни при этомъ мужа и жены, когда они любятъ одинъ трудъ, понимаютъ... «Я буду учительницей», сказала она...» И улыбка счастія и довольства заблистала у Львова на лицѣ, и тихо, тихо пошелъ онъ далѣе, а потомъ вдругъ остановился и громко, съ чувствомъ продекламировалъ:

Ты для меня—что солнце юга,
Тепло и свѣтъ—въ тебѣ одной.

ГЛАВА VIII.

Объясненіе въ любви князя Король-Кречетова и кто такой князь Король-Кречетовъ.— Объясненіе въ любви его превосходительства, губернатора. — «Двадцать двѣ тысячи!... Погорячился... Нѣтъ, она стоитъ двадцати двухъ тысячъ!»

I.

Софья Михайловна много испытала на своемъ—правда, очень не долгомъ — вѣку и знала, какое сильное облегченіе находитъ всякая грусть въ трудѣ, а потому, какъ только начинало назойливо что-либо тревожить ее, она садилась за работу и работой отгоняла мысль и тревогу далеко прочь. Послѣ катанья, во время обѣда, падчерица была задумчива; Дмитрій Ивановичъ, что дѣлалъ онъ очень часто, занятъ былъ чтеніемъ газетъ, а Софья Михайловна засмотрѣлась на мужа. Она вдругъ нашла его далеко худшимъ, чѣмъ онъ былъ вчера и даже утромъ сегодня. Она не смотрѣла на него вчера и утромъ сегодня и давно уже такъ пристально, какъ теперь. Она сосчитала морщины на его лбу, щекахъ, у рта, сосчитала число зубовъ во рту, когда онъ раскрывалъ ротъ для пріема пищи, нашла носъ его опустившимся концомъ внизъ, волосы—безжизненными, руки—трясущимися, и пришла къ заключенію, что супругъ ея — почти мертвецъ.

«Только глаза бодро смотрятъ, — думала она потомъ, — да голову держитъ прямо... И онъ хочетъ, чтобъ я тревожила его!... Я еще молода,—мое отъ меня не уйдетъ.... И онъ еще молодъ и можетъ терпѣть... А что если онъ полюбитъ другую?!... Онъ здоровъ и силенъ, кровь заиграетъ, явится страсть,—можетъ полюбить другую, болѣе меня красивую, моложе меня... Жалѣй одного и потеряй другаго...»

«Жалѣй одного и потеряй другаго» — эта мысль тревожила и не покидала Софью Михайловну до конца обѣда, но, вставъ изъ-за стола, она не пыталась найти выходъ изъ этой Сциллы и Харибды, а прибѣгла къ своему обыкновенному способу разрѣшать трудно разрѣшимое: сѣла за работу — и тревога пропала. Она сильно любила Кожухова, но она еще была молода, сознавала свою красоту, много терпѣла въ жизни, вѣрила въ милость Бога, надѣялась на судьбу и, что самое важное, безсознательно-сильно вѣрила въ предопредѣленіе,—и работой отгоняла не только тревогу, но и все то, что могло бы разрушить, при долгой думѣ, ея инстинктивную вѣру въ предопредѣленіе.

Дмитрій Ивановичъ, обыкновенно, послѣ обѣда ложился спать на часъ, потомъ отправлялся въ управу и рѣдко когда приходилъ оттуда ранѣе десяти часовъ. Чай пили въ одиннадцатомъ, а послѣ чая онъ писалъ свое сочиненіе или доклады въ управу до часу или до двухъ.

Катерина Дмитріевна, обыкновенно, послѣ обѣда играла на фортепіано. Сегодня она тоже начала было играть, но скоро бросила и тихо, заложивъ руки за спину и опустивъ голову внизъ, начала ходить по залѣ.

«Рѣшительный вопросъ, — говорила она сама себѣ, — я буду учительницей! Онъ правъ,—безъ работы можно умереть. Я буду работать, буду учительницей. Вечеромъ переговорю съ папа, распрошу, какъ это сдѣлать, и буду учительницей...

«Папа говорилъ, — поднявъ голову, начала думать она, — что всѣ занятія для дѣвушки—только чтобы не скучать, а главное—выйдти замужъ, помогать мужу и воспитывать дѣтей... «Вамъ ужь пора выходить замужъ,—говоритъ мнѣ часто няня.— Ваша мамаша вышла за вашего папашу шестнадцати лѣтъ, а вамъ, барышня, семнадцать съ половиною,—совсѣмъ, значитъ, восемнадцать».—«Но я никого не люблю, няня».—«А вы, барышня, полюбите, присмотритесь да и полюбите...»

Ей очень весело. Отецъ вчера такъ хорошо доказалъ, что она отлично принаровлена для цѣли жизни женщины; Львовъ, нѣсколько часовъ назадъ, такъ искренно восторгался ею и такъ нѣжно и ласково смотрѣлъ на нее; нечаянная встрѣча съ Могутовымъ и его фразы о необходимости для счастливой жизни труда такъ сильно волновали ея головку, пока она надумала для нея работу, — и юношеская кровь дѣвушки заиграла, ея сердечко ускоренно забилось и ей хотѣлось чуть не плясать.

«Я это сейчасъ, няня, сдѣлаю», — громко сказала она и потомъ, опять опустивъ голову внизъ, продолжала думать.— Начнемъ; съ кого бы начать?... Кожуховъ... Онъ смотритъ на меня какъ на ребенка, да и онъ любитъ маму. Папа — старъ, мама — молода, красива, — она лучше меня и онъ ее любитъ... «Когда помретъ вашъ папаша, онъ на вашей мамашѣ женится»,— говоритъ няня... Мнѣ было жаль папа, я заплакала, а няня говоритъ, что всѣ помремъ. «И вы, барышня, доживете свой вѣкъ, будете старушкой и помрете. Богу молиться надо за папашу, а плакать—грѣхъ. А мамаша ваша честно исполняла свой долгъ и исполняетъ,—она папашѣ вѣрной женой была»... Какъ няня все умѣетъ подмѣтить и умно такъ объясняетъ!... Спрошу у ней, за кого мнѣ выйдти замужъ... Теперь Вороновъ... Сладчайшій господинъ Вороновъ, вы вѣрно не очень умны,—да?—Ну, и прекрасно, мы васъ оставимъ... Орѣцкій. Какой онъ смѣшной съ своимъ вѣчнымъ «о, да!»... Львовъ. Я на него сегодня разсердилась, что непонятливъ, а онъ, добренькій, и не замѣтилъ. Вы очень красивы, господинъ Львовъ, хорошо поете и добры очень,—я могу васъ полюбить... Я присмотрюсь къ нему, можетъ и полюблю его, — я полюблю только добренькаго... Вотъ и всѣ женихи. Одного Львова можно полюбить... А, еще Лукомскій... Но онъ скоро женится... Я и забыла про князя. Хотите быть княгиней, Катерина Дмитріевна?... Онъ некрасивый, неловкій, но лицо доброе... За то характеръ злой, — онъ всѣхъ бранитъ, всѣмъ противорѣчитъ,—споритъ, какъ бранится... Но онъ за то умный, о всемъ умѣетъ говорить... А зачѣмъ онъ часто говоритъ не то, что говорилъ прежде?... Я, князь, вела дневникъ вашимъ рѣчамъ и спуталась... Нѣтъ, онъ умный, а это я глупа,—глупая дѣвочка спуталась и обвиняетъ князя... Какъ я сегодня много думала о Могутовѣ!... У него серьезное лицо, но не злое, и онъ, навѣрно, добрый... Глаза большіе, брови наморщены, стоитъ гордо, а взглядъ не злой. И онъ тоже умный:

первый разъ видѣлъ незнакомыхъ, а какъ смѣло говорилъ и умно. Какъ смѣшно онъ маму вороной назвалъ! Мама расхвасталась, а онъ ее и назвалъ вороной... А потомъ такъ хорошо пожалѣлъ... Кречетовъ все бранится, а жалѣть ни разу не жалѣлъ. Какъ хорошо онъ говорилъ объ ученіи и трудѣ! Все такъ понятно, коротко, отъ души... У Кречетова всегда такъ длинно... Вотъ еслибы Кречетовъ былъ похожъ на Могутова, я бы сейчасъ его полюбила и была бы княгиней... Охъ, какая ты глупая, Екатерина! Стоитъ тебѣ захотѣть,—такъ сейчасъ и возьмутъ тебя!... Могутовъ умный, такъ онъ съ тобой не сказалъ ни слова; а вотъ мама умная,—онъ съ нею и говорилъ... Но вы ее назвали вороной, милостивый государь!... И я буду умной, буду работать, буду учительницей,—вы не имѣете права называть меня глупой! Вы не сказали ни одного слова со мной! Придете ли вы узнать меня?... Мнѣ кажется, что онъ не придетъ... Онъ замѣтилъ, что я—глупая, и не придетъ... Но я буду умной, и вотъ сейчасъ пойду заниматься педагогіей и буду учительницей».

Она поспѣшно ушла въ кабинетъ, гдѣ горѣла лампа; но она зажгла свѣчи, открыла какую-то нѣмецкую книгу, трактующую о здоровомъ и раціональномъ воспитаніи дѣтей и объ успѣшномъ преподаваніи дѣтямъ наукъ и искуствъ, и начала ее читать, держа карандашъ въ рукѣ.

«А у Могутова недурный басъ», подумала она, когда перевертывала страницу книги.

Она до чая внимательно читала и дѣлала отмѣтки карандашомъ на поляхъ книги.

II.

Дмитрій Ивановичъ возвратился изъ управы не одинъ,—съ нимъ пришелъ пить чай и Кречетовъ. За чаемъ Рымнинъ разсказывалъ женѣ и дочери, какъ молодые помѣщики, они же и земскіе гласные, горячо ухватились за постройку желѣзной дороги безъ посредства кулаковъ.

— Пріѣхали живо и уже почти всѣ земляныя работы разобрали,—разсказывалъ Рымнинъ.—Народъ молодой, энергія есть и видимо желаютъ не копѣйку нажить, а дать народу заработать ее, избавить народъ отъ кулаковъ. Ну, какъ думаешь, Гавріилъ Сергѣевичъ, справимся, не уронимъ дѣла, поддержимъ званіе дворянства?

Онъ любилъ Кречетова за его независимый характеръ, горячій темпераментъ, глубокую честность, и въ интимномъ кругу говорилъ ему «ты».

— Не посрамимъ земли Русской и поддержимъ дворянскую честь и славу,—громко отвѣтилъ Кречетовъ. Онъ былъ въ прекрасномъ настроеніи. Слухъ о готовящемся для него скандалѣ со старой водкой и антиками, какъ говорилъ полицеймейстеръ, еще не дошелъ до него, а между тѣмъ ему удалось убѣдить молодыхъ помѣщиковъ взяться за постройку землянаго полотна на началахъ, чуждыхъ наживы. Ему приходилось много говорить, спорить и, въ концѣ концовъ, онъ самъ сталъ во главѣ подрядчиковъ, а за нимъ пошли почти всѣ, въ комъ сохранилась «энергія, желаніе блага родному народу и способность къ труду».

— Испортите вы и всѣ дворяне дѣло,—не то шутя, не то подзадоривая увлеченіе Кречетова, сказала Софья Михайловна.

— Не испортимъ, — отвѣтилъ Кречетовъ, какъ отвѣчаетъ мастеръ своего дѣла на скептическое замѣчаніе ничего непонимающаго человѣка.

— Право, испортите, — настаивала Софья Михайловна. — Когда вы съ собственными имѣніями не можете справиться, то гдѣ же вамъ подряднымъ дѣломъ заниматься!... Испортите, навѣрное, испортите!

— Не напророчте намъ бѣды, Софья Михайловна! — отшучивался Кречетовъ.

— Мнѣ будетъ очень грустно услышать о вашей неудачѣ. Къ сожалѣнію, думаю, что васъ ждетъ полное фіаско. Имѣнія заложены, сданы въ аренду на окончательное раззореніе, сами разбѣжались по столицамъ—и, вдругъ, принялись за подрядное дѣло, желѣзную дорогу строить захотѣли!... Ничего ровно изъ этого не выйдетъ,—высказалась доказательнѣе, но не переставая подсмѣиваться, Софья Михайловна.

— Побаиваюсь и я, Гавріилъ Васильевичъ, побаиваюсь. Какъ бы потомъ на меня, старика, не жаловались, — сказалъ Рымнинъ, хлопая рукой по плечу Кречетова.

— Кто раззорилъ имѣнія, заложилъ и довелъ до отдачи въ аренду, это — вопросъ, Софья Михайловна. Можетъ въ этомъ вины теперешнихъ помѣщиковъ и вотъ на столько нѣтъ,—бросая крошку хлѣба вверхъ, возразилъ Кречетовъ.—Да и имѣнія— особая статья, а подряды—другая. А главное-то въ томъ, что

захотимъ, Софья Михайловна,—на гору вскочимъ, не захотимъ—и съ горы не повеземъ.

— Давай вамъ Богъ вести дорогу лучше, чѣмъ имѣнія,—сдалась Софья Михайловна.

— Папа! правда, что помѣщики похожи на ворону, которая стоитъ на спинѣ лошади, щиплетъ ея шерсть и говоритъ: какой славный мой работникъ-лошадка, какую хорошую шерсть для меня приготовила?—спросила громко Катерина Дмитріевна.

— Ха-ха-ха!... Правда, правда!—разсмѣялся Рымнинъ, а Софья Михайловна шаловливо грозила пальцемъ на падчерицу.

— Что, братъ, Гавріилъ Васильевичъ, на ворону мы съ тобой похожи?... Обидно, обидно, а правда!—шутилъ Рымнинъ.

Кречетовъ улыбался, смотрѣлъ ласково на Катерину Дмитріевну и думалъ: «Откуда это она вычитала?... А какая она хорошенькая сегодня!...» Катерина Дмитріевна тоже смотрѣла на него.—«Какой онъ некрасивый, когда веселый!»—подумала она и быстро перенесла взглядъ на отца. Кречетовъ замѣтилъ ея торопливо-прячущійся взглядъ; онъ зналъ свою некрасивость при смѣхѣ и подумалъ:—«Неужели я такъ безобразенъ, что она боится смотрѣть на меня?... Неужели мнѣ никогда не улыбнется счастье?»—и ему стало грустно, смѣхъ пропалъ, лицо стало надутымъ и онъ, какъ всегда, нервно заговорилъ:

— Ворона, Катерина Дмитріевна, сродни ястребу, а ястребъ—птица хищная, летаетъ высоко, видитъ далеко и любитъ свободу и независимость. Да и ворона—птица вольная, на убой ее не откармливаютъ, на потѣху не пріучаютъ, вьетъ гнѣздо на верху дерева, а не въ норахъ.

— Вы разсердились, Гавріилъ Васильевичъ?—удивленно спросила Софья Михайловна, первая замѣтившая быстрое превращеніе лица Кречетова изъ смѣющагося въ зло-надутое.

Катерина Дмитріевна посмотрѣла на него. Ей стало жаль его и она досадовала, что ея слова о воронѣ, сказанныя только для того, чтобы перевести разговоръ на Могутова,—были приняты за обиду.—«Какая я глупая!»—подумала она и на глазахъ ея навернулись слезы.

— Простите, я не думала о васъ. Мама, скажи, что я думала!—громко сказала она.

Кречетовъ замѣтилъ ея взглядъ, устремленный на него, замѣтилъ слезу въ ея глазахъ и, вдругъ, просіялъ, улыбнулся и, подойдя къ ней и подавая руку, сказалъ:

— Я не за ворону надулся, Катерина Дмитріевна... Позвольте вашу руку! Я вспомнилъ, какимъ я красавцемъ выглядываю, когда смѣюсь, — ну, и принялъ обыкновенный образъ. Вы извините меня.

— Вы знаете, откуда Катя взяла ворону? — начала Софья Михайловна.—Сегодня мы, катаясь, встрѣтились съ Могутовымъ и онъ назвалъ меня, помѣщицу, вороной.

Раздался дружный хохотъ мужчинъ.

— Но я не обидѣлась, потому что не за что было...

Софья Михайловна подробно разсказала встрѣчу съ Могутовымъ. Она передавала живо и картинно. Всѣ улыбались, когда она представляла Могутова безъ шляпы и «точь-въ-точь, какъ наша Катя сейчасъ передъ Гавріиломъ Васильевичемъ»—такъ закончила разсказъ Софья Михайловна.

Катя сперва улыбалась, но при послѣднихъ словахъ мачихи сильно и замѣтно покраснѣла. Кречетовъ замѣтилъ ея волненіе и былъ очень доволенъ, а Рымнинъ представлялъ себѣ сцену Могутова съ его женой и улыбался.

— Такъ онъ на дикаго не похожъ? — спросилъ Рымнинъ послѣ короткаго молчанія всѣхъ.

— Онъ показался очень мягкимъ и неглупымъ молодымъ человѣкомъ. Правда, Катя?—сказала Софья Михайловна.

— Да, мама,—тихо отвѣтила Катя и посмотрѣла на Кречетова. Тотъ улыбался во все лицо и такъ былъ добродушно-некрасивъ, что она невольно улыбнулась. Онъ просіялъ еще болѣе, хотя лицо его было уже совершенно вульгарно.

— Катерина Дмитріевна! спойте, если у васъ есть охота, «Вѣдь храмъ разрушенный—все храмъ, кумиръ поверженный — все-жь богъ»,—громко и оживленно обратился Кречетовъ къ дѣвушкѣ, торопливо поднимая рукою волосы на головѣ.

— Есть охота, большая охота!—весело вскрикнула дѣвушка и, вскочивъ съ кресла, побѣжала въ залъ, а за нею двинулся и Кречетовъ.

— А Екатерина была бы счастлива за Кречетовымъ,—сказалъ Рымнинъ.

— Да; но я боюсь, что сегоднешняя встрѣча съ Могутовымъ произвела на нее большое впечатлѣніе... Какъ бы она не влюбилась въ Могутова,—сказала Софья Михайловна.

— А онъ не шутя высматриваетъ порядочнымъ человѣкомъ,—не сорви голова?

— На первый взглядъ—угрюмъ, а потомъ ничего, уменъ и мягокъ. Я его просила къ намъ.

— И что же, обѣщалъ пожаловать?

— Кивнулъ головой только. Онъ, вѣроятно, бѣденъ — и не придетъ.

III.

А въ залѣ, послѣ пѣнія Катерины Дмитріевны «кумірь поверженный—все-жь богъ»,—раздавался густой басъ Кречетова. Онъ пѣлъ «Бороду» Бахметева, и пѣлъ хорошо: была слышна искренняя грусть, какъ будто самъ Кречетовъ жаловался, что посѣдѣла его бородушка «до поры своей, до времени», и что «не бусурманинъ» и не «вьюга лютая»—причиною тому.

— Вамъ много приходилось испытать горя? — съ участіемъ спросила дѣвушка, когда онъ кончилъ пѣть.

— Всего бывало, Катерина Дмитріевна!... Но я сегодня не хочу вспоминать непріятное. Позволите мнѣ когда-нибудь разсказать вамъ свое прошлое?—спросилъ Кречетовъ.

— Да, да. Я буду очень рада, — живо сказала она.

— Я — уродъ лицомъ, злой на языкъ, но я — не злой на самомъ дѣлѣ, Катерина Дмитріевна, — пожимая ея руку, говорилъ онъ.—Нѣтъ такого человѣка, Катерина Дмитріевна, которому, въ продолженіе тридцати-пяти лѣтъ его жизни, не улыбнулось бы хотя разъ счастье, не свѣтился бы хотя разъ лучъ искренней любви. А у меня... Не отталкивайте меня, Катерина Дмитріевна, я васъ люблю; вы воскресили во мнѣ вѣру, надежду. Пусть опять разобьется вѣра и одна смерть будетъ удѣломъ мнѣ...

Она сидѣла опустивъ голову и звала разсудокъ на помощь, а разсудкомъ завладѣли и страхъ, и бездна какихъ-то вопросовъ, и что-то пріятное, и что-то страшное, и все это сдавило ея голову, сжало грудь—и слезы полились изъ ея глазъ.

— Простите! Это такъ нежданно для васъ... Простите! Я сегодня... Но вы не отвѣчайте мнѣ. Я буду ждать вашего отвѣта годъ, два, десять лѣтъ,—пока вы сами не скажите «да» или «нѣтъ»... Простите и не сердитесь,—взявъ ея руку и пожавъ ее, сказалъ Кречетовъ и ушелъ изъ залы въ столовую.— Прощайте, Катерина Дмитріевна,—тихо сказалъ онъ, скоро возвратясь въ залъ.

— Прощайте,—сказала она вставая. Лицо ея было блѣдно, но глаза смотрѣли спокойно.—Вы очень добры.... Я буду видѣть васъ часто у насъ и тогда скажу. Я еще очень глупая дѣвчонка...

Онъ крѣпко пожалъ и поцѣловалъ ея руку.

— У меня къ вамъ просьба, Гавріилъ Васильевичъ,—остановила она его, когда онъ дошелъ уже до дверей. — Мама не сказала, что Могутовъ очень грустно говорилъ, что онъ не можетъ найти работы. О немъ сочинили исторію... Найдите ему работу,—робко закончила она.

— Будетъ исполнено въ самомъ скоромъ времени, — отвѣтилъ Кречетовъ.

— Благодарю васъ, — подбѣжавъ къ нему и подавая ему руку, весело сказала она.

Онъ посмотрѣлъ пытливо ей въ глаза. Она покраснѣла и наклонила голову. Онъ гораздо осторожнѣе, чѣмъ прежде, пожалъ ей руку и не поцѣловалъ ея.

Она сѣла за фортепіано, когда онъ ушелъ, но долго не начинала играть. Ей хотѣлось думать, но сердце стучало сильно, въ головѣ былъ какой-то пріятный хаосъ, а опредѣленныхъ мыслей она не старалась возбудить въ ней. Прошло съ четверть часа, она вздрогнула, какъ будто внезапно проснулась и порывисто заиграла: «Часы полны веселья» изъ «Травіаты». Сперва она играла, потомъ тихо подпѣвала подъ игру, а потомъ громко спѣла пѣсню Маргариты изъ «Фауста», Гуно.

— Какъ хороши его манеры,—сказала она громко и улыбнулась. Она начала было пѣть: «Не блещу я красотою», но голосъ дрогнулъ и она ушла въ кабинетъ.

— Папа! — сказала она въ кабинетѣ отцу совершенно спокойнымъ голосомъ.

— Что, Екатерина?—спросилъ отецъ, кладя перо и поднявъ на нее глаза. Онъ думалъ, что она будетъ говорить о Кречетовѣ. «Тотъ ушелъ взволнованнымъ,—вѣроятно, говорилъ о своихъ чувствахъ къ ней», подумалъ онъ.

— Я хочу быть учительницей, папа!

— Чего и гдѣ? — спросилъ отецъ, улыбнувшись неожиданному хотѣнію дочери.

— Ты научи, папа! Ты только скажи, папа, гдѣ и какъ, а я сама приготовлюсь... Отлично приготовлюсь!

Отецъ задумался. — «Жаль, что не столковались,—думалъ онъ. — Гдѣ бы ей учительствовать? Это она хорошо придумала... Но гдѣ?»

— Скажешь, папа?—спросила дочь.

— Дай подумать... Теперь скоро весна. Приготовься, поѣзжай въ деревню и учи крестьянскихъ дѣтей грамотѣ. Это будетъ очень полезная для тебя проба, Екатерина.

— Отлично, отлично! Папа, мой милый, умный, добрый!—и дочь обняла отца и крѣпко цѣловала его.

— Только ты хорошенько приготовься и приготовь все. Въ деревнѣ насчетъ принадлежностей для наукъ—плохо.

— О, я отлично все приготовлю, милый папа! Правда, папа?

IV.

Тридцать пять лѣтъ назадъ, князь Василій Юрьевичъ Король-Кречетовъ ходилъ по кабинету нервною походкой: то едва передвигалъ ногами, то бѣгалъ. Онъ былъ красивый, высокаго роста, лѣтъ за сорокъ мужчина, но его густые и длинные волосы, сѣрые отъ сѣдины, длинная, черная, по краямъ совсѣмъ посѣдѣвшая борода, его постоянно нахмуренные глаза—старили его и на видъ ему было далеко за пятьдесятъ.

Постоявъ немного по срединѣ кабинета большаго барскаго дома въ деревнѣ, онъ вдругъ подбѣжалъ къ образу, упалъ передъ нимъ на колѣни, скрестилъ руки на груди и, со слезами на глазахъ, устремленныхъ на образъ, заговорилъ громко и скоро:

— Я буду вѣрить въ Тебя! Я посвящу Тебѣ остатокъ жизни моей! Я даю клятву не дѣлать ни одного грѣха во всю остальную жизнь мою, только пошли мнѣ, Боже, сына!... Сына, сына дай мнѣ, милосердый Боже! Ты видишь мою молитву,—не попусти безвѣрію покарать меня у дверей гроба, не лиши меня царствія Твоего небеснаго!...

Въ кабинетъ вошелъ лакей.

— Что?... Что сказалъ докторъ? — торопливо вскочивъ съ колѣнъ и подскочивъ къ лакею, нервно спрашивалъ онъ.

— Барыня изволили благополучно...

— Сынъ? Сынъ? Да?... Ну, говори!—шепотомъ спрашивалъ старикъ у лакея.

— Сынъ, ваше сіятельство!...

— Благодарю Тебя! Ты сжалился надъ старикомъ, Господь!— и онъ хотѣлъ броситься на колѣни предъ образомъ, но, посмотрѣвъ на лакея, вдругъ поблѣднѣлъ и затрясся. — Что ты дрожишь?... Говори, говори! Не бойся, говори,—что?... Чего же ты боишься? Ну?...

— Докторъ приказали сказать, ваше сіятельство, что барыня благополучно разрѣшились, а ребенокъ...

— Что, что? Ну, говори, болванъ!—крикнулъ старикъ.

— Ребенокъ, ваше сіятельство, мертвый...

— Что?—крикнулъ онъ на всю комнату.—Ты лжешь, мерзавецъ!—и старикъ уперся всѣмъ корпусомъ въ лакея и пихнулъ его въ дверь. Бородка замка не выдержала, дверь растворилась съ трескомъ и лакей безъ чувствъ упалъ за дверью съ разбитой въ кровь головой.

— Подлецы!... Вездѣ подлецы!—дико закричалъ старикъ и потомъ вдругъ замолкъ, съежился и сѣлъ въ углу кабинета. Онъ, какъ окаменѣлый, просидѣлъ съ полчаса, ничего не слыша и не видя, хотя чрезъ открытую дверь видно было, какъ люди уносили лакея, потомъ вскочилъ и сильно позвонилъ.

— Дмитрича позвать! — спокойно сказалъ онъ дрожавшему отъ страха новому лакею.

— На зло земли и небу у меня будетъ сынъ!—проговорилъ онъ громко, когда лакей опрометью убѣжалъ звать Дмитрича. — Да, на зло всему у меня будетъ сынъ!

— Здравствуй, князь! — спокойно и не кланяясь, сказалъ вошедшій Дмитричъ, высокій, плотный, съ рыжею бородой, крѣпостной человѣкъ старика, его секретарь, другъ и главно-управляющій.

— Моя сволочь, а твоя барыня, родила кусокъ мертвячины,— слышалъ?

— Слышалъ и сожалѣю, князь.

— Отвезть мертвячину въ деревню, а мнѣ привезти оттуда живаго мальчика,—только-что родившагося мальчика,—понимаешь?... Бабу и всю семью сослать за тысячу верстъ,—понимаешь? Сослать немедленно... Ну!

Дмитричъ, не говоря ни слова, повернулся и вышелъ.

— Позвать доктора!—крикнулъ старикъ.

Явился высокій и худощавый докторъ изъ нѣмцевъ.

— Послушайте, докторъ, воскресите мнѣ сына, — серьезно и мягко сказалъ старикъ.

— Я—не Богъ, я не могу это,—удивленно отвѣчалъ докторъ.

— Такъ я Богъ!... Слышите, я—Богъ!... Я приказываю воскресить мнѣ сына!—сердито, но не громко говорилъ старикъ, а докторъ пожималъ плечами и нервно кусалъ губы.

— Я вамъ дамъ десять тысячъ, а вы сейчасъ идите и найдите жизнь въ мертвомъ ребенкѣ.

— Какъ я могу найдти!... Онъ мертвый!—удивился докторъ.

— Молчать, дуракъ!... Не перебивайте меня, докторъ, умоляющимъ голосомъ продолжалъ онъ потомъ.—Вы, докторъ, приложите зеркало къ мертвому младенцу, найдите, что онъ живъ, прогоните всѣхъ, положите въ отдѣльной комнатѣ и оставайтесь при немъ. Вамъ принесутъ живаго ребенка, а мертваго возьмутъ. Вотъ вы и воскресите мертвеца, и у меня будетъ сынъ, вы его и принесете матери,—поняли?—торопливо и тихо говорилъ князь.

Докторъ молчалъ и серьезно думалъ.

— Вы уѣдете въ Петербургъ, за границу, куда хотите, а у меня будетъ сынъ,—поняли?

— Можно будетъ отвѣчать, князь?—спросилъ докторъ.

— Не въ Россіи и не при мнѣ. Будьте покойны!...

Такъ и явился на свѣтъ Гавріилъ Васильевичъ, князь Король-Кречетовъ.

На седьмомъ году съ Гаврюшей разыгралась слѣдующая исторія. Онъ былъ некрасивый мальчикъ, съ чисто-мужицкимъ лицомъ, совершенно не похожимъ на красивое, правильное лицо отца. Умственныя способности Гаврюши были тоже не блестящи. Онъ не былъ глупъ, но не обладалъ быстрымъ соображеніемъ и ему съ большимъ трудомъ давалось ученіе, а вслѣдствіе частыхъ вспышекъ гнѣва отца (послѣ смерти матери, жены князя, которая умерла, когда Гаврюшѣ было три года), недовольнаго мужицкимъ лицомъ и тупостью Гаврюши,—онъ былъ застѣнчивъ, робокъ и пугливъ.

— Гаврюша, ступай, дай щелчокъ по носу Кирилычу!—говорилъ князь сыну, указывая на стоявшаго у дверей шута, худаго, прилично одѣтаго, съ горбатымъ носомъ, съ громаднымъ ртомъ, морщинистаго старика.

Гаврюша, всегда покорно исполнявшій приказаніе отца, подошелъ къ шуту.

— А за что вы мнѣ щелчка въ носъ дадите, маленькій князекъ? Я сегодня не дуракъ, у меня голова болитъ,—ну, князь и серчаетъ... Такъ пускай же онъ своею княжескою ру-

кой дастъ мнѣ прямо по мордѣ, а вамъ, князекъ, грѣхъ больнаго человѣка бить. Я сегодня больной человѣкъ, а не дуракъ,—болѣзненно искрививъ лицо, говорилъ шутъ.

Гаврюша стоялъ разинувъ ротъ и робко-растерянно посматривалъ то на отца, то на шута.

— Дай ему по носу, шутъ!... Щелчка въ носъ мальчишкѣ-мужичонку, шутъ!... Ну!—кричалъ на всю комнату князь.

— Они меня, а я ихъ — этакъ смѣшнѣй будетъ, князь?... Изволь, мирюсь на этомъ,—говорилъ шутъ, становясь на колѣни противъ мальчика.

— Ха-ха-ха!—громко и зло хохоталъ князь.—Два шута, ха-ха-ха!... Ну, ну, оба вмѣстѣ!... Ну!

Шутъ, разинувъ ротъ, безсмысленно выпучивъ глаза и подражая мальчику, начиналъ цѣлиться и давать щелчки ему по носу, а мальчикъ шуту.

— Вонъ съ глазъ моихъ!—крикнулъ князь.—Вонъ изъ моего дома, шуты и скоморохи!... Чтобъ не было на моихъ глазахъ шутовъ и скомороховъ!

И большой шутъ схватилъ въ охапку маленькаго шута и опрометью выбѣжалъ съ нимъ изъ комнаты.

— Дмитрича!—крикнулъ князь.—Дуракъ, ты, Дмитричъ,—говорилъ успокоившійся князь, когда явился Дмитричъ.—На скомороха обмѣнялъ мнѣ мертваго сына. Мнѣ не нужно дурака!... Чтобъ сейчасъ отослать его въ деревню свиней пасть!... Отошли его, какъ мужичонку простаго, куда-нибудь подальше и чтобы тамъ и пикнуть никто не смѣлъ, что онъ мой сынъ!... Какого чорта онъ мой сынъ!... Шутъ онъ. Какъ мужичонку отошли!

— Отошлю, князь,—равнодушно отвѣчалъ Дмитричъ.

— У меня будетъ собственный мой сынъ... Если милая Мари разрѣшится сыномъ, я женюсь на ней и у меня будетъ собственный сынъ... А этого скомороха долой съ глазъ и въ свинопасы!... Непремѣнно долой съ глазъ и за тысячу верстъ,—слышишь?

— Сейчасъ, князь?—спросилъ Дмитричъ.

— Сію минуту! Сейчасъ въ свинопасы за тысячу верстъ!

M-lle Marie, гувернантка Гаврюши, разрѣшилась сыномъ и старикъ - князь, довольный и счастливый, женился на ней, а Гаврюша, въ бѣдной крестьянской семьѣ, за триста верстъ отъ прежняго житья, пасъ свиней. Онъ прожилъ въ такомъ положеніи три года и тутъ окончательно испортилась его физіономія

отъ ковырянія въ носу и отъ засовыванія рукъ въ ротъ,—и ротъ, и носъ его сдѣлались широкими, неправильными. Какъ пріемышъ въ бѣдной семьѣ, онъ привыкъ улыбаться во весь ротъ, раскрывая его очень некрасиво и обнаруживая неправильные зубы; но за то окрѣпъ физически. Пища его была плоха, но свѣжій воздухъ, лѣтняя жара и зимній холодъ укрѣпили его, отъ природы широкую и высокую, фигуру, а пастушеская жизнь сообщила ему навсегда мягкость, мечтательность, любовь къ картинамъ природы, любовь къ овечкамъ и свинкамъ, а черезъ нихъ и ко всему бѣдному, жалкому, безсловесному, какимъ былъ онъ и самъ тогда.

M-lle Marie черезъ три года послѣ превращенія въ княгиню Марію Давыдовну опять забеременѣла. Какъ она ни старалась скрыть свое вторичное интересное положеніе, такъ какъ ея супругъ уже второй годъ былъ слабъ и хилъ, князь, однако, замѣтилъ и, послѣ быстрыхъ, тщательныхъ и настойчивыхъ усилій, открылъ страшную для него истину. Два дня онъ былъ дикъ, почти не принималъ пищи и не ложился спать, но на третій день успокоился, позвалъ Сидорыча, помощника Дмитрича, и отдалъ ему такой приказъ: Дмитрича немедленно отдать въ солдаты, а для него, князя, приготовить все къ скорому отъѣзду въ Петербургъ и доставить ему немедленно Гаврюшу.

Черезъ годъ Гаврюша былъ отданъ въ пансіонъ при одной изъ петербургскихъ гимназій, а Марія Давыдовна, вслѣдствіе формальнаго развода, опять превратилась въ m-lle Marie и уѣхала съ своимъ незаконнорожденнымъ сыномъ во Францію, получивъ отъ князя 10.000 рублей.

Въ гимназіи Гаврюша учился туго, но прилежно: онъ былъ порядочнымъ по успѣхамъ и отличнымъ по поведенію. Товарищи подсмѣивались надъ нимъ, но любили его за искреннюю доброту, за желаніе всегда подѣлиться съ ними всѣмъ, а дѣлиться ему было чѣмъ: князь щедро присылалъ деньги сыну, но видѣться съ нимъ не желалъ и даже мѣсто жительство отца не было извѣстно сыну. Посылая деньги, отецъ всегда писалъ одно и то же сыну: «Посылаю тебѣ денегъ и совѣтую учиться какъ можно лучше. Ты—уродъ и наука—твое единственное спасеніе. Твой отецъ князь Король-Кречетовъ». Слово «князь» всегда было подчеркнуто, а въ постскриптумѣ пояснялось: «Только ученымъ ты не осрамишь нашего славнаго въ прошломъ дворянскаго и княжескаго рода».

Гаврюша былъ въ седьмомъ классѣ, когда ему сообщили, что его отецъ умеръ, оставивъ все свое громадное состояніе ему, съ условіемъ, если онъ, Гаврюша, кончитъ курсъ въ Московскомъ университетѣ. Въ послѣднемъ своемъ письмѣ отецъ сообщалъ ему о его происхожденіи и умолялъ его подъ страхомъ загробнаго проклятія учиться какъ можно лучше и не осрамить славнаго рода князей Король-Кречетовыхъ.

V.

Въ Москвѣ, въ томъ домѣ, гдѣ жилъ студентъ Кречетовъ, жила и часто смотрѣла въ окно изъ своей квартиры въ третьемъ этажѣ молоденькая женщина, блондинка, съ остренькимъ носикомъ и бойкими глазками. Кречетовъ увидѣлъ ее, влюбился въ нее и по цѣлымъ часамъ стоялъ у своего окна, дожидая появленія блондинки у ея окна, но не дѣлая ни одного шага, чтобъ узнать, кто она—дѣвушка или дама, и можно ли съ ней познакомиться.

Такъ прошло около мѣсяца.

— Послушайте, молодой человѣкъ, — обратилась къ нему блондинка, когда онъ возвращался изъ университета домой и когда она совершенно нежданно для него остановила его. — Вы такъ молоды и такъ злы! Зачѣмъ вы хотите погубить меня, преслѣдуя вашими взглядами изъ окна?

Онъ растерялся. «Бѣдненькая!... Какой я олухъ! Боже, что я надѣлалъ!» — мелькало у него въ головѣ, и онъ хотѣлъ бѣжать, но его ноги не слушаютъ, а языкъ самъ собою заговорилъ:

— Я, честное слово... клянусь, я не зналъ... Какъ я могъ подумать погубить... Я молюсь на васъ, — вы, какъ святая, служите образомъ для моихъ молитвъ... Вы—ангелъ, — растерянно говорилъ онъ и слезы подступили къ его глазамъ.

Она сжалилась надъ нимъ, просила заходить въ ихъ домъ, обѣщала познакомить съ мужемъ. Такъ началось знакомство и Кречетовъ сдѣлался другомъ дома блондинки и ея мужа, началъ часто бывать у нихъ.

Мужъ блондинки, молодой еще чиновникъ, кончившій университетъ лѣтъ десять тому назадъ и занимавшій должность секретаря въ сенатѣ, страстно любилъ свою жену, — она была для него единственною утѣхой послѣ службы. Какъ усердный чиновникъ, онъ страдалъ геморроемъ, былъ раздражителенъ, вспыль-

чивъ и грубоватъ, хотя слылъ за безукоризненно-честнаго человѣка. Онъ ревновалъ свою жену и въ ихъ домѣ почти никто не бывалъ; но некрасивое лицо Кречетова, его доброта, искренняя некрасивая улыбка, его сильное желаніе услужить чѣмъ только можно — подкупили къ нему чиновника и не возбуждали въ немъ ревности.

Такъ прошло нѣсколько мѣсяцевъ. Кречетовъ по-прежнему любилъ блондинку и не добивался ея любви; но за то въ ней явилась мягкость, жалость къ нему. Онъ дѣлаетъ для нихъ много, очень много своими средствами, никогда не требуя благодарности, даже стѣсняясь ею, и добрая блондинка снерва ласково шутила надъ его некрасивостью, добротою и наивностью, потомъ стала жалѣть его, потомъ однажды поправила и погладила его волосы, потомъ шутя заставила поцѣловать ея руку, потомъ сама поцѣловала его и... Но вѣдь онъ такъ добръ, до глупости добръ; притомъ она не любила его, а только горячо поблагодарила,—поблагодарила какъ женщина, въ которую влюбленъ добрый мужчина, къ которому она привыкла, который развлекаетъ ее въ длинные осенніе вечера, когда мужъ поздно, въ одиннадцатомъ часу вечера, возвращается изъ департамента.

Былъ темный, дождливый, осенній вечеръ. Вѣтеръ сильно бушевалъ, заглушалъ уличный шумъ и заунывно доносился въ комнаты. Кречетовъ сидѣлъ на диванѣ, обнявъ блондинку, а она склонила голову на его плечо. На столѣ въ полсвѣта горѣла лампа, въ комнатѣ было темновато, на улицѣ завывалъ вѣтеръ. Они молчали. Онъ млѣлъ отъ любви и блаженства, которое она даетъ ему уже около мѣсяца, а она думала, что хотя онъ и очень некрасивъ, но онъ опьяняетъ ее своею первою, страстною любовью и ей пріятнѣе ласкать его, чѣмъ очень красиваго мужа, котораго она, однако, любитъ по-прежнему и будетъ его одного любить. Кречетовъ смѣшонъ, и она не любила и не любитъ его, онъ только опьяняетъ ее, беретъ, уноситъ и дѣлаетъ съ нею то же, что и мужъ... Да, да, она не любитъ Кречетова, а любитъ только мужа...

Она бросается на шею мужа, появившагося нежданно въ дверяхъ. Она плачетъ, цѣлуетъ его и какъ горлинка воркуетъ:

— Я только тебя, тебя, мой милый, хорошій, только тебя люблю. Я не люблю его. Онъ—уродъ, онъ хватаетъ меня, цѣлуетъ, дѣлаетъ пьяной и уноситъ... Я теряю разсудокъ. Дорогой мой, мужъ мой, я тебя только люблю! Я не хочу его любить. Онъ—уродъ,

онъ смѣшной!—И она цѣлуетъ и мочитъ слезами руки мужа, его лицо, его грудь сквозь рубашку.

— Какой вы подлецъ, милостивый государь!... Вонъ, или я васъ вышвырну за окошко!—крикнулъ мужъ блондинки.

Кречетовъ былъ какъ во снѣ, но «подлецъ», «вонъ» и «вышвырну» возвращаютъ его, всегда пугавшагося крику и руготни, къ дѣйствительности.

— Тебѣ... говорю: вонъ! —слышитъ онъ отчетливо крикъ мужа блондинки и, безъ шляпы, безъ пальто, робко идетъ къ двери, спускается по лѣстницѣ, выходитъ на дворъ и останавливается посреди его. Онъ простоялъ нѣсколько минутъ безъ мыслей, съ совершенно подавленною головою. Дождь мочилъ его, холодъ освѣжалъ его голову, а вьюга, какъ музыка, успокоивала его умъ.

«Такъ она меня не любитъ! —думаетъ онъ.—Она играла мною, обманывала меня!... Да за что же все это?... Что я сдѣлалъ?... Я—уродъ... Я—смѣшонъ...» и онъ бросился бѣжать къ воротамъ.

— Куда это, баринъ, безъ шапки? Чуть съ ногъ не сшибли,—говоритъ дворникъ, хватая Кречетова, который, какъ сумашедшій, набѣжалъ на него.

— Пустите, пустите! Я не долженъ жить, мнѣ умереть, утопиться нужно,—въ бреду бормоталъ Кречетовъ.

Дворникъ не пустилъ его, отвелъ на квартиру, и онъ чрезъ часъ лежалъ въ сильной горячкѣ. Его лѣчилъ лучшій докторъ, но изъ товарищей никто не навѣщалъ его, не навѣщала его и блондинка. Ей жалко было его уже и тогда, когда мужъ кричалъ на него, но она боялась мужа и не навѣщала больнаго. Она не сказала мужу, что у ней съ Кречетовымъ была связь.

— Онъ только цѣловалъ меня, объяснялся въ любви,—говорила она мужу, смотря прямо въ глаза, а сама думала: «Я вѣдь не виновата, я не хотѣла, это нечаянно... Я скажу священнику на духу и Богъ проститъ меня...»

Выздоровѣвъ, Кречетовъ дрался съ мужемъ блондинки на дуэли. Мужъ блондинки стрѣлялъ первый и шальная пуля его пистолета попала Кречетову въ руку, что не мало удивило мужа блондинки, такъ какъ онъ первый разъ во всю свою жизнь держалъ пистолетъ въ рукахъ. Удачный выстрѣлъ такъ его удивилъ, что онъ гордо стоялъ и прямо смотрѣлъ на противника,

когда тотъ цѣлился въ него. Но вдругъ онъ удивился еще болѣе и вскрикнулъ:

— Что вы дѣлаете?!..

Кречетовъ выстрѣлилъ себѣ въ грудь.

Дуэль осталась тайной. Раны Кречетова оказались опасными, но счастливыми, такъ какъ «существенные механизмы организма не были въ территоріи вліянія пуль», какъ заявилъ лѣчившій его докторъ. Чрезъ полгода Кречетовъ перемѣнилъ квартиру и по-старому ходилъ въ университетъ, занимался, только сталъ угрюмъ, лицо его было постоянно надутымъ, рѣчь его стала зла.

Въ концѣ пятидесятыхъ годовъ онъ кончилъ курсъ кандидатомъ и, подъ вліяніемъ шума и говора того времени, поѣхалъ въ деревню. Въ 1863 году онъ бросилъ съ отвращеніемъ «деревню» и уѣхалъ за границу, гдѣ слушалъ курсъ естественныхъ наукъ въ одномъ изъ германскихъ университетовъ. Изъ-за границы онъ вернулся опять въ деревню, подъ вліяніемъ шума и говора о появившемся на Руси земствѣ. Онъ съ тѣхъ поръ постоянно зажилъ въ имѣніи, недалеко отъ уѣзднаго города, въ который онъ ѣздилъ каждый день, какъ членъ уѣздной управы. Пріѣзжая въ мѣсяцъ раза три-четыре въ С—нскъ по дѣламъ земства, онъ любилъ бывать у Рымниныхъ. Катерину Дмитріевну онъ засталъ еще въ коротенькомъ платьицѣ и почти съ плоскою грудью, но она нравилась ему и тогда, какъ бойкая, умная и хорошенькая дитя-дѣвочка, совершенно не похожая на коварный предметъ его московской любви. То была блондинка— кругленькая, румяная и улыбающаяся, какъ херувимъ, а эта была брюнетка, худощава, бойка, но серьезна и въ ея глазахъ свѣтились мысль, умъ, любознательность... Нравилась ему Катерина Дмитріевна еще дѣвочкой, а когда она превратилась въ дѣвушку, онъ уже полюбилъ ее и, какъ казалось ему, полюбилъ спокойно, умомъ и сердцемъ вмѣстѣ,—полюбилъ не только за ея красоту, но и за ея умъ, за ея доброту, искренность, полное отсутствіе кокетства. Онъ не хотѣлъ говорить ей о своихъ чувствахъ до тѣхъ поръ, пока не явятся сами собой между ею и имъ дружба, откровенность, глубокое уваженіе; но, какъ читатель видѣлъ, онъ не выдержалъ и объяснился въ любви ранѣе, когда еще не было дружбы между ею и имъ.

«Она меня не любитъ,—думалъ онъ, возвращаясь отъ Рымниныхъ послѣ любовнаго объясненія.—Я — уродъ, но у меня

проницательный взглядъ... Право, я сталъ другимъ! Тогда, какъ Отелло, я волновался, на дуэли дрался, топиться и стрѣляться хотѣлъ... Боже, сколько глупостей!... А теперь спокойно разсуждаю, хоть на душѣ и тяжело... Я люблю ее не за одну красоту, но и за умъ, за добрую душу... Я отъ души буду радоваться ея семейному счастію съ другимъ... Семейное счастіе не для меня», вздохнувъ закончилъ онъ и безъ мыслей зашагалъ къ своей квартирѣ.

VI.

Ирина Андреевна въ девятомъ часу вечера вышла изъ дома дивизіоннаго генерала и нетбропливою походкой направилась къ городскому саду. Она почти ни о чемъ не думала, была спокойна, какъ тиха и спокойна была ночь, и, какъ блѣдный, отраженный, не самостоятельный свѣтъ луны ночи, были блѣдны и неопредѣленны отрывки мыслей въ ея головѣ. Какъ солнце, жгла и горѣла въ ея головѣ мысль о продажѣ самой себя, воспламеняла ея глаза, усиленно заставляла трепетать и болѣзненно сжиматься ея сердце, ломать нервно руки и то надѣяться на счастіе и блаженство впереди, то вздрагивать и чуть не падать въ обморокъ отъ могущихъ произойти послѣдствій продажной любви. Но какъ солнце, пройдя свой дневной путь, картинно, не жарко склоняется къ западу, поиграетъ у горизонта и спрячется наконецъ, а ночью только на лунѣ блеститъ и отражается его свѣтъ,—такъ и Ирина Андреевна, послѣ страшнаго напряженія мыслей и тревоги отъ нихъ, теперь шла спокойно и въ ея головкѣ шевелились только обрывки прежнихъ мыслей,—шевелились тихо, блѣдно, какъ лунный свѣтъ блѣдно отражаетъ солнце. И смотрѣли ея темные бархатные глаза спокойно и нѣжно, и были чуть-чуть зарумянившись ея щеки, и ровна, плавна была ея походка, и беззаботно поворачивалась ея головка направо и налѣво.

Она вошла въ городской садъ. «Его еще нѣтъ, — думаетъ она, идя по условленной аллеѣ.—Это хорошо. Если онъ уважаетъ меня и себя, онъ не долженъ придти первымъ. Онъ долженъ знать, что я въ тревогѣ и должна успокоить себя... Это доказываетъ его умъ, умѣнье сдерживать свои чувства... «Какъ я его обрадую, какъ я его обрадую!»—вспоминаетъ она слова полицеймейстера и улыбается.

«Стараго, уродливаго, трясущагося старца я бы никогда не полюбила, за милліоны не была бы его любовницей. Фи, гадость!» подумала она и, вмѣсто старца, образъ губернатора мелькаетъ предъ ней, и въ ея головкѣ начали рисоваться игривыя, пикантныя, но не чуждыя поэзіи и любви, сцены. Она любитъ его, какъ героиня романа, она видитъ въ немъ героя, который обворожилъ ея душу, наполнилъ мыслію о себѣ ея головку, своею нѣжностью и горячею страстью заставилъ искренно биться горячо и скоро ея сердце, — и румянецъ, румянецъ волненія неиспытавшаго любви сердца, покрываетъ ея хорошенькія щечки, а ея бархатные глаза невольно потупляются стыдливо въ землю.

«Я слышу шаги! — вздрогнувъ и чуть не вскрикнувъ, подумала она, когда до ея слуха ясно донеслись разговоръ и шаги идущихъ вдали аллеи людей. Она хочетъ быть спокойной.— Теперь рѣшится моя судьба. Нужно быть какъ можно болѣе спокойной,—думаетъ она, но сердце продолжаетъ ускоренно биться. Она хочетъ припомнить программу, составленную ею заранѣе для сегоднешняго разговора съ нимъ, но въ головѣ шумъ, толчки, хаосъ.—Какая славная ночь!—думаетъ она, какъ бы желая перемѣной предмета успокоить голову.—Въ такую ночь, при моемъ умѣ, знаніи людей и красотѣ можно вскружить голову какому угодно мужчинѣ... Но можно потерять и свою!... Но я не потеряю,—ободряетъ она себя,—продолжая идти на встрѣчу идущимъ по алеѣ.—Боже, помоги мнѣ!»—тихо вздохнувъ, подумала она, когда поровнялась съ губернаторомъ и полицеймейстеромъ.

— Имѣю честь кланяться вашему превосходительству,—дѣлая рукою подъ козырекъ, сказалъ полицеймейстеръ и, повернувшись, ушелъ, а губернаторъ, прищурившись, всматривался въ идущую къ нему на встрѣчу Ирину Андреевну.

— Если не ошибаюсь, Ирина Андреевна? — спросилъ онъ, когда она поровнялась съ нимъ.

— Не ошибаетесь. Добрый вечеръ, генералъ!—отвѣтила она спокойно.

— Добрый, добрый вечеръ и вамъ. Вы извините, я было васъ не узналъ,—ночь очень свѣтлая, но мои глаза теряютъ уже быстроту...

— Говорятъ, это къ богатству, и вамъ не нужно извиняться, генералъ.

— Потеря быстроты взгляда—къ богатству?... Я этого не слыхалъ,—улыбаясь говорилъ онъ.

— Нѣтъ, нѣтъ, генералъ, не то!—весело и громко говоритъ она.—Не узнаютъ—къ богатству. Я такъ рада, когда хотя пустыя примѣты сулятъ мнѣ богатство,—сказала она, желая объяснить свою бойкость, которая не входила въ ея программу. По программѣ, она должна быть серьезна, должна говорить чуть-чуть въ минорномъ тонѣ, быть спокойной, и только тогда, когда онъ согласится на ея условія, она мгновенно должна обнаружить и благодарность, и любовь, и шаловливость... И она была недовольна, и успокоившееся-было сердечко опять начало биться ускоренно.

— Вы — такая поклонница богатства?... Не предполагалъ этого въ васъ!... На что вамъ, при вашей красотѣ, богатство? Оно будетъ излишествомъ для васъ...

— Вы такъ думаете, генералъ? — спросила она задумчиво, желая слѣдовать программѣ.

— Мнѣ такъ кажется... Но я ошибаюсь. Вы правы: вамъ болѣе всѣхъ оно необходимо. Вы созданы на поклоненіе міру, а міръ привыкъ видѣть своихъ куміровъ окруженныхъ богатствомъ! Да и что міръ?—Даже мы, воспитаніемъ и наукой приготовленные къ пониманію красоты, къ восторгу отъ нея,—и мы не замѣчаемъ часто божества, если оно въ скромномъ нарядѣ и стоитъ не на виду.

— А мнѣ, бѣдной дѣвушкѣ, а не кумиру, — правда, генералъ?—простительно желать богатства и радоваться пустой примѣтѣ... Я немного устала и хочу отдохнуть.

Они сѣли на скамейку, такъ что луна была противъ нихъ и хорошо освѣщала ихъ. Ея глаза устремлены были вверхъ, его внизъ. Они молчали и только изрѣдка, невзначай, желая посмотрѣть по сторонамъ, мелькомъ посматривали другъ на друга.

— Какая славная ночь!—сказалъ онъ послѣ короткаго молчанія.—Вы любуетесь луной?

— Да, любуюсь, но продолжаю думать все о богатствѣ... Что особеннаго въ ней? — указывая на луну поднятою рукой, сказала она. — Правильный кругъ, почти безъ рисунковъ, а блескъ и движеніе превращаютъ его въ обворожительную луну, на которую невольно засматриваешься... Какой народъ считалъ ее кумиромъ и покланялся ей, какъ божеству, генералъ?—спросила она немного помолчавъ и тихо вздохнувъ.

— Но вамъ стоитъ захотѣть и вы будете богаты,—отвѣчая не на ея вопросъ, а на ея вздохъ, сказалъ онъ и пристально

посмотрѣлъ на нее.—«Какъ она хороша!»—подумалъ онъ и невольный вздохъ вырвался изъ его груди.

— Какимъ образомъ, генералъ? Мы, женщины, не распредѣляемъ богатства міра, это удѣлъ мущинъ,—сказала она и посмотрѣла на него робко, прикрывъ на половину глаза вѣками, но посмотрѣла пристально и продолжительно, а потомъ медленно наклонила голову, опустивъ глаза внизъ.—«Мнѣ нравится, что онъ не прямо набрасывается на предложеніе,—думала она.—У него есть тактъ, уваженіе ко мнѣ, а вѣдь это можетъ-быть и есть любовь... Но я должна помочь ему. Онъ пришелъ, быть-можетъ, съ искреннимъ чувствомъ, а я,—бѣднымъ женщинамъ и при искренней любви нужно не забывать разсчета,—а я пришла сюда съ разсчетомъ. Я помогу ему начать говорить о дѣлѣ».

— Но мы въ плѣну у васъ... Только вы можете дѣлать насъ счастливыми... Богатство само по себѣ—нуль и его охотно промѣняешь на счастіе, на любовь,—сказалъ онъ съ чувствомъ и вздохнулъ опять. Онъ вспомнилъ жену, домашнюю скуку, буржуазность любви, которую устраивалъ для него полицеймейстеръ, а передъ глазами—такая чудная, тихая ночь и рядомъ съ нимъ такая красавица, такая умная дѣвушка, а не вѣтреная кукла,—онъ вздохнулъ и посмотрѣлъ опять на нее. Ему стало досадно, что онъ ведетъ разговоръ какъ робкій юноша, а не какъ солидный человѣкъ, который сознаетъ свою силу, свое положеніе и, потому, не отклоняясь въ сторону, прямо повелъ разговоръ къ цѣли.—О чемъ вы задумались?—спросилъ онъ тихо, удивляясь, почему онъ это спросилъ, такъ какъ хотѣлъ спросить, говорилъ ли ей полицеймейстеръ о его любви къ ней.

— Я задумалась надъ вашими словами, генералъ. Вы сказали, что мы, женщины, дѣлаемъ счастливыми васъ и что за это счастіе вы готовы отдать намъ все. Правда ли это?—сказала она, не поднимая головы и продолжая смотрѣть внизъ.

— Правда! Глубокая правда!... Что бы я не отдалъ, чтобы...

— Чтобы?—спросила она и потомъ, такъ какъ вопросъ показался ей немного навязчивымъ, быстро продолжала. — Развѣ вы, генералъ, лишены любви и счастія?... Вы несчастливы?—И въ голосѣ ея было слышно участіе, и она подняла голову и мягко смотрѣла ему въ лицо своими бархатными глазами, которые при лунѣ были еще бархатистѣе.

— Очень, очень несчастливъ!—съ грустью въ голосѣ говорилъ онъ.—Я богатъ, я первое лицо въ городѣ, но мнѣ не до-

стаетъ... многаго... Я несчастливъ въ семейной жизни, но я не въ силахъ измѣнить ее... Жена моя стара, капризна. У меня нѣтъ дѣтей, на которыхъ бы я могъ излить хотя отчасти любовь моего сердца... Да, я несчастливъ! — окончилъ онъ и глубоко вздохнулъ.

Она молчала. Онъ посмотрѣлъ на нее. Глаза ихъ встрѣтились. Онъ прочелъ въ нихъ болѣе чѣмъ сожалѣніе къ нему, и его задумчивое лицо вдругъ прояснилось. Онъ смѣло придвинулся къ ней и, съ протянутою рукой, смотря на нее, сказалъ:

— Сдѣлайте меня счастливымъ, Ирина Андреевна!

Она вздрогнула, улыбнулась и, не подавая руки, опять склонила голову и опустила глаза внизъ.

«Она обдумываетъ», подумалъ онъ и, желая облегчить для нея процессъ обдумыванія, заговорилъ плавно, увлекшись самъ, похоже на то, какъ говоритъ человѣкъ дѣйствительно влюбленный. Да онъ и былъ въ ту минуту влюбленъ въ нее.

— Я не могу предложить вамъ, вмѣстѣ съ моимъ сердцемъ, мою руку,—она, къ несчастью, не свободна и я не могу освободить ее,—но мое сердце, полное любви къ вамъ, уже ваше, если вы даже не примете его. Помните, какъ я увидѣлъ васъ въ соборѣ?... Съ тѣхъ поръ прошло пять мѣсяцевъ и вы каждый день, много и много разъ, являлись мнѣ. Дѣла, говорятъ, разсѣиваютъ мечту, но у меня мало свободнаго время, а я не могъ забыть васъ и не думать о васъ. Вы, какъ живая, прекрасная, стройная, съ огненными, бархатными глазами, постоянно стоите передо мной. Я не знаю, что и какъ вамъ говорилъ Мишуткинъ, но я радъ, что онъ устроилъ наше свиданіе, что я могу высказать вамъ свои чувства и услышать отъ васъ самихъ отвѣтъ... Полюбите меня, Ирина Андреевна! Я дамъ вамъ все, все, что въ моихъ силахъ и власти. Клянусь вамъ, вы были бы моей женой, еслибы... еслибы вы были согласны, — окончилъ онъ съ грустью и опять протянулъ къ ней руку.

«Отчего онъ не холостой или не вдовецъ? — думала она, все также сидя съ опущенной внизъ головою.—Какъ бы я любила его! Какъ была бы счастлива! За что мнѣ не дано счастья? За что я должна быть только любовницей его, только содержанкой?...» Сердце ея сжалось, кровь отхлынула отъ него, ударила въ голову, грустная улыбка показалась на лицѣ и она подала ему свою руку.

Онъ осторожно пожалъ ее и медленно, какъ бы давая ей возможность взять руку изъ его руки, поднесъ ее къ губамъ и поцѣловалъ; потомъ посмотрѣлъ ей въ лицо, наклонилъ осторожно ея голову, приблизилъ къ себѣ и, подъ вліяніемъ вдругъ разлившагося огня въ его тѣлѣ, прижалъ ее къ себѣ, цѣловалъ ея лицо, жалъ руки и скоро говорилъ:

— Вы блѣдны!... Вамъ холодно?... Вы боитесь?... Не бойтесь... Я не молодъ, но я могу,—да, могу навѣрно,—любить горячо и сильно... Я буду благодарнѣе юноши за вашу любовь... Я охраню васъ лучше юноши отъ житейскихъ невзгодъ, я дамъ вамъ больше, чѣмъ онъ, наслажденій въ жизни...

Его теплота сообщилась и ей. Ей было хорошо. Его ласки, его слова были пріятны ей, — она успокоилась. Она посмотрѣла на него какъ на друга, какъ на любимаго человѣка, который тоже любитъ ее и которому она можетъ довѣрить все, и начала говорить о томъ, что наиболѣе было дорого ей, что и заставило ее быть съ нимъ сегодня, почти полюбить его.

— Я тоже люблю васъ,—прошептала она.—Я долго думала. Я думала и о томъ, что вы женаты, что я могу быть только вашей любовницей, а не женой...

Она остановилась, невольно вздохнула, невольно же сжала крѣпче его руку и ближе склонилась къ нему. Онъ горячо и нѣсколько разъ поцѣловалъ ее.

— Я люблю васъ и рѣшилась на все... Не обижайте же меня!—сказала она немного погодя и слезы крупными каплями потекли изъ ея глазъ, а ея руки еще крѣпче жали его руку.

— Дорогая моя!—горячо цѣлуя ее, говорилъ онъ.—Все, все, все, что только угодно тебѣ, все будетъ для тебя. Твое слово—законъ!... Предъ закономъ я научился быть нѣмымъ и покорнымъ, такимъ же я буду для тебя...

VII.

— Знаете, генералъ, какъ я надумала устроить мою жизнь, чтобы можно было любить васъ и чтобы меня никто не обижалъ?—весело, довѣрчиво и шаловливо говорила она ему, немного погодя.—Люди злы и любятъ обижать, особенно женщину, а тѣмъ болѣе, когда она только любовница.—Она вздохнула, но вздохъ былъ искуственenъ.

— Къ несчастію, это правда. Но я оберегу тебя, не бойся,—сказалъ онъ.

— Но вы послушайте, генералъ, что я придумала. Вы прикажите найти для меня хорошую квартиру и прикажите прибить на ней вывѣску: «Пансіонъ для приходящихъ благородныхъ дѣвицъ». Въ этой квартирѣ я буду жить и пансіонъ будетъ мой. Я, вѣдь, гувернантка,— почему же мнѣ не открыть пансіонъ... Мнѣ это даже дивизіонный совѣтовалъ... При пансіонѣ я не буду ни отъ кого въ зависимости и буду, не опасаясь чужаго глаза, любить васъ... Правда, такъ хорошо будетъ? Хорошо придумала ваша Ирина? — спрашивала она довѣрчиво и шаловливо, какъ спрашиваетъ у будущаго мужа влюбленная въ него дѣвушка.

— Отлично, отлично!—отвѣчалъ онъ. Онъ улыбался и былъ сильно доволенъ. Губернаторская любовница должна быть не только красавица, но и умна, и занимать солидное положеніе въ обществѣ, а кто же можетъ быть лучше, умнѣе женщины, живущей такимъ солиднымъ, требующимъ ума, трудомъ, какъ трудъ директрисы, начальницы и владѣтельницы пансіона?

— Видите, генералъ, какая я умница, какая хитрая!...

— Я сейчасъ говорилъ вамъ, что еще могу потягаться съ молодежью,—сказалъ онъ шутя, пожимая и часто цѣлуя ея руку,—но въ одномъ мнѣ приходится пасовать передъ ней.

— Въ чемъ, мой генералъ? — съ шаловливымъ испугомъ, сжимая его руку и устремивъ на него удивленно-смѣющіеся глаза, вскрикнула она.

— Я не обладаю терпѣніемъ молодости,—болѣе серьезно отвѣтилъ онъ.

— Яснѣй, мой генералъ!—бойко командовала она.

— Дѣло въ томъ, что молодость легче насъ увлекается, скорѣй влюбляется, но она терпѣливѣе насъ можетъ ждать... блаженства любви... А мы... мы не такъ скоро воспламеняемся, для насъ нуженъ и умъ, и красота, и элегантность — все, что въ васъ есть, чтобы наше сердце забилось любовью; но за то намъ трудно удерживать возбужденную любовь, для насъ—пытка ждать и ждать...

— Но вѣдь теперь постъ, седьмая недѣля, генералъ! «Духъ же цѣломудрія, смиренномудрія, терпѣнія...», помните, генералъ?

— А далѣе?—усмѣхнувшись спросилъ онъ.

— Далѣе?... Но не такой, не такой любви, генералъ... Не грѣшите, мой генералъ!—ласкаясь и смѣясь, громко говорила она. Ей нравилась его нетерпѣливость; ей казалось, что теперь

онъ влюбленъ въ нее не только чувствомъ и умомъ, но и горячею кровью сердца.

— Положимъ, допускаю, хотя это, право, тяжело—смиренномудріе и терпѣніе—на всю седьмую недѣлю... Ну, а потомъ?... Пока успѣютъ пріискать квартиру, устроить ее...

— Пока я перебью сердитую рѣчь генерала и попрошу его слушать, что далѣе я придумала. Я завтра же ѣду къ сестрѣ,—она гувернанткой въ деревнѣ у Тулубьевыхъ, отъ города пятнадцать верстъ. Вернусь я вмѣстѣ съ сестрой на первый день и остановимся въ гостиницѣ. Затѣмъ я объявлю генералу,—не моему нетерпѣливому генералу,—что больше я не гувернантка, что открываю свой собственный пансіонъ, что у сестры и у меня есть на это деньги, что я уже ищу квартиру для пансіона, и т. д., и т. д.

— А что же далѣе?—спросилъ онъ опять улыбнувшись.

— Что далѣе?... Нетерпѣливый генералъ можетъ быть на второй день у насъ съ визитомъ и я его познакомлю съ моей сестрой; она премилая старая дѣва,—все такъ же весело и шаля, продолжала она.

— Я могу быть съ визитомъ въ первый день, — серьезно сказалъ онъ.

— Ну, а я васъ прошу на второй день, на вечерній чай,—да?

— И вы?...

— Я буду вашей, — серьезно сказала она и спрятала лицо на его груди. Она начала чувствовать маленькій ознобъ...

— Дорогая, милая, умная, красавица!—цѣлуя ея руки, цѣлуя ея лицо, говорилъ онъ и голосъ его дрожалъ, въ немъ слышалась даже хрипота.

— Теперь я должна сказать, за что я буду ваша,—начала она немного погодя серьезнымъ голосомъ, быстро принявъ голову съ его груди и чуть-чуть отодвигаясь отъ него.—Любовница—не жена, она должна быть осторожна,—правда, генералъ? Я отдаю вамъ все... Я отдаю вамъ мою первую и послѣднюю любовь... Къ чему тогда любовь, когда вы бросите меня?... Кто обратитъ вниманіе на любовь брошенной любовницы? — голосъ ея былъ серьезенъ, голова опущена, руки, какъ мертвыя, висѣли въ его рукахъ и капли слезъ изъ ея глазъ падали ему на руки.

— Клянусь Христомъ, я люблю тебя!... Я не брошу тебя!—вскрикнулъ онъ. Онъ былъ весь въ огнѣ; его руки то судо-

рожно жали ея руки, то нервно вздрагивали, и онъ слегка тянулъ ее къ себѣ.

Она молчала, сидѣла съ опущенною головой и не чувствовала его осторожнаго потягиванія.

— Говори, говори! Я сдѣлаю все, что можетъ успокоить тебя!—вскрикнулъ нетерпѣливо онъ.

— Вы привезете мнѣ на второй день билетъ московскаго банка на двадцать тысячъ, — сказала она медленно, растягивая слова и продолжая сидѣть съ опущенною головой.

Онъ хотѣлъ выпустить ея руки, но, какъ бы испугавшись подобной мысли, сейчасъ же еще крѣпче сжалъ ихъ.

— Билетъ на мое имя,—продолжала она все такъ же,—и двѣ тысячи денегъ на устройство пансіона... Я буду твоей рабой тогда! — горячо сказала она и вдругъ припала головой къ его груди, обняла его, прижала къ себѣ и какъ бы замерла въ такомъ положеніи.

— Все будетъ, какъ ты желаешь, моя дорогая! — прижимая ее къ себѣ, сказалъ онъ.

— Милый мой! Ты успокоишь меня... да? — ласково, тихо и нѣжно говорила она, играя его усами.—Я не боюсь насмѣшекъ, двусмысленныхъ взглядовъ... Я съумѣю любить и не компрометировать тебя. Я по цѣлымъ днямъ буду работать въ пансіонѣ, а ночью буду поджидать своего Льва... Мой Левъ, мой деспотъ... Ты мой властелинъ... да?... А я—твоя раба, да?... Да, мой гордый левъ?...

Онъ страшно жалъ ее. Она слышала сильное біеніе его сердца, но не сопротивлялась, а продолжала нѣжно ласкать его.

— Слуша-ай!—крикнулъ часовой у губернскаго казначейства и его протяжное «ай» долго неслось по городскому саду.

Она страстно поцѣловала его, быстро вскочила и громко крикнувъ: до свиданья!—убѣжала отъ него. Она шла скорою походкой и была вполнѣ довольна и счастлива. Сердце ея такъ сильно жаждало любви, дружбы, участія, а головка жаждала богатства. Теперь она нашла и то и другое, — какъ же не быть ей счастливой и довольной?... И счастье, и довольство играли на ея лицѣ, покрытомъ румянцемъ, въ ея глазахъ, свѣтящихся, даже при полной лунѣ, какъ самыя яркія звѣзды, въ ея быстрой, но не спѣшной, походкѣ, въ бойкомъ размахиваніи руками и въ шаловливомъ поворачиваніи головки направо и налѣво.

— Подайте, таточку, мамочку, бѣдной, несчастной сироткѣ копѣечку на калачикъ, — пристала къ ней дѣвочка-оборванецъ на углу главной улицы.

— Теперь ночь, тебѣ пора спать идти, — ласково сказала Ирина Андреевна дѣвочкѣ-оборванцу.

— Мамка бить будетъ. Подайте, мамочку, таточку...

— За что же она тебя бить будетъ?

— Грошиковъ мало принесу. Подайте, мамочку...

Ирина Андреевна дала ей все, что было у ней въ карманѣ. Дѣвочка-оборванецъ начала было тянуть жалостную благодарность, но, увидя съ десятокъ серебряныхъ монетъ въ своей худой и грязной ручонкѣ, торопливо сжала деньги въ кулачокъ и боязливо смотрѣла на щедрую барыню.

— Я не отниму, — улыбаясь сказала Ирина Андреевна.— Теперь ступай спать, моя бѣдненькая дѣвочка. Прощай! — она обняла дѣвочку и поцѣловала ее въ лобъ.—«Какая она несчастная,—думала она, идя отъ дѣвочки.—Я непремѣнно возьму ее къ себѣ и сдѣлаю изъ нея человѣка».

А губернаторъ, медленно идя къ своему дому, когда свѣжесть ночи охладила его, думалъ: «Двадцать двѣ тысячи!... Погорячился... Цѣлый громадный капиталъ!... Стóитъ ли она такихъ денегъ?—И онъ видитъ ее, она сидитъ рядомъ съ нимъ, ласкаетъ его, улыбается, смотритъ на него своими бархатными глазами, говоритъ ему такъ искренно, нѣжно... Она мочитъ его руки слезами...—Нѣтъ, она стóитъ! — громко сказалъ онъ. — Да и для чего же жить? — думалъ онъ далѣе. — Трудись, работай, имѣй цѣли для блестящаго будущаго, стремись въ гору, а въ настоящемъ—скука, дѣла и брюзга-жена... Нѣтъ, слѣдуетъ понѣжить себя... Что̀ Маша? — Проста, глупа, только-что бѣленькая, чистенькая, пухленькая, жена губернскаго архитектора. А тутъ—огонь, страсть и умъ. Главное, что при дивной красотѣ—и умъ!... Какъ ловко придумала—пансіонъ!... Нѣтъ, она стóитъ двадцати двухъ тысячъ. Завтра телеграфирую въ Москву о переводѣ... Нѣтъ, догадаются... Придется командировать... Кого бы?... Мишуткина, больше некого»,—рѣшилъ губернаторъ, входя въ свой кабинетъ.

М. Забѣлло.

(Продолженіе слѣдуетъ.)

БАЛЬЗАКЪ.

Георга Брандеса.

(Переводъ.)

Il peignit l'orbre du côté des racines,
Le combat meurtrier des plantes assassinés
Victor Hugo: *La légende des siècles.*

Миновали революціонные перевороты и войны имперіи, смѣнившіеся общимъ утомленіемъ въ правленіе Людовика XVIII. Въ это время вышло на сцену новое поколѣніе, которое съ рѣдкимъ увлеченіемъ посвятило себя дѣлу высшей культуры, столь долго бывшему въ забвеніи. Въ эпоху революціи и Наполеонова владычества у молодежи были другія дѣла на рукахъ кромѣ заботъ о возрожденіи литературы и искусства своей страны. Лучшія силы націи были отвлечены въ сферу политики, военной службы и администраціи. Теперь обильный запасъ ихъ сталъ снова свободенъ.

Періодъ реставраціи и іюльской монархіи можно охарактеризовать какъ періодъ появленія буржуазіи на историческомъ поприщѣ. Начинается эпоха промышленная.

Во Франціи это явленіе объясняется тѣмъ, что новый раздѣлъ національныхъ имуществъ, совершенный революціей, который Наполеонъ отстаивалъ съ оружіемъ въ рукахъ противъ цѣлой Европы, и связанная съ нимъ свобода ремеслъ и торговыхъ сношеній начали приносить свои плоды. Монополіи и привилегіи рухнули, а раздѣленныя на части имущества церковныя и монастырскія, раздробленные и проданные майораты и помѣстья эмигрантовъ— перешли въ руки многихъ собственниковъ. Пущенный въ оборотъ капиталъ сдѣлался стимуломъ общественной дѣятельности и цѣлью стремленій отдѣльныхъ лицъ. Послѣ іюльской революціи мало-

по-малу богатства замѣнили собою знатность рода и значенiе ихъ даже стало выше власти короля. Люди богатые стали получать дворянство, званiе пэра и при помощи конституцiи эксплуатировать королевскую власть въ свою пользу. Погоня за деньгами, борьба изъ-за денегъ, затрата капиталовъ на крупныя промышленныя и торговыя предпрiятiя стали преобладающими явленiями того времени. И эта прозаическая дѣятельность такъ рѣзко противорѣчила революцiонному и воинственному одушевленiю прошлаго вѣка, что поэты и художники въ ужасѣ отшатнулись отъ мелкихъ стремленiй и интересовъ своихъ современниковъ. Это и было отчасти причиною, почему поэзiя той эпохи носитъ на себѣ печать романтизма, то-есть отчужденiя отъ окружающаго мiра. Стали искать и нашли поэзiю въ эпохѣ доисторичеекой, на чужбинѣ, или, какъ бы забывъ дѣйствительность, создавали въ воображенiи иныхъ героевъ, иные идеалы.

Только одинъ изъ поэтовъ, появившихся около 1830 г., не почувствовалъ въ себѣ отчужденiя отъ своего вѣка. Напротивъ, онъ смѣло избралъ героемъ своей эпопеи только-что народившуюся силу, новаго властелина думъ — капиталъ. Это былъ Оноре де-Бальзакъ.

Десятилѣтiе, въ срединѣ котораго стоялъ 1830 г., въ отношенiи художественнаго творчества было эпохою скудною и безцвѣтною. Главное событiе его — iюльская революцiя, но и она не болѣе какъ кровавое пятно на сѣромъ фонѣ. Въ правленiе Карла X три клерикальныя министерства не столько были стадiями въ ходѣ историческаго развитiя, сколько разными тонами арiи: allegro; andante и allegro furioso. Королевская власть до такой степени утратила популярность въ народѣ, что вѣсть объ единственномъ военномъ подвигѣ того времени, завоеванiи Алжира, пришедшая какъ разъ передъ паденiемъ династiи, была принята холодно, а сильная въ то время оппозицiя встрѣтила ее даже печальнымъ привѣтомъ.

При Людовикѣ Филиппѣ настало мирное время, господство зажиточныхъ среднихъ классовъ, во время котораго Францiя не разъ играла унизительную роль въ иностранной политикѣ, а правленiе было лишено всякаго блеска и величiя. Короче сказать, въ сравненiи съ эпохою минувшею, величавою, хотя полною ужасовъ, эпоха настоящая съ художественной точки зрѣнiя была неинтересна и безславна. Господство монаховъ смѣнилось господствомъ буржуазнаго короля. Нечего и удивляться, если на такомъ сѣромъ

фонѣ, на которомъ невидимая рука начертила прозаическія слова: «juste milieu», возникли литература и искусство—пламенныя, бурныя, боготворящія страсти и красные призраки.

Поэты того времени еще въ дѣтствѣ слышали о великихъ событіяхъ революціи, пережили времена имперіи и были сынами героевъ или жертвъ. Матери зачали ихъ въ эпоху бурную, въ промежутокъ двухъ войнъ, и громъ пушекъ привѣтствовалъ ихъ появленіе на свѣтъ. Случилось такъ, что для новыхъ адептовъ искусства было лишь два рода людей—пылкіе юноши и старцы. Они мечтали объ искусствѣ, въ которомъ на первомъ планѣ была бы кровь, яркій свѣтъ, движеніе и отвага. Они глубоко презирали литературу и искусство, господствовавшія дотолѣ, сухо-правильныя, безцвѣтныя. Все вокругъ нихъ въ современномъ мірѣ казалось имъ лишеннымъ поэзіи, грубо-утилитарнымъ, чуждымъ генія. Они желали заявить свое пренебреженіе къ дѣйствительности и стали къ ней спиною, чтобы сколько можно энергичнѣе выразить свою вражду къ сухимъ правиламъ, однообразію и буржуазіи.

Въ то время, когда возникла романтическая школа, лишь одинъ начинавшій поэтъ чувствовалъ себя если не совсѣмъ привольно въ этой средѣ, то все-таки какъ бы въ своей родной сферѣ. Онъ съ самаго начала смотрѣлъ на современниковъ и на предыдущее поколѣніе какъ на почву для своего художественнаго творчества, какъ на свой матеріалъ и неистощимую сокровищницу. И этотъ единственный поэтъ былъ Бальзакъ.

I.

Въ роскошной Турени, въ этомъ «саду Франціи»,—странѣ, произведшей на свѣтъ Рабле,—родился весною 1799 г. и Оноре де-Бальзакъ, натура необыкновенно богатая, полная силъ, съ горячею кровью и изобрѣтательная. Въ одно и то же время грубый и нѣжный, суровый и чувствительный, способный къ мечтательности и къ зоркому наблюденію, онъ соединялъ въ своемъ сложномъ духовномъ организмѣ способность глубоко чувствовать съ талантомъ геніальнаго созерцанія, серьезность изслѣдователя съ причудливостью веселаго разсказчика, даръ изобрѣтателя съ наклонностью художника изображать въ неприкрытой наготѣ формъ то, что̀ онъ наблюдалъ, прочувствовалъ, открылъ и создалъ. Онъ былъ какъ бы созданъ для того, чтобъ отгадывать и разглашать тайны общества и всего человѣчества.

Крѣпкаго сложенія, средняго роста, широкоплечій, угловатый, съ лѣтами склонный къ полнотѣ, онъ былъ надѣленъ толстою шеей атлета, бѣлою, какъ у женщины, черными волосами, жосткими, какъ лошадиная грива, наконецъ взоромъ отважнымъ, какъ у укротителя львовъ. Глаза его сверкали какъ два алмаза и, казалось, видѣли сквозь стѣну, что̀ дѣлается въ домахъ, и читали въ сердцахъ людей, какъ въ открытой книгѣ. Это былъ истинный Сизифъ труда.

Бѣднымъ, одинокимъ юношею пришелъ Бальзакъ въ Парижъ, влекомый неодолимою страстью къ литературѣ и надеждою составить себѣ имя. Отецъ его, какъ и всѣ отцы, былъ недоволенъ тѣмъ, что сынъ, за которымъ никто не признавалъ особенныхъ талантовъ, предпочелъ юридической карьерѣ литературную, и поэтому онъ почти вполнѣ предоставилъ его самому себѣ. И вотъ онъ сидѣлъ на своемъ мрачномъ чердакѣ, безпомощный. въ холодѣ, закутавшись въ пледъ, съ кофейникомъ съ одной стороны стола и чернилицей съ другой. Онъ смотрѣлъ на кровли домовъ громаднаго города, который ему суждено было впослѣдствіи не разъ изображать и обратить въ свое духовное достояніе. Видъ изъ окошка былъ не обширенъ и не красивъ: обросшіе мхомъ кирпичи, то освѣщаемые солнцемъ, то омываемые дождемъ, водостоки, печныя трубы и дымъ. Комната была неудобна и некрасива. Холодный вѣтеръ дулъ въ двери и окна. Мести полъ, чистить платье, дѣлать нужныя покупки по самой дешевой цѣнѣ—вотъ тѣ занятія, которыми долженъ былъ начинать свой день молодой поэтъ. А между тѣмъ онъ обдумывалъ уже большую трагедію «Кромвель». Развлеченіемъ служила прогулка по сосѣднему кладбищу Père Lachaise, откуда всѣ любуются Парижемъ. Съ этихъ холмовъ молодой Бальзакъ (какъ впослѣдствіи его Растиньякъ), мѣряя глазами громадный городъ, мысленно давалъ себѣ слово, что рано или поздно тамъ будутъ произносить его пока еще безвѣстное имя и прославлять его. Трагедію онъ вскорѣ оставилъ,—дарованіе его было новаго закала, любило лишь конкретное. Поэтому онъ не могъ мириться съ безжизненными правилами и отвлеченностями французской драмы. Кромѣ того юному отшельнику, который какъ бы въ видѣ испытанія ушелъ изъ отцовскаго дома, нужно было какъ можно скорѣе завоевать себѣ независимость. Онъ принялся писать романы. Правда, онъ ничего не пережилъ, что̀ могло бы дать прочную основу и истинную цѣну его произведеніямъ, но онъ обладалъ живымъ, необы-

чайно плодовитымъ воображеніемъ, довольно много читалъ и могъ дать своимъ созданіямъ приличную форму, свойственную этого рода литературѣ. Уже въ 1822 году онъ издалъ подъ разными псевдонимами пять такихъ романовъ, а въ 1823—1825 годахъ ихъ вышло еще больше. При всемъ своемъ самолюбіи онъ не превозносился ими, а смотрѣлъ на нихъ чисто съ финансовой точки зрѣнія. Въ 1822 году онъ писалъ сестрѣ: «Не посылаю тебѣ романа «Birague» потому, что это—просто литературное cochonnerie... Въ «Jean Louis» найдешь ты нѣсколько забавныхъ шутокъ и нѣкоторые характеры, но планъ цѣлаго неудаченъ. Единственная заслуга этихъ произведеній, милая моя, заключается въ томъ, что они принесли мнѣ тысячу франковъ. Впрочемъ эта сумма дана мнѣ долгосрочными векселями. Заплатятъ ли ее?»—Кто прочелъ хоть два изъ первыхъ произведеній Бальзака, тотъ не признáетъ этого приговора слишкомъ строгимъ. Въ нихъ есть нѣкоторая *verve*—вотъ все, чтò можно сказать о нихъ хорошаго.

Но весьма сомнительно, чтобы когда-нибудь та единственная заслуга, которую Бальзакъ признаетъ за ними, была значительна и существенна. И мы думаемъ такъ не потому только, что Бальзакъ въ своихъ романахъ изображаетъ въ невыгодномъ свѣтѣ издателей, награждающихъ его векселями *),—нѣтъ, мы знаемъ, что онъ въ 1825 г., доведенный до отчаянія своимъ стѣсненнымъ положеніемъ, вдругъ рѣшился на время оставить литературу и зарабатывать хлѣбъ книжною торговлей и типографскимъ дѣломъ.

И вотъ онъ, мозгъ котораго неутомимо создавалъ всякаго рода планы, напалъ на мысль—приняться за изданіе классиковъ, каждаго въ одномъ томѣ. Онъ былъ убѣжденъ, что подобными изданіями, тогда еще неизвѣстными, можно сдѣлать выгодный оборотъ. Это предпріятіе, вѣрное по основной мысли, имѣло ту же судьбу, какъ и всѣ позднѣйшія коммерческія спекуляціи Бальзака: оно обогатило другихъ, а виновнику принесло лишь убытокъ. То же самое случилось, когда онъ въ 1837 г. въ Генуѣ, обремененный массою долговъ, случайно вспомнилъ, что римляне далеко не разработали тѣхъ серебряныхъ рудниковъ, которые они открыли на островѣ Сардиніи. Онъ сообщилъ свою мысль одному генуэзцу и рѣшился продолжать это дѣло. Въ

*) См. Un grand homme de province à Paris.

1838 г. онъ предпринялъ трудную поѣздку на островъ, потребовавшую много времени, съ цѣлью изслѣдовать шлаки въ рудникахъ, нашелъ все такъ, какъ предполагалъ, и сталъ хлопотать въ Туринѣ о дозволеніи на разработку копей. Но оказалось, что генуэзецъ уже раньше успѣлъ выхлопотать дозволеніе и теперь шелъ вѣрнымъ путемъ къ обогащенію. Конечно, многія изъ спекуляцій, постоянно возникавшихъ въ дѣятельномъ умѣ Бальзака, были несбыточны, но и тутъ все-таки обнаруживался его геній. Гёте былъ какъ бы особою природой въ природѣ, такъ что, случайно бросивъ взоръ на пальму, онъ открылъ тайну метаморфозы растеній, а увидавши полураспавшійся черепъ овцы, онъ положилъ основаніе философической анатоміи. Такъ и Бальзакъ и въ маломъ, и въ великомъ былъ изобрѣтателемъ и всюду открывалъ невѣдомое другимъ. Подобно вдохновеннымъ людямъ среднихъ вѣковъ, онъ напередъ зналъ, гдѣ спрятаны сокровища. У него былъ и волшебный жезлъ въ рукѣ, который самъ собою опускался надъ золотомъ, безъименнымъ, безстрастымъ героемъ его произведеній. Правда, ему не удалось добыть сокровищъ,—онъ былъ чародѣй, поэтъ, но не практическій дѣятель.

Уже и въ первомъ случаѣ его замыселъ былъ такъ же заманчивъ, какъ и широкъ. Онъ хотѣлъ быть въ одно время и словолитцемъ, и типографщикомъ, и книгопродавцемъ. Онъ написалъ даже введеніе къ своимъ изданіямъ классиковъ и съ жаромъ принялся за выполненіе прекраснаго плана. Бальзакъ уговорилъ своихъ родителей уступить ему значительную часть имущества на его предпріятіе. Ему удалось устроить словолитню и типографію, гдѣ и были напечатаны отличныя иллюстрированныя изданія Мольера и Лафонтена. Но французскіе книгопродавцы дружно вооружились противъ новаго соперника, не хотѣли распространять его изданій и спокойно ждали ихъ фіаско, чтобы потомъ самимъ воспользоваться его идеей. Черезъ три года онъ принужденъ былъ продать съ большими убытками и свои книги на вѣсъ, и свою типографію. Поэтъ самъ въ этомъ случаѣ пережилъ муки своего несчастнаго, хотя и изобрѣтательнаго, типографщика, Давида Сешара, въ романѣ «Eve et David». Изъ этого кризиса онъ вышелъ не только бѣднякомъ, но еще съ такими долгами на шеѣ, что всю свою жизнь трудился безъ отдыха, чтобы завоевать себѣ независимость и воротить состояніе матери. Но долги, которые ему нечѣмъ было погасить кромѣ ли-

тературныхъ заработковъ, росли какъ лавина, такъ какъ онъ долгое время могъ только погашать одинъ заемъ другимъ. Такимъ-то образомъ познакомился онъ съ парижскими ростовщиками разнаго рода, которыхъ онъ такъ мастерски изобразилъ въ Гобсекѣ и другихъ родственныхъ типахъ. А слова: «Мои долги, мои кредиторы!»—стали съ этихъ поръ постояннымъ припѣвомъ его бесѣдъ и даже интимныхъ писемъ; въ нихъ-то и выражаются трогательно-сердечная теплота и задушевность человѣка, постоянно преслѣдуемаго. «Угрызенія совѣсти,—читаемъ мы въ одномъ его романѣ,—не такъ ужасны, какъ долги, ибо они не могутъ ввергнуть человѣка въ долговую тюрьму».

Спустя нѣсколько лѣтъ онъ познакомился съ тюрьмою хотя на короткое время. А какъ часто онъ вынужденъ былъ имѣть по нѣскольку квартиръ, мѣнять свое мѣстопребываніе, чтобы спастись отъ нея, и сообщать фальшивые адресы своимъ корреспондентамъ. Для поэта долги были вѣчнымъ источникомъ душевныхъ волненій, неотступнымъ побужденіемъ къ труду и творчеству. Мысль о нихъ рано пробуждала его отъ сна и онъ видѣлъ всюду ужасные призраки. Онъ принялся работать съ исполинскимъ усиліемъ, и работалъ не покидая рукъ въ теченіе всей своей юности и зрѣлаго возраста, пока, всего 50 лѣтъ отъ роду, не палъ мертвымъ, отъ чрезмѣрнаго напряженія силъ, разомъ, какъ быкъ, убитый на аренѣ. Творчество доставляло ему мало наслажденія, а было, напротивъ, тяжелымъ трудомъ. Дѣло въ томъ, что неутомимое воображеніе постоянно побуждало его къ созиданію новыхъ произведеній, а между тѣмъ ему не легко было воплощать ихъ въ изящную форму,—у него отъ природы не было, да и не успѣлъ онъ выработать себѣ способности легкаго изложенія. Въ умѣньи владѣть языкомъ онъ не могъ равняться съ романтическими поэтами. Бальзакъ не могъ написать ни одного мелодическаго стихотворенія (тѣ, которыя встрѣчаются въ его романахъ, принадлежатъ другимъ: г-жѣ де-Жирарденъ, Теофилю Готье, Шарлю Бернару, Лассальи). Но не кто иной, какъ онъ самъ былъ авторомъ того обильнаго зіяніями стиха, надъ которымъ такъ много смѣялись. Этимъ стихомъ его Луи Ламбертъ начинаетъ свою эпопею изъ исторіи Инковъ:

O Inca! o roi infortuné et malheureux!

Поэтъ, написавшій много романовъ подъ разными псевдонимами и впослѣдствіи отрекшійся отъ нихъ, прежде чѣмъ усвоить себѣ

вообще извѣстный слогъ, выдержалъ жестокую и упорную борьбу, силясь овладѣть французскою прозою. Юные романтики, послѣдователи Гюго, долго не хотѣли признать въ немъ истиннаго художника, и это было терніемъ на его жизненномъ пути. Готье, обладавшій тонкимъ чутьемъ и признававшій его талантъ, былъ единственный писатель, порадовавшій его своимъ уваженіемъ. Но изумленію Бальзака не было границъ, когда онъ видѣлъ, какъ молодой Готье, безъ всякой подготовки и затрудненія, безъ малѣйшихъ поправокъ писалъ статьи, прекрасныя по формѣ и по содержанію, просто на конторкѣ въ типографіи. Сначала онъ думалъ, что у Готье статьи уже готовы въ умѣ, но потомъ убѣдился, что для искуснаго изложенія мыслей требуется врожденный талантъ, котораго у него нѣтъ. А какъ онъ трудился, чтобы пріобрѣсть эту способность! Какъ онъ уважалъ Готье, когда вполнѣ выработалась пластическая и художественная сторона его слога! Доказательства этому можно привести и изъ такого поздняго времени, какъ 1839 г. Въ изображеніи главныхъ женскихъ типовъ своего романа «Béatrix» Бальзакъ почти слово въ слово заимствуетъ цѣлыя выраженія изъ статьи Готье, появившейся годами двумя раньше (объ актрисахъ мадемуазель Жоржъ и Женни Колонъ). Сравните сами:

GAUTIER.

Les cheveux... *scintillent* et se contournent aux faux jours en manière de *filigranes d'or bruni...*

Le nez, fin et *mince*, d'un *contour assez aquilin* et presque *royal.*

Elle ressemble à s'y méprendre à une... *Isis des bas-reliefs éginétiques.*

Une singularité remarcable du col de mademoiselle Georges, c'est qu'au lieu de s'arrondir interieurement du coté de la nuque, il *forme un contour renflé qui lie les epaules à la tête sans sinousité* и т. д.

BALZAC.

Cette chevelure, au lieu d'avoir une couleur indécise, *scintillait* au jour comme les *filigranes d'or bruni*...

Ce nez d'un *contour aquilin, mince* avait, je ne sais quoi de *royal*...

Ce visage, plus rond qu'ovale, ressemble à celui de quelque belle. *Isis des bas-reliefs éginétiques.*

Au lieu de se creuser à la *nuque* le col de Camille forme un *contour renflé qui lie les épaules à la tête sans sinousité,* и т. д.

Внимательный читатель замѣтитъ, что Бальзаку хотѣлось усвоить себѣ и художественную точку зрѣнія Готье, и мастерство въ описаніи, для котораго тотъ употребляетъ отборныя слова. Тѣ выраженія, которыя Бальзакъ беретъ изъ собственнаго запаса, отличаются отъ заимствованнаго вульгарностью и бѣдностью. На этомъ поприщѣ онъ неизбѣжно долженъ былъ потерпѣть пораженіе. А причина та, что онъ совсѣмъ иначе смотритъ на вещи и чувствуетъ. Готье—первоклассный писатель, но, несмотря на свои замѣчательныя поэтическія достоинства, какъ поэтъ, онъ холоденъ, иногда сухъ; это необыкновенный талантъ, сфера котораго—образовательныя искусства, но онъ ошибкою попалъ въ область поэзіи. Напротивъ, Бальзакъ, какъ стилистъ, писатель второстепенный, но, какъ поэтъ, онъ занимаетъ высшее мѣсто. Онъ не можетъ характеризовать своихъ героевъ нѣсколькими мѣткими словами, потому что они являются передъ нимъ не въ одной пластической позѣ. Его воображеніе создаетъ личности, и онѣ возстаютъ какъ живыя передъ его духовными очами, но онъ обозрѣваетъ ихъ не постепенно, но разомъ, притомъ видитъ ихъ въ различныхъ костюмахъ, наблюдаетъ въ теченіе всего ихъ жизненнаго поприща, видитъ ихъ въ различныя эпохи жизни, изучаетъ всѣ ихъ движенія и жесты, слышитъ звуки ихъ голосовъ. Его внутреннему слуху внятны тѣ рѣчи, которыя такъ наглядно обрисовываютъ личности, что когда мы слышимъ ихъ, то послѣднія являются передъ нами какъ живыя. У Готье мы находимъ лишь ассоціацію идей, можетъ-быть и остроумную, но сухую; такъ, напримѣръ, сближеніе съ Эгинскою Изидою только иллюстрируетъ образъ. А у Бальзака самый образъ слагается безсознательно изъ безчисленныхъ ассоціацій идей, роскошный, какъ сама природа, какъ живой человѣкъ. Образъ является цѣльнымъ существомъ въ физіологическомъ и психологическомъ отношеніи, въ силу таинственнаго сочетанія множества матеріальныхъ и духовныхъ элементовъ. Едва ли нужно приводить образцы той необычайной способности Бальзака—однимъ словомъ, вложеннымъ въ уста героевъ, или жестомъ, или оригинальностью костюма, домашней обстановки и т. д. въ каждый данный моментъ вызывать передъ нами живой образъ,—намъ пришлось бы наполнить цѣлую книгу выписками *). Но Бальзакъ часто останавливался

*) Только для поясненія моей мысли приведу одинъ примѣръ. Куртизанка Жозефа спрашиваетъ у стараго барона Гюло, истощеннаго развратомъ, одного изъ генераловъ Бонапарта, правда ли, что онъ убилъ своего дядю и брата, ра-

въ недоумѣніи передъ тѣми сокровищами, какія давали ему память или воображеніе. Часто сочетанія идей, лишь для него одного понятныя, онъ силится выразить двумя словами. Такъ, напримѣръ, онъ говоритъ про невинную женщину, что ея ушами «были служанки и уши матери». Или ему хотѣлось бы весь запасъ наблюденій и идей, накоплявшихся у него при появленіи на сцену извѣстной личности, изложить въ послѣдовательномъ порядкѣ,—и онъ расплывался въ описаніи, пускался въ резонерство. Изъ этого не выходило ничего яснаго, потому что сила, соединяющая поэтическія видѣнія съ органами краснорѣчія, въ душѣ его была слаба и какъ бы на время переставала дѣйствовать.

И за свою тяжеловатость, которую онъ и самъ чувствовалъ, онъ платится громадною массой труда. Сочиняя свои романы, онъ никогда не имѣлъ ни сотрудника, ни секретаря. Отсюда понятно, сколько требовалось самоотверженія и напряженія силъ, чтобы въ 20 лѣтъ написать болѣе сотни большихъ и маленькихъ романовъ и драмъ, которыя съ этого момента постепенно возникаютъ въ его воображеніи.

Гюго работаетъ, подобно Рафаэлю, окруженный поклонниками и учениками, Бальзакъ же жилъ уединенно въ своей поэтической мастерской. Онъ мало спалъ. Между 7 и 8 часами вечера онъ ложился, вставалъ въ полночь и работалъ въ бѣлой доминиканской шапочкѣ, подпоясавшись золотою цѣпочкою, до разсвѣта, потомъ, такъ какъ натура его требовала движенія, самъ ходилъ въ типографію—сдать написанное и просмотрѣть корректуры. Но корректуры эти не были обыкновенныя. Ихъ требовалось отъ 8 до 10 на каждый листъ, такъ какъ Бальзакъ не имѣлъ дара—точно выражаться и не сразу находилъ подходящія сло-

---

зорилъ всю фамилію и обманулъ правительство, чтобъ исполнить капризъ своей возлюбленной?

Le baron inclina tristement la tête. —Eh bien! J'aime cela! S'écria Josepha; qui se leva plein d'enthousiasme. C'est un *brûlage* général. C'est Sardanapale! C'est grand! C'est complet! On est une canaille mais on a du coeur! Eh bien! moi j'aime mieu un mange — tout passioné comme toi pour les femmes que ces froids banquiers sans âmes qu'on dit vertueux et qui ruinent des milliers de famille, avec leurs rails... Ça n'est pas comme toi, mon vieu tu es un homme à passions, on te ferait vendre ta patrie! Ainsi, vois tu, je suis prête à tout faire pour toi! Tu es mon père, tu m'as lancé! c'est sacré. Que te faut-il? Veux tu cent-mille francs? On s'ex terminera le temperament pour te les gagners.

Какъ мѣтко обрисованы здѣсь характеры собесѣдниковъ въ немногихъ словахъ!

ва, а равно и потому, что только при передѣлкахъ его разсказъ получалъ строгую послѣдовательность и онъ мало-по-малу придумывалъ описанія и подробности разговоровъ. Половину своего гонорара, а вначалѣ иногда и больше половины онъ платилъ за напечатаніе. И никогда никакая горькая нужда не могла заставить его выпустить свое произведеніе, не обработавъ его такъ, какъ онъ желалъ. Бальзакъ приводитъ въ отчаяніе наборщиковъ, но корректуры мучатъ и его самого. Первыя гранки оттискиваются съ большими пробѣлами между абзацами и съ очень широкими полями; но поля эти мало-по-малу всѣ исписываются, исчеркиваются разными линіями, и подъ конецъ корректура едва-едва не обращается въ одно сплошное черное пятно. Послѣ этого тяжелая, безпорядочно одѣтая фигура въ мягкой шляпѣ съ сверкающими глазами спѣшитъ изъ типографіи домой, и не одинъ человѣкъ изъ толпы, цѣня его дарованіе, робко и почтительно сторонится передъ нимъ съ дороги. Опять настаютъ часы труда. Наконецъ рабочій день заканчивался передъ обѣдомъ или визитомъ къ красивой и умной дамѣ, или посѣщеніемъ антикварныхъ лавокъ въ чаяніи найти тамъ рѣдкую мебель и старинныя картины, и только передъ вечеромъ окончательно отдыхалъ неутомимый труженикъ.

«Иногда,—разсказываетъ Теофилъ Готье,—утромъ онъ приходилъ ко мнѣ, охая, усталый, съ головокруженіемъ отъ свѣжаго воздуха, подобно Вулкану, убѣжавшему изъ своей кузницы, и падалъ на софу. Долгое сидѣнье по ночамъ возбуждало у него аппетитъ и онъ дѣлалъ родъ тѣста изъ сардинокъ съ масломъ, которое намазывалъ на хлѣбъ, и это напоминало ему легкія закуски во время поѣздокъ. Это была его любимая закуска. Только-что поѣстъ, какъ сейчасъ же ложится спать, съ просьбою разбудить черезъ часъ. Не слишкомъ заботясь объ этомъ, я берегъ его сонъ, столь честно заслуженный, и наблюдалъ, чтобы въ домѣ не было шуму. Бальзакъ просыпался самъ и когда видѣлъ, что вечерніе сумерки застилаютъ уже темнымъ покровомъ небо, то вскакивалъ и накидывался на меня съ бранью, называлъ предателемъ, воромъ, убійцею. По моей винѣ,—говорилъ онъ,—онъ теряетъ 10 т. франковъ, потому что не спи онъ, онъ задумалъ бы планъ романа, за который получилъ бы эту сумму (не говоря уже о второмъ и третьемъ изданіи). Я виновникъ ужасныхъ катастрофъ и неурядицъ. Я помѣшалъ ему устроить разныя сдѣлки съ банкирами, издателями и герцогинями. Въ старости онъ ока-

жется неоплатнымъ должникомъ. Этотъ роковой сонъ стоитъ ему миллионовъ!... Я же радовался, видя, какъ здоровый румянецъ опять играетъ на его всегда блѣдныхъ щекахъ».

Возьмите недавно появившійся библіографическій трудъ *); при помощи его можно прослѣдить работу Бальзака изо дня въ день. Прочтите его письма и тогда вы увидите, какъ онъ, никогда не развлекаясь увеселеніями Парижа и не пугаясь нападокъ своихъ завистниковъ и критиковъ, клалъ твердою рукою камень на камень, чтобы довершить массивный трудъ своей жизни, и только старался о громадности его размѣровъ. Тогда вы научитесь уважать и этого человѣка, и его мужество. Добродушный, коренастаго сложенія, пылкій, Бальзакъ не былъ титаномъ; среди поколѣнія титановъ, пытавшихся взять приступомъ небо, онъ былъ существомъ какъ бы прикованнымъ къ землѣ. Но онъ принадлежитъ къ породѣ циклоповъ: это былъ мощный зодчій, обладавшій исполинскими силами; и этотъ грубый, стучащій молотомъ, ворочающій камни, циклопъ вознесся съ своимъ зданіемъ на такую же высоту, какъ и великіе лирики—Викторъ Гюго и Жоржъ Зандъ—на своихъ легкихъ крыльяхъ.

Онъ никогда не сомнѣвался въ своемъ изумительномъ дарованіи. Довѣріе къ себѣ, стоявшее въ уровень съ талантомъ и выражавшееся наивными толками о себѣ, но не мелочнымъ тщеславіемъ, поддерживало его въ первые трудовые годы. Въ минуты же душевнаго разстройства и разочарованія, безъ которыхъ не проходитъ жизнь ни одного художника, судя по письмамъ, онъ находилъ утѣшеніе и счастіе у предмета тайной любви. Это была женщина, имени которой онъ никогда не называлъ своимъ друзьямъ и о которой отзывался всегда съ глубочайшимъ уваженіемъ какъ объ «ангелѣ», какъ о «свѣтилѣ нравственномъ», которая для него была выше матери, выше подруги,—однимъ словомъ, выше всего того, чѣмъ одно существо можетъ быть для другаго. Она поддерживала его среди разныхъ жизненныхъ бурь и словомъ, и дѣломъ, и самоотверженною преданностію. Онъ, повидимому, познакомился съ нею еще въ 1822 году и въ теченіе 12 лѣтъ (она умерла въ 1837 году), какъ онъ писалъ незадолго до ея смерти, она умѣла похищать «у общества, у семьи, у долга, у удовольствій парижской жизни» по два часа въ день, чтобы проводить ихъ съ нимъ тайкомъ ото всѣхъ **).

*) Charles de Louvenjoul: «Histoire des oeuvres de Balzac». 1879.

**) Это была г-жа де-Берни. См. Balzac: *Correspondence*, „Lettres à Louise",

Бальзакъ, вообще склонный къ преувеличеніямъ въ изъявленіяхъ любви, несомнѣнно, прибѣгалъ къ сильнымъ выраженіямъ. Но что заслуживаетъ вниманія, такъ это деликатность чувствъ у человѣка, ославленнаго цинbackomъ, человѣкомъ чувственнымъ, уваженіе и благодарность, доходящія чуть не до обожанія. Въ этомъ-то и проявлялась у него истинная любовь.

II.

Трудно себѣ представить, что первымъ его идеаломъ былъ Вальтеръ-Скоттъ. Великій шотландецъ имѣлъ уже давно поклонниковъ въ Германіи, Италіи и Даніи, которые, одушевленные пылкимъ національнымъ чувствомъ и увлекаясь народными и чисто-нравственными идеалами, стали подражать его романамъ. Это были Ламоттъ Фуке, Манцони, Ингеманъ. Въ 20-хъ годахъ онъ нашелъ себѣ сочувствіе и во Франціи. Здѣсь онъ увлекъ кружокъ юныхъ поэтовъ въ особенности тѣми свойствами, которыя не высоко цѣнились въ протестантскихъ странахъ, своимъ описательнымъ талантомъ и возрожденіемъ средневѣковаго духа. Въ особенности же всѣхъ прельщали разноцвѣтные костюмы его героевъ, воротники и шпаги, и романтическая архитектура старыхъ замковъ. Трезвый взглядъ Вальтеръ-Скотта на жизнь и пуританская мораль, привлекавшіе читателей въ Германіи и въ сѣверныхъ странахъ, здѣсь, напротивъ, произвели на молодежь невыгодное впечатлѣніе. Его стали упрекать въ томъ, что онъ не умѣетъ изображать ни женщину, живущую въ лицемѣрномъ обществѣ, ни ея страстей, проступковъ и страданій,—искусство, которымъ впослѣдствіи такъ гордился передъ нимъ Бальзакъ *). Но Вальтеръ-Скотту ставили въ большую заслугу, что онъ замѣнилъ разговорно-драматическимъ романомъ обѣ прежнія формы: повѣствовательную, въ которой названія главъ—чистый экстрактъ ихъ содержанія и постоянно выступаетъ личность автора, и форму посланій, гдѣ все внезапное, падающее какъ снѣгъ на голову, вложено въ тѣсную рамку между обычными обращеніями—«любезный другъ» и «преданный тебѣ».

I и XXII. Письма къ матери (январь 1836 г.) и къ г-жѣ Ганской (октябрь 1836 г.) ясно показываютъ, что дама, не названная по имени, о которой онъ пишетъ, была именно г-жа де-Берни.

*) Объ этомъ говоритъ самъ Бальзакъ, въ „Avant-Propos à la Comedie Humaine“ и его alter ego, Даніэль д'Арте, въ „Illusions perdues“.

Самые крупные таланты изъ числа молодыхъ французскихъ поэтовъ подражаютъ ему, напр. Альфредъ де-Виньи въ «Cinq-Mars», В. Гюго въ «Notre Dame de Paris», Мериме въ «Chronique du règne de Charles IX», а впослѣдствіи и Александръ Дюма во множествѣ романовъ. Подобно другимъ, и Бальзакъ былъ увлеченъ иноземнымъ художникомъ, начавшимъ новую эру въ исторіи романа. Онъ хотѣлъ идти по его слѣдамъ, не будучи однако слѣпымъ подражателемъ. Онъ думалъ соперничать съ нимъ въ описательномъ родѣ, который снова вошелъ въ честь у романтиковъ, и съумѣлъ вдохнуть совсѣмъ иную жизнь въ бесѣду дѣйствующихъ лицъ. У Вальтеръ-Скотта является только одинъ типъ женщинъ.

Во Франціи писатель историческихъ романовъ могъ противопоставить сомнительную нравственность и блестящіе пороки католиковъ мрачнымъ типамъ кальвинистовъ въ бурные періоды французской исторіи. Этимъ онъ избѣгалъ однообразія. Наконецъ, такъ какъ Бальзакъ, постоянно замышлявшій громадныя произведенія, хотѣлъ дать имъ систематическую стройность, то онъ и задумалъ изобразить каждый періодъ исторіи, начиная съ Карла Великаго до своего времени, въ одномъ или нѣсколькихъ романахъ, которые бы составляли послѣдовательный рядъ. Идею, сходную съ этой, Густавъ Фрейтагъ выполнилъ въ своемъ произведеніи «Предки». Открыть собою этотъ рядъ романовъ долженъ былъ первый романъ Бальзака, изданный подъ его собственнымъ именемъ, «Les Chouans». Въ немъ изображена война въ Вандеѣ во время революціи. Другія части задуманнаго цѣлаго — это вышедшія впослѣдствіи произведенія «Sur Cathérine Medicis» и «Maître Cornelius». Въ послѣднемъ романѣ Бальзакъ, соперничая съ Вальтеръ-Скоттомъ, предоставляетъ главную роль Людовику XI, къ которому, по его убѣжденію, иноземный поэтъ былъ несправедливъ. Эти романы не лишены нѣкоторыхъ достоинствъ и въ нихъ живыя, основательныя характеристики дѣйствующихъ лицъ. Тѣмъ не менѣе они показываютъ, что еслибы Бальзакъ остался вѣренъ прежнему поэтическому замыслу—воспроизвести раннюю историческую эпоху, то его значеніе въ литературѣ того вѣка было бы второстепенное, его просто отнесли бы къ числу учениковъ Вальтеръ-Скотта.

Онъ былъ человѣкъ вполнѣ новаго времени и потому не могъ пристраститься къ историческому роду. Его не манили къ себѣ вѣка отдаленные; за то онъ собралъ массу наблюденій надъ

окружающимъ міромъ и безсознательно выбиралъ такіе сюжеты, при обработкѣ которыхъ ему всего легче и удобнѣе было воспользоваться своимъ запасомъ. Онъ чувствовалъ, хотя и не сознавалъ ясно, что авторъ историческаго романа или долженъ облечь современную дѣйствительность въ старинныя формы, или спуститься нѣсколькими ступеньками ниже съ той фазы развитія, на которой онъ стоитъ. Но эта задача трудная: изображая времена минувшія, поэты почти всегда рисуютъ нравы своихъ современниковъ, во всякомъ случаѣ—выражаютъ ихъ взгляды. Онъ не былъ способенъ кропотливо собирать матеріалы въ старинныхъ хроникахъ. Его дѣло было—изучать жизнь подъ открытымъ небомъ, на почвѣ современной дѣйствительности, и съ нея рисовать этюды.

«Физіологія брака» была первымъ произведеніемъ Бальзака, обратившимъ на себя вниманіе. Она написана какъ бы въ pendant къ невинной книгѣ Брилья Саварена «La phisiologie du goût». Это на половину шутливый, quasi-научный, постоянно грубый анализъ извѣстнаго общественнаго учрежденія, которое во французской литературѣ съ незапамятныхъ временъ служило мишенью для разныхъ остротъ, предметомъ всевозможныхъ ироническихъ выходокъ и безпощадной критики. На него смотрѣли какъ на язву общественную. Авторъ въ своемъ романѣ не столько отстаиваетъ его, какъ соціальную необходимость, сколько добрыми совѣтами предостерегаетъ людей отъ опасныхъ увлеченій, угрожающихъ имъ въ этомъ случаѣ и разстроивающихъ ихъ согласіе, именно отъ прихотей и страстей. Бракъ интересенъ для Бальзака какъ почва, на которой борются два эгоизма. Онъ отважно пускается въ изслѣдованіе безграничной области симпатій и антипатій, обнаруживающихся въ бракѣ, осматриваетъ и обшариваетъ всѣ уголки человѣческаго сердца. Французскій бракъ всегда былъ учрежденіемъ чисто внѣшнимъ. Что-жь удивительнаго, если Бальзакъ не благоговѣетъ передъ его таинствомъ? Онъ выражается о немъ съ Мольеровскою грубостью, но уже и въ этомъ раннемъ произведеніи у него гораздо меньше одушевленія, чѣмъ у Мольера, потому что въ его взглядахъ больше и пессимизма, и матеріализма. Въ произведеніи этомъ много остроумія, хотя и грубаго, много забавныхъ анекдотовъ, часто прелестныхъ по контрасту между строго-догматическимъ тономъ доктора брачной науки и пикантностью содержанія. Но и при всемъ томъ оно прежде всего есть плодъ ранняго разочарованія и, ко-

нечно, не увлекательно для большинства женщинъ. Бальзакъ—писатель съ великодушными и благородными чувствами, но здѣсь ихъ и слѣда нѣтъ,—онъ здѣсь поражаетъ лишь даромъ безпощаднаго анализа. Но эта книга, обнаружившая яркія свойства его таланта, надолго освѣжила его организмъ.

Съ этого момента его міровоззрѣніе облагороживается или, вѣрнѣе, дѣлится на два разныя—на серьезное и шутливое. Тѣ элементы, которые въ «Phisiologie du mariage» были еще нераздѣльны, именно серьезный взглядъ на человѣческую жизнь и чувственно-циническое отношеніе къ ней, съ этой поры существуютъ каждый особо, какъ трагедія и сатирическая драма.

Въ томъ же году (1831) онъ пишетъ свой первый философскій романъ «La peau de chagrin», упрочившій за нимъ репутацію поэта, а романомъ «La belle impéria» онъ начинаетъ длинный рядъ своихъ «Contes drôlatiques», т.-е. собраніе повѣстей, въ родѣ самыхъ пикантныхъ «contes» временъ «возрожденія». По духу онѣ родственны съ новеллами Боккачіо и королевы Маргариты и съ анекдотами Брантома, а въ языкѣ замѣтно прямое вліяніе Рабле. Разсказанныя новѣйшимъ языкомъ, онѣ показались бы пошлыми и грязными, а на наивномъ языкѣ старины, какъ бы облагороживающемъ содержаніе еще болѣе, чѣмъ строгій размѣръ стиха, эти апоѳеозы чувственности художественны, игривы, какъ шутки одного изъ тѣхъ монаховъ свѣтскаго закала, которые играютъ роль въ разсказахъ всѣхъ народовъ.

Въ одномъ изъ мастерскихъ прологовъ къ подобнымъ собраніямъ авторъ разсказываетъ, что онъ въ молодости потерялъ топоръ — свое наслѣдство—и остался ни съ чѣмъ. Тогда онъ, подобно дровосѣку въ прологѣ къ книгѣ своего дорогаго наставника Рабле, сталъ вопіять къ небу въ надеждѣ, что тамъ услышатъ его и онъ получитъ другой топоръ. Но Меркурій бросилъ ему записку, на которой начертаны были всего три буквы *A V E*. Онъ вертѣлъ въ рукахъ небесный даръ такъ и сякъ и, наконецъ, прочелъ это слово наоборотъ *EVA*. Но что такое *EVA*?—Что же иное, какъ не всѣ женщины въ одной? Итакъ, божественный голосъ говорилъ автору: «Подумай о женщинѣ,—женщина уврачуетъ твои скорби, наполнитъ твою охотничью сумку; она — твой богъ, твоя собственность. Avé, привѣтъ тебѣ! Eva, о женщина!» Это значило, что ему нужно сумасбродными и забавными разсказами о любовныхъ приключеніяхъ заставить смѣяться читателя, свободнаго отъ предразсудковъ. И это ему уда-

лось. Никогда еще слогъ его не достигалъ такого совершенства и не производилъ такого сильнаго впечатлѣнія. У самого Рубенса не найдете болѣе смѣлыхъ штриховъ и болѣе яркихъ красокъ, не найдете и подобной геркулесовской веселости въ изображеніяхъ нагихъ фавновъ и пьяныхъ вакханокъ. Ни одинъ художникъ рѣчи не поднимался въ этомъ отношеніи выше Бальзака. Прочтите, напримѣръ, слѣдующій отрывокъ изъ обращенія къ музѣ, написаннаго на радостяхъ по случаю окончанія новаго ряда новеллъ:

«Смѣющаяся дѣва, если ты навсегда хочешь остаться свѣжею и юною, не плачь больше никогда! Подумай лучше о томъ, какъ бы не ѣздить на мухахъ безъ стремянъ, какъ запрягать твоихъ хамелеонообразныхъ химеръ вмѣстѣ съ прелестными облаками, а лошадей обращать въ радужные образы, накрывать ихъ попонами изъ кармазинно-розовыхъ сновъ, а вмѣсто удилъ давать имъ темноголубыя крылья.

«Клянусь тѣломъ и кровью, курильницею и печатью, книгою и шпагою, лохмотьями и золотомъ, звукомъ и цвѣтомъ, если ты воротишься въ пещеру элегій, гдѣ евнухи набираютъ гадкихъ женщинъ для слабоумныхъ султановъ, то я прокляну тебя, лишу тебя ласкъ и любви, лишу...

«Ахъ! вонъ она сидитъ высоко на конѣ на солнечномъ лучѣ, сопровождаемая дюжиною разсказовъ, которые отъ ея смѣха разсыпаются воздушными метеорами! Она отражается въ ихъ призмахъ сильная, высокая, такъ смѣло безсмысленная, безсмысленно спѣша навстрѣчу всему, и ее нужно знать давно и хорошо, чтобы слѣдить за ея сиреноподобнымъ хвостомъ съ серебристыми блестками, который она извиваетъ при этой игрѣ. Праведный Боже! Она бросилась впередъ, подобно сотнѣ выпущенныхъ вечеромъ на свободу школьниковъ, которые кидаются на садовую изгородь изъ ежевики. Къ чорту учителя! Полная дюжина! Праздничный вечеръ!... Сюда, ко мнѣ, товарищи!»

Справедливость требуетъ замѣтить, однако, что едва ли во всѣхъ «Contes drôlatiques» найдется другой такой длинный отрывокъ, который бы можно было выписать или прочесть громко.

«La peau de chagrin» — это первая попытка Бальзака помѣряться съ дѣйствительностью. Эта книга разнообразная, живая, полная роскошныхъ образовъ, въ которой поэтъ, какъ бы забѣгая впередъ, въ величавыхъ, но простыхъ символахъ пытается набросать широкую картину новѣйшаго общества, между

тѣмъ какъ его могли вполнѣ изобразить лишь произведенія Бальзака, взятыя въ цѣломъ. Въ фантастическомъ освѣщеніи выставлены здѣсь въ контрастахъ характеристическіе моменты изъ жизни новѣйшаго общества — игорный домъ и будуаръ модной дамы, кабинетъ ученаго и роскошныя палаты богача, тоскливая и безнадежная бѣдность человѣка, молодаго и талантливаго, которому не суждено вкусить земныхъ благъ, и оргіи журналистовъ и куртизанокъ, наконецъ контрастъ искренности и свѣтскихъ приличій у женщинъ. Картина набросана смѣлою кистью и цѣлое произведеніе состоитъ изъ немногихъ, ярко освѣщенныхъ, группъ, примыкающихъ одна къ другой, но во всемъ больше философіи и символики, чѣмъ индивидуальной жизни. Старый тряпичникъ даетъ бѣдному молодому герою, рѣшившемуся на самоубійство, кусокъ ослиной шкуры, на которую не дѣйствуетъ ни огонь, ни желѣзо. Притомъ у кого она есть, у того всѣ желанія исполняются, но за то она каждый разъ уменьшается на нѣсколько линій и отъ нея зависитъ жизнь владѣльца. Благодаря изумительному творчеству фантазіи, сверхъестественное въ этомъ символическомъ образѣ, имѣющемъ глубокій смыслъ, кажется вѣроятнымъ. Бальзакъ съумѣлъ придать такую форму фантастическому, въ которой оно можетъ мириться съ явленіями дѣйствительной жизни. Лампа Алладина, если ее потереть, дѣлаетъ чудеса. Она измѣняетъ естественный законъ причинности (даже у Эленшлегера). Иное дѣло—шагреневая кожа: сама она ничего не дѣлаетъ, за то обладаніе ею доставляетъ успѣхъ въ дѣлахъ, но при этомъ она постоянно уменьшается,— она какъ будто состоитъ изъ того же матеріала, который составляетъ основу нашей жизни. «Человѣкъ,—говоритъ Бальзакъ,— расходуется на два инстинктивныхъ дѣйствія, отъ которыхъ источники его бытія высыхаютъ. Два глагола выражаютъ всѣ тѣ формы, которыя принимаютъ эти двѣ причины его смерти: желать и мочь. Желаніе насъ сожигаетъ, а способность мочь уничтожаетъ. Это значитъ: въ концѣ концовъ мы умираемъ, потому что ежедневно уничтожаемъ себя. Кожа, подобно намъ, тоже уничтожается отъ нашей способности желать и мочь. Бальзакъ мѣтко характеризуетъ господствующее стремленіе цѣлаго поколѣнія—познать жизнь во всей ея полнотѣ и глубинѣ— и указываетъ на то, какая душевная пустота слѣдуетъ за исполненіемъ желанія и какъ удовлетвореніе страстей влечетъ за собою смерть. «La peau de chagrin» — книга молодаго пи-

сателя, но блестящая по замыслу и отвлеченно-меланхолическая, какъ всѣ книги, написанныя раньше того, чѣмъ поэтъ прошелъ долгій путь жизненнаго опыта. Она имѣла успѣхъ и внѣ предѣловъ Франціи. Гёте читалъ ее даже въ послѣдній годъ своей жизни. У Римера (который ошибочно считаетъ авторомъ книги В. Гюго) Гёте говоритъ 11 окт. 1831 года: «Я продолжалъ чтеніе «La peau de chagrin». Это—прекрасное произведеніе, въ новомъ родѣ, которое между прочимъ отличается тѣмъ, что искусно лавируетъ между невозможнымъ и невыносимымъ, и авторъ весьма послѣдовательно пользуется чудеснымъ, какъ средствомъ изобразить выдающіяся стремленія и событія. Объ этомъ въ частности можно было бы сказать много хорошаго». А въ письмѣ отъ 17 марта 1831 года онъ говоритъ о той же книгѣ: «Это произведеніе необыкновеннаго ума указываетъ на коренную и неисцѣлимую язву націи, и послѣдняя заражала бы организмъ все глубже, еслибы тѣ департаменты, въ которыхъ теперь еще не умѣютъ ни читать, ни писать, не возродили современемъ эту націю, на сколько это возможно» *).

Въ книгѣ не мало частностей, напоминающихъ жизнь самого автора. Бальзакъ по собственному опыту зналъ чувства бѣднаго юноши, который изъ своей мансарды отправляется на балъ, балансируя по пыльнымъ камнямъ въ своей единственной парѣ бѣлыхъ шелковыхъ чулокъ и въ изящныхъ сапогахъ. Онъ ужасно боится, какъ бы не забросала его грязью карета, несущаяся мимо,—вѣдь тогда онъ не увидитъ своей возлюбленной. Но гораздо интереснѣе тотъ выводъ изъ наблюденій и мыслей, къ которому приходитъ авторъ; его можно короче выразить такъ: общество чуждается бѣдствій и страданій, боится ихъ какъ заразы, никогда не колеблется въ выборѣ между бѣдствіемъ и порокомъ. Какъ бы ни было колоссально бѣдствіе, оно съумѣетъ уменьшить размѣры его, даже посмѣяться надъ нимъ въ эпиграммѣ; оно никогда не чувствуетъ состраданія къ падшему гладіатору. Однимъ словомъ, общество съ самаго начала представляется Бальзаку чуждымъ всякой высшей религіозной идеи. Оно оставляетъ безъ помощи стариковъ, бѣдныхъ, больныхъ; оно покланяется успѣху, силѣ, деньгамъ, не терпитъ несчастія, если изъ него не можетъ извлечь выгоды для себя. Его девизъ — «гибель слабымъ».

---

*) Gëthe-Jahrbuch 1880, стр. 289.

До Бальзака въ романѣ царило лишь одно чувство—любовь. Но онъ своимъ геніальнымъ чутьемъ понялъ, что кумиръ современниковъ вовсе не любовь, а деньги, а потому и пружиною общественной дѣятельности въ его романахъ являются деньги, или вѣрнѣе недостатокъ денегъ, жажда денегъ. Такой пріемъ былъ новъ и смѣлъ. Въ романѣ, въ поэзіи, подробно высчитывать доходы и расходы дѣйствующихъ лицъ, вообще говорить о деньгахъ какъ о чемъ-то существенномъ — это было дѣломъ неслыханнымъ, грубою прозою. Вѣдь всегда грубо—говорить то, что всѣ думаютъ и что поэтому всѣ согласились скрывать или отрицать, а особенно въ произведеніяхъ такого искусства, которое часто выдавалось за искусство красиво лгать.

III.

Но Бальзакъ былъ еще молодъ и для его поэтической души, рано разочаровавшейся, была своя весна, — онъ чувствовалъ влеченіе изобразить въ цѣломъ рядѣ романовъ любовь и женщину. Онъ разработалъ эту старую тему съ такою самобытностью, что она показалась совершенно новою, и разсказы, въ которыхъ онъ такъ удачно варьировалъ ее, составляютъ особую группу въ ряду его произведеній.

Въ женщинѣ онъ покланялся не красотѣ, и всего менѣе красотѣ пластической. Чрезъ искусство онъ вообще не получалъ живаго впечатлѣнія красоты. Уже этимъ однимъ онъ отличается отъ значительнаго кружка своихъ современниковъ. Большая часть романтическихъ поэтовъ и въ Германіи, и на Сѣверѣ, и во Франціи страстно любили искусство. Такому поэту-любителю искусства, какъ Готье (глава цѣлой школы), любовь къ искусству, напримѣръ, помѣшала изучить дѣйствительность. Онъ самъ разсказываетъ, какъ онъ разочаровался, когда ему въ первый разъ въ мастерской Ріуля пришлось рисовать съ живой женщины, хотя она была красива, очертанія изящны и правильны. «Я всегда предпочиталъ статую живой женщинѣ, а мраморъ—тѣлу», признается онъ. Многознаменательныя слова! Представьте себѣ теперь Готье и Бальзака вмѣстѣ въ Луврскомъ античномъ музеѣ, въ той святая святыхъ, гдѣ Венера Милосская красуется въ своемъ лучезарномъ величіи. Поэту, любителю пластики, будетъ казаться, что изъ мрамора раздается прекрасный гимнъ греческаго искусства въ честь совершенства человѣческихъ формъ,

и онъ забудетъ про Парижъ, слушая его. Напротивъ Бальзакъ забудетъ про статую, на которую онъ хочетъ смотрѣть, если онъ увидитъ парижанку, одѣтую по современной модѣ, остановившуюся передъ богиней въ длинной шали, спускающейся донизу безъ малѣйшей складки, въ кокетливой шляпкѣ, въ тонкихъ перчаткахъ, плотно охватывающихъ руку. Онъ съ перваго взгляда пойметъ всѣ тонкости ея туалета, — для него въ этой области нѣтъ тайнъ.

Это—первая особенность его: никакая миѳологія, никакія преданія давно минувшихъ временъ не отдѣляютъ его отъ современной женщины. Онъ не изучалъ ни одной статуи, не покланялся ни одной богинѣ, не признавалъ культа чистой красоты, но видѣлъ женщину такою, какою она была, въ платьѣ, шали, перчаткахъ и шляпкѣ, со всѣми ея пороками и добродѣтелями, чарами и увлеченіями, нервами и страстями, со всѣми слѣдствіями уклоненія отъ природы, съ печатью истощенія на болѣзненномъ лицѣ. Онъ любилъ ее такою, какъ она есть. Для ея изученія онъ не довольствуется мимолетнымъ наблюденіемъ: онъ проникаетъ и въ будуаръ ея, и въ спальню; онъ не довольствуется и тѣмъ, что изслѣдуетъ ея душевное состояніе,—онъ допытывается физіологическихъ причинъ этого состоянія, изучаетъ женскія страданія, женскія болѣзни. Онъ ясно понимаетъ всякое невысказанное горе слабаго и терпѣливаго пола.

Вторая особенность: Бальзакъ выводитъ въ роли возлюбленной не молодую дѣвушку, даже и не очень молодую женщину; главный типъ его женскихъ ролей это тотъ же, какъ и заглавіе романа «Тридцати-лѣтняя женщина». Только геніальный поэтъ могъ открыть и высказать ту простую истину, что подъ небомъ сѣверной Франціи женщина въ 18 лѣтъ не развилась еще вполнѣ ни физически, ни духовно. Онъ вывелъ передъ нами женщину, которая уже прожила первую молодость, а потому глубже и сильнѣе чувствуетъ и мыслитъ, испытала уже разочарованіе, но еще способна къ сильной страсти. Она уже нѣсколько пострадала отъ жизни: тутъ вотъ морщина, а тамъ легкій шрамъ послѣ болѣзни; червь уже попортилъ роскошный плодъ, но она вполнѣ обладаетъ чарами своего пола. Она грустна, она страдала, она наслаждалась, она непонята или покинута, часто была обманута, но все еще надѣется; она способна вдохнуть глубокую и пылкую страсть, но источникъ этой страсти—состраданіе. Довольно странно, что на нее не смотрятъ такъ, какъ на мужчину од-

нихъ съ нею лѣтъ; нѣтъ, о ней такъ говорятъ и ее такъ описываютъ, какъ смотритъ на нее съ своей точки зрѣнія мужчина гораздо ея моложе, еще мало наученный жизнію. Свѣжее чувство, пылкая страсть, наивная восторженность, безсознательная идеализація юной любви увѣнчиваютъ чело, не совсѣмъ уже юное, молодитъ женщину, все еще привлекательную и одаренную всѣми чарами ласки, граціи, женской мечтательности и истинной страсти *). Идеализаціи въ изображеніи ея нѣтъ (какъ напр. въ романахъ Жоржъ Зандъ, напрашивающихся на сравненіе); прямо сказано все, о чемъ обыкновенно женщины умалчиваютъ, когда онѣ говорятъ про свой полъ, что̀ обходитъ молчаніемъ и помянутая геніальная писательница, говоря о женщинахъ, къ которымъ она хочетъ возбудить сочувствіе. Для Жо̀ржъ Зандъ женщина прежде всего существо моральное, душа, а для Бальзака—физіолого-психологическій фактъ, поэтому она у него небезъукоризненна ни въ физическомъ, ни въ духовномъ отношеніи. Поэтому у него идеализація типа или чисто-внѣшняя (напр. идеальное освѣщеніе, идеальныя любовныя отношенія), или внутренняя, состоящая въ томъ, что страсть извѣстнаго лица на время отдаляетъ на задній планъ все остальное—и настоящее, и прошедшее, или прикрашиваетъ его и такимъ образомъ всему даетъ идеальный оттѣнокъ. Любовь жены, матери, робкое увлеченіе молодой дѣвушки Бальзакъ изображаетъ съ такимъ же мастерствомъ, какъ и свободныя отношенія любовниковъ.

Французская женщина является у него въ четыре разныя эпохи исторіи.

Во-первыхъ, въ эпоху революціи. Есть небольшой мастерской очеркъ Бальзака «Le Requisitionnaire». Это одинъ изъ немногихъ разсказовъ, поражающихъ насъ не только яркимъ изображеніемъ нравовъ и сердечныхъ ощущеній, но и совершенствомъ повѣствовательной формы. Въ немъ авторъ разсказываетъ исторію любви матери къ сыну во время террора.

Маленькій городокъ и оригинальный салонъ г-жи де-Дей изображены немногими чертами. Страхъ за сына, приговореннаго къ смерти,—ожиданіе его прихода въ платьѣ солдата, поставленнаго къ ней на квартиру, — напряженіе, усиливающееся съ каждымъ часомъ до поздней ночи,—мнимо-таинственный приходъ молодаго

*) Прочтите въ особенности «Le Message», «La Grenadière», «La femme abandonnée», «La grande Brétèche» и «La femme de trente ans»—собраніе этюдовъ, не связанныхъ между собою.

солдата, котораго тайкомъ отводятъ на верхъ, въ комнату, заботливо приготовленную для него,—сначала отчаяніе, а потомъ безумная радость матери, которая слышитъ шаги его надъ собою и должна по-прежнему продолжать бесѣду въ салонѣ, чтобы не выдать тайны,—наконецъ, ея стремительное вторженіе въ комнату и ужасное открытіе, что пришелъ не сынъ ея, а рекрутъ—все это, сжато переданное на печатномъ листѣ, разсказано съ неподражаемою силою и правдой.

Послѣ этого Бальзакъ выводилъ на сцену женщинъ эпохи Наполеонова владычества. Это было время необычайнаго военнаго торжества. Всюду слышатся возгласы удивленія, женщины боготворятъ побѣдоносныхъ воиновъ. Замѣтно было беззавѣтное и полное жажды удовольствій стремленіе скорѣе жить. А между тѣмъ молодая женщина «между первымъ и пятымъ бюллетенемъ изъ великой арміи могла послѣдовательно сыграть роль невѣсты, жены, матери и вдовы». Возможность скораго вдовства, ожиданіе приданаго или славы — дѣлало женщинъ болѣе легкомысленными, а офицеровъ — соблазнительными. Описаніе смотра на Тюльерійскомъ дворѣ въ 1813 г., составляющее введеніе къ роману «La femme de trente ans», и вечернее сборище въ моментъ побѣды при Ваграмѣ, изображенное въ «La paix du ménage», характеризуютъ и эпоху, и типъ женщинъ этой эпохи.

Но Бальзакъ вступаетъ на настоящій путь и достигаетъ мастерства въ изображеніи женскихъ типовъ и женской любви только въ романахъ изъ временъ реставраціи. Взглядъ его смѣлъ, кисть груба, и онъ съ большимъ талантотъ изображаетъ прозаичный періодъ господства испорченной буржуазной среды. Но онъ все-таки великій поэтъ, а потому отъ картинъ этой пошлой плутократіи сороковыхъ годовъ воображеніе его тоскливо обращается назадъ, къ эпохѣ изящнаго вкуса и утонченныхъ нравовъ временъ реставраціи. Эта эпоха была еще эпохою аристократическою, а Бальзакъ, причислявшій себя къ знати, питалъ не малое уваженіе къ аристократіи.

Красавица, рожденная и воспитанная въ благородномъ семействѣ, была въ его глазахъ цвѣтомъ женщинъ. Онъ несомнѣнно принадлежитъ къ тому поколѣнію, которое бредило Наполеономъ. Это имя встрѣчается у него черезъ каждыя двѣ или три страницы, и онъ мечталъ (подобно Виктору Гюго) оспорить у императора всемірное владычество на литературной почвѣ. Въ своей рабочей комнатѣ онъ поставилъ его статуетку съ надписью на

ножнахъ шпаги: «Что онъ покорилъ мечомъ, то я завоюю перомъ». Но, несмотря на всѣ свои грёзы, увлеченія и суетныя стремленія, онъ стоялъ на сторонѣ законной монархіи. Время господства послѣдней было временемъ его юности; потому-то онъ и относится къ нему съ особенно теплымъ чувствомъ. При господствѣ напудренныхъ королей и старыхъ національныхъ преданій еще и XIX в. доживалъ наслѣдіе XVIII-го, вѣка гуманности и свободнаго мышленія въ сферѣ религіи и нравственности. Господство его миновало съ водвореніемъ золотаго тельца, грубыхъ наслажденій и общественнаго лицемѣрія. Салоны, блиставшіе остроуміемъ, украшеніе столицы вкуса, закрылись, нравы по внѣшности стали строже, получивши англійскій отпечатокъ, но въ сущности были грубѣе. Общественное мнѣніе относилось снисходительно къ продѣлкамъ милліонера и съ фарисейскою строгостью возставало противъ увлеченій женщинъ. Нечего стало быть и удивляться, если Бальзакъ изображалъ нѣжными чертами и въ благопріятномъ свѣтѣ красивыхъ грѣшницъ Сен-Жерменскаго предмѣстья. Красавица Дельфина де-Жирарденъ, прелестная писательница, создавшая оригинальный парижскій фельетонъ, салонъ которой такъ охотно посѣщался, была его вѣрною и умною подругой. Въ такихъ же отношеніяхъ была она съ Викторомъ Гюго и Готье. Но гораздо больше добылъ онъ матеріала для своихъ произведеній отъ двухъ герцогинь, которыя въ его глазахъ олицетворяли собою величіе имперіи и блескъ веселой и изящной старой монархіи. Съ ними онъ сблизился еще въ началѣ своего поприща. Это были—мадамъ Жюно, герцогиня Абрантесъ, которой онъ помогалъ въ ея литературныхъ трудахъ, и герцогиня Кастри. Послѣдняя объявила ему сначала въ анонимномъ письмѣ, что она заинтересована его произведеніями, а онъ съ своей стороны долго питалъ къ ней любовь, не встрѣчавшую однако сочувствія. Онъ выводитъ ее въ цѣломъ рядѣ романовъ «Histoire des Treizes» подъ именемъ герцогини Ланже.

Въ началѣ 30-хъ годовъ Бальзакъ еще, конечно, не касается ни общества временъ іюльской монархіи, ни женщинъ этой эпохи съ ихъ страстями. Это онъ дѣлаетъ уже позже. Замѣтимъ мимоходомъ, что въ зрѣлыя лѣта онъ вообще строже и суровѣе относится къ новымъ сюжетамъ. Вѣяніе весны отлетѣло навсегда. Во многихъ произведеніяхъ все еще на первомъ планѣ женщина и любовь, но прежняя склонность обратилась въ страсть, а страсть стала порокомъ. Мало безкорыстныхъ чувствъ и чистыхъ

симпатій, но во всемъ разсчетъ, даже у женщины, притомъ въ дѣлѣ любви, тѣмъ болѣе, если роль любви замѣняютъ другія отношенія. Куртизанка во многихъ романахъ оттѣсняетъ свѣтскую даму на задній планъ, а иногда у первой меньше корыстолюбія, чѣмъ у послѣдней. Авторъ раскрываетъ передъ читателемъ мрачныя бездны эгоизма и всяческихъ пороковъ.

IV.

Изъ произведеній, появившихся въ 1833—4 гг., преимущественно должно указать на два—на изящную, классическую повѣсть «Eugénie Grandet» и на большой романъ «Père Goriot». Въ первомъ романѣ Бальзакъ соперничаетъ съ Мольеромъ («L'avare»), а во второмъ ни больше, ни меньше какъ съ самимъ Шекспиромъ («King Lear»).

По «Eugénie Grandet» нельзя судить о талантѣ Бальзака, хотя онъ долго гордился именемъ автора этой новеллы. Она обратила на себя вниманіе тѣмъ, что писатель съ необыкновенною наблюдательностью и вѣрностью изображаетъ провинціальную жизнь съ ея своеобразными пороками и добродѣтелями. Книгу эту рекомендовали для семейнаго чтенія, потому что героиня—знатная и цѣломудренная молодая дѣвушка. Бальзакъ съ необыкновеннымъ мастерствомъ раскрываетъ всю гнусность скупости, въ которой древніе видѣли лишь одну комическую сторону. Онъ доказываетъ, что скупость, надъ которою забавлялись, какъ надъ смѣшною слабостью, мало-по-малу убиваетъ всѣ человѣческія чувства и потомъ ея медузина голова деспотически подымается, какъ грозный стражъ надъ всѣмъ тѣмъ, что окружаетъ скупца. Авторъ значительно приблизилъ этотъ типъ къ нашему пониманію. По его взгляду, жадный скупецъ—не герой мѣщанской комедіи, а властолюбивый мономанъ, зачерствѣлый мечтатель, поэтъ, который при видѣ золота проникается страстною алчностью и въ то же время предается самымъ дикимъ мечтамъ. Онъ только полнѣе другихъ сознаетъ ту истину, что золото воплощаетъ въ себѣ исполненіе всѣхъ человѣческихъ стремленій и надеждъ. Уже въ одной этой характеристикѣ виденъ громадный талантъ Бальзака. Не берясь самонадѣянно за великія задачи, онъ достигалъ высокихъ цѣлей малыми средствами, которыхъ другіе не замѣтили, или если и замѣтили, то пренебрегли.

Собственно говоря, въ «Eugénie Grandet» рамки не тѣсны, но для дарованія Бальзака онѣ очень узки.

Въ «Père Goriot» сцена романа шире. Не отдаленный провинціальный уголокъ изучаетъ онъ здѣсь, а цѣлый громадный Парижъ, который подобно гигантской панорамѣ развертывается передъ глазами читателя. Здѣсь уже нѣтъ никакихъ отвлеченностей и обобщеній, какъ въ «La peau de chagrin». Каждый классъ общества и каждый членъ его изображены индивидуальными чертами. Я упомянулъ о «Королѣ Лирѣ»; но отношенія обѣихъ безсердечныхъ дочерей къ отцу, какъ они ни глубоко задуманы и прочувствованы, составляютъ сюжетъ у Бальзака лишь съ формальной стороны. Настоящій же сюжетъ — это появленіе въ парижскомъ обществѣ и похожденія молодаго человѣка, пріѣхавшаго изъ провинціи и сравнительно не испорченнаго. Онъ постепенно открываетъ истинную суть высшаго свѣта и ужасается своихъ открытій; онъ сторонится отъ него, но подвергается искушеніямъ и, наконецъ, послѣдовательно, хотя и наскоро, воспитываетъ себя для той жизни, какую ведутъ окружающіе. Характеристика Растиньяка—одна изъ самыхъ глубокихъ и вѣрныхъ, какія только создалъ самъ Бальзакъ и вообще кто-либо изъ новѣйшихъ романистовъ. Бальзакъ съ большимъ искусствомъ показываетъ намъ, какъ съ разныхъ сторонъ, всюду, гдѣ только мнѣнія не подсказаны лицемѣріемъ или наивностью, Растиньякъ встрѣчаетъ въ обществѣ тѣ же взгляды и ту же мораль. Его родственница и покровительница, знатная и прелестная г-жа Босоанъ, говоритъ ему: «Чѣмъ хладнокровнѣе вы обдумываете, тѣмъ дальше пойдете. Сыпьте удары безъ сожалѣнія, тогда васъ и будутъ бояться. Смотрите на мужчинъ и на женщинъ просто какъ на почтовыхъ лошадей, на которыхъ вы ѣдете во всю прыть къ станціи... А если у васъ есть искреннее чувство, то, смотрите, не обнаруживайте его, а иначе вы будете не молоткомъ, а наковальней... Если женщины найдутъ васъ остроумнымъ, то мужчины повѣрятъ этому, коли только вы сами не выведете ихъ изъ заблужденія... Тогда вы узнаете, что общество есть не что иное какъ сборище дураковъ и подлецовъ. Не приставайте ни къ тѣмъ, ни къ другимъ». А бѣглый каторжникъ Вотренъ говоритъ ему: «Надобно или ворваться въ среду людей подобно пушечному ядру, или прокрасться подобно заразѣ. Честность ни къ чему не ведетъ. Преклоняются передъ величіемъ генія, но ненавидятъ его, стараются оклеветать, да и преклоняются, пока онъ въ силѣ. Однимъ словомъ, ему молятся на колѣняхъ, если нельзя затоптать его въ грязь.

Пари держу, что вы въ Парижѣ и двухъ шаговъ не сдѣлаете, не наткнувшись на дьявольскія продѣлки... Вотъ почему честный человѣкъ—общій врагъ. А кто, думаете вы, честный человѣкъ?—Въ Парижѣ—тотъ, кто молчитъ и не хочетъ дѣлиться».

Растиньякъ — это типъ молодаго француза той эпохи. Онъ человѣкъ съ дарованіями, не выходящими, впрочемъ, изъ общаго уровня, и весь идеализмъ его — это неопытность двадцатилѣтняго возраста. Сначала онъ потрясенъ и пораженъ всѣмъ тѣмъ, что ежедневно видитъ и переживаетъ, потомъ самъ начинаетъ домогаться жизненныхъ благъ все съ меньшею совѣстливостью и все съ большею жаждою. Онъ возмущается, когда Вотренъ въ первый разъ предлагаетъ ему старый вопросъ, согласился ли бы онъ убить мандарина въ Китаѣ, котораго онъ никогда не видалъ, еслибы для этого было достаточно одного желанія получить милліонъ. Его воображенію живо представляется хрипящій мандаринъ, уже мечущійся въ предсмертной агоніи. Сначала онъ, какъ и всякій, говоритъ, что желать сдѣлаться великимъ или обогатиться во что бы то ни стало—то же самое, что рѣшиться лгать, подличать, пресмыкаться, льстить, обманывать,—то же самое, что согласиться служить тѣмъ, кто лжетъ, подличаетъ, пресмыкается. Потомъ онъ отрекается отъ этихъ убѣжденій на томъ основаніи, что вовсе не хочетъ думать, а только слѣдовать влеченію сердца. Было время, когда онъ еще былъ настолько юнъ, что не могъ дѣйствовать съ разсчетомъ, но уже настолько созрѣлъ, что въ его головѣ носились неопредѣленныя мысли и туманныя мечты. Еслибы можно было ихъ концентрировать химически, то получился бы не совсѣмъ чистый осадокъ. Сношенія со свѣтскою дамой, Дельфиной Нюсёнгенъ, дочерью Горіо, довершаютъ его воспитаніе. Онъ видитъ всю ту массу крупныхъ и мелкихъ невзгодъ, изъ которыхъ слагаётся жизнь высшаго общества, а въ то же время находится подъ вліяніемъ насмѣшливаго циника Вотрена. «Еще два или три урока высшей политики—и вы увидите свѣтъ такимъ, какъ онъ есть. Важная особа, разыгрывая по временамъ мелкія добродѣтельныя сцены, удовлетворяетъ каждой своей прихоти при оглушительныхъ крикахъ одобренія глупцовъ... Я съ удовольствіемъ позволю вамъ презирать меня сегодня, потому что потомъ вы меня полюбите. Вы найдете во мнѣ тѣ зіяющія бездны, тѣ сосредоточенныя чувства, которыя глупцы называютъ пороками, но никогда не найдете во мнѣ робости или неблагодарности».

Глаза его ясно видятъ кажущійся лоскъ всего окружающаго. Онъ видитъ, что уставы и законы для наглецовъ служатъ только ширмою, за которою они свободны въ своихъ дѣйствіяхъ. Куда онъ ни взглянетъ, всюду ложныя достоинства, ложная любовь, ложная доброта, ложные браки. Съ рѣдкимъ тактомъ изобразилъ Бальзакъ тотъ моментъ въ жизни каждаго даровитаго юноши, когда при видѣ свѣтской пошлости у него тяжело становится на сердцѣ и душа наполняется презрѣніемъ къ людямъ. «Одѣваясь, онъ предался самымъ печальнымъ размышленіямъ, доводящимъ до отчаянія. Онъ смотрѣлъ на общество какъ на грязное болото, въ которомъ тонетъ по уши каждый, кто только вздумаетъ вступить въ него. Тамъ совершаются лишь мелкія преступленія,—сказалъ онъ себѣ.—Встрѣчъ покрупнѣе». Но потомъ, наконецъ, измѣривши жерло этого ада, онъ отлично устроивается въ немъ и готовится подняться до верхнихъ слоевъ общества, на постъ министра, на которомъ мы его и встрѣчаемъ въ позднѣйшихъ романахъ.

Почти всѣ стороны Бальзаковскаго таланта нашли себѣ выраженіе въ этомъ произведеніи, столь широко задуманномъ. Его необычайная живость, его необыкновенный даръ изображать вѣрно типы—вполнѣ гармонируютъ съ тѣмъ тономъ, который такъ идетъ къ пошлому, истаскавшемуся, грубо острящему обществу собутыльниковъ въ пансіонѣ Вокера. Свѣтлыхъ личностей почти не встрѣчается, а потому мало поводовъ для автора впадать въ паѳосъ. За то читатель постоянно имѣетъ случай наслаждаться тою смѣлостью и вѣрностью правдѣ, съ которыми Бальзакъ анализируетъ душу преступника, кокетки, финансиста и завистливой старой дѣвы. Типъ старика-отца, брошеннаго и забытаго дочерями, именемъ котораго озаглавлена книга, не совсѣмъ удался. Онъ — печальная жертва, но Бальзакъ слишкомъ уже сентиментальничаетъ по поводу его. Совсѣмъ не кстати, напримѣръ, онъ называетъ Горіо: «Ce Christ de la pauvreté». Кромѣ того Бальзакъ придаетъ любви Горіо къ дочерямъ (какъ въ романѣ «Le Réquisitionnaire» любви матери къ сыну) такой приторный оттѣнокъ, что намъ противны ея слащавыя проявленія. Но этотъ покинутый старикъ, надъ любовью котораго такъ издѣваются родныя дочери, играетъ главную роль въ романѣ и благодаря этому онъ получаетъ единство и цѣльность, а это производитъ выгодное впечатлѣніе.

Сатира на общество въ духѣ Ювенала какъ бы заканчивается мѣткою эпиграммою. Когда Дельфина отказывается навѣстить умирающаго отца, чтобы подняться степенью выше на общественной лѣстницѣ, она непремѣнно хочетъ воспользоваться приглашеніемъ, котораго такъ долго и напрасно ожидала, и явиться на балъ къ аристократкѣ г-жѣ Босоанъ. На этотъ балъ, вѣдь, стремится «tout Paris». Кромѣ того, она мучится жестокимъ любопытствомъ. Ей хочется полюбоваться слѣдами мученій на лицѣ хозяйки, которая получила въ то утро извѣстіе объ обрученіи своего невѣрнаго любовника. Мы слѣдуемъ за Дельфиной, которая ѣдетъ на балъ въ своемъ экипажѣ вмѣстѣ съ Растиньякомъ. Молодой человѣкъ знаетъ, что она готова проѣхать по трупу своего отца, лишь бы явиться на этотъ балъ, но у него нѣтъ силъ порвать съ нею отношенія. Онъ даже боится прогнѣвить ее упреками, но не можетъ не сказать нѣсколькихъ словъ о печальномъ положеніи ея отца. У нея слезы на глазахъ. «Но вѣдь, я подурнѣю,—подумала она про себя и слезы высохли.— Завтра я буду ухаживать за отцомъ, не отойду отъ его изголовья»,—сказала она. И она дѣйствительно думаетъ то, что говоритъ; она не зла, но она—живое воплощеніе общественныхъ дисгармоній, рождена не въ знатной семьѣ, была богата, лишилась своего богатства, благодаря несчастному браку, любитъ наслажденія, пуста и честолюбива. Но у Бальзака не хватило таланта изобразить Корделію во всей ея Шекспировской чистотѣ и непорочности: сфера возвышеннаго—не его сфера. За то Регана и Гонерилье вышли у него человѣчнѣе и ближе къ правдѣ, чѣмъ у геніальнаго британца.

V.

Однажды, въ 1836 г., Бальзакъ явился возбужденный, торжествующій, къ своей сестрѣ, энергически махая своею тростью, подобно тамбуръ-мажору. На сердоликовомъ набалдашникѣ ея онъ велѣлъ вырѣзать турецкими буквами слѣдующій девизъ султана: «Я разрушитель препятствій». Подражая аккомпанименту военной музыки и бою барабановъ, онъ весело крикнулъ дѣтямъ: «Поздравьте меня, дѣти, вѣдь я скоро сдѣлаюсь геніемъ». Онъ задумалъ связать въ одно цѣлое всѣ свои романы—и написанные, и будущіе и составить изъ нихъ «Comedie humaine». Планъ былъ грандіозенъ и до такой степени оригиналенъ, что подобнаго еще

не являлось въ цѣлой всемірной литературѣ. Онъ былъ порожденіемъ того же духа системы, который въ самомъ началѣ поприща внушилъ ему мысль написать цѣлый рядъ историческихъ романовъ, обнимающихъ собою цѣлые вѣка. Новый планъ, конечно, былъ интереснѣе и благотворнѣе: еслибъ онъ удался вполнѣ, то его поэтическія произведенія отличались бы чарующею иллюзіей и правдоподобіемъ историческихъ документовъ. Его произведеніе имѣло бы законное право считаться цѣлымъ въ научномъ смыслѣ.

Дантъ въ «Божественной Комедіи» собралъ въ одномъ поэтическомъ фокусѣ все міровоззрѣніе и весь жизненный опытъ среднихъ вѣковъ, а его честолюбивый соперникъ задумалъ изобразить полную психологію всѣхъ классовъ общества своей страны, даже отчасти и своего вѣка, выводя на сцену двѣ или три тысячи типическихъ личностей.

Нельзя не согласиться съ тѣмъ, что результатъ былъ безпримѣрный. Въ государствѣ Бальзака, какъ и въ дѣйствительномъ, есть свои министры, свое начальство, генералы, финансисты, ремесленники, купцы и крестьяне. Тамъ есть свои священники, городскіе и сельскіе врачи, люди свѣтскіе, живущіе по модѣ, живописцы, ваятели, поэты, писатели и журналисты, свои старинные знатные роды и «noblesse de robe», свои тщеславныя и испорченныя женщины, а также и женщины достойныя любви и обманутыя, свои геніальныя писательницы и провинціальные синіе чулки, свои старыя дѣвы и актрисы, наконецъ — своя толпа куртизанокъ. Иллюзія поразительна. Дѣйствующія лица одного изъ романовъ постоянно встрѣчаются въ другомъ, и мы видимъ ихъ въ разные періоды ихъ жизни. Поэтому мы можемъ видѣть, какія перемѣны происходятъ съ ними. А когда они не являются на сцену, то о нихъ постоянно говорятъ другіе. Мы очень хорошо знакомы съ ихъ наружностью, костюмами, мѣстопребываніемъ, обыденною жизнью и привычками. Описаніе всего этого до того живо, что такъ и кажется, будто встрѣтишь такую-то личность, непремѣнно на такой-то улицѣ, гдѣ она живетъ, или у извѣстной дамы, знакомой всей аристократіи романовъ, которую обыкновенно она посѣщаетъ послѣ полудня.

Кажется даже почти невозможнымъ, чтобы всѣ эти лица были порожденіями фантазіи, и невольно думается, что они въ то время дѣйствительно жили во Франціи.

Да, они жили, и жили по всей Франціи. Бальзакъ мало-помалу описалъ почти всѣ города и провинціи своего отечества *). Совершенно чуждый поползновенія осмѣивать провинцію, онъ ставитъ себѣ задачею изобразить по возможности вѣрно особенности ея застоявшейся жизни, ея добродѣтели, коренящіяся въ преданности судьбѣ, и ея пороки, источникъ которыхъ—мелочность. Но въ его произведеніяхъ преобладаетъ Парижъ, только его Парижъ не тотъ, какимъ онъ былъ 400 лѣтъ тому назадъ и какимъ онъ изображается въ «Notre-Dame de Paris». Это не идеальный Парижъ Виктора Гюго, абстрактный Іерусалимъ ума и просвѣщенія, а дѣйствительный, новѣйшій городъ со всѣмъ его весельемъ, бѣдствіями и скандалами, единственное чудо свѣта въ новѣйшее время. Онъ далеко оставляетъ за собою семь чудесъ древняго міра. Это громадный полипъ съ сотнею тысячъ рукъ, все притягивающій къ себѣ, и далекое и близкое,—громадный ракъ, разъѣдающій Францію. Парижъ временъ Бальзака весь въ его произведеніяхъ со своими узкими улицами, которыя онъ изображаетъ въ видѣ расходящихся лучей, подобно Рембрандту, со своимъ шумомъ и гамомъ, съ криками разнощиковъ, раздающимися съ ранняго утра, съ вечернимъ хоровымъ пѣніемъ множества голосовъ. И онъ передаетъ это пѣніе съ вѣрностью музыканта. Онъ, подобно посвященнымъ древнихъ мистерій, насыщался звуками барабана и кимваловъ **). Онъ все знаетъ въ Парижѣ—архитектуру его домовъ, мебель въ квартирахъ, атмосферу въ его бюро и мастерскихъ, исторію его богатствъ, рядъ владѣльцевъ его музеевъ, туалеты дамъ, счеты портныхъ, шьющихъ на разныхъ денди, фамильные процессы, состояніе здоровья обывателей, родъ ихъ пищи, потребности и желанія всѣхъ слоевъ населенія. Онъ сроднился съ нимъ. Современные ему романтики уносились мыслью далеко отъ Парижа, слабо освѣщеннаго для нихъ лучами солнца, закутаннаго туманомъ, отъ его новѣйшихъ буржуа,—въ Испанію, въ Африку, на Востокъ; для него, напротивъ, ни одно солнце не свѣтило такъ

*) Иссуденъ въ романѣ „Un ménage de garçon", Дуэ въ „Le rechérche de l'absolu", Алансонъ въ „La vieille fille", Безансонъ въ „Albert Savarus", Сомюръ въ „Eugénie Grandet", Ангулемъ въ „Les deux poètes", Туръ въ „Le curé de tours", Лиможъ въ „Le curé de village", Сансерръ въ „La muse du département" и т. д.

**) Прочтите, напримѣръ, замѣчательное введеніе къ повѣсти „La fille aux yeux d'or", идея которой, къ сожалѣнію, антинатична. Въ немъ парижская суета, веселье и роскошь изображены языкомъ почти музыкальнымъ.

привѣтливо, какъ парижское, и ни какіе другіе предметы не были интереснѣе. Въ то время, какъ всѣ вокругъ него старались вызвать тѣни далекаго или минувшаго прекраснаго, неприглядное въ дѣйствительномъ мірѣ столь же мало пугало его, какъ ботаника—крапива, какъ естествоиспытателя—змѣя, или болѣзнь—врача. На мѣстѣ Фауста онъ, навѣрное, никогда не сталъ бы вызывать изъ могилы древнегреческую Елену. Скорѣе онъ послалъ бы за своимъ другомъ Видокомъ, бывшимъ каторжникомъ, а въ то время префектомъ парижской полиціи, и заставилъ бы его разсказывать свои приключенія.

Путемъ наблюденія добываетъ онъ массу разныхъ данныхъ, и изложеніе всего подмѣченнаго во введеніяхъ къ романамъ часто утомляетъ и запутываетъ читателя. Иной разъ онъ долго описываетъ наружность, лицо, даже носъ, и читатель, не видя ничего этого, скучаетъ. Но его пылкая, творческая фантазія иногда такъ переработываетъ и сливаетъ въ одно цѣлое всѣ эти мелочи, удержанныя сильною памятью, какъ Бенвенуто Челлини—тарелки и ложки, отливая своего Персея. Гёте говоритъ (см. «Дневникъ 25 февраля 1780 г.»): «Въ этой кучѣ я ничего не понимаю. Но я положилъ дровъ и соломы въ печку и напрасно стараюсь согрѣться, хотя подъ ними лежатъ уголья и всюду идетъ дымъ; наконецъ-то въ одномъ уголкѣ пробивается пламя и охватываетъ всю массу». У Бальзака дымъ и чадъ въ описаніяхъ всегда чувствуются, за то нѣтъ недостатка и въ пламени.

Вѣдь онъ былъ не только наблюдатель, но и творецъ, человѣкъ видѣній. Если онъ ночью между 11 и 12 часами встрѣчалъ рабочаго съ женой, возвращающихся изъ театра, то ему пріятно было слѣдить за ними до самаго дома, ходя взадъ и впередъ по улицѣ, по другую сторону бульвара, близъ котораго они жили. Мать брала за руки ребенка и привлекала его къ себѣ; въ это время они сначала обмѣнивались мнѣніями объ игранной пьесѣ, потомъ говорили о деньгахъ, которыя приходилось получить въ уплату на другой день, и мысленно расходовали ихъ на двадцать манеровъ. Они не соглашались между собою и разражались бранью; потомъ Бальзакъ внимательно выслушивалъ жалобы ихъ на долгую зиму, на дороговизну картофеля и топлива. Говоря его же энергическимъ слогомъ (въ введеніи къ «Facino Cane») онъ жилъ жизнью жены рабочаго, чувствовалъ ея лохмотья на своей спинѣ, носилъ ея дырявые башмаки. Ея желанія и потребности глубоко западали ему въ душу; она до того

сливалась съ его душой, что онъ какъ бы грезилъ на яву. Онъ раздѣлялъ ея досаду на хозяевъ мастерской, которые притѣсняли ее, или возвращали ея счеты неоплаченными. Въ такомъ возбужденномъ душевномъ состояніи онъ оставлялъ всѣ свои привычки, становился другимъ человѣкомъ, человѣкомъ своего времени. Онъ не только создавалъ лица, но и жилъ ихъ жизнью; они мало-по-малу стали для него до такой степени реальными, что онъ говорилъ о нихъ со своими знакомыми какъ о живыхъ людяхъ. Отправляясь однажды въ мѣстность, которую онъ хотѣлъ описать, онъ сказалъ: «Я ѣду въ Алансонъ, гдѣ живетъ г-жа Кормонъ, и въ Гренобль, гдѣ живетъ докторъ Бенаcси». Сестрѣ онъ сообщалъ вѣсти изъ міра вымышленнаго, какъ бы изъ кружка общихъ знакомыхъ: «Знаешь ли, на комъ женится Феликсъ де-Ванденессъ? — На m-lle де-Гранвиль. Это очень счастливая партія. Гранвили очень богаты, хотя m-lle Белльфёльи очень дорого обошлась этой фамиліи». Однажды Жюль Сандо говорилъ съ Бальзакомъ о его больной сестрѣ, а тотъ слушалъ его нѣсколько времени разсѣянно, потомъ прервалъ такими словами: «Все это хорошо, любезный другъ, но воротимся къ *дѣйствительности*, поговоримъ объ Эжени Гранде». Нужно было самому въ неимовѣрной степени чувствовать иллюзію, чтобы почти съ такою же силою передавать ее другимъ. Его фантазія обладала деспотическою силою, не допускавшею никакихъ сомнѣній; греки называли это τὸ πιϑνόν (убѣдительность). Ей онъ подчинялся и въ обыденной жизни. Въ числѣ проектовъ, придуманныхъ имъ для того, чтобъ избавиться отъ долговъ, былъ слѣдующій: застроить оранжереями голую, безлѣсную мѣстность въ небольшомъ его помѣстьи, Les jardies, купленномъ имъ съ тѣмъ, чтобы дать обезпеченіе матери. На нихъ будетъ идти мало топлива, потому что нѣтъ деревьевъ, и лучи солнца не встрѣчаютъ преграды. Въ этихъ оранжереяхъ онъ хотѣлъ развести 100.000 ананасныхъ деревьевъ, и если продавать каждый ананасъ по 5 фр. вмѣсто 20, какъ обыкновенно, то они за вычетомъ расходовъ будутъ давать счастливому владѣльцу ежегоднаго дохода до 400.000 фр. «и ему не придется поставлять ни одной рукописи». Бальзакъ мысленно вдыхалъ уже въ себя тропическій ароматъ оранжерей и съ такою убѣдительностью излагалъ свой планъ, что друзья не шутя подыскивали ему на бульварѣ лавочку для продажи ананасовъ съ непосаженныхъ еще деревьевъ и толковали о формѣ и цвѣтѣ вывѣски. А въ другой

разъ онъ—неизвѣстно какимъ логическимъ путемъ—дошелъ до убѣжденія, что открылъ мѣсто близъ Парижа на Сенѣ, гдѣ Туссенъ Лувертюре закопалъ свои сокровища. Онъ такъ краснорѣчиво доказывалъ своимъ друзьямъ, Жюлю Сандо и Теофилу Готье, что онъ найдетъ ихъ тамъ, что эти люди, вообще далеко не шальные, въ 5 часовъ утра, вооруженные заступами, тайкомъ ускользнули изъ Парижа, какъ преступники, и принялись копать, но, разумѣется, не нашли ничего. Къ фантазіи Бальзака какъ нельзя болѣе идетъ эпитетъ *могучая*.

Эта фантазія, господствовавшая надъ другими, была также и его деспотомъ. Она не давала ему покоя, не довольствовалась составленіемъ плана, свѣтлыми, хотя безплодными радостями художника,—она побуждала его непрестанно творить, потому что иначе мимолетные образы вдохновенія улетаютъ. Въ романѣ «La cousine Bette» онъ говоритъ о личности геніальнаго Венцеслава Штейнбока словами великаго поэта: «Я съ отчаяніемъ принимаюсь за работу и оставляю ее съ грустью». Это, очевидно, лишь скромная форма собственнаго признанія. И онъ прибавляетъ: «Пусть знаютъ это непосвященные! Если художникъ не безъ размышленія принимается за свое дѣло, не такъ, какъ Курцій бросается въ пропасть, или какъ солдатъ — на непріятельскіе шанцы, и если онъ не работаетъ въ этомъ кратерѣ, какъ рудокопъ, котораго заваливаетъ осыпавшаяся земля,—если онъ только смотритъ на затрудненія, вмѣсто того, чтобы постепенно преодолѣвать ихъ, то онъ будетъ свидѣтелемъ гибели своего таланта». Тотъ способъ творческой дѣятельности, о которомъ онъ говоритъ, есть его собственный, но не единственный и не лучшій. Болѣе спокойные художники, менѣе охваченные потокомъ новаго времени, съ яснымъ взоромъ и не волнуясь стоятъ надъ клокочущимъ кратеромъ труда. Они составили себѣ взглядъ, въ силу котораго никогда не работаютъ механически, скучая за работой, какъ авторъ романовъ «Curé de village» и «Medécin de campagne». Но и то правда, что часто въ ихъ произведеніяхъ нѣтъ того пыла, который сдѣлался потребностью для нервовъ новѣйшаго художника.

Въ обширномъ предисловіи къ «La comédie humaine» Бальзакъ объяснилъ свои взгляды на дѣло и на самую цѣль свою. Въ самомъ началѣ онъ высказываетъ презрѣніе къ обычной манерѣ писать исторію. «Если,—говоритъ онъ,—вы читаете сухіе и скучные перечни событій, называемые исторіей, то вы замѣ-

тите, что писатели всѣхъ странъ и всѣхъ временъ забываютъ объ исторіи нравовъ». Онъ хочетъ по возможности пополнить этотъ пробѣлъ. Изъ общаго инвентаря страстей, добродѣтелей и пороковъ онъ намѣревается создать характеры и выработать типическія личности. Такимъ образомъ, при большомъ терпѣніи и усидчивости, онъ напишетъ для Франціи XIX в. такую книгу, какой, къ несчастію, не оставили намъ ни Римъ, ни Аѳины, ни Тиръ, ни Мемфисъ, ни Персія, ни Индія. Мы видимъ, какъ плохо онъ судилъ объ исторіи,—его скудныя историческія свѣдѣнія благопріятствовали такому суровому приговору. Да онъ и не былъ историкъ, но, какъ онъ самъ себя опредѣлилъ вѣрно и мѣтко, естествоиспытатель своего вѣка. Онъ ссылается на Жоффруа С.-Илера, который указалъ на однородность творчества въ разныхъ сферахъ. Передъ знатокомъ естественныхъ наукъ онъ чувствуетъ себя какъ бы докторомъ наукъ соціальныхъ. «Общество, смотря по той сферѣ, въ которой вращается дѣятельность человѣка, создаетъ изъ него столько же различныхъ людей, сколько есть варіантовъ въ физіологіи. Разницу между солдатомъ, рабочимъ, чиновникомъ, адвокатомъ, празднолюбцемъ, ученымъ, государственнымъ человѣкомъ, купцомъ, морякомъ, поэтомъ, обитателемъ богадѣльни и пр., конечно, труднѣе опредѣлить, но она столь же велика, какъ между волкомъ, львомъ, осломъ, ворономъ, акулою, морскою собакою и овцею». Аналогія эта больше остроумна, чѣмъ вѣрна, и самъ Бальзакъ чувствуетъ необходимость оговориться, что въ соціальномъ мірѣ напр. женщина не всегда бываетъ самкою мужа и вообще одна и та же личность въ обществѣ можетъ мѣнять свое положеніе, а между тѣмъ, напримѣръ, акула не можетъ сдѣлаться ворономъ. Собственно мысль Бальзака та, что его способъ изученія человѣчества въ сущности тотъ же самый, какъ и способъ естествоиспытателя. Онъ никогда не морализируетъ и никого не осуждаетъ, никогда не играетъ роли оратора или проповѣдника; чувствуя къ чему-нибудь отвращеніе или симпатію, онъ не теряетъ изъ виду вѣрности изображенія. Для него, какъ и для естествоиспытателя, нѣтъ ничего слишкомъ малаго и ничего слишкомъ великаго,—онъ все съ одинаковымъ интересомъ анализируетъ и объясняетъ. Если смотрѣть въ микроскопъ на паука, то́ онъ по устройству тѣла будетъ больше и разнообразнѣе самаго громаднаго слона. Съ научной точки зрѣнія, величественный левъ — лишь кусокъ мяса, костей и пр., ходящій на четырехъ ногахъ. Способу пи-

танія и формѣ зубовъ соотвѣтствуетъ устройство черепа, лопатокъ, мускулъ и когтей, и оно объясняетъ его величіе. То, что при извѣстномъ взглядѣ кажется отвратительнымъ и грязнымъ преступленіемъ, съ иной точки зрѣнія представляется лишь блестящимъ порокомъ, и Бальзакъ это понималъ. Уже въ «Eugénie Grandet» есть мѣста, доказывающія это. Настаетъ время, когда Евгенія должна признаться своему скрягѣ-отцу, что у нея уже нѣтъ больше дукатовъ, что она всѣ ихъ раздарила, и авторъ говоритъ: «Въ теченіе трехъ дней должна разыграться ужасная драма, мѣщанская трагедія безъ яда, кинжала и крови, но она будетъ еще ужаснѣе всѣхъ тѣхъ драмъ, какія разыгрались въ знаменитомъ родѣ Атридовъ». Это значитъ: «мой мѣщанскій романъ трагичнѣе вашихъ классическихъ трагедій». Въ другомъ романѣ, въ которомъ начальница одного женскаго пансіона горько жалуется на то, что у нея берутъ воспитанницъ, Бальзакъ говоритъ: «Хотя лордъ Байронъ вложилъ въ уста Тассо соотвѣтственныя его положенію жалобы, но онѣ далеко не такъ вѣрны правдѣ, какъ жалобы г-жи Буке». Это значитъ: «мелочная пошлость, изображаемая мною энергическими чертами, гораздо занимательнѣе всѣхъ возвышенныхъ отвлеченностей». Въ романѣ «Величіе и паденіе Сезара Бирото» онъ не только самымъ заглавіемъ шутливо намекаетъ на книгу Монтескьё, но и съ геніальною смѣлостью сравниваетъ процвѣтаніе и упадокъ добраго парижскаго парфюмера съ перипетіями троянской войны и наполеоновскаго владычества. «Троя и Наполеонъ—только матеріалы для эпопеи. Пусть эта исторія будетъ эпосомъ изъ мѣщанской жизни, на которую ни одинъ поэтъ не обращалъ до сихъ поръ вниманія; какъ она ни кажется чуждою всякаго величія, тѣмъ не менѣе она самая величественная,—здѣсь дѣло идетъ не объ неудачахъ отдѣльнаго человѣка, а о бѣдствіяхъ цѣлаго сословія». Это значитъ: «въ поэзіи, собственно говоря, нѣтъ ничего ни великаго, ни малаго; изъ борьбы съ жизнью парфюмера я могу создать героическую эпопею; я чувствую и доказываю, что дѣянія скромной частной жизни, если ихъ изобразить съ ихъ причинами и слѣдствіями, настолько же важны, какъ и величайшіе перевороты въ жизни народовъ». Когда въ его произведеніи «Un ménage de garçon» красивый и хитрый забіяка Максансъ Жиле гибнетъ на дуэли, то поэтъ говоритъ наконецъ: «Такъ умеръ одинъ изъ тѣхъ людей, которые были бы въ состояніи совершить великіе подвиги, еслибъ ихъ перенесли въ

обстановку благопріятную для нихъ,—человѣкъ, котораго сама природа одарила, какъ дитя баловянное: она дала ему мужество, хладнокровіе и политическую мудрость Цезаря Борджіа». Такъ мѣтки послѣднія слова, что читателю кажется, будто только теперь онъ вполнѣ понимаетъ Макса. Какъ порокъ, такъ и добродѣтель являются у Бальзака продуктомъ извѣстныхъ условій. Хотя онъ имѣетъ слабость, говоря о вѣрности долгу и самопожертвованіи въ духѣ довольно строгаго католицизма, иногда расплываться и сентиментальничать, однако не забываетъ указать на различные источники добродѣтели: врожденную холодность чувствъ, гордость, полусознательный умный разсчетъ, наслѣдственное благородство мыслей, раскаяніе женщинъ, наивность мужчинъ, или благочестивую надежду на воздаяніе въ будущей жизни. Чтобы вполнѣ понять, какъ сильно было его поэтическое дарованіе даже въ позднѣйшій періодъ его жизни, прочтите «Un ménage de garçon», «Cousine Bette» и «Illusions perdues».

Въ первомъ изъ названныхъ нами романовъ, менѣе другихъ извѣстномъ, авторъ въ необыкновенно мрачной картинѣ даетъ намъ характеристику цѣлаго небольшаго города и одной фамиліи, члены которой живутъ и тамъ, и въ столицѣ. Главное дѣйствующее лице — это истаскавшійся грубый офицеръ наполеонской гвардіи, живое воплощеніе деспотическаго эгоизма сильной натуры. Онъ своего рода miles gloriosus, не робкій, но преступный. Въ другомъ романѣ, самомъ извѣстномъ произведеніи Бальзака, авторъ съ неподражаемою правдою изображаетъ гибельное слѣдствіе неумѣренности въ чувственныхъ наслажденіяхъ. Шекспиръ едва ли съ такою художественностью и вѣрностью обработалъ эту тему въ драмѣ «Антоній и Клеопатра». Наконецъ въ романѣ «Illusions perdues» авторъ возстаетъ противъ злоупотребленій печати, какъ орудія демократическихъ тенденцій.

Заглавіе этого замѣчательнаго романа характеризуетъ Бальзака. До извѣстной степени онъ годился бы въ заглавіе всѣхъ его произведеній, но ни одно изъ нихъ не раскрываетъ намъ въ такой полнотѣ взгляда его на новѣйшую культуру. Онъ здѣсь смотритъ на пагубныя стороны журнальной дѣятельности какъ на темныя стороны общественной жизни вообще. Подобно большинству великихъ писателей, не доживших до старости, Бальзакъ имѣлъ мало причинъ восхищаться тѣми критическими отзывами, какихъ удостоивала его печать. Его не понимали; а лучшіе критики, какъ, напримѣръ, Сенъ-Бёвъ, были слишкомъ близки къ нему по вре-

мени, чтобъ уразумѣть всѣ его достоинства; онъ же съ своей стороны жилъ одиноко, не дѣлалъ ни шага, вопреки обыкновенію парижанъ, чтобы добиться похвальнаго отзыва своимъ произведеніямъ, а успѣхами своими нажилъ себѣ много завистниковъ. Въ «Illusios perdues» онъ вывелъ на сцену такъ-называемую малую прессу, и журналисты, которыхъ онъ задѣлъ, не простили ему этого. Главную роль между ними игралъ Жюль Жаненъ, который очень вѣрно изображенъ въ романѣ, только не въ очень выгодномъ свѣтѣ. Тѣмъ любопытнѣе его критика на этотъ романъ. Она появилась въ *Révue de Paris* 1839 года, въ которомъ и Бальзакъ былъ дѣятельнымъ сотрудникомъ, но, конечно, вышелъ, когда журналъ началъ такъ сказать процессъ противъ него. Критика же Жанена зла, мелочна, остроумна, но она не пережила романа, который хотѣла убить.

Молодой, бѣдный провинціальный поэтъ, красивый какъ Антиной, слабо-характерный и не очень даровитый, пріѣзжаетъ въ Парижъ съ знатною дамой. Дама эта—красивый синій чулокъ. Любовныя отношенія ихъ должны были завершиться сожительствомъ въ столицѣ, но вдругъ дама, принятая какъ равная въ большомъ свѣтѣ, взглянула совсѣмъ иными глазами на себя и на своего рыцаря. Послѣдовало отчужденіе и разрывъ съ ея стороны; Люсьена затмѣваетъ какой-то 50-ти лѣтній дэнди. Между тѣмъ провинціалъ перевоспитывается, дѣлается парижаниномъ. Его цѣль—выступить въ качествѣ поэта; онъ написалъ романъ и томикъ стихотвореній и сошелся съ небольшимъ кружкомъ молодыхъ людей съ благородными стремленіями. Передъ нимъ — цѣлые мѣсяцы нищеты, покорности судьбѣ, усиленныхъ трудовъ и робкихъ надеждъ. Но онъ сильно жаждетъ мимолетныхъ наслажденій, славы и мщенія всѣмъ тѣмъ, кто унизилъ неопытнаго пришельца. Малая пресса даетъ ему средства — вполнѣ удовлетворить этимъ стремленіямъ; у него кружится голова, и онъ, что называется, очертя гололову бросается въ журналистику.

Люсто ведетъ его въ магазинъ богатаго книгопродавца и владѣльца газеты *Palais-Royal*. При каждомъ словѣ, которое говорилъ книгопродавецъ, онъ выросталъ въ глазахъ Люсьена. Послѣдній видѣлъ, что и политика, и литература сосредоточиваются въ этомъ магазинѣ, какъ въ центрѣ. При видѣ одного знаменитаго поэта, встрѣченнаго имъ тутъ и продававшаго журналисту изліяніе своей музы, — непризнанный великій человѣкъ

изъ провинціи пришелъ къ ужасному выводу. «Деньги — вотъ ключъ ко всѣмъ загадкамъ. Онъ чувствовалъ себя одинокимъ, безвѣстнымъ, и лишь отъ ненадежнаго друга зависѣлъ его успѣхъ. Онъ обвинялъ своихъ истинныхъ и преданныхъ друзей литературнаго cénacle въ томъ, что они рисовали ему жизнь въ ложномъ свѣтѣ и помѣшали броситься въ борьбу съ перомъ въ рукѣ». Изъ книжнаго магазина друзья идутъ въ театръ. Люсто всюду встрѣчаютъ привѣтливо, какъ журналиста. Директоръ разсказываетъ ему, что затѣялась было интрига противъ него съ цѣлью отбить одну пьесу, но богатые поклонники двухъ его красавицъ актрисъ заплатили за нее дороже и все разстроили. Въ театрѣ, какъ и въ книжномъ магазинѣ, и у издателя, и въ редакціи газеты — ни слова объ искусствѣ и истинномъ дарованіи. Чеканный молотокъ какъ будто непрерывно стучитъ по его головѣ и сердцу. Подъ вліяніемъ всего видѣннаго и слышаннаго литературная совѣсть его смягчается; онъ дѣлается литературнымъ и театральнымъ критикомъ въ небольшой газетѣ безъ всякаго направленія. Его любитъ и содержитъ молодая актриса и онъ все глубже погружается въ пошлость жизни человѣка, продавшаго себя. Униженіе его доходитъ до крайности, когда онъ, по волѣ главнаго редактора, долженъ написать злой пасквиль на книгу своего лучшаго друга, которую самъ одобряетъ. Раньше, чѣмъ статья была напечатана, онъ стучится у двери этого писателя, чтобы попросить у него прощенія. Его возлюбленная умираетъ; онъ такъ обѣднѣлъ, что сочинялъ нескромныя шансонетки у ея смертнаго одра, чтобы было на что похоронить ее. Наконецъ, онъ беретъ въ видѣ подарка деньги отъ ея горничной, такъ постыдно заработанныя, и на нихъ рѣшается ѣхать въ провинцію. Все это ужасно, но все это — истина, ужасная истина. Это—единственное произведеніе, въ которомъ Бальзака покидаетъ безпристрастіе естествоиспытателя. Онъ всегда сохранялъ душевное спокойствіе, но здѣсь приходитъ въ ярость и бичуетъ.

VI.

Мишле въ своей «Исторіи Франціи» начинаетъ новую эпоху культуры съ того времени, когда кофе входитъ въ общее употребленіе. Это уже крайность, но можно безъ преувеличенія утверждать, что въ слогѣ и манерѣ Вольтера можно видѣть

вліяніе кофе, какъ у многихъ болѣе раннихъ писателей — вліяніе вина. Бальзакъ очень много работалъ и принужденъ былъ освѣжать свои силы на ночь большимъ количествомъ кофе. Но это разрушало его организмъ. Не помню, кто именно сказалъ про него очень мѣтко: «Онъ жилъ благодаря 50.000 чашекъ кофе и эти же 50.000 чашекъ свели его въ могилу».

Въ его произведеніяхъ замѣтна сильная спѣшность работы и крайнее раздраженіе нервовъ; но, по всей вѣроятности, обдумывай онъ тщательнѣе свои произведенія, они не были бы такъ живы, не читались бы съ такимъ увлеченіемъ. Неимовѣрная сутолока во всемірномъ городѣ, бѣшеная конкурренція, лихорадочная дѣятельность по части изобрѣтенія, жажда наслажденій, несмолкаемый шумъ станковъ, постоянный огонь въ кухняхъ и лампахъ — все это одушевляло и согрѣвало его произведенія. Онъ жилъ среди работы и рабочихъ какъ въ родной стихіи, видѣлъ только работу, насколько глазъ могъ видѣть, какъ морякъ видитъ только море. Въ послѣднія семнадцать лѣтъ безмолвіе его отшельнической жизни нарушалось и оживлялось корреспонденціею съ одной женщиной, жившей далеко отъ него, которой онъ давалъ отчетъ въ каждомъ проведенномъ днѣ. Эти отношенія съ легкою маскировкою изображены въ романѣ «Albert Savarus». Во время одной поѣздки Бальзакъ познакомился съ польскою графиней, Ганскою. Между ними началась переписка въ 1833 году, прерывавшаяся лишь на время ихъ рѣдкихъ встрѣчъ гдѣ-нибудь въ Европѣ. Она принимала тонъ все болѣе интимный, а въ 1850 году Бальзакъ женился на этой дамѣ, которую такъ долго обожалъ и которая за нѣсколько лѣтъ передъ тѣмъ овдовѣла. Трудно опредѣлить ея вліяніе на писателя, такъ какъ ей обязаны появленіемъ въ свѣтъ столь разнородныя произведенія, какъ романъ въ духѣ Сведенборга «Seraphita» и умная повѣсть «Modeste Mignon».

Хотя Бальзакъ въ теченіе долгихъ лѣтъ пламенно желалъ этого союза, но по собственной волѣ откладывалъ его, пока баснословные долги были уплачены, такъ что онъ могъ съ честью начать новую жизнь. Онъ устроилъ въ Парижѣ красивое помѣщеніе для своей невѣсты и счастливымъ, хотя уже далеко не молодымъ, женихомъ отправился въ ея помѣстье въ Малороссіи.

Тамъ, еще до свадьбы, отпразднованной въ Бердичевѣ, у него открылась болѣзнь, вслѣдствіе долголѣтняго неумѣреннаго напряженія силъ, которая и свела его въ могилу. Брачное сожи-

тельство супруговъ было кратковременно. Въ мартѣ 1850 года была свадьба, а чрезъ три мѣсяца Бальзакъ былъ уже въ могилѣ. «Какъ только готовъ домъ, — говоритъ турецкая пословица, — приходитъ смерть». Она пришла въ то время, когда Бальзакъ стоялъ на высотѣ своего творчества. Никогда еще не писалъ онъ лучшихъ, болѣе глубокихъ произведеній, какъ въ послѣдніе годы, передъ смертью. Поэтому можно сказать, что онъ стоялъ на высотѣ своей славы. Она пріобрѣталась медленно. Когда онъ написалъ 20 или 30 романовъ, но не пользовался еще большой извѣстностью, писатели младшаго поколѣнія начали сближаться съ нимъ и почтительно идти по его слѣдамъ. Онъ рекомендовалъ имъ трудолюбіе, уединенную жизнь, но прежде всего чистоту нравовъ, если они хотятъ чего-нибудь достичь въ литературѣ; онъ допускалъ писаніе посланій къ предмету любви, «потому что они образуютъ слогъ». Съ удивленіемъ выслушали они эти наставленія изъ устъ человѣка, произведенія котораго въ періодической печати постоянно вызывали громкіе вопли о ихъ безнравственности, повторявшіеся на разные лады. Они не знали, что это всегда первая и послѣдняя уловка литературнаго ничтожества противъ всего живаго и здороваго на литературной почвѣ.

Несмотря на всѣ нападки, его имя входило въ славу. Современники стали мало-по-малу сознавать, что въ лицѣ Бальзака они имѣютъ одного изъ тѣхъ истинно великихъ писателей, которые кладутъ свою печать на произведенія искусства. Онъ не только далъ новую форму роману, но, какъ истинный сынъ того вѣка, въ который наука все болѣе и болѣе вторгается въ область искусства, указалъ методъ наблюденія и описаній, усвоенный и впослѣдствіи примѣненный къ дѣлу другими. Его имя было славно и само по себѣ; но кто основываетъ школу, того имя—легіонъ. Однако при жизни онъ не пріобрѣлъ себѣ полной славы и это зависѣло отъ двухъ недостатковъ его произведеній.

Его слогъ былъ неровенъ: то онъ былъ очень простъ, то высокопаренъ, а недостатокъ обработки слога всегда имѣетъ большое значеніе, потому что именно хорошимъ слогомъ отличаются художественныя произведенія литературы отъ обыкновенныхъ. Въ особенности къ этому строги французы, столь чуткіе въ реторическомъ отношеніи. Но по смерти Бальзака его произведенія стали расходиться и въ чужихъ странахъ, а тамъ мало обращали вниманія на этотъ недостатокъ. Кто настолько понимаетъ языкъ, что можетъ на немъ читать, но не можетъ вполнѣ оцѣ-

нить всѣхъ его тонкостей, тотъ легко прощаетъ стилистическія погрѣшности, если онѣ вознаграждаются крупными внутренними достоинствами. Въ такомъ именно положеніи была вся европейская публика, читавшая романы Бальзака. Образованные итальянцы, австрійцы, поляки, русскіе и т. д. читали его съ наслажденіемъ и не замѣчали недостатковъ формы. Но мы не хотимъ этимъ сказать, что эти недостатки романовъ Бальзака не помѣшаютъ ихъ долговѣчности. Все не обработанное или слабо обработанное не живуче. Громадная «Comedie humaine», какъ и картина въ 10 тыс. стадій въ длину, о которой говоритъ Аристотель, не можетъ считаться однимъ произведеніемъ и отрывки цѣлаго сохранятся во всемірной литературѣ лишь соотвѣтственно своимъ художественнымъ достоинствамъ. По прошествіи вѣковъ они будутъ лишь матеріаломъ для исторіи культуры, но читать ихъ не будутъ.

Къ недостаткамъ формы у Бальзака нужно прибавить еще болѣе крупный недостатокъ—бѣдность идеи. Его не могли вполнѣ оцѣнить при жизни, потому что онъ великъ только какъ поэтъ; но въ поэтѣ привыкли видѣть духовнаго вождя, а Бальзакъ не былъ имъ. Его непониманіе великихъ религіозныхъ и соціальныхъ идей вѣка, которыя такъ рано и съ такою ясностью усвоили себѣ Викторъ Гюго, Жоржъ Зандъ и многіе другіе, ослабляло впечатлѣніе, производимое великимъ талантомъ этого естествоиспытателя человѣческаго духа. Его политическія и религіозныя теоріи чисто-абсолютистическаго характера отталкивали всѣхъ. Сначала читатели только улыбались, когда романистъ, зараженный сенсуализмомъ и революціоннымъ духомъ, ссылался на доктринеровъ подъ бѣлымъ знаменемъ, на Жозефа де-Местра и Бональда, но мало-по-малу поняли, что онъ не уяснилъ себѣ этихъ вопросовъ.

Чувственная подкладка всего его существа и необыкновенно сильная фантазія привели его къ мистицизму въ дѣлѣ науки и религіи. Животный магнетизмъ, который уже въ 1820 г. игралъ важную роль въ литературѣ, какъ средство къ объясненію психологическихъ процессовъ, сталъ предметомъ его увлеченій. Въ «La pêau de chagrin», «Seraphita», «Louis Lambert» воля опредѣляется какъ сила, подобная силѣ пара,—какъ жидкость, которая можетъ измѣнять все, даже абсолютные законы природы. Несмотря на то, что Бальзакъ былъ человѣкъ новаго закала, онъ былъ настолько романтикъ, что питалъ влеченіе къ «тайнымъ наукамъ».

И природа, и воспитаніе готовили его къ разумному наслажденію жизнью. Но уже въ молодыхъ лѣтахъ посвященный въ тайны

испорченнаго общества, возмущаясь противъ всякой безпорядочности, онъ искалъ узды для распущеннаго человѣчества и нашелъ ее въ господствующей церкви. Вотъ отчего часто мы замѣчаемъ у Бальзака такое рѣзкое противорѣчіе между чувственными инстинктами и аскетическими стремленіями, въ особенности когда онъ размышляетъ о взаимныхъ отношеніяхъ обоихъ половъ; благодаря этому-то контрасту его романы: «Le lys dans la vallée», считаемый имъ за образцовое произведеніе, «Les mémoires de deux jeunes mariées»—производятъ непріятное впечатлѣніе. Этимъ же объясняется и часто встрѣчающееся у него противорѣчіе между основными философскими взглядами и клерикальными тенденціями. Въ предисловіи къ полному собранію своихъ сочиненій онъ объясняетъ, что человѣкъ самъ по себѣ ни хорошъ, ни дуренъ, и что общество всегда дѣлаетъ его лучшимъ, — стало-быть безсознательно высказывается рѣзко противъ основнаго ученія церкви. Чрезъ нѣсколько строкъ онъ превозноситъ католицизмъ, какъ «единственное ученіе, подавляющее порочныя человѣческія наклонности», и требуетъ, чтобы воспитаніе были ввѣрено духовенству. Мысль объ испорченныхъ наклонностяхъ вѣка довела его до того, что онъ смотрѣлъ на народъ, на прислугу, на крестьянъ почти какъ на общихъ враговъ всякаго собственника и въ такомъ духѣ изображалъ ихъ. Замѣтьте его комическія выходки противъ пословъ въ «Cousine Bette» и типы крестьянъ въ романѣ «Les paysans». Его конькомъ были нападки на демократовъ, на либераловъ, на обѣ палаты и на представительную форму правленія вообще.

При всемъ его крупномъ и блестящемъ талантѣ ему кое-чего не хватало, для выраженія чего у французовъ нѣтъ слова, но что нѣмцы называютъ *образованіемъ* (Bildung). Ему не доставало также спокойствія, необходимаго для пріобрѣтенія образованія. Спокойствіе никогда не имѣла его дѣятельная натура, не знавшая устали, постоянно витавшая въ мірѣ фантазіи. Но онъ обладалъ тѣмъ, что̀ для поэта важнѣе всякаго образованія—сильнымъ талантомъ и любовью къ истинѣ. Кто стремится только къ прекрасному, тотъ изображаетъ только стволъ и верхушку человѣческаго древа. Но онъ изображалъ человѣка со всѣми корнями его бытія и для него было въ особенности важно, чтобы сплетеніе корней, часть растенія, скрытая въ землѣ, отъ которой зависитъ жизнь цѣлаго, была раскрыта для зрителя во всей своей самобытности. Пробѣлы въ его образованіи не помѣшаютъ потомству учиться у него.

Исторія одного развода.

Романъ.

Часть I.

IV.

Было около пяти часовъ. Николай Ивановичъ дернулъ во второй разъ звонокъ у своей двери, и даже сильнѣе прежняго, но никто не шелъ отпирать. Тогда онъ взялся за ручку двери и попробовалъ, не отворится ли она такъ. Дверь оказалась незапертой и онъ прошелъ, не снимая ни калошъ, ни пальто и не встрѣтивъ ни души, до кухни. Здѣсь къ нему тотчасъ же выскочила изъ сѣней Аня.

— Папа, это ты? Я такъ и знала... Когда я услышала шаги, я сейчасъ сказала Аришкѣ: это—мой папа.

— А ты опять съ Аришкой?

— Опять... Аришка—мое единственное утѣшеніе въ печали,— проговорила дѣвочка, скорчивъ серьезную мину.

Она при этомъ выпятила нижнюю губу, опустила глаза на полъ и начала перебирать край своего передничка,—ну, вотъ, точь-въ-точь какъ та актриса, смотрѣть которую отецъ возилъ ее недавно въ Александринскій театръ. Простоявъ съ минуту въ этой позѣ, Аня вскинула взглядъ на отца: онъ снималъ съ себя пальто и развѣшивалъ его на спинку стула, поближе къ огню. Николая Ивановича захватилъ проливной дождь на пути изъ департамента домой и калоши его тоже были въ весьма невзрачномъ видѣ.

Убѣдившись, что на нее не обращаютъ вниманія, Аня тотчасъ же перестала корчить рожи и лицо ея приняло свое обыкновенное выраженіе пытливаго любопытства.

---

*) *Русская Мысль*, мартъ.

— Кто тебѣ отворилъ?... Мама?

— Дверь была отперта и я маму еще не видѣлъ... Пойдемъ обѣдать,—вотъ и Паша... Дайте намъ скорѣе ѣсть, Паша!—обратился онъ къ горничной, появившейся на порогѣ кухни съ салатникомъ соленыхъ огурцовъ, за которыми она бѣгала въ сосѣднюю лавочку.

Когда они вошли въ столовую, Николай Ивановичъ сѣлъ на свое мѣсто передъ накрытымъ столомъ, вынулъ изъ кармана газету и началъ читать. Но сосредоточить мысли на томъ, что онъ читалъ, ему было невозможно,—мысли путались, въ груди стояла упорная тупая боль, а кромѣ того каждое движеніе, каждый взглядъ Ани нестерпимо раздражали его.

Она усѣлась напротивъ, положила локти на столъ и, опустивъ на нихъ голову, пристально смотрѣла на отца. Онъ зналъ за нею эту привычку. Очень часто, когда ему не хотѣлось разговаривать съ нею и когда онъ бралъ книгу или принимался писать, она присаживалась къ нему какъ можно ближе и, объявивъ, что будетъ смотрѣть на него, проводила за этимъ занятіемъ минутъ десять, пятнадцать сряду. Николай Ивановичъ продолжалъ свою работу, ни мало не стѣсняясь внимательными глазками, любовно устремленными на него. Но сегодня чувствовать на себѣ взглядъ дѣвочки ему было положительно непріятно—потому ли, что въ этомъ взглядѣ было больше любопытства, чѣмъ того слѣпаго обожанія, которое онъ привыкъ въ немъ видѣть, или можетъ-быть потому, что въ немъ самомъ раздражительность, противъ которой онъ тщетно боролся послѣднее время, мало-помалу достигла до такихъ размѣровъ, что теперь каждая мелочь выводила его изъ терпѣнія и возбуждала въ немъ самыя странныя, самыя дикія предположенія и подозрѣнія.

— Перестань такъ глупо на меня смотрѣть, Аня! Позови лучше маму,—сейчасъ принесутъ супъ,—нетерпѣливо проговорилъ онъ, не подымая глазъ отъ газеты.

— Мама не придетъ обѣдать. Она все плачетъ и гонитъ меня отъ себя....

И вдругъ Аня громко зарыдала. — Папочка! она все плачетъ... Ей насъ не надо... Развѣ ты не видишь?...

Какъ это вышло, что она очутилась на его колѣняхъ и лепетала свои безсвязныя, глупыя рѣчи, крѣпко охвативъ обѣими руками его голову и прижимаясь губами то къ его рукамъ, то къ лицу, Николай Ивановичъ не могъ бы сказать. Онъ помнилъ

только, какъ ему невыносимо-тяжело было подняться съ мѣста и пройти ту комнату, которая отдѣляла столовую отъ спальни жены, а изъ объясненій съ Марьей Алексѣевной въ головѣ его ясно засѣло одно только обстоятельство, а именно то, что она ни за что не хочетъ покинуть Петербургъ и ѣхать въ провинцію.

Разумѣется, онъ объявилъ ей на это, что это глупый капризъ съ ея стороны. А затѣмъ, чтобы не слышать ея возраженій, онъ поспѣшилъ удалиться и, не дождавшись обѣда, вышелъ изъ дому.

«Конечно, это—капризъ, ничего больше», думалъ онъ, шагая по длинной, темной улицѣ, тускло-освѣщенной мерцавшими фонарями.

Дождь, лившій утромъ какъ изъ ведра, теперь накрапывалъ только изрѣдка, но кругомъ стояли лужи, со всѣхъ крышъ текло и капало, а воздухъ былъ такъ пропитанъ сыростью и туманомъ, что люди выходили на улицу только по самой крайней необходимости. Николай Ивановичъ ничего этого не замѣчалъ; онъ думалъ о томъ, что характеръ его жены очень измѣнился, что у нея явились невозможныя требованія и что онъ ни за что не долженъ уступать ей... Ужь потому не долженъ, что впослѣдствіи, когда капризъ пройдетъ, она сама отдастъ справедливость твердости его убѣжденій.... А капризъ пройдетъ непремѣнно, иначе быть не можетъ,—ужь были такіе примѣры...

Ему вспомнилось, какъ семь лѣтъ тому назадъ Марья Алексѣевна непремѣнно хотѣла сама кормить Аню, какъ онъ, по совѣту доктора, воспротивился этому и какъ потомъ она ему была благодарна за заботу объ ея здоровьѣ... Были и другіе случаи... Да и вообще, когда человѣкъ чувствуетъ себя правымъ, онъ не *долженъ* уступать, въ данномъ же случаѣ Николай Ивановичъ вполнѣ сознавалъ свою правоту. Что за фантазія желать во что бы то ни стало оставаться въ Петербургѣ?—Чистый вздоръ! На что ей Петербургъ? Развѣ она пользуется столичными удовольствіями?—Никакими. Она выходитъ на улицу только по самой крайней необходимости, никогда не бываетъ въ театрѣ... Друзей у нея здѣсь нѣтъ... Да что друзья?—Вотъ у него ихъ много, но развѣ онъ задумался хоть минуту передъ мыслью разстаться съ ними, когда дѣло зашло о томъ, чтобы доставить больше удобствъ и спокойствія семьѣ? Друзья вездѣ найдутся... Чего же, кого ей жаль здѣсь?... Кромѣ Таманскаго у нея никто не бываетъ....

«Нѣтъ, нѣтъ, это чистый капризъ съ ея стороны,—капризъ», повторялъ онъ вслухъ, какъ будто съ тѣмъ, чтобы переспорить невидимаго противника.

Этотъ противникъ былъ онъ самъ. Это было то внутренее чувство необъяснимой тоски, которое таинственно заползаетъ въ душу и сжимаетъ сердце болью въ такія минуты, когда горе еще не наступило, когда его еще не видишь глазами, не слышишь ушами, но когда оно уже близко и носится въ окружающей атмосферѣ, выжидая только удобнаго случая проявиться въ болѣе осязательной формѣ.

Самъ того не замѣчая, Николай Ивановичъ дошелъ до квартиры одного знакомаго, у котораго по вечерамъ собирались играть въ карты, засталъ тамъ большое общество и провелъ довольно сносно время до часу ночи. А на другой день онъ изъ департамента прошелъ прямо къ Григорьеву, къ тому самому, который, по мнѣнію Ани, былъ всегда голоденъ и съѣдалъ все, что бы передъ нимъ ни поставили, не заботясь о томъ, останется ли что-нибудь другимъ. Этотъ Григорьевъ жилъ въ Коломнѣ, но, отправляясь къ нему, Николай Ивановичъ объ одномъ только жалѣлъ, что у него нѣтъ знакомыхъ, которые жили бы еще дальше. Просидѣвъ у Григорьева часовъ до девяти, онъ отправился къ своему сослуживцу и товарищу по университету, Евграфу Петровичу Мирнову,—отправился какъ былъ, въ смятой сорочкѣ и поношенномъ вицъ-мундирѣ.

Правда, Мирновъ былъ старинный пріятель и въ его домѣ Астафьеву были всегда рады; но сегодня у нихъ былъ jour fixe, Николай Ивановичъ долженъ былъ это знать и явиться въ болѣе приличномъ костюмѣ... Не мудрено, что мадамъ Мирнова такъ внимательно посмотрѣла на него, когда онъ съ нею здоровался, и такимъ знаменательнымъ взглядомъ перекинулась съ мужемъ.

Впрочемъ, она чрезвычайно привѣтливо обошлась съ нимъ, даже привѣтливѣе, чѣмъ когда-либо. Да и вообще, какъ ни озабоченъ былъ Астафьевъ, онъ не могъ не замѣтить, что всѣ къ нему какъ-то особенно внимательны.

«Точно они знаютъ про мою ссору съ Маней и жалѣютъ меня», мелькнула у него въ головѣ смѣшная мысль.

Да, мысль была смѣшная,—онъ это отлично сознавалъ,—но смѣяться надъ нею ему вовсе не хотѣлось.

На часахъ пробило одиннадцать. Въ кабинетѣ хозяина, у ярко пылавшаго камина, разговоръ шелъ о повышеніяхъ, награ-

дахъ и реформахъ. Молодой секретарь, къ которому всегда обращались за новостями на томъ основаніи, что тетка его въ близкихъ отношеніяхъ съ господиномъ, который находится у самаго источника всевозможныхъ свѣдѣній и такъ-сказать присутствуетъ при ихъ зарожденіи,—молодой секретарь объявилъ, что на мѣсто товарища министра прочатъ Таманскаго.

— Ну, это еще старуха па двое сказала, — замѣтилъ хозяинъ дома, оглядываясь въ ту сторону, гдѣ сидѣлъ Астафьевъ:— онъ молодъ для такого поста... А вотъ вы намъ лучше разскажите про вашего барона: отстоялъ онъ свои прачечныя?... Ужасно, говорятъ, кипятился на послѣднемъ засѣданіи.

— Нѣтъ, не отстоялъ,—прачечныя рѣшено отдать въ аренду.

— Экое горе какое!... Куда же онъ подѣваетъ своихъ хорошенькихъ смотрительницъ?

— Вѣроятно, докажетъ княгинѣ, что надо нѣсколько новыхъ пріютовъ открыть...

— Или дешевыхъ столовыхъ...

— Столовыя — тоже дѣло не прочное: ихъ тоже, поговариваютъ, рѣшено въ аренду сдать.

— Ужъ сдали бы заразъ все Русское государство въ аренду, гораздо было бы лучше, безъ хлопотъ по крайней мѣрѣ,—съострилъ одинъ изъ присутствовавшихъ.

Всѣ разсмѣялись.

Николай Ивановичъ игралъ въ шахматы въ одномъ изъ угловъ комнаты и въ общій разговоръ не вмѣшивался; но случилось такъ, что при имени Таманскаго онъ поднялъ невзначай голову и замѣтилъ взглядъ, брошенный на него Мирновымъ. Ему показалось, будто Евграфъ Петровичъ заговорилъ о прачечныхъ только для того, чтобы произвести диверсію, и при этомъ онъ вспомнилъ, какъ часа полтора тому назадъ, за чаемъ, онъ точно также настойчиво отклонилъ разговоръ въ другую сторону, когда кто-то изъ гостей замѣтилъ, что Таманскій хотя и сказывается больнымъ и не показывается въ департаментѣ, однако выѣзжаетъ. Карету его, не дальше какъ вчера, видѣли у подъѣзда того дома, гдѣ живетъ Мальвинскій.

— Какой Мальвинскій? Не тотъ ли, что бракоразводными дѣлами занимается?—полюбопытствовала одна изъ дамъ.—Какія дѣла могутъ у него быть съ Таманскимъ?

— Мало ли Мальвинскихъ на свѣтѣ и мало ли жильцовъ въ томъ домѣ, въ которомъ онъ живетъ!—уклончиво замѣтилъ

Евграфъ Петровичъ, накладывая на тарелку холодной дичи и съ любезною улыбкой поднося ее любознательной дамѣ.—Не угодно ли скушать кусочекъ рябчика?...Настоящіе олонецкіе,—знакомый мужичокъ доставляетъ.

И ловко свернувъ разговоръ съ Таманскаго на рябчики, онъ разсказалъ, какимъ способомъ за ними охотятся въ Новгородской и Тверской губерніяхъ.

Вотъ и теперь, не успѣли упомянуть имя Таманскаго, какъ Мирновъ заговорилъ о прачечныхъ. Что это—случайность?...

Николай Ивановичъ такъ углубился въ разрѣшеніе этого вопроса, что перестаіъ внимательно слѣдить за игрой и проигралъ партію.

— Однако, я сдѣлалъ большіе успѣхи съ тѣхъ поръ, какъ игралъ съ вами въ послѣдній разъ,—замѣтилъ его партнёръ,—помните? Бывало много-много на три партіи одну выиграю, сегодня же...

— Сегодня я играю очень разсѣянно,—прервалъ его Астафьевъ.

— Желаете кончить?

— Нѣтъ, нѣтъ, сыграемте еще партію...

Онъ началъ торопливо разставлять фигуры.

За карточными столами игра была въ самомъ разгарѣ. Изъ растворенныхъ дверей въ гостиную доносилась звонкая, непрерывная болтовня барынь, шелестъ лентъ и шелковыхъ юбокъ, веселый смѣхъ, а по временамъ раздавались звуки бойко исполненнаго вальса или какого-нибудь блестящаго morceau de salon,—однимъ словомъ, сегоднешній jour fixe Мирновыхъ удался какъ нельзя лучше.

Въ кружкѣ мужчинъ, собравшемся у камина, бесѣда ни на минуту не прекращалась. Молоденькій секретарь такъ и сыпалъ анекдотами, одинъ другаго смѣшнѣе и пикантнѣе; Евграфъ Петровичъ любезничалъ съ пріятельницами своей жены въ гостиной.

Щемящая тоска, мучившая Николая Ивановича весь день, начала мало-по-малу утихать. Онъ весь погрузился въ игру и минутъ десять сряду думалъ только о томъ, чтобы забрать у противника коня, не подвергая опасности свою королеву, но вдругъ въ душѣ его снова поднялось прежнее безотчетное смятеніе и снова ему показалось, что всѣ оборачиваются въ его сторону и указываютъ другъ другу на него, понижая при этомъ голосъ такъ, чтобъ ему не слышно было именно тѣхъ словъ, которыя ему нужно слышать.

Тревожно оглянулся онъ на группу у камина: никто и не думалъ заниматься имъ, а всѣ слушали высокаго, красиваго господина, который разсказывалъ, что пріятель его, графъ Зубринъ, подарилъ французской актрисѣ Матильдѣ Б. фермуаръ въ пятнадцать тысячъ.

— А я слышалъ, что эта самая Матильда Б. на содержаніи у Таманскаго,—замѣтилъ кто-то.

— Что вы!... У Таманскаго никогда не было на содержаніи ни кокотокъ, ни актрисъ. Онъ всегда больше по части чувствъ прохаживался, а теперь и подавно... Таманскій серьезно влюбленъ, господа, я это знаю изъ самыхъ вѣрныхъ источниковъ.

— Кто такая?

— Какая-то замужняя женщина... Une femme honnête... и, говорятъ, красавица. Онъ надѣется выхлопотать ей разводъ и жениться на ней.

— Вотъ что!... Теперь понятно, для чего онъ посѣщаетъ Мальвинскаго.

Партнеръ Николая Ивановича придвинулъ своего слона къ королю противника, окруженному со всѣхъ сторонъ непріятельскими силами, и торжествующимъ голосомъ объявилъ ему матъ.

— Матъ!—машинально повторилъ Астафьевъ.

У него мутилось въ глазахъ, руки холодѣли и по спинѣ пробѣгала дрожь. Ему вдругъ все сдѣлалось ясно.

V.

Да, ему все сдѣлалось ясно, все до крошечки. Теперь онъ могъ безошибочно опредѣлить, когда именно жена его полюбила Таманскаго, или, точнѣе сказать, когда она перестала любить его, Николая Ивановича,—въ какой день они объяснились и когда именно рѣшилась она бросить мужа и сдѣлаться женою другаго.

Съ тѣхъ поръ, какъ онъ все это понялъ, прошелъ одинъ день и одна ночь только... Ужасно трудно было этому повѣрить! Чего только не перечувствовалъ, не выстрадалъ онъ въ эти сутки,—такъ много, что даже вдругъ и не вспомнишь.

У него было объясненіе съ женой. Приступая къ этому объясненію, ему казалось, что между ними все кончено, что она умерла для него; но когда онъ услышалъ подтвержденіе этого факта изъ ея устъ, когда она сказала ему, что любитъ Таманскаго, его рѣзануло по сердцу такъ больно, какъ будто на него обрушилось новое горе, неожиданная бѣда.

Однако, у него хватило мужества объявить ей довольно спокойнымъ тономъ и даже съ оттѣнкомъ ироніи, что онъ, конечно, злоупотреблять правами, предоставляемыми ему закономъ, отнюдь не намѣренъ и что она свободна поступать такъ, какъ ей пріятнѣе и удобнѣе.

— Можете хоть сейчасъ ѣхать къ г. Таманскому,—я готовъ вамъ немедленно дать видъ на отдѣльное жительство.

Сдержанность, съ которою онъ заговорилъ, начала мало-помалу измѣнять ему и послѣднія слова онъ произнесъ довольно раздражительно, а когда между фразами, которыя она пролепетала ему въ отвѣтъ, до его слуха долетѣло слово *разводъ*, Николай Ивановичъ окончательно вспылилъ.

— Къ чему вамъ разводъ? Развѣ этотъ разводъ сотретъ меня съ лица земли?... Свѣтъ?... Родственники его превосходительства?... Общественное положеніе? — подхватывалъ онъ на лету тѣ слова изъ ея возраженій, которыя ему особенно обидно и больно было слышать. — Скажите, пожалуйста!... Его превосходительству надо было раньше подумать объ этомъ... Я къ вашему свѣту не принадлежу и не вижу никакой надобности приносить ему жертвы!... Что же касается до вашего возлюбленнаго, согласитесь сами, это довольно странно требовать отъ меня, чтобъ я заботился объ его удобствахъ и спокойствіи!—вскричалъ онъ такъ громко, что самъ испугался своей запальчивости.

Помолчавъ немного, онъ продолжалъ, понижая голосъ, но съ возрастающею горечью:

— Вамъ бы ужъ кстати попросить меня повѣситься или застрѣлиться,—это было бы ближе къ цѣли.... Позволите также узнать ваши планы насчетъ Ани? Это очень интересно!... Вамъ, можетъ-быть, угодно воспитать ее при себѣ и при г. Таманскомъ? — спросилъ онъ съ иронической усмѣшкой на побѣлѣвшихъ губахъ. — Какая жалость, что я никогда не соглашусь съ нею разстаться!

— Я тоже не разстанусь съ дочерью, — произнесла Марья Алексѣевна тихимъ, но рѣшительнымъ тономъ.

Онъ посмотрѣлъ на нее растерянным взглядомъ.

— А какже г. Таманскій?... Вы понимаете, что видѣть его здѣсь послѣ того, что произошло....

Она не дала ему договорить.

— Вы его здѣсь не увидите. Я вамъ докажу, что я честная женщина,—продолжала она краснѣя и отвертываясь отъ его

взгляда.—Прежде всего я—мать и съумѣю остаться вѣрной моему долгу.

Николай Ивановичъ пожалъ плечами.

— Какъ знаете,—это ваше дѣло!.. Если вы чувствуете въ себѣ довольно силы воли, чтобы побѣдить ваше чувство къ... къ этому человѣку, если вы предпочитаете жить съ вашею дочерью, тогда конечно.... Мнѣ все равно.... Вы понимаете, что мнѣ теперь должно быть все равно... Мои правила вамъ извѣстны... Мнѣ все равно,—повторилъ онъ,—можете любить кого вамъ угодно! Насильно милымъ не будешь, я это отлично знаю...

Наступило тяжелое молчаніе. Пальцы ея судорожно перевертывали страницы книги, которая лежала передъ нею, глаза были сухи, губы передергивались нервною усмѣшкой, между сдвинутыми бровями засѣла складочка, которую онъ видѣлъ у нея въ первый разъ и которая придавала удивительную рѣшительность ея красивому лицу.

Онъ ходилъ взадъ и впередъ по комнатѣ, по временамъ внимательно взглядывая на нее, и самыя разнобразныя мысли тѣснились у него въ груди, затемняя разсудокъ досадой и безсильною злобой.

Марья Алексѣевна первая прервала молчаніе.

— Я ему напишу, чтобъ онъ ни на что не надѣялся,—проговорила она, подымая на мужа свои большіе, темные глаза.

— Пишите,—это ваше дѣло!... Я вамъ уже сказалъ, что мнѣ все равно.

Она продолжала:

— Мы думали, что вы согласитесь такъ устроиться, чтобъ Аня проводила часть года у васъ, а другую съ нами...

— Никогда!... Никогда я на это не соглашусь,—прошу васъ это помнить,—никогда!

Повторять это слово доставляло ему такое наслажденіе, что онъ съ облегченнымъ сердцемъ вышелъ изъ комнаты. Ему казалось, что этимъ словомъ онъ воздвигаетъ преграду между женой и Таманскимъ, черезъ которую перейти нѣтъ никакой возможности,—и преграду вполнѣ законную: ему и совѣсть это говорила, и всякій благомыслящій человѣкъ скажетъ. Сама Марья Алексѣевна не могла не согласиться, не понять, что онъ имѣетъ права на дочь.

Она написала Таманскому, что счастье не суждено для нея, что она должна была это знать и не искать его, не позволять

себѣ увлекаться несбыточными мечтами... Астафьевъ оказался еще суше, грубѣе и упрямѣе, чѣмъ они могли предполагать, и на-отрѣзъ отказался дать ей свободу...

Было бы вѣрнѣе сказать—*разводъ*, но слово *свобода* звучало громче и болѣе соотвѣтствовало настоящему настроенію ея мыслей.

Она умоляла своего друга простить ее за то, что, увлекаясь сама, ввела и его въ заблужденіе, просила забыть о ней и обѣщалась каждый день молить Бога о томъ, чтобъ онъ нашелъ съ другою женщиной то счастье, котораго достоинъ.

Письмо было написано по-французски, дрожащею рукой. Она надъ нимъ плакала, мѣстами чернила расплывались большими, блѣдными пятнами, но между самыми печальными, самыми безотрадными выраженіями и восклицаніями была брошена фраза, которая благотворнымъ бальзамомъ разлилась по наболѣвшей душѣ Таманскаго и удержала на краю пропасти утопавшую надежду:

«Я съ нимъ останусь, я пожертвую собою для дочери, но мы будемъ жить какъ чужіе»...

Вотъ что не забыла вставить Марья Алексѣевна въ *послѣднее* свое письмо къ возлюбленному.

Великъ инстинктъ у влюбленныхъ!... Въ данномъ случаѣ онъ замѣняетъ имъ не только умъ и разсудокъ, но и сердце.

Они начали жить какъ чужіе.

Между ними никогда не было ни ссоръ, ни споровъ. Марья Алексѣевна и прежде была нрава кроткаго и терпѣливаго, теперь же она сдѣлалась еще молчаливѣе и сосредоточеннѣе. Молча исполняла она свои обязанности хозяйки дома и матери, давала уроки дочери, заказывала кушанье кухаркѣ и провѣряла ея счеты. Даже чинила бѣлье мужа, чего прежде никогда не дѣлала, но на каждую его попытку заговорить съ нею въ прежнемъ шутливомъ и ласковомъ тонѣ она вскидывала на него такой изумленный и растерянный взглядъ, что забыть хотя бы на минуту о томъ, что произошло, не было никакой возможности.

Николай Ивановичъ по-прежнему ходилъ на службу.

Исторія его съ Таманскимъ интересовала весь департаментъ и первое время многіе изъ сослуживцевъ его нарочно останавливались въ томъ корридорѣ, въ которомъ Астафьевъ долженъ былъ неминуемо встрѣтиться съ начальникомъ, чтобы видѣть, какъ *все* произойдетъ и который изъ двухъ спасуетъ.

Спасовалъ его превосходительство. Послѣ двухъ такихъ встрѣчъ, при которыхъ Николай Ивановичъ выказалъ удивительное хладнокровіе, Таманскій сказался больнымъ и не являлся больше въ департаментъ. Въ городѣ начали носиться слухи о его нездоровьи,—говорили, что онъ проситъ отпускъ за границу, что его не пускаютъ, и тому подобное.

Переводъ Астафьева въ провинцію тоже затягивался; на то мѣсто, которое ему тамъ обѣщали, назначили другаго. Неудача эта ужасно взбѣсила Николая Ивановича. Онъ возлагалъ большія надежды на выѣздъ изъ Петербурга: ему порой казалось, что переѣздъ въ другой городъ все залѣчитъ, все исправитъ, что тамъ у нихъ начнется новая жизнь и во всякомъ случаѣ сноснѣе той, которую они теперь ведутъ.

Самое скверное, самое тяжкое въ этой жизни было то, что ему положительно не сидѣлось дома и что онъ готовъ былъ бѣжать хоть на край свѣта, лишь бы только не видѣть, съ какимъ христіанскимъ терпѣніемъ и кротостью жена его борется съ своею любовью къ Таманскому. Чтобы только не видѣть это изстрадавшееся лицо, онъ засиживался до разсвѣта у друзей, таскался съ ними повсюду, гдѣ было шумно и людно, но вездѣ ему было одинаково противно и тоскливо. Порой ему приходили бѣшеныя мысли въ голову: вызвать Таманскаго на дуэль, подставить лобъ подъ его пулю или застрѣлить его, и не потому, чтобъ онъ ненавидѣлъ этого человѣка,—нѣтъ, а для того только, чтобы посмотрѣть, что изъ этого произойдетъ... Иногда также мысль о самоубійствѣ заползала ему въ душу, но онъ вспоминалъ Аню и, выругавъ себя дуракомъ и скотиной, принимался мечтать о томъ, какъ онъ будетъ жить съ дочерью одинъ, безъ Марьи Алексѣевны.

Первыя три-четыре недѣли послѣ катастрофы, перевернувшей вверхъ дномъ все его существованіе, предположеніе это никакъ не хотѣло укладываться въ его мозгу, но послѣднее время онъ сталъ привыкать къ этой мысли и все чаще и чаще останавливаться на ней.

А между тѣмъ Марья Алексѣевна дѣятельно занималась уничтоженіемъ своего чувства къ Таманскому. Она каждую минуту повторяла себѣ, что все кончено, что изящный и поэтическій романъ ея съ Дмитріемъ Николаевичемъ—прелестный сонъ съ тяжелымъ пробужденіемъ и больше ничего. Un beau rêve avec un reveil pénible! и рѣшила, что самымъ лучшимъ противуядіемъ отъ любовной заразы должна ей служить Аня. Ну, также и религія.

— Папа, папа! еслибы ты только зналъ, что *она* со мной дѣлаетъ!... Я не хочу такъ жить... Я лучше умру!... Сегодня цѣлый день не выпустили меня гулять, все французскія книжки заставляли слушать!... А на дворѣ мальчики гору сдѣлали и взяли у Аришки мои салазки, тѣ, что ты мнѣ къ Рождеству подарилъ... Ты знаешь, онѣ совсѣмъ еще новыя... Я сама видѣла изъ окна, какъ они катались на нихъ и все стоя, нарочно, чтобы продавить скорѣе!... Развѣ это можно вытерпѣть, папа?... Я отворила форточку и начала кричать, чтобъ они не смѣли ломать мои санки... Что-жь тутъ дурнаго, папа? А она, мама, она стащила меня съ окна, начала бранить злой дѣвочкой и, ничего не разобравши, поставила носомъ въ уголъ... Я не хотѣла стоять въ углу... Я начала ей объяснять про санки, что мальчишки ихъ совсѣмъ испортятъ, но она ничего не хочетъ понимать и говоритъ такія слова... Ахъ, папочка! Я не могу слышать такихъ словъ... Я не хочу стоять въ углу! Я не хочу, чтобъ мальчишки трогали мои санки... Они прибили Аришку, когда узнали, что меня наказали изъ-за нихъ, а санки увезли въ... дворницкую!... Аришка говоритъ: *совсѣмъ* увезли и никогда вы ихъ больше не увидите!... Аришка говоритъ... не хочу я больше принимать изъ-за... васъ... побои... Папочка! Скажи мамѣ, чтобъ она меня не мучила!... Она говоритъ... Ахъ, какъ она обидно говоритъ!... Зачѣмъ она сдѣлалась такая... злая?... И ты тоже, и всѣ... Господи! Что это съ вами сдѣлалось?...

Аня говорила все это однимъ духомъ, не давая отцу вставить слова въ ея безсвязную рѣчь. Впрочемъ, Николай Ивановичъ и не думалъ прерывать ее. Онъ слушалъ свою дѣвочку, нахмуривъ брови и отвертывая взглядъ въ сторону,—можетъ-быть онъ желалъ скрыть отъ нея странное выраженіе, которымъ порою загорался его взглядъ.

Голосъ ребенка порвался въ рыданіяхъ и только тутъ Николай Ивановичъ очнулся отъ своего забытья. Онъ началъ ласкать Аню, приговаривая, что все это вздоръ, чтобъ она не огорчалась, что все пройдетъ и кончится, а потомъ опять будетъ хорошо и опять всѣ сдѣлаются добрые.

Онъ говорилъ это не для того только, чтобъ успокоить ее, а потому, что и самъ былъ убѣжденъ, что такое положеніе долго продолжаться не можетъ,—уже потому не можетъ, что оно слишкомъ натянуто и нестерпимо-тяжко. Странное затишье стало

порой налетать ему на душу и будущее переставало пугать его. Онъ чувствовалъ, что въ немъ совершается какой-то переломъ,—назрѣваетъ рѣшеніе, которое въ данную минуту вызоветъ его къ дѣятельности, натолкнетъ на такой исходъ, о которомъ онъ до сихъ поръ не имѣетъ понятія. Онъ это чувствовалъ, онъ въ это вѣрилъ и съ любопытствомъ слѣдилъ за успѣхами внутренней ломки, которая коверкала ему сердце и душила въ немъ всѣ прежнія чувства,—все, чѣмъ онъ до сихъ поръ жилъ и страдалъ, начиная отъ любви къ женѣ и кончая ненавистью къ Таманскому. Онъ испыталъ это сегодня, при встрѣчѣ съ Дмитріемъ Николаевичемъ на англійской набережной. Таманскій его не видѣлъ,—онъ выходилъ изъ кареты, остановившейся передъ домомъ одной изъ его тетокъ, и торопливо скрылся за дверью, которую швейцаръ почтительно растворилъ передъ нимъ, но Астафьевъ успѣлъ разсмотрѣть, какъ онъ похудѣлъ и осунулся за эти послѣднія шесть недѣль, какъ поблѣднѣло и постарѣло его лицо отъ несчастной любви къ его женѣ. При этомъ Николай Ивановичъ не чувствовалъ ни досады, ни злобы; ему только сдѣлалось смѣшно немножко и неудержимо захотѣлось подойти поближе, заглянуть съ улыбкой въ его смущенные глаза и сказать ему: «Полноте сокрушаться, ваше превосходительство! Увѣряю васъ, что ждать уже недолго и что все устроится какъ нельзя лучше»,—то же самое, что онъ говорилъ Анѣ, цѣлуя ея раскраснѣвшееся отъ слезъ личико.

Онъ до тѣхъ поръ ласкалъ и убаюкивалъ ее нѣжными словами, пока она не заснула; но даже и во снѣ дѣвочка продолжала вздрагивать и рыдать. Николаю Ивановичу пришлось долго продержать ее на колѣняхъ, прежде чѣмъ отнести въ дѣтскую и уложить въ постель. А передъ тѣмъ, какъ уйти изъ дому, онъ заглянулъ въ гостиную. Марья Алексѣевна усердно писала у овальнаго стола, превращеннаго въ письменный; передъ нею лежали тетради и книги, какой-то учебникъ и лексиконъ. Нельзя было сомнѣваться въ томъ, что она работаетъ для дочери, готовитъ ей новый урокъ, а по мнѣнію Ани—новую пытку. Марья Алексѣевна была такъ поглощена въ свое занятіе, что ничего не слышала и не видѣла.

Николай Ивановичъ простоялъ съ минуту времени у полурастворенной двери, молча выжидая, чтобы жена обернулась въ его сторону, но она не оборачивалась.

Неужели Марья Алексѣевна не слышала сцены съ Аней? Дѣвочка плакала и жаловалась такъ громко, что даже Паша должна была слышать ея крикъ въ кухнѣ.

А теперь неужели она не чувствуетъ, какъ онъ пристально смотритъ на нее?

Конечно, чувствуетъ. Губы ея сжимались все крѣпче и крѣпче, по опущеннымъ вѣкамъ пробѣгалъ трепетъ, рука замѣтно дрожала... Его присутствіе у двери очень тяготило ее и ей вовсе не хотѣлось объясняться съ нимъ насчетъ Ани,—это по всему было видно... Какая же польза навязываться съ совѣтами или просьбами, хотя бы даже насчетъ дочери? Все равно, она его словъ не приметъ, промолчитъ только, а поступать будетъ по-прежнему. У нихъ насчетъ Аниного воспитанія и раньше были разные взгляды.

Николай Ивановичъ отошелъ отъ двери и вышелъ изъ дому, не сказавши женѣ ни слова.

Не въ первый разъ расходились они такимъ образомъ съ тѣхъ поръ, какъ между ними началась новая жизнь, и съ каждымъ разомъ въ его душѣ возрастала рѣшимость найти для себя и для дочери исходъ изъ той нравственной каторги, посредствомъ которой Марья Алексѣевна вымещала на нихъ свою неволю.

VI.

Исходъ нашелся. Однажды передъ вечеромъ, отправляясь въ читальню, гдѣ у него была привычка каждый день просматривать газеты и читать журналы, Николай Ивановичъ встрѣтился съ супругами Мирновыми. Они садились въ карету передъ какимъ-то большимъ магазиномъ. Имъ подавали купленныя ими вещи, которыя Евграфъ Петровичъ бережно укладывалъ на переднее сидѣнье. Онъ былъ очень озабоченъ этимъ дѣломъ, а также споромъ съ женой, которая настаивала на томъ, чтобы сдѣлать заразъ всѣ покупки. Однако Евграфъ Петровичъ первый узналъ Астафьева и такъ громко окликнулъ его, что нельзя было не остановиться.

Мадамъ Мирнова тоже привѣтливо постучала ему въ поднятое стекло кареты.

Николай Ивановичъ подошелъ къ нимъ.

— Вотъ счастливая встрѣча! Мы только-что говорили про васъ. Она приставала, чтобъ я сегодня же отправился къ вамъ

съ приглашеніемъ, — началъ Евграфъ Петровичъ, указывая на жену.

— У насъ дѣтскій театръ во вторникъ, на масляницѣ. Вы давно обѣщались познакомить вашу дочку съ нашими дѣтьми,— будьте милы, привезите ее па нашъ маленькій праздникъ,—сказала мадамъ Мирнова.

А затѣмъ она взглянула мелькомъ на мужа и продолжала уже болѣе сдержаннымъ тономъ и, какъ показалось Николаю Ивановичу, не безъ смущенія:

— Надѣюсь, ваша супруга не откажетъ намъ въ этомъ удовольствіи и отпуститъ къ намъ вашу дѣвочку... Я не имѣю удовольствія быть съ нею знакома, но...

— Что за церемоніи!—перебилъ ее съ добродушнымъ смѣхомъ мужъ. — Мы съ нимъ такіе старые пріятели, что наши дѣти непремѣнно должны быть друзьями.

Николай Ивановичъ обѣщалъ привезти къ нимъ Аню въ назначенный день. Карета съ супругами Мирновыми покатила дальше, а онъ отправился домой вмѣсто того, чтобъ идти въ библіотеку.

«Надо предупредить о приглашеніи Мирновыхъ,—думалъ Николай Ивановичъ, дергая звонокъ у двери,—можетъ быть найдутъ нужнымъ сшить Анѣ новое платье,—женщины всегда рады случаю заняться тряпками».

На звонокъ прибѣжала Паша. Она, кажется, удивилась его появленію,—давно уже баринъ не возвращался домой раньше ночи. Не дожидаясь отъ него вопроса, Паша объявила, что барыни дома нѣтъ.

— Анночка тоже ушодши,—продолжала она, не выказывая ни малѣйшаго поползновенія помочь ему снять шубу.

— Гдѣ же онѣ?

— Не могу знать-съ. Барыня вышли, какъ только къ вечернѣ ударили, а барышня все баловалась на черной лѣстницѣ съ Аришкой, наконецъ онѣ у меня бутыль съ керасиномъ разбили и я тогда эту самую Аришку въ три шеи къ матери прогнала, а барышня въ капризъ ударились, зачали плакать и къ вамъ въ кабинетъ убѣжали.

Но это было не все,—она не заминалась бы такъ передъ каждымъ словомъ и не смотрѣла бы на него такъ глупо, еслибъ ей больше нечего было бы объявить ему.

— Ну?—нетерпѣливо вскричалъ Николай Ивановичъ.

— Что-жъ вы гнѣваетесь, сударь? Я тутъ ни при чемъ... Пришелъ тотъ длинный... какъ бишь его?... Григорьевъ! Я ему сказала, что господъ дома нѣтъ, одна барышня... Проведи меня, говоритъ, къ барышнѣ... Я провела... Посидѣли съ часочекъ у васъ въ кабинетѣ, а тамъ, смотрю, и выходятъ вмѣстѣ, надѣли на Аничку шубку, шапочку и ушли, да вотъ до сихъ поръ и нѣтъ.

Она снова замялась и продолжала вполголоса:

— Мнѣ ничего не изволили сказать, а только я слышала, какъ онѣ этому самому Григорьеву на мамашиньку жалились... Ребенокъ, извѣстное дѣло! Барынѣ тоже не легко съ ними... Васъ, сударь, таперича никогда дома нѣтъ, вамъ не видать нашихъ мученьевъ съ барышней, а барыниному терпѣнію только дивиться надоть... при ихней печали...

Даже Паша знаетъ про эту печаль... Отлично!

Онъ такъ взглянулъ на разболтавшуюся горничную, что она смолкла на полусловѣ и, не подымая на него глазъ, принялась помогать ему втащить на плечи сброшенную на половину шубу.

— Скажи барынѣ, что мы съ Аней пріѣдемъ черезъ часъ,— проговорилъ онъ, надвигая на лобъ шапку и поспѣшно спускаясь обратно по лѣстницѣ.

— Видите, Григорьевъ, онъ пришелъ,—сказала Аня, услышавъ голосъ отца въ корридорѣ.—Я говорила, что онъ придетъ.

Первымъ ея движеніемъ было кинуться къ нему на встрѣчу, но онъ вошелъ такой угрюмый и такъ упорно отвертывался отъ нея, что она не осмѣлилась сдѣлать ни одного шагу впередъ и снова взгромоздилась на старый, продавленный диванъ, на которомъ она сидѣла до его прихода, очень смирно и скромно, какъ гостья, сложивъ на колѣняхъ руки и не позволяя себѣ даже болтать ногами. Достигнуть этого послѣдняго признака благонравія было тѣмъ болѣе трудно, что толстенькія ножки въ стоптанныхъ и поношенныхъ ботинкахъ—на цѣлую четверть не доставали до полу.

Вся красная отъ смущенія, она не спускала съ отца пристальнаго, заискивающаго взгляда, но онъ даже и не посмотрѣлъ на нее и, повернувшись къ Григорьеву, спросилъ, почему онъ его не дождался.

— Я вернулся домой очень скоро послѣ того, какъ вы ушли.

— Это я виновата, папа,—я просила его увезти меня... Паша вытолкнула Аринку... Я осталась совсѣмъ одна... Мнѣ было скучно,—попробовала вмѣшаться въ разговоръ Аня.

Но попытка эта не удалась,—отецъ продолжалъ отъ нея отвертываться и объявилъ, что съ такой своевольной дѣвочкой онъ не намѣренъ разговаривать.

— Зачѣмъ ты ее увезъ?—обратился онъ снова къ Григорьеву.

— Я зналъ, что ты заѣдешь ко мнѣ,—вѣдь ты обѣщалъ намедни,—отвѣчалъ неохотно этотъ послѣдній.

— А еслибъ я не заѣхалъ?—продолжалъ придираться Николай Ивановичъ.

— Ну, тогда я бы самъ ее проводилъ назадъ, вотъ и все.— И помолчавъ немного, онъ прибавилъ: — Ты же чувствуешь потребность по цѣлымъ днямъ рыскать по городу и удовлетворяешь ее? Я такъ разсудилъ, что и ребенку провѣтриться не мѣшаетъ... Чистый воздухъ укрѣпляетъ нервы...

— Все это прекрасно, но все-таки ты не долженъ былъ увозить ее безъ позволенія матери... Марья Алексѣевна могла вернуться домой до меня... Она не знаетъ, гдѣ ты живешь; Паша тоже не знаетъ.

Григорьевъ съ досадой пожалъ плечами.

— Ну-съ, Аня, выручайте меня, разскажите вашему родителю, въ какихъ я васъ засталъ мысляхъ, — обратился онъ къ дѣвочкѣ съ добродушной усмѣшкой.

— У нея было намѣреніе навсегда покинуть родительскій домъ...

— Не совсѣмъ, папочка, не совсѣмъ! — стремительно прервала его Аня.—Я хотѣла только попугать, чтобъ ты сказалъ: гдѣ моя дѣвочка, гдѣ моя Аня?... Ты бы пошелъ искать меня, мы бы нашлись и потомъ... потомъ все было бы опять хорошо, какъ прежде!... Мама была бы опять веселая и добрая, ты бы сидѣлъ дома...

Рѣчь ея лилась потокомъ. Голосъ ея дрожалъ и прерывался отъ волненія,—слезы душили ее,—но она пересиливала себя, умолкая только на минуту, а потомъ, вновь собравшись съ духомъ, продолжала доказывать, что съ нею поступаютъ жестоко и что жить такъ, какъ она теперь живетъ, просто невозможно, лучше умереть!

— Тебя никогда нѣтъ... Она... мама... сдѣлалась совсѣмъ деревянная... Никто меня не любитъ, никто не говоритъ со

мной... Паша только ругается... Всѣ гоняютъ, куда ни придешь... Я—маленькая, со мной такъ нельзя... такъ мучить ребенка нельзя, нельзя!—повторяла она, по всей вѣроятности, фразу Паши, или кумы ея охтенки Варвары, съ которой Паша имѣла привычку по цѣлымъ часамъ разговаривать про господъ. А можетъ-быть самъ отецъ выразился при ней такими словами, не замѣчая ея присутствія.

— Я знаю, меня теперь никто не любитъ... Прежде я была ваша радость, ваша дочка, а теперь вамъ не до меня... Спроси у него,—продолжала она, указывая на Григорьева,—я ему сказала,—спроси у него, я не буду слушать...

Она зажала пальцами уши и крѣпко прижалась лицомъ къ спинкѣ дивана. Николай Ивановичъ вопросительно посмотрѣлъ на своего пріятеля.

— Это правда, что она знаетъ больше, чѣмъ бы ей слѣдовало знать,—сказалъ Григорьевъ.—Впрочемъ, оно иначе и быть не можетъ,—горничная при ней стѣсняться не будетъ, да и ты самъ... У тебя прескверная привычка кричать во все горло: когда ты говоришь, на улицѣ слышно... Вы вѣрно воображаете съ Марьей Алексѣевной, что дѣвочка слишкомъ занята своими куклами, чтобы прислушиваться къ вашимъ ссорамъ, а между тѣмъ...—Онъ понизилъ голосъ.—А между тѣмъ она мнѣ сегодня прямо объявила, что мать ея все плачетъ съ тѣхъ поръ, какъ Таманскій пересталъ къ вамъ ходить...

Николай Ивановичъ возразилъ на это, что Аня сама не понимаетъ, что говоритъ, и что на такой вздоръ не стоитъ обращать вниманія. Однако, взглянувши на дѣвочку и убѣдившись, что она продолжаетъ затыкать себѣ уши и разговора его съ Григорьевымъ слышать не хочетъ, онъ спросилъ, что она ему еще сказала.

Григорьевъ отвѣчалъ уклончиво.

— Вамъ бы отдать ее въ пансіонъ, отлично было бы, право! Отъ дѣтей уберечься трудно... Квартира у васъ маленькая, гувернантку нанять нѣтъ средствъ...

— Да, да, ты правъ, ей нужна другая обстановка... Да и намъ тоже. Нельзя же въ самомъ дѣлѣ требовать, чтобы Марья Алексѣевна была спокойна и весела здѣсь, въ Петербургѣ, въ двухъ шагахъ отъ него,—все напоминаетъ... Дня не пройдетъ, чтобы кто-нибудь не произнесъ его имени.

Онъ опять взглянулъ на дочь. Она перестала всхлипывать и лежала очень тихо.

— Заснула,—прошепталъ Григорьевъ, который не спускалъ съ нея глазъ.

— Вчера я видѣлъ князя, — началъ говорить, понижая голосъ, Николай Ивановичъ. — Онъ мнѣ сказалъ, что скоро откроется вакансія въ Самарѣ.

Григорьевъ нетерпѣливо передернулъ плечами.

— Онъ тебѣ говорилъ то же самое про Таганрогъ.—И помолчавъ немного онъ прибавилъ: — Ты можетъ-быть не знаешь, они большіе пріятели съ Таманскимъ.

— Ты думаешь, что тутъ Таманскій интригуетъ?—вскричалъ Астафьевъ.—Еслибъ я только былъ увѣренъ въ этомъ!...

— Не волнуйся, пожалуйста, ничего я не думаю, но ты самъ потрудись сообразить: я говорю тебѣ, что они пріятели,—ну, вотъ, какъ мы съ тобой,—какая же охота имъ дѣлать другъ другу непріятности? Князю навѣрное извѣстно чувство Таманскаго къ твоей женѣ; ему также извѣстно и то, что, уѣзжая изъ Петербурга, ты увезешь ее съ собой... Ну, и сообрази все это.

— Въ такомъ случаѣ я найду другой путь... Спасибо, что предупредилъ.

— Не за что... О переводѣ изъ Петербурга тебѣ слѣдуетъ хлопотать, слова нѣтъ, а пока Аню все-таки не мѣшало бы отдать въ пансіонъ... Вы съ Марьей Алексѣевной въ переходномъ состояніи,—вамъ не до ребенка, а у нея умишко работаетъ, нервы напрягаются и до чего только это можетъ дойти, кто знаетъ...

Николаю Ивановичу было очень непріятно слушать его. Онъ поднялся съ мѣста.

— Въ пансіонъ, такъ въ пансіонъ,—проговорилъ онъ, принимаясь шагать взадъ и впередъ по комнатѣ.—Я сегодня же переговорю объ этомъ съ Марьей Алексѣевной. Увидимъ, что-то она скажетъ, увидимъ!...

Лицо его начало мало-по-малу проясняться и на губахъ замелькала улыбка.

«Нашелъ прицѣпку!—думалъ Григорьевъ, внимательно слѣдя за всѣми движеніями своего друга.—Переговорить съ Марьей Алексѣевной... Тебѣ, голубчикъ, только этого и надо!... А вѣдь воображаетъ, что разлюбилъ ее».—Э-э-эхъ!—произнесъ онъ вслухъ,

махнувъ съ досадой рукой.—Скорѣе бы ужь порѣшили чѣмъ-нибудь.

Николай Ивановичъ не слышалъ его,—онъ осторожно приподнималъ Аню съ дивана.

— Пойдемъ, моя дѣвочка, мама вернулась домой и безпокоится... Мы съ ней потолкуемъ сегодня вечеромъ и она опять будетъ добрая, вотъ увидишь,—говорилъ онъ, неловкими пальцами застегивая ея шубку и повязывая ей сверхъ шапочки свой кашне.

— Дожидайся! Будетъ она тебѣ добрая, какъ же!—проворчалъ имъ вслѣдъ Григорьевъ.

«Григорьевъ такого мнѣнія. Впрочемъ, и я тоже нахожу, что всего было бы лучше помѣстить Аню въ пансіонъ», подумалъ Астафьевъ, останавливая пытливый взглядъ на женѣ.

Онъ сегодня остался дома нарочно для того, чтобъ окончательно успокоить Аню и переговорить о ней съ Марьей Алексѣевной. Съ дѣвочкой онъ возился и игралъ до тѣхъ поръ, пока на часахъ не пробило десять и пока мать не увела ее спать.

Минутъ черезъ пятнадцать Марья Алексѣевна вернулась въ гостиную и сѣла въ большое кресло у окна, какъ бывало прежде, когда дня не проходило безъ интимной бесѣды между ею и мужемъ.

Николай Ивановичъ разсказалъ, въ какомъ возбужденномъ состояніи онъ нашелъ сегодня Аню у Григорьева. Марья Алексѣевна слушала молча и съ невозмутимымъ хладнокровіемъ не только описаніе продѣлокъ и выдумокъ дочери, но также и тѣ отрывки изъ разговора съ Григорьевымъ, которые Николай Ивановичъ нашелъ нужнымъ передать ей, и только при словѣ пансіонъ она вспыхнула и въ глазахъ ея выразился испугъ.

— Въ пансіонъ?... Но тогда что же я буду здѣсь дѣлать?—вырвалось у нея.

Онъ иронически усмѣхнулся.

— Правда, я и не подумалъ объ этомъ. Вѣдь вы живете здѣсь только для дочери... Аня вамъ служитъ отвлеченіемъ, такъ сказать... Но согласитесь, что жертвовать для этого ребенкомъ довольно неудобно и что я не могу равнодушно смотрѣть на то, какъ портится день ото дня ея характеръ и раздражаются нервы.

— Мнѣ кажется, что самое лучшее было бы не потакать ея капризамъ,—сдержаннымъ тономъ замѣтила Марья Алексѣевна.—Я ничего безразсуднаго отъ нея не требую и не моя вина, если она такъ набалована, что не можетъ выносить ни малѣйшаго стѣсненія.

— Ну, мы постоянно расходились въ мнѣніи на этотъ счетъ, даже и тогда, когда на все остальное смотрѣли одинаково,—замѣтилъ онъ, не переставая усмѣхаться.—То, что вы называете капризами, я считаю потребностью души, и наоборотъ.

Марья Алексѣевна вздохнула, придвинула къ себѣ столикъ съ лампой и, вынувъ изъ карзинки работу, принялась усердно шить. Она молчала, но на лицѣ ея читалась такая непреклонная рѣшимость терпѣливо выслушивать все, что онъ будетъ говорить, не раздражаясь ни запальчивостью его, ни язвительностью, что бѣшенство Николая Ивановича съ минуты на минуту усиливалось.

Какъ онъ до сихъ поръ мало зналъ эту женщину! Какъ мало подозрѣвалъ онъ, какую силу инерціи она способна, при случаѣ, противупоставить его бѣшенымъ и страстнымъ порывамъ!...

Онъ зажегъ папиросу и прежде, чѣмъ продолжать разговоръ, молча выкурилъ ее до конца.

— Съ тѣхъ поръ, какъ вамъ пришла несчастная мысль *развлекаться* материнскими обязанностями, прошло два мѣсяца,— началъ онъ, бросая окурокъ въ пепельницу и снова принимаясь ходить взадъ и впередъ по комнатѣ. — Въ эти два мѣсяца вы довели дѣвочку до того, что она, того и гляди, убѣжитъ изъ дому и такъ далеко, что придется, чего добраго, разыскивать ее черезъ полицію... Кажется, ясно, что ваши эксперименты въ дѣлѣ воспитанія обходятся намъ съ Аней слишкомъ дорого и что пора положить всему этому какой-нибудь предѣлъ... Вѣдь нельзя же только о себѣ думать, Марья Алексѣевна,—надо и о другихъ позаботиться.

Она возразила на это, что въ эгоизмѣ упрекнуть ее нельзя.

— Я доказала, что умѣю жертвовать собой и оставаться вѣрной моему долгу.

Слова эти окончательно вывели Николая Ивановича изъ себя.

— Да чортъ васъ побери совсѣмъ съ вашими жертвами! Кому онѣ нужны?... Мы съ Аней никакихъ жертвъ отъ васъ не требуемъ, а насчетъ долга у васъ престранныя понятія... Неужели вы думаете, что можно выносить равнодушно послѣдствія ва-

шихъ жертвъ? Вы съ тѣхъ поръ ни разу не улыбнулись, ни разу не сказали ни мнѣ, ни вашему ребенку человѣческаго слова... Кто же можетъ это выдержать, скажите на милость?

Она молчала.

— Найдите какой-нибудь исходъ изъ этого положенія,—продолжалъ онъ,—вы же сами его создали... Придумайте средство сдѣлать его сноснымъ, вѣдь жить такъ, какъ мы живемъ, это невыносимо.

Онъ нѣсколько мгновеній простоялъ передъ нею, въ ожиданіи отвѣта; но отвѣта не послѣдовало и онъ вышелъ изъ комнаты, шумно хлопнувъ дверью.

VII.

Возвращаясь съ Аней отъ Григорьева, Николай Ивановичъ сказалъ ей, что въ слѣдующій вторникъ онъ повезетъ ее къ однимъ знакомымъ, у которыхъ будетъ дѣтскій балъ и театръ.

Благодаря этому обѣщанію, непріятныя впечатлѣнія окончательно изгладились изъ памяти Ани, и ей всю ночь грезились самыя привлекательныя картины: театръ, конфекты и множество дѣтей ея лѣтъ. Весь слѣдующій день она тоже только и думала, что объ этомъ праздникѣ.

На другой день, вырвавшись послѣ урока къ Аришкѣ, которая, по своему обыкновенію, поджидала ее на черной лѣстницѣ, Аня втащила свою обтрепанную и перепачканную подругу въ кухню и начала описывать ей шепотомъ всѣ прелести, ожидающія ее завтра у Мирновыхъ, пересыпая свою рѣчь воспоминаніями и разсужденіями, почерпнутыми изъ только-что оконченнаго урока.

— Папа сказалъ во вторникъ, а сегодня понедѣльникъ... по-французски lundi... Я это сегодня учила: lundi, mardi, mercredi,—проговорила она скороговоркой.—Папа сказалъ, что танцовать будутъ много, много маленькихъ дѣвочекъ и мальчиковъ... Сегодня мама заставила меня прочитать три страницы вмѣсто двухъ, а потомъ басни... Я прочитала...

— А ты развѣ умѣешь?

— Еще бы! Я и писать умѣю. Развѣ ты не знаешь? Хочешь, я покажу тебѣ мою тетрадь? Все палочки, палочки, косенькія такія, я по этимъ палочкамъ пишу...

— Да я не про то! Я про танцы... Ништо ты умѣешь поихнему?

Вопросъ этотъ заставилъ Аню призадуматься.

— Нѣтъ, не умѣю,—проговорила она, нахмуривая брови.

Сознаваться въ этомъ было очень непріятно, а тутъ еще Паша начала поддразнивать. Видно, хлопоты у плиты не мѣшали ей прислушиваться къ разговору дѣтей. Предосадная была эта Паша!

— А туда же на балъ собираетесь! Ужь куда вамъ! Да у васъ даже и платья хорошаго нѣтъ,—въ чемъ же вы поѣдете?

— У меня есть красненькое платье, — нерѣшительно замѣтила Аня.

— Да развѣ въ такомъ платьѣ можно на балъ ѣхать? Вы же его прошлый разъ молокомъ залили, надо еще пятна отмывать... Да и всячески его надѣть нельзя, потому что оно ужь старое и даже въ заплаткахъ.

Чтобы не слышать дальнѣйшихъ разсужденій Паши, Аня выбѣжала изъ кухни, но на слѣдующее утро горничная снова завела разговоръ на ту же тему.

— Что-жь васъ къ балу-то не готовятъ? — подсмѣивалась она, расчесывая непослушныя кудри барышни. — Времени-то до вечера не много осталось, а у васъ даже и башмаковъ новенькихъ нѣтъ.

Въ сосѣдней комнатѣ раздались шаги Николая Ивановича, который собирался выходить изъ дому. Аня вырвалась изъ рукъ горничной и стремглавъ бросилась къ отцу.

— Папа, папа! Паша говоритъ, что я не могу ѣхать на балъ!... Мнѣ нечего надѣть... Ничего не приготовили... Она говоритъ, что въ красненькомъ платьѣ страмъ, она говоритъ...

Что еще говорила Паша, Николай Ивановичъ не могъ разобрать,—голосъ дѣвочки безпрестанно обрывался отъ волненія.

— Я была умна... Я ей во всемъ угождала, училась, ни разу не выбѣгала на черную лѣстницу, не гримасничала,—исчисляла она всѣ подвиги добронравія, совершенные ею въ эти послѣдніе три дня,—а мама мнѣ ничего не готовитъ... Красненькое платье въ дыркахъ... Его нельзя надѣть!...

Николай Ивановичъ сердито бросилъ шапку на столъ.

— Ступай къ матери и спроси у нея, помнитъ ли она то, что я ей говорилъ про дѣтскій вечеръ у Мирновыхъ.

Аня побѣжала и черезъ минуту вернулась вся въ слезахъ.

— Мама говоритъ... что за праздникъ?... Она за...бы-ла,— всхлипывала дѣвочка.

— Забыла?... Отлично! Я тебѣ самъ все куплю, только перестань ревѣть, ради Бога! Эти постоянныя исторіи невыносимы!

Да, исторіи съ Аней сильно раздражали Николая Ивановича. Стоило только взглянуть на него, чтобъ убѣдиться въ этомъ. Такого гнѣвнаго выраженія Аня никогда еще не видала у отца. Ей стало такъ жутко, что даже мысль о балѣ вылетѣла у нея изъ головы, а рыданія, тѣснившіяся въ горлѣ, ушли глубоко, глубоко и точно тяжелымъ камнемъ придавили ей сердце.

«Господи! Что это съ ними сдѣлалось? И зачѣмъ все пошло такъ гадко, каждый день все хуже и хуже!» — твердила она мысленно, робко оглядываясь на крупную фигуру отца.

Николай Ивановичъ обнялъ ее одной рукой и крѣпко прижималъ къ себѣ, но дѣвочка не ощущала ни малѣйшей нѣжности въ этомъ объятіи; онъ держалъ ее, чтобъ она не вывалилась изъ саней — вотъ и все. Въ эту минуту и онъ тоже, какъ и всѣ, былъ ей совсѣмъ чужой, совсѣмъ... «Ну, вотъ, точно мама съ тѣхъ поръ, какъ Таманскій пересталъ у насъ бывать».

Дѣло въ томъ, что дѣйствительно Николай Ивановичъ былъ такъ озабоченъ, что ему было не до нѣжностей. Ему въ первый разъ въ жизни приходилось хлопотать о дѣтскомъ костюмѣ и онъ ужасно досадовалъ на себя за то, что такъ опрометчиво взялся за такую сложную и мудреную штуку. Вѣдь это не съ мужскимъ портнымъ имѣть дѣло! Тутъ компликаціи разныя, бантики, воротнички, юпочки...

«Развѣ какую-нибудь знакомую барыню попросить этимъ заняться?...» Но всѣ его знакомыя барыни были сплетницы и болтуньи... «Тѣмъ лучше, — въ ихъ обществѣ тотчасъ же разнесется, что у него съ женой ужь до того дошло, что приходится просить чужихъ заняться ихъ дочерью, — тѣмъ лучше, тѣмъ лучше! Пусть всѣ знаютъ, что за птица его супруга! Онъ самъ готовъ разсказать это всѣмъ и каждому, пропечатать въ газетахъ... Добродѣтельная женщина... Самъ его превосходительство удостоилъ влюбиться... Пренебрегла, осталась вѣрна своему долгу!... А дочь въ худыхъ башмакахъ бѣгаетъ!... А мужу, когда со службы придетъ домой, не съ кѣмъ слова сказать, — такими гримасами встрѣчаютъ, что на тотъ свѣтъ хочется бѣжать!... Вотъ такъ добродѣтель!... Изъ дома адъ сдѣлала, а сама угнетенную невинность изъ себя корчитъ, мученицу!... Таскайся тутъ изъ-за нея, разыгрывай дурака передъ цѣлымъ свѣтомъ, а она тѣмъ временемъ о своихъ чувствахъ къ господину Таманскому будетъ мечтать!...»

Проѣзжали мимо гостинаго двора.

— Стой здѣсь! —закричалъ Николай Ивановичъ извощику.— Вылѣзай, Аня, мы тутъ найдемъ все, что намъ нужно... Держись за меня крѣпче,—видишь, какая давка, долго ли потеряться!

Началось протискиванье между лотками съ фруктами, сластями, игрушками и тому подобнымъ блестящимъ и дешевымъ товаромъ, а дальше, благодаря такому суетливому времени, какъ начало масляницы, было еще тѣснѣе отъ барынь, шмыгавшихъ торопливой и привычною походкой мимо открытыхъ дверей биткомъ набитыхъ лавокъ.

Аня крѣпко держалась за шубу отца. Ей не разъ приходилось ходить по гостиному двору съ матерью, но никогда не ощущала она такой неловкости и страха, какъ теперь. Не взирая на твердую и скорую походку, у отца ея былъ такой растерянный видъ, онъ окидывалъ такимъ недоумѣвающимъ взглядомъ большія зеркальныя стекла съ выставленными въ нихъ красивыми вещами.

— Перья... цвѣты... мужскія сорочки... Намъ съ тобой этого не нужно,—говорилъ онъ, шагая такими большими шагами, что Аня съ трудомъ поспѣвала за нимъ.

Они завернули въ другую линію. Тутъ было еще тѣснѣе, а дальше море головъ—въ шляпкахъ, шапочкахъ и капорахъ—волновалось еще сильнѣе, сновало взадъ и впередъ еще усерднѣе.

Астафьевымъ начинало овладѣвать отчаянье. Онъ уже второй разъ проходилъ мимо тѣхъ же самыхъ магазиновъ, не находя между предметами выставленными въ окнахъ того, что имъ было нужно.

— Да гдѣ же это, анафема, платья дѣтскія продаются? — ворчалъ онъ сквозь зубы.

— Ты бы спросилъ у кого-нибудь, папа,—робко замѣтила Аня.

— У какого тутъ чорта спрашивать...

— Пустите, пожалуйста, вы мнѣ наступили на шлейфъ,— раздался сердитый женскій голосъ.

Онъ поспѣшно отскочилъ въ сторону и, невольно оглянувшись на нарядную даму, пробиравшуюся къ каретѣ, ожидавшей ее у подъѣзда, увидѣлъ, что покупки за нею несетъ не лакей, а сидѣлецъ изъ лавки. Лицо этого человѣка пришлось ему по вкусу.

— Гдѣ тутъ можно купить платье вотъ для нея?—спросилъ Николай Ивановичъ, указывая на Аню.—Готовое, конечно.

— Пожалуйте-съ,—у насъ есть.

И обернувшись къ лавкѣ, у двери которой случилось приключеніе съ притоптаннымъ шлейфомъ, сидѣлецъ закричалъ одному изъ своихъ товарищей по прилавку.

— Михаилъ Дмитричъ! Имъ дѣтскіе костюмы требуются,— покажите!

— Пожалуйте-съ, — проговорилъ въ свою очередь Михаилъ Дмитричъ, окидывая бѣглымъ, но внимательнымъ взглядомъ новыхъ покупателей черезъ головы тѣснящейся у прилавка публики.—Пожалуйте-съ, сію минуту подадимъ-съ... Вамъ сколько угодно тюлю, только три аршина?... Меньше семидесяти копѣекъ не можемъ взять. У насъ безъ запроса-съ,—обратился онъ къ одной изъ покупательницъ.

Но, завертывая ей и еще тремъ или четыремъ барынямъ покупки, Михаилъ Дмитричъ безпрестанно озирался на Астафьева съ дочерью, приговаривая при этомъ: «сію минуту-съ! Сейчасъ... Вотъ только имъ заверну покупку».

Наконецъ, онъ занялся ими исключительно.

— Какой желаете костюмъ? Де-променадъ или визитный? Редингогъ, полонезъ или робъ-принсессъ?... Теперь больше принсессъ въ модѣ, а также сотъ-анъ-боркъ,—болталъ безъ умолку сидѣлецъ, выбрасывая изъ картонокъ юпочки, кофточки и разныя тому подобныя штучки, встряхивая ихъ, приподнимая на растопыренныхъ пальцахъ и повертывая во всѣ стороны съ ловкостью и быстротой настоящаго фокусника.

У Астафьева зарябило въ глазахъ отъ этой пестроты.

— Аня, выбирай, что тебѣ нравится, — обратился онъ къ дочери.

Но она окончательно растерялась. Глаза ея перебѣгали отъ одного предмета къ другому, ни на чемъ не останавливаясь.

— Я не знаю!... Папа, лучше ничего не надо... Поѣдемъ домой... Я не хочу ѣхать на балъ,— безсвязно лепетала она, робко прижимаясь къ нему.

— Что за вздоръ! Выбирай скорѣе,—не вѣкъ же намъ тутъ стоять,—возразилъ онъ, нетерпѣливымъ движеніемъ тряхнувъ рукавомъ шубы, въ который она прятала свое смущенное лицо.

— Ну, вотъ этотъ, — указала она на костюмъ, лежавшій посверхъ прочихъ.—Мнѣ все равно... поѣдемъ скорѣе...

— Этотъ-съ? Должно быть впору будетъ-съ, — проговорилъ для очистки совѣсти сидѣлецъ, измѣряя бѣглымъ взглядомъ ростъ маленькой покупательницы и торопливо завертывая покупку.—

Ничего больше не требуется-съ? — обратился онъ къ Николаю Ивановичу.

— Ничего... Мнѣ ничего больше не надо, — поспѣшила отвѣчать за отца Аня, посматривая съ облегченнымъ сердцемъ на дверь.

— Какъ ничего? А башмаки? — вспомнилъ Николай Ивановичъ.

— Башмаки вы найдете въ зеркальной линіи, а также въ перинной № 147, — обязательно подсказалъ сидѣлецъ. — За костюмъ позвольте получить... тридцать пять рублей-съ.

Цифра эта такъ огорошила Астафьева, что онъ забылъ о ботинкахъ и прямо пробрался съ Аней къ тому мѣсту, гдѣ стояли извощики. Всю дорогу до дома они ѣхали молча. У воротъ онъ высадилъ ее, поручивъ дворнику донести покупки до ихъ квартиры и приказавъ ей быть готовой къ семи часамъ; онъ отправился пѣшкомъ къ какому-то пріятелю, который жилъ за Балтійской желѣзною дорогой.

Николай Ивановичъ хорошо сдѣлалъ, что въ этотъ день до самаго вечера не возвращался домой. Марья Алексѣевна была такъ оскорблена его словами и поступками, что весь день не выходила изъ своей комнаты, а когда Аня пришла ей сказать, что отецъ купилъ ей въ гостиномъ дворѣ костюмъ, чтобъ ѣхать на балъ къ Мирновымъ, она объявила, что не желаетъ видѣть этого костюма, чтобъ ее оставили въ покоѣ и что если только Аня посмѣетъ ѣхать къ этимъ Мирновымъ, съ которыми мать ея не знакома, она перестанетъ считать ее своею дочерью.

Марья Алексѣевна сказала все это такъ громко, что даже Паша слышала. Потомъ она одѣлась и пошла въ церковь, а затѣмъ, вернувшись назадъ, заперлась на ключъ въ свою комнату и, какъ только зазвонили ко всенощной, опять вышла изъ дому.

Всенощная кончилась въ девятомъ часу вечера. Пока Марья Алексѣевна молилась, мужъ ея увезъ Аню къ Мирновымъ.

Снимая съ барыни шубку и ботинки, Паша начала разсказывать, какъ баринъ пріѣхалъ, какъ онъ разсердился за то, что барышня еще не одѣта въ новое платье... Пестренькое такое, крапинками, не то шерстяное, не то шелковое, и все бахромами отдѣлано, а сзади ни къ селу, ни къ городу, въ родѣ хвоста какого-то изъ лиловыхъ лентъ прицѣплено... Въ таліѣ было узко, — пришлось всѣ пуговицы пересаживать, — а рукава надо было подшить, потому что на цѣльную ладонь были длинны... Съ

башмаками тоже нахлопотались! Новые забыли купить, а на старыхъ-то дырки... Ужь баринъ чертыхался, чертыхался!... Справили, наконецъ, кое-какъ, дырки чернилами замазали, заштопали, что можно было, и поѣхали.

Марья Алексѣевна слушала молча свою горничную, не поощряя ее ни единымъ словомъ на дальнѣйшую болтовню; однако, прежде чѣмъ вынести изъ комнаты шляну и перчатки своей госпожи, Паша остановилась еще на минуту въ дверяхъ, чтобъ объявить, что волосики барышнѣ она повязала новой лентой.

— Той голубой, широкой, съ большимъ бантомъ, которую вы имъ недавно купили.

Но Марья Алексѣевна и къ этому извѣстію отнеслась равнодушно и не сказала Пашѣ спасибо за догадливость. Даже такое представленіе, какъ Аня въ гостинодворскомъ костюмѣ, отдѣланномъ лиловой бахромой, и съ голубою лентой на головѣ, — даже такое безобразіе не въ состояніи было нарушить то чудное, торжественное настроеніе, въ которомъ она вернулась сегодня изъ церкви.

Разсказъ Паши нельзя даже было назвать каплей, переполнившей чашу ея страданій. Еще накануне Марья Алексѣевна рѣшила, что чаша эта давно уже полна черезъ край. До сихъ поръ ей казалось, что она еще мало терпѣла, что изъ-за дочери надо вытерпѣть еще больше; но своимъ рѣшеніемъ отдать Аню въ пансіонъ Николай Ивановичъ самъ открывалъ ей глаза на безполезность, больше того — на вредъ дальнѣйшихъ мукъ и жертвъ... Этимъ рѣшеніемъ онъ расчищалъ ей путь къ счастью, и не только ей, но также и Анѣ... Судьба дѣвочки будетъ совсѣмъ другая, если ей удастся сдѣлаться женой Таманскаго...

Когда въ прихожей раздался звонокъ и Паша вбѣжала съ извѣстіемъ, что пріѣхалъ Дмитрій Николаевичъ, Марья Алексѣевна нисколько не удивилась: душа ея была въ этотъ вечеръ такъ полна имъ, — развѣ онъ могъ этого не чувствовать?... Онъ долго, долго цѣловалъ протянутыя ему съ блаженной улыбкой руки, потомъ заглянулъ ей въ глаза и прочелъ въ нихъ столько любви, что на мгновенье обезумѣлъ отъ счастья. Онъ умолялъ простить его за то, что нарушилъ ея запрещеніе, — повторялъ, что уѣзжаетъ завтра, что покинуть Петербургъ, не взглянувши на нее въ послѣдній разъ, было просто невозможно...

— Это свиданіе дастъ мнѣ силу перенести разлуку, — повторялъ онъ, сознавая въ то же время, что слѣдуетъ, что можно

говорить совершенно другое, что объ разлукѣ между ними не должно быть и рѣчи...

Она слушала его молча. Счастливая улыбка блуждала на ея губахъ, отражаясь нѣжною лаской во взглядѣ, и взглядъ этотъ все глубже и глубже проникалъ ему въ душу, наполняя ее надеждой и радостью.

— Я поѣду съ тобой,—прошептала она, наконецъ, едва слышно.

Когда, въ первомъ часу ночи, Астафьевъ съ Аней вернулся домой отъ Мирновыхъ, Паша подала ему письмо, въ которомъ Марья Алексѣевна сообщала ему, что, не будучи въ состояніи воспитывать дочь такъ, какъ бы ей хотѣлось, благодаря его постоянному вмѣшательству, она вынуждена покинуть домъ, въ которомъ никому не можетъ приносить пользы, даже ребенку.

Въ заключеніе было нѣсколько звучныхъ фразъ, которыми Марья Алексѣевна выражала свое довѣріе къ честности и благородству правилъ своего мужа и увѣренность въ томъ, что злоупотреблять правами, предоставляемыми ему закономъ, онъ не способенъ и посягать на ея свободу не будетъ.

— Спасибо хоть за это! — усмѣхнулся Николай Ивановичъ, бросая письмо на столъ.

Оборотившись къ дочери, которая смотрѣла на него съ глубокимъ и не дѣтскимъ изумленіемъ въ широко раскрытыхъ глазахъ, онъ прибавилъ:

— Ну, вотъ мы и заживемъ съ тобой одни, Аня! Мамашѣ надоѣло съ нами возиться, она уѣхала...

— А развѣ она *можетъ* отъ насъ совсѣмъ уѣхать?—спросила Аня, сдвигая брови подъ налетомъ непонятныхъ и неожиданныхъ сомнѣній.

— Можетъ, дѣвочка, можетъ, — задумчиво повторилъ Астафьевъ.

И при этомъ онъ подумалъ, что сама, того не подозрѣвая, Аня коснулась одного изъ самыхъ жгучихъ, самыхъ важныхъ общественныхъ вопросовъ нашего времени,—вопроса, надъ которымъ многіе моралисты и философы задумываются произнести окончательный приговоръ, потому что отъ разрѣшенія его безповоротно зависитъ судьба семейнаго начала въ человѣческомъ обществѣ.

Н. Северинъ.

(Продолженіе слѣдуетъ.)

ДОНЪ-ЖУАНЪ.

(Байрона.)

Посв. Гр. Алексѣю Васильевичу Олсуфьеву.

CXXXIV*).

Мы—въ ноябрѣ, когда ужь неба сводъ
Утратилъ блескъ своей лазури нѣжной
И горы, испытавъ ненастья гнетъ,
Свой синій плащъ смѣнили ризой снѣжной,—
Когда бушуетъ море и реветъ,
Стараясь поглотить утесъ прибрежный
Клокочущими волнами, и день
Часамъ къ пяти смѣняетъ ночи тѣнь.

CXXXV.

Царила ночь надъ спящею землею;
Луну скрывали тучи. Вкругъ огня,
Внимая вѣтра жалобному вою,
Сидѣла, грѣясь, не одна семья.
Камина сладкій свѣтъ! Какъ схожъ съ тобою
Волшебный блескъ безоблачнаго дня!
Въ вечерній часъ люблю я свѣтъ камина,
Веселый смѣхъ и пѣнистыя вина...

CXXXVI.

Насталъ полночный часъ. Отрадный сонъ,
Какъ надо думать, Джулія вкушала;

*) *Русская Мысль*, февраль.

Въ глубокій мракъ давно былъ погруженъ
Ея альковъ. Она вдругъ услыхала
Такой ужасный шумъ, что мертвыхъ онъ
Поднять бы могъ. Служанка въ дверь стучала,
Испуганно крича: «Стряслась бѣда!...
«Сударыня, вашъ мужъ идетъ сюда!

CXXXVII.

«Скорѣе отоприте, ради Бога!
«Полгорода за нимъ стремится вслѣдъ;
«Могу сказать: нежданная тревога.....
«Я стерегла, моей вины тутъ нѣтъ.....
«На лѣстницѣ они; еще немного—
«И будутъ здѣсь; готовьтесь дать отвѣтъ;
«Онъ можетъ-быть еще успѣетъ скрыться,
«Прыгнувъ въ окно; да, надо торопиться»...

CXXXVIII.

Дѣйствительно, съ толпой друзей и слугъ,
Въ рукахъ державшихъ факелы и свѣчи,
Ворвался въ домъ разгнѣванный супругъ;
Чтобъ зло карать, съ женой искалъ онъ встрѣчи;
Возможно-ль допустить, чтобъ даромъ съ рукъ
Женѣ сходилъ обманъ?—О томъ и рѣчи
Не можетъ быть. Одну не наказать,—
Съ нея примѣръ другія будутъ брать.

CXXXIX.

Какимъ путемъ вселились подозрѣнья
Въ Альфонсо, не берусь я объяснить.
Но все-жь его постыдно поведенье, —
Какъ можно въ спальню женнину входить,
Безъ всякаго о томъ предупрежденья,
Съ толпой вооруженной? Грустно быть
Обманутымъ, но развѣ легче горе,
Когда трубишь о собственномъ позорѣ?

CXL.

Близъ Джуліи, что плакала навзрыдъ,
Ея служанка вѣрная стояла

И дѣлала такой неловкій видъ,
Какъ будто бы сейчасъ съ кровати встала;
Въ лицѣ ея читались гнѣвъ и стыдъ.
Я право не пойму, зачѣмъ желала
Доказывать собравшимся она,
Что донна почивала не одна...

CXLI.

Могло-ль казаться страннымъ, что съ служанкой
Она спала, боясь быть одной?
(Когда для мужа оргія—приманка,
Иной женѣ приходится порой
Такъ поступать. Конечно, перебранка
Ночнаго кутежа—исходъ прямой;
Но мужъ, щадя жены ревнивой нервы,
Ей говоритъ: «я ужинъ бросилъ первый!)

CXLII.

Аттаку донна Джулія сама
Вдругъ повела. «Глазамъ своимъ не вѣрю!
Вы вѣрно пьяны, иль сошли съ ума....
За что досталась я такому звѣрю?...
Милѣе смерть, отраднѣе тюрьма,
Чѣмъ съ вами жизнь. Кто тамъ стоитъ за дверью?
Я подозрѣнья въ вѣкъ вамъ не прощу...
Ищите же!»—Онъ молвилъ: «поищу».

CXLIII.

И вотъ *онъ* сталъ пытливо шарить всюду;
Искали и *они* по всѣмъ угламъ;
Все перерыли: платья и посуду,
Искали по комодамъ и шкафамъ—
И что-жь нашли?—бѣлья и кружевъ груду
И пропасть тѣхъ вещей, что красятъ дамъ:
Гребёнокъ, щетокъ, стклянокъ, притираній,—
Но все успѣхъ ихъ не вѣнчалъ стараній.

CXLIV.

Иные заглянули подъ постель
Но тамъ нашли не то, чего желали;

Ломали все, чтобъ видѣть, нѣтъ ли гдѣ-ль
Слѣдовъ близъ дома, ставни отворяли;
Но все—увы!—не достигалась цѣль.
Ихъ лица выражать смущенье стали...
Какъ странны иногда дѣла людей:
Искали подъ постелью, а не въ ней.

CXLV.

Ихъ въ это время Джулія язвила.
«Ищите же!—кричала имъ она.—
Лишь въ гнусныхъ оскорбленьяхъ ваша сила;
Должно-быть я за то посрамлена,
Что тяжкій крестъ безропотно носила;
Но чашу мукъ я выпила до дна:
И бѣдной жертвы скоро стихнутъ стоны,
Когда у насъ есть судьи и законы!

CXLVI.

«О, жалкій донъ Альфонсо! Я стыжусь
За вами быть. Вамъ безразлично это,—
Вѣдь вы лишь по названью только мужъ!
Такъ поступать не стыдно-ль въ ваши лѣта?
Вы совершенно дряхлы и къ тому-жь
Хотите стать посмѣшищемъ для свѣта,—
Какъ смѣете, тиранъ, наглецъ, злодѣй,
Вы сомнѣваться въ вѣрности моей?

CXLVII.

«Глухого старика, грѣховъ не зная,
Я избрала себѣ духовникомъ;
Его терпѣть не стала бы другая...
Такъ непорочна я, что онъ съ трудомъ
Въ мое замужство вѣритъ. Жизнь такая
Несносна мнѣ; пойду инымъ путемъ,—
Прошла пора терпѣнья и уступокъ...
Возможно-ль вамъ простить такой поступокъ?

CXLVIII.

«Что-жь, кромѣ зрѣлищъ, баловъ и церквей,
Ставъ чуть ли не затворницей въ Севильѣ,

Я видѣла? Кто изъ моихъ друзей
Играетъ роль кортехо *)? Всѣ усилья,
Чтобы смутить покой души моей,
Плодовъ не принесли. За что-жь насилье?
Самъ графъ О'Рéльи, храбрый генералъ,
Что взялъ Алжиръ, моею жертвой сталъ.

CXLIX.

«Шесть мѣсяцевъ вздыхалъ пѣвецъ Каццани
У ногъ моихъ. «Изъ всѣхъ испанскихъ дамъ
Лишь непорочны вы»,—графъ Корніани
Такъ говорилъ.—За что же этотъ срамъ?
Графъ Строгановъ писалъ мнѣ рядъ посланій;
Осталась я глуха къ его мольбамъ.
Ирландскій перъ, что былъ отвергнутъ мною,
Себя убилъ... (онъ умеръ отъ запою.)

CL.

«Двухъ грандовъ я совсѣмъ лишила сна;
Епископовъ сводить съ ума умѣла...
За что же безупречная жена
Должна страдать? Я утверждаю смѣло,
Что вы—лунатикъ. Я удивлена,
Что кулаковъ вы не пустили въ дѣло...
Какъ жалки вы съ оружіемъ въ рукахъ!
Вы смѣхъ лишь возбуждаете, не страхъ.

CLI.

«Внимая наущеньямъ прокурора,
Въ далекій путь, какъ будто снарядясь,
Вы скрылись, говоря: вернусь не скоро.
Онъ отъ стыда поднять не можетъ глазъ...
Обоимъ вамъ не смыть съ себя позора.
Но прокуроръ еще подлѣе васъ:
Не вашу честь онъ охранялъ ревниво,—
Нѣтъ, цѣль его была одна нажива.

---

*) Испанскій кортехо—то же самое, что итальянскій cavaliere servente.

CLII.

«Когда онъ хочетъ здѣсь составить актъ,
Пусть пишетъ: вотъ чернила и бумага;
Признать ему придется грустный фактъ,
Что безъ причинъ вся эта передряга...
Коль вами не совсѣмъ утраченъ тактъ,
Пусть удалится сыщиковъ ватага,
Чтобъ дать одѣться горничной моей,
Что плачетъ отъ того, что стыдно ей.

CLIII.

«Ищите и въ передней, и въ уборной;
Прошу, переверните все вверхъ дномъ;
Тамъ—дверь чулана; здѣсь—каминъ просторный:
Какъ знать, быть-можетъ спрятался онъ въ немъ.
Но не шумѣть, я васъ прошу покорно,—
Я спать хочу... Все спитъ еще кругомъ.
Умѣрьте пылъ до отысканья клада;
Его сама я буду видѣть рада.

CLIV.

«За что такъ поступаете со мной?
Вашъ образъ дѣйствій просто непонятенъ.
О, храбрый витязь! кто-жъ любовникъ мой?...
Надѣюсь, онъ уменъ и родомъ знатенъ.
Какъ звать его? Красивъ ли онъ собой?
Онъ вѣрно въ цвѣтѣ лѣтъ, высокъ и статенъ?
Коль запятнать мою рѣшились честь,
На то у васъ причины, вѣрно, есть.

CLV.

«Я думаю, онъ все же васъ моложе;
А если онъ шестидесяти лѣтъ,—
Вамъ, рыцарю, губить его за что же?
И ревновать причины даже нѣтъ.
(Воды, воды скорѣй!) Какъ горько, Боже,
Что скрыть нельзя рыданій, грустный слѣдъ!
О, мать моя! могло-ль тебѣ присниться,
Что съ извергомъ я буду вѣкъ томиться?...

CLVI.

«Къ Антоніи, прислужницѣ моей,
Быть-можетъ, ваша ревность ужь готова
Придраться? Мы, вѣдь, спали вмѣстѣ съ ней;
Въ томъ, кажется, нѣтъ ничего дурнаго.
Я васъ прошу: стучитесь у дверей,
Когда ворваться вздумаете снова,
Чтобъ время дать, приличія любя,
Намъ что-нибудь накинуть на себя.

CLVII.

«Я кончила. Душевная тревога
Мѣшаетъ мнѣ всѣ счеты съ вами свесть;
Но ясно вамъ, какъ сердце можетъ много
Безропотно страданій перенесть...
Предъ совѣстью своей отвѣтить строго
Придется вамъ. Ея ужасна месть...
Мнѣ васъ не жаль,—томитесь и страдайте.
(Антонія, платокъ скорѣй подайте!)»

CLVIII.

Она въ подушки бросилась; сквозь слёзъ
Ея сверкали очи. Такъ порою
Дождь падаетъ при блескѣ вешнихъ грозъ.
Невольно поражая бѣлизною,
Изъ-подъ ея распущенныхъ волосъ
Сквозили плечи. Черною косою
Ихъ оттѣнялся блескъ еще сильнѣй.
Волненье говорить мѣшало ей.

CLIX.

Альфонсо былъ въ смущеніи. Сердито
Антонія шагала, гнѣвный взглядъ
На барина, съ опѣшенною свитой,
Бросая. Кто же былъ скандалу радъ?
Лишь прокуроръ, съ улыбкой ядовитой,
Не унывалъ: кто правъ, кто виноватъ—
Былъ для него вопросъ совсѣмъ не важный,—
Лишь о наживѣ думалъ плутъ продажный.

CLX.

Онъ зорко за Антоніей слѣдилъ,
Поднявши носъ и щуря глазъ лукаво;
Онъ счастье лишь въ процессахъ находилъ,
Не дорожа ничьею доброй славой;
Ни красоту, ни юность не цѣнилъ,
И, по его понятьямъ, были правы
Лишь тѣ, что ублажить съумѣли судъ,
Хотя-бъ и ложь, и подкупъ были тутъ.

CLXI.

Злосчастный мужъ стоялъ совсѣмъ сконфуженъ
И былъ, конечно, жалокъ и смѣшонъ:
Фактъ преступленья не былъ обнаруженъ;
На сторонѣ жены стоялъ законъ;
Невинностью ея обезоруженъ,
Въ своей винѣ раскаявался онъ...
Растерянъ и въ смущеніи глубокомъ,
Безмолвно онъ внималъ ея упрекамъ.

CLXII.

Онъ началъ извиняться передъ ней,
Но отъ нея напрасно ждалъ отвѣта,—
Лишь плакала она. Порой мужей
Такимъ путемъ сживаютъ жены съ свѣта;
Онъ Іова жену сравнилъ съ своей:
Не хуже той язвить умѣла эта;
«Мнѣ будетъ мстить вся женнина родня»,
Подумалъ онъ, поступокъ свой кляня.

CLXIII.

Пробормотать онъ словъ успѣлъ немного.
Антонія его прервала рѣчь,
Сказавъ: «Скорѣй уйдите, ради Бога,
А то синьорѣ въ гробъ прійдется лечь».
Она при томъ на всѣхъ взглянула строго.
Альфонсо, что хотѣлъ скандалъ пресѣчь
И мало пользы ждалъ отъ разговора,—
Ругнувъ жену, изъ спальни вышелъ скоро.

CLXIV.

За нимъ ушелъ и сонмъ его гостей,
Довольный тѣмъ, что кончилъ перебранку;
Лишь прокуроръ толкался у дверей;
Онъ думалъ, какъ бы дѣло на изнанку
Перевернуть ехидностью своей;
Его нахальство взорвало служанку, —
Она сутягу вытолкала вонъ,
Въ его лицѣ обидѣвши законъ.

CLXV.

О, грѣхъ и срамъ! Лишь всѣ исчезли...: Что же?
Какъ тяжело мнѣ продолжать романъ!
Иль слѣпъ весь міръ и небо слѣпо тоже,
Что можетъ правды видъ принять обманъ?
Для женщины вѣдь честь всего дороже...
Я продолжаю не хотя. Жуанъ,
Лишь только двери запереть успѣли,
Почти задохшійся, вскочилъ съ постели.

CLXVI.

Онъ спрятанъ былъ; но это—тщетный трудъ
Вамъ объяснять, какъ онъ отъ взоровъ скрылся;
Жуанъ былъ очень молодъ, гибокъ, худъ
И въ уголку постели пріютился;
Задохнуться легко онъ могъ бы тутъ,
Но еслибъ онъ и умеръ, я-бъ стыдился
Его жалѣть: такъ слаще кончить путь,
Чѣмъ въ бочкѣ, словно Клéренсъ, утонуть.

CLXVII.

Жалѣть его не сталъ бы я, конечно,
И потому, что былъ преступенъ онъ.
Прелюбодѣйства осуждаютъ вѣчно
И нравственность, и церковь, и законъ.
Въ года любви относятся безпечно
Къ такимъ грѣхамъ, — вѣдь бѣсъ тогда силенъ, —
Но въ старости, когда разсчетовъ время,
Какъ тяжело грѣховъ прошедшихъ бремя!

CLXVIII.

Изъ Библіи сравненіе я дамъ,
Что можетъ пояснить его мытарство:
Когда Давидъ изнемогалъ, врачамъ
Пришло на умъ престранное лѣкарство:
Они ему послали, какъ бальзамъ,
Красавицу и ожилъ онъ для царства,
Но иначе пріемъ былъ вѣрно данъ:
Хоть царь воскресъ, чуть не погибъ Жуанъ.

CLXIX.

Альфонсо возвратиться долженъ снова:
Ему гостей не долго проводить;
Бѣда опять обрушиться готова;
Что дѣлать, чтобъ опасность отвратить?
Ужь близокъ день, а можно-ль безъ покрова
Глубокой тьмы успѣшно тайну скрыть?
Антонія въ смущеніи молчала,
А Джулія Жуана обнимала.

CLXX.

Онъ волосы ей гладилъ. Ихъ уста
Сливались въ сладострастное лобзанье;
Въ тотъ сладкій мигъ влюбленная чета
Забыла и опасность, и страданья.
Но время уносилось, какъ мечта...
Антонія пришла въ негодованье:
«Намъ не до шутокъ!—молвила она.—
Я, сударь, въ шкафъ васъ запереть должна.

CLXXI.

«Бѣда еще виситъ надъ головою,
А вамъ на умъ идетъ одна любовь;
До смѣха ли? Какъ справитесь съ грозою,
Коль баринъ встрѣтитъ васъ, являясь вновь?
Все это пахнетъ шуткою плохою:
Того и жди, что будетъ литься кровь, —
Онъ васъ убьетъ, я мѣсто потеряю,
А барыня спасется ли — не знаю.

CLXXII.

«Сударыня, я, право, вамъ дивлюсь
(Прошу идти скорѣй!) Соблазна много
Въ мужчинѣ зрѣлыхъ лѣтъ, но что за вкусъ
Къ смазливому ребенку? (Ради Бога
Проворнѣе влѣзайте.) Я боюсь,
Что баринъ насъ накроетъ. Вотъ тревога!
(До у́тра потерпите какъ-нибудь,
А тамъ... Да вы не вздумайте заснуть!)»

CLXXIII.

Тутъ Джонъ Альфонсо прервалъ назиданья
Антоніи, войдя на этотъ разъ
Совсѣмъ одинъ. Онъ распустилъ собранье
И ей велѣлъ, немедля, скрыться съ глазъ...
Могли-ль теперь помочь ея старанья?
Какъ не исполнить данный ей приказъ?
И вотъ, взглянувъ на барина нахально,
Она, заду́въ свѣчу, ушла изъ спальной.

CLXXIV.

Онъ помолчалъ немного и потомъ
Пустился въ извиненья: онъ сознался,
Что предъ женою виноватъ кругомъ
И что совсѣмъ онъ въ дуракахъ остался,
Сказавъ, что клевета виновна въ томъ;
Но до причинъ поступка не касался
И рѣчь его, пустой и жалкій вздоръ,
Была лишь фразъ безсмысленный подборъ.

CLXXV.

Жена молчитъ, хотя отвѣтить ловко
Она могла-бъ и мужа осадить.
(У женщинъ есть особая снаровка,
Чтобъ изъ воды сухими выходить.
Надъ мужемъ верхъ всегда беретъ плутовка, —
Ей развѣ трудно въ ходъ и ложь пустить?
За связь одну жена упреки-ль слышитъ,
Ихъ мужу три она сейчасъ припишетъ.)

CLXXVI.

Дѣйствительно, она-бъ легко могла
Супруга пристыдить преступной связью
Съ Инесою,—вѣдь эта связь была
Извѣстна всѣмъ; смѣшать Альфонса съ грязью
Ей можетъ-быть стыдливость не дала...
(Но, впрочемъ, нѣтъ,—пропустить ли оказью
Жена язвить супруга?) Можетъ-быть
Хотѣлось ей для сына мать щадить.

CLXXVII.

Еще могла другая быть причина:
Изъ ревности Альфонсо поднялъ шумъ,
Но никого онъ, съ хитростью змѣиной,
Не назвалъ; можетъ-быть и на-обумъ
Онъ дѣйствовалъ; отъ матери до сына
Дойти легко; (хитеръ ревнивый умъ!)
А потому, чтобъ имя скрыть счастливца,
Она безмолвно слушала ревнивца.

CLXXVIII.

Намекъ одинъ—и обнаруженъ фактъ,
Что надо скрыть; въ минуту затрудненья
Почти всегда спасаетъ женщинъ тактъ.
(Для риѳмы только это выраженье
Я въ ходъ пускаю.) Съ правдою контрактъ
Зачѣмъ имъ заключать? Воображенье
Имъ замѣняетъ истину собой,
Къ тому-жь онѣ такъ мило лгутъ порой.

CLXXIX.

Мы вѣримъ имъ, когда стыдливой краски
На ихъ ланитахъ виденъ легкій слѣдъ.
Къ чему борьба? Слезой заблещутъ глазки —
И для борьбы у насъ ужь силы нѣтъ.
Сознаюсь въ томъ, неотразимы ласки,—
Къ чему же споръ? У дамъ всегда отвѣтъ
На все готовъ; имъ здравый смыслъ не нуженъ:
Признай ихъ власть, затѣмъ.... садись за ужинъ.

CLXXX.

Прощенья мужъ просилъ. Жена нашла,
Что лучше кончить брань, и, гнѣвъ скрывая,
Она на миръ согласіе дала.
Но на него эпитемья большая
Супругою наложена была:
Съ нимъ сходенъ былъ Адамъ, лишенный рая.
Онъ не жалѣлъ ни просьбъ, ни нѣжныхъ словъ.
Вдругъ.... наступилъ на пару башмаковъ.

CLXXXI.

Что-жь въ башмакахъ? Какое въ нихъ значенье?
Онъ, вѣрно, ничего бы не сказалъ,
Да въ немъ проснулись страшныя сомнѣнья:
Мужскіе башмаки онъ въ нихъ призналъ.
(Я чуть дышу отъ страха и волненья!)
Ихъ, въ бѣшенствѣ, Альфонсо въ руки взялъ
И, убѣдившись въ вѣрности догадки,
За шпагою помчался безъ оглядки.

CLXXXII.

Къ Жуану въ страхѣ бросилась она,
Шепнувъ ему: «Скорѣй спасаться надо!
Отъ дома дверь едва притворена.
По лѣстницѣ спустись. Вотъ ключъ отъ сада.
Ты проскользнуть успѣешь. Ночь темна,
Прохожихъ нѣтъ, все тихо за оградой,—
Ты скроешься во тьмѣ. Бѣги, бѣги,—
Я слышу мужа гнѣвнаго шаги!»

CLXXXIII.

Совѣтъ недуренъ былъ, все вѣрно это,
Да слишкомъ поздно былъ онъ принесенъ.
(Такъ опытность дается намъ въ тѣ лѣта,
Когда ужъ насъ не тѣшитъ счастья сонъ.)
Еще прыжокъ — и возлѣ кабинета
Жуанъ спастись бы могъ. Къ несчастью, онъ
Столкнулся, въ-попыхахъ, съ Альфонсо ярымъ
И съ ногъ его свалилъ однимъ ударомъ.

CLXXXIV.

Потухла принесенная свѣча.
Антонія и Джулія въ испугѣ
По комнатѣ забѣгали крича,
Но, какъ на грѣхъ, не появлялись слуги.
Отъ бѣшенства, какъ дикій звѣрь, рыча,
Альфонсо жаждалъ мщенья; отъ натуги
И отъ борьбы Жуанъ разсвирѣпѣлъ, —
Быть жертвою онъ вовсе не хотѣлъ.

CLXXXV.

Альфонсо совершенно растерялся;
Упавъ, онъ шпагу выронилъ изъ рукъ
И только кулаками защищался.
Когда бы на нее наткулся вдругъ
Жуанъ, — въ живыхъ не долго бы остался
Злосчастный и озлобленный супругъ....
О, женщины! какъ часто ваша страстность
Влюбленнымъ въ васъ сулитъ одну опасность...

CLXXXVI.

Жуанъ, чтобы скорѣе кончить бой,
Схватилъ врага въ желѣзныя объятья...
У донъ-Альфонсо изъ носу струей
Кровь брызнула отъ этого пожатья;
Ударомъ довершилъ онъ подвигъ свой
И вырвался на волю, бросивъ платья,
Какъ некогда Іосифъ. Сходство съ нимъ
Лишь этимъ выражается однимъ.

CLXXXVII.

Вотъ слуги освѣтили мѣсто схватки...
Безъ чувствъ лежала Джулія, блѣдна,
Какъ смерть сама; Антонія въ припадкѣ;
Альфонсо, весь избитый, у окна
Стоялъ дрожа. Лохмотья въ безпорядкѣ
Вездѣ валялись; кровь была видна....
Тѣмъ временемъ Жуанъ, калитку сада
Толкнувъ проворно, скрылся за оградой.

CLXXXVIII.

Я кончилъ пѣснь. Зачѣмъ вамъ объяснять,
Въ какомъ ужасномъ видѣ, скрытый тьмою,
Что̀ всякій грѣхъ готова поощрять,
Жуанъ пришелъ домой? Отъ васъ не скрою,
Что вся Севилья стала толковать
Объ этомъ происшествіи. Съ женою
Супругъ рѣшилъ покончить чрезъ разводъ—
И вотъ процессъ пустилъ Альфонсо въ ходъ.

CLXXXIX.

Имъ занялась вся англійская пресса;
Во всѣхъ газетахъ можете прочесть
Подробности скабрёзнаго процесса;
На этотъ счетъ редакцій много есть,
Что, безъ сомнѣнья, полны интереса,
Хоть всѣхъ ихъ разнорѣчій и не счесть;
Однакожъ лучше всѣхъ отчетъ Гёрнея *),
Что ѣздилъ въ судъ, чтобъ все узнать вѣрнѣе.

CXC.

Инесса, чтобы Божій гнѣвъ отвлечь
Отъ сына за скандалъ, имъ учиненный,
Дала обѣтъ (Обѣтомъ пренебречь
Она была не въ силахъ!) предъ Мадонной —
Во всѣхъ церквахъ поставить массы свѣчъ.
Затѣмъ, чтобъ шумъ, процессомъ возбужденный,
Немного стихъ и сыну дать вздохнуть,
Отправила его въ далёкій путь.

CXCI.

Чтобы Жуанъ свои исправилъ нравы,
Онъ посланъ былъ въ далекіе края,
Въ надеждѣ той, что новыя забавы,
Его душѣ невинный миръ даря,
Убьютъ въ немъ страсти жгучія отравы.
А Джулія въ стѣнахъ монастыря
Влачила вѣкъ унылый. Вотъ посланье,
Что выяснитъ вполнѣ ея страданья:

*) Гёрней — извѣстный парламентскій стенографъ той эпохи.

CXCII.

«Вы ѣдете; такъ надо можетъ быть....
«Я жертвой остаюсь, но сердца муку
«Я не хочу, не въ силахъ даже, скрыть;
«Свои права теряю я съ разлукой;
«Возможно ли сильнѣй меня любить?
«Волненье въ дрожь мою приводитъ руку.
«Но не ищите слёзъ унылый слѣдъ:
«Мои глаза горятъ, но слёзъ въ нихъ нѣтъ.

CXCIII.

«Все въ жертву принесла я; васъ любила,
«Люблю еще, — чиста любовь моя;
«Какъ свѣтлый сонъ прошедшее мнѣ мило;
«Мнѣ жертвъ не жаль; пусть свѣтъ клеймитъ меня:
«Свою вину давно я осудила
«И, каясь, не оправдываюсь я.
«Не ждите просьбъ; зачѣмъ теперь упреки?
«Но я томлюсь и льются эти строки.

CXCIV.

«Вся наша жизнь любви посвящена;
«Она-жь для васъ минутная забава
«Минутной вспышки. Ваша жизнь полна
«Заботъ, тревогъ; вы гонитесь за славой,
«Вы ищите борьбы; не зная сна,
«Порою честолюбія отравы
«Вкушаете; а намъ дана лишь страсть, —
«Надъ женщиной ея всесильна власть.

CXCV.

«Еще не разъ любви взаимной сладость
«И нѣжность ласкъ придется вамъ вкусить,
«Со мной же на землѣ простилась радость;
«Страдать могу, но не могу забыть.
«Въ слезахъ, въ тоскѣ, моя увянетъ младость.
«Прощайте же! Напрасно можетъ быть,
«Но васъ прошу любить меня, какъ прежде;
«Пусть давитъ скорбь, — все мѣсто есть надеждѣ.

CXCVI.

«Я не имѣла, не имѣю силъ
«Бороться съ сердцемъ. Да борьба напрасна, —
«Могу-ль умѣрить я душевный пылъ?
«Дыханью бурь теченье волнъ подвластно;
«Моей душѣ одинъ лишь образъ милъ,
«Къ одной мечтѣ я рвуся думой страстной.
«Такъ пунктъ одинъ, все къ сѣверу стремясь,
«Указываетъ стрѣлкою компасъ.

CXCVII.

«Все сказано, а кончить жаль посланье.
«Я вся горю; дрожитъ моя рука;
«Разбита грудь; въ душѣ одно страданье;
«Не убиваетъ горькая тоска,
«Коль пережить минуту разставанья
«Могла я. Смерть глуха къ мольбамъ. Пока
«Въ груди моей все сердце будетъ биться,
«Я буду, васъ любя, за васъ молиться!»

CXCVIII.

Короною украшенный листокъ,
Съ обрѣзомъ золотымъ, она избрáла
Для начертанья этихъ нѣжныхъ строкъ;
Печатая письмо, она сдержала
Горючихъ слёзъ нахлынувшій потокъ.
Красивая печать изображалá
На сургучѣ геліотропъ въ цвѣту
Съ такимъ девизомъ: «Elle vous suit partout».

CXCIX.

Вотъ первое Жуана приключенье,
Читатели! Теперь покину васъ.
Когда услышу ваше одобренье,
Со временемъ продолжу свой разсказъ.
(Увы! толпы непостоянно мнѣнье, —
Она капризна; ладить съ ней подчасъ
Не легкій трудъ.) Коль вы довольны мною,
Опять вернусь я къ своему герою.

CC.

Я написать хочу двѣнадцать книгъ;
Моя поэма будетъ эпопея.
Не мало опишу въ стихахъ моихъ
Картинъ и сценъ; предъ властью не робѣя,
И королей не пощадитъ мой стихъ.
Беря во всемъ примѣръ съ пѣвца Энея,
Геенну воспою. Свой трудъ назвавъ
Эпическимъ, какъ видите, я правъ.

CCI.

Все изложу я съ соблюденьемъ правилъ,
Что Аристотель издалъ, какъ законъ.
Онъ на ноги поэтовъ часто ставилъ,
Но и глупцовъ не мало создалъ онъ.
Иныхъ поэтовъ бѣлый стихъ прославилъ,
А я въ куплеты съ риѳмами влюбленъ.
Не въ инструментѣ, а въ артистѣ дѣло.
Мой планъ готовъ,—за трудъ примуся смѣло.

CCII.

Есть разница, однако, между мной
И бардами эпическихъ твореній:
Я не пойду избитою тропой
И въ этомъ я достоинъ предпочтенья.
Но не одною этою чертой
Надѣюсь заслужить я одобренье:
Разсказъ ихъ лживъ съ начала до конца;
Не лучше-ль трудъ правдиваго пѣвца?

CCIII.

Что я правдивъ—не сомнѣвайтесь въ этомъ;
Грѣшно меня въ неправдѣ укорять;
Не вѣрите—къ журналамъ и газетамъ
Вы обратитесь: имъ нельзя солгать.
Не разъ и музыкантамъ, и поэтамъ
Жуана приходилось воспѣвать;
И вся Севилья видѣла со мною,
Какъ онъ погибъ, похищенъ сатаною.

CCIV.

Когда-бъ разстался съ музой я своей
И къ прозѣ обратился, я-бъ оставилъ,
Для назиданья, рядъ заповѣдей,
Которыми себя бы я прославилъ,
Всѣхъ изумилъ бы смѣлостью идей.
Благодаря собранью этихъ правилъ,
Поэтамъ я открылъ бы новый путь,—
Совсѣмъ хоть Аристотеля забудь.

CCV.

«Вѣрь въ Мильтона и Попе. Безъ вниманья
«Вордсворта, Соути, Колриджа оставь!
«Читать ихъ вирши—просто наказанье;
«Господь тебя отъ этого избавь...
«Бороться съ Краббомъ тщетное старанье;
«Чти Роджерса, а Кембэля не славь;
«Хоть Мура сладострастьемъ дышетъ муза,
«Съ ней не ищи грѣховнаго союза.

CCVI.

«Съ поэтомъ Сотби сходства не ищи;
«Изъ зависти не говори, что гадки
«Его стихи; смотри не клевещи!
«(Есть дамы, что на это очень падки.)
«Пиши, какъ я велю, и не взыщи,
«Коль на тебя посыплются нападки—
«За то, что несогласенъ ты со мной;
«Смирись, иль гнѣвъ ты испытаешь мой».

CCVII.

Не думайте, что правиламъ морали
Я чуждъ. Покуда не задѣлъ я васъ,
Не поднимайте шума. Еслибъ стали
Поэму, безпристрастія держась,
Разсматривать,—такой упрекъ едва ли
Я-бъ заслужилъ. Порой игривъ разсказъ,
Но все же я моралью строгой связанъ
И будетъ грѣхъ въ концѣ труда наказанъ.

CCVIII.

Найдетъ ли кто, меня не ставя въ грошъ,
Впадая непонятно въ заблужденье,
Что планъ моей поэмы нехорошъ
И что мое безнравственно творенье,—
Духовному скажу я: это—ложь;
Но если одного съ нимъ будетъ мнѣнья
Иль храбрый воинъ, или критикъ злой,—
Скажу, что взглядъ ошибоченъ такой.

CCIX.

Нельзя не похвалить мои октавы,—
Въ нихъ цѣлый ворохъ нравственныхъ идей;
Учу шутя, мораль смѣшавъ съ забавой.
(Кладутъ въ лѣкарства сахаръ для дѣтей.)
Гоняся за эпическою славой,
Журналу «Brittish» бабушки моей
Я взятку далъ, чтобъ заслужить хваленья
И тѣхъ, что вѣрятъ лишь въ чужія мнѣнья.

CCX.

Издателю пришлось мнѣ заплатить
Не мало. Мнѣ, любезно отвѣчая,
Онъ обѣщалъ стихи мои хвалить.
Не удивитъ угодливость такая...
А если станетъ онъ меня бранить,
Потоки меда желчью замѣняя,
И поднесетъ мнѣ грозный приговоръ,—
Скажу ему, что онъ—презрѣнный воръ.

CCXI.

Благодаря «священному союзу»,
Чтò заключилъ я, не боюся бѣдъ
И за свою не опасаюсь музу.
Мнѣ до другихъ изданій дѣла нѣтъ.
Я на себя не принималъ обузу —
Протекцію искать другихъ газетъ,
Къ тому-жь отъ нихъ напрасно ждать пощады,
Лишь только ихъ не раздѣляешь взгляды.

CCXII.

Я повторять съ Гораціемъ готовъ:
Non ego hoc ferrem Calida juventa
Consule Planco. Приведенныхъ словъ
Вотъ смыслъ: когда путь жизненный, какъ лента,
Передо мной лежалъ и свѣтлыхъ сновъ
Я видѣлъ рой; когда струилась Брента *)
Далеко отъ меня,—и бодръ, и смѣлъ,
Всѣ отражать удары я умѣлъ.

CCXIII.

Теперь простилась молодость со мною;
Мнѣ тридцать лѣтъ, а я и сѣдъ, и хилъ.
Я прожилъ еще раннею весною
Все лѣто дней моихъ. Во мнѣ остылъ
Душевный жаръ; я сознаю съ тоскою,
Что для борьбы ужь не имѣю силъ;
Всѣ блага расточивъ съ безумствомъ мота,
Теперь дошелъ я съ жизнью до разсчета.

CCXIV.

Больное сердце вновь не оживетъ,—
Оно тоской глубокою объято;
Безъ свѣтлыхъ грёзъ тяжеле жизни гнётъ,—
Надежда улетѣла безъ возврата;
Съ цвѣтовъ и я сбиралъ какъ пчелы медъ.
Ужель въ цвѣтахъ нѣтъ больше аромата?
О, нѣтъ, все свѣжъ и все душистъ цвѣтокъ,
Но для другихъ хранитъ свой сладкій сокъ.

CCXV.

Я только сердцемъ жилъ, но безъ пощады
Его разбила жизнь. Прости любовь!
За муки отъ судьбы не жду награды.
Былые сны мнѣ не волнуютъ кровь.
Источникомъ проклятій и отрады
О, сердце! для меня не будешь вновь.
Мнѣ опытность собою замѣнила
Рой свѣтлыхъ грёзъ, но жизнь мнѣ отравила.

---

*) Покинувъ Англію, Байронъ одно время жилъ на берегу Бренты.

CCXVI.

Прошла моя цвѣтущая весна:
Ни женщины, ни дѣвушки, ни вдовы *)
Не могутъ моего тревожить сна;
Не для меня святой любви оковы...
Я не могу, какъ прежде, пить вина
И долженъ обратиться къ жизни новой...
Чтобъ какъ-нибудь еще грѣшить я могъ,
Не выбрать ли мнѣ скупость, какъ порокъ?

CCXVII.

До дна испилъ я чашу наслажденья,
И что-жь?—меня не манитъ жизни пиръ;
Въ душѣ одни тревоги и сомнѣнья;
Я говорю, какъ Бэкона кумиръ:
«Неудержимо времени теченье».
Я молодость сгубилъ и сердца миръ,—
Ихъ воскресить я не имѣю власти;
Мой умъ сгубили риѳмы, сердце—страсти.

CCXVIII.

Что слава?—жалкій звукъ, пустой обманъ.
Она сходна съ высокою горою:
Гора крута, а на верху туманъ.
Хоть часто смерть она несетъ съ собою,
Не мало причиняя жгучихъ ранъ,—
За нею люди гонятся толпою...
Что-жь остается?—жалкій шумъ газетъ,
Негодный бюстъ или плохой портретъ.

CCXIX.

Когда-жь въ обманъ надежды не вводили?
Хеопсъ, гордяся славою своей,
Чтобъ царскій прахъ столѣтья пощадили,
Воздвигнулъ пирамиду—мавзолей.

---

*) «Me nec femina, nec puer
Jam, nec spes animi credula mutui,
Nec certare juvat mero,
Nec vincire novis tempora floribus». *Hor.*

Когда вошли въ гробницу, даже пыли
Отъ муміи не сохранилось въ ней.
Возможно-ль намъ укрыться отъ забвенья,
Когда и самъ Хеопсъ сталъ жертвой тлѣнья?

CCXX.

Философа я все твержу слова:
«Гдѣ жизнь цвѣтетъ, тамъ для нея оковы
«Готовитъ смерть. Мы, смертные, трава,
«Что въ сѣно превращаетъ рокъ суровый.
«Хотя-бъ могла явиться юность снова,
«Все не утратитъ смерть свои права.
«Будь благодаренъ, что не прожилъ хуже,
«Молись, а свой карманъ держи потуже».

CCXXI.

Милѣйшій покупщикъ моихъ стиховъ,
Почтенный мой читатель, на прощанье
Тебѣ я руку жму безъ лишнихъ словъ!
Коль мы поймемъ другъ друга,—до свиданья;
А если нѣтъ, поэму я готовъ
Недописать. Достоинъ подражанья
Такой примѣръ; но, къ горю твоему,
Не многіе послѣдуютъ ему.*

CCXXII.

«Лети мой трудъ! Подъ свѣтлою звѣздою
«Ты родился и принесешь мнѣ честь;
«Не скоро свѣтъ разстанется съ тобою!»
Коль Вордсвортъ сталъ понятенъ, если есть
Читатели у Соути,—съ похвалою
Свои стихи могу я перечесть...
Стихи въ ковычкахъ Соути: это знайте,—
Съ моими ихъ, прошу васъ, не смѣшайте.

П. Козловъ.

Боярская дума древней Руси.

Опытъ исторіи правительственнаго учрежденія въ связи съ исторіей общества.

ГЛАВА IX *).

Боярская дума при князѣ удѣльнаго времени является совѣтомъ главныхъ дворцовыхъ прикащиковъ, бояръ введенныхъ, по особо важнымъ дѣламъ.

Согласно со всѣмъ строемъ управленія въ княжествѣ удѣльнаго времени и боярская дума при тогдашнемъ князѣ является съ такими особенностями, которыя во многомъ отличаютъ ее отъ позднѣйшаго боярскаго совѣта московскихъ государей, хотя послѣдній развился прямо изъ первой. Къ сожалѣнію, трудно рѣшить, насколько эти особенности новы, т. е. перешли ли онѣ въ сѣверныя княжества XIII и XIV в. по наслѣдству съ кіевскаго юго-запада, или впервые возникли при княжескихъ столахъ на сѣверо-востокѣ. Трудность рѣшить это происходитъ отъ того, что мы узнаемъ княжескую думу въ обѣихъ этихъ половинахъ Руси или, точнѣе, въ оба эти періода нашей исторіи, кіевскій и удѣльный, по историческимъ памятникамъ совершенно различнаго характера и, слѣдовательно, узнаемъ ее не съ одинаковыхъ сторонъ. Въ разсказѣ южной лѣтописи XI и XII в. княжеская дума является преимущественно въ рѣшительныя, торжественныя минуты, когда обсуждался вопросъ особенно важный для князя и общества; но мы можемъ только догадываться о томъ, какъ велись текущія дѣла управленія въ тѣхъ ежедневныхъ утреннихъ ея засѣданіяхъ, о которыхъ говоритъ Владиміръ Мономахъ въ своемъ поученіи. Напротивъ, сѣверный лѣтописецъ XIII и XIV в. очень рѣдко и большею частію мимоходомъ упоми-

*) *Русская Мысль*, 1881 г., кн. III.

наетъ о княжеской думѣ; мы знаемъ ее больше всего по отдѣльнымъ частнымъ актамъ XIV и XV в., въ которыхъ отражается ежедневный будничный ходъ высшаго управленія. Впрочемъ, черты, которыми обозначаются въ этихъ актахъ характеръ и дѣятельность удѣльной думы, не перестаютъ принадлежать ей, если даже не ею самою созданы, а достались ей по наслѣдству отъ Руси другихъ вѣковъ и другихъ географическихъ широтъ. Притомъ перемѣна, происшедшая во всемъ складѣ русской жизни съ отливомъ ея на сѣверо-востокъ изъ средняго Поднѣпровья, поможетъ намъ замѣтить по актамъ дѣятельности боярской думы, въ какомъ направленіи должно было измѣниться и это правительственное учрежденіе. Теперь, благодаря удѣльному уединенію сѣверныхъ князей, у нихъ рѣже, чѣмъ у ихъ южныхъ предковъ, бывали рѣшительныя, торжественныя минуты и мелкія будничныя дѣла хозяйственной администраціи княжества становились для нихъ важнѣе прежнихъ воинственныхъ занятій и генеалогическихъ счетовъ.

Прежде всего попытаемся разсмотрѣть составъ думы. Съ удаленіемъ изъ нея городовой старшины правительственный совѣтъ при князѣ сталъ односословнымъ, состоялъ обыкновенно изъ людей высшаго служилаго класса, «бояръ думающихъ». При недостаткѣ свѣдѣній о составѣ старшей дружины у князей XI и XII в. трудно отвѣтить на вопросъ, вступали ли люди городской промышленной аристократіи въ княжескую думу въ званіи бояръ съ тѣхъ поръ, какъ эта дума стала боярской и соціальное разстояніе между обѣими аристократіями, служилой и торговой, столь незначительное въ X в., стало раздвигаться все болѣе. Говоря о верхневолжской Руси XIII и XIV в., скорѣе можно дать утвердительный отвѣтъ на этотъ вопросъ, если въ удѣльное время не было безпримѣрнымъ явленіе, какое встрѣчаемъ въ одномъ случайно уцѣлѣвшемъ актѣ XIV вѣка: это «списокъ съ мѣстной грамоты», въ которой великій князь нижегородскій Димитрій Константиновичъ († 1383 г.) указываетъ, какъ, въ какомъ порядкѣ сидѣть его боярамъ *).

При первомъ чтеніи этотъ любопытный и странный актъ кажется подозрительнымъ; но внимательное его изученіе, ходъ котораго было бы не у мѣста излагать здѣсь, приводитъ къ тому заключенію, что «списокъ» не есть ни поддѣлка, ни точная ко-

*) Списокъ найденъ С. М. Соловьевымъ при дѣлѣ объ А. П. Волынскомъ и напечатанъ въ приложеніи къ XX тому „Исторіи Россіи", стр. 484.

пія съ подлиннаго документа. Поддѣлка прежде всего уцѣпилась бы за имена, чаще другихъ упоминаемыя въ извѣстіяхъ того времени, на которое разсчитанъ апокрифъ. Но эти извѣстія молчатъ о большей части лицъ, выводимыхъ актомъ; однако нѣтъ основанія признать эти лица вымышленными; напротивъ, существованіе почти всѣхъ ихъ въ княженіе Димитрія Константиновича подтверждается намеками или прямыми указаніями въ извѣстіяхъ нѣсколько позднѣйшаго времени. Не видно и побужденія къ поддѣлкѣ. Знаменитаго кабинетъ-министра имп. Анны нижегородская мѣстническая грамота, вѣроятно, заинтересовала упоминаемымъ въ ней тысяцкимъ нижегородскимъ Димитріемъ Алибуртовичемъ, княземъ *Волынскимъ:* это—безвѣстный, даже не упоминаемый, если не ошибаемся, въ нашихъ старыхъ родословныхъ сынъ седьмаго Гедиминовича Любарта; отца взялъ князь Волынскій «къ дочцѣ своей на свое мѣсто на княженіе» за неимѣніемъ собственныхъ сыновей, а сына Любартовича судьба забросила на Волгу откуда-нибудь съ береговъ Стыря или Западнаго Буга. Но Арт. П. Волынскому или кому-нибудь изъ его предковъ не было нужды поддѣльной грамотой привязывать свой родъ къ бѣдному бѣглецу съ Волыни, служившему тысяцкимъ во второстепенномъ княжествѣ: Волынскіе вели свой родъ отъ болѣе знаменитаго въ нашей исторіи куликовскаго героя Димитрія Михайловича Волынскаго Боброка, выходца изъ той же Волынской земли, служившаго бояриномъ у великаго московскаго князя Димитрія Донскаго и даже женившагося на его сестрѣ. Но изложеніе акта въ дошедшей до насъ копіи поражаетъ многими странностями: такъ, въ началѣ грамота говоритъ отъ имени давшаго ее великаго князя Димитрія, а потомъ выражается объ этомъ князѣ уже въ третьемъ лицѣ, переходя постепенно въ простое повѣствованіе о мѣстническомъ распоряженіи князя. Очевидно, мы имѣемъ передъ собой не точную копію, а парафразу подлиннаго акта, чѣмъ объясняются и нѣкоторые обороты рѣчи, несвойственные актовому языку XIV и XV в. Можетъ-быть при этой передѣлкѣ подверглись искаженію и имена нѣкоторыхъ упомянутыхъ въ подлинникѣ лицъ съ ихъ титулами.

Впрочемъ самая любопытная для насъ черта этого «списка» не имѣетъ никакого отношенія къ чьей-либо генеалогической любознательности, благодаря которой онъ попалъ въ слѣдственное дѣло XVIII в. Въ уцѣлѣвшемъ отрывкѣ нижегородской лѣтописи подъ 1371 г. есть разсказъ о набольшемъ нижегородскомъ гостѣ

Тарасѣ Петровѣ, который выкупилъ (изъ Орды) множество плѣнниковъ, «всякихъ чиновъ людей», и у своего великаго князя купилъ вотчины на р. Сундовикѣ за Кудьмой. Въ мѣстнической грамотѣ, какъ она передана въ спискѣ, встрѣчаемъ среди нижегородскаго боярства и служившаго казначеемъ у кн. Димитрія Константиновича боярина Тарасія Петровича Новосильцева, о которомъ списокъ разсказываетъ, что онъ два раза выкупилъ изъ плѣна своего великаго князя и одинъ разъ великую княгиню, за что былъ пожалованъ въ бояре и даже, повидимому, не одинъ: рядомъ съ нашимъ Тарасомъ упомянутъ въ спискѣ, очевидно, братъ его Василій Петр. Новосильцевъ, также бояринъ. Изъ этого случая можно извлечь по крайней мѣрѣ то заключеніе, что въ XIV в. первостепенный служилый чинъ боярина былъ доступнѣе для людей, поднимавшихся изъ среды городскаго промышленнаго класса, чѣмъ сталъ онъ впослѣдствіи: два съ половиной вѣка спустя землякъ Новосильцева и подобно ему купецъ Кузьма Мининъ за свой великій патріотическій подвигъ удостоенъ былъ только званія думнаго дворянина, т. е. чина 3-го класса.

Высшій правительственный классъ или, точнѣе, личный составъ высшаго управленія въ княжествѣ удѣльнаго времени обозначается въ княжескихъ грамотахъ XIV и XV в. названіемъ бояръ *введенныхъ* и *путныхъ* или *путниковъ*. Значеніе этихъ терминовъ не указано въ актахъ съ достаточной ясностью и толкуется сбивчиво; одна изъ причинъ этого въ томъ, что на древнерусскомъ дѣловомъ языкѣ смыслъ слова *путь*, какъ мы видѣли, колебался. Договорныя грамоты князей обыкновенно упоминаютъ о боярахъ введенныхъ и путныхъ въ связи съ одною привилегіей, которою они пользовались и которой не имѣли остальные бояре и служилые люди. По обычному условію княжескихъ договоровъ, служилый человѣкъ отбываетъ ратную службу въ пользу того князя, которому онъ служитъ, хотя бы его вотчина находилась въ другомъ княжествѣ. Но повинность «городной осады» временно отдавала такого служилаго человѣка въ военное распоряженіе чужаго князя,—того, въ чьихъ владѣніяхъ была вотчина слуги: въ случаѣ непріятельскаго нашествія онъ съ своими людьми обязанъ былъ садиться въ осаду для защиты города, въ уѣздѣ котораго владѣлъ землей, «жилъ», по техническому выраженію грамотъ. Отъ этой повинности, очень тяжелой по обстоятельствамъ того времени, были свободны бояре введенные и путные. Отсюда слѣдуетъ, что существовала какая-

то связь, привязывавшая такихъ бояръ къ князю тѣснѣе чѣмъ остальныхъ, не позволявшая имъ отрываться отъ *личной* службы для несенія ратной *поземельной* повинности. Въ договорѣ в. кн. Димитрія Донскаго съ удѣльнымъ серпуховскимъ Владиміромъ Андреевичемъ 1388 г. читаемъ условіе, что когда первый возьметъ дань на своихъ боярахъ на *большихъ* и на путныхъ, тогда и второй долженъ взять дань на своихъ боярахъ «также по кормленью и по путемъ» и передать собранныя деньги великому князю. Здѣсь большими боярами, очевидно, названы тѣ, которые въ другихъ договорныхъ грамотахъ называются введенными. Съ другой стороны, въ нѣкоторыхъ старинныхъ бумагахъ, напримѣръ въ родословной росписи Кикиныхъ, составленной частью по древнимъ жалованнымъ грамотамъ, встрѣчаемъ замѣчаніе объ иномъ служиломъ человѣкѣ XIV—XV в., что онъ былъ у такого-то князя «бояринъ введенный и горододержавецъ», держалъ такіе-то города безъ отнимки. Зная, что значили пути на языкѣ дворцовой хозяйственной администраціи удѣльнаго времени, можно прежде всего подумать, что введенные или большіе бояре были городовые намѣстники князя, пользовавшіеся доходами съ своихъ административныхъ округовъ какъ кормленіемъ, а путные управляли путями, извѣстными вѣдомствами центральнаго или дворцоваго хозяйства, получали содержаніе изъ доходовъ этихъ вѣдомствъ и считались меньшими боярами сравнительно съ введенными *). Но такое толкованіе возбуждаетъ рядъ затрудненій. Во-первыхъ, непонятно, почему областные управители считались большими боярами по отношенію къ главнымъ управителямъ центральныхъ учрежденій, *путей*, а не наоборотъ. Во-вторыхъ, важнѣйшихъ сановниковъ дворцовой администраціи, дворецкаго, казначея, такое толкованіе ставитъ внѣ разряда: это—ни большіе, ни меньшіе бояре, потому что они не были ни намѣстниками, горододержавцами, ни управителями дворцевыхъ путей. Притомъ пути въ значеніи кормленія, т.-е. дворцовыя земли въ пользованіе за службу давались не только меньшимъ слугамъ князя, но и большимъ боярамъ,—не только управителямъ извѣстныхъ путныхъ вѣдомствъ, но и дворцовымъ сановникамъ, вѣдомства которыхъ не назывались путями: въ актахъ встрѣчаемъ дворецкихъ «съ путемъ», постельничихъ, крайчихъ «съ путемъ» и т. д. Вотъ почему и княжескія договорныя грамоты XIV и XV в. не

*) Ср. *Соловьева* «Ист. Росс.», т. IV, стр. 200 по 3-му изданію.

различаютъ строго званій бояръ введенныхъ и путныхъ: здѣсь свободными отъ повинности «городной осады» являются то бояре введенные и путные, то одни путные, но никогда одни введенные. Отсюда слѣдуетъ, что эти званія не были ни несовмѣстимы другъ съ другомъ, ни вполнѣ тожественны; они не исключали одно другаго, но и не совпадали одно съ другимъ, а только соприкасались: введенные обыкновенно пользовались извѣстными дворцовыми землями или доходами «въ путь» на правахъ кормленія и потому считались путными боярами; но не всѣ путники, пользовавшіеся такими кормленіями, были введенными. Далеко не всѣ служилые люди, получавшіе пути въ кормленіе, носили даже боярское званіе: намекъ на это можно видѣть въ договорной грамотѣ можайскихъ князей съ Василіемъ Темнымъ, написанной около 1433 г., гдѣ сказано, что отъ городной осады освобождаются не бояре введенные и путные, а «бояре и путники».

Бояринъ введенный, какъ должностное лицо, обыкновенно является въ тѣхъ жалованныхъ грамотахъ, которыми землевладѣльцы церковные или свѣтскіе освобождались отъ юрисдикціи областныхъ управителей, намѣстниковъ или волостелей, и подчинялись прямо суду самого князя, ставились въ непосредственную зависимость отъ центральнаго правительства: привилегіи, какія получали такіе землевладѣльцы, обыкновенно завершались въ грамотахъ постановленіемъ, что въ случаѣ чьего-либо иска на привилегированномъ лицѣ «ино сужу его язъ великій князь или мой бояринъ введеной». Иныя грамоты вводятъ въ эту обычную формулу любопытный варіантъ: вмѣсто боярина введеннаго является дворецкій. Объясненіе этого варіанта встрѣчаемъ въ одномъ, сколько помнится, неизданномъ актѣ Троицкаго Сергіева монастыря (по г. Переяславлю). У древнихъ нашихъ великихъ княгинь и царицъ былъ свой особый «дворецъ», особое дворцовое вѣдомство съ своимъ служебнымъ и административнымъ штатомъ, съ своими дворцовыми землями, которыя преемственно переходили отъ одной къ другой. Въ 1543 г. «богомольцу матери великаго князя» игумену приписнаго къ Троицкому Махрищскаго монастыря дана была въ память покойной государыни жалованная грамота, въ которой читаемъ: «кому будетъ чего искати на самомъ игуменѣ или на братьѣ и на ихъ людехъ и на крестьянехъ, ино ихъ сужу язъ князь великій или мой бояринъ введеной, у котораго будетъ матери моей великой княгини дворецъ въ приказѣ». Монастырь подчиненъ юрисдикціи дворецкаго вели-

кой княгини, вѣроятно, потому, что значительное количество его земель находилось въ Марининской волости (Переясл. уѣзда), а эта волость, какъ видно изъ другой грамоты того же монастыря, писанной еще при жизни великой княгини Елены (въ 1535 г.), принадлежала къ ея дворцовымъ землямъ. Таковъ былъ обычный порядокъ: и въ церковномъ управленіи привилегированныя лица и учрежденія церковнаго вѣдомства въ XVII в. освобождались отъ суда мѣстныхъ десятинниковъ и судились самимъ патріархомъ или его дворецкимъ *). Значитъ, дворецкій былъ тѣмъ бояриномъ введеннымъ, который служилъ органомъ непосредственнаго княжескаго суда, дворцовой юрисдикціи для тѣхъ, кто освобождался отъ подсудности мѣстнымъ властямъ. Но дворецкій не былъ единственнымъ органомъ этой дворцовой юрисдикціи. Дворцовые слуги и крестьяне, принадлежавшіе разнымъ дворцовымъ *путямъ*, также освобождались отъ боярскаго суда областныхъ управителей и подчинялись княжеской юрисдикціи. Органами этого суда при дворцѣ князя были управители дворцовыхъ путей. По грамотѣ 1540 г. оброчныхъ дворцовыхъ сокольниковъ Авнежской волости (Вологодск. уѣзда) областные управители не судили ни въ чемъ кромѣ дѣлъ высшей уголовной юрисдикціи; иски на нихъ стороннихъ людей разбирались тѣмъ же порядкомъ, какой былъ установленъ для привилегированныхъ лицъ, освобождавшихся отъ подсудности намѣстникамъ и волостелямъ, т. е. ихъ судилъ самъ великій князь; только органомъ этого суда, бояриномъ введеннымъ, которому онъ поручался, является не дворецкій: «ино ихъ язъ сужу самъ князь великій или мой сокольничей». Гдѣ поселенія дворцовыхъ людей и крестьянъ извѣстнаго пути составляли значительныя села, слободы съ деревнями и цѣлыя волости, тамъ центральный управляющій того пути дѣйствовалъ черезъ подчиненныхъ ему мѣстныхъ управителей, посельскихъ, прикащиковъ, путныхъ волостелей. Дворцовые переяславскіе рыболовы, какъ мы видѣли, жили особою слободой на посадѣ г. Переяславля и управлялись волостелями стольнича пути. Въ 1555 г. и эта слобода наравнѣ съ другими городскими и сельскими обществами получила земское самоуправленіе: для суда и управы избраны были излюбленные старосты, «а въ чемъ имъ будетъ управити невозможно, и имъ въ томъ суда своего списки и обоихъ исцовъ присылати къ докладу на Москву къ нашимъ казначеемъ», при-

*) *Иванова* «Опис. Арх. Стар., Дѣлъ» стр. 244.

бавляетъ уставная грамота. Здѣсь мѣсто прежнихъ бояръ введенныхъ занимаютъ для слободы стольнича пути судьи Казеннаго приказа: это потому, что теперь стольникъ уже не былъ управителемъ дворцоваго. вѣдомства, соотвѣтствовавшаго стольничу пути удѣльнаго времени. Но въ началѣ XV в. въ Московскомъ княжествѣ стольникъ былъ еще судебно-административною властью для людей и земель этого пути: когда нужно было помочь частному владѣльцу заселить его пустыя земли, на которыя могли падать повинности этого вѣдомства или которыя находились въ предѣлахъ его административнаго округа, правительство давало землевладѣльцу жалованную грамоту, по которой ни намѣстники того уѣзда, ни стольникъ, ни посельскій съ ихъ тіунами не могли ни брать съ поселенцевъ тѣхъ земель своихъ поборовъ, ни судить ихъ ни въ чемъ кромѣ душегубства и разбоя съ поличнымъ *).

Такъ объясняется правительственное значеніе бояръ введенныхъ. Это были управители отдѣльныхъ вѣдомствъ дворцовой администраціи или дворцоваго хозяйства, какъ-то: дворецкій, казначей, сокольничій, стольникъ, чашникъ и проч. Можно понять, почему въ княжескихъ договорныхъ грамотахъ бояре введенные то подразумѣваются подъ общимъ названіемъ бояръ путныхъ, то отличаются отъ путниковъ, какъ большіе бояре. Путными назывались всѣ чиновники дворцоваго вѣдомства, высшіе и низшіе, получавшіе за службу дворцовыя земли или доходы въ путь или въ кормленіе. Бояринъ введенный былъ вмѣстѣ и путнымъ, потому что обыкновенно пользовался такимъ жалованьемъ; но какъ большой бояринъ, онъ возвышался надъ простыми путниками, которые не были главными управителями отдѣльныхъ вѣдомствъ дворцоваго хозяйства. Занятые постоянно текущими дѣлами дворцоваго управленія, бояре введенные и путные съ своими людьми не могли отрываться отъ своихъ должностей для несенія поземельной повинности «городной осады» и потому князья въ своихъ договорахъ освобождали ихъ отъ этой обязанности. Труднѣе объяснить происхожденіе самаго названія бояръ введенныхъ. Вѣ-

*) Грамота 1423 г. въ Акт. Арх. Эксп. I, № 21. По сотной выписи 1562 г. переяславскіе рыболовы ловили одну ночь «на стольника» (тамъ же, № 261). Вѣроятно, это—особое пожалованіе какому-нибудь лицу, получившему «стольничество съ путемъ», а не должностной административный доходъ стольника, уже не управлявшаго стольничимъ вѣдомствомъ. Въ уставной грамотѣ 1506 г. (тамъ же, № 143) нѣтъ этой «ночи на стольника».

роятно, въ немъ скрывается намекъ на то, что князь, назначая ихъ главными распорядителями своего дворцоваго хозяйства и поручая имъ своихъ домовыхъ слугъ и свои домашнія дѣла, какъ бы *вводилъ* ихъ въ свой дворецъ. Съ меньшею вѣроятностью можно предполагать, что въ этомъ терминѣ скрывается простое этимологическое недоразумѣніе. Въ актахъ обыкновенно читается: «бояринъ *введеной*». Когда въ XVI в. бывалъ докладъ о покупкѣ вотчины для утвержденія сдѣлки въ подлежащемъ приказѣ, бояринъ, судья этого приказа, спрашивалъ продавца между прочимъ: «купчую ему (покупщику) съ нашего боярскаго *вѣдома* даешь ли?» Извѣстно, что значило слово *вѣдать* на древнемъ нашемъ административномъ языкѣ. Можетъ-быть въ этомъ словѣ скрывается корень термина, означавшаго управителей, которые вѣдали, въ вѣдѣніи которыхъ находились дѣла центральнаго дворцоваго управленія, если только филологи признáютъ возможнымъ такое необычное словообразованіе.

Изъ начальниковъ отдѣльныхъ вѣдомствъ дворцовой администраціи, изъ этихъ бояръ введенныхъ собственно и состояла боярская дума удѣльнаго времени. Указанія съ двухъ сторонъ говорятъ въ пользу этого. Во-первыхъ, на это указываетъ позднѣйшій административный языкъ московскихъ канцелярій. Терминъ, о которомъ идетъ рѣчь, здѣсь держался едва-ли не до конца XVI в. и можно замѣтить, что въ актахъ этого времени названіе «введеннаго» было уже устарѣлымъ словомъ, употреблявшимся иногда по удѣльной памяти, подъ которымъ разумѣли «думнаго» человѣка. Въ 1570-хъ годахъ, когда первоприсутствующимъ въ боярской думѣ по смерти кн. И. Д. Бѣльскаго въ 1571 г. остался кн. И. Ѳ. Мстиславскій, думнымъ дьякомъ и управляющимъ Разряднаго приказа былъ В. Я. Щелкаловъ, братъ извѣстнаго въ свое время дипломата Андрея. Въ 1578 г. «бояре кн. И. Ѳ. Мстиславскій съ товарищи да дьякъ В. Щелкаловъ приговорили» прибавить помѣстья служилому человѣку Богдану Уварову: уцѣлѣвшую «память» объ этомъ Щелкаловъ, записавъ приговоръ въ думѣ, сообщилъ изъ своего Разряднаго приказа въ Помѣстный. Въ нѣкоторыхъ актахъ 1571 г. этотъ думный дьякъ называется «дьякомъ введеннымъ». Бояре введенные, какъ мы видѣли, въ грамотахъ удѣльнаго времени зовутся еще «большими»; точно также и въ позднѣйшихъ московскихъ актахъ думные дворяне отличались отъ простыхъ названіемъ «большихъ дворянъ». Бояринъ введенный удѣльнаго вре-

мени въ XVI в. обозначается также названіемъ «старѣйшаго человѣка» князя. Дѣла, неподсудныя областнымъ управителямъ, въ удѣльное время докладывались самому князю или его боярину введенному. Въ 1520 г. тіунъ намѣстника перевитскаго съ Рязани, разбирая дѣло, превышавшее его компетенцію, сказалъ тяжущимся, что онъ доложитъ о немъ «государя великаго князя или человѣка старѣйшаго», и дѣло было доложено боярину Григорью Ѳедоровичу (Давыдову, родственнику дворецкаго В. А. Челяднина, который уже прежде разбиралъ это дѣло и умеръ въ 1518 г.). Административный архаизмъ, какимъ былъ въ XVI в. титулъ «введеннаго», повидимому, служилъ уже тогда почетнымъ отличіемъ и для членовъ думы, такъ что не всякій думный человѣкъ, а только наиболѣе приближенный къ государю изъ думныхъ носилъ это званіе. Упомянутому дьяку введенному Щелкалову не разъ поручались дипломатическія дѣла еще прежде, чѣмъ онъ наслѣдовалъ послѣ брата управленіе Посольскимъ приказомъ. Въ этихъ дѣлахъ онъ являлся съ званіемъ «дьяка ближняго». Въ 1587 г. онъ вмѣстѣ съ другимъ думнымъ дьякомъ Дружиной Петелинымъ, управителемъ Казанскаго дворца, отправленъ былъ въ числѣ великихъ московскихъ пословъ хлопотать на польскомъ избирательномъ сеймѣ объ избраніи царя Ѳедора на престолъ Польши и Литвы; но Петелинъ назывался просто думнымъ дьякомъ, а Щелкаловъ—ближнимъ. Другое указаніе находимъ въ самыхъ актахъ удѣльнаго времени. Когда извѣстное дѣло рѣшалось самимъ княземъ съ его боярскимъ совѣтомъ, въ грамотѣ обыкновенно обозначались имена бояръ, присутствовавшихъ на совѣтѣ. Къ сожалѣнію, при этомъ не всегда указывались должности, какія занимали участвовавшіе въ дѣлѣ совѣтники князя; но тамъ, гдѣ эти должности отмѣчались, мы чаще всего встрѣчаемъ окольничаго, стольника, чашника, иногда казначея, а это все бояре введенные, ближайшіе къ князю придворные сановники, начальники отдѣльныхъ вѣдомствъ дворцовой администраціи, хотя уцѣлѣвшіе акты удѣльныхъ вѣковъ не даютъ прямаго указанія на то, какою частью этой администраціи завѣдывалъ окольничій *).

Итакъ, правительственный совѣтъ князя удѣльнаго времени состоялъ изъ главныхъ дворцовыхъ прикащиковъ: такъ можно

*) Приказн. дѣла Моск. арх. мин. иностр. дѣлъ 1578 г. № 4. Памятн. дипл. снош. т. I, стр. 544 и 1183. *Флетчеръ*, гл. 10. А. Ист. I, №№ 180, 2 и 36. *Пискар*. Др. гр. Ряз. края, № 13.

назвать бояръ введенныхъ и такое названіе поддерживается языкомъ актовъ древней Руси. Въ жалованныхъ грамотахъ привилегированнымъ лицамъ обычное выраженіе удѣльнаго времени: «сужу ихъ язъ, великій князь, или мой бояринъ введенный»— въ XVI в. иногда замѣнялось однозначащею формулой: «сужу ихъ язъ, царь и великій князь, или кому *прикажемъ*».

Теперь обратимся къ актамъ удѣльнаго времени, въ которыхъ дѣла рѣшаются не единолично княземъ или бояриномъ, а совѣтомъ бояръ съ княземъ во главѣ или княземъ въ присутствіи совѣта. Такихъ актовъ уцѣлѣло довольно много отъ удѣльныхъ вѣковъ, начиная съ XIII, и по нимъ можно составить понятіе о томъ, съ какимъ характеромъ и въ какомъ составѣ являлась боярская дума въ правительственной практикѣ. Смоленскій князь Ѳедоръ Ростиславичъ въ 1284 г. разбиралъ споръ нѣмца съ русскимъ: «а ту были на судѣ со мною,—замѣчаетъ князь въ своемъ приговорѣ,—бояре мои» такіе-то; ихъ названо 6, въ томъ числѣ намѣстникъ и окольничій; кромѣ того княжій печатникъ Моисей печаталъ грамоту. Въ томъ же году тотъ же князь заключилъ торговый договоръ съ Ригой; подъ актомъ подписались: за кн. Ѳедора, котораго тогда не было въ Смоленскѣ, кн. Андрей Михайловичъ (кажется, племянникъ Ѳедора), Микула Дядковичъ и намѣстникъ Артемій, который вмѣстѣ съ послѣднимъ поименованъ въ прежнемъ актѣ въ числѣ простыхъ бояръ безъ обозначенія должности; наконецъ, въ договорѣ упомянуты тотъ же печатникъ Моисей и «писецъ княжъ» Ѳедорко, писавшій обѣ грамоты. Не видно, какъ и съ кѣмъ велись переговоры о трактатѣ; но такой важный актъ составленъ въ присутствіи только 4 совѣтниковъ смоленскаго князя. Слѣдуя порядку времени, перейдемъ на окраину Руси, въ другое старинное русское княжество, гдѣ успѣли опредѣлиться и окрѣпнуть политическія отношенія и формы, въ княжество Волынско-Галицкое. Едва ли гдѣ еще на Руси общество получало такой аристократическій складъ. Подъ вліяніемъ мѣстныхъ историческихъ условій въ Галичѣ издавна князья принуждены были дѣйствовать и считаться съ могущественнымъ боярствомъ, которое не разъ рѣшительно торжествовало надъ ними. Притомъ среди постоянныхъ столкновеній съ сосѣдними Польшей и Венгріей на эту русскую окраину имѣли нѣкоторое вліяніе иноземныя политическія понятія и правительственныя формы. Мы застаемъ здѣсь боярскую думу наканунѣ паденія политической самостоятельности княжества. По-

слѣднiй князь волынско-галицкiй Юрiй написалъ двѣ грамоты къ великимъ магистрамъ Нѣмецкаго ордена о мирѣ и дружбѣ, сохранившiяся на латинскомъ языкѣ (1334 и 1335 г.). Здѣсь князь обращается къ магистрамъ съ своими «любезными и вѣрными баронами и воинами» или «соратниками». Въ каждой грамотѣ поименованы 7 совѣтниковъ князя, не всѣ одни и тѣ же въ обѣихъ; каждый изъ нихъ привѣсилъ къ акту свою печать рядомъ съ княжескою. Обозначено придворное или правительственное положенiе почти всѣхъ этихъ бароновъ и соратниковъ князя: то были епископъ галицкiй Ходоръ, дядька князя Димитрiй, Хотько, тiунъ дворскiй (judex nostrae curiae), другой тiунъ Васька Кудриновичъ, воеводы или намѣстники (palatini)—перемышльскiй Гришка Косачовичъ, львовскiй Бориско Кракула и другiе палатины. Въ сѣверо-восточной Руси, въ княжествахъ по Окѣ и верхней Волгѣ, нельзя ожидать установившихся политическихъ формъ и отношенiй, сложнаго правительственнаго механизма. Многiя изъ здѣшнихъ княжествъ, какъ младшiя вѣтви, только еще выдѣлялись изъ старшихъ въ XIV и XV в. по мѣрѣ развѣтвленiя княжескихъ линiй. Это постепенное удѣльное дробленiе вмѣстѣ съ политическими границами колебало и политическiе порядки. Впрочемъ и здѣсь въ составѣ и дѣятельности боярской думы можно замѣтить черты, напоминающiя думу смоленскую и волынско-галицкую. По одной неизданной грамотѣ великiй князь рязанскiй Олегъ Ивановичъ во второй половинѣ XIV в. продалъ селище Солотчинскому монастырю, «поговоря» съ зятемъ своимъ (по сестрѣ), рязанскимъ бояриномъ Ив. Мирославичемъ, и въ присутствiи двухъ бояръ, изъ которыхъ одинъ былъ стольникомъ, а другой чашникомъ. Но тому же князю принадлежитъ другой подобный актъ частнаго характера: Олегъ далъ село Ольгову монастырю, «сгадавъ» съ епископомъ рязанскимъ и съ своими боярами, которыхъ поименовано девять и притомъ одинъ «съ братьей», не перечисленной въ жалованной грамотѣ; въ числѣ этихъ совѣтниковъ князя встрѣчаемъ дядьку, окольничаго и чашника. Въ другихъ случаяхъ при князѣ, у котораго можно предполагать значительное по числу боярство, боярскiй правительственный совѣтъ является въ составѣ еще болѣе ограниченномъ. У преемниковъ Олега, великихъ князей рязанскихъ, былъ большой дворъ, не было недостатка въ боярствѣ; отъ нихъ сохранилось значительное количество актовъ съ обозначенiемъ присутствовавшихъ при ихъ совершенiи совѣтниковъ князя и почти

каждый разъ этотъ совѣтъ составляется всего изъ двухъ бояръ. Внукъ Олега, вел. кн. Иванъ Ѳедоровичъ (1409—1456) далъ дворцовое село Солотчинскому монастырю, «поговоря» съ своимъ дядей, сыномъ упомянутаго выше Мирославича, бояриномъ Григоріемъ Ивановичемъ, и въ присутствіи 4 другихъ бояръ; но, жалуя этому дядѣ своему землю со льготами, тотъ же князь имѣлъ при себѣ только 2 бояръ, одинъ изъ которыхъ былъ стольникъ, присутствовавшій при продажѣ Олегомъ селища тому же монастырю. Иванъ Селивановичъ Коробья, сынъ рязанскаго боярина изъ выѣзжихъ татаръ и родоначальникъ рязанской боярской фамиліи Коробьиныхъ, докладывалъ своему вел. кн. Василію Ивановичу (1464—1483) о совершенной имъ покупкѣ села: «а тогда были у великаго князя бояре» такіе-то, прибавляетъ докладная грамота, называя двухъ бояръ. Въ 1519 г. рязанскій вел. кн. Иванъ далъ деревню дѣтямъ боярскимъ Ворыпаевымъ даже съ однимъ только бояриномъ Ѳ. И. Сунбуломъ. То же встрѣчаемъ и при другомъ большомъ дворѣ. Служилые люди Подосеновы продали свою землю, «доложа вел. кн. Михаила Борисовича» (тверскаго, 1461 — 1485); въ докладной грамотѣ, сохранившейся въ Троицкомъ Сергіевомъ монастырѣ, обозначены имена двухъ бояръ, которые «у доклада были у великаго князя». Даже вел. кн. московскій Василій Темный, мѣняясь селами съ Тр. Сергіевымъ монастыремъ, пишетъ въ мѣновой грамотѣ: «а туто были на мѣнѣ бояре мои», которыхъ названо трое. Такой же составъ имѣлъ въ ежедневной правительственной практикѣ и совѣтъ значительнаго удѣльнаго князя. Дума князя верейскаго около половины XV в. составлялась по одному дѣлу изъ 3, по другому изъ 2 бояръ; а когда этотъ князь, выслушавъ докладъ о размежеваніи своей земли съ землей Тр. Сергіева монастыря, велѣлъ дать монастырскому повѣренному межевую или «разъѣздную» грамоту, «туто былъ у него» всего одинъ его бояринъ кн. В. В. Ромодановскій *).

Изъ изложеннаго перечня видно, что боярскій совѣтъ при князѣ удѣльнаго времени не имѣлъ опредѣленнаго состава. Со-

*) Русско-Лив. акты, № 37. Собр. гос. гр. и дог. II, № 3. *Карамз.* IV, прим. 276; см. тамъ же прим. 203 о думѣ галицкаго князя Льва по грамотамъ 1292 и 1301 г.; впрочемъ Карамзинъ сомнѣвается въ подлинности этихъ актовъ. Акты Вердеревскихъ и Ворыпаевыхъ въ рукописной Родословной *Иванова* въ Моск. арх. мин. юстиц. А. Н. I, № 2. *Пискар*. Др. гр. Ряз. края, №№ 3 и 4. А. до Юр. быта II, № 156, VIII. Г. *Калачова* Арх. ист.-юр. св., кн. 2, полов. 1-я, отд. 3, стр. 129.

вѣтниками князя были всѣ его бояре введенные. «Мѣстная» нижегородская грамота XIV в., перечисляя повидимому обычныхъ совѣтниковъ в. кн. Димитрія Константиновича, называетъ 8 лицъ, въ томъ числѣ тысяцкаго княжеской столицы и казначея; на одномъ засѣданіи совѣта современника Димитріева, вел. кн. рязанскаго Олега, присутствовало болѣе 9 бояръ; даже у Владиміра Андреевича, удѣльнаго серпуховскаго князя того же времени, было 10 бояръ введенныхъ и путныхъ, не говоря уже о боярахъ вел. князя московскаго. Но обычныя засѣданія совѣта составлялись далеко не изъ всѣхъ бояръ, и трудно замѣтить, чѣмъ опредѣлялся этотъ составъ. Иныя дѣла князь рѣшалъ, «сгадавъ» съ довольно значительнымъ числомъ совѣтниковъ, даже иногда при участіи высшаго мѣстнаго представителя церковной іерархіи; при рѣшеніи другихъ, повидимому, столь же важныхъ или столь же неважныхъ дѣлъ присутствовало всего два-три боярина даже при такихъ дворахъ, гдѣ ихъ всегда можно было собрать гораздо больше.

Объясняя, почему составъ боярской думы удѣльныхъ вѣковъ былъ такъ измѣнчивъ, надобно коснуться политическаго значенія тѣхъ актовъ удѣльнаго времени, которые исходили отъ князя съ его боярскимъ совѣтомъ. Акты эти въ большинствѣ частнаго характера: это все — жалованныя, докладныя и т. п. грамоты. Но въ такихъ именно актахъ и выражалось княжеское законодательство того времени. Оно не знало основныхъ законоположеній, общихъ регламентовъ; точнѣе говоря, при установленіи правительственнаго и общественнаго порядка оно шло не отъ такихъ законоположеній и регламентовъ, опредѣляя ими частные случаи, а наоборотъ. Каждый частный случай, разрѣшенный въ извѣстномъ смыслѣ по указанію опыта или потребности данной минуты, становился прецедентомъ; приговоръ правительства по частной просьбѣ служилъ примѣромъ, образцомъ на долгое время для многихъ однородныхъ ходатайствъ. Такъ мозаически складывался общій порядокъ. Значитъ, частные акты, исходившіе отъ князя съ его боярскимъ совѣтомъ, имѣли учредительное значеніе, какъ бы ни были мелки опредѣлявшіяся ими отношенія; читая всѣ эти жалованныя, докладныя и т. п. грамоты, въ значительномъ количествѣ уцѣлѣвшія отъ удѣльнаго времени, мы присутствуемъ при строеніи удѣла, слѣдовательно при закладкѣ основаній правительственнаго и общественнаго порядка въ Московскомъ государствѣ, строй котораго былъ послѣ-

довательнымъ развитіемъ удѣльнаго. Такой ходъ дѣлъ былъ неизбѣжнымъ послѣдствіемъ процесса, которымъ создавалась удѣльная Русь. Удѣлъ въ ту минуту, когда на немъ садился тотъ или другой князь, не былъ готовымъ обществомъ съ установившимися отношеніями, съ достаточно устроившимся правительственнымъ, общественнымъ и экономическимъ бытомъ, который оставалось бы только скрѣпить общими законоположеніями. Все только завязывалось, только еще прокладывало себѣ дорогу; однородныя явленія опредѣлялись законодательствомъ по мѣрѣ того, какъ возникали одно за другимъ. Какъ съ развитіемъ колонизаціи изъ новаго села, постепенно оброставшаго новыми деревнями, возникалъ новый административный округъ, волость; такъ, по мѣрѣ успѣховъ хозяйственной эксплуатаціи княжества, въ центральномъ его управленіи появлялись все новыя вѣдомства. Дворецъ князя былъ первичнымъ зерномъ, изъ котораго выросло все, въ значительныхъ княжествахъ довольно сложное, центральное управленіе удѣльнаго времени, какъ дворецкій былъ первообразомъ центральнаго администратора, боярина введеннаго и потомъ судьи московскаго приказа. Гдѣ на дворцовыхъ земляхъ достигала значительныхъ размѣровъ разработка «бортныхъ ухожьевъ», рыбныхъ ловель и другихъ стольничьихъ угодій, тамъ рядомъ съ дворецкимъ становились стольникъ и чашникъ, даже два стольника и чашника. Въ большихъ княжествахъ очень рано должны были явиться около дворецкихъ окольничіе, казначеи, конюшіе, стольники, чашники, ловчіе и проч.; въ мелкихъ удѣлахъ штатъ дворцовой администраціи и въ позднѣйшее время не достигалъ такой полноты развитія. Образованіе постоянныхъ отдѣльныхъ вѣдомствъ дворцоваго управленія, установленіе однообразнаго порядка текущаго дѣлопроизводства было вызвано постепеннымъ накопленіемъ или частымъ повтореніемъ однородныхъ правительственныхъ дѣлъ, а это накопленіе или повтореніе было слѣдствіемъ успѣховъ развитія извѣстныхъ общественныхъ отношеній и интересовъ. Но прежде, чѣмъ эти отношенія и интересы проторили себѣ привычную дорогу въ удѣльномъ управленіи и улеглись въ извѣстныхъ вѣдомствахъ, они являлись передъ удѣльнымъ правительствомъ экстренными дѣлами, которыя разрѣшались такимъ же экстреннымъ способомъ. Здѣсь начало тѣхъ правительственныхъ порученій, временныхъ и случайныхъ, посредствомъ которыхъ вершились дѣла прежде, чѣмъ образовались для нихъ постоянныя учрежденія. Такой порядокъ веденія дѣлъ

былъ замѣтенъ въ разныхъ отрасляхъ московскаго управленія даже XVI вѣка; и въ это время чиновника, завѣдывавшаго той или другою частью дворцоваго хозяйства, иногда встрѣчаемъ за правительственнымъ дѣломъ, не имѣвшимъ, повидимому, ничего общаго съ тѣмъ вѣдомствомъ, къ которому онъ принадлежалъ по своей должности: дворцовый дьякъ ѣздилъ посланникомъ къ императору германскому, а казначей назначался «въ отвѣтъ» для переговоровъ съ иностраннымъ посольствомъ, пріѣхавшимъ къ московскому государю, или вмѣстѣ съ дьякомъ Казанскаго дворца посылался на границу на съѣздъ съ шведскими послами для заключенія мира. Въ княжествѣ сѣверо-восточной Руси удѣльнаго времени, только еще устроявшемся, правительству на каждомъ шагу встрѣчались дѣла, которыя не укладывались въ существовавшія постоянныя учрежденія. Самый языкъ старинныхъ актовъ долго хранилъ на себѣ слѣды того, что въ высшей удѣльной администраціи для многихъ правительственныхъ дѣлъ не существовало спеціальныхъ постоянныхъ должностей или учрежденій, а дѣлались особыя временныя назначенія. Выше было уже замѣчено, что жалованныя грамоты XIV и XV в., опредѣляя подсудность привилегированнаго землевладѣльца, обыкновенно выражаются, что судитъ его самъ князь или его бояринъ введенный, не указывая, какой именно по должности, какъ бы разумѣя того, который будетъ нарочно назначенъ для этого. Позднѣе, когда вѣдомства въ центральномъ управленіи разграничились, грамоты стали точнѣе обозначать этого боярина введеннаго, говоря, что жалуемое лицо судитъ самъ князь или его дворецкій.

Всѣ чрезвычайныя для тогдашняго управленія дѣла, случавшіяся однако довольно часто, восходили, разумѣется, къ самому князю и рѣшались тѣмъ же способомъ особыхъ порученій. Вопросъ объ этомъ способѣ представляетъ нѣкоторый историческій интересъ, потому что касается происхожденія центральныхъ правительственныхъ учрежденій, дѣйствовавшихъ въ Московскомъ государствѣ XVI и XVII в. Форма порученій не всегда была одинакова, если можно такъ выразиться о правительственныхъ лицахъ, на которыя они возлагались. На это различіе указываютъ жалованныя грамоты, когда говорятъ, что привилегированнаго землевладѣльца судитъ самъ князь или его бояринъ введенный. Слова этой формулы не значатъ, что все равно, судитъ ли въ этомъ случаѣ самъ князь или бояринъ введенный: судъ того и другаго—это различные виды дворцоваго или централь-

наго суда, которые иногда прямо различаются и въ актахъ. Великій князь Иванъ III далъ въ кормленіе волость Бѣль Кушальскую въ Тверскомъ уѣздѣ дмитровскому намѣстнику Еремѣеву, и въ жалованной грамотѣ прибавлено, что въ случаѣ иска на людяхъ той волости со стороны «введенные мои бояре не судятъ, а судитъ ихъ намѣстникъ нашъ, или ихъ сужу язъ самъ великій князь» *). Частное привилегированное лице подлежало суду самого князя или его боярина введеннаго. Но намѣстникъ не былъ частнымъ лицомъ: по своимъ правительственнымъ полномочіямъ онъ самъ становился въ положеніе боярина введеннаго, надъ которымъ стояла одна власть князя, и потому дѣла, переносившіяся изъ намѣстничьей волости въ центральное управленіе, восходили къ самому князю помимо того или другаго боярина введеннаго. Такое отношеніе намѣстника къ центральному правительству можно сопоставить съ 75-ю статьей Судебника 1550 г., по которой вызывать намѣстника изъ его округа раньше, чѣмъ онъ «съѣдетъ съ жалованья», можно было только по тѣмъ записямъ, «которую запись велятъ дати бояре, приговоря вмѣстѣ, а одному боярину и дьяку пристава съ записью не давати». Вызвать намѣстника могла только боярская дума, т.-е. самъ государь, а не бояринъ, управлявшій тѣмъ или другимъ приказомъ. Значитъ, въ разсматриваемомъ выраженіи жалованныхъ грамотъ о подсудности самому князю или его боярину введенному различаются судъ боярскаго совѣта при князѣ и единоличный судъ того боярина, которому князь поручалъ дѣло. Обычная формула жалованныхъ грамотъ, опредѣляющая подсудность привилегированныхъ лицъ, можно думать, идетъ отъ того еще времени, когда въ центральномъ управленіи княжества впервые начали разграничиваться правительственныя инстанціи, какими впослѣдствіи являются московскій приказъ и московская боярская дума.

Если такое объясненіе указанной формулы жалованныхъ грамотъ заслуживаетъ вѣроятія, то по частнымъ актамъ, уцѣлѣвшимъ отъ удѣльнаго времени, мы застаемъ боярскую думу въ ея первоначальномъ, еще неотвержденномъ состояніи и можемъ слѣдить, какъ изъ княжескаго совѣта, случайнаго и измѣнчиваго по составу и кругу дѣлъ, она превращается въ учрежденіе съ твердыми формами и опредѣленнымъ вѣдомствомъ. Съ теченіемъ времени все большее количество дѣлъ, превышавшихъ компе-

*) «Времен. Общ. Ист. и Древн. Росс.», кн. 20, смѣсь, стр. 23.

тенцію областныхъ правителей, но имѣвшихъ уже прецеденты, ставшихъ обычными, рѣшалъ тотъ или другой бояринъ введенный по особому порученію отъ князя или въ качествѣ начальника особаго постояннаго вѣдомства. Но въ свое время подобныя дѣла имѣли значеніе экстренныхъ, и тогда каждое такое дѣло восходило къ самому князю. Послѣдній призывалъ къ себѣ для его рѣшенія нѣкоторыхъ изъ своихъ бояръ, имена которыхъ и прописывались въ актѣ, излагавшемъ приговоръ совѣта: такъ въ иной грамотѣ читаемъ, что на докладѣ объ извѣстномъ дѣлѣ у князя были такіе-то бояре или что князь пожаловалъ извѣстное лице окольничимъ и чашникомъ или *съ* окольничимъ и чашникомъ такими-то. Составъ такого совѣта зависѣлъ отъ усмотрѣнія князя. При недостаткѣ знакомства съ подробностями административныхъ отношеній времени и мѣста этотъ составъ кажется совершенно случайнымъ; притомъ грамоты не всегда обозначаютъ должности бояръ, составлявшихъ совѣтъ князя при рѣшеніи дѣла. Въ большей части случаевъ нѣтъ возможности догадаться, почему на совѣтѣ у князя присутствовали такіе-то бояре, почему однородныя, повидимому, дѣла иногда рѣшаются въ присутствіи окольничаго и чашника, иногда стольника и двухъ чашниковъ. Но по нѣкоторымъ грамотамъ можно заключать, что составъ такихъ совѣтовъ въ иныхъ случаяхъ опредѣлялся извѣстными административными соображеніями. Грамота рязанскаго князя Ивана Ѳедоровича, утверждая служилыхъ людей Бузовлевыхъ во владѣніи наслѣдственнымъ селомъ, жалуетъ имъ при этомъ обычныя землевладѣльческія льготы *). Въ актѣ обозначены имена двухъ бояръ, присутствовавшихъ при его совершеніи, окольничаго и чашника; трудно объяснить присутствіе перваго, но второй имѣлъ прямое административное отношеніе къ дѣлу, потому что къ селу, о которомъ говоритъ грамота, принадлежала «вотчина, земля бортная», а доходы князя съ частныхъ бортныхъ угодій, если послѣднія не были освобождены отъ налоговъ особымъ пожалованьемъ, вѣдалъ чашникъ. Здѣсь надобно искать причины, почему князь, обладавшій значительнымъ боярствомъ и рѣшавшій мелкія частныя дѣла съ двумя, даже иногда съ однимъ бояриномъ, по дѣламъ особенно важнымъ созывалъ многочисленный совѣтъ. Великій князь рязанскій Олегъ Ивановичъ, жалуя Ольгову монастырю село Арестовское, подтвердилъ право обители на

---

*) Акты рода Бузовлевыхъ въ Родосл. *Иванова*.

владѣніе обширною вотчиной, пріобрѣтенной ею отъ прежнихъ рязанскихъ князей и бояръ и состоявшею изъ многихъ бортныхъ земель и погостовъ, съ озерами, бобровыми ловлями, перевѣсищами и со всѣми пошлинами: все это касалось многихъ вѣдомствъ княжеской администраціи. Притомъ Олегъ отдавалъ богатую обитель въ пожизненное управленіе игумену Арсенію съ правомъ назначить себѣ преемника, а это прямо касалось епархіальнаго рязанскаго архіерея. Такое важное и сложное дѣло великій князь рѣшаетъ, «сгадавъ» съ отцомъ своимъ владыкою Васильемъ и со многими боярами, въ числѣ которыхъ названы и окольничій и чашникъ; но въ актѣ нѣтъ и намека на то, чтобъ это было общее собраніе всѣхъ наличныхъ совѣтниковъ князя. Памятники удѣльнаго времени не даютъ возможности видѣть, насколько правильно и послѣдовательно проводился такой правительственный подборъ совѣтниковъ въ боярскихъ совѣтахъ разныхъ княжествъ; онъ былъ, разумѣется, возможенъ только тамъ, гдѣ центральное дворцовое управленіе достигло нѣкотораго развитія и расчлененія, нѣкотораго отверждѣнія вѣдомствъ. Благодаря такому подбору, боярскій совѣтъ при князѣ, первоначально случайный и измѣнчивый по составу, потомъ, оставаясь измѣнчивымъ по-прежнему, по крайней мѣрѣ въ значительныхъ княжествахъ становился менѣе случайнымъ, составлялся изъ тѣхъ бояръ введенныхъ, которыхъ наиболѣе касалось извѣстное дѣло по роду управляемыхъ ими вѣдомствъ. Такіе боярскіе совѣты, составлявшіеся особо для каждаго дѣла или для нѣсколькихъ дѣлъ изъ прикосновенныхъ къ нимъ управителей, на современномъ административномъ языкѣ можно было бы назвать правительственными коммиссіями, еслибы только при коммиссіи не предполагалось общее собраніе, на утвержденіе котораго восходятъ ея рѣшенія. Вопросъ о существованіи общихъ собраній княжескихъ совѣтниковъ рядомъ съ тѣсными и частными совѣтами едва ли приложимъ къ правительственнымъ порядкамъ и понятіямъ того времени, и мы нигдѣ не находимъ намека на нихъ. Правительственная практика была еще такъ проста, что не возбуждала въ правителяхъ мысли о различіи между общимъ собраніемъ боярской думы и думскою коммиссіей. Обыкновенные, такъ сказать, ежедневные совѣты, какими они являются при князѣ по актамъ удѣльнаго времени, скорѣе можно было бы назвать отдѣленіями или департаментами боярской думы, еслибы встрѣтились въ памятникахъ указанія на то, что одни дѣла князь постоянно рѣшалъ, напримѣръ, съ

стольникомъ и чашникомъ, а другія—всегда съ дворецкимъ, окольничимъ и т. п. При отсутствіи такихъ указаній остается признать, что боярская дума, смотря по важности дѣла, собиралась въ болѣе полномъ или въ менѣе полномъ составѣ; но состояла ли она изъ двухъ бояръ или изъ десяти, даже съ представителемъ мѣстной церковной власти, въ томъ и другомъ случаѣ это была все та же обыкновенная боярская дума подъ предсѣдательствомъ князя и ея постановленіе считалось окончательнымъ приговоромъ самого князя. Въ правительственныхъ соображеніяхъ послѣдняго могло быть мѣсто вопросу, кого изъ наличныхъ бояръ призвать на совѣтъ по извѣстному дѣлу; но трудно себѣ представить, что̀ могло побудить его думать о томъ, сколько ихъ призвать.

Два обстоятельства должны были мѣшать развитію мысли о правительственномъ значеніи числа, о политической ариѳметикѣ, вообще о составныхъ элементахъ боярскаго совѣта при князѣ. Во-первыхъ, мы ошиблись бы, еслибы стали представлять себѣ боярскую думу того времени законодательнымъ или совѣщательнымъ собраніемъ государственныхъ совѣтниковъ, все правительственное назначеніе которыхъ только въ томъ и состояло, чтобы собираться и вотировать законы или давать князю полезные совѣты; званіе боярина еще не получило такого спеціальнаго правительственнаго значенія. Онъ былъ просто старшимъ служилымъ человѣкомъ князя и удовлетворялъ различнымъ потребностямъ княжескаго управленія. Онъ водилъ полки своего князя въ походы, былъ въ то же время бояриномъ введеннымъ, т. е. занималъ какую-нибудь должность по центральному дворцовому управленію, и служилъ орудіемъ областной администраціи, получалъ какой-либо городъ въ кратковременное кормленіе за свою службу: вотъ почему объ иномъ бояринѣ удѣльнаго времени родословныя росписи говорятъ, что онъ былъ у своего князя «бояринъ введенный и горододержавецъ». Все это должно было сообщать кругу наличныхъ совѣтниковъ князя значительнаго княжества характеръ подвижнаго и измѣнчиваго общества. Всѣ бояре, занимавшіе должности по военному, дворцовому и областному управленію, считались совѣтниками князя; но чѣмъ сложнѣе становилось управленіе, тѣмъ болѣе должно было увеличиваться количество бояръ, которыхъ можно, примѣняясь къ языку Свода Законовъ, назвать «неприсутствующими членами» княжескаго совѣта, и тѣмъ труднѣе было возникнуть мысли о постоянномъ

или нормальномъ численномъ составѣ боярской думы. Съ другой стороны, боярство извѣстнаго княжества удѣльнаго времени далеко не было постоянной мѣстною корпораціей привилегированныхъ землевладѣльцевъ, въ силу этого принимавшихъ участіе въ управленіи княжествомъ въ качествѣ совѣтниковъ князя. Бояринъ былъ такою же случайностью въ княжествѣ, гдѣ служилъ, какъ и всякій другой свободный обыватель: онъ свободно переѣзжалъ отъ князя къ князю, могъ имѣть и не имѣть земельной собственности тамъ, гдѣ служилъ, и часто имѣлъ землю не тамъ, гдѣ служилъ; его служебныя отношенія, его правительственное значеніе не были связаны съ землевладѣльческимъ его положеніемъ; онъ былъ совѣтникомъ князя потому, что былъ его слугой, а не потому, что былъ землевладѣльцемъ въ его княжествѣ, какъ не былъ слугой его потому, что владѣлъ вотчиной въ предѣлахъ его владѣній, хотя часто становился вотчинникомъ въ княжествѣ потому, что служилъ его князю. Поэтому въ исторіи боярской думы не замѣтно многихъ явленій, какія встрѣчаемъ въ исторіи подобныхъ учрежденій тамъ, гдѣ верховная власть имѣла дѣло съ такими обществами привилегированныхъ землевладѣльцевъ. Такъ средневѣковые короли Франціи должны были вести съ ними борьбу по вопросамъ о составѣ высшаго центральнаго управленія и въ частности своего правительственнаго совѣта. Не безъ труда удавалось имъ превратить извѣстный придворный санъ, наслѣдственно связанный съ однимъ леномъ, въ правительственную должность по королевскому назначенію (dignitas non propria, sed mandata), какъ это было съ великимъ сенешалемъ при Капетингахъ. Они должны были одолѣть сопротивленіе главныхъ феодаловъ королевства, чтобы слить совѣтъ пэровъ съ совѣтомъ главныхъ сановниковъ королевскаго дворца (ministeriales palatii domini regis, наши бояре введенные, съ названіями придворныхъ должностей, близко напоминающими нашихъ дворецкаго, чашника, конюшаго и т. д.). Точно также нужны были усилія, чтобы дать мѣсто и значеніе въ королевскомъ совѣтѣ или парламентѣ на-ряду съ баронами и прелатами приказному элементу, если позволено будетъ такъ назвать легистовъ, знатоковъ римскаго права съ ихъ теоріей королевской власти и стремленіемъ къ политической централизаціи. Въ боярскомъ совѣтѣ русскаго князя удѣльныхъ вѣковъ, даже такого значительнаго, какимъ былъ московскій въ началѣ XV в., не встрѣчались элементы столь разнородные по происхожденію и по-

литическому характеру. Бояринъ введенный обыкновенно былъ крупнымъ землевладѣльцемъ въ княжествѣ; но, занимая должность по дворцовому княжескому управленію, онъ дѣйствовалъ исключительно по полномочію, полученному отъ князя, имѣлъ значеніе его большаго приказщика; онъ былъ въ то же время и привычнымъ авторитетомъ для подчиненныхъ, и знатокомъ правительственнаго дѣлопроизводства. Въ средѣ боярскаго совѣта русскому великому князю не приходилось различать совѣтниковъ наслѣдственныхъ и пожалованныхъ (les conseillers nés et les conseillers faits, пэры и коронные сановники) и противопоставлять однихъ другимъ. Въ большихъ княжествахъ удѣльнаго времени встрѣчаемъ извѣстія о боярскихъ фамиліяхъ, какъ будто наслѣдственно пользовавшихся извѣстными правительственными должностями: такъ родословная тверскихъ бояръ Шетневыхъ говоритъ о дѣдѣ, отцѣ и внукѣ, преемственно занимавшихъ въ Твери XIII—XIV в. должность тысяцкаго; ту же должность занимали въ Москвѣ при Иванѣ Калитѣ и его преемникахъ родоначальникъ Вельяминовыхъ Протасій-Вельяминъ съ сыномъ и внукомъ. Но это было слѣдствіемъ правительственныхъ соображеній князя, а не какого-либо независимаго отъ него политическаго значенія фамиліи среди мѣстнаго общества. Значитъ, совѣтники князя были простыми административными его орудіями, а не политическими голосами: ихъ не было нужды считать при рѣшеніи дѣлъ и рѣдко приходилось съ ними считаться въ политическихъ затрудненіяхъ.

Сравненіе боярской думы русскаго князя удѣльнаго времени съ правительственнымъ совѣтомъ средневѣковыхъ французскихъ королей помогаетъ лучше видѣть, чѣмъ не была и не могла быть первая; ея сравненіе съ правительственнымъ совѣтомъ другаго ближайшаго къ Москвѣ и притомъ полурусскаго государства поможетъ разсмотрѣть, чѣмъ она была на самомъ дѣлѣ и что значили ея члены въ ежедневномъ правительственномъ обиходѣ. Встрѣчая подъ какой-либо жалованною грамотой князя удѣльнаго времени перечень именъ двухъ или трехъ бояръ, присутствовавшихъ у князя при совершеніи акта, въ первую минуту недоумѣваешь, засѣданіе ли это боярской думы или что иное. Великій князь московскій Василій Димитріевичъ промѣнялъ митрополиту Кипріану слободу Святославлю на митрополичій городъ Алексинъ. Обѣ власти совершили мѣну съ своими боярами и подъ актомъ подписаны были имена шести бояръ великокняжескихъ и пяти митрополичьихъ: частная ли это сдѣлка съ обозна-

ченіемъ свидѣтелей, или соединенное засѣданіе двухъ думъ,—и двухъ ли думъ или только ихъ коммиссій?—И то и другое въ извѣстномъ смыслѣ: и частная сдѣлка при свидѣтеляхъ по формѣ, и актъ двухъ правительственныхъ совѣтовъ по существу, хотя мы не можемъ сказать, состоялся ли онъ на соединенномъ засѣданіи обоихъ или какъ иначе. Князь удѣльнаго времени былъ государь съ правами верховной власти и собиравшійся при немъ совѣтъ бояръ былъ государственный совѣтъ въ тогдашнемъ смыслѣ этихъ словъ. Но управленіе въ княжествѣ того времени складывалось по типу частной привилегированной вотчины и заимствовало формы изъ круга частныхъ юридическихъ отношеній. Такой политическій актъ, какъ передача княжества наслѣдникамъ, совершался посредствомъ духовной грамоты, по формѣ сходной съ завѣщаніемъ частнаго лица. Въ XV в. политическій бытъ и общественныя отношенія обѣихъ половинъ Руси, западной Литовской и восточной, объединявшейся подъ властію Москвы, представляли еще много сходнаго. Жалованныя грамоты великихъ князей литовскихъ, какъ и нашихъ, обыкновенно оканчиваются перечнемъ совѣтниковъ, въ присутствіи которыхъ совершался актъ, и этотъ перечень начинается почти тѣми же словами: «а при томъ были» такіе-то паны. Извѣстны двѣ однородныя грамоты в. кн. Свидригайла, написанныя въ 1438 году на разстояніи менѣе чѣмъ трехъ мѣсяцевъ. Личный составъ великокняжескаго совѣта не могъ измѣниться значительно въ такой короткій промежутокъ времени; между тѣмъ подъ первымъ актомъ обозначены имена одиннадцати пановъ, подъ вторымъ—восьми, и изъ всѣхъ этихъ именъ всего три стоятъ въ обоихъ актахъ. Еще скромнѣе по составу правительственный совѣтъ, изъ котораго исходили жалованныя грамоты короля польскаго и великаго князя литовскаго Казимира: въ этомъ отношеніи онѣ близко напоминаютъ акты рязанскихъ князей XV в. Изъ двухъ грамотъ 1450 г. одному и тому же пану подъ одной, данной въ Вильнѣ, значится четыре панскихъ имени, а подъ другой, написанной въ Гроднѣ всего недѣлю спустя, только три, и имена эти въ обоихъ актахъ всѣ разныя кромѣ одного. Кажется, и тамъ, какъ у насъ, количество совѣтниковъ, призываемыхъ для рѣшенія дѣла, зависѣло отъ политической важности послѣдняго: для жалованной грамоты простому пану на вотчину считали достаточнымъ присутствіе трехъ или четырехъ думныхъ людей, а при утвержденіи за кн. Ѳ. Воротынскимъ наслѣдственнаго об-

ладанія данными ему въ вотчину волостями въ 1455 г. присутствовали виленскій епископъ, четыре сановника, поименованные въ актѣ, «и иные панове вси старшіе». Однако каждое изъ указанныхъ собраній, столь измѣнчивыхъ по составу и иногда столь малочисленныхъ, считалось настоящимъ правительственнымъ совѣтомъ, радой великаго князя: въ одной изъ грамотъ 1438 г. Свидригайло пишетъ, что онъ далъ ее, «порадивше съ нашими князи и съ паны и съ нашею вѣрною радою»; точно также и Казимиръ пожаловалъ пана, «подумавши съ князьми и съ паны, съ вѣрною радою», хотя эта рада состояла всего изъ четырехъ пановъ, изъ которыхъ ни одинъ не названъ княземъ. Любопытнѣе всего то, что въ этихъ русско-литовскихъ актахъ члены правительственнаго совѣта обозначаются терминомъ, прямо взятымъ изъ круга частныхъ юридическихъ отношеній: великій князь обыкновенно говоритъ, перечисляя своихъ совѣтниковъ: «а при томъ были *свѣдоки*, рада наша». Думаемъ, что этотъ терминъ указываетъ на первоначальное простѣйшее значеніе, какое имѣлъ княжескій совѣтникъ въ удѣльное время: онъ былъ не болѣе какъ свидѣтелемъ, который скрѣплялъ своимъ присутствіемъ актъ верховной власти. Памятники права, обращавшіеся въ древней Руси, даютъ и съ другой стороны указаніе на ту же близость терминологіи высшаго княжескаго управленія къ языку частныхъ юридическихъ отношеній. Слово «совѣтникъ»—старинный терминъ, извѣстный на московскомъ придворномъ языкѣ въ смыслѣ боярина уже по актамъ начала XVI в.; но вѣроятно употреблявшійся и ранѣе. Древнерусскій послухъ, свидѣтель, часто становился на мѣсто тяжущейся стороны, въ пользу которой показывалъ, принималъ на себя такую отвѣтственность за ея дѣло, что оно становилось его собственнымъ дѣломъ. Въ этомъ отношеніи послушество имѣло нѣкоторое сходство съ порукой за чужой долгъ передъ кредиторомъ. Въ старинномъ славяно-русскомъ переводѣ византійскаго «Прохирона» имп. Василія Македонянина, вошедшемъ въ составъ нашей Кормчей подъ названіемъ «Градскаго Закона», останавливаетъ на себѣ вниманіе одинъ видъ поручительства за должника: отвѣчающій за взятыя взаймы деньги (constitutae pecuniae reus, ἀντιφωνητής) названъ въ переводѣ «совѣтникомъ». Такимъ образомъ, если правительственный совѣтникъ являлся въ актахъ съ названіемъ свидѣтеля, то и отвѣтственный передъ заимодавцемъ свидѣтель займа назывался совѣтникомъ должника. Какъ бы оправдывая такое сродство терминоло-

гіи государственнаго и гражданскаго права, по актамъ какъ западной, такъ и восточной Руси боярскій совѣтъ иногда является въ такомъ видѣ, что бояринъ-совѣтникъ очень походитъ на частнаго случайнаго свидѣтеля акта, по крайней мѣрѣ сидитъ съ нимъ рядомъ. Въ первой половинѣ XV в. правилъ Кіевомъ въ качествѣ намѣстника великаго князя литовскаго внукъ Ольгерда Александръ (Олелько) Владиміровичъ, а преемникомъ его былъ сынъ его Семенъ. Намѣстники въ Литвѣ тогда дѣйствовали еще какъ удѣльные князья: Олелько и его сынъ имѣли своихъ служилыхъ князей и бояръ, раздавали земли въ управляемой области. Жена князя-намѣстника Олелька была московка, дочь великаго князя московскаго Василія Дмитріевича Настасья. По смерти мужа она вспомнила свою далекую родину и пожертвовала въ обитель Преп. Сергія двѣ волости Передолъ и Почапъ въ тогдашнемъ Малоярославскомъ уѣздѣ. Этотъ частный актъ личнаго усердія къ монастырю княгиня-вдова облекла въ торжественную форму приговора кіевской боярской думы, въ которой она сама является предсѣдательницей, а сынъ-правитель—однимъ изъ совѣтниковъ на-ряду съ архимандритомъ печерскимъ. Въ одной неизданной грамотѣ Троицкаго Сергіева монастыря читаемъ: «Милостію Божіею мы княгини Александровая Настасья кіевская, подумавши есмь съ своими дѣтьми, со кн. Семеномъ Александровичемъ и со кн. Михаиломъ Александровичемъ и съ нашимъ отцемъ съ архимандритомъ печерскимъ Николою и съ нашею вѣрною радою, съ князьми и съ паны, придали есмя у домъ Св. Троицы къ монастырю Сергіеву двѣ волости нашихъ Передолъ и Почапъ» и т. д. *). Еще своеобразнѣе было одно засѣданіе думы другаго служилаго литовскаго князя, Андрея Вла-

*) Подлинной грамоты Настасьи не могли уже найти въ монастырѣ при архимандритѣ Діонисіи, когда приводили въ порядокъ монастырскіе акты. Но при Грозномъ эта повидимому грамота хранилась въ одномъ изъ ящиковъ царскаго архива. Акт. Арх. Эксп. I, стр. 346. Дата 6907 г. индикта 7 передана въ копіи невѣрно: вѣроятно пропущена цифра десятковъ. Число индикта показываетъ, что это могъ быть или 6937 или 6967 годъ. Вѣроятнѣе послѣдній: въ 1429 г. Николай еще не былъ печерскимъ архимандритомъ и, кажется, былъ еще живъ Олелько. *Строева* Списки іерарх. 12. О Настасьѣ наши лѣтописи упоминаютъ въ 1447 г. Объ Олелькѣ и Семенѣ см. Акт. Зап. Росс. I, №№ 28 и 77. *Соловьева* „Ист. Росс.“ IV, прим. 39. Опис. Кіев. Лавры, стр. 20: митр. Евгеній называетъ Семена Олельковича княземъ Слуцкимъ, можетъ быть, смѣшивая его съ племянникомъ Семеномъ Михайловичемъ, который въ нашихъ старинныхъ родословныхъ носитъ этотъ титулъ. *Врем. Общ. Ист. и Др. Рос.*, X, II, 83 и 139.

димировича, деверя упомянутой кіевской княгини-москвички. Пріѣхавъ съ семьей и дворомъ въ Кіевъ въ 1446 г., онъ написалъ духовную, въ которой отказалъ женѣ и дѣтямъ «свою отчину и свою выслугу», гдѣ онъ правилъ какъ удѣльный князь. Онъ совершилъ этотъ актъ, подумавши съ своей княгиней, съ архимандритомъ печерскимъ и съ святыми старцами, также съ своими боярами; на засѣданіи присутствовали вмѣстѣ съ архимандритомъ уставщикъ, ключникъ, келарь монастыря «и иныхъ господы нашее старцевъ много»; наконецъ «при томъ были» три боярина и «маршалка» завѣщателя, перечисленные поименно, изъ нихъ одинъ князь, «и иные бояре наши и слуги при томъ были», прибавляетъ завѣщатель въ заключеніе перечня. Служилые литовскіе князья-братья Бабичи-Друцкіе въ 1460-хъ годахъ пожертвовали основанному смоленскимъ епископомъ Михаиломъ монастырю свои вотчинныя села. Какъ частныя лица, совершившія частный актъ, они потомъ лично подтвердили, «очивистѣ вызнали» свои вкладныя записи на докладѣ передъ королемъ Казиміромъ. Какъ частный актъ, каждая вкладная скрѣплена свидѣтелями, которые «при томъ были»; но этими свѣдоками были собственные бояре вкладчиковъ и рядомъ съ ними стороннія лица, священники, государственный чиновникъ, маршалко епископа и даже сторонніе князья, такіе же какъ сами Бибичи, притомъ одинъ также съ своими боярами. Въ восточной Руси политическая централизація шла быстрѣе и дѣйствовала исключительнѣе. У служилыхъ князей здѣсь не видимъ ни бояръ, ни боярскихъ совѣтовъ, какъ скоро они теряли удѣльную самостоятельность и становились простыми землевладѣльцами. Но церковныя власти и въ Московскомъ государствѣ сохраняли удѣльный порядокъ управленія: у митрополита и епархіальныхъ архіереевъ были свои бояре, обыкновенно міряне, иногда и иноки, и свои дьяки введенные; тѣ и другіе составляли думу владыки и извѣстные акты этой думы ни по формѣ, ни по содержанію не отличаются отъ большей части грамотъ, какія исходили отъ князя съ его боярскимъ совѣтомъ. Митрополиту докладывали поземельныя дѣла каѳедры и монастырей, непосредственно ей подчиненныхъ; на докладныхъ помѣчалось, что «на докладѣ были у господина митрополита его бояре» такіе-то, обыкновенно двое или трое, и грамота подписывалась его дьякомъ думнымъ или введеннымъ. Жалованная грамота ростовскаго архіепископа Вассіана 1468 г. на льготы двумъ церквамъ въ селахъ Кириллова мо-

настыря оканчивается замѣчаніемъ, что владыка пожаловалъ монастырь тремя своими боярами, изъ которыхъ одинъ былъ инокъ. На отписи одного изъ Вассіановыхъ преемниковъ Кирилла митрополиту Даніилу о взаимномъ невмѣшательствѣ въ рыбныя ловли обоихъ на Шекснѣ приписано: «а у архіепископа въ ту пору были бояре» Писемскій да Плишка. Но въ поземельныхъ сдѣлкахъ, однородныхъ съ тѣми, на докладѣ о которыхъ при митрополитѣ присутствовали его бояре въ качествѣ совѣтниковъ, тѣ же бояре писались въ актахъ простыми свидѣтелями, «послухами». Окольничій великаго князя Ощера въ 1486 г. взялъ въ пожизненное пользованіе село митрополичьяго домоваго монастыря Новинскаго съ доклада митрополиту и его боярамъ. Въ 1499 г. каѳедра помѣнялась землями съ другимъ митрополичьимъ домовымъ монастыремъ, и тѣ же самые бояре, которые на докладной 1486 г. обозначены какъ совѣтники владыки, здѣсь являются простыми послухами, хотя скорѣе можно было бы ожидать наоборотъ, что они явятся совѣтниками каѳедры въ сдѣлкѣ съ подчиненнымъ ей церковнымъ учрежденіемъ, а не свидѣтелями въ соглашеніи съ постороннимъ лицомъ, сановникомъ великаго князя. Еще замѣчательнѣе то, что, когда сдѣлка каѳедры совершалась съ разрѣшенія или доклада великаго князя, послухами являлись рядомъ съ митрополичьими и великокняжескіе бояре. Поэтому, читая грамоту, въ которой князь верейскій Михаилъ Андреевичъ пишетъ, что онъ помѣнялся землями съ нѣкоимъ Алешкой Аѳанасьевымъ и что «туто были» такія-то лица, которыя по другимъ грамотамъ извѣстны какъ бояре этого князя, трудно рѣшить, въ качествѣ ли совѣтниковъ или простыхъ свидѣтелей частной сдѣлки своего князя обозначены здѣсь эти верейскіе бояре *).

Слѣдовательно и на востокѣ Руси бояринъ имѣлъ значеніе, близко подходившее къ названію свидѣтеля, какое даютъ государственному совѣтнику, члену рады, русско-литовскіе акты XV в. Въ грамотахъ князей удѣльной Руси мы застаемъ понятіе и политическую роль боярина еще не вполнѣ выдѣлившимися изъ

---

*) А. И. I, № 215. А. Зап. Р. I, №№ 36, 37, 46, 53, 54, 57, 70, 77 и 78; III, № 101. См. о радѣ короля Казимира 1463 г. и о думѣ кн. Дмитрія Ольгердовича 1388 г. у *Срезневскаго* въ «Свѣд. и Замѣтк.» №№ X и LIII. Пам. дипл. снош. I, 360. *Zachariae*, Prochiron, tit. XVI, cap. 10 ср. съ соотвѣтствующимъ мѣстомъ 48 главы печатной Кормчей. Акт. до Юр. б. I, № 69; II, №№ 183, 145 и 156. А. Арх. Э. I, № 85.

круга отношеній частнаго гражданскаго права: это черта боярской думы удѣльныхъ вѣковъ, наиболѣе заслуживающая вниманія. Бояринъ имѣлъ въ древней Руси различныя значенія; изъ нихъ два открываются въ древнѣйшихъ нашихъ памятникахъ. По лѣтописи XI и XII в. это обычный правительственный сотрудникъ князя. Но «Русская Правда» еще не знаетъ его въ этомъ смыслѣ: въ ней онъ привилегированный служилый рабовладѣлецъ или землевладѣлецъ; съ такимъ смысломъ слово это проходитъ по памятникамъ нашего права до самаго XVIII в. Это значеніе болѣе древнее; но и оно едва ли первообразное, коренное. Оба значенія, правительственное и землевладѣльческое, кажется, развились изъ еще болѣе древняго—военнаго: бояре были большіе «мужи», старшіе дружинники или соратники князя, какъ они названы въ галицкой грамотѣ XIV в. Въ такомъ случаѣ бояринъ, какимъ встрѣчаемъ его въ актахъ XIV и XV в. и какимъ онъ сталъ, безъ сомнѣнія, раньше, былъ переходнымъ типомъ, черезъ который прошелъ древній боевой «мужъ княжъ», чтобы стать постояннымъ спеціальнымъ государственнымъ совѣтникомъ, какимъ находимъ его въ думѣ московскаго государя XVI и XVII в. Такое переходное значеніе боярина вполнѣ отвѣчало политическому характеру князя удѣльнаго времени. Главный землевладѣлецъ удѣла и его государь вмѣстѣ, этотъ князь плохо отличалъ свои частныя землевладѣльческія операціи отъ правительственныхъ отправленій. Къ свободнымъ обывателямъ княжества онъ относился не какъ къ своимъ подданнымъ, а какъ къ людямъ, вступившимъ къ нему въ добровольныя гражданскія отношенія по землѣ или службѣ, которыя они также добровольно могли разорвать и перейти въ другое княжество. Правительственный сотрудникъ князя и вмѣстѣ посредникъ между двумя гражданскими сторонами, бояринъ, обыкновенно самъ землевладѣлецъ, юридически являлся свидѣтелемъ въ ихъ взаимныхъ сдѣлкахъ, вытекавшихъ изъ поземельныхъ отношеній хозяина удѣла къ нанимателямъ его земли. Политическое значеніе государственнаго совѣтника при князѣ сливалось съ гражданскимъ послушествомъ, потому что государственная власть въ лицѣ князя еще не отдѣлилась отъ правъ и отношеній землевладѣльца. Потому же и правительственныя дѣйствія князя съ его совѣтомъ иногда были такъ похожи на юридическіе акты частныхъ лицъ. Послѣднія въ сдѣлкахъ другъ съ другомъ или въ предсмертныхъ распоряженіяхъ своимъ имуществомъ призывали свидѣтелей изъ лицъ, имъ

знакомыхъ и знавшихъ ихъ дѣла, и эти свидѣтели брали на себя извѣстную отвѣтственность за актъ, совершенный въ ихъ присутствіи. Съ значеніемъ подобныхъ отвѣтственныхъ свидѣтелей являлись и бояре введенные въ думѣ своего князя. Сущность юридическаго и нравственнаго обязательства, вытекавшаго изъ такого послушества, просто и ясно выражена въ дарственной записи княгини Збаражской, урожденной княжны Мстиславской, которая, перечисляя пановъ, призванныхъ ею въ качествѣ свѣдоковъ, пишетъ: «а туто были и того добрѣ свѣдомы» такіе-то паны. Читая въ концѣ второй духовной великаго князя Димитрія Донскаго, что, когда она писалась, «туто были» десять бояръ вмѣстѣ съ двумя игуменами, духовными отцами завѣщателя, мы имѣемъ передъ собою и собраніе совѣтниковъ князя по поводу важнаго государственнаго акта, даже довольно полное собраніе, и обычныхъ при составленіи такихъ грамотъ свидѣтелей, «послуховъ», какъ они и названы въ первой духовной того же князя *).

Представимъ себѣ теперь какого-нибудь князя XIII или XIV в., который садился на новый еще не обсиженный столъ въ значительномъ краю верхневолжской Руси, выдѣленномъ ему по духовной отца, среди населенія, бо́льшая часть котораго только-что сѣла или садилась «ново», на «сыромъ корню». Собравъ разсѣянныя по памятникамъ указанія, можно, кажется, безъ особенныхъ усилій воображенія уяснить себѣ, какъ складывалась въ такомъ княжествѣ боярская дума, какъ опредѣлялись ея составъ и политическое значеніе ея членовъ. Когда князь садился на свой столъ, у него не было ни думы, ни приказовъ подъ руками, но былъ кругъ бояръ и слугъ, данныхъ ему отцомъ или вызвавшихся служить ему, съ которыми онъ будетъ думать и которымъ станетъ приказывать разныя дѣла. Онъ будетъ вмѣстѣ съ ними дѣлать эти дѣла; но не было нужды всѣмъ имъ вмѣстѣ дѣлать одно и то же дѣло. Однихъ князь посылалъ въ города и волости на кормленія, другихъ удерживалъ при себѣ для дворцовыхъ дѣлъ. Это ближайшіе къ нему люди, его бояре введенные: одному изъ нихъ поручалъ онъ вѣдать дворовыхъ слугъ и земли, отведенныя на содержаніе дворца, другому—хранить домашній скарбъ, домовую казну, третьему—править конюшнями съ приписанными къ нимъ слугами и лугами и т. п. Но все это кратко-

*) Акт. Зап. Р., III, № 36, 1564 г. Собр. гос. гр. и дог. I, №№ 30 и 34.

временныя порученія: черезъ годъ или меньше одни возвращаются съ кормленій, другіе ѣдутъ на ихъ мѣста покормиться послѣ дворцовой службы, и штатъ бояръ введенныхъ измѣняется. Съ другой стороны, казначея назначаютъ въ посольскую поѣздку съ дворцовымъ дьякомъ или на границу на съѣздъ съ боярами сосѣдняго удѣла для улаженія пограничнаго спора, а управителю дворцовыхъ слугъ и земель поручаютъ разобрать тяжбу игумена изъ дальняго уѣзднаго города съ посадскими. Этотъ игуменъ вмѣстѣ съ жалобой на отвѣтчиковъ положилъ передъ княземъ данную еще отцомъ послѣдняго несудимую грамоту, освобождавшую монастырь въ тяжбахъ съ сторонними людьми отъ подсудности намѣстникамъ и волостелямъ; при этомъ настоятель, очутившійся подъ властію новаго правительства, просилъ сына подтвердить грамоту отца, подписать ее на свое имя. Въ актѣ поименованы два боярина, присутствовавшіе при его совершеніи, и одинъ изъ нихъ служилъ теперь при дворѣ князя-сына. Справка подтвердила дѣйствительность отцовскаго пожалованія. Но вотъ слуга вольный бьетъ челомъ о такой же жалованной грамотѣ на купленную имъ или данную княземъ вотчину, прося 5 лѣтъ льготы отъ дани, яма и всякой тягости для крестьянъ старожильцевъ и 10 для новоприходцевъ, которыхъ онъ перезоветъ къ себѣ «съ иныхъ сторонъ»; онъ проситъ при этомъ, чтобы «въ его околицу» не въѣзжали ни за чѣмъ ни волостели, ни бобровникъ, ни закосникъ и т. п. Дѣло новое, разрѣшеніе котораго станетъ прецедентомъ для многихъ другихъ; князь властенъ и одинъ разрѣшить его, но онъ призываетъ для этого двухъ-трехъ бояръ, которымъ, по его мнѣнію, ближе другихъ вѣдать о томъ надлежитъ, имена которыхъ и прописываются въ актѣ вмѣстѣ съ именемъ дьяка, его писавшаго. По смерти князя, въ случаѣ просьбы о подписаніи грамоты, или даже при жизни его, въ случаѣ жалобы на нарушеніе льготы новымъ волостелемъ, эти имена укажутъ, на кого сослаться или у кого навести справку для провѣрки дѣла и возстановленія силы акта: вѣдь грамота едва ли тогда записывалась въ какую-нибудь книгу исходящихъ бумагъ и руки князя подъ ней не было, онъ и писать не умѣетъ, «книгамъ не ученъ бѣаше», а только «книги духовныя въ сердцѣ своемъ имяше». Это и есть боярская дума въ ея простѣйшемъ составѣ, какою она является по актамъ удѣльнаго времени въ ежедневномъ правительственномъ обиходѣ. Ни князю, ни боярамъ не было нужды настаивать, чтобы всѣ они,

сколько ихъ было на-лицо при дворѣ, присутствовали при рѣшеніи такихъ частныхъ актовъ: дѣло шло не о власти, не о политическихъ правахъ той или другой стороны, а объ административныхъ удобствахъ, о средствахъ устроиться и завести порядокъ. Заболѣвъ тяжко, князь велитъ писать духовную. Частные люди въ этомъ случаѣ, какъ и въ сдѣлкахъ другъ съ другомъ, призывали свидѣтелей изъ лицъ имъ знакомыхъ. Князь собиралъ къ себѣ бояръ, съ которыми привыкъ дѣлать всякія дѣла, веселился и скорбѣлъ, отчину соблюдалъ и укрѣплялъ, подъ которыми города держалъ и великія волости. Князь могъ желать, чтобы «туто было» возможно больше его сотрудниковъ. Въ его «душевной грамотѣ» описывается весь полуустроенный имъ правительственный и хозяйственный порядокъ, который поддерживать и довершать завѣщатель поручаетъ дѣтямъ. Бояре, какъ люди вѣдавшіе правительственныя дѣла, должны были знать эти распоряженія, и не только знать, но присутствіемъ своимъ обязаться юридически и нравственно исполнять ихъ, служа вдовѣ и дѣтямъ. «Припомните, говорилъ имъ князь при этомъ, въ чемъ вы дали мнѣ слово нѣкогда — положить головы свои, служа мнѣ и дѣтямъ моимъ; и вы, братія моя бояре, послужите имъ отъ всего сердца, въ скорби не оставьте ихъ, напоминайте имъ, чтобы жили въ любви и княжили, какъ я въ грамотѣ душевной указалъ имъ, какъ раздѣлилъ между ними свою отчину». Такъ говорятъ, умирая, великіе князья Димитрій Донской и Михаилъ Александровичъ Тверской въ составленныхъ современниками сказаніяхъ о нихъ. Въ этихъ словахъ картина торжественнаго засѣданія боярскаго совѣта при князѣ и лучшая политическая характеристика боярина-совѣтника. По условіямъ русской жизни тѣхъ вѣковъ, онъ не былъ ни представителемъ сплоченнаго мѣстнаго общества привилегированныхъ землевладѣльцевъ, въ силу этого, независимо отъ князя имѣвшимъ политическое значеніе, ни ученымъ законовѣдомъ съ выгодной для князя политическою теоріей, призываемымъ на совѣтъ въ качествѣ эксперта для разрѣшенія важныхъ государственныхъ и юридическихъ вопросовъ. Но онъ большой, «старѣйшій человѣкъ» въ землѣ, «старецъ земскій», который, служа то въ томъ, то въ другомъ княженіи по личному «ряду» съ княземъ, вездѣ становясь у важныхъ дѣлъ, какъ «нарочитый поставленикъ» князя, извѣдалъ правительственные порядки, пріобрѣлъ навыкъ въ искусствѣ строить и водить полки, судить и рядить людей. Онъ

правительственный «свѣдокъ» и «знахарь», отвѣтственный свидѣтель и сотрудникъ князя по дѣламъ управленія, давшій ему слово на томъ и крестъ цѣловавшій; князь слушаетъ его и думаетъ съ нимъ «добрую думу, коя бы пошла на добро», потому что онъ лучше другихъ знаетъ «добрые нравы и добрую думу и добрыя дѣла», вѣдаетъ, какъ князю «безбѣдно прожити» и «како княжити, чтобы его христіаномъ малымъ и великимъ было добро».

Вѣроятно, первый князь, умирая, еще не оставлялъ дѣтямъ вполнѣ устроеннаго центральнаго управленія, ни постоянныхъ отдѣльныхъ вѣдомствъ, ни постоянной организованной боярской думы во главѣ ихъ. При дворѣ его по утрамъ всегда можно было встрѣтить нѣсколько думныхъ людей, бояръ введенныхъ, которымъ давались временныя и случайныя порученія по текущимъ дѣламъ и изъ которыхъ составлялся совѣтъ князя по отдѣльнымъ экстреннымъ случаямъ; но этотъ совѣтъ не имѣлъ ни опредѣленнаго круга дѣлъ, ни опредѣленнаго постояннаго состава. Притомъ и весь дворъ князя разбивался послѣ его смерти: старые бояре и слуги отца, съ раздѣленіемъ отчины между сыновьями, расходились по дворамъ молодыхъ князей. Но гдѣ жизнь устраивалась, тамъ отверждалось, расчленяясь, и управленіе: текущія дѣла, усложняясь, распадались на отдѣльныя постоянныя вѣдомства; случайныя и измѣнчивыя порученія превращались въ постоянные *приказы* пока еще только въ смыслѣ постоянныхъ правительственныхъ должностей, а не сложныхъ правительственныхъ канцелярій; тогда и бояринъ введенный, которому по обстоятельствамъ минуты поручались разныя дѣла, становился прикащикомъ князя по какому-либо одному разряду дѣлъ дворцоваго хозяйства. Стольный городъ великаго князя получалъ военно-правительственное устройство тысячи, которая поручалась тысяцкому; съ развитіемъ бортнаго промысла въ дворцовыхъ лѣсахъ князя они вмѣстѣ съ поселками бортниковъ выдѣлялись изъ круга дворцовыхъ земель въ особое вѣдомство, которое поручалось чашнику. Такъ при значительныхъ дворахъ складывался штатъ высшей центральной администраціи: то были тысяцкій, намѣстникъ столицы, являющійся членомъ думы въ смоленскихъ актахъ XIII в., дворецкій, казначей, окольничій, конюшій, стольникъ, чашникъ, сокольничій, ловчій; къ членамъ думы надобно причислить и печатника, которымъ бывало иногда духовное лице, монахъ или бѣлый священникъ; при большихъ дворахъ нѣкоторыхъ изъ этихъ сановниковъ бывало по-

двое. Привычка и другія административныя удобства вели къ тому, что эти должности подолгу оставались въ рукахъ однихъ и тѣхъ же лицъ, даже иногда переходили отъ отца къ сыну прямо или черезъ извѣстный промежутокъ времени: такъ можно думать по извѣстіямъ о тверскихъ и московскихъ тысяцкихъ XIV вѣка; подобное было въ Рязани съ должностью чашника, какъ можно догадываться по именамъ лицъ, занимавшихъ ее въ XV в.; послѣ московскіе великіе князья любили назначать казначеевъ изъ фамиліи Ховриныхъ-Головиныхъ. Съ образованіемъ вѣдомствъ, съ превращеніемъ порученій въ постоянныя должности, въ кругу думныхъ людей при дворѣ князя, располагавшаго значительнымъ боярствомъ, должны были обозначиться два элемента: должностныя лица и бояре, не занимавшіе постоянныхъ придворныхъ должностей. Эти послѣдніе, кажется, преимущественно получали назначенія по областной администраціи, которыя и послѣ давались обыкновенно на короткое время; для бояръ введенныхъ созданъ былъ, какъ вознагражденіе за службу, особый видъ кормленій, не отрывавшій ихъ отъ должностныхъ обязанностей при дворѣ и носившій названіе доходныхъ промысловыхъ вѣдомствъ дворцоваго хозяйства, *путей*. Боярамъ этого подвижнаго круга, надобно думать, поручались при дворѣ текущія дѣла, которыя еще не нашли себѣ постояннаго мѣста въ существующихъ центральныхъ учрежденіяхъ и велись путемъ прежнихъ временныхъ порученій. Указанными перемѣнами въ центральномъ правительствѣ обозначился второй моментъ въ развитіи боярской думы. Она осталась совѣтомъ князя по чрезвычайнымъ дѣламъ, попрежнему не имѣла опредѣленнаго числа членовъ и по-прежнему не возникало вопроса о политическомъ значеніи численнаго ея состава, по крайней мѣрѣ въ ежедневной правительственной практикѣ; но теперь получаетъ значеніе административный подборъ членовъ думы для каждаго засѣданія. Чрезвычайными дѣлами были теперь тѣ, которыя превышали компетенцію отдѣльныхъ центральныхъ вѣдомствъ или касались многихъ изъ нихъ. Для рѣшенія такого дѣла князь призывалъ управителей вѣдомствъ, которыхъ оно касалось, и къ нимъ присоединялъ иногда другихъ недолжностныхъ бояръ, которые почему-либо близко стояли къ дѣлу или присутствіе которыхъ при его рѣшеніи князь считалъ нужнымъ: могло, напримѣръ, понадобиться присутствіе боярина, бывшаго намѣстникомъ въ городѣ, откуда поступило дѣло. Наконецъ и представитель мѣстнаго духовенства, епископъ, даже

архимандрить являлись въ числѣ совѣтниковъ князя, приглашались принять участіе въ дѣлѣ, которое касалось церкви или считалось особенно важнымъ: нижегородскій князь далъ своимъ боярамъ «мѣстную грамоту» по ходатайству архимандрита нижегородскаго Печерскаго монастыря и по благословенію нижегородскаго епископа. Изъ такихъ приглашеній развились послѣ тѣ «соборы», чрезвычайныя засѣданія государевой думы съ участіемъ высшаго духовенства, о которыхъ разсказываетъ Флетчеръ и которыя собирались обыкновенно по пятницамъ въ Столовой палатѣ московскаго государя. И позднѣйшая боярская дума въ Москвѣ по составу своему имѣетъ близкую связь съ боярскимъ совѣтомъ удѣльныхъ вѣковъ. Основнымъ элементомъ въ составѣ первой, болѣе другихъ постояннымъ и иногда численно преобладавшимъ надъ другими, были начальники приказовъ, что сообщало ей характеръ совѣта министровъ. Боярскій совѣтъ удѣльнаго времени составлялся обыкновенно изъ главныхъ прикащиковъ князя по дѣламъ дворцоваго хозяйства, но не всѣхъ, а только нѣкоторыхъ, кого ближе касалось извѣстное дѣло, восходившее къ самому князю. По скуднымъ извѣстіямъ трудно представить себѣ обычное теченіе правительственнаго дворцоваго дѣлопроизводства въ его ежедневной обстановкѣ. Можно думать, что чѣмъ проще мы представимъ его себѣ, тѣмъ станемъ ближе къ дѣйствительности. Всѣ дѣла велись во дворцѣ, куда по утрамъ собирались правительственныя лица. Дьяки докладывали боярамъ текущія дѣла по вѣдомству каждаго и писали грамоты; у каждаго дьяка были свои «ларцы» для храненія судныхъ списковъ и другихъ актовъ. Текущихъ дѣлъ не могло быть слишкомъ много, какъ и дѣлъ особо важныхъ, которыя не могли быть разрѣшены однимъ бояриномъ и докладывались самому князю. Докладъ и рѣшеніе такого дѣла происходили при двухъ или болѣе боярахъ, которыхъ тутъ же приглашалъ къ себѣ князь по указаннымъ соображеніямъ изъ числа присутствовавшихъ во дворцѣ. Надобно думать, что и частныя лица съ своими просьбами допускались не только въ дворцовыя палаты или «избы», гдѣ бояре съ дьяками творили судъ и всякую расправу, но даже и къ самому князю съ его боярскимъ совѣтомъ: сохранился рядъ грамотъ XV в., которыя изображаютъ очень живо и иногда съ наивностью, исчезающей въ позднѣйшихъ актахъ, какъ производились дѣла самимъ княземъ удѣльнымъ или великимъ, какъ челобитчикъ излагалъ свою просьбу передъ нимъ и его боярами, какъ князь опрашивалъ

«обоихъ истцовъ», ищею и отвѣтчика, съ ихъ свидѣтелями, послухами или знахарями, и какъ, разобравъ дѣло, приказывалъ дать той или другой сторонѣ грамоту съ своимъ приговоромъ и съ обозначеніемъ именъ «туто» бывшихъ бояръ. На такой порядокъ дворцоваго управленія при его обычномъ ежедневномъ ходѣ указываетъ повидимому и краткая, но любопытная замѣтка, сдѣланная авторомъ жизнеописанія тверскаго великаго князя Михаила Александровича, по нѣкоторымъ признакамъ его современникомъ *). Біографъ разсказываетъ, что незадолго до смерти князя (въ 1399 г.) утромъ дѣти его были у больнаго отца, «прочимъ же княземъ и боярамъ и всѣмъ людемъ ждущимъ и хотящимъ пріити къ нему обычнаго градскаго ради управленія», но князь уже готовился къ смерти и никого не принялъ.

Таковы два момента, обозначающіеся въ исторіи боярской думы удѣльнаго времени, если слѣдить за ея дѣятельностію, какъ она отразилась въ уцѣлѣвшихъ актахъ тѣхъ вѣковъ. Дальше втораго изъ указанныхъ моментовъ, кажется, не шло ея развитіе: всюду, даже въ самыхъ значительныхъ княжествахъ, кромѣ развѣ Московскаго великаго, она оставалась совѣтомъ при князѣ по чрезвычайнымъ дѣламъ управленія, составлявшимся то изъ тѣхъ, то изъ другихъ бояръ, смотря по роду дѣлъ, восходившихъ къ князю, и правительственнымъ соображеніямъ послѣдняго. Такой характеръ думы вмѣстѣ съ политическимъ значеніемъ боярина-совѣтника оказалъ важное вліяніе на правительственный порядокъ въ княжествахъ, особенно въ томъ изъ нихъ, которое постепенно вобрало въ себя всѣ остальныя. Прежде всего, при содѣйствіи такого характера, начинали точнѣе опредѣляться отношенія центральнаго правительства къ областному управленію. Въ вѣдомство областнаго управителя по самому значенію кормленщика входили текущія доходныя дѣла: намѣстникъ и волостель вѣдали и судили обывателей и доходы съ нихъ брали по наказному списку, какъ выражаются «ввозныя» грамоты на кормленія XV в. Потому дѣла новыя, не дававшія указнаго дохода, вопросы законодательнаго свойства стояли внѣ компетенціи областной администраціи. Важнѣйшими изъ нихъ были дѣла по землевладѣнію: XIV и XV вѣка были въ исторіи восточной Руси временемъ устройства новаго порядка поземельныхъ отношеній; на этихъ отношеніяхъ держался общественный и по-

*) Никон, IV, 289.

литическій строй княжества удѣльнаго времени. Поземельныя дѣла идутъ изъ уѣзда въ центральныя учрежденія и обратно мимо областныхъ властей или послѣднія въ такихъ дѣлахъ служатъ только вспомогательными орудіями органовъ центральнаго правительства. По актамъ этого рода мы болѣе всего и знаемъ о правительственной дѣятельности думы того времени: купчія, межевыя, жалованныя и т. п. грамоты исходятъ отъ самого князя съ его совѣтомъ. Въ дѣлахъ о «разъѣздѣ», размежеваніи спорныхъ земель, землевладѣльцы били челомъ князю дать имъ «разъѣщиковъ», которые, какъ впослѣдствіи писцы, переписывавшіе земли въ книги сошныя, оброчныя и другія, разбирали при этомъ и поземельныя тяжбы, докладывая о нихъ для окончательнаго рѣшенія самому князю или одному изъ бояръ при его дворѣ, помимо областныхъ управителей. Одинъ неизданный фамильный актъ кашинскихъ дворянъ Бѣдовыхъ начала XVI в. указываетъ, какъ дѣйствовало центральное правительство при устройствѣ поземельныхъ отношеній въ уѣздномъ княжествѣ. Въ 1511 г. дмитровскій князь Юрій Ивановичъ послалъ своего боярина кн. Давыда Даниловича въ отчину свою въ Кашинъ «для смотрѣнія селъ». Предпринятъ былъ въ уѣздѣ большой «земляной разводъ» или разъѣздъ и для него учреждена цѣлая межевая коммиссія, во главѣ которой сталъ бояринъ, товарищемъ къ нему назначенъ кашинскій «разъѣщикъ» Бѣдовъ, кашинскимъ намѣстникамъ и тіунамъ велѣно ихъ слушать и почитать, а двумъ дѣтямъ боярскимъ быть докладчиками у обоихъ уполномоченнымъ. Такъ какъ при межеваніи предвидѣлось много поземельныхъ тяжебъ, которыя должна была разобрать коммиссія, то половина «присуда», судебныхъ пошлинъ отъ этихъ дѣлъ, назначена боярину, четверть его товарищу, а остальная четверть докладчикамъ съ тіунами и другими чиновниками кашинскихъ намѣстниковъ *). Въ удѣльное время не замѣтно контроля центральнаго правительства надъ областными правителями по дѣламъ кормленія и въ этой сферѣ администраціи они не похожи на орудія центральной власти, вѣдали дѣла больше на себя, чѣмъ на князя; но чрезвычайныя дѣла по устройству землевладѣнія, которыя вѣдалъ самъ князь съ боярскою думой, давали много случаевъ пользоваться областнымъ управленіемъ если не какъ прямымъ и постояннымъ органомъ, то какъ временнымъ

*) Родъ Бѣдовыхъ въ Родосл. *Иванова*.

пособіемъ централизаціи. Въ слѣдъ за новыми поземельными дѣлами, не входившими въ вѣдомство областнымъ правителей, къ центральному правительству отошли путемъ доклада и нѣкоторыя дѣла старыя, связанныя съ землевладѣніемъ и прежде вершившіяся въ уѣздѣ: такъ, въ слѣдъ за судомъ надъ землевладѣльцами, которыхъ привилегія подчиняла прямо юрисдикціи князя или его боярина введеннаго, къ послѣднимъ отошло вершеніе важнѣйшихъ поземельныхъ тяжебъ непривилегированныхъ лицъ, какъ и рѣшеніе дѣлъ о холопствѣ, возникавшихъ въ административныхъ округахъ, управители которыхъ держали кормленія «безъ боярскаго суда». Такъ, благодаря тому, что устройство землевладѣнія стало главнымъ предметомъ устроительной дѣятельности думы, именно развитіе поземельныхъ отношеній прежде всего выводило слишкомъ локализованную областную администрацію изъ ея удѣльнаго обособленія: согласно со всѣмъ строемъ тогдашняго княжества землевладѣніе стало первымъ проводникомъ и административной централизаціи.

Тѣмъ же характеромъ думы опредѣлилось дальнѣйшее развитіе и центральнаго управленія, то-есть какъ ея самой, такъ и отдѣльныхъ центральныхъ вѣдомствъ, ей подчиненныхъ. Въ ежедневномъ правительственномъ обиходѣ боярскій совѣтъ составлялся изъ бояръ, которыхъ наиболѣе касалось то или другое экстренное дѣло. Но въ исключительныхъ случаяхъ, касавшихся всѣхъ одинаково, въ вопросахъ, стоявшихъ выше каждаго отдѣльнаго вѣдомства, князь долженъ былъ призывать къ себѣ на совѣтъ всѣхъ наличныхъ совѣтниковъ. Такіе случаи чаще всего вызывались внѣшнею политикой князя, взаимными княжескими отношеніями и столкновеніями, усложнявшимися по мѣрѣ удѣльнаго дробленія Руси. Политическій характеръ бояръ-совѣтниковъ дѣлалъ для князя необходимыми въ этихъ случаяхъ такіе большіе совѣты. Бояринъ былъ не подданный, а вольный сотрудникъ князя, служившій ему по «ряду», уговору. Въ дѣлахъ, требовавшихъ содѣйствія всѣхъ бояръ, рѣшеніе, принятое «всѣхъ общею думою», имѣло значеніе круговаго обязательства со стороны бояръ—дружно помогать князю въ предпринятомъ съ ихъ согласія дѣлѣ; это иногда заставляло князя призывать въ думу даже не однихъ бояръ, но и младшую дружину. Такіе большіе совѣты можно видѣть въ тѣхъ совѣщаніяхъ князя съ боярами при исключительныхъ обстоятельствахъ, о которыхъ изрѣдка разсказываетъ лѣтопись XIV и XV вѣковъ: она только о такихъ исключи-

тельныхъ совѣщаніяхъ и разсказываетъ, умалчивая объ обычномъ ходѣ управленія при княжескихъ дворахъ. И значеніе думы, какъ круговаго обязательства для бояръ, и непрочность политическихъ связей, соединявшихъ князя съ его боярами и вызывавшихъ потребность въ такомъ обязательствѣ, наглядно выступаютъ въ разсказѣ лѣтописи о послѣдней думѣ великаго князя нижегородскаго съ боярами въ 1390 г. Когда великій князь московскій Василій, выхлопотавъ себѣ въ Ордѣ Нижегородское княжество, послалъ въ Нижній бояръ съ посломъ татарскимъ, Борисъ созвалъ своихъ бояръ и молилъ ихъ «съ плачемъ и со слезами», говоря: «господа и братья, бояре и друзья! попомните свое крестное цѣлованіе ко мнѣ и любовь нашу». Старѣйшій бояринъ Румянецъ, тайный сторонникъ Москвы, увѣрялъ Бориса въ единомысліи всѣхъ бояръ съ своимъ княземъ и посовѣтовалъ ему впустить москвичей въ городъ, сказавъ: «что они могутъ сдѣлать? Мы всѣ за тебя». Но когда москвичи, вступивъ въ городъ, велѣли звонить въ колокола и Борисъ послалъ къ своимъ боярамъ, прося ихъ не выдавать его врагамъ, тотъ же Румянецъ отвѣчалъ ему за всѣхъ бояръ: «не надѣйся на насъ, господинъ князь: теперь мы не твои и не за тебя, а на тебя». Шемяка, во время борьбы съ Василіемъ Темнымъ, предложилъ на обсужденіе своимъ боярамъ просьбу послѣдняго освободить захваченную ими мать его Софью. «Братья, говорилъ имъ Шемяка, что мнѣ томить свою тетку, стеречь ее, когда люди и самому надобны? Отпустимъ ее лучше». Такъ, «обдумавъ съ бояры своими», онъ отпустилъ плѣнницу къ сыну съ однимъ изъ нихъ, Сабуровымъ, который уже не воротился къ Шемякѣ, а добилъ челомъ Василію, остался у него на службѣ. Ни при одномъ княжескомъ дворѣ на Руси удѣльнаго времени не завязывались такія важныя и сложныя внѣшнія отношенія, какъ въ Москвѣ при Донскомъ и его сынѣ, и Василій Димитріевичъ, согласно съ завѣтомъ отца ничего не дѣлать безъ воли бояръ, давалъ имъ такое широкое и дѣятельное участіе въ этихъ отношеніяхъ, что его внѣшняя политика представлялась обществу прямо дѣломъ бояръ. Разсказъ современника лѣтописца объ этомъ вскрываетъ и измѣнчивость наличнаго состава московскаго боярскаго совѣта. Во время размирья великаго князя съ тестемъ Витовтомъ (въ 1406—1408 гг.) случилось такъ, что въ Москвѣ не было старыхъ бояръ, а молодые были за войну съ Литвой. Когда Эдигей, подстрекая зятя на Витовта, прислалъ въ Москву съ предложеніемъ своей помощи, Василій

собралъ своихъ князей и бояръ думцевъ и «повѣда имъ таковая словеса»; думцы съ радостью приняли татарское предложеніе. Юные, по словамъ лѣтописца, тогда совѣтовали обо всемъ, радуясь размирію и кровопролитію, а князь слушалъ ихъ и не выступалъ изъ ихъ думы. Но опытные старики въ Москвѣ не одобряли такой политики, говорили: «не добра дума бояръ нашихъ, что татаръ приводятъ къ себѣ на помощь»; и въ извѣстномъ письмѣ Эдигея великому князю дается совѣтъ не слушать молодыхъ, а собрать старыхъ бояръ и съ ними думать добрую думу *). Можетъ-быть въ передаваемыхъ лѣтописцемъ московскихъ толкахъ слѣдуетъ видѣть проблескъ мысли о томъ, что въ особенно важныхъ дѣлахъ должны быть призываемы на совѣтъ къ князю не одни бояре, какіе случатся подъ рукой, но и отсутствующіе, чтобы различные взгляды и интересы находили себѣ выраженіе въ думѣ.

Но если въ другихъ княжествахъ только исключительные случаи внѣшней политики выводили боярскую думу изъ обычнаго тѣснаго ея состава, то въ Москвѣ шли къ тому же и другимъ путемъ: здѣсь боярская дума должна была превратиться въ постоянный совѣтъ всѣхъ наличныхъ бояръ вслѣдствіе последовательнаго развитія внутреннихъ правительственныхъ дѣлъ. Дума вѣдала всѣ новыя, чрезвычайныя дѣла; но по мѣрѣ того, какъ послѣднія, повторяясь, становились обычными явленіями, они отходили въ составъ отдѣльныхъ центральныхъ вѣдомствъ старыхъ или особо для нихъ учреждавшихся. Центральныя вѣдомства формировались, такъ сказать, изъ тѣхъ административныхъ осадковъ, какіе постепенно отлагались отъ законодательной дѣятельности думы по чрезвычайнымъ дѣламъ, входя въ порядокъ текущаго дѣлопроизводства. Такъ складывались дворцовыя вѣдомства удѣльнаго времени. Изъятыя изъ компетенціи областной администраціи, дѣла привилегированныхъ церковныхъ землевладѣльцевъ въ XVI вѣкѣ обыкновенно докладывались уже дворецкому, а не самому государю съ думой; но прежде самъ князь съ думой судилъ дѣла такихъ землевладѣльцевъ, какъ давалъ привилегію такого суда; на это указываетъ еще повторявшееся въ жалованныхъ грамотахъ старое выраженіе, что пожалованнаго судитъ самъ князь или его бояринъ введенный, а судъ самого князя, какъ мы видѣли, значилъ собственно судъ

*) Никон., III, 81; IV, 240; V, 214, 21, 27.

думы. Въ слѣдъ за первоначальными дворцовыми вѣдомствами тѣмъ же путемъ шло образованіе позднѣйшихъ московскихъ приказовъ. Такимъ ходомъ дѣла объясняются нѣкоторыя особенности въ системѣ московскаго центральнаго управленія, которыя на первый взглядъ кажутся странными. Впослѣдствіи, несмотря на чрезвычайное усложненіе своихъ занятій, боярская дума не обнаруживала наклонности распасться на отдѣленія и, несмотря на развитіе канцелярскаго дѣлопроизводства въ нѣсколькихъ десяткахъ подчиненныхъ ей приказовъ, одна не имѣла особой канцеляріи. Съ другой стороны, между всѣми этими приказами не было ни одного важнѣе Разряднаго, Помѣстнаго и Посольскаго: первый вѣдалъ «всякія воинскія дѣла», по выраженію Котошихина, второй—вотчины и помѣстья, третій—дѣла иностранныя. Однако почти до 1670-хъ годовъ именно эти три приказа управлялись не людьми высшихъ чиновъ, не боярами, окольничими или думными дворянами, какъ остальные приказы, а только дьяками (за исключеніемъ немногихъ случаевъ, въ томъ числѣ когда первые дьяки этихъ приказовъ возводились въ званіе окольничихъ или думныхъ дворянъ). Эта видимая несообразность объясняется тѣмъ, что обыкновенно первые дьяки этихъ приказовъ были и думными дьяками, государственными секретарями. Приказы эти именно потому, что были важнѣе другихъ, долго не обособлялись въ самостоятельныя вѣдомства, министерства, а служили простыми отдѣленіями канцеляріи государственнаго совѣта, секретари которыхъ были непосредственными докладчиками и секретарями думы. Вотъ почему, вѣдая всякія воинскія дѣла, дьякъ Разряда былъ въ то же время ближайшимъ дѣлопроизводителемъ думы: онъ приказывалъ разсылать думнымъ людямъ повѣстки о чрезвычайныхъ ея засѣданіяхъ и передавалъ другимъ приказамъ касавшіяся ихъ распоряженія боярскаго совѣта вовсе не военнаго свойства.

Исторія Посольскаго приказа наглядно указываетъ на ходъ образованія такихъ отдѣленій думской канцеляріи. Несмотря на многостороннее развитіе дипломатическихъ сношеній московскаго двора со времени Ивана III, долго незамѣтно особаго завѣдывавшаго ими учрежденія: ихъ велъ непосредственно самъ государь съ думой. Изъ описи царскаго архива времени Грознаго узнаемъ, что въ 1567 г. существовала «Посольная палата», куда забирались для справокъ дипломатическія бумаги изъ дворцовыхъ ящиковъ, въ которыхъ онѣ хранились. Думаютъ, что

эта палата находилась въ самомъ дворцѣ, гдѣ велись иностранныя дѣла подъ непосредственнымъ руководствомъ государя съ его думой, и что только при царѣ Ѳедорѣ Ивановичѣ дѣла были перенесены изъ этой палаты въ особое сооруженное тогда зданіе Посольскаго приказа, названіе котораго будто бы является въ актахъ не раньше этого царствованія. Но и при царѣ Ѳедорѣ учрежденіе, помѣщавшееся въ этомъ новомъ зданіи въ Кремлѣ, продолжаетъ называться Посольною палатой. Наоборотъ, канцелярія по иностраннымъ дѣламъ называлась Посольскимъ приказомъ задолго до воцаренія Ѳедора. Въ 1576 г. ее вмѣстѣ съ управлявшимъ ею дьякомъ Андреемъ Щелкаловымъ царь взялъ съ собой въ Можайскъ, гдѣ принималъ цесарево посольство. Отправленный съ санями для пословъ, человѣкъ долженъ былъ, воротившись въ Можайскъ, донести о своемъ дѣлѣ «въ Посольскомъ приказѣ дьяку А. Щелкалову». Если правда, что въ Москвѣ этотъ приказъ тогда находился въ самомъ дворцѣ, то и по своему помѣщенію вблизи думы его можно назвать ея канцеляріей по иностраннымъ дѣламъ. Съ другой стороны, изъ упомянутой описи видно, что дипломатическія бумаги при Грозномъ находились также «у государя въ казнѣ». Но уже въ XV вѣкѣ дипломатическіе документы, приходившіе отъ иностранныхъ государей, передавались казначею для храненія въ его приказѣ вмѣстѣ со всякой домовою казной государя. Съ этимъ въ связи надобно поставить и то, что въ концѣ XV и во весь почти XVI вѣкъ дипломатическія порученія очень часто возлагались на казначеевъ; трудно только рѣшить, что здѣсь было причиной и что слѣдствіемъ: бывалъ ли казначей дипломатомъ, потому что хранилъ дипломатическія дѣла въ своемъ приказѣ, или наоборотъ. Но любопытно извѣстіе, изъ котораго видно, что дьякъ Андрей Щелкаловъ, долго правившій Посольскимъ приказомъ при Грозномъ и при его преемникѣ (до 1594 г.), въ 1583 г., продолжая править тѣмъ же приказомъ, носилъ званіе думнаго дьяка и *казначея*. Это не совсѣмъ понятно и требуетъ разъясненія; но во всякомъ случаѣ здѣсь можно видѣть намекъ на какую-то историческую связь двухъ столь различныхъ административныхъ учрежденій. Вѣроятно, эта связь состояла въ томъ, что первоначально приказъ казначея служилъ архивомъ и канцеляріей думы по иностраннымъ дѣламъ, а потомъ, при усложненіи дипломатическихъ сношеній, для нихъ образовали особое отдѣленіе думской канцеляріи, при чемъ однако не перенесли

всѣхъ дипломатическихъ дѣлъ изъ Казеннаго приказа въ новое учрежденіе и потому иногда поручали посольскому дьяку управленіе и Казеннымъ приказомъ *). Посольскій приказъ, какъ Разрядный и Помѣстный, велъ дѣла, не входившія въ первоначальный составъ дворцоваго управленія удѣльнаго времени. Ихъ вѣдалъ самъ князь съ своею думой, а канцелярское ихъ производство въ первое время распредѣляли, какъ могли, по наличнымъ дворцовымъ вѣдомствамъ. Но когда послѣднимъ становилось трудно справляться съ ними, для нихъ создавались сперва только отдѣльныя думскія канцеляріи подъ управленіемъ дьяковъ, а потомъ особыя вѣдомства съ боярами и окольничими во главѣ и съ болѣе широкою компетенціей, когда такія дѣла переставали быть исключительными, экстренными. Подобнымъ образомъ, вѣроятно, складывались и нѣкоторые другіе новые приказы въ XV—XVII вѣкахъ, напримѣръ, Холопій, Казанскій.

Можетъ показаться, что этотъ процессъ былъ только повтореніемъ или продолженіемъ того, которымъ образовались и первоначальныя дворцовыя вѣдомства дворецкаго, казначея, конюшаго и т. д. Но теперь этотъ процессъ совершался надъ дѣлами далеко не прежняго дворцоваго характера и возникновеніемъ новыхъ приказовъ обозначился новый политическій моментъ въ исторіи боярской думы. Его трудно опредѣлить хронологически; но можно предполагать, что онъ имѣлъ мѣсто въ исторіи только московскаго управленія: другія княжества, повидимому, исчезали, не доживъ до него. Дума удѣльнаго времени была совѣтомъ управителей, вѣдавшихъ текущія дѣла дворцоваго хозяйства, по вопросамъ управленія, выходившимъ изъ ряда текущихъ. Такіе вопросы впрочемъ были болѣе или менѣе связаны съ двоцовымъ хозяйствомъ въ его удѣльномъ смыслѣ. Но пока эти экстренныя дѣла, становясь обычными, укладывались въ существующія дворцовыя вѣдомства, вмѣстѣ съ успѣхами московскаго объединенія Руси въ управленіи накоплялись задачи, выходившія далеко за предѣлы дворцовой администраціи. Они сначала задавали рядъ новыхъ отправленій, работъ старымъ правительственнымъ мѣстамъ, а потомъ вызывали рядъ новыхъ правительственныхъ учрежденій. Вмѣстѣ съ тѣмъ боярская дума становилась совѣтомъ дворцовыхъ сановниковъ по недворцовымъ дѣламъ. Съ этой минуты долженъ былъ измѣниться ея удѣльный складъ. Прежде

*) Актъ Ист. I, стр. 336. Памятн. дипл. снош. I, стр. V, 66 и 505. Др. Росс. Вивліоѳ. XX, 334.

она составлялась обыкновенно или преимущественно изъ управителей вѣдомствъ, которыхъ касалось дѣло, подлежавшее обсужденію; теперь этому обсужденію большею частію подлежали дѣла, не касавшіяся ни одного изъ нихъ или касавшіяся всѣхъ одинаково. Думаемъ, что съ этой минуты стали входить въ обычай собранія всѣхъ наличныхъ совѣтниковъ независимо отъ спеціальнаго вѣдомства каждаго, вытѣсняя прежнія обычныя собранія то тѣхъ, то другихъ изъ нихъ. Значитъ, въ Москвѣ послѣдовательный ростъ администраціи сдѣлалъ обычнымъ порядкомъ то, что прежде было исключительнымъ случаемъ какъ здѣсь, такъ и въ другихъ княжествахъ. Въ памятникахъ дѣятельности московскаго центральнаго правительства такой порядокъ открывается уже въ XVI в., не раньше; но едва ли ошибемся, если отнесемъ его завязку еще ко временамъ до княженія Ивана III. Съ одной стороны, въ Москвѣ чаще чѣмъ при другихъ дворахъ повторялись исключительные случаи, заставлявшіе князя думать со всѣми его наличными думцами, благодаря разностороннему развитію ея внѣшнихъ сношеній и столкновеній, вообще благодаря болѣе широкому поприщу дѣятельности, на какое она выступила уже въ XIV вѣкѣ. Съ другой стороны, внѣшніе успѣхи Москвы должны были рано усложнить ея внутреннее управленіе настолько, чтобы вывести центральное правительство изъ тѣснаго круга дворцоваго хозяйства. Такъ уже въ лѣтописномъ разсказѣ о событіяхъ княженія Ивана III открываются слѣды такого устройства службы многочисленнаго служилаго класса и служилаго землевладѣнія по мѣсту службы, что если не самые приказы Разрядный и Помѣстный, то дѣла, которыми они потомъ завѣдывали, должны были завязаться значительно раньше этого княженія.

Такъ московская боярская дума, строясь на одинаковыхъ основаніяхъ съ боярскими совѣтами другихъ княжествъ, еще въ удѣльное время вышла непохожей на нихъ во многомъ. Она отличалась отъ нихъ и количествомъ думныхъ людей, и болѣе раннимъ выходомъ изъ тѣснаго круга дворцоваго хозяйства, и болѣе раннею выработкой постоянной формы; думаемъ, что она отличалась отъ другихъ и общественнымъ характеромъ своихъ членовъ. Если припомнимъ общественное положеніе и служебные нравы тогдашнихъ бояръ, ихъ бродячесть, недостатокъ прочныхъ связей между собою и съ мѣстными обществами, привычку служить князьямъ по личному временному договору, то поймемъ, что люди, которымъ князь поручалъ высшее управленіе своею

вотчиной, были для него собственно чужіе, сторонніе люди, его случайные гости или точнѣе наемные сотрудники. Вся совокупность этихъ людей, разсѣянныхъ по княжествамъ, составляла слой, отличавшійся отъ остальнаго общества богатствомъ, вліяніемъ, родомъ дѣятельности, можетъ быть даже понятіями; но при каждомъ дворѣ это былъ не общественный классъ, а измѣнчивый кругъ одинокихъ лицъ, случайно встрѣтившихся другъ съ другомъ. Такое положеніе думнаго боярства было отраженіемъ общаго состоянія Руси, создавшаго тѣ великія и удѣльныя княжества, по которымъ служили бояре. Тогда все здѣсь дробилось, обособлялось. Складывался великорусскій народъ; но онъ оставался пока единицей этнографической и церковной, не ставъ еще цѣлымъ ни экономическимъ, ни политическимъ. Только въ Москвѣ обстоятельства начали соединять эти одинокія лица въ нѣчто цѣлое, въ плотный общественный классъ. Уже въ XIV в. московская служба представляла выгоды, какихъ бояринъ не находилъ при другихъ дворахъ, а отсюда и усиленный приливъ служилыхъ людей въ Москву и сравнительно меньшая наклонность московскихъ бояръ переѣзжать къ другимъ князьямъ. Это сообщало здѣшнему боярству бóльшую устойчивость, его положенію и отношеніямъ бóльшую опредѣленность. Выгоды московской службы росли вмѣстѣ съ политическими успѣхами Москвы; отсюда дружное содѣйствіе, какое московскій великій князь XIV вѣка находилъ въ своихъ и иногда даже въ чужихъ боярахъ. Это пріучало московскихъ бояръ дѣйствовать въ одномъ извѣстномъ направленіи, воспитывало въ нихъ твердыя политическія привычки и сочувствія, политическое преданіе. Изъ событій XIV в., въ которыхъ они играли такую дѣятельную роль, они должны были вынести и больше сословной сплоченности, и больше политической выправки сравнительно съ своей братіей другихъ княжествъ; надобно думать, что они крѣпче послѣдней привязывались къ мѣсту своего служенія и нитями экономическими, благодаря болѣе успѣшному развитію боярскаго землевладѣнія въ Московскомъ княжествѣ. Тѣснѣе связанные между собою и съ княземъ, московскіе бояре переставали быть случайными товарищами по службѣ, подвижными правительственными наемниками. Все это должно было отразиться на значеніи московскаго боярина, какъ совѣтника княжескаго. Въ думѣ съ княземъ онъ былъ нуженъ послѣднему не столько какъ прикащикъ, завѣдывающій извѣстною частью дворцоваго хозяйства, или какъ прі-

ѣзжій вольный наемникъ, котораго надобно было связать словомъ въ пользу извѣстнаго предпріятія: здѣсь онъ былъ важенъ для князя больше какъ хранитель мѣстной политической пошлины, какъ старый и вѣрный отцовскій слуга, радѣвшій княжескому дому и его отчинѣ, связанный съ ними одинаковыми постоянными интересами. Отсюда большое политическое вліяніе, съ какимъ является московское боярство при своемъ князѣ въ событіяхъ XIV и XV в. Князь того времени едва ли могъ еще сказать своимъ боярамъ, что говорилъ потомъ отецъ Грознаго своимъ: «мы вамъ государи прирожденные, а вы наши извѣчные бояре». Но московскій князь XIV в. говорилъ имъ: «вы звались у меня не боярами, а князьями земли моей». Современникъ біографъ, вложившій эти слова въ уста умирающаго великаго князя Димитрія Донскаго, заставляетъ его сказать своимъ дѣтямъ: «бояръ своихъ любите, безъ воли ихъ ничего не дѣлайте»; а дядя Донскаго великій князь Семенъ въ своей духовной даетъ завѣтъ братьямъ: «слушали бы есте отца нашего владыки Олексѣя, такоже старыхъ бояръ, кто хотѣлъ отцу нашему добра и намъ».

Такъ, когда московская боярская дума начала выступать изъ тѣсной сферы дворцоваго хозяйственнаго управленія, и московскій бояринъ изъ дворцоваго прикащика князя сталъ превращаться въ государственнаго совѣтника, приближавшагося по своему значенію къ тому, что потомъ стали разумѣть подъ этимъ словомъ. Вмѣстѣ съ тѣмъ сталъ измѣняться и характеръ всего управленія, а за нимъ и характеръ самой правительственной среды. Удѣльный князь правилъ собственно посредствомъ лицъ, случайныхъ, слабо связанныхъ и съ нимъ и между собою; московскій князь еще прежде, чѣмъ сталъ во главѣ соединенной сѣверо-восточной Руси, правилъ уже посредствомъ извѣстныхъ общественныхъ классовъ.

Это былъ фактъ новый, можетъ-быть первый, которымъ обозначился выходъ верхневолжской Руси изъ состоянія удѣльнаго дробленія. Потому онъ прежде и замѣтнѣе, чѣмъ гдѣ-либо, обнаружился въ княжествѣ, которое положило конецъ этому состоянію. Но по своему происхожденію этотъ фактъ не былъ чуждъ удѣльной Руси; напротивъ, отсутствіе политическаго единства въ странѣ было прямымъ его источникомъ. Бродячія служилыя силы, сомкнувшись въ устойчивый правительственный классъ вокругъ великаго князя московскаго, послужили послѣднему могущественнымъ орудіемъ политическаго объединенія Руси.

Но еслибы почему-нибудь это объединеніе замедлилось, мы, вѣроятно, увидѣли бы тотъ же фактъ не въ одной Москвѣ, но и въ другихъ сосѣднихъ съ ней великихъ княжествахъ. Бояре были вольные слуги, служившіе тому или другому князю по вольному уговору. Князь долженъ былъ обдумывать дѣла сообща съ ними, чтобы заручиться ихъ содѣйствіемъ въ задуманномъ предпріятіи; иначе они могли сказать князю: ты безъ насъ это задумалъ, — такъ не идемъ съ тобой. Такъ было въ удѣльное время; такъ же было и въ старой кіевской Руси въ періодъ очереднаго княжескаго владѣнія. Но при сходствѣ политическихъ побужденій, вызывавшихъ такіе совѣты въ то и другое время, была большая разница въ характерѣ ихъ дѣятельности и въ отношеніи совѣтниковъ къ обществу. Подвижные князья прежняго времени съ своими дружинами были связующимъ элементомъ для общества среди городовыхъ волостей, на которыя распадалась кіевская Русь: не привязываясь прочно къ почвѣ, князья скользили по поверхности этихъ земскихъ міровъ, противодѣйствуя ихъ мѣстному обособленію, вытягивая изъ нихъ своихъ слугъ и сотрудниковъ. Теперь, напротивъ, въ верхневолжской Руси князья съ своими дворами были силой, разъединявшей общество: они крѣпко ухватились каждый за свою вотчину и и мимо нихъ шло народное движеніе, увлекавшее всѣ классы, которые не хотѣли знать политическихъ перегородокъ, какія ставилъ удѣльный порядокъ княжескаго владѣнія. Вся внутренняя политика князей теперь состояла въ томъ, чтобы остановить это народное движеніе, задержать текучія силы въ своемъ княжествѣ административными и хозяйственными плотинами, усадить на мѣстѣ. Служилые люди были также захвачены этимъ потокомъ, и правительственное искусство князя состояло теперь въ томъ, чтобы поймать и удержать при себѣ служилаго человѣка, какъ прежде оно состояло въ умѣньи вырвать его изъ мѣстнаго общества и увлечь за собой. Лучшимъ средствомъ удержать при себѣ вольныхъ слугъ было для князя развитіе служилаго боярскаго землевладѣнія: чрезъ него не только самъ слуга привязывался къ княжеству, но и становился орудіемъ привязи для низшаго населенія, и князь щедро надѣлялъ своего боярина поземельными льготами съ тѣмъ, чтобъ онъ привлекалъ на свою землю и удерживалъ на ней вольныхъ поселенцевъ. Общій экономическій интересъ устанавливалъ между княземъ и его боярствомъ политическую солидарность нѣсколько иную и

во всякомъ случаѣ болѣе прочную, чѣмъ какая существовала между ними въ XII вѣкѣ, при отсутствіи или слабости этого интереса. Совѣтъ съ бояриномъ оставался и теперь обязательнымъ для князя потому же, почему онъ былъ обязателенъ прежде; но теперь онъ чаще надобился князю, и надобился по другимъ дѣламъ, потому что измѣнились правительственныя задачи, требовавшія содѣйствія бояръ. Прежде это содѣйствіе нужно было князю больше въ его отношеніяхъ къ другимъ князьямъ и къ старшему городу собственной волости, обыкновенно недовѣрчивому и строптивому, и меньше въ дѣлахъ текущаго внутренняго управленія: это послѣднее уже достаточно установилось, притомъ бо̀льшею частью независимо отъ князя, самимъ мѣстнымъ обществомъ, и дальнѣйшія перемѣны въ немъ князь не всегда могъ ввести помимо того же общества, безъ содѣйствія вѣча. Теперь вниманіе князя устремлено было преимущественно на внутреннее устроеніе его вотчины; князь съ *своей* думой оставался здѣсь единственной устроительною силой, и такъ какъ все строилось на нови, то содѣйствіе думцемъ надобилось князю на каждомъ шагу. Поэтому не было случайностью и свойство историческихъ памятниковъ удѣльнаго времени, по которымъ мы узнаемъ дѣятельность боярской думы не съ той стороны, съ какой изображаетъ ее древняя лѣтопись. Измѣнились и складъ общества, и его отношенія къ князю; согласно съ этимъ и въ памятникахъ XI—XII вѣка мы встрѣчаемъ боярскую думу преимущественно въ важныя, рѣшительныя минуты, когда для князя рѣшался вопросъ власти, чести, даже иногда жизни, а дѣятельность удѣльной думы открывается преимущественно изъ мелкихъ ежедневныхъ случаевъ управленія, по актамъ поземельнымъ, жалованнымъ, купчимъ, межевымъ и т. д. Согласно съ тѣми же перемѣнами и бояре стали въ нѣсколько иныя отношенія къ князю. Прежде значеніе и отношенія этихъ совѣтниковъ выражались въ ихъ словахъ къ князю: ты это безъ насъ задумалъ, — такъ не *идемъ* съ тобой. Теперь въ случаѣ нужды они могли сказать ему: ты безъ насъ думаешь, — такъ не хотимъ *сидѣть* съ тобой въ твоемъ удѣлѣ.

В. Ключевскій.

ДОМНА-РОЗАНДА.

Истор. манографія Шайнохи.

(Переводъ съ польскаго.)

Сочиненія талантливаго польскаго историка Шайнохи мало извѣстны русской читающей публикѣ. Ея вниманію предлагается историческій этюдъ Шайнохи: „Домна-Розанда". Это была дочь волохскаго господаря Василія Лупулы, жившаго во второй половинѣ XVII вѣка.

Въ выборѣ статьи и въ тѣхъ затрудненіяхъ, которыя встрѣчались въ подстрочномъ переводѣ столь своеобразнаго писателя, какъ Шайноха, я руководствовался обязательнымъ содѣйствіемъ Н. И. Костомарова, глубоко изучившаго эту эпоху. Безспорно, что статья Шайнохи имѣетъ для насъ интересъ и значеніе по слѣдующимъ соображеніямъ:

Хотя эпоха Хмельницкаго тщательно разработана русскими историками, но не безполезно познакомиться со взглядами на эпоху писателей другого, противуположнаго, лагеря. При двойномъ свѣтѣ ярче увидимъ истину.

Шайноха, повѣствуя о судьбѣ Розанды, касается исторіи Волощины, столь мало намъ извѣстной. Такимъ образомъ статья Шайнохи внесетъ лепту въ сокровищницу историческаго знанія.

Трагическая судьба Розанды и ея семейства тѣсно связана съ событіями, потрясшими южную полосу современной Россіи. Рѣдко въ исторіи встрѣчаются примѣры, чтобы на небольшомъ относительно пространствѣ земли сталкивалась такая масса противоположныхъ интересовъ, страстей, національностей, религіи, общественныхъ формъ жизни и культуры. Восточный деспотизмъ турецко-татарскихъ ордъ, демократическій строй казачества, аристократизмъ Рѣчи Посполитой, исламъ, католицизмъ и православіе—

вели отчаянную борьбу во имя политическихъ интересовъ и богатствъ юной Розанды, этой ничѣмъ неповинной жертвы. Это—цѣлая драма, достойная кисти Шекспира.

Все, что было четыреста лѣтъ тому назадъ въ силѣ, исчезло безвозвратно—Рѣчь Посполитая, орда, казачина—и потрясено могущество Турціи. На развалинахъ прошедшаго явилась русская держава и русскій народъ, призванный развивать дальнѣйшую нить исторической жизни на этой богатой событіями мѣстности; но идти впередъ можно лишь при всестороннемъ изученіи прошедшаго.

Ф. Неслуховскій.

I.

Сирота.

Домна-Розанда была самая несчастная сирота въ мірѣ,—у нея не было отечества. У ней были родители, было блестящее положеніе въ свѣтѣ, славилась она чрезвычайнымъ богатствомъ, но все это пошло прахомъ,—у нея не было отечества. Она впала въ бездну невыразимаго горя и сдѣлалась игрушкою судьбы—жертвою многихъ бѣдъ и страданій. Будучи еще отроковицею, она становится предметомъ кроваваго спора между соискателями ея руки, неумышленною виновницей такой кровопролитной войны, какую только знаетъ исторія; наконецъ вѣнценосная невѣста унижается до того, что дѣлается противъ своей воли женою буйнаго казака.

Но не одна только трагическая судьба Домны-Розанды привлекаетъ къ ней наше вниманіе. Ближайшія свѣдѣнія о ней особенно интересны намъ потому, что споры объ ея рукѣ происходили преимущественно на Польской землѣ, лилась кровь благороднѣйшихъ ея сыновъ и убійственный погромъ встревожилъ польскій народъ. Заслуживаетъ вниманія и то обстоятельство, что неумышленная виновница столькихъ народныхъ бѣдствій извѣстна въ исторіи подъ чуждымъ ей именемъ.

Старинныя польскія хроники и позднѣйшія историческія описанія именуютъ героиню нашу Домной, между тѣмъ какъ настоящее ея имя Розанда, къ которому у волоховъ прибавлялся титулъ «domna», латинское «domina» — княжна. Крестное имя въ соединеніи съ почетнымъ титуломъ обратилось въ собственное и героиня нашего разсказа осталась навсегда въ исторіи подъ ополяченнымъ именемъ Домны-Розанды.

Эта злополучная невѣстка нашего Богдана Хмельницкаго, какъ младшая дочь волохскаго (молдавскаго) господаря Василія Лупулы *), не могла разсчитывать на унаслѣдованіе родительскаго престола. Съ тѣхъ поръ, какъ земля Волохская подпала подъ турецкое иго, ни одной фамиліи господарей волохскихъ не удалось упрочить престола за своимъ родомъ: обыкновенно во второмъ уже поколѣніи они теряли скипетръ, попадали, по султанскому приговору, подъ топоръ палача или въ неволю, либо скитались изгнанниками. Вновь посаженный господарь, въ чаяніи упрочить тронъ за своимъ потомствомъ, обыкновенно разрывалъ связь со своей прежнею родней; но послѣ того, лишенный господарскаго сана, очутившись безъ прежняго и новаго отечества, скитался въ сосѣдних странахъ бѣднымъ изгнанникомъ.

Такимъ образомъ несчастное сосѣдство съ варварскимъ исламомъ какъ земли Волохской, такъ и всѣхъ остальныхъ народовъ этого восточнаго края, было причиною безпрерывныхъ въ нихъ смятеній. Потрясенія давали себя чувствовать безъ всякой пощады какъ самому краю, такъ и господствовавшимъ въ немъ родамъ владыкъ и даже каждому ничѣмъ неповинному члену такого рода. Счастливые западные народы только по слухамъ знали объ этомъ бичѣ восточнаго варварства. Они могли свободно трудиться надъ устройствомъ внутреннихъ своихъ дѣлъ, улаживать домашнія недоразумѣнія и могли спокойно, безопасно подвигаться въ просвѣщеніи; но тамъ, на рубежѣ всякаго просвѣщенія, подъ пасмурнымъ небомъ бусурманщины, какъ это бываетъ и въ природѣ подъ давленіемъ надвигающейся бури, ничто не могло спокойно развиваться: ни земля, ни семья и даже ни одна изъ сиротъ семьи не могла дождаться предназначенныхъ ей плодовъ жизни,—все еще въ цвѣту разметывалось бурею.

Съ XVI вѣка шла безпрерывная борьба сосѣднихъ государствъ между собою за обладаніе прекраснымъ краемъ Волохскимъ. Предъ всѣми первенство издавна оставалось за королевствомъ Польскимъ и господари волохскіе, въ знакъ вассальной зависимости отъ короны польской, много разъ преклоняли колѣна въ Снятынѣ и Колымыѣ предъ польскими королями изъ дома Ягеллоновъ. Рядомъ съ Польшею стремились упрочить власть и вліяніе надъ

*) Земля сосѣдняя Буковинѣ, нынѣшняя Молдавія, называлась у поляковъ Волохіею или Волощиною; земля по Дунаю лежащая, нынѣшняя Валахія, называлась у поляковъ Мультаны или Молдавія. Въ настоящемъ разсказѣ сохранены давнія названія.

Волохіей сыны той оригинальной общины, которая состояла отчасти изъ поляковъ и русскихъ, отчасти изъ пришельцевъ разныхъ народностей,—общины, которая была въ одно и то же время послушна и враждебна королевству Польскому и попеременно то во вражде, то въ союзе съ восточною басурманщиною, — общины, которая собственно была только плодомъ замешательства, возникшаго между разнородными элементами, господствовавшими въ техъ странахъ, и чудовищнаго смешенія остатковъ христіанскаго просвещенія съ азіятскимъ варварствомъ: то было казачество. Но суровее всего, однако, отзывался на Волощине гнетъ ярма турецкаго.

При помощи этихъ спорящихъ между собою силъ, а нередко при пособіи орды, или подчиненнаго османамъ Семиградія, временами появлялся на господарстве какой-нибудь грекъ, полякъ, казакъ и редко туземецъ. Изъ Польши претендента на господарство возводило покровительство знатныхъ пановъ, магнатовъ, изъ казацкой Сечи — сабля, изъ Стамбула — подкупъ золотомъ. Каждый, не будучи самъ царской крови, мечталъ оставить тронъ своимъ детямъ, основывалъ въ Волощине своей родне домъ, своему роду пышную оседлость съ высокими замыслами и заоблачными надеждами. Но прежде, чемъ эти замыслы успевали осуществляться, взрывался новый вихрь постояннаго въ томъ крае стихійнаго броженія и креатуру польскихъ магнатовъ заменялъ ренегатъ изъ Турціи, место удалаго друга казаковъ заступалъ разбогатевшій лихвою эпирскій купецъ, а личный любимецъ султана уступалъ место упоенному астрологическими бреднями дворянину испанскихъ королей. Низложенный соперникъ обращался въ прежнее ничтожество, а недоконченное созданіе великихъ родовыхъ плановъ заменялъ иногда скромный дворикъ изгнанника, нашедшаго пріютъ въ Польше (последнее было еще исходомъ сравнительно счастливымъ). Польша вообще была самою могучею опорой господарямъ въ ихъ замыслахъ водворить въ Волощине государственный порядокъ; она же была и вожделеннейшимъ пристанищемъ на случай опасности. Потому-то все господари искали союза съ короною польскою, роднились и дружились съ польскими магнатами, старались пріобрести именія и права обывателя въ Польше. Въ особенности пользовалась Польша дружбою и покорностію господарей изъ туземцевъ, более почетныхъ претендентовъ на власть въ собственномъ крае, какъ, напримеръ, дружбою уважаемаго господаря Іереміи Могилы, въ цар-

ствованіе Сигизмунда Вазы. Упомянутый Іеремія Могила замышлялъ даже соединеніе Волощины съ Польшею и въ договорѣ, заключенномъ въ 1595 году съ польскою короною, «просилъ предоставить волохамъ, съ пріобрѣтеніемъ ими наслѣдственныхъ волостей и со вступленіемъ въ брачные союзы, всякую свободу въ Польшѣ». «Итакъ,—гласитъ договоръ,—оба народа войдутъ въ братство между собою и ничѣмъ не будутъ различаться другъ отъ друга, какъ дѣти одной матери» *).

Сноснѣе чѣмъ гдѣ-либо участь волохскаго изгнанника была въ Польшѣ. Правда, и въ Польшѣ весьма нерѣдко, вмѣсто пріюта, ожидала его кара, за то въ Турціи обыкновенно угрожала ему петля палача,—въ день бѣдствія никуда нельзя было спастись. Приходилъ низвергнутымъ господарямъ неизбѣжный конецъ: родившись гдѣ-нибудь въ далекихъ краяхъ полуденныхъ, или полуночныхъ, они послѣ своего господарскаго величія въ Волохіи находили безъименную могилу на кладбищѣ, гдѣ хоронили выброшенныхъ изъ оконъ Эдыкулъ («Черной башни») плѣнниковъ турецкихъ, или на днѣ какого-нибудь южнаго моря, испустивъ дыханіе съ невольничьимъ галернымъ весломъ въ рукахъ.

Какое трагическое зрѣлище, почти въ неизмѣнной послѣдовательности, представляетъ намъ исторія господарей волохскихъ въ теченіе цѣлаго столѣтія, предшествовавшаго нашему повѣствованію!

Начиная отъ господаря Якова Гераклида Деспота въ 1563 г. вплоть до отца Домны-Розанды проходитъ рядъ искателей приключеній, которыхъ, за весьма малѣйшимъ исключеніемъ, незнаешь какъ назвать—плутами или героями. Вотъ, напримѣръ, Яковъ Гераклидъ: сынъ греческаго матроса съ какого-то изъ острововъ, Самоса или Крита, онъ былъ сначала писцомъ въ ватиканской библіотекѣ, затѣмъ въ Эскуріалѣ—придворнымъ Карла V, послѣ того — скитальцемъ по Швеціи и Лифляндіи, потомъ — гостемъ польскихъ магнатовъ, съ помощію которыхъ пришелъ въ Волощину, гдѣ онъ сталъ господаремъ. Какъ бы царь или деспотъ волохскій, онъ сперва законодатель, потомъ угнетатель своего народа и за то разомъ, нѣсколькими соперниками сверженный съ престола, лишенъ турками свободы и жизни. Рѣзкими чертами означилъ онъ свое имя въ исторіи.

*) Присяга Іереміи Могилы въ 1595 году. Немцѣвичъ: „Zbiór pamiętnikow dawnej Polski", т. IV, стр. 147.

Спустя десять лѣтъ послѣ господаря Гераклида усѣлся на волохскомъ престолѣ удивительнѣйшій господарь, по общему мнѣнію шляхтичъ изъ Мазовіи, именуемый волохами Ивоніей. Принявъ—вѣроятно, въ плѣну—турецкую вѣру, онъ посредствомъ торговли нажилъ несмѣтныя богатства и, благодаря имъ, сдѣлался султанскимъ любимцемъ, потомъ пашою и затѣмъ господаремъ волохскимъ. Когда ему, по приказанію султана, велѣно было платить «харачъ» въ большемъ размѣрѣ, въ немъ пробудилась шляхетская гордость: онъ провозгласилъ себя снова христіаниномъ и поднялъ народъ къ защитѣ независимости. При помощи казаковъ удалось ему одержать нѣсколько побѣдъ надъ соединенными арміями, турецкою и молдавскою, но въ дальнѣйшемъ ходѣ войны счастіе ему измѣнило. Преданный измѣною и взятый въ плѣнъ, Ивонія съ гордо-поднятымъ челомъ погибъ смертію христіанскаго богатыря.

Спустя пять лѣтъ послѣ смерти Ивоніи овладѣлъ волохскимъ господарствомъ одинъ изъ удальцовъ Запорожской Сѣчи, казакъ Иванъ Подкова, назвавшій себя родственникомъ Ивоніи. Былъ Подкова дѣйствительно близокъ къ Ивоніи не только по польскому происхожденію, но и по духу. Онъ стремился, согласно съ военными планами польскаго короля Стефана, возобновить борьбу за освобожденіе Волощины отъ турокъ. Но король Стефанъ не любилъ незванныхъ союзниковъ. Вступивъ въ войну съ Москвою, онъ желалъ сохранить на то время миръ съ султаномъ и потому противился горячности новаго господаря. Схваченный поляками, Иванъ Подкова былъ обезглавленъ палачомъ на львовскомъ рынкѣ. «Несъ свою голову въ бой съ невѣрными, теперь кладу ее на жертву христіанамъ», произнесъ онъ на эшафотѣ *). Это была плачевнѣйшая жертва разрыва между полумѣсяцемъ и крестомъ, въ концѣ концовъ покинутая и тою, и другою стороною.

Черезъ десять слишкомъ лѣтъ, силою оружія Замойскаго, поляки возвели на господарство знатнаго туземца Іеремію Могилу. Необыкновенною милостію неба, онъ умеръ на престолѣ, обольщая себя надеждою упрочить престолъ за своимъ родомъ. Но за рѣдкое счастіе отца жестоко поплатилось его многочисленное потомство. Изъ нѣсколькихъ его сыновей одинъ нашелъ пріютъ подъ кровлею польскаго дворика на Подолѣ, другой погибъ въ неволѣ магометанской, третій отрекся отъ вѣры отцовъ и умеръ

*) Зубрицкій: «Хроника города Львова», 1578 г., стр. 203.

въ исламѣ придворнымъ челядинцемъ султана. Четыре дочери Іереміи нашли себѣ спасеніе въ Польской землѣ въ супружескихъ союзахъ съ первѣйшими панами королевства.

Но много было пролито крови польской и волохской для удержанія сыновьямъ Могилы княжеской шапки и для выручки приданаго дочерямъ; двѣ изъ дочерей пожертвовали своими мужьями, а всѣ четыре — многимъ числомъ родныхъ и близкихъ изъ поляковъ. Наконецъ, плодомъ всѣхъ усилій, единымъ наслѣдіемъ свѣтлыхъ надеждъ отцовскихъ, осталась семья разсѣянныхъ по міру сиротъ.

Послѣ паденія дома Могилы скипетромъ волохскимъ овладѣлъ Каспаръ Граціанъ, родомъ кроатъ. Прежде всего мы встрѣчаемъ его въ числѣ слугъ эрцъ-герцоговъ штирійскихъ, затѣмъ въ такой же роли при дворѣ короля неаполитанскаго, гдѣ, чтобъ обратить на себя вниманіе цареградскаго Дивана, онъ взялся выкупать изъ неволи у христіанъ турецкихъ плѣнниковъ. Заручившись расположеніемъ султана, онъ получилъ волохское господарство для того, чтобы лживыми обѣщаніями искусить поляковъ къ походу цецорскому. На поляхъ Цецоры воздвиглась знаменитѣйшая изъ могилъ, по которымъ Волощину издавна прозвали кладбищемъ поляковъ, а въ самой уединенной могилѣ слегъ самъ искуситель Граціанъ послѣ своего бѣгства изъ рядовъ польскихъ.

Во время цецорскаго похода въ лѣсахъ Покутья и Буковины свирѣпствовала шайка «опришковъ» *), во главѣ которой стоялъ какой-то Барновскій, родомъ полякъ, по воспитанію волохъ, вообще же извѣстный на русскомъ рубежѣ разбойничій атаманъ. Добивая остатки польской арміи, уходившіе изъ обоза, онъ заслужилъ вниманіе преемника Граціана, поступилъ къ нему на службу и вскорѣ открылъ себѣ путь къ господарству. Усѣвшись на княжескомъ престолѣ подъ именемъ Мирона I, онъ поспѣшилъ отправиться за султанскимъ утвержденіемъ въ Царьградъ, но тамъ судьба поблагопріятствовала другому. Соперникъ его исходатайствовалъ у Дивана казнь Мирона, а опустѣвшій престолъ господарскій въ слѣдующемъ 1634 году занялъ третій претендентъ—отецъ нашей Домны-Розанды, Василій Лупула, который въ польскихъ правительственныхъ актахъ извѣстенъ подъ именемъ Владислава IV. Былъ онъ самый соотвѣтственный по ха-

*) Карпатскіе горные удальцы. *Примѣч. перев.*

рактеру туземной исторіи претендентъ на Волощину: какъ въ недалекомъ будущемъ пришлось ему остаться безъ трона и безъ найденнаго подъ волохскимъ небомъ отечества, такъ и прежняя жизнь его осталась неизвѣстною,—не знали ни его происхожденія, ни его прежняго отечества. Преданіе признаетъ его родомъ изъ Эпира, грекомъ, разбогатѣвшимъ отъ торговыхъ предпріятій.

Поляки положительно пе признавали его потомкомъ господарскаго дома Могилы; но такъ какъ обѣ дочери Лупулы считались въ Польшѣ вообще Могилянками, то вѣроятно, что отецъ ихъ, по крайней мѣрѣ по женской линіи, происходилъ изъ этого рода. Во всякомъ случаѣ Лупула зналъ Волощину съ давнихъ лѣтъ, былъ должностнымъ лицомъ у прежнихъ господарей и, одинаково хорошо знакомый съ положеніемъ дѣлъ въ Турціи и Волощинѣ, былъ хорошо подготовленъ къ принятію княжеской власти.

Тотчасъ по вступленіи въ княжескій дворецъ, новому господарю пришлось, по принятому обычаю, собрать около себя кружокъ родни и свить себѣ уютное гнѣздышко для отдыха послѣ долголѣтней скитальческой жизни среди чужихъ людей. Польская шутливость острила надъ этими волохскими гдѣздами—непрочными и перемѣнчивыми, какъ убѣжище перепелокъ; отсюда сложилась въ Польшѣ поговорка: «hospodarstwo woloskie jak przepiórcze pole» (волохскій господарь во дворцѣ—что перепелъ въ полѣ).

Но человѣческой природѣ нравятся азартныя игры: въ иномъ ущельѣ альпійскихъ горъ снѣжный обвалъ ежегодно заноситъ хатку скитальцевъ, но всегда найдется новый поселенецъ, который выстроитъ вновь хатку на томъ же мѣстѣ. Чуть не каждый господарскій родъ погибалъ жертвою варварскихъ смятеній въ этомъ краѣ—и все-таки каждый новый господарь торопился свить себѣ новое гнѣздо надъ бездною и основать новый родъ изгнанниковъ.

Проницательный Василій Лупула руководствовался въ этомъ случаѣ болѣе разсудкомъ, нежели чувствомъ. Вступилъ онъ въ бракъ не съ христіанкой, не съ полькой, какъ дѣлали многіе его предшественники, но съ магометанкой, черкешенкой, которая, вѣроятно, послѣ брака приняла крещеніе. Это возбудило противъ него недоброжелательство въ христіанской Волощинѣ, но расположило къ нему султана и вліятельныхъ цареградскихъ сторонниковъ жены господаря. Василій поспѣшилъ успокоить встревоженную совѣсть своего народа и духовенства: онъ сталъ раздавать щедрую милостыню греческимъ церквамъ въ Волощинѣ и

въ султанской столицѣ. Когда же Василій Лупула, какъ господарь, за большую сумму исходатайствовалъ у Дивана согласіе на перенесеніе мощей Св. Параскевы изъ Царьграда въ Яссы и основалъ тамъ монастырь, то ему дозволялось гораздо большее самовластіе въ дѣлахъ церковныхъ, чѣмъ кому-либо изъ предшествовавшихъ господарей. Пріобрѣтенныя при посредствѣ жены-мусульманки связи въ Стамбулѣ помогли ему на долгія лѣта сохранять наилучшія отношенія съ Диваномъ, и сталъ онъ выше своихъ предшественниковъ уже тѣмъ, что долѣе ихъ удержалъ за собою правленіе. Такимъ образомъ Лупула и его жена имѣли время выростить двухъ дочерей, изъ которыхъ младшая наречена была старопольскимъ именемъ—Розанда *). Рожденная отъ отца грека и матери черкешенки, носившая въ Польшѣ названіе Могилянки, обязанная послушаніемъ Портѣ, которая считала за собою право самовластной опеки надъ дочерями господаря,—въ какомъ изъ этихъ краевъ и народовъ должна была Розанда видѣть свое отечество? Уже то, что она родилась на тронѣ господарскомъ, предвѣщало ей паденіе и скитальческую жизнь, и ей тѣмъ болѣе было необходимо то пристанище или убѣжище, какое при всякомъ толчкѣ судьбы даетъ намъ сознаніе, что у насъ есть отчизна. Но безъ этого пріюта не шло ли къ Розандѣ названіе «сироты?»

Сиротою, по-истинѣ, была дочь господаря, какъ и ея родина, какъ и каждый порубежный край, лежавшій по сосѣдству съ дикимъ варварствомъ. Не было у ней отчизны; за то въ тѣхъ краяхъ и у тѣхъ народовъ, съ которыми она была связана различными узами, выискивалось много соперниковъ, споривших между собою изъ-за ея руки. Подобно тому, какъ за обладаніе Волощиною безпрестанно боролись: Оттоманская Порта, Польское королевство и запорожское войско съ татарами,—такъ и Домна-Розанда сдѣлалась предметомъ борьбы претендентовъ и вліяній турецкихъ, польскихъ, казацкихъ. Съ этой стороны представляется особенно любопытною исторія этой «Могилянки». Судьба ея представляетъ собою трагическій образъ судьбы цѣлаго края. Молодая сирота становится на время цѣлью и побѣдною пальмой того пограничнаго удальства, которое съ незапамятныхъ временъ въ тѣхъ порубежныхъ краяхъ проявилось въ борьбѣ зачатковъ об-

*) Примѣчаніе Н. И. Костомарова: „Имя ея было *Локсандра*, т. е. Александра, а выраженіе «Домна-Розанда» равняется французскому: madame Alexandrine“.

разованности съ зачатками варварства, а обильно пролитая въ этомъ удальствѣ кровь была дорогая для сироты кровь польская.

Соперники съ оружіемъ въ рукахъ добивались овладѣть Волощиной и вмѣстѣ съ тѣмъ рукой Розанды, разсчитывая на ея приданое и на тѣ сокровища ея отца, о которыхъ въ иноземныхъ странахъ, какъ равно и о богатствѣ всей Волощины, ходили баснословные слухи. О нихъ-то мы и скажемъ прежде всего.

II.

Богатство господаря.

О сокровищахъ Лупулы существовало тѣмъ болѣе высокое мнѣніе, что никто не видалъ ихъ своими глазами. Были однако обстоятельства, устранявшія всякое сомнѣніе въ дѣйствительности ихъ существованія. Первымъ изъ такихъ обстоятельствъ была непрочность положенія самихъ господарей, понуждавшая каждаго изъ нихъ жадно копить сокровища, чтобы было чѣмъ предотвратить угрожавшую опасность, или облегчить горе въ минуты изгнанія. Поэтому-то всякій разъ, когда мы встрѣчаемъ извѣстіе, что господари скрываются въ какомъ-нибудь отдаленномъ мѣстѣ отъ постигшей ихъ бѣды, тутъ же рядомъ идетъ рѣчь о сокровищахъ, будто бы увезеныхъ изгнанниками въ глубину лѣсовъ Буковины, въ стѣны Каменецъ-Подольской крѣпости, или въ отдаленный уголокъ Польши.

Лупула, по самому уже званію господаря, прослылъ за скопидома и обладателя громадныхъ сокровищъ, а личные его поступки еще болѣе увеличивали сложившееся о немъ мнѣніе. Всѣхъ поражало, что Лупула въ теченіе долгихъ лѣтъ управлялъ страною, а въ то время долго и спокойно управлять въ Яссахъ могъ лишь тотъ, кто щедро сыпалъ золото въ Стамбулѣ: не задолго до вступленія Лупулы на престолъ состоялось султанское распоряженіе, чтобы каждый изъ волохскихъ князей ежегодно получалъ новую грамоту объ утвержденіи его въ этомъ званіи и чрезъ каждые три года лично являлся въ Царьградъ хлопотать о продолженіи царской милости. Многолѣтнее счастливое исполненіе этой тяжелой повинности Лупулой привело всѣхъ къ убѣжденію, что сокровищница его бездонна, если ежегодный «харачъ» и посулы не исчерпали ее.

Куда бы ни достигало имя господаря Василія Лупулы, въ какой бы странѣ ни появлялись его послы, повсюду видны были

несомнѣнные признаки богатствъ волохскаго господаря, далеко отражался отблескъ отъ его сокровищъ, которыя, какъ солнце, сіяли гдѣ-то въ глубинѣ подваловъ замка, возобновленнаго Лупулою въ Яссахъ. И патріархъ константинопольскій, и многіе католическіе монахи римской церкви одинаково получали отъ господаря щедрыя подаянія; сверхъ того, патріархъ получилъ значительную сумму для уплаты долговъ своей церкви. Каждое письмо къ королю польскому сопровождалось богатыми подарками, описаніемъ которыхъ французскія и нѣмецкія газеты того времени долго занимали вниманіе европейской публики. Даже богатѣйшіе польскіе магнаты, особенно высшіе сановники воеводствъ, сосѣднихъ Волощинѣ, пріучены были къ господарскимъ подаркамъ, считавшимся въ тѣхъ странахъ важнѣйшимъ источникомъ обогащенія.

Что же, наконецъ, сказать о той непомѣрной пышности, которая поражала всякаго, приближавшагося къ особѣ самого господаря? Его окружало величіе, напоминавшее собою блескъ восточнаго двора, тѣмъ болѣе, что за предѣлами Волощины открывался въ дѣйствительности восточный міръ, по наружному виду болѣе нашего великолѣпный. По этому поводу много приводившихъ въ изумленіе подробностей въ обстановкѣ господарскаго двора было только подражаніемъ восточной выставкѣ богатствъ на-показъ, а приведенные въ изумленіе поляки принимали ихъ за дѣйствительные и, возвращаясь на родину, разносили преувеличенные слухи о сокровищахъ Лупулы.

Во всякомъ случаѣ было не мало несомнѣнныхъ признаковъ дѣйствительнаго богатства господаря. Пріѣзжавшихъ въ Волохскую землю княжескихъ гостей обыкновенно ожидали выѣхавшіе впередъ на встрѣчу бояре, придворные и нарядно убранная милиція. Для пріема во дворцѣ кого-либо изъ важныхъ иноземныхъ сановниковъ отправлялся на встрѣчу отрядъ великолѣпно убранныхъ всадниковъ, сопровождавшій придворную карету. Въ каретѣ ѣхали двое придворныхъ сановниковъ для приглашенія почетнаго гостя во дворецъ господаря. По пути во дворецъ болѣе и болѣе обнаруживались признаки восточной жизни, чаще и чаще проявлялась туреччина въ одеждѣ и говорѣ многочисленной толпы, кишавшей на площадяхъ; среди группъ волохской пѣхоты, одѣтой въ красный цвѣтъ, виднѣлись группы янычаръ, а у подъѣзда дворца, среди высокихъ шапокъ волохскихъ бояръ, мелькали турецкія чалмы.

Въ покои дворца вводилъ гостя маршалъ двора, окруженный толпою каларашей *) и придворныхъ, поражавшихъ разнообразіемъ костюмовъ турецкихъ, татарскихъ, волохскихъ и даже польскихъ. Эта свита растворяла двери—и взору посѣтителя открывался обширный залъ, или на мѣстномъ языкѣ—диванъ, служившій мѣстомъ судебныхъ совѣщаній. Затѣмъ слѣдовалъ другой залъ, или диванъ, въ которомъ величаво засѣдали члены княжескаго совѣта, образуя живописный кругъ, составленный на половину изъ величавыхъ, въ бѣлыхъ чалмахъ, турокъ и на половину изъ бородатыхъ, въ національныхъ костюмахъ, волоховъ. Наконецъ, открывался третій залъ, обставленный самымъ богатымъ образомъ, среди котораго возсѣдалъ на тронѣ господарь.

«Было по-истинѣ,—писали польскіе послы, пораженные открывавшимся передъ ними зрѣлищемъ **),—чему подивиться этой господарской магнифиценціи, которая вполнѣ достойна всякой консидераціи. Кромѣ другихъ одеждъ, было на господарѣ одѣяніе подобное тому, какое носилъ турецкій султанъ, производившее шумъ и шелестъ, какъ ни на одномъ изъ монарховъ. Оно, какъ кажется, было изъ альтембасовой ткани, съ вышитыми золотомъ цвѣтами, въ палецъ толщиною, съ двумя парами застежекъ бриліантовыхъ, очень блестящихъ и, полагаю, высокой цѣнности, подшитое соболями, которые достоинствомъ, конечно, соотвѣтствуютъ покрышкѣ».

Дворъ господаря представлялъ еще болѣе блеска и величія спустя нѣсколько мѣсяцевъ послѣ приведенныхъ посломъ словъ удивленія. Это были, несомнѣнно, лучшія минуты въ жизни волохской столицы во время правленія Лупулы,—минуты, полныя лучшихъ надеждъ для страны и ея правителя. Господарь въ это время праздновалъ свадьбу старшей своей дочери, Елены-Маріи, съ княземъ биржанскимъ и дубинскимъ, Янушемъ Радзивиломъ ***).

---

*) Непонятное для Линде слово *каларашъ*, вѣрнѣе карлашъ, объясняется слѣдующимъ образомъ въ отрывочномъ описаніи посольства Николая Бѣгановскаго, подстолія львовскаго въ Турціи въ 1643 году (Срав. „Дневникъ Станислава Освѣцима", рукоп. въ библіотекѣ Оссолинскихъ № 224, стр. 461):

„Изъ Хоцима до самыхъ Яссъ на всемъ пути насъ сопровождали каралаши (это люди, которыхъ господарь волохскій содержитъ во всѣхъ городахъ для быстраго исполненія его порученій)".

**) Описаніе посольства Николая Бѣгановскаго: „Дневникъ Станислава Освѣцима", стр. 463.

***) Описаніе свадьбы по свидѣтельству современниковъ: „Theatri Europe oder historischer Beschreibung der denkwürdigsten Geschichten von Jahr 1647".—„Жизнь Януша Радзивила", Эдуарда Котлубая. Вильно, 1859 г., стр. 78—81.

Помолвку дочери господаря съ княземъ Янушемъ во всѣхъ отношеніяхъ можно было считать счастливымъ событіемъ. По своимъ богатствамъ «князь на Биржахъ и Дубинкахъ» не многимъ уступалъ волохскимъ господарямъ, по радовитости же князь Радзивилъ считалъ себя выше господаря Василія Лупулы. Лупула— сынъ никому неизвѣстныхъ родителей—въ настоящемъ случаѣ роднился съ домомъ баснословной древности, владѣтелемъ семи княжествъ въ Литовской землѣ, родственно связаннымъ съ царствовавшими домами въ Европѣ. Не говоря уже о Варварѣ Радзивилъ, увѣнчанной польскою короною, родной дядя новаго господарскаго зятя, одноименный ему Янушъ, женился недавно на дочери курфирста бранденбурскаго, Софіи-Елизаветѣ, и этимъ бракомъ связалъ по крови домъ Радзивиловъ съ половиною царствовавшихъ династій въ Европѣ.

Но, кромѣ блеска такой связи, свойство князя Януша Радзивила съ Лупулою представляло еще другія, болѣе цѣнныя, ожиданія. Лупула, какъ родственникъ и преемникъ господарскаго дома Могилы, дружелюбнаго нѣкогда Польшѣ, всегда поддерживалъ добрыя отношенія съ короною польскою; но никогда онъ не выступалъ съ болѣе ясными доказательствами своего расположенія къ польской коронѣ, какъ въ настоящемъ случаѣ. Родственная связь съ домомъ Радзиловъ была рѣшительнымъ шагомъ къ переходу господаря на сторону Польши. Тѣмъ болѣе могла радоваться корона польская настоящему случаю, что союзъ Лупулы съ Радзивилами и Польшею совпалъ со временемъ тайныхъ приготовленій Владислава IV къ великой войнѣ съ Турціею, въ которой дружба или вражда Волощины могла дать рѣшительный перевѣсъ той или другой сторонѣ. Въ случаѣ побѣды христіанъ надъ Блистательною Портою, Лупула, какъ связанный узами родства съ могущественнымъ въ Литвѣ домомъ Радзивиловъ, могъ разсчитывать на полную независимость княжества отъ Турціи, на тѣсное, предначертанное еще Іереміей Могилою, соединеніе съ Польшею и на неисчислимыя выгоды для обоихъ народовъ, населявшихъ Днѣстровскія побережья.

Во всякомъ случаѣ не легко было уладить этотъ брачный союзъ, богатый такими блестящими надеждами. Господарь и князь Янушъ Радзивилъ встрѣтили вначалѣ непреоборимыя препятствія. Главное препятствіе было со стороны Порты, которой протекторатъ распространялся не только на княжество, но и на родственныя отношенія господарской семьи. Поэтому Лупула не

могъ выдать замужъ свою дочь безъ согласія Дивана, который всегда сопротивлялся и не желалъ слишкомъ тѣснаго сближенія господарей съ польскою короною и польскими панами. И на этотъ разъ также султанъ Ибрагимъ долго не соглашался на вступленіе въ бракъ Могилянки съ польскимъ княземъ; но когда, съ помощію золота Лупулы и при посредничествѣ семиградскаго князя, личнаго друга Радзивила и такого же вассала Порты, какъ Лупула, Диванъ сталъ уже склоняться и готовъ былъ дать свое согласіе на бракъ,—неожиданно въ самой столицѣ Яссахъ обнаружилась интрига, которую устроили польскіе недоброжелатели князя Януша. Они завидовали богатому приданому господарской дочери, а можетъ-быть еще болѣе завидовали тому, что зять легко могъ наслѣдовать престолъ тестя. Чтобъ охладить родителей Домны-Елены къ свойству съ Янушемъ Радзивиломъ, былъ пущенъ слухъ, что самъ великій князь московскій замышляетъ искать руки дочери богатаго господаря. По этой причинѣ и по многимъ другимъ помолвка князя откладывалась, посольства князя Януша не достигали Яссъ и цѣлыхъ три года прошли въ безпрерывныхъ проискахъ партій; наконецъ дѣло о союзѣ Радзивила съ домомъ Лупулы, а Волощины съ Польшею—увѣнчалось полнымъ успѣхомъ.

Въ это-то время явилась въ полномъ блескѣ величія эта «магнифиценція» двора и сокровищъ господаря волохскаго. На всѣ стороны прозвучало господарское и турецкое золото, пущенное въ ходъ изъ подваловъ Лупулы. Поскакали послы господарскіе съ богатыми дарами и съ приглашеніями на свадебный пиръ въ Яссы.

Почти въ одно и то же время отправились два волохскихъ посольства ко дворамъ варшавскому и константинопольскому съ извѣстіемъ о литовской свадьбѣ: одно—къ королю Владиславу IV, другое—къ султану Ибрагиму. Не замедлили прибыть съ принесеніемъ поздравленій и для присутствованія при торжествѣ послы: отъ султана Ибрагима, отъ короля Владислава IV, отъ курфирста бранденбургскаго, отъ князей курляндскаго и семиградскаго, отъ цареградскаго патріарха, отъ воеводы мультанскаго и множества воеводъ и пановъ польскихъ, приглашенныхъ на свадебный пиръ. Наконецъ, въ послѣднихъ числахъ января 1645 года, пожаловалъ къ границамъ Волощины самъ женихъ, окруженный тысячами пановъ, придворныхъ слугъ и войска, подъ шестью національными знаменами и сверхъ того съ отрядомъ чужеземныхъ наемниковъ.

Съ тѣхъ поръ, какъ существуютъ господари волохскіе, не помнили такого съѣзда ни въ прежней столицѣ—Сочавѣ, ни въ новой—въ Яссахъ. Съ высокими представленіями о богатствахъ Лупулы съѣхались гости въ Яссы, но безпримѣрное великолѣпіе въ пріемѣ, которымъ господарь окружилъ своихъ гостей, превысило всякія ожиданія. На встрѣчу зятю, пріѣхавшему въ сопровожденіи такого многолюдства, выѣхалъ господарь съ втрое многочисленнѣйшею свитою и съ 12.000 человѣкъ войска; самъ же онъ сидѣлъ на арабскомъ конѣ, залитомъ золотомъ и драгоцѣнными каменьями ослѣпительнаго блеска. Слѣдуя восточному обычаю, господарь подарилъ коня жениху своей дочери, чтобы тотъ подъѣхалъ на немъ къ порогу дома, гдѣ ожидала его высокая невѣста. Господарь пересѣлъ на другаго коня, также богато убраннаго, и оба князя—зять и тесть—въѣхали во дворецъ посреди соединенной свиты двухъ дворовъ и при громѣ пушечныхъ выстрѣловъ съ городскихъ стѣнъ, любуясь зрѣлищемъ совершавшихся съ двухъ сторонъ маневровъ и эволюцій войскъ.

Спустя нѣсколько дней совершено было бракосочетаніе по греческому обряду. Два митрополита во главѣ многочисленнаго духовенства встрѣтили брачную чету на порогѣ церкви. Обрядъ вѣнчанія совершилъ кіевскій митрополитъ Петръ Могила, членъ рода того же имени господарей и родственникъ Лупулы по женской линіи. На другой день послѣ бракосочетанія начался пріемъ подарковъ, подносимыхъ невѣстѣ, продолжавшійся нѣсколько дней. Въ первый день поднесли подарки послы отъ имени короля польскаго, курфирста, князей курляндскаго и семиградскаго и знатнѣйшихъ сенаторовъ и пановъ короны польской. Другой день предназначался для пріема подарковъ отъ сосѣдняго княжества Мультанскаго (Валахіи), поднесенныхъ послами князей, бояръ и духовенства. На третій день били челомъ города молдавскіе и семиградскіе, увеличивая своими приношеніями уже возвысившуюся гору золота и разныхъ драгоцѣнностей. Дворъ султана почтилъ новобрачныхъ присылкою искусныхъ турецкихъ музыкантовъ, которые приводили въ восторгъ собравшихся гостей.

Между тѣмъ во дворцѣ господаря шелъ брачный пиръ, изрѣдка прерываемый приношеніемъ даровъ и минутами посвященными на осмотръ и удивленіе ими.

Не только дворецъ господаря, но и вся столица обратилась какъ бы въ подворье наѣхавшихъ свадебныхъ гостей. Въ залахъ княжескаго дворца пировала на разныхъ столахъ прибыв-

шая въ столицу знать; въ то же время въ домахъ горожанъ, бояръ и почти въ каждомъ домѣ угощались толпы слугъ, придворныхъ и воиновъ. Пріѣзжимъ низшаго разряда отъ казначеевъ господаря отпускались на угощеніе денежныя суммы въ размѣрѣ по щедрости не уступавшемъ угощенію вельможъ въ замкѣ. Щедро вознаграждался каждый, кто при подношеніи свадебныхъ подарковъ и поздравленій умѣлъ выразить чувства глубокой почтительности словомъ и челобитьемъ. Вознаграждалась каждая выходка тысячи вертѣвшихся предъ глазами фигляровъ и турецкихъ фокусниковъ: кудесникъ, обрадованный ласковымъ вниманіемъ и подаяніемъ звонкой монеты, на колѣняхъ цѣловалъ край одежды господаря. Притекала такимъ образомъ и къ богатымъ, и къ убогимъ непрерывная струя щедрости изъ сокровищницы господаря. А сколько золота, сколько всякаго добра и богатства, изъ разнаго рода металла цѣнныхъ издѣлій—досталось въ приданое счастливому супругу дочери господаря!

Новобрачная сидѣла въ кругу женщинъ, за однимъ изъ столовъ женскихъ. По мѣстному обычаю, въ тѣ времена назначались на пиршествахъ особые столы дѣвицамъ и женщинамъ. За тѣмъ и другимъ виднѣлось много дамъ изъ Польши; однѣ изъ нихъ были природныя польки, другія — урожденныя волошки, вышедшія замужъ за поляковъ и вмѣстѣ съ мужьями приглашенныя на свадебное пиршество. Среди почетныхъ дамъ невольно останавливалось вниманіе зрителя на величавой осанкѣ хозяйки дома — особѣ высокаго ума и сильной воли. Въ ней разительны, однако, были нѣкоторые признаки восточнаго происхожденія — черты и пріемы, напоминавшіе природную черкешенку и прежнюю магометанку.

Но польскій глазъ съ особеннымъ удовольствіемъ замѣчалъ польскія черты и пріемы въ обѣихъ дочеряхъ господаря. Какъ новобрачная княжна Елена, такъ и выдававшаяся въ кругу дѣвицъ Розанда были на половину польки. У этихъ княженъ, какъ у отраслей дома Могилы, было много тетокъ замужнихъ за поляками и много родныхъ въ Польшѣ; онѣ поддерживали съ ними безпрерывныя сношенія и связи, видѣли въ Польшѣ страну близкую имъ по родственнымъ связямъ, понятіямъ и идеаламъ. У нихъ собственно не было настоящаго отечества, но во дворахъ и домахъ польскихъ было для нихъ что-то родное, и туда въ настоящее время, къ величайшей радости родителей, прокладывала себѣ путь старшая княжна Елена. Въ кругу полекъ и

среди общаго веселья неподдѣльнымъ восторгомъ бились сердца молодыхъ княженъ, и тѣмъ ярче блестѣли ихъ красота и прелесть обращенія.

Пиры между тѣмъ продолжались; шли плясы и всевозможныя развлеченія. Почти двѣ недѣли прошло въ постоянныхъ празднествахъ. Нужно было употребить всю силу изобрѣтательности и роскоши, чтобы въ теченіе такого долгаго времени доставлять гостямъ постоянно новыя и новыя развлеченія. И правду сказать, чудеса творились для увеселенія гостей. Изъ сосѣднихъ турецкихъ областей толпы фокусниковъ, кудесниковъ, бойцовъ, акробатовъ, шутовъ и шутихъ разнаго возраста и пола спѣшили на пиръ, чтобы своимъ искусствомъ и ловкостію приводить зрителей въ удивленіе и восторгъ. Съ неуловимою быстротой воздвигались для зрѣлища зданія, замки и крѣпости, и потомъ съ такою же быстротою обращались въ развалины, силою огня или желѣза. Изъ этихъ развалинъ появлялись великаны, вступали въ бой съ дикими звѣрями и дѣлались добычею львовъ, слоновъ или такихъ чудовищъ, какимъ подобныхъ не бывало и въ природѣ. Чтобъ изгладить тяжелое впечатлѣніе этихъ ужасныхъ сценъ, выступали потѣшники съ низкимъ лбомъ, плотно остриженные напереди, съ оставленною на макушкѣ длинною прядью волосъ, которою прикрѣплялся къ головѣ громадной величины мельничный камень; они позволяли разбивать эти камни на себѣ молотомъ или кружились съ ними по сценѣ съ быстротою мельничныхъ крыльевъ и падали наконецъ къ ногамъ господаря, протягивая руку за кошелькомъ золота и цѣлуя края княжеской одежды.

На двѣнадцатый день такихъ пиршествъ и развлеченій окончилось наконецъ свадебное пиршество. По затраченнымъ суммамъ судили о количествѣ и богатствѣ приданаго, которое предназначалось отправить въ Польшу. Вся почти родня господаря провожала новобрачныхъ съ большими церемоніями до предѣловъ Волощины. Радзивилъ упросилъ брата и сестру господаря проводить его до Каменецъ-Подольска, откуда, угостивъ ихъ великолѣпно, отправилъ обратно въ Яссы. Длинная вереница обозовъ, нагруженныхъ приданымъ и вѣномъ новобрачной, тянулась на протяженіи нѣсколькихъ миль. Въ теченіе многихъ дней и недѣль всѣ дороги изъ Волощины были запружены разъѣзжавшимися свадебными гостями.

Возвращавшіеся гости разносили преувеличенныя вѣсти о богатствахъ господаря Лупулы. Они обратили общее вниманіе на

младшую дочь господаря Розанду, теперь единственную уже дочь въ родительскомъ домѣ. Во всѣхъ сосѣднихъ земляхъ видѣли въ Розандѣ будущую наслѣдницу богатствъ отцовскихъ, обладательницу баснословнаго состоянія.

Благоволеніе Оттоманской Порты въ теченіе долгихъ лѣтъ къ отцу Розанды порождало надежды, что будущій зять вмѣстѣ съ рукою княжны унаслѣдуетъ и престолъ ея отца. Шаткость трона волохскихъ господарей внушала смѣлость каждому проходимцу искать руки дочери господаря, а можетъ-быть и цѣлой Волощины. Такимъ образомъ Розанда сдѣлалась предметомъ многоразличныхъ искательствъ. Сирота безъ отечества и фамильныхъ преданій въ прошедшемъ вдругъ сразу очутилась въ омутѣ предложеній, которыя шли съ разныхъ противуположныхъ сторонъ, спѣшившихъ навязать ей свою родню, свое прошедшее, свою отчизну. Начались свадебныя посольства съ предложеніями изъ всѣхъ тѣхъ земель, между которыми шла безпрерывная борьба за обладаніе Волощиною. Обращались по-очередно съ предложеніемъ къ Розандѣ сыны могущественныхъ домовъ короны польской, спѣшила толпа воинственныхъ сватовъ изъ Сѣчи Запорожской, напомнила о своемъ правѣ влiять на судьбу дочери господаря и Оттоманская Порта. Единственное спасеніе въ ея сиротскомъ положеніи было примкнуть къ очагу одного изъ покровительствовавшихъ домовъ и признать въ душѣ отечествомъ страну, не чуждую ея сердцу; но тутъ, какъ нарочно, влеченія юнаго сердца тянули въ одну сторону, а сила обстоятельствъ—въ другую. Послѣдуемъ прежде всего за душевными желаніями Розанды, направленными въ земли лежавшія за Днѣстромъ.

III.

Сватовство польскихъ господчиковъ.

Когда волохскій господарь Лупула черезъ отправленнаго въ Варшаву посла извѣстилъ польскаго короля Владислава о помолвкѣ старшей дочери своей Елены, тогда король въ свою очередь отправилъ посла въ Яссы съ поздравленіемъ господаря съ предстоящимъ бракомъ *). По многимъ поводамъ посломъ назначенъ былъ молодой человѣкъ, Петръ Потоцкій, староста смятынскій, воеводичъ брацлавскій, сынъ Николая Потоцкаго, впослѣдствіи

*) St. Albrechti Radzivil rerum gestarum подъ числомъ 31 декабря 1644 года. „Памятн. Альбрехта Станислава Радзивила“, т. II, стр. 154.

великаго гетмана. Въ выборѣ посла руководствовались, между прочимъ, тѣмъ соображеніемъ, что Потоцкій приходился сродни какъ Янушу Радзивилу, такъ и нареченной его невѣстѣ. Правда, что родство между этими домами было слишкомъ далекое, но въ тѣ времена даже самая слабая тѣнь родства имѣла болѣе вѣса въ глазахъ людей, нежели впослѣдствіи близость двухъ родныхъ братьевъ.

Отецъ брацлавскаго воеводича, гетманъ Николай Потоцкій, былъ родной племянникъ Стефана Потоцкаго, извѣстнаго во всей польской коронѣ бракомъ съ одною изъ четырехъ дочерей господаря волохскаго Іереміи Могилы: по этимъ родственнымъ связямъ домовъ Потоцкій поставленъ былъ въ необходимость защищать интересы своихъ шуриновъ, потомковъ Могилы, и поплатился за это заточеніемъ въ башнѣ Эдыкулъ, на берегахъ Чернаго моря. Вступавшій теперь въ бракъ со старшею дочерью Лупулы, Радзивилъ, несмотря на свои молодые годы, былъ уже вдовцомъ. Его первая жена, Марія Потоцкая, съ которою онъ прожилъ недолго, была дочерью выше сказаннаго Стефана Потоцкаго и Маріи, княжны волохской, а стало-быть и внукою Могилы, прежняго господаря волохскаго. Такимъ образомъ Петръ Потоцкій находился въ родствѣ съ обоими домами новобрачныхъ, и считалось вполнѣ приличнымъ назначить его, предпочтительно передъ другими, представителемъ свадебнаго посольства.

Была впрочемъ другая, болѣе уважительная, причина желать назначенія Потоцкаго на этотъ постъ. Его родные, въ томъ числѣ и Янушъ Радзивилъ, думали этимъ назначеніемъ открыть старостѣ смятынскому доступъ къ господарскому двору и ввести его въ семейный кругъ господаря волохскаго. Исполнивъ представительство короля при бракосочетаніи старшей господарской дочери, послу можно было заискивать младшую. Внуку Могилы по всему подобало искать себѣ невѣсту изъ того же дома Могилы. У короля Владислава выпросили назначеніе воеводича въ Яссы; но не одно только людское доброжелательство прокладывало ему путь къ счастью, и самъ онъ своею наружностію, важностію осанки, личными качествами и рыцарскими доблестями представлялъ изъ себя безукоризненнаго жениха.

Появленіе воеводича брацлавскаго въ салонахъ господаря вполнѣ согласовалось съ видами его родни. Послѣ оффиціальныхъ визитовъ королевскаго посла начались визиты и посѣщенія частныя. Господарь и его супруга оказывали полное вниманіе

гостю. Розанда рада была видѣть молодаго рыцаря изъ Польши; но она была еще такъ молода, что не признавалось нужнымъ торопиться рѣшать ея судьбу. Притомъ нужно было вести дѣло весьма осторожно, такъ какъ Порта вовсе не желала, чтобы дочери господаря выходили замужъ за польскихъ пановъ, а прежде времени распространенные слухи объ искательствѣ воеводича могли уничтожить самое дѣло. Не дошло еще до формальной помолвки, а ужь во всѣхъ знатныхъ домахъ Польши говорили о предстоявшей женитьбѣ Потоцкаго на Домнѣ-Розандѣ и слухи эти находили мѣсто въ газетахъ французскихъ*) и нѣмецкихъ.

Между тѣмъ неожиданно явился при дворѣ волохскомъ знатный юноша, котораго ни имя, ни личность никому не были извѣстны. Имя, подъ которымъ онъ явился, признавалось всѣми вымышленнымъ и во всѣхъ его поступкахъ просвѣчивала какая-то неразгаданная таинственность. Баричъ, какъ было видно, по воспитанію и по происхожденію, онъ сразу открылъ себѣ доступъ въ салоны княжескаго дворца, не привыкшаго соблюдать строгаго этикета въ выборѣ гостей. Таинственный гость, по примѣру своихъ предшественниковъ, умѣвшихъ не разъ проникнуть во дворецъ господарей, успѣлъ расположить къ себѣ весь княжескій дворъ и пользовался полнымъ вниманіемъ князя и его супруги. Юная княжна находила несказанное удовольствіе въ обществѣ молодаго человѣка и, какъ не связанная никакими положительными обѣщаніями относительно Потоцкаго, видимо склонялась къ нему влеченіемъ сердца.

Тогда незнакомецъ пересталъ таиться и объявилъ настоящее свое имя. Оно было громко какъ во всей Волощинѣ, такъ среди поляковъ и во всей Руси: то былъ Дмитрій, князь Вишневецкій, сынъ королевскаго хорунжаго Януша Вишневецкаго, внукъ, по боковой линіи, князя Михаила, мужа Регины Могилянки, и правнукъ князя Дмитрія, извѣстнаго претендента на волохскій престолъ. Родъ Вишневецкихъ черезъ посредство брака съ Региною Могилянкою былъ кровно связанъ съ господарями, царствовавшими прежде и нынѣ въ Волощинѣ, а смерть князя Дмитрія и Михаила въ войнѣ за Волощину, постигшая ихъ вслѣдствіе трудовъ и лишеній или въ заточеніи, еще тѣснѣе связала родъ Вишневецкихъ съ судьбою Волощины. При одномъ имени князя отво-

*) *Gazette de France*, 1650 г., «Извѣстія изъ Варшавы», стр. 1573 и 1610 отъ 6 и 16 ноября.

рились бы настежъ двери всѣхъ домовъ волохскихъ и двери дворца самого господаря Лупулы по преимуществу.

Но удальцу хотѣлось прежде всего убѣдиться въ силѣ личныхъ своихъ достоинствъ. Словно наперекоръ воеводичу брацлавскому, Петру Потоцкому, который, благодаря протекціи короля и родныхъ, обратилъ на себя вниманіе въ Яссахъ, князь Дмитрій порѣшилъ отбросить въ сторону всѣ призанятыя орудія и собственными силами добыть себѣ счастіе. Какъ это зачастую случается, задуманное дѣло приняло для смѣльчака вначалѣ весьма счастливый оборотъ. При извѣстіи о его настоящемъ имени и намѣреніяхъ относительно княжны Розанды, семья господаря сохранила къ нему прежнія свои доброжелательныя отношенія. Осмотрительный Лупула продолжалъ принимать князя въ своемъ домѣ съ прежнею любезностію, предоставляя себѣ въ будущемъ окончательное рѣшеніе дѣла. Искательство воеводича изъ Потока шло своимъ чередомъ, и какъ прежде легко распространялись слухи о женитьбѣ Петра Потоцкаго на Розандѣ, такъ точно теперь всѣ толковали о бракѣ князя Вишневецкаго съ Домною-Розандою *).

Явился еще изъ Польши и третій искатель руки княжны волохской. Въ искателяхъ золотой руки княжны не было недостатка. Съ разныхъ мѣстъ являлись сыновья князей и сенаторовъ, молодые паны и заурядная шляхта, молодежь и сильно помятые вдовцы. У всѣхъ проявились корыстолюбивыя поползновенія къ богатству и приданому изъ господарской сокровищницы: для однихъ сокровища эти служили только прикрасою того рыцарскаго риска, который неразлучно былъ связанъ со сватовствомъ, а для другихъ само богатство могло удовлетворить тщеславію. Соперники обыкновенно дѣйствовали вдали другъ отъ друга, стараясь сохранить тайну, чтобы на случай неудачи не подвергнуться безполезной огласкѣ и насмѣшкамъ злыхъ и завистливыхъ людей. Часто однако соперники неожиданно сталкивались между собою и тогда между искреннѣйшими друзьями, между ближайшими родственниками, между почтенными опекунами и молодежью, порученною ихъ попеченію, происходили самыя забавныя столкновенія.

---

*) Каховскій: „Annalium Poloniae Clim.“—„Исторія царствованія Іоанна Казимира“, В. Каховскаго. Познань 1859 года, т. I, стр. 115.—„Памятники царствованія Сигизмунда III, Владислава IV, Іоанна Казимира“, издалъ изъ рукописи Войцицкій. Варшава 1841 года, т. II, стр. 134.

Тотъ же самый князь Янушъ Радзивилъ, вторымъ бракомъ сочетавшійся съ сестрою Розанды, въ первый разъ (какъ сказано выше) былъ женатъ на дочери Стефана Потоцкаго и Маріи, дочери господаря изъ дома Могилы. Хотя дочь воеводы Потоцкаго приходилась только внучкою господарю и не была особенно богата, при всемъ томъ много было у нея поклонниковъ и искателей руки. Между ними были весьма опасные соперники князю Янушу, такъ какъ онъ былъ диссидентъ, послѣдователь ученія Кальвина, а невѣста—строгая католичка. Для достиженія цѣли необходимо было заручиться протекціей кого-либо изъ именитыхъ католиковъ. Такую протекцію оказалъ князю Янушу родной его дядя, Альбрехтъ Радзивилъ, великій канцлеръ литовскій, человѣкъ почтенный, довольно преклонныхъ лѣтъ, вдовецъ, извѣстный во всей странѣ своимъ умомъ и притомъ ревностный католикъ. Несмотря на различіе вѣроисповѣданія, члены дома Радзивиловъ всегда были готовы поддерживать другъ друга, когда дѣло шло объ интересехъ ихъ рода. При такой поддержкѣ канцлера, князь Янушъ не сомнѣвался въ счастливомъ исходѣ своего сватовства. И дѣйствительно очень счастливо удалось это сватовство переговорами въ Варшавѣ. Набожный дядюшка сообщилъ влюбленному племяннику весьма пріятныя вѣсти о результатѣ переговоровъ съ матерью невѣсты. Рѣшено было ускорить дѣло и князь-канцлеръ долженъ былъ на другой день утромъ сдѣлать формальное предложеніе. Желая провѣдать объ успѣхѣ предложенія, нашъ молодой кальвинистъ побѣжалъ на слѣдующій день въ костелъ оо. іезуитовъ въ полной увѣренности, что застанетъ тамъ во время утренняго богослуженія дядюшку. Но какъ же былъ пораженъ молодой человѣкъ, когда услышалъ отъ своего благочестиваго свата слѣдующія слова: «Мой возлюбленный племянникъ! да будетъ тебѣ извѣстно, что вчера я горячо поддерживалъ тебя и твое предложеніе. Но сегодня ночью Пресвятая Богородица, которой я усердно молился, повелѣла мнѣ жениться на твоей избранной. Не пеняй на меня, но что Богъ мнѣ внушилъ, тому я слѣдовать долженъ».

Спустя нѣсколько времени обнаружилось, что князь-канцлеръ при первомъ разговорѣ съ матерью невѣсты предлагалъ въ женихи ея дочери не племянника, а себя лично. Дядюшка и племянникъ въ одинаковой степени соблазнялись желаніемъ породниться съ домомъ Могилы. Однако канцлеру не удалось отбить невѣсту у молодаго князя. Благодаря участію постороннихъ лицъ, князь

Янушъ послѣ долгихъ искательствъ взялъ верхъ надъ богатымъ дядюшкою и женился на паннѣ Потоцкой *). Соискателямъ такихъ лѣтъ, какъ былъ князь-канцлеръ литовскій, оставалось развѣ искать у менѣе привлекательныхъ Могилянокъ, какою, напримѣръ, была Анна, тетка невѣсты Радзивила, одна изъ четырехъ дочерей Іереміи Могилы.

Какъ Анна, такъ и всѣ три ея сестры вышли замужъ за поляковъ. На Аннѣ женился одинъ изъ Пржеремби́скихъ, Янъ-Максимиліанъ, воевода ленчицкій, сынъ кастеляна серадскаго. Послѣ смерти своего перваго мужа Анна вышла замужъ за Яна Сендзивая Чарнковскаго. Когда умеръ и второй мужъ, у вдовушки нашелся новый женихъ, Владиславъ Мышковскій, воевода краковскій. Потерявъ и этого мужа въ 1658 г., Анна вышла за четвертаго—Станислава Ревера Потоцкаго, великаго короннаго гетмана. Это была самая блестящая ея партія. Реверъ родился въ 1579 году, а его нареченная родилась приблизительно въ 1608 году. Такимъ образомъ стала предъ алтаремъ весьма почтенныхъ лѣтъ чета: восьмидесятилѣтній женихъ и невѣста слишкомъ пятидесяти лѣтъ. При яркомъ блескѣ волохскихъ сокровищъ сглаживались морщины на полувѣковыхъ лицахъ Могилянокъ, молодѣли сердца и дряхлыхъ старцевъ.

Въ догонку за молодыми племянниками и свояками спѣшили съ любезностями къ дочерямъ господарей волохскихъ и убѣленные сѣдинами дядюшки. Никого это не удивляло, какъ мы уже видѣли въ приведенномъ выше примѣрѣ, когда сватали прежде всего внучку господаря Марію Потоцкую и человѣкъ весьма почтенныхъ лѣтъ, и его племянникъ, и сватали нѣсколько разъ Анну,—и тѣмъ болѣе не поражало теперь никого, когда явились со всѣхъ сторонъ искатели самой молодой и самой богатой изъ Могилянокъ—Домны-Розанды. Рядомъ съ двумя молодыми искателями ея руки изъ Потока и Вишневца выступилъ третій самый несчастливый изъ соперниковъ, человѣкъ почтенный по лѣтамъ и по сану.

Молодые люди въ искательствѣ Розанды успѣли сберечь себѣ жизнь, старецъ же изъ-за Розанды сложилъ свою сѣдую голову.

По современнымъ извѣстіямъ, несчастнымъ соперникомъ между искателями руки Розанды былъ воевода черниговскій, польный коронный гетманъ, Мартынъ Калиновскій. Владѣтель обширныхъ

*) Весь этотъ случай описалъ самъ князь Янушъ Радзивилъ въ письмѣ изъ Варшавы къ отцу отъ 15 октября 1637 г. „Жизнь князя Януша Радзивила“, Эдуарда Котлубая, стр. 318.

земель въ Польшѣ, Покутьѣ и Подолѣ, Калиновскій, какъ сосѣдъ Волощины, находился издавна въ тѣсныхъ съ нею сношеніяхъ. Въ эту же Волохскую страну, какъ въ настоящее, такъ и въ прежнее время, устремлялись его сердечныя мечты и желанія. Гетманъ былъ нѣсколько лѣтъ уже вдовцомъ, послѣ смерти жены Елены Корецкой, родной сестры извѣстнаго князя изъ Корца, по имени Самуила. Князь Самуилъ былъ женатъ на Екатеринѣ, одной изъ четырехъ дочерей Іереміи Могилы. Эти княжны нѣсколько разъ вдовствовали и вновь выходили замужъ. По женѣ гетманъ былъ въ свойствѣ съ Корецкимъ и потому былъ сродни Іереміи Могилѣ. Связанный родствомъ съ двумя домами, Калиновскій принималъ дѣятельное участіе въ усиліяхъ всѣхъ зятей Іереміи Могилы, поддерживалъ ихъ тестя и его сыновей. Въ этой борьбѣ погибъ въ бою лютою смертью князь Самуилъ Корецкій и почти въ то же самое время Богъ даровалъ Калиновскому сына, рожденнаго отъ сестры погибшаго. Въ память шурина, единственный сынъ и наслѣдникъ гетмана нареченъ былъ Самуиломъ: имя памятное страданіями изъ-за Волощины.

Въ то время, къ которому относится настоящій разсказъ, Самуилъ Калиновскій былъ въ цвѣтѣ лѣтъ и скорѣе нежели отецъ имѣлъ право явиться въ числѣ искателей дѣвственной руки Розанды. Несомнѣнно, что гетманъ охотно уступилъ бы свое мѣсто сыну въ ряду соискателей волохскихъ, но судьбѣ иначе было угодно. Въ то самое время, когда князь Янушъ Радзивилъ искалъ руки старшей сестры Розанды, молодой Калиновскій горячо полюбилъ дочь канцлера Оссолинскаго, на которой онъ женился спустя 14 мѣсяцевъ послѣ брака Радзивила. Бракъ этотъ былъ образцомъ любви и супружескаго счастія *). Ничего другаго не оставалось гетману, какъ благословить сына и пожелать ему счастья, а самому подумать о Волощинѣ и завести сватовство съ родителями Розанды.

Взявшись серьезно за это дѣло, старикъ гетманъ явился опаснымъ соперникомъ прочихъ искателей руки Розанды**), но, увы,

*) Доказательствомъ этому служатъ ея заботы объ освобожденіи мужа изъ мнимой неволи. Слухъ о неволѣ татарской оказался ложнымъ. Каховскій: «Annalium Polaniae Clim», т. I, стр. 399. „Исторія царствованія Яна-Казимира“, Каховскаго. Изданіе Эдуарда Рачинскаго изъ рукописи 1840 г. Вновь исправлена и издана въ Познани 1859 г., т. I, стр. 162.

**) «Мемуары Николая Емиловскаго отъ 1648 по 1679 г.», стр. 33. Хмельницкій имѣлъ взрослаго сына Тимоѳея, задумалъ женить его на дочери волохскаго

самъ гетманъ очутился въ болѣе щекотливомъ положеніи, нежели его соперники. Чѣмъ болѣе жениховъ являлось у дочери Лупулы, тѣмъ труднѣе становился выборъ и волею-неволею приходилось откладывать рѣшеніемъ со дня на день. Подъ перемѣнчивымъ небомъ юго-восточныхъ земель, въ которыхъ шла безпрерывная борьба разныхъ религіозныхъ вѣрованій, народностей, нравовъ и умственнаго развитія, не было ничего опаснѣе, какъ нерѣшительность и выжиданіе. Ежеминутно въ этихъ порубежныхъ степяхъ, среди враждебныхъ стихій, могла возникнуть отъ самыхъ ничтожныхъ причинъ буря, которая, направивъ свой полетъ въ возлюбленную всѣмъ Волощину, грозила опрокинуть исподволь подготовленные планы и цѣли. Въ ожиданіи возможныхъ грозъ и ударовъ, некогда было господарю медлить съ рѣшеніемъ вопроса о судьбѣ Розанды,—время не ждало, и даже не подождало настолько, чтобы Розанда успѣла достигнуть дѣвичей зрѣлости. Прежде нежели юная дочь Лупулы достигла тѣхъ лѣтъ и красы, когда уже нельзя было отказывать искателямъ ея руки, ссылаясь на молодость невѣсты, берега Днѣпра и Днѣстра задрожали отъ такого ужаснѣйшаго взрыва обычной тѣмъ краямъ бури, который нагналъ господарской дочкѣ новыхъ сватовъ и искателей ея руки.

IV.

Казацкіе сваты.

Ссора казака Хмельницкаго съ сильнымъ сосѣдомъ Конецпольскимъ заставила перваго искать спасенія на неприступныхъ островахъ Днѣпра. Тамъ скиталось уже нѣсколько сотенъ подобныхъ ему бѣглецовъ, изгнанниковъ и бродягъ. Хмельницкій, избранный ими въ предводители, сталъ подстрекать окрестныхъ жителей къ возстанію и угрожать польскимъ панамъ. Магнаты польскіе встревожились; въ числѣ ихъ были трое панскихъ родовъ, которые въ то время искали руки Розанды. Всѣ трое видѣли неизбѣжную необходимость грозно выступить противъ бунтовщиковъ въ Низовьяхъ. Послѣдній изъ поименованныхъ нами претендентовъ руки Розанды, гетманъ Калиновскій, равно какъ и князь Іеремія Вишневецкій, дядя втораго конкурента, таинственнаго князя Дмитрія изъ Вишневца, были всегда врагами казацкихъ

господаря и пріобрѣсть ему владѣніе въ землѣ Волохской. Узнавъ объ этомъ, Калиновскій, коронный гетманъ, пожелалъ этому воспрепятствовать, такъ какъ самъ, какъ вдовецъ, имѣлъ виды на дочь господаря.

земель въ Польшѣ, Покутьѣ и По... Потоцкій, отецъ перваго Волощины, находился издавн... Петра, изъ Потока, безъ вѣ- Въ эту же Волохскую ... Хмельницкаго. прежнее время, ... неожиданное стеченіе событій уготовило ги- Гетманъ былъ ... Хмельницкій искалъ и получилъ желаемую ны Елены ... татаръ и вмѣстѣ съ ними вступилъ въ бой съ ко- ца, по ... войскомъ. Въ сраженіи при Желтыхъ-Водахъ погибъ теринѣ ... гетмана, Стефанъ Потоцкій; подъ Корсуномъ легло почти ны ... польское войско отъ натиска орды и казаковъ. же ... Оба гетмана, Потоцкій и Калиновскій, попались въ плѣнъ и были отправлены въ Крымъ терпѣть татарскую неволю. Хмельницкій, сверхъ собственнаго ожиданія, увидѣлъ себя побѣдителемъ всей почти Рѣчи Посполитой и вождемъ полумилліоннаго сброда, составленнаго изъ сбѣжавшихся отовсюду толпами представителей неурядицы, бунта и язычества. Такимъ образомъ закипѣла одна изъ обычныхъ въ тѣхъ краяхъ бурь, и напоромъ силъ казацкихъ и татарскихъ опрокинутъ былъ весь существовавшій общественный строй; огненный потокъ истребленія покрылъ обширное пространство земель, подвластныхъ Польшѣ.

Упоенный своимъ величіемъ, Хмельницкій далъ волю самымъ дикимъ и горделивымъ замысламъ. Ему посчастливилось въ союзѣ съ ордою, и онъ вошелъ въ сношенія съ невѣрными въ Царьградѣ и обѣщалъ отдаться въ подданство султана. Невѣрные, въ свою очередь, льстили сумасброднымъ мечтамъ его честолюбія, ласкали его дружелюбными посольствами и подарками. Съ чаушами султана прибывали на Украйну посольства отъ султанскихъ подручниковъ: Волощины, Мультанъ и Семиградія. Изъ Царьграда, чрезъ Волощину, прибылъ въ Чигиринъ патріархъ константинопольскій и принесъ благословеніе православному побѣдителю ляховъ. Походная столица Хмельницкаго сдѣлалась сборнымъ мѣстомъ подозрительнѣйшихъ пришельцевъ; тамъ выковывались самые враждебные замыслы противъ Польши.

Повелитель столицы возмечталъ, что онъ избранъ Богомъ ниспровергнуть существующій порядокъ въ этихъ странахъ, и когда давались ему совѣты болѣе умѣреннаго свойства, Хмельницкій гремѣлъ голосомъ Атилы: «Богъ мени это далъ и братъ мій, душа моя, соколъ мій, Исламъ-Гирей, царь орды Крымской». Богданъ, въ неразрывной съ нимъ пріязни, мечталъ завоевать Польшу и подѣлиться ею съ сосѣдями: Ракоцію, князю семиградскому, предназначался Краковъ, шведамъ — сѣверная часть

Польши, а казакамъ, подъ покровительствомъ орды и турокъ, осталась бы южная часть Польши *). Казалось, уже немыслимо было благополучіе для Запорожья иначе, какъ подъ покровительствомъ «сокола»—Исламъ-Гирея и могущественнаго султана въ Царьградѣ, и вотъ послы турецкіе безпрестанно приносятъ гетману войска запорожскаго увѣренія въ любви и готовности помогать.

Послѣ совѣщаній съ иностранными послами Богданъ проводилъ ночи въ попойкахъ и ворожбѣ въ кругу колдуній. Дѣлались вопросы о предстоящихъ событіяхъ и судьбѣ отдѣльныхъ лицъ и каждое гаданье оказывалось благопріятнымъ. Ворожеи предсказывали ему въ этотъ годъ великую войну и великій успѣхъ на этой войнѣ. Обрадованный Богданъ пѣлъ спьяна думы, а на другое утро приказывалъ вести себя въ церковь; здѣсь, припавъ ницъ къ землѣ крестообразно, благодарилъ Господа за ниспосланныя милости. Тогда патріархъ звалъ гетмана къ алтарю для принятія Св. Таинъ; гетманъ отказывался приступить къ таинству въ нетрезвомъ видѣ и небывши у исповѣди, но патріархъ далъ ему полное разрѣшеніе отъ грѣховъ и произнесъ: «Иды, причащайся, гетмане!»

Когда Богданъ приступилъ къ причастію, во всемъ казацкомъ войскѣ раздались возгласы неимовѣрнаго восторга: принятіе причастія изъ рукъ патріарха уничтожило распространившееся подозрѣніе въ склонности гетмана къ исламу. Палили изъ пушекъ въ знакъ торжества и городъ оглашался криками радости: «Збавитель нашъ, господарь, великій гетманъ причащается» **).

Упомянутый патріархъ обвѣнчалъ вдовца Хмельницкаго съ чужою женой, съ панею подстаростиною Чаплинскою, когда ея первый мужъ Чаплинскій былъ живъ и находился въ Польшѣ. Эта поспѣшность вовсе не была нужна,—ея не требовало ни семейное

*) О планахъ Хмельницкаго раздѣлить Польшу между Ракоціемъ и шведами, кромѣ многихъ другихъ современныхъ свѣдѣній, читаемъ въ «Дневникѣ Станислава Освѣцима», подъ числомъ 24 марта 1650 года: „...Какъ только появится трава, Хмельницкій нападетъ на насъ съ трехъ сторонъ. Онъ самъ съ татарами намѣревается вторгнуться въ глубь Великой Польши по тѣмъ соображеніямъ, что чѣмъ дальше проникнетъ въ Польшу, тѣмъ болѣе прибудетъ у него войска изъ холоповъ. Князю семиградскому хочетъ послать отрядъ въ 1.000 человѣкъ казаковъ для занятія Кракова и вѣнчанія его, а шведы въ то же время вторгнутся съ границъ Пруссіи".

**) Всѣ подробности, относящіяся къ этому времени, о Хмельницкомъ находятся въ путевомъ журналѣ къ запорожскому войску, въ источникахъ для исторіи Польши, изданныхъ М. Грабовскимъ и А. Пржездецкимъ, стр. 3—17.

своеволій. Коронный гетманъ Николай Потоцкій, отецъ перваго искателя руки княжны волохской, Петра, изъ Потока, безъ вѣдома короля, рѣшилъ уничтожить Хмельницкаго.

Между тѣмъ непредвидѣнное стеченіе событій уготовило гибель самому гетману. Хмельницкій искалъ и получилъ желаемую помощь отъ татаръ и вмѣстѣ съ ними вступилъ въ бой съ короннымъ войскомъ. Въ сраженіи при Желтыхъ-Водахъ погибъ сынъ гетмана, Стефанъ Потоцкій; подъ Корсуномъ легло почти все польское войско отъ натиска орды и казаковъ.

Оба гетмана, Потоцкій и Калиновскій, попались въ плѣнъ и были отправлены въ Крымъ терпѣть татарскую неволю. Хмельницкій, сверхъ собственнаго ожиданія, увидѣлъ себя побѣдителемъ всей почти Рѣчи Посполитой и вождемъ полумилліоннаго сброда, составленнаго изъ сбѣжавшихся отовсюду толпами представителей неурядицы, бунта и язычества. Такимъ образомъ закипѣла одна изъ обычныхъ въ тѣхъ краяхъ бурь, и напоромъ силъ казацкихъ и татарскихъ опрокинутъ былъ весь существовавшій общественный строй; огненный потокъ истребленія покрылъ обширное пространство земель, подвластныхъ Польшѣ.

Упоенный своимъ величіемъ, Хмельницкій далъ волю самымъ дикимъ и горделивымъ замысламъ. Ему посчастливилось въ союзѣ съ ордою, и онъ вошелъ въ сношенія съ невѣрными въ Царьградѣ и обѣщалъ отдаться въ подданство султана. Невѣрные, въ свою очередь, льстили сумасброднымъ мечтамъ его честолюбія, ласкали его дружелюбными посольствами и подарками. Съ чаушами султана прибывали на Украйну посольства отъ султанскихъ подручниковъ: Волощины, Мультанъ и Семиградія. Изъ Царьграда, чрезъ Волощину, прибылъ въ Чигиринъ патріархъ константинопольскій и принесъ благословеніе православному побѣдителю ляховъ. Походная столица Хмельницкаго сдѣлалась сборнымъ мѣстомъ подозрительнѣйшихъ пришельцевъ; тамъ выковывались самые враждебные замыслы противъ Польши.

Повелитель столицы возмечталъ, что онъ избранъ Богомъ ниспровергнуть существующій порядокъ въ этихъ странахъ, и когда давались ему совѣты болѣе умѣреннаго свойства, Хмельницкій гремѣлъ голосомъ Атилы: «Богъ мени это далъ и братъ мій, душа моя, соколъ мій, Исламъ-Гирей, царь орды Крымской». Богданъ, въ неразрывной съ нимъ пріязни, мечталъ завоевать Польшу и подѣлиться ею съ сосѣдями: Ракоцію, князю семиградскому, предназначался Краковъ, шведамъ — сѣверная часть

Польши, а казакамъ, подъ покровительствомъ орды и турокъ, осталась бы южная часть Польши *). Казалось, уже немыслимо было благополучіе для Запорожья иначе, какъ подъ покровительствомъ «сокола»—Исламъ-Гирея и могущественнаго султана въ Царьградѣ, и вотъ послы турецкіе безпрестанно приносятъ гетману войска запорожскаго увѣренія въ любви и готовности помогать.

Послѣ совѣщаній съ иностранными послами Богданъ проводилъ ночи въ попойкахъ и ворожбѣ въ кругу колдуній. Дѣлались вопросы о предстоящихъ событіяхъ и судьбѣ отдѣльныхъ лицъ и каждое гаданье оказывалось благопріятнымъ. Ворожеи предсказывали ему въ этотъ годъ великую войну и великій успѣхъ на этой войнѣ. Обрадованный Богданъ пѣлъ спьяна думы, а на другое утро приказывалъ вести себя въ церковь; здѣсь, припавъ ницъ къ землѣ крестообразно, благодарилъ Господа за ниспосланныя милости. Тогда патріархъ звалъ гетмана къ алтарю для принятія Св. Таинъ; гетманъ отказывался приступить къ таинству въ нетрезвомъ видѣ и небывши у исповѣди, но патріархъ далъ ему полное разрѣшеніе отъ грѣховъ и произнесъ: «Иды, причащайся, гетмане!»

Когда Богданъ приступилъ къ причастію, во всемъ казацкомъ войскѣ раздались возгласы неимовѣрнаго восторга: принятіе причастія изъ рукъ патріарха уничтожило распространившееся подозрѣніе въ склонности гетмана къ исламу. Палили изъ пушекъ въ знакъ торжества и городъ оглашался криками радости: «Збавитель нашъ, господарь, великій гетманъ причащается» **).

Упомянутый патріархъ обвѣнчалъ вдовца Хмельницкаго съ чужою женой, съ панею подстаростиною Чаплинскою, когда ея первый мужъ Чаплинскій былъ живъ и находился въ Польшѣ. Эта поспѣшность вовсе не была нужна,—ея не требовало ни семейное

*) О планахъ Хмельницкаго раздѣлить Польшу между Ракоціемъ и шведами, кромѣ многихъ другихъ современныхъ свѣдѣній, читаемъ въ «Дневникѣ Станислава Освѣцима», подъ числомъ 24 марта 1650 года: „...Какъ только появится трава, Хмельницкій нападетъ на насъ съ трехъ сторонъ. Онъ самъ съ татарами намѣревается вторгнуться въ глубь Великой Польщи по тѣмъ соображеніямъ, что чѣмъ дальше проникнетъ въ Польшу, тѣмъ болѣе прибудетъ у него войска изъ холоповъ. Князю семиградскому хочетъ послать отрядъ въ 1.000 человѣкъ казаковъ для занятія Кракова и вѣнчанія его, а шведы въ то же время вторгнутся съ границъ Пруссіи".

**) Всѣ подробности, относящіяся къ этому времени, о Хмельницкомъ находятся въ путевомъ журналѣ къ запорожскому войску, въ источникахъ для исторіи Польши, изданныхъ М. Грабовскимъ и А. Пржездецкимъ, стр. 3—17.

своеволій. Коронный гетманъ Николай Потоцкій, отецъ перваго искателя руки княжны волохской, Петра, изъ Потока, безъ вѣдома короля, рѣшилъ уничтожить Хмельницкаго.

Между тѣмъ непредвидѣнное стеченіе событій уготовило гибель самому гетману. Хмельницкій искалъ и получилъ желаемую помощь отъ татаръ и вмѣстѣ съ ними вступилъ въ бой съ короннымъ войскомъ. Въ сраженіи при Желтыхъ-Водахъ погибъ сынъ гетмана, Стефанъ Потоцкій; подъ Корсуномъ легло почти все польское войско отъ натиска орды и казаковъ.

Оба гетмана, Потоцкій и Калиновскій, попались въ плѣнъ и были отправлены въ Крымъ терпѣть татарскую неволю. Хмельницкій, сверхъ собственнаго ожиданія, увидѣлъ себя побѣдителемъ всей почти Рѣчи Посполитой и вождемъ полумилліоннаго сброда, составленнаго изъ сбѣжавшихся отовсюду толпами представителей неурядицы, бунта и язычества. Такимъ образомъ закипѣла одна изъ обычныхъ въ тѣхъ краяхъ бурь, и напоромъ силъ казацкихъ и татарскихъ опрокинутъ былъ весь существовавшій общественный строй; огненный потокъ истребленія покрылъ обширное пространство земель, подвластныхъ Польшѣ.

Упоенный своимъ величіемъ, Хмельницкій далъ волю самымъ дикимъ и горделивымъ замысламъ. Ему посчастливилось въ союзѣ съ ордою, и онъ вошелъ въ сношенія съ невѣрными въ Царьградѣ и обѣщалъ отдаться въ подданство султана. Невѣрные, въ свою очередь, льстили сумасброднымъ мечтамъ его честолюбія, ласкали его дружелюбными посольствами и подарками. Съ чаушами султана прибывали на Украйну посольства отъ султанскихъ подручниковъ: Волощины, Мультанъ и Семиградія. Изъ Царьграда, чрезъ Волощину, прибылъ въ Чигиринъ патріархъ константинопольскій и принесъ благословеніе православному побѣдителю ляховъ. Походная столица Хмельницкаго сдѣлалась сборнымъ мѣстомъ подозрительнѣйшихъ пришельцевъ; тамъ выковывались самые враждебные замыслы противъ Польши.

Повелитель столицы возмечталъ, что онъ избранъ Богомъ ниспровергнуть существующій порядокъ въ этихъ странахъ, и когда давались ему совѣты болѣе умѣреннаго свойства, Хмельницкій гремѣлъ голосомъ Атилы: «Богъ меня это далъ и братъ мій, душа моя, соколъ мій, Исламъ-Гирей, царь орды Крымской». Богданъ, въ неразрывной съ нимъ пріязни, мечталъ завоевать Польшу и подѣлиться ею съ сосѣдями: Ракоцію, князю семиградскому, предназначался Краковъ, шведамъ — сѣверная часть

Польши, а казакамъ, подъ покровительствомъ орды и турокъ, осталась бы южная часть Польши *). Казалось, уже немыслимо было благополучіе для Запорожья иначе, какъ подъ покровительствомъ «сокола»—Исламъ-Гирея и могущественнаго султана въ Царьградѣ, и вотъ послы турецкіе безпрестанно приносятъ гетману войска запорожскаго увѣренія въ любви и готовности помогать.

Послѣ совѣщаній съ иностранными послами Богданъ проводилъ ночи въ попойкахъ и ворожбѣ въ кругу колдуній. Дѣлались вопросы о предстоящихъ событіяхъ и судьбѣ отдѣльныхъ лицъ и каждое гаданье оказывалось благопріятнымъ. Ворожеи предсказывали ему въ этотъ годъ великую войну и великій успѣхъ на этой войнѣ. Обрадованный Богданъ пѣлъ спьяна думы, а на другое утро приказывалъ вести себя въ церковь; здѣсь, припавъ ницъ къ землѣ крестообразно, благодарилъ Господа за ниспосланныя милости. Тогда патріархъ звалъ гетмана къ алтарю для принятія Св. Таинъ; гетманъ отказывался приступить къ таинству въ нетрезвомъ видѣ и небывши у исповѣди, но патріархъ далъ ему полное разрѣшеніе отъ грѣховъ и произнесъ: «Иды, причащайся, гетмане!»

Когда Богданъ приступилъ къ причастію, во всемъ казацкомъ войскѣ раздались возгласы неимовѣрнаго восторга: принятіе причастія изъ рукъ патріарха уничтожило распространившееся подозрѣніе въ склонности гетмана къ исламу. Палили изъ пушекъ въ знакъ торжества и городъ оглашался криками радости: «Збавитель нашъ, господарь, великій гетманъ причащается» **).

Упомянутый патріархъ обвѣнчалъ вдовца Хмельницкаго съ чужою женой, съ панею подстаростиною Чаплинскою, когда ея первый мужъ Чаплинскій былъ живъ и находился въ Польшѣ. Эта поспѣшность вовсе не была нужна,—ея не требовало ни семейное

---

*) О планахъ Хмельницкаго раздѣлить Польшу между Ракоціемъ и шведами, кромѣ многихъ другихъ современныхъ свѣдѣній, читаемъ въ «Дневникѣ Станислава Освѣцима», подъ числомъ 24 марта 1650 года: „...Какъ только появится трава, Хмельницкій нападетъ на насъ съ трехъ сторонъ. Онъ самъ съ татарами намѣревается вторгнуться въ глубь Великой Польщи по тѣмъ соображеніямъ, что чѣмъ дальше проникнетъ въ Польшу, тѣмъ болѣе прибудетъ у него войска изъ холоповъ. Князю семиградскому хочетъ послать отрядъ въ 1.000 человѣкъ казаковъ для занятія Кракова и вѣнчанія его, а шведы въ то же время вторгнутся съ границъ Пруссіи".

**) Всѣ подробности, относящіяся къ этому времени, о Хмельницкомъ находятся въ путевомъ журналѣ къ запорожскому войску, въ источникахъ для исторіи Польши, изданныхъ М. Грабовскимъ и А. Пржездецкимъ, стр. 3—17.

своеволій. Коронный гетманъ Николай Потоцкій, отецъ перваго искателя руки княжны волохской, Петра, изъ Потока, безъ вѣдома короля, рѣшилъ уничтожить Хмельницкаго.

Между тѣмъ непредвидѣнное стеченіе событій уготовило гибель самому гетману. Хмельницкій искалъ и получилъ желаемую помощь отъ татаръ и вмѣстѣ съ ними вступилъ въ бой съ короннымъ войскомъ. Въ сраженіи при Желтыхъ-Водахъ погибъ сынъ гетмана, Стефанъ Потоцкій; подъ Корсуномъ легло почти все польское войско отъ натиска орды и казаковъ.

Оба гетмана, Потоцкій и Калиновскій, попались въ плѣнъ и были отправлены въ Крымъ терпѣть татарскую неволю. Хмельницкій, сверхъ собственнаго ожиданія, увидѣлъ себя побѣдителемъ всей почти Рѣчи Посполитой и вождемъ полумилліоннаго сброда, составленнаго изъ сбѣжавшихся отовсюду толпами представителей неурядицы, бунта и язычества. Такимъ образомъ закипѣла одна изъ обычныхъ въ тѣхъ краяхъ бурь, и напоромъ силъ казацкихъ и татарскихъ опрокинутъ былъ весь существовавшій общественный строй; огненный потокъ истребленія покрылъ обширное пространство земель, подвластныхъ Польшѣ.

Упоенный своимъ величіемъ, Хмельницкій далъ волю самымъ дикимъ и горделивымъ замысламъ. Ему посчастливилось въ союзѣ съ ордою, и онъ вошелъ въ сношенія съ невѣрными въ Царьградѣ и обѣщалъ отдаться въ подданство султана. Невѣрные, въ свою очередь, льстили сумасброднымъ мечтамъ его честолюбія, ласкали его дружелюбными посольствами и подарками. Съ чаушами султана прибывали на Украйну посольства отъ султанскихъ подручниковъ: Волощины, Мультанъ и Семиградія. Изъ Царьграда, чрезъ Волощину, прибылъ въ Чигиринъ патріархъ константинопольскій и принесъ благословеніе православному побѣдителю ляховъ. Походная столица Хмельницкаго сдѣлалась сборнымъ мѣстомъ подозрительнѣйшихъ пришельцевъ; тамъ выковывались самые враждебные замыслы противъ Польши.

Повелитель столицы возмечталъ, что онъ избранъ Богомъ ниспровергнуть существующій порядокъ въ этихъ странахъ, и когда давались ему совѣты болѣе умѣреннаго свойства, Хмельницкій гремѣлъ голосомъ Атилы: «Богъ мени это далъ и братъ мій, душа моя, соколъ мій, Исламъ-Гирей, царь орды Крымской». Богданъ, въ неразрывной съ нимъ пріязни, мечталъ завоевать Польшу и подѣлиться ею съ сосѣдями: Ракоцію, князю семиградскому, предназначался Краковъ, шведамъ — сѣверная часть

Польши, а казакамъ, подъ покровительствомъ орды и турокъ, осталась бы южная часть Польши *). Казалось, уже немыслимо было благополучіе для Запорожья иначе, какъ подъ покровительствомъ «сокола»—Исламъ-Гирея и могущественнаго султана въ Царьградѣ, и вотъ послы турецкіе безпрестанно приносятъ гетману войска запорожскаго увѣренія въ любви и готовности помогать.

Послѣ совѣщаній съ иностранными послами Богданъ проводилъ ночи въ попойкахъ и ворожбѣ въ кругу колдуній. Дѣлались вопросы о предстоящихъ событіяхъ и судьбѣ отдѣльныхъ лицъ и каждое гаданье оказывалось благопріятнымъ. Ворожеи предсказывали ему въ этотъ годъ великую войну и великій успѣхъ на этой войнѣ. Обрадованный Богданъ пѣлъ спьяна думы, а на другое утро приказывалъ вести себя въ церковь; здѣсь, припавъ ницъ къ землѣ крестообразно, благодарилъ Господа за ниспосланныя милости. Тогда патріархъ звалъ гетмана къ алтарю для принятія Св. Таинъ; гетманъ отказывался приступить къ таинству въ нетрезвомъ видѣ и небывши у исповѣди, но патріархъ далъ ему полное разрѣшеніе отъ грѣховъ и произнесъ: «Иды, причащайся, гетмане!»

Когда Богданъ приступилъ къ причастію, во всемъ казацкомъ войскѣ раздались возгласы неимовѣрнаго восторга: принятіе причастія изъ рукъ патріарха уничтожило распространившееся подозрѣніе въ склонности гетмана къ исламу. Палили изъ пушекъ въ знакъ торжества и городъ оглашался криками радости: «Збавитель нашъ, господарь, великій гетманъ причащается» **).

Упомянутый патріархъ обвѣнчалъ вдовца Хмельницкаго съ чужою женой, съ панею подстаростиною Чаплинскою, когда ея первый мужъ Чаплинскій былъ живъ и находился въ Польшѣ. Эта поспѣшность вовсе не была нужна,—ея не требовало ни семейное

*) О планахъ Хмельницкаго раздѣлить Польшу между Ракоціемъ и шведами, кромѣ многихъ другихъ современныхъ свѣдѣній, читаемъ въ «Дневникѣ Станислава Освѣцима», подъ числомъ 24 марта 1650 года: „...Какъ только появится трава, Хмельницкій нападетъ на насъ съ трехъ сторонъ. Онъ самъ съ татарами намѣревается вторгнуться въ глубь Великой Польши по тѣмъ соображеніямъ, что чѣмъ дальше проникнетъ въ Польшу, тѣмъ болѣе прибудетъ у него войска изъ холоповъ. Князю семиградскому хочетъ послать отрядъ въ 1.000 человѣкъ казаковъ для занятія Кракова и вѣнчанія его, а шведы въ то же время вторгнутся съ границъ Пруссіи".

**) Всѣ подробности, относящіяся къ этому времени, о Хмельницкомъ находятся въ путевомъ журналѣ къ запорожскому войску, въ источникахъ для исторіи Польши, изданныхъ М. Грабовскимъ и А. Пржездецкимъ, стр. 3—17.

своеволій. Коронный гетманъ Николай Потоцкій, отецъ перваго искателя руки княжны волохской, Петра, изъ Потока, безъ вѣдома короля, рѣшилъ уничтожить Хмельницкаго.

Между тѣмъ непредвидѣнное стеченіе событій уготовило гибель самому гетману. Хмельницкій искалъ и получилъ желаемую помощь отъ татаръ и вмѣстѣ съ ними вступилъ въ бой съ коронным войскомъ. Въ сраженіи при Желтыхъ-Водахъ погибъ сынъ гетмана, Стефанъ Потоцкій; подъ Корсуномъ легло почти все польское войско отъ натиска орды и казаковъ.

Оба гетмана, Потоцкій и Калиновскій, попались въ плѣнъ и были отправлены въ Крымъ терпѣть татарскую неволю. Хмельницкій, сверхъ собственнаго ожиданія, увидѣлъ себя побѣдителемъ всей почти Рѣчи Посполитой и вождемъ полумилліоннаго сброда, составленнаго изъ сбѣжавшихся отовсюду толпами представителей неурядицы, бунта и язычества. Такимъ образомъ закипѣла одна изъ обычныхъ въ тѣхъ краяхъ бурь, и напоромъ силъ казацкихъ и татарскихъ опрокинутъ былъ весь существовавшій общественный строй; огненный потокъ истребленія покрылъ обширное пространство земель, подвластныхъ Польшѣ.

Упоенный своимъ величіемъ, Хмельницкій далъ волю самымъ дикимъ и горделивымъ замысламъ. Ему посчастливилось въ союзѣ съ ордою, и онъ вошелъ въ сношенія съ невѣрными въ Царьградѣ и обѣщалъ отдаться въ подданство султана. Невѣрные, въ свою очередь, льстили сумасброднымъ мечтамъ его честолюбія, ласкали его дружелюбными посольствами и подарками. Съ чаушами султана прибывали на Украйну посольства отъ султанскихъ подручниковъ: Волощины, Мультанъ и Семиградія. Изъ Царьграда, чрезъ Волощину, прибылъ въ Чигиринъ патріархъ константинопольскій и принесъ благословеніе православному побѣдителю ляховъ. Походная столица Хмельницкаго сдѣлалась сборнымъ мѣстомъ подозрительнѣйшихъ пришельцевъ; тамъ выковывались самые враждебные замыслы противъ Польши.

Повелитель столицы возмечталъ, что онъ избранъ Богомъ ниспровергнуть существующій порядокъ въ этихъ странахъ, и когда давались ему совѣты болѣе умѣреннаго свойства, Хмельницкій гремѣлъ голосомъ Атилы: «Богъ мени это далъ и братъ мій, душа моя, соколъ мій, Исламъ-Гирей, царь орды Крымской». Богданъ, въ неразрывной съ нимъ пріязни, мечталъ завоевать Польшу и подѣлиться ею съ сосѣдями: Ракоцію, князю семиградскому, предназначался Краковъ, шведамъ — сѣверная часть

Польши, а казакамъ, подъ покровительствомъ орды и турокъ, осталась бы южная часть Польши *). Казалось, уже немыслимо было благополучіе для Запорожья иначе, какъ подъ покровительствомъ «сокола»—Исламъ-Гирея и могущественнаго султана въ Царьградѣ, и вотъ послы турецкіе безпрестанно приносятъ гетману войска запорожскаго увѣренія въ любви и готовности помогать.

Послѣ совѣщаній съ иностранными послами Богданъ проводилъ ночи въ попойкахъ и ворожбѣ въ кругу колдуній. Дѣлались вопросы о предстоящихъ событіяхъ и судьбѣ отдѣльныхъ лицъ и каждое гаданье оказывалось благопріятнымъ. Ворожеи предсказывали ему въ этотъ годъ великую войну и великій успѣхъ на этой войнѣ. Обрадованный Богданъ пѣлъ спьяна думы, а на другое утро приказывалъ вести себя въ церковь; здѣсь, припавъ ницъ къ землѣ крестообразно, благодарилъ Господа за ниспосланныя милости. Тогда патріархъ звалъ гетмана къ алтарю для принятія Св. Таинъ; гетманъ отказывался приступить къ таинству въ нетрезвомъ видѣ и небывши у исповѣди, но патріархъ далъ ему полное разрѣшеніе отъ грѣховъ и произнесъ: «Иды, причащайся, гетмане!»

Когда Богданъ приступилъ къ причастію, во всемъ казацкомъ войскѣ раздались возгласы неимовѣрнаго восторга: принятіе причастія изъ рукъ патріарха уничтожило распространившееся подозрѣніе въ склонности гетмана къ исламу. Палили изъ пушекъ въ знакъ торжества и городъ оглашался криками радости: «Збавитель нашъ, господарь, великій гетманъ причащается» **).

Упомянутый патріархъ обвѣнчалъ вдовца Хмельницкаго съ чужою женой, съ панею подстаростиною Чаплинскою, когда ея первый мужъ Чаплинскій былъ живъ и находился въ Польшѣ. Эта поспѣшность вовсе не была нужна,—ея не требовало ни семейное

---

*) О планахъ Хмельницкаго раздѣлить Польшу между Ракоціемъ и шведами, кромѣ многихъ другихъ современныхъ свѣдѣній, читаемъ въ «Дневникѣ Станислава Освѣцима», подъ числомъ 24 марта 1650 года: „...Какъ только появится трава, Хмельницкій нападетъ на насъ съ трехъ сторонъ. Онъ самъ съ татарами намѣревается вторгнуться въ глубь Великой Польщи по тѣмъ соображеніямъ, что чѣмъ дальше проникнетъ въ Польшу, тѣмъ болѣе прибудетъ у него войска изъ холоповъ. Князю семиградскому хочетъ послать отрядъ въ 1.000 человѣкъ казаковъ для занятія Кракова и вѣнчанія его, а шведы въ то же время вторгнутся съ границъ Пруссіи".

**) Всѣ подробности, относящіяся къ этому времени, о Хмельницкомъ находятся въ путевомъ журналѣ къ запорожскому войску, въ источникахъ для исторіи Польши, изданныхъ М. Грабовскимъ и А. Пржездецкимъ, стр. 3—17.

счастье, ни политическія соображенія. Что между этими новобрачными любовь была не велика, доказало близкое будущее. У Богдана было уже два наслѣдника его политическаго величія; то были два сына: Тимошка и Юрій, прижитые отъ первой жены. И гетманъ сильно заботился о судьбѣ своихъ сыновей. Для старшаго изъ нихъ, Тимошки, онъ готовилъ блестящую будущность за предѣлами родины. Это былъ дѣтина дикій, необтесанный, незнакомый со свѣтскими приличіями обхожденія. Свои прозвали его «пали-вода», а у чужихъ онъ считался буяномъ и сорванцомъ *). Тимошка постоянно ссорился со своею мачихой и когда мнимый патріархъ отправилъ къ ней чернеца съ подарками, разгульный пасынокъ, напоивъ посла водкою, опалилъ ему бороду свѣчою. Такія выходки не отвращали родительскаго сердца отъ сына—такого же задорнаго, какъ и отецъ. Прибыли къ гетману послы отъ волохскаго господаря Василія Лупулы. Наслышавшись отъ нихъ о богатствахъ Лупулы, гетманъ задумалъ женить Тимошку на дочери господаря, Розандѣ. Во-первыхъ, богатое приданое за княжною, затѣмъ виды на наслѣдство волохскаго престола, съ согласія или безъ согласія тестя, и, наконецъ, виды на землю Мультанскую, весьма возможные при благосклонности къ гетману султана,—всѣ эти соображенія манили разгоряченное воображеніе отца устроить судьбу Тимошки.

Немедленно отправлены были въ Яссы казацкіе сваты къ Лупулѣ. Ихъ приняли съ удивленіемъ, не показывая ни малѣйшаго желанія удовлетворить ихъ искательствамъ.

Хотя царствовавшіе въ Волощинѣ господари не могли хвалиться особенною знатностію своихъ родовъ, при всемъ томъ на такихъ простыхъ людей, какъ Тимошка, взирали свысока и не могли допустить и мысли породниться съ ними. Розанда, привыкшая къ почтительному вниманію Потоцкихъ и Вишневецкихъ, приходила въ ужасъ при мысли выйти замужъ за чигиринскаго «пали-воду», который опаливалъ бороды чернецамъ. Отецъ ея, господарь, отговаривался предъ казацкими сватами, что дочь его находится подъ верховною властью Порты и безъ ея соизволенія онъ не въ правѣ распорядиться рукою дочери **).

---

*) «Журналъ поѣздки къ запорожскому войску», стр. 11. „Pastorius historiae Poloniae», стр. 158.
Каховскій, I, стр. 368, cui semper insanire pro virtute fuit.

**) Каховскій: «Annalium Poloniae», I, стр. 199.

Съ неменьшимъ удивленіемъ, какъ и въ Яссахъ, принято было извѣстіе о сватовствѣ Тимошки при дворахъ тѣхъ польскихъ пановъ, которые сами желали того же. Казацкая наглость привела въ негодованіе особенно двухъ гетмановъ—Потоцкаго и Калиновскаго: перваго—какъ отца жениха Розанды, а втораго потому, что тотъ самъ для себя имѣлъ на нее виды. Благодаря значительнымъ денежнымъ суммамъ разныхъ лицъ и въ томъ числѣ и самого господаря Лупулы, оба гетмана были освобождены изъ крымской неволи.

Пораженные извѣстіемъ о намѣреніяхъ Хмельницкаго относительно Волощины, оба гетмана выступили въ походъ, зорко слѣдя за всѣми его движеніями. Но если трудно было сломить Хмельницкаго силою оружія, то еще труднѣе было проникнуть во всѣ его замыслы и устоять противъ тѣхъ порывовъ, которые возникали въ этой горячей головѣ, упоенной счастіемъ. Отказъ, который получилъ Хмельницкій отъ господаря, ни мало не озадачилъ его. Гетманъ, не медля, обратился къ султану съ просьбою руки Домны-Розанды для сына, а между тѣмъ готовился къ походу на Волощину, но дѣлалъ видъ, что въ союзѣ съ татарами и согласно ихъ желанію готовится къ войнѣ съ Москвою. Когда настало время вторгнуться въ непріятельскія владѣнія, Хмельницкому удалось склонить татаръ въ противоположную сторону и ударить на Волощину. Прежде нежели былъ полученъ отвѣтъ изъ Царьграда отъ султана на сдѣланное предложеніе, настойчивый отецъ Тимошки рѣшился возобновить сватовство въ Яссахъ, подкрѣпивъ его вооруженною силой въ нѣсколько десятковъ тысячъ орды и казаковъ. Счастіе, которое до сихъ поръ не оставляло своего любимца, не измѣнило ему и въ этомъ сумасбродномъ предпріятіи. Къ немалому удивленію господаря и польскихъ гетмановъ, слѣдившихъ за движеніями Хмельницкаго, въ исходѣ 1650 года разнеслась вѣсть о внезапномъ вторженіи татаръ и казаковъ въ Волощину. Вмѣсто прежнихъ сватовъ, которые являлись къ господарю съ мирными предложеніями и получили отказъ, вторгнулись теперь во владѣнія Лупулы 15.000 казаковъ подъ начальствомъ Богдана Хмельницкаго и 20.000 бусурманъ подъ начальствомъ султана Нуреддина съ угрозою разорить страну.

Опасаясь, чтобы гетманъ Потоцкій, занимавшій позицію подъ Каменцомъ, не поспѣшилъ на помощь господарю, вооруженные сваты положили раздѣлить силы и вторженіемъ съ двухъ сторонъ

ознаменовать огнемъ и мечомъ свои свадебныя предложенія *). Прежде всего татары должны были начать борьбу съ господаремъ, а Богданъ съ казаками вознамѣрился стоять на границахъ, наблюдая за движеніями Потоцкаго **); затѣмъ уже приходила очередь казакамъ. Итакъ, ударили на господаря двумя натисками съ цѣлью добыть руку его дочери. Поздно было уже усмирить вооруженныхъ сватовъ добровольнымъ изъявленіемъ согласія на бракъ,—союзники угрожали завладѣть не только Розандою, но и свергнуть съ престола ея отца. Захваченный въ расплохъ, господарь Лупула могъ вывести въ поле всего только 6.000 кое-какъ вооруженной милиціи. Съ такими силами трудно было устоять противъ такого грознаго натиска. Господарь и весь дворъ его оставили столицу и искали обычнаго въ Волощинѣ въ минуты опасности средства спасенія, т. е. спасались бѣгствомъ въ лѣса. Господарша съ дочерью Розандою, съ остальными дѣтьми и со всѣми своими главными сокровищами нашла убѣжище въ укрѣпленномъ Сочавскомъ замкѣ. Господарь съ малочисленнымъ войскомъ искалъ, по обычаю волохскому, спасенія въ лѣсахъ, смежныхъ замку, чтобъ оттуда, въ крайнемъ случаѣ, подать выручку семейству. На открытый грабителямъ край обрушились тяжелые татарскіе удары. Въ одно мгновеніе наводнила бусурманщина всю страну, истребляя все огнемъ и внося во всѣ углы страны ужасъ и разореніе. Толпы жителей съ дѣтьми и со всѣмъ достояніемъ потянулись длинною вереницей въ крымскую неволю. Сожженная и разграбленная столица Яссы превратилась въ развалины. Вся Волощина, многолѣтними заботами господаря Лупулы благоустроенная и тщательно воздѣланная, обратилась въ необозримое пепелище. Самъ господарь, скрывшись въ чащѣ лѣсовъ, поразмѣщалъ на вершинахъ высокихъ деревьевъ соглядатаевъ и ежеминутно освѣдомлялся, въ какихъ мѣстахъ виднѣется пламя пылающаго пожара. Но въ какую сторону ни устремлялся взоръ, повсюду, одновременно, виднѣлись клубы дыма пылавшихъ жилищъ и все небо пылало кровавымъ заревомъ. Никто не защищалъ страны и врагъ могъ продолжать опустошенія столько

*) Что татары и казаки двумя отрядами вторгнулись въ Волощину въ 1650 году, свидѣтельствуютъ объ этомъ современники, особенно же не напечатанныя до сихъ поръ письма отъ 22 октября 1650 года въ рукописи Виктора Баваровскаго, обнимающей періодъ времени 1648—1652 гг. Кромѣ того сравни о вторженіи въ Волощину: „Teatrum Europeum“, т. VI, стр. 1116.

**) О намѣреніяхъ Потоцкаго поспѣшить на помощь и воспрещеніи данномъ ему королемъ—Каховскій, т. I, стр. 200; „Theatrum Europeum“, VI, 1116.

времени, сколько было ему угодно. Чтобъ остановить дальнѣйшее разореніе, господарь отправилъ къ султану Нуреддину посредниковъ, предлагая богатый окупъ, если орда немедля удалится изъ края. Обремененные добычею, татары согласились вступить въ переговоры. Осада укрѣпленныхъ городовъ, особенно же неприступныхъ засѣкъ въ лѣсахъ Буковины—всегда не по вкусу были татарамъ, которые теперь думали о томъ только, какъ бы всецѣло увезти награбленную добычу. Они согласились на окупъ въ нѣсколько сотъ тысячъ талеровъ *), которыхъ большая часть была тогда же уплачена. Чтобы не лишиться остальной части окупа, ненасытная орда стала отступать, не заботясь о дальнѣйшей судьбѣ своихъ союзниковъ, казаковъ, въ Волощинѣ, и нагруженная добычею возвратилась въ Крымъ.

Отступленіе татаръ разстроило виды казаковъ, наблюдавшихъ на границахъ, но ничуть не сбило съ толку Хмельницкаго. Онъ не боялся болѣе польскихъ войскъ подъ начальствомъ гетмана Потоцкаго, который при всемъ своемъ желаніи не могъ подать помощи нареченному тестю своего сына. Дошелъ къ нему въ то время положительный приказъ короля не вмѣшиваться въ волохскія смуты. Хмельницкій, обезпеченный съ этой стороны, выступилъ на поле битвы одинъ, безъ союзниковъ, готовый ко второму вторженію послѣ татаръ во владѣнія господаря. Волохская земля не успѣла опомниться отъ погрома татарскаго, какъ надъ нею стряслась новая буря: налетѣло 15.000 казацкихъ свадебныхъ поѣзжанъ. И въ настоящемъ случаѣ уже нечего было думать объ оборонѣ. Казачество, утомленное долгою бездѣятельностію, бросилось, подъ предводительствомъ Дорошенки, Нечая и Пушкаренка, добывать то, что уцѣлѣло отъ татарскаго грабежа. Хмельницкій вознамѣрился проникнуть въ засѣки, въ которыхъ скрывался господарь, и овладѣть Сочавою, Розандою и сокровищами. Напрасно Лупула заявлялъ гетману, чрезъ посольство, что Волощина—земля султана и посягательство на его владѣнія не пройдетъ безнаказанно. Напрасны были ожиданія помощи со стороны Польши и еще менѣе можно было разсчитывать на по-

*) О количествѣ контрибуціи татарамъ и казакамъ не согласно свидѣтельствуютъ современныя извѣстія. Въ „Мемуарѣ Альбрехта Радзивила“, т. II, стр. 425, читаемъ, что татарамъ уплачено 180.000 талеровъ, казакамъ—10.000. „Theatrum Europeum“, VI, стр. 1117, что 100.000 талеровъ. Каховскій, I, стр. 198, сообщаетъ о контрибуціи въ 300.000; Рудовскій, т. I, кн. 11, § 3, говоритъ о 60.000.—„Pastorius Hist. Pol.“, т. II, стр. 158, считаетъ контрибуцію въ 20.000 дукатовъ.

мощь собственнаго народа. Оставалось схватиться за послѣднее средство добровольнаго согласія на всѣ притязанія непріятеля, дабы избѣжать кроваваго принужденія, сопровождаемаго тысячами новыхъ разрушительныхъ бѣдствій.

Къ казакамъ отправленъ былъ посредникъ волохскій съ условіями мира. Лупула обязался выдать дочь за гетманскаго сына Тимошку и внести опредѣленную сумму окупа съ тѣмъ, чтобы казаки удалились изъ страны какъ можно скорѣе. Хмельницкій согласился на предложенныя условія мира, требуя, чтобъ они были приведены въ исполненіе какъ можно скорѣе. На послѣднихъ переговорахъ, при посредничествѣ двухъ поляковъ, состоявшихъ на службѣ при дворѣ господаря, положили: спустя три мѣсяца послѣ заключенія мира, т. е. сейчасъ послѣ праздника Рождества Христова 1650 года, должно было совершиться бракосочетаніе княжны Розанды съ гетманичемъ Тимошкою. Въ обезпеченіе точнаго исполненія договора отданы были Хмельницкому въ залогъ четверо знатнѣйшихъ бояръ волохскихъ и въ числѣ ихъ родной племянникъ господаря Лупулы. Уплачены были казакамъ условленныя суммы выкупа. Въ уваженіе сговорчивости господаря въ принятіи важнѣйшихъ пунктовъ договора, суммы выкупа были значительно менѣе тѣхъ, которыя даны были Крымской ордѣ.

Юную Домну-Розанду, главную жертву свадебнаго договора, никто не спрашивалъ о согласіи. Отецъ заключилъ договоръ, помимо болѣе пріятныхъ для нея искательствъ съ другихъ сторонъ, и ей представилась въ самомъ мрачномъ свѣтѣ вся тягота ея положенія. Вопреки задушевнымъ желаніямъ Розанды, устремленнымъ въ Польшу, судьба навязывала ей задорнаго супруга съ Днѣпровскаго низовья, а съ третьей стороны угрожала ей неволя въ башняхъ Стамбула, какъ неизбѣжное слѣдствіе совершившихся событій. Единственнымъ утѣшеніемъ посылало небо злополучной невѣстѣ возможность смягчить горечь ея сватовства съ Тимошкою положительнымъ требованіемъ исполненія договора съ казаками о томъ, чтобы женихъ явился на свадьбу въ польскомъ уборѣ и въ обществѣ лицъ, указанныхъ въ договорѣ. Несомнѣнно, что подобнаго рода условіе возникло въ кругу придворныхъ дамъ, окружавшихъ княгиню и ея дочь. Это были наивныя желанія, вполнѣ соотвѣтствовавшія юнымъ лѣтамъ княжны и ея привычкамъ; но, увы, какой контрастъ, какую иронію судьбы мы видимъ между этими желаніями и дѣйствительностію,

полною трагизма!... Итакъ, въ договоръ была внесена особая статья, чтобы нареченный женихъ сталъ подъ вѣнецъ въ польской одеждѣ и въ обществѣ поляковъ.

«При такой обстановкѣ должна совершиться эта свадьба,— писали въ письмахъ изъ Львова *).—Сынъ Хмельницкаго долженъ явиться на свадьбу окруженный польскою шляхтою, соблюдая наши обычаи и свѣтскія приличія, что ему исполнить не трудно, такъ какъ при немъ находится много шляхтичей, которые поучатъ его свѣтскимъ приличіямъ».

При такихъ условіяхъ могъ Тимошка разсчитывать на болѣе благосклонный пріемъ со стороны невѣсты, и еслибъ онъ сгладилъ шероховатость казацкихъ нравовъ, волохская отроковица Домна-Розанда, безспорно, встрѣтила бы ниспосланную ей судьбу съ свѣтлою улыбкою. Въ числѣ многихъ несчастій, которыя неразлучно сопровождали жизнь человѣческую въ этой мѣстности, являлось и то неизбѣжное послѣдствіе, что здѣсь человѣкъ привыкалъ къ постояннымъ перемѣнамъ и сердце его, въ особенности такое юное, какъ сердце Розанды, не усвоивало себѣ твердыхъ убѣжденій и привязанностей,—оно становилось такимъ же измѣнчивымъ и прихотливымъ, какъ и самое небо этой страны.

Дѣйствительно, злополучная невѣста Тимошки, увлеченная потокомъ превратностей судьбы, невольно обращалась чувствомъ и поступками въ разныя стороны и попадала въ омутъ самыхъ скорбныхъ испытаній.

Съ неуловимою быстротой бросала ее судьба во всѣ стороны сосѣднихъ Волощины краевъ, и эта казацкая свадебная буря унесла ее въ Стамбулъ и засадила на время за рѣшетку султанскаго дворца.

V.

Турецкое заложничество.

Дошли до насъ положительныя извѣстія о двукратномъ пребываніи Розанды въ Константинополѣ въ качествѣ заложницы. Въ первый разъ встрѣчаемъ ее тамъ вскорѣ послѣ брака сестры ея съ княземъ Радзивиломъ. Несомнѣнно, что Розанда оставалась въ столицѣ вмѣсто сестры въ видахъ обезпеченія вѣрности

---

* Рукопись Виктора Babaровскаго, заключающая извѣстія съ 1648 — 1652 года, въ письмѣ отъ 22 октября 1650 года.

отца турецкому Дивану *). Только послѣ долголѣтняго управленія Волощиною Лупула умѣлъ пріобрѣсти довѣріе Дивана; но до этого времени господарь долженъ былъ отдавать своихъ дочерей въ залогъ султану: прежде старшую Елену, потомъ младшую—Розанду. Когда же впослѣдствіи Лупула заручился полнымъ довѣріемъ Дивана, то не было уже болѣе нужды въ дальнѣйшемъ пребываніи Розанды въ Константинополѣ и мы встрѣчаемъ ее въ Яссахъ въ домѣ родителей. Злополучное казацкое сватовство вновь поколебало авторитетъ Лупулы на берегахъ Босфора и дочь его вторично очутилась заложницею. Это казацкое сватовство было истиннымъ несчастіемъ. Не говоря уже о страшномъ раззореніи страны, оно было причиною многихъ бѣдъ, обрушившихся на господаря въ Диванѣ. Нападеніе казаковъ на Волощину и бѣгство его господаря въ лѣсныя засѣки стали тотчасъ извѣстны Дивану. Распространился даже слухъ, что Лупула свергнутъ казаками съ престола и что нужно подумать о назначеніи для страны новаго господаря. Въ Стамбулѣ постоянно проживала толпа честолюбцевъ, выжидавшихъ господарскаго мѣста. Они образовали цѣлый классъ назойливыхъ искателей господарства и носили кличку «господарчиковъ» **).

Едва дошли до Стамбула слухи, что Хмельницкій окончательно уничтожилъ Лупулу, какъ толпа этихъ «господарчиковъ» пустилась въ поиски упраздненнаго мѣста. На несчастіе Лупулы, надолго затянулось соперничество между искателями и прежде, нежели султанъ далъ окончательное свое рѣшеніе, отцу Розанды удалось удалить изъ страны наѣздниковъ; но самъ Лупула не

*) О первомъ пребываніи Розанды заложницею читаемъ въ донесеніи Яна Тіополи, венеціанскаго посла, къ королю Владиславу IV, въ 1647 г. Смотри »Собраніе древнихъ памятниковъ, относящихся къ исторіи Польши», Ю. У. Нѣмцевича, т. V, стр 41. Считаю это пребываніе Розанды въ Константинополѣ первымъ. Что же касается втораго ея пребыванія въ Царьградѣ, о немъ говорятъ источники турецкіе: „Hammer-Geschichte des Osmanischen Reichs 1835 г., т. II, стр. 372. Это было до брака Розанды съ Тимошкою. Турецкіе источники считаютъ его не бракомъ, а похищеніемъ Розанды казаками въ 1652 г. Изъ достовѣрныхъ источниковъ видно, что между 1647 и 1652 г. Розанда находилась въ домѣ родителей и вмѣстѣ съ матерью путешествовала по Литвѣ. На этомъ основаніи считаю, что Розанда была въ Турціи два раза въ качествѣ заложницы.

**) Письмо гетмана Потоцкаго къ королю Яну-Казимиру отъ 22 октября 1650 года (Собраніе рукописей Баваровскаго). Въ письмѣ этомъ читаемъ: „По случаю вторженія въ Волощину татаръ и казаковъ, господарчики, которые постоянно проживаютъ въ Стамбулѣ ради полученія званія господаря, распустили слухъ, что Лупула лишенъ татарами и казаками господарства“.

былъ увѣренъ, что изъ Стамбула не грозитъ ему опасность,— распространялись болѣе и болѣе тревожные слухи, что близко появленіе новаго соперника.

Во всякомъ случаѣ господарь очутился въ весьма опасномъ положеніи и нужно было быть готовымъ на всякія жертвы, чтобъ удержать за собою Волощину, тѣмъ болѣе, что со времени появленія зловѣщаго казацкаго сватовства отношенія Лупулы къ Портѣ приняли неблагопріятный оборотъ. Самый отказъ господаря Хмельницкому въ просьбѣ руки Розанды для сына заставилъ гетмана возбуждать въ Портѣ подозрѣніе о тѣсной дружбѣ Лупулы съ Польшею. Въ настоящее время хотя Хмельницкій и заключилъ миръ съ господаремъ, но не считалъ нужнымъ разувѣрять турокъ въ ихъ подозрѣніяхъ о вѣрности господаря. Примиреніе Хмельницкаго съ Лупулою не было искреннее и съ обѣихъ сторонъ выжидали только благопріятнаго случая къ разрыву. Богданъ зналъ это очень хорошо и всевозможными интригами старался поколебать авторитетъ Лупулы въ Царьградѣ, чтобы, въ случаѣ нарушенія условій договора, можно было съ помощію оружія достигнуть своихъ желаній.

Лупулѣ приходилось защищаться отъ двухъ враговъ: съ одной стороны — отъ происковъ Богдана, а съ другой стороны — отъ «господарчиковъ». Въ минуты грозной опасности Польша осталась единственнымъ путемъ спасенія для волохскихъ господарей. Къ этой издавна дружественной Польшѣ прибѣгнулъ и теперь Лупула за совѣтомъ, за помощью и, на случай полнаго несчастья, за убѣжищемъ. Въ данное время Лупула болѣе всего нуждался въ вооруженной помощи въ виду ожидаемаго вторженія со стороны Царьграда, и о ней-то господарь умолялъ Польшу. Сверхъ того господарь просилъ о дарованіи ему правъ польскаго гражданства и предоставленіи его семейству убѣжища въ предѣлахъ гостепріимной Польской земли, причемъ просилъ не отказать ему въ совѣтѣ, какъ впредь вести дѣла съ Хмельницкимъ, которому, несмотря на состоявшуюся помолвку, онъ готовъ отказать въ рукѣ дочери, если только поляки окажутъ ему помощь *).

Стеченіе разныхъ обстоятельствъ значительно помогло полякамъ исполнить желаніе Лупулы. Труднѣе всего было оказать вооруженную помощь на случай наѣзда господарчиковъ, но эта

* Всѣ эти извѣстія взяты изъ вышеприведеннаго письма короннаго гетмана къ польскому королю.

помощь оказалась теперь вовсе ненужною, такъ какъ самъ Лупула немедленно отправилъ пословъ въ Стамбулъ съ подарками и съ донесеніемъ, что онъ живъ, благополучно господствуетъ въ Волощинѣ и остается по-прежнему вѣрнымъ слугою Высокой Порты. Такимъ образомъ сразу рушились всѣ поиски соперниковъ и прежнему господарю «Земли Богдана» султанъ пожаловалъ саблю и кафтанъ въ знакъ временнаго утвержденія въ званіи господаря.

Въ то же время гетманъ Потоцкій, дружественно расположенный къ господарю, увѣдомилъ его, что королю Яну-Казиміру весьма желательно, чтобы не состоялся бракъ Тимошки съ дочерью господаря. Чтобъ еще болѣе тѣсными узами связать господаря съ польскою короною, король Янъ-Казиміръ пожаловалъ господарю грамоту въ 1650 г. на званіе польскаго обывателя въ весьма лестныхъ для господаря выраженіяхъ. Въ этомъ документѣ торжественно свидѣтельствуется о заслугахъ, неоднократно оказанныхъ Лупулою польскому народу: «Что онъ не разъ отражалъ набѣги варваровъ отъ польскихъ границъ, многихъ изъ польской шляхты освободилъ отъ татарской неволи и даже самимъ, недавно выкупленнымъ изъ плѣна, гетманамъ содѣйствовалъ къ полученію свободы» *).

И за эти-то услуги Лупула разсчитывалъ теперь на благодарность Польши и рѣшился вручить ея покровительству свое семейство. Спустя нѣсколько недѣль послѣ вторженія въ Волощину казаковъ и татаръ, когда притомъ ожидали еще и появленія кого-либо изъ господарчиковъ стамбульскихъ, жена Лупулы вмѣстѣ съ дочерью Розандою, съ остальными дѣтьми и сокровищами оставила, окруженную со всѣхъ сторонъ опасностями, Волохскую страну и искала убѣжища въ Польшѣ. Княжескій домъ ея старшей дочери, княгини Радзивилъ, далъ ей гостепріимное убѣжище, вполнѣ достойное высокаго положенія такихъ знатныхъ гостей **). Вслѣдъ за семействомъ долженъ былъ немедленно туда прибыть и самъ князь, Василій Лупула, и уже, какъ гласятъ современныя извѣстія, приблизился съ остальными своими сокровищами къ границамъ Польши, но получилъ изъ Стамбула благопріятныя извѣстія, возвратился въ Яссы и за границею оставилъ лишь свое семейство.

---

*) Грамота пожалованная Лупулѣ. Въ сочиненіи Дегеля: «Codex diplomaticus R. P.», т. I, стр. 621.

**) О путешествіи жены господаря съ Розандою въ Литву читаемъ въ *Gazette de France* 1651 г., въ «Письмахъ изъ Варшавы» въ 1650 г. декабря 5 и 14, стр. 41 и 66.

Итакъ, весьма скоро и неожиданно очутилась Розанда на Польской землѣ. Она прибыла въ Польшу, какъ всѣ тогда предполагали, чтобы болѣе никогда не оставлять ее. Самъ господарь, отецъ Розанды, положительно высказался предъ поляками, что только силою можно заставить его исполнить договоръ, заключенный съ Хмельницкимъ. Поляки съ своей стороны искренно желали, чтобы дѣло не дошло до такой крайности и рука Розанды досталась бы одному изъ польскихъ ея искателей.

Въ этомъ случаѣ всѣ обстоятельства весьма счастливо сложились въ пользу Потоцкаго. Былъ онъ, какъ сказано, сродни князю Янушу Радзивилу и нашелъ въ немъ сильнаго ходатая у княженъ волохскихъ, проживавшихъ въ его домѣ. Молодой староста каменецкій, какъ сынъ великаго короннаго гетмана, превосходилъ своихъ соперниковъ если не взаимною къ себѣ склонностію Розанды, то перевѣсомъ политическихъ видовъ въ глазахъ ея отца, цѣнившаго равнымъ образомъ рыцарскую помощь гетмана, въ случаѣ нужды, какъ и его могущественный голосъ въ королевскомъ совѣтѣ. Вотъ почему, помимо нѣкотораго влеченія сердца Розанды къ молодецкому князю Дмитрію Вишневецкому, родители ея дали окончательное согласіе на бракъ дочери съ сыномъ великаго короннаго гетмана. Не только молва, но всѣ современныя газеты распространили, какъ несомнѣнную новость, что молодой староста каменецкій, Петръ Потоцкій, становится зятемъ волохскаго господаря. По догадкамъ тогдашнихъ вѣстовщиковъ, расходились слухи, что поѣздка Розанды съ матерью въ Литву, въ домъ Радзивила, была предпринята съ тою цѣлью, чтобы въ домѣ сестры и зятя тайно совершить помолвку и также тайно устроить свадьбу *).

Легко понять негодованіе Хмельницкаго, когда такіе слухи достигли Чигирина. Мысль женить сына на дочери господаря сдѣлалась съ этой минуты его непреоборимымъ желаніемъ, вопросомъ оскорбленной чести и гордости, и для достиженія своей цѣли Хмельницкій готовъ былъ на всѣ жертвы, хотя бы пришлось вести войну со всею Польшей и Литвою. Онъ рѣшился достигнуть во что бы то ни стало страстно излюбленнаго намѣренія, съ достиженіемъ котораго открывался, казалось, счастливый исходъ дальнѣйшимъ его предположеніямъ. Стремясь къ

---

*) *Gazette de France* 1650 г., стр. 1573 и 1610, въ «Письмахъ изъ Варшавы» подъ числомъ 5 и 16 ноября 1650 года.

своей цѣли всевозможными путями, Хмельницкій готовился начать войну за Розанду съ Волощиною и Польшею и разомъ готовилъ ударъ Лупулѣ въ томъ мѣстѣ, откуда всего больше грозила ему опасность, именно въ Диванѣ. Къ прежнимъ доносамъ о сношеніяхъ Лупулы съ Польшею Богданъ присоединилъ новые, которые становились настолько грознѣе предыдущихъ, насколько возрасталъ въ Стамбулѣ авторитетъ Хмельницкаго и подрывалось тамъ прежнее значеніе господаря Василія Лупулы.

Какъ бы то ни было, ради ли намѣренія облегчить путь для обладанія Розандою и Волощиною, или по другимъ соображеніямъ, только несомнѣнно, что союзъ Хмельницкого съ исламомъ теперь достигъ своего зенита. Въ это-то именно время три знаменитые мусульманина въ Царьградѣ признали Богдана Хмельницкаго за сына и съ тѣхъ поръ Хмельницкій прослылъ между турками за правовѣрнаго, принявшаго ученіе пророка *). Въ то же самое время Хмельницкій принялъ въ Чигиринѣ громкій титулъ стража Оттоманской Порты **), — титулъ, столь несогласный съ призваніемъ казачества, обрекшаго себя на постоянную борьбу съ невѣрными. Диванъ, желая за все это отблагодарить Хмельницкаго, оправдывалъ причины его гнѣва на господаря тѣмъ охотнѣе, что Лупула явно нарушалъ присягу вѣрности султану новыми связями съ польскою короною, а особенно же отправленіемъ семейства на жительство въ Литву. Но Диванъ руководствовался и въ этомъ случаѣ ему одному свойственными правилами политической мудрости. Двѣ стороны боролись между собою и султанъ съумѣлъ дать такого рода рѣшеніе, которое не принесло пользы ни той, ни другой сторонѣ. Обѣимъ оставалось радоваться взаимной неудачѣ, а пользу извлекъ одинъ лишь верховный судья, самъ падишахъ.

Такими правилами справедливости руководствовался и въ настоящемъ случаѣ султанъ, разбирая возникшій споръ между запорожскимъ гетманомъ Хмельницкимъ и заподозрѣннымъ въ вѣрности султану господаремъ «Земли Богдана».

---

*) Изъ писемъ волохскаго господаря Лупулы къ велик. князю гетману Потоцкому отъ 18 октября 1651 года. «Собраніе рукописей Баваровскаго», въ которомъ читаемъ среди новостей изъ Константинополя слѣдующее: „Много шума надѣлало признаніе Хмельницкаго сыномъ чрезъ янычара Агу, Килькайбея и Ректасъ-агу, убѣждавшихъ его признать себя подданнымъ султана».

**) Al. Radzivil memor. rerum gestarum. Событія въ ноябрѣ 1650 года, т. II, стр. 427.

Главнымъ предметомъ спора была дочь господаря Розанда. Гетманъ запорожскій требовалъ ея руки для своего сына Тимошки, а господарь, по своему расположенію къ польскому народу, предназначалъ ее одному изъ поляковъ. Султанъ, по надлежащемъ разсмотрѣніи дѣла, порѣшилъ, чтобы Домна-Розанда не шла замужъ ни за казака, ни за ляха, но была бы отправлена въ Стамбулъ заложницею въ знакъ вѣрности ея отца султану. Въ такомъ смыслѣ дано было повелѣніе господарю, который очень хорошо зналъ всю суровость Порты въ случаѣ, еслибъ онъ осмѣлится не послушаться воли падишаха.

Семейство господаря немедленно должно было оставить Польшу. Вельможные польскіе искатели Розанды не осмѣлились, вопреки воли султана, удержать ее въ Польшѣ. Для нихъ оставалась одна надежда продолжать свои дальнѣйшія искательства въ Царьградѣ у продажныхъ саповниковъ Дивана, въ рукахъ которыхъ находилась теперь судьба Розанды. Порта не дала еще положительнаго согласія на бракъ Тимошки съ дочерью господаря и всѣмъ противникамъ казацкихъ затѣй казалось несомнѣннымъ, что Порта никогда не согласится на этотъ бракъ; распространились даже слухи, что султанъ положительно запретилъ господарю выдавать дочь замужъ за молодаго Хмельницкаго *) и этимъ открывались новыя надежды для коронныхъ искателей руки Розанды.

И вотъ несчастная княжна Розанда съ грустью оставила Польшу, съ растерзаннымъ сердцемъ распрощалась съ родителями въ Яссахъ и, лишенная всякой отрады въ жизни, очутилась въ Царьградѣ узницею. Судьба ея казалась тѣмъ болѣе печальною, что почти никому не была извѣстна и съ умысломъ облекалась пеленою непроницаемой тайны. Всякій разъ, когда который-нибудь изъ княжескихъ домовъ, подвластныхъ Турціи, постигала необходимость отдавать дочь въ заложницы султану, первою заботою каждаго было скрыть сколько возможно это насиліе семьѣ, такъ какъ оно было связано съ самыми оскорбительными для чести заложницы подозрѣніями. Поэтому пребываніе Розанды за рѣшетками сераля оставалось въ тайнѣ предъ

*) Въ письмѣ брацлавскаго воеводы Ланцкронскаго въ ноябрѣ мѣсяцѣ 1651 года читаемъ: «Свадьба сына Хмельницкаго отсрочена, но до какого времени non constat, и это потому, что господарь получилъ отъ султана повелѣніе, чтобы дочери своей за этого .... казацкаго не отдавалъ“ („Собраніе рукописей Виктора Баваровскаго“).

свѣтомъ, и этою неизвѣстностію дѣйствительно удалось на нѣкоторое время отклонить отъ нея вниманіе людей.

Не извѣстно съ точностію, какъ долго продолжался этотъ плѣнъ заложничества Розанды и какія невзгоды пришлось тамъ перетерпѣть несчастной Домнѣ. Клевета однако распустила вѣсти, которыя припоминались впослѣдствіи княжнѣ ея недоброжелателями, будто она, желая скорѣе получить свободу, искупила ее потерею своей чести. Въ турецкихъ лѣтописяхъ встрѣчаемъ темное извѣстіе, что какой-то агентъ господаря Лупулы продалъ Розанду въ Константинополь за двадцать тысячъ піастровъ какому-то польскому или венгерскому магнату, выкупившему ее съ цѣлью сочетаться съ нею бракомъ въ домѣ ея родителей*). Когда Розанда, помолвленная такимъ образомъ, возвращалась во Волощину съ своимъ женихомъ, на дорогѣ напали на нихъ казаки и препроводили дочь господаря къ своему молодому гетману съ цѣлью женитьбы**).

Только это одно обстоятельство было истинное. Едва успѣла Розанда получить свободу и увидѣть себя въ кругу родныхъ, какъ сынъ Богдана Хмельницнаго, Тимошка, запорожскій поклонникъ Розанды, не замедлилъ, на основаніи два года тому заключеннаго договора, затребовать вооруженною силой обѣщанную ему дочь господаря. Этотъ свадебный походъ Тимошки сопровождался такою громкою извѣстностью и совершился съ такимъ пролитіемъ крови и своей и чужой, что стоитъ особаго описанія.

VI.

Свадебный походъ.

Когда Богданъ Хмельницкій, осенью 1650 года, вынудилъ у господаря согласіе на бракъ дочери съ его сыномъ, рѣшено было отпраздновать свадьбу сейчасъ послѣ праздника Рождества Христова. Съ тѣхъ поръ ни Богданъ, ни сынъ его Тимошка не забывали ни на минуту срока волохской свадьбы; непреоборимыя препятствія отодвинули желанный срокъ на многіе мѣсяцы. Все-

*) *Gazette de France* 1652 г., стр. 1153, «Письмо изъ Варшавы» отъ 14 ноября 1652 года.

**) „Hammer Geschichte des osmanischen Reiches“, издан. въ 4-хъ томахъ 1835 года, т. III, стр. 372, при описаніи событій за 1652 годъ. На основаніи извѣстія, что Розанда на пути изъ Стамбула увезена была казаками, можно заключить, что она передъ своею свадьбою проживала въ Царьградѣ и слѣдовательно находилась въ немъ во второй разъ.

возможныя преграды желанію обоихъ Хмельницкихъ ставили слѣдующіе польскіе вельможи: великій коронный гетманъ Потоцкій, отецъ перваго нареченнаго Розанды, польскій коронный гетманъ Калиновскій, мечтавшій самъ попасть въ женехи княжны, и наконецъ польный литовскій гетманъ князь Янушъ Радзивилъ, мужъ старшей дочери Лупулы, принимавшій близкое участіе въ судьбѣ всѣхъ членовъ семейства. Какъ только Хмельницкій въ союзѣ съ ордою задумывалъ отправить Тимошку по договору на волохскую свадьбу, тотчасъ коронные паны заступали ему дорогу, поднимали народъ къ отпору казакамъ и невѣрнымъ и только послѣ двухъ кровавыхъ войнъ Тимошка достигъ цѣли и обвѣнчался съ Розандою въ Яссахъ.

Такимъ образомъ болѣе нежели полтора года продолжался этотъ небывалый свадебный походъ, устилая путь не цвѣтнымъ ковромъ, а огромными грудами труповъ, въ числѣ которыхъ многіе пали не отъ меча, но погибли болѣе лютою смертію. Пала жертвою этого кроваваго свадебнаго времени и личность близкая Богдану и его сыну, жена перваго изъ нихъ и мачиха втораго, нѣкогда жена подстаросты Чаплинскаго, беззаконно обвѣнчанная патріархомъ съ гетманомъ Хмельницкимъ; она погибла не отъ непріятельскаго меча, а была повѣшена по повелѣнію мужа и пасынка.

Оба Хмельницкіе, готовясь ввести въ домъ свой блестящую дщерь Могилы, рѣшились для ея пріема очистить углы своего жилища отъ всякаго сора: отъ признаковъ грубости, пороковъ и дурныхъ привычекъ. Очистку дома пришлось начать съ хозяйки дома. Отецъ и сынъ во имя справедливости произнесли суровый приговоръ надъ бывшею женою подстаросты за ея укоризненное поведеніе, которое особенно въ послѣднее время перешло всякія границы. Искуситель ея былъ молодой часовщикъ изъ Львова. Хмельницкій поручилъ ему присматривать за бочонками золота и серебра, зарытыми въ Чигиринѣ; но стражъ невѣрно сберегалъ сокровища. Когда, на расходы по случаю предстоящей свадебной поѣздки Тимошки, пришлось шевельнуть сложенное въ бочонки золото, Хмельницкій не досчитался одного и приказалъ взять стража подъ допросъ. Подъ пытками онъ не только сознался въ похищеніи бочонка, но указалъ на Хмельницкую, какъ на соучастницу въ похищеніи; а дальнѣйшее разслѣдованіе открыло, что между ними водились и болѣе близкія отношенія. Разгнѣванный Хмельницкій произнесъ смертный приговоръ

надъ женою и хранителемъ сокровищъ, изощряя казнь позорными церемоніями. Преступники повѣшены были вмѣстѣ, на одной и той же висѣлицѣ и въ той одеждѣ, въ которой творили грѣхъ *). Мѣстныя позднѣйшихъ временъ и не вполнѣ достовѣрныя преданія свидѣтельствуютъ, что главнымъ виновникомъ столь позорной смерти Хмельницкой былъ жестокій «пали-вода», Тимошка. Онъ приказалъ повѣсить свою мачиху въ Чигиринѣ на воротахъ собственнаго дома, среди повѣшенныхъ тамъ труповъ хищныхъ птицъ **). Затѣмъ вмѣстѣ съ отцомъ Тимошка возобновилъ пріостановленный польскимъ оружіемъ свадебный походъ и открылъ войну за Розанду. Несомнѣнно, что духъ казацкой удали и рыцарскаго романтизма были, дѣйствительно, причиною борьбы, вспыхнувшей между казачествомъ и Польшею въ 1651 и 1652 годахъ;

---

*) „Дневникъ Станислава Освѣцима", рук. Оссол., № 224, стр. 1134, іюля 9 дня 1651 года. «Въ то же время получено курьёзное извѣстіе о Хмельницкомъ и его женѣ. Влюбилась она въ часовыхъ дѣлъ мастера, который находился при ней въ качествѣ управителя дома, вступила съ нимъ въ связь, а мужу творила разнаго рода непріятности. Долго все оставалось въ тайнѣ; но когда Хмельницкій сталъ повѣрять свои сокровища, чтобы заплатить татарамъ, одного бочонка съ золотомъ не оказалось. Хмельницкій сперва подумалъ, что сынъ его, отправляясь въ походъ въ Литву, взялъ его съ собою; но когда изъ его письма убѣдился, что сынъ его не бралъ и не видалъ бочонка, Хмельницкій приказалъ хранителя сокровищъ истязать и онъ сознался не только въ воровствѣ, но призналъ жену Хмельницкаго соучастницею въ кражѣ и въ разныхъ любовныхъ беззаконіяхъ, съ нею совершенныхъ. Хмельницкій не столько за кражу, сколько за оскверненіе ложа обратилъ въ гнѣвъ свою чрезвычайную любовь къ женѣ и приказалъ обоихъ обличенныхъ раздѣть и въ томъ же видѣ, какъ они творили грѣхъ, вмѣстѣ связать и повѣсить. Объ этомъ намъ самъ король, для потѣхи, во время ужина, разсказалъ». A. S. Radzivil memor. rerum gestarum, въ описаніи событій происшедшихъ въ маѣ 1651 г. A. S. Radzivil pamietniki, т. II, стр. 437.

**) Самуилъ Величко: „Лѣтопись событій..." Кіевъ 1848 г., стр. 14. „Тимошъ... толь былъ своевольній, же по смерты отеческой (если то есть правда) Чаплинскую мачиху свою на воротахъ обвѣсилъ".

Одно изъ многочисленныхъ доказательствъ, какъ неосновательны бываютъ малороссійскія хроники, всѣ почти гораздо позже событій, совершившихся при Хмельницкомъ, написанныя. Даже столь важное событіе въ жизни Хмельницкаго, какъ его ссора съ Чаплинскимъ и его отношенія къ женѣ, совершенно невѣрно изложено въ этихъ неосновательныхъ казацкихъ источникахъ. Величко пространно описываетъ убіеніе Чаплинскаго по приказанію Хмельницкаго, но вовсе не знаетъ того, что Хмельницкій приказалъ повѣсить вторую свою жену, Чаплинскую, которая, по показанію Велички, пережила мужа и, по преданію казаковъ, была повѣшена Тимошкою, умершимъ, какъ извѣстно, прежде отца своего за нѣсколько лѣтъ. Еслибы Величко познакомился съ «Исторіею Рудавскаго», то увидѣлъ бы, что Хмельницкій послѣ убіенія второй жены женился въ третій разъ, о чемъ вовсе не знаютъ преданія и хроники украинскія.

въ этомъ удостовѣряютъ многія донесенія современниковъ, изъ которыхъ для примѣра приведемъ слѣдующее: «Сильное ожесточеніе и пламя охватили Украйну»—читаемъ въ одномъ дневникѣ, заслуживающемъ полнаго довѣрія, отъ 12 февраля 1651 года *). Хмельницкій, не имѣя возможности осуществить задуманнаго желанія—женить сына въ Волощинѣ, по причинѣ препятствій со стороны нашихъ войскъ, вздумалъ открытою войною достигнуть цѣли, сталъ къ намъ относиться враждебно и потому миръ и договоры, клятвою утвержденные, въ сторону отбросилъ, коммисеіей съ этою цѣлію учрежденною пренебрегъ, хотя старинные казаки промежъ себя толковали, что король много для нихъ дѣлаетъ.

Вспыхнувшая война была по преимуществу война изъ-за Розанды. Собранному отовсюду казачеству подъ знамена Хмельницкаго всегда сопутствова орда подъ начальствомъ хана Исламъ-Гирея. Съ противной стороны двигалось многочисленное польское войско съ самимъ королемъ Яномъ-Казимиромъ во главѣ. Въ послѣднихъ числахъ іюня 1651 года на обширныхъ равнинахъ Волыни, подъ Берестечкомъ, сошлись двѣ враждебныя и вмѣстѣ съ тѣмъ громадныя боевыя силы, какихъ не видано было въ тѣхъ странахъ свѣта со временъ «великой войны» подъ Гринвальдомъ и Таненбергомъ. Проходило уже два дня во взаимномъ поддразниваніи другъ друга посредствомъ схватокъ между подъѣздами, но эти полумилліонныя массы не вошли еще въ полный разгаръ настоящей битвы. Только въ третій день должно было наступить для Богдана то счастіе, которое на текущій годъ предрекали пьяному Богдану въ Чигиринѣ ворожеи и знахарки.

Но за нѣсколько недѣль передъ тѣмъ повѣшенная Чаплинская какъ бы пресѣкла Хмельницкому нить счастья. Послѣдній день великаго боя подъ Берестечкомъ былъ для него днемъ чуть не окончательной гибели. Отъ громоваго натиска польскихъ отрядовъ разсѣялась объятая дикою тревогою орда, а вслѣдъ за бѣгущимъ ханомъ Исламъ-Гиреемъ послѣдовалъ и самъ Хмельницкій. Послѣ бѣгства вождя разбѣжался, нѣсколько позже, и казацкій обозъ, оставляя въ добычу побѣдителю все, что въ немъ находилось. Въ числѣ настигнутыхъ поляками недобитковъ погибъ проходимецъ-патріархъ, убитый и ограбленный польскими цюрами (джурами или слугами).

*) „Дневникъ Станислава. Освѣцима", рукоп Оссол., № 294, стр. 1096.

Послѣ страшнаго разгрома подъ Берестечкомъ нечего было мечтать о сватовствѣ и свадьбѣ. Оставалось благодарить Бога, что своеволіе и безурядица среди посполитаго рушенія не дозволили польскому королю вполнѣ воспользоваться плодами своей побѣды и окончательно истребить враговъ. Безпечность побѣдителей была для враговъ спасеніемъ. Въ скоромъ времени Богданова казацкая сила поднялась какъ трава на украинской степи. Спустя нѣсколько недѣль послѣ сраженія подъ Берестечкомъ Хмельницкій въ союзѣ съ татарами снова стоялъ во главѣ войскъ, грозный какъ и прежде коронѣ польской. Все впрочемъ окончилось скромнымъ миромъ въ Бѣлой-Церкви, который принесъ ту пользу полякамъ, что были уничтожены тяжелыя для нихъ условія Сборовскаго мира*).

Какъ только Хмельницкій отдохнулъ отъ удара, тотчасъ воскресли въ немъ прежніе волохскіе планы и вспомнилъ онъ о пріостановленномъ свадебномъ походѣ. Не успѣли разойтись по домамъ польскія войска изъ-подъ Бѣлой-Церкви, какъ уже изъ Украйны пришли вѣсти о новомъ походѣ въ Яссы Хмельницкаго и его сына. Современные дневники въ октябрѣ мѣсяцѣ разсказываютъ **): «Доходятъ грустныя и невыносимыя вѣсти, что Хмельницкій сына своего Тимошку съ отрядомъ казаковъ отправляетъ въ Волощину за обѣщанною ему въ жены дочерью волохскаго господаря. Вмѣстѣ съ нимъ должны двинуться татары, кочующіе за Корсуномъ въ долинѣ Капустной; въ теченіе двухъ недѣль всѣ войска должны собраться и выступить въ походъ. Панъ Краковскій (Потоцкій), считая это предпріятіе величайшимъ бѣдствіемъ и оскорбленіемъ для Рѣчи Посполитой, сосредоточилъ войска подъ Махновкою, подъ предлогомъ проявляющихся бунтовъ, и вручилъ начальство польному гетману (Калиновскому), а самъ, по причинѣ тяжелой болѣзни, 22 октября уѣхалъ въ Хмельники для поправленія разстроеннаго здоровья».

Не много спустя умеръ великій гетманъ Потоцкій и съ его кончиною окончательно рушились надежды сына его Петра на полученіе руки Розанды. Такая же судьба постигла надежды молодецкаго князя Дмитрія Вишневецкаго. Если Розанда могла кому-либо еще достаться изъ числа польскихъ искателей ея руки, то болѣе всего, казалось, счастье стало склоняться на сторону

---

*) „Дневникъ Станислава Освѣцима“, рукоп. Оссол., № 224, стр. 1096, подъ числомъ іюля 10-го дня 1651 года.

**) „Дневникъ Освѣцима“, стр. 1225.

польнаго гетмана Калиновскаго, товарища умершаго гетмана Потоцкаго. Сдѣлавшись въ настоящее время начальникомъ всѣхъ коронныхъ войскъ, Калиновскій имѣлъ власть и средства защитить господаря Лупулу отъ свадебныхъ затѣй Хмельницкаго, и дѣйствительно Калиновскій рѣшился силою оружія отразить Тимошку на случай его вторженія въ Яссы.

Между тѣмъ во всей коронѣ разнеслись слухи, что вдовецъ-гетманъ сам не прочь сватать дочь господаря. Хмельницкаго это не устрашило нисколько, а напротивъ послужило впередъ наукою, чтобы съ большею предусмотрительностію и стойкостію стремиться къ достиженію цѣли. Хмельницкій отсрочилъ на нѣкоторое время свой походъ въ Волощину въ ожиданіи исхода созваннаго въ Варшавѣ сейма, который при извѣстіи о второмъ походѣ Хмельницкаго за Розандою могъ бы объявить ему новую войну. Нужно было прежде всего притворною покорностію убаюкать сеймовыхъ пановъ и, заручившись или благопріятнымъ для казаковъ опредѣленіемъ сейма, или минутою, когда сеймъ будетъ сорванъ, круто повернуть къ достиженію цѣли.

Сеймъ дѣйствительно былъ сорванъ и это неожиданно способствовало Хмельницкому открыть походъ. Въ силу бурнаго хода совѣщаній не состоялось опредѣленія сейма ни на уплату жалованья войску, ни на подкрѣпленіе арміи новыми силами; все это вмѣстѣ лишило гетмана Калиновскаго всѣхъ средствъ защиты. Слишкомъ долгое притворство Хмельницкаго, будто бы отказавшагося отъ своихъ волохскихъ плановъ, успокоило минутную тревогу пановъ польскихъ и усыпило ихъ мимолетную бдительность. Не предвидя никакой опасности, гетманъ Калиновскій расположилъ лагерь подъ Батовомъ на берегахъ Буга и медленно стягивалъ туда войска, какъ вдругъ онъ получаетъ отъ Хмельницкаго письмо, которымъ тотъ увѣдомляетъ, что сынъ его Тимошка будетъ проходить по этимъ же мѣстамъ на свадьбу въ Волощину; а какъ между казачествомъ и расположенными подъ Батовомъ польскими отрядами легко могутъ произойти при встрѣчѣ столкновенія, то Богданъ Хмельницкій совѣтуетъ и проситъ гетмана Калиновскаго отступить и очистить путь его сыну *).

Былъ ли это совѣтъ искренній или лукавый, во всякомъ случаѣ онъ дерзкій. Ни одинъ гетманъ не принялъ бы его, но всякій иной подготовилъ бы отвѣтъ болѣе рѣшительный и съ большею

*) „Мемуары Николая Іемѣловскаго съ 1648 по 1679 годъ", стр. 33.

предусмотрительностію. Калиновскій совершенно не понималъ своего положенія,—онъ не зналъ о количествѣ непріятельскихъ силъ и не принялъ обычныхъ въ этихъ случаяхъ средствъ къ защитѣ. Въ лагерѣ подъ его начальствомъ было около 9.000 отборнаго войска; гордый вождь предполагалъ встрѣтиться съ нѣсколькими тысячами казацкаго сброда, предводимаго Тимошкою, и думалъ, что ему не трудно будетъ разсѣять и истребить его поголовно. Обманутый ложными развѣдками, гетманъ никакъ не предполагалъ, чтобы татары сопровождали этотъ свадебный походъ Тимошки. Изъ упомянутаго письма видно было, что самъ Хмельницкій находился въ то время въ Чигиринѣ и показывалъ видъ, что предпріятіе Тимошки—дѣло ему совершенно чуждое и предпринято вопреки его желанію: въ силу этихъ соображеній все дѣло казалось неопаснымъ.

Польный гетманъ бодро поджидалъ враговъ и ничуть не смутился, когда утромъ 1-го іюня подъ Батовомъ вмѣсто Тимошки появились татары. Происшедшая немедленно схватка вскорѣ убѣдила, что на сторонѣ невѣрныхъ такой перевѣсъ, предъ которымъ не въ силахъ устоять передовые польскіе отряды, и они съ потерею отступили въ лагерь.

Пришла туда вѣсть о приближеніи Тимошки съ 40.000 ордою подъ начальствомъ султана Нуреддина. На другой день дѣйствительно появились въ виду лагеря два союзника; за ними слѣдовалъ третій—безспорно самый грозный изъ нихъ—Богданъ Хмельницкій во главѣ нѣсколькихъ десятковъ тысячъ конницы. Обширный, не укрѣпленный, на половину не занятый должнымъ количествомъ войскъ, гетманскій лагерь вдругъ былъ охваченъ со всѣхъ сторонъ тучами враговъ и, конечно, не въ силахъ былъ дать отпоръ и обреченъ на неизбѣжную, поголовную гибель.

При всемъ томъ рѣшено не покоряться судьбѣ безъ боя; но это былъ не бой, не сраженіе, а какая-то хаотическая борьба силъ, различно и противорѣчиво описываемая,—въ точности описать ее невозможно. Наконецъ, къ полному смятенію, въ началѣ боя вспыхнулъ среди обоза пожаръ. Загорѣлись скученныя скирды хлѣба и сѣна; поднявшійся вихрь подымалъ вверхъ тысячи пылающихъ сноповъ и охватывалъ цѣлымъ моремъ пламени. Отрядъ польской кавалеріи, оттѣсненный передъ тѣмъ непріятелемъ, не рѣшался сдѣлать натискъ на аттакующаго врага; гетманъ, взбѣшенный колебаніемъ своей конницы, приказалъ стоящей за нею пѣхотѣ дать по ней залпъ. Тогда невольно выдви-

нутая впередъ конница вступила въ бой за окопами лагеря. Въ одно и то же время дрались въ лагерѣ, на окопахъ, въ полѣ,—боролись съ татарами, казаками, боролись съ пожаромъ и подъ огнемъ своей же братьи.

«Наконецъ, когда въ тотъ же часъ сдѣлалъ натискъ Хмельницкій, мы не могли устоять, насъ со всѣхъ сторонъ окружили, татары тѣснили саблями, а казаки таборомъ и все наше войско поголовно истребили»,—писалъ на другой день послѣ сраженія одинъ изъ десяти спасшихся отъ гибели *).

Меньшая половина арміи вмѣстѣ съ польнымъ гетманомъ Калиновскимъ и остальными предводителями легла на полѣ сраженія, большая—цвѣтъ рыцарской польской молодежи—очутилась въ татарскомъ плѣну. Въ настоящемъ случаѣ участь доставшихся въ татарскую неволю была во сто кратъ печальнѣе участи погибшихъ въ бою. Казаки, подъ вліяніемъ разгорѣвшейся жажды мести, хотѣли поголовнаго избіенія плѣнныхъ поляковъ, какъ бы дорого ни пришелся имъ выкупъ плѣнниковъ у татаръ, которые безъ окупа не отдавали на рѣзню своей добычи. Сраженіе подъ Батовомъ казаки считали счастливымъ приключеніемъ на пути ихъ свадебнаго похода въ Волощину и, желая потѣшить себя во время этого похода, Тимошкины поѣзжане порѣшили выкупить у невѣрныхъ 5.000 шляхетскихъ головъ для избіенія.

Татары сначала не соглашались на такую продажу. Нужно было въ шатрахъ Богдана и Тимошки устроить веселую пирушку, подпоить приглашенныхъ начальниковъ татарскихъ отрядовъ, чтобы склонить ихъ ударить по рукамъ въ знакъ согласія. При частыхъ тостахъ въ честь свадьбы волохской, при помощи бочонковъ золота, оставшихся неукраденными панею Хмельницкою и ея любовникомъ, состоялся окончательный торгъ: за 30.000 червонцевъ казаки купили у татаръ всѣхъ оставшихся въ живыхъ коронныхъ плѣнныхъ. На другой день утромъ, передъ палаткою Хмельницкаго и Выговскаго, мечомъ наемныхъ палачей изъ орды Нагайской началось избіеніе 5.000 жертвъ. Въ продолженіе нѣсколькихъ дней передъ глазами пьяной толпы казаковъ шла бойня. Такъ погибло много жертвъ въ ознаменованіе свадьбы Тимошки: погибъ братъ Яна Собѣскаго, будущаго короля Яна III, Маркъ Собѣскій, сынъ польнаго гетмана Калиновскаго, Самуилъ Калиновскій, мужъ дорогой ему Урсулы, дочери канцлера; погибло

*) «Воспоминанія Грабовскаго», т. II, стр. 82.

много сыновей сенаторовъ и другихъ достойнѣйшихъ сановниковъ Польши. Голову убитаго въ бою польнаго коронного гетмана татары воткнули на пику и носили въ своемъ побѣдоносномъ станѣ.

«Съ тѣхъ поръ, какъ существуетъ Польша,—слышатся жалобы одного изъ современниковъ *),—не поражалъ ее ударъ страшнѣе Батовскаго». Сами побѣдители были поражены громадностію своего успѣха. Имъ теперь открывался путь не только на Волощину, но и на всѣ стороны Польскаго королевства; словно пораженные величіемъ совершеннаго дѣла, они поколебались и вмѣсто того, чтобъ ударить на беззащитную и объятую ужасомъ Польшу, робко стали отступать назадъ. Только послѣ долгаго бездѣйствія проснулась въ нихъ охота къ дѣятельности, но теперь дѣло у нихъ шло вяло и безплодно. Богданъ Хмельницкій съ отрядомъ татаръ подступилъ къ стѣнамъ Каменца-Подольскаго, потерялъ тамъ нѣсколько недѣль на безуспѣшную осаду крѣпости и возвратился въ Украйну въ чрезвычайно мрачномъ настроеніи духа. Тимошка съ остальными татарами и со штатомъ придворныхъ, необходимыхъ для свадебнаго торжества, продолжалъ путь въ Яссы.

Тамъ ужъ не было никакихъ средствъ отдѣлаться отъ нежеланнаго зятя. Господарь, какъ ни вертѣлся, долженъ былъ дать окончательное согласіе на бракъ.

Даже дочь господаря, утомленная такою долгою и мучительною неопредѣленностью своей судьбы, рада была окончательной развязкѣ и, по словамъ современниковъ, заслуживающихъ довѣрія **), «съ нетерпѣніемъ поджидала Тимошку и приказывала пѣть себѣ украинскія пѣсни». Одного только желали ея родные, чтобы женихъ не приводилъ съ собою толпы татаръ и казаковъ, которые такими кровавыми жертвами подъ Батовомъ устлали себѣ свадебный путь. Услышавши о приближеніи будущаго зятя къ границамъ Волощины, господарь письменно просилъ его, что если онъ желаетъ быть принятымъ въ Яссахъ, какъ сынъ, пусть распуститъ сопровождавшія его войска. «Богиня войны,—писалъ Лупула къ Тимошкѣ ***),—зловѣщая сваха среди свадебныхъ торжествъ и печальны свадебные плясы подъ звукъ оружія. Удали

*) Каховскій: „Annalium Poloniae", I, стр. 321—329. Величко: „Лѣтопись русская", т. I, стр. 110—113.

**) Каховскій, т. I, стр. 333.

***) „Описаніе свадьбы Тимошки Хмельницкаго", рук. Оссол., № 231, стр. 223.

татаръ, упроси отца остаться съ казаками въ предѣлахъ Украйны, пріѣзжай самъ съ приличнымъ товариществомъ – и дочь моя ждетъ тебя у подножія алтаря».

Еще съ болѣе убѣдительнымъ краснорѣчіемъ обращался господарь къ султану Нуреддину: оно сопровождалось приложеніемъ богатыхъ даровъ. Благодаря такимъ ходатайствамъ и болѣе мирному настроенію обоихъ Хмельницкихъ, Волохская земля была спасена отъ раззоренія. Татары подъ начальствомъ Нуреддина и казаки съ Богданомъ Хмельницкимъ остановились на границахъ Волощины, намѣреваясь скоро совсѣмъ удалиться отъ нихъ. Только Тимошка во главѣ отряда въ нѣсколько тысячъ направился къ Яссамъ, посылая впередъ себя посольства и письма къ господарю съ цѣлью условиться насчетъ своего пріема и брачнаго церемоніала.

Наконецъ, въ половинѣ августа, спустя десять недѣль послѣ кроваваго Батовскаго погрома, свадебная казацкая дружина прибыла въ обѣтованную Волохскую землю. Подъѣхалъ и молодой женихъ съ многочисленнымъ и стройнымъ поѣздомъ, но безъ польской компаніи и безъ польской обстановки, какъ условливались два года тому назадъ. Свита Тимошки состояла изъ отборнаго отряда всадниковъ казаковъ, изъ множества родственныхъ Хмельницкому дамъ и свашекъ казацкихъ, слѣдовавшихъ за обозомъ на десяткахъ повозокъ. Поѣздъ заключался длинною вереницей телѣгъ и украинскихъ мажъ, нагруженныхъ одеждами, подарками и множествомъ разнаго рода товаровъ *).

Во главѣ этого торжественнаго шествія находились два лица, какъ первѣйшіе совѣтники жениха и главные распорядители во время свадебнаго торжества: то были два знаменитые впослѣдствіи казака—Иванъ Выговскій, нѣкогда польскій шляхтичъ, и Тетера, всегда вѣрный союзникъ Польши.

Какъ Тимошка подъ ихъ руководствомъ велъ себя во время свадебнаго торжества въ Яссахъ, какъ вообще происходило это славное свадебное пиршество, все это описалъ очень подробно одинъ изъ поляковъ, проживавшій въ то время при дворѣ господаря. Намъ не извѣстно ни его имя, ни занимаемая имъ при дворѣ должность. Для большей достовѣрности передадимъ его собственными словами разсказъ о достопамятномъ торжествѣ.

---

*) Каховскій: „Annalium Poloniae», I, стр. 348.

VII.

Свадьба Тимошки.

«Послѣ неоднократныхъ посольствъ съ обѣихъ сторонъ, по случаю предстоящей свадьбы, —читаемъ въ одномъ весьма интересномъ описаніи, сдѣланномъ нашимъ землякомъ *),—панъ Тимошъ приблизился наконецъ 16 августа къ Ямполю. Его милость господарь, во всемъ свѣдущій, послалъ на встрѣчу гостю въ Сороки своего великаго дворника, господина Тома, въ сопровожденіи отряда въ 6.000 человѣкъ, притомъ послалъ карету въ шесть лошадей, богатый запасъ всякой живности, вина и меду съ приказаніемъ чествовать гостя, какъ господарскаго сына, и проводить его до Яссъ. Тимошъ поступилъ вотъ какъ: онъ посланъ въ Сороки къ пану Тому, приглашая его къ себѣ въ Ямполь. Когда тотъ, желая исполнить его волю, переправился на ту сторону Днѣстра, Тимошъ немедленно велѣлъ его задержать въ видахъ обезпеченія себя отъ измѣны. Но этого было еще мало: Тимошка тотчасъ написалъ къ его милости господарю, чтобъ онъ прислалъ къ нему гетмана, своего родственника, въ качествѣ заложника. Господарь поморщился, но долженъ былъ исполнить требованіе и отправилъ въ заложники своего родственника. Какъ только послѣдній прибылъ въ Ямполь, панъ Тимошъ, во вторникъ 26 августа, сталъ переправляться на другую сторону рѣки. Въ среду ночевалъ онъ въ Пельцахъ, въ четвергъ—въ Прутахъ, въ пятницу—въ Койханахъ, а къ полудню прибылъ въ

---

*) „Описаніе свадьбы Тимошки, сына Хмельницкаго, съ Розандою, дочерью господаря волохскаго Василія Лупулы въ 1652 году", рукоп. Оссол. № 231, стр. 223.

Описаніе свадьбы начинается вступленіемъ, которое мы пропустили. Оно гласитъ слѣдующее: „Совершилось то, что Богъ de charo pignore господарю ab aeterno constituit, или чего по неизбѣжному опредѣленію судьбы миновать было невозможно. Послѣ пораженія подъ Батовомъ и послѣ осады Каменца Хмельницкій сейчасъ же отправилъ пословъ къ господарю cum indignatione, чтобы дочь свою, согласно данному обѣщанію, онъ отдалъ Тимошкѣ in sociam vitae et thori. На что господарь non tam libenter, quam reverenter согласился; племянника своего in instanti въ Чигиринѣ pro obside отправилъ. По поводу.... и т. дал.

Пропущено мною также нѣсколько словъ о Розандѣ, приведенныхъ въ § VI нашего разсказа, „которая его предъ тѣмъ avider поджидала и приказывала пѣть себѣ казацкія пѣсни". Въ разсказѣ словами лѣтописца нѣсколько латинскихъ выраженій переведено на польскій, а нѣкоторыя польскія слова, вышедшія изъ употребленія, замѣнено новыми. Сравни извѣстіе о свадьбѣ Тимошки въ „Мемуарахъ Родзивила", т. II, стр. 482.

Яссы. Его милость господарь, въ сопровожденіи бояръ и 8.000 войска, выѣхалъ на встрѣчу своего нежеланнаго зятя. Господаря сопровождало шесть пажей, прилично, по-турецки, одѣтыхъ. Окруженный кавалькадою, господарь, на богато-убранныхъ коняхъ, ѣхалъ съ царскимъ величіемъ, котораго описать не берусь. Приближался и Тимошъ въ сопровожденіи 3.000 запорожскаго войска. Говорили, что это было войско отборное, однако на видъ больно не казисто.

«Когда обѣ стороны сошлись въ долинѣ на разстояніи ¼ мили, войско господаря, раздѣлившись на два отряда, построилось по обѣимъ сторонамъ обоза. А панъ Тимошъ-гетманичь и его войско видимо были озадачены,—они понеслись съ горы лавою, какъ будто въ бой, причемъ Тимошъ приказалъ играть музыкѣ. Съѣхавшись вмѣстѣ, зять и тесть сошли съ коней и поздоровались. Панъ Тимошъ обнялъ отца, а тотъ его по-отечески поцѣловалъ. Господарь обратился къ нему съ рѣчью, высказывалъ радость по поводу его пріѣзда, но тотъ на это не отвѣтилъ ни слова, только стоялъ какъ вкопаный и кусалъ себѣ губы,—за него отвѣчалъ Выговскій.

«Въ кавалькадѣ пана Тимоша было девять коней плохихъ и исхудалыхъ, два сѣдла были драгоцѣнны, одно усаженное жемчугомъ, а другое золотомъ богато вышитое. Самъ Тимошъ былъ въ атласномъ, кармазиноваго цвѣта, жупанѣ, въ ферезіи бархатной, подбитой соболемъ, которая, какъ видно, не на него скроена. Онъ былъ дѣтина молодой, съ лицомъ рябоватымъ отъ оспы, роста малаго, но большой разиня. Рыдвановъ шестиконныхъ было два, сокровищница одна, простыхъ возовъ 400, наполненныхъ соболями, кажется, для продажи. Нѣкоторые изъ полковниковъ были на хорошихъ лошадяхъ, всѣ въ польскихъ уборахъ, блистали серебромъ, но такихъ не много, а больше всего голь.

«Ѣхалъ панъ Тимошъ рядомъ съ его милостью господаремъ. Они въѣзжали въ городъ и встрѣчены были пальбою изъ орудій. Гремѣла музыка военная и иная, а наибольше турки и цыгане.

«Господарь его милость ввелъ гостя въ свои покои; здѣсь Стефанъ представилъ ему своего сына, господарчика, выражая радость по случаю пріѣзда, а Тимошъ по-прежнему все молчитъ и вмѣсто него отвѣчаетъ Выговскій. Начались въ покояхъ невѣсты танцы, цыгане пилили на своихъ сербахъ; господарь затѣмъ удалился въ свои покои, предлагая молодому, послѣ стольких трудовъ удалиться на покой и обмыться отъ дорожной пыли.

«Господарь назначилъ своихъ комнатныхъ придворныхъ прислуживать гостю. Тамъ стояла его собственная ассистенція, состоявшая изъ Выговскаго, Тетеры и другихъ, въ особыхъ спискахъ означенныхъ; стояли и нѣкоторые изъ волохскихъ бояръ, а онъ, какъ волкъ, взглянулъ на нихъ изъ подлобья, повернулся спиною, вынулъ ножъ и началъ при боярахъ обрѣзывать себѣ ногти. Полковникамъ, эсауламъ и сотникамъ отведены помѣщенія въ городѣ и каждому назначены пристава и содержаніе. Весь таборъ казацкій размѣстился подъ Виногродомъ и много вреда дѣлалъ онъ жителямъ. Жиды нигдѣ не показывались, а кто изъ нихъ попадался, хорошо за это поплатился.

«Подъѣхали и казацкія свашки; имъ также отвели помѣщенія и всего вдоволь отпустили. Приготовленъ былъ затѣмъ обѣденный столъ; господарь пригласилъ къ обѣду пана Тимоша, но онъ не скоро собрался и господарю пришлось долго его ждать. Онъ пришелъ наконецъ переодѣтый въ иную одежду, польскую; господарь посадилъ его рядомъ съ собою. Стали кушать, пить за здоровье, палить изъ пушекъ, а Тимошъ по-прежнему молчитъ—ни *бе*, ни *ме*, что сильно оскорбляло господаря. Играла волохская турецкая музыка, а турки показывали разные фокусы до поздней ночи.

«На другой день, въ субботу (31 августа), панъ Тимошъ приготовлялся къ вѣнцу и не приходилъ къ столу. Всѣ боярыни и дѣвицы волохскія, богато одѣтыя, танцовали во дворцѣ, а панъ Тимошъ, сидя на виду всѣхъ у окна, пилъ табакъ (черный кофе) и смотрѣлъ на волохскіе танцы. Въ воскресенье утромъ боярыни и волохская молодежь танцовали, а потомъ ихъ милости господарь и господарша возлюбленную свою дочь Домну-Розанду съ сокрушеннымъ сердцемъ вручили неуклюжему, неотесанному и нѣмому жениху.

«Онъ ѣхалъ въ церковь верхомъ на своемъ турецкомъ конѣ, съ султаномъ на головѣ, въ богатой одеждѣ, подаренной ему господаремъ; его сопровождали два пажа; бояре ввели его въ церковь, словно что хорошее. Тамъ ихъ подвели къ алтарю и, какъ то водится, они, стоя на колѣняхъ, на коврѣ, принесли обоюдную клятву въ вѣрности.

«Панъ Тимошъ возвратился изъ церкви въ замокъ франтомъ, былъ веселъ и обнялъ свою невѣсту; стеченіе людей было громадное; палили изъ орудій и пѣли. Дочь господаря заливалась слезами. Потомъ сѣли за столъ, за свахами послали карету, но

дома ихъ не нашли,—онѣ на постояломъ дворѣ пили водку. Этихъ чучелъ привезли въ замокъ; всѣ онѣ—родня Хмельницкому: лицомъ безобразны, въ еврейскихъ шубейкахъ, подшитыхъ однако соболями, и съ большими воротниками. Хотѣли онѣ, кажется, подражать волохскому наряду. Нужно бы о нихъ написать и много, но приличіе не дозволяетъ. Всѣхъ ихъ въ особыхъ покояхъ угощала ея милость господарша.

«Господарь постоянно упрашивалъ пана Тимоша, чтобы тотъ пилъ, ѣлъ и былъ веселъ. Тогда Тимошъ, наклонившись къ Кенарскому, сказалъ: «дзякую очень его милость господаря,—всего вдоволь. Чего-жь бульше треба»? Привелъ наконецъ Господь доброе слово услышать!... Турецкая музыка заиграла тутъ за здоровье Хмельницкаго и въ честь соединенія двухъ домовъ палили изъ пушекъ. Панъ Тимошъ послалъ за своими музыкантами,—за органистомъ, тремя скрипачами, віолончелемъ и бубенщикомъ; они заиграли ему по-польски и онъ развеселился и приказалъ пуститься въ-плясъ своимъ казакамъ, которые лѣзли въ комнаты.

«Попойка продолжалась до часу ночи, но свашекъ вѣжливо выпроводили домой заранѣе, потому что боярыни ихъ чѣмъ-то задѣли. Одна изъ казачекъ, Карпинская, была баба задорная и въ присутствіи господарши сказала боярынямъ: «Чи на блазенство мы до васъ пріѣхалы? Коли вы приличнѣе насъ, то зачѣмъ вашу дочку за казачка даете?» Спускаясь по лѣстницѣ, она упала,—была она очень тучна и пьяна,—и съ трудомъ ее довели до кареты. Остальныя держались по крайней мѣрѣ на ногахъ. Возницамъ и ленгошамъ, которые ихъ домой отвозили, въ видѣ удовольствія давали орѣховъ. Затѣмъ молодой, быстро вскочивши изъ-за стола, отправился въ свои комнаты, а потомъ—въ опочивальню.

«На другой день, 2 сентября, и на третій панъ Тимошъ изъ своихъ комнатъ не выходилъ. Въ среду онъ выѣзжалъ покататься по полямъ; въ четвергъ господарь, его жена, Домна-Розанда и панъ Тимошъ, а также бояре и боярыни обѣдали за общимъ столомъ. Немногихъ туда впускали, потому что придворныя дѣвицы прислуживали господарю за столомъ. Панъ Тимошъ съ супругою открылъ танцы; ему прислуживали Выговскій и Тетера. Господарь за этотъ трудъ подарилъ зятю кусокъ златоглава, но тотъ и поклониться не умѣлъ.

«Въ тотъ же день панъ Тимошъ отдаривалъ знатнѣйшихъ бояръ. Его милости господарю подарилъ сорокъ соболей, женѣ

своей соболью шубку, покрытую адамашкомъ, боярамъ—по сту левковыхъ талеровъ, подарокъ для нихъ не важный. Господарь подарилъ зятю четыре лошади съ сѣдельнымъ приборомъ и два волохскихъ аргамака. Здѣсь находился также посолъ мультанскаго (валахскаго) господаря; онъ предъявилъ въ подарокъ господарю турецкую лошадь съ сѣдельнымъ приборомъ, а гетманичу—коверъ и кусокъ златоглава; другихъ пословъ не было.

«Господарь за дочерью далъ двѣ тысячи талеровъ, не считая собственно приданаго. Сверхъ того изъ особеннаго попеченія къ дочери далъ господарь 2.000 червонцевъ, карету, повозки, нагруженныя дорогими предметами, и много другихъ вещей. Господарь подарилъ Выговскому бархату 10 локтей, атласу 20 локтей, бламъ рысьяго мѣха и 300 левковыхъ талеровъ. Полковникамъ подарено было сукна и шелковой матеріи на двѣ пары платья и по 150 талеровъ. Эсауламъ и сотникамъ пожаловано деньгами,—они безъ всякаго стыда требовали ихъ себѣ какъ бы какого долга.

«Въ пятницу, 6 сентября, Тимошъ выѣхалъ изъ Яссъ. Господарь проводилъ его до того мѣста, гдѣ происходила встрѣча. Также ѣхала и господарша съ боярынями. Когда сошли съ лошадей и стали прощаться, во все то время, пока господарь бесѣдовалъ съ зятемъ, Розанда обнимала свою мать и горько плакала. Потомъ подошла къ отцу прощаться; онъ ее поцѣловалъ и старался придать себѣ веселый видъ, хотя скорбь сжимала ему сердце. Дочь едва могли оторвать отъ его ногъ.

«Затѣмъ начали прощаться бояре и боярыни. Его милость господарь стоялъ еще съ открытою головою, а уже панъ Тимошъ сѣлъ на коня, надвинувъ шапку, и уѣхалъ. Господарь, проводивши гостей, возвратился въ городъ».

Современный свидѣтель разсказомъ о прощаніи оканчиваетъ описаніе свадьбы. Изъ другихъ источниковъ мы узнаемъ о двухъ рѣзкихъ и многозначительныхъ для будущаго похвальбахъ, которыя во время пира сорвались съ языка у молчаливаго Тимошки. Однажды, когда господарь уговаривалъ его жить въ мирѣ съ поляками, онъ, ударяя рукою по саблѣ, сказалъ: «пока эта сабля у меня при бедрѣ, не перестану истреблять ею ляховъ». Другой разъ зашла рѣчь о сосѣднемъ княжествѣ Мультанскомъ, котораго князь Радулъ велъ частые споры съ Лупулою. Новобрачный произнесъ: «я съумѣю съ отцомъ устроить дѣло въ Портѣ такъ, что мнѣ отдана будетъ земля Мультанская».

Слова эти, подслушанныя одною госпожею, присутствовавшею за столомъ, скоро дошли до Радула и чуть было не привели Тимошку къ гибели.

Свадебное торжество не принесло ничего существеннаго Хмельницкому, кромѣ заронившихся въ его душу этихъ пагубныхъ надеждъ. Личность Розанды никогда не была предметомъ его душевныхъ влеченій и время очень скоро показало, что жизнь съ женою стала для него невыносимою. Гораздо больше привлекало его богатое приданое Розанды, но и въ этомъ отношеніи измѣнили ему слишкомъ преувеличенныя ожиданія. Означенная выше сумма такъ мало соотвѣтствовала распространеннымъ слухамъ о богатствахъ Лупулы, что ее можно было считать развѣ временнымъ задаткомъ слѣдуемаго приданаго. Какъ бы то ни было, изъ настоящей бережливости господаря не вышло никакого ущерба для славы о его огромныхъ богатствахъ и, несмотря на постигшія его несчастія въ послѣдніе годы, все-таки богатства Лупулы не переставали считать въ баснословныхъ цифрахъ—рѣдкими у кого въ то время милліонами, цѣлыми бочонками золота, серебра и драгоцѣнностей.

Однако при настоящемъ свадебномъ торжествѣ эти богатства не поражали глазъ посѣтителей и какъ бы нарочно скрывались изъ опасенія грабежа со стороны казаковъ. Все вообще свадебное пиршество было на видъ очень обыкновеннымъ, носило печать грусти и принужденности, особенно если сравнить со свадебнымъ торжествомъ старшей дочери господаря съ княземъ Янушемъ Радзивиломъ, происходившимъ за семь лѣтъ предъ этимъ. Въ мрачномъ видѣ является свадьба младшей сестры, Розанды. Вмѣсто прежнихъ пословъ и поздравленій отъ имени монарховъ господствовало совершенное отсутствіе дипломатическихъ свѣтилъ; вмѣсто прежняго отборнаго общества, сіявшихъ золотомъ пановъ, княгинь и княженъ, толпилось теперь казацкое полчище; вмѣсто прежнихъ хвалебныхъ описаній торжествъ, составленныхъ знатнѣйшими учеными, теперь самыя грустныя извѣстія распространялись въ дневникахъ о жизни новобрачныхъ въ первыя минуты ихъ медоваго мѣсяца.

За неимѣніемъ другихъ источниковъ о судьбѣ Розанды, во время ея пребыванія въ Украйнѣ, намъ остается заглянуть во французскія газеты за 1652 г.; въ нихъ находимъ корреспонденцію изъ Варшавы отъ 15 ноября, слѣдовательно всего спустя

два мѣсяца послѣ брака въ Яссахъ. Корреспондентъ сообщаетъ парижской публикѣ *):

«Сынъ гетмана Хмельницкаго, Тимошка, уже два раза билъ свою жену, дочь господаря волохскаго, недавно съ нимъ обвѣнчанную, упрекая ее въ близости съ визиремъ во время ея пребыванія заложницею въ сералѣ и за то, что будто бы этимъ путемъ она хотѣла пріобрѣсть свободу; но отецъ Хмельницкаго, который дорожилъ дружбою господаря, всѣми силами старался склонить сына къ лучшему обращенію съ женою».

Несмотря на эти заботы, печальная доля невѣстки Богдана Хмельницкаго не улучшилась. Вскорѣ произошли событія, которыя не только Розанду, но весь родъ ея ввергнули въ бездну несчастій. Вмѣстѣ съ нимъ погибъ и Тимошка, виновникъ всѣхъ несчастій дома Лупулы; а какъ Тимошка связанъ былъ съ домомъ Лупулы единственно черезъ бракъ съ Розандою, то послѣдняя, безвинно испытавъ столько тяжелыхъ ударовъ судьбы, носила въ сердцѣ еще и тотъ тяжелый упрекъ, что была главною виновницею страданій и гибели роднаго дома.

Окончательное паденіе дома Лупулы открыло наконецъ тайну о накопленныхъ у него богатствахъ, которыя такъ долго волновали воображеніе современныхъ поколѣній и привлекали въ домъ толпу искателей, желавшихъ получить изъ нихъ долю въ видѣ приданаго.

Разсказомъ о судьбѣ дома и скопленныхъ въ немъ богатствъ окончимъ нашу повѣсть о печальной судьбѣ дочери господаря волохскаго.

VIII.

Разгромъ дома и сокровищъ.

Вѣрны были предчувствія Лупулы, что зять его не ограничится однимъ обладаніемъ руки Розанды и полученною долею приданаго, а скоро потянется на Волощину за остальнымъ. И дѣйствительно, едва прошло нѣсколько недѣль послѣ брака, какъ Тимошка обратился къ господарю съ убѣдительнѣйшею просьбою дозволить ему переселиться въ Яссы въ видахъ спасенія отъ чумы, угрожавшей тогда Украйнѣ. Отказъ въ просьбѣ могъ навлечь грозныя требованія, а при согласіи легко можно было предвидѣть, что Тимошка начнетъ строить ковы въ самыхъ Яссахъ

*) *Gazette de France* 1652 г., стр. 1153.

противъ тестя. Господарь, не желая подѣлиться властію съ назойливымъ зятемъ, рѣшился отдѣлаться отъ него какъ можно скорѣе и потому ухватился за мысль, высказанную Тимошкою на свадьбѣ о присвоеніи себѣ земли Мультанской, и началъ хлопотать объ этомъ въ Царьградѣ.

Однако же мультанскій господарь Радулъ предупредилъ Лупулу, преслѣдуя противоположныя цѣли. Радулъ былъ извѣщенъ своею родственницею, женою Стефана, канцлера или лагафета Лупулы, о намѣреніяхъ Тимошки, высказанныхъ во время свадьбы. Радулъ немедленно вошелъ въ сношенія со свояком своимъ Стефаномъ и княземъ семиградскимъ Ракоціемъ. Всѣ вмѣстѣ успѣли оклеветать Лупулу передъ Диваномъ и исходатайствовали повелѣніе султана о низложеніи Лупулы съ господарства и о назначеніи вмѣсто его временнымъ господаремъ лагафета Стефана. Предусмотрительный всегда Лупулъ не успѣлъ еще провѣдать о ихъ замыслахъ, какъ уже былъ опутанъ интригами заговора, составленнаго канцлеромъ въ Яссахъ, и въ то же время на границахъ Волощины появилась союзная армія мультанская и семиградская.

Спустя семь мѣсяцевъ послѣ брака Розанды, 6-го апрѣля 1653 года, столица Лупулы была уже въ рукахъ Радула, войскъ седмиградскихъ и лагафета Стефана, торжественно признаннаго господаремъ волохскимъ. Все семейство господаря должно было спасаться вторичнымъ бѣгствомъ отъ угрожавшаго насилія *).

Жена господаря съ дѣтьми и сокровищами нашла убѣжище въ Польшѣ, въ неприступныхъ стѣнахъ Каменецъ-Подольской крѣпости, а самъ господарь въ то же время бросился за помощію на Украйну и въ Стамбулъ, гдѣ всегда былъ открыть путь для подкупа и интригъ. Благодаря неизсякшимъ еще богатствамъ знаменитаго господаря, открывался болѣе вѣрный путь къ спасенію въ продажности пашей Дивана, нежели разсчитывать на помощь весьма неподвижнаго, въ подобныхъ случаяхъ, зятя Тимошки. Переговоры между Лупулою и Диваномъ шли уже такъ удачно, что примиреніе между воюющими соперниками за Волощину и возстановленіе прежняго порядка вещей должно было послѣдовать въ силу повелѣнія султана, а ожидаемая казацкая помощь для отраженія враговъ все еще не появлялась.

Вдругъ, въ минуту близкую къ окончательному примиренію, на зарѣ полнаго успокоенія Волохской земли, Тимошка съ тол-

---

*) *Gazette de France* 1653 г., стр. 14 и 129.

пою неусидчивыхъ казаковъ вторгнулся въ ея предѣлы. Вспыхнула новая война, вначалѣ, впрочемъ, весьма для Лупулы удачная. Казаки, разоряя и опустошая весь край, овладѣли его столицею, Яссами. Лупула водворился въ ней съ зятемъ своимъ Тимошкою; возвратилась изъ Каменецъ-Подольска, вызванная мужемъ, господарша съ семьей и сокровищами. Лупула до окончательнаго прекращенія войны и полнаго умиротворенія страны отправилъ жену въ сильно укрѣпленную крѣпость Сочаву, куда вмѣстѣ съ своимъ мужемъ, Тимошкою, прибыла изъ Украйны и Розанда. Послѣ кратковременной разлуки мать и дочь увидѣлись снова, но въ печальномъ, измѣнившемся положеніи. Дальнѣйшій ходъ войны готовилъ для нихъ еще болѣе печальную участь.

Побѣдоносный Лупула, вмѣстѣ съ зятемъ Тимошкою, вытѣснивъ войска мультанскія изъ Волощины, задумалъ отомстить врагамъ и бросился за Радулою въ Мультаны; но улыбнувшееся счастье имъ измѣнило тамъ. Въ половинѣ іюля 1653 года обоихъ постигло несчастіе, которое лишило ихъ всякой возможности продолжать войну. Разбитый Лупула окольными путями пробрался на Украйну къ Богдану Хмельницкому, а Тимошка съ уцѣлѣвшими казаками бѣжалъ въ Волощину и заперся съ тещею и женою въ Сочавѣ. Вслѣдъ за нимъ явились подъ стѣнами крѣпости: Радулъ, господарь мультанскій, логофетъ Стефанъ, окончательно признанный волохскимъ господаремъ, и князь седмиградскій Ракоцій *). Союзникамъ оставалось только овладѣть Сочавою, и самымъ блестящимъ трофеемъ, какого они могли пожелать, было бы взятіе въ плѣнъ Тимошки, виновника всѣхъ смутъ, и захватомъ пресловутыхъ сокровищъ Лупулы окончить войну.

Сочава сдѣлалась конечною цѣлью, къ которой направлены были всѣ помыслы и усилія. Союзники напрягли всѣ силы завладѣть крѣпостью и господаршею. Тимошка и казаки истощали всѣ средства для ея защиты.

Началась осада достопамятнѣйшая въ военной исторіи новыхъ временъ. Спрятанныя въ стѣнахъ твердыни сокровища, привлекая къ себѣ не только вниманіе осаждающей толпы, но и составляя для ихъ вождей вѣнецъ военной славы, давали всему предпріятію характеръ похода за золотымъ руномъ. Присутствіе женщинъ въ стѣнахъ крѣпости и особенно княгини, извѣстной своимъ твер-

---

*) Каховскій: „Annalium Poloniae“, I, 385. „Мемуары со временъ царствованія Сигизмунда, Владислава IV и Яна-Казимира“, изд. Вайцицкимъ т. II, стр. 229.

дымъ характеромъ, воодушевляло защитниковъ въ оборонѣ. Въ ожиданіи казацкой помощи изъ Украйны подъ начальствомъ Богдана Хмельницкаго и Лупулы, осажденные рѣшились защищаться до выпаденія послѣдняго камня изъ стѣнъ твердыни.

Съ такою же настойчивостью, но съ гораздо большимъ счастіемъ, дѣйствовали союзники. Въ то время, когда старанія Лупулы получить помощь отъ Богдана Хмельницкаго не достигали цѣли, врагамъ господаря посчастливилось подкрѣпиться новыми союзниками и новыми силами. Лупула, явившись въ Чигиринъ, засталъ Богдана Хмельницкаго до того пьянствующимъ, что не могъ въ теченіе цѣлой недѣли найти минуту для переговоровъ съ нимъ о чемъ бы то ни было. На восьмой день, наконецъ, Богданъ увидѣлъ господаря, пододвинулъ къ нему флягу и сказалъ: «вотъ, братъ, самое лучшее утѣшеніе въ горѣ». Въ настоящее время дѣйствительно трудно было чѣмъ-либо другимъ помочь горю,—Хмельницкому угрожала война со стороны Польши и прежде всего ему должно было думать о собственной защитѣ.

Между тѣмъ къ союзникамъ, осаждавшимъ Сочаву, приближалась значительная помощь отъ поляковъ. Новый господарь Стефанъ совмѣстно съ князьями мультанскимъ и седмиградскимъ, начиная войну съ Лупулою, обратились къ Польшѣ съ предложеніемъ союза и вѣчнаго мира, лишь бы только поляки не поддерживали Лупулу; а какъ Лупула находился теперь въ тѣсномъ союзѣ съ обоими Хмельницкими и волей-неволею становился открытымъ непріятелемъ Польши, то въ Варшавѣ дали согласіе на предложенный Стефаномъ союзъ и, чтобы поскорѣе лишить Лупулу и Хмельницкаго всякой надежды на овладѣніе Волощиною, волохскимъ союзникамъ оказана была помощь въ добываніи Сочавы. Тою же осенью 1653 года, въ одно и то же время, король, во главѣ короннаго войска, выступилъ противъ Богдана Хмельницкаго въ Украйну, а съ нетерпѣніемъ ожидавшееся союзниками польское подкрѣпленіе явилось въ лагерѣ мультанскихъ и седмиградскихъ войскъ, осаждавшихъ Тимошку.

Съ удвоенными силами приступили союзники къ штурму Сочавы, но осажденные не падали духомъ. Лупула въ присланномъ письмѣ убѣждалъ продержать ее по крайней мѣрѣ одну недѣлю, а въ это время непремѣнно подоспѣлъ бы на выручку Богданъ съ казаками и ханъ съ татарскою ордой. Воодушевленная этими надеждами, господарша непоколебимою силой своего мужества оживляла весь гарнизонъ и находила новыя и новыя

средства къ защитѣ. О ней читаемъ въ одной изъ современныхъ лѣтописей *):

«На зятя она дѣйствовала силою увѣщаній, на казаковъ — подкупомъ, на волоховъ — обѣщаніями; всѣхъ заохочивала собственною отвагой, снабжала гарнизонъ живностью, мясомъ, скотомъ, даже каждому отпускала положенное количество воды. Не достало пороху, — она отыскала средство для его приготовленія. Убѣждала Тимошку, чтобъ онъ во время попоекъ съ казаками воодушевлялъ ихъ къ стойкой защитѣ крѣпости. Эта женщина одна въ теченіе долгаго времени умѣла проводить противниковъ, отвергала мирные трактаты, предлагаемые на выгодныхъ условіяхъ. Напрасно князь седмиградскій обѣщалъ ей отъ имени турокъ прежнія милости, лишь бы покорилась турецкому султану,— все отвергла».

Хмельницкій однако не являлся на помощь, а отъ огня непріятельскаго все шире и шире становились проломы въ стѣнахъ крѣпости. Главный приступъ союзниковъ, который долженъ былъ рѣшить судьбу осады, былъ отраженъ; но когда осажденные полагали, что избавились отъ угрожавшей опасности, ихъ постигъ невыразимо-тяжкій ударъ: погибъ Тимошка въ то именно время, когда, по совѣту тещи, онъ воодушевлялъ казаковъ къ защитѣ. «Тимошка сидѣлъ съ казаками на попойкѣ,—продолжаетъ свой разсказъ лѣтописецъ **),— вдругъ попало ядро въ колесо повозки, раздробило ось и два осколка такъ сильно ударили Тимошку въ лобъ, что у него выскочилъ мозгъ и нога была раздроблена. Онъ остался на мѣстѣ безъ дыханія. Его подхватили и стали трясти, чтобы привести въ чувство, но ужь безголовый не могъ жить.

«Не суждено было ему погибнуть смертью воина отъ пули,— погибъ, какъ пьяница, за штофомъ водки, отъ обломка казацкаго воза, въ возмездіе за безчеловѣчный торгъ кровью плѣнниковъ подъ Батовомъ».

Смерть Тимошки сильнѣе поразила Сочаву, нежели Розанду. Годъ ихъ супружеской жизни въ Чигиринѣ—годъ тяжелыхъ обидъ и страданій — не могъ расположить сердца Розанды къ своему супругу. Вдовство возвратило ее подъ опеку матери, которая могла ли быть тяжелѣе опеки Тимошки? Но Сочава лишилась

*) Каховскій, I, 388.
**) Idem, 388.

всего со смертью молодаго Хмельницкаго; въ казацкихъ полкахъ не было уже той готовности къ дальнѣйшей защитѣ города,—со смертью Тимошки для нихъ не было никакой цѣли защищать крѣпость. Казаки видимо охладѣли въ исполненіи служебнаго долга и слышались между ними толки, что пора прекратить безполезную борьбу и покориться полякамъ. Каждую минуту Сочава могла остаться безъ защитниковъ, а жена господаря со всѣмъ своимъ семействомъ и сокровищами очутиться во власти столь долго ею презираемыхъ враговъ.

При такомъ положеніи дѣлъ еще разъ рука Розанды сдѣлалась приманкою казакамъ. Эту сироту, всю жизнь обрекаемую на жертву во имя самыхъ прихотливыхъ предначертаній и плановъ, мать предложила предводителю казаковъ Ѳедоровичу, если онъ будетъ продолжать защиту крѣпости. Вмѣстѣ съ рукою Розанды предназначались Ѳедоровичу послѣдніе остатки господарскихъ сокровищъ, какіе уцѣлѣли еще въ подвалахъ крѣпости, помимо ихъ постоянной растраты. Мать готова была отдать юную свою дочь всякому казаку, который склонитъ своихъ товарищей продолжать защиту крѣпости въ случаѣ, еслибъ у Ѳедоровича не хватило мужества пріобрѣсти предлагаемый даръ. Въ сиротской судьбѣ Розанды брачный вѣнецъ кололъ пуще терній: свадебный поѣздъ жениха заливалъ землю потоками крови, а верховная власть султана обрекала на позоръ ея дѣвичью честь,—и чѣмъ же наконецъ материнская опека была лучше опеки враговъ?

Но никакіе соблазны не были въ силахъ возбудить упавшаго духа у казаковъ. Они остались вѣрными замыслу поддаться полякамъ, а за ними послѣдовала и остальная часть гарнизона. 9-го октября 1653 года подписанъ договоръ о сдачѣ Сочавы на имя короля польскаго, новому господарю Волощины Стефану и его союзникамъ, князьямъ мультанскому и седмиградскому. Казаки выговорили для себя условіе свободнаго возвращенія на Украйну и не взяли съ собою ничего кромѣ тѣла погибшаго Тимошки.

Господарша съ вдовствующею Розандой и съ остальными дѣтьми отдана была на милость побѣдителей, а сокровища Лупулы пошли въ раздѣлъ поровну между союзниками. На эти-то сокровища устремились теперь взоры людей, жадно выжидавшихъ минуты, когда предъ ихъ глазами раскроются эти загадочныя волохскія богатства, изъ-за которыхъ сваты Розанды добивались руки ея, добивались вооруженнымъ вторженіемъ въ Волощину, пролитіемъ крови подъ стѣнами Сочавы.

Но за столько жертвъ что же наконецъ досталось въ руки побѣдителей? Потому ли, что нечѣмъ было похвалиться предъ людьми, а можетъ-быть и ради желанія скрыть достовѣрность количества наживы, но побѣдители—князья волохскій, мультанскій и седмиградскій—произвели дѣлежъ въ величайшей тайнѣ. Король польскій Янъ-Казиміръ находился вблизи павшей крѣпости. Онъ стоялъ подъ Каменцомъ во главѣ арміи, направленной противъ Хмельницкаго, но отказался принять участіе въ предложенномъ ему дѣлежѣ сокровищъ, захваченныхъ въ Сочавѣ. Второстепенные соучастники въ этой побѣдѣ не могли похвалиться богатствомъ доставшейся доли добычи. Такимъ образомъ тайна о количествѣ сокровищъ Лупулы не разоблачилась предъ глазами людей и, какъ обыкновенно бываетъ, долгія и напряженныя ожиданія кончились полнымъ разочарованіемъ.

Однако, чтобы хотя какою-либо цифрою удовлетворить людское любопытство, оцѣнивали при осадѣ Сочавы имущество Лупулы на сумму шесть милліоновъ золота и серебра *). Осада, продолжавшаяся нѣсколько мѣсяцевъ, значительно уменьшила эту цифру,—много израсходовано на продовольствіе, укрѣпленіе стѣнъ и на подкупъ казацкихъ полковъ. Говорили, будто господарь и жена его, въ виду окончательнаго разгрома, заблаговременно припрятали отъ побѣдителей значительную часть сокровищъ въ отдаленныхъ мѣстахъ. Ходили слухи, что господарь Лупула огромныя суммы положилъ въ банкахъ Константинополя, Венеціи, Лондона и Данцига. Подозрѣвали жену господаря, что она приказала зарыть въ землю много металловъ въ бочонкахъ и что они тамъ быть-можетъ и до сихъ поръ лежатъ зарытыми. Ходили даже слухи, что у злополучной Розанды хранится скрытно не мало количества золота, которое однако, при общемъ крушеніи дома, не только не спасло ее, но, напротивъ, было причиною окончательной ея гибели.

Какъ баснословныя сокровища господаря, такъ и весь домъ его—все пошло прахомъ. Посчастливилось было господарю, скрывавшемуся въ Украйнѣ, заручиться помощью татаръ, съ которыми онъ спѣшилъ на выручку къ Сочавѣ, но на пути достигла его вѣсть о сдачѣ крѣпости. Это обстоятельство сейчасъ измѣнило къ нему отношенія союзныхъ ордъ. Ханъ крымскій при-

---

*) J. Chr. Engel, Geschichte der Moldau u Fortsetzung der allgemeinen Welthistorie 49 Theil, 4 Band, 2 Abtheilung, стр. 270.

казалъ Василія, какъ уже ни на что негоднаго, заковать въ кандалы и отправить въ Стамбулъ. По примѣру многихъ своихъ предшественниковъ, занимавшихъ нѣкогда господарскій престолъ, Василій Лупула былъ заточенъ на берегахъ Чернаго моря въ крѣпости Эдыкуль, откуда ему, какъ и подобнымъ ему скитальцамъ, не было другаго выхода, кромѣ смерти. Съ минуты заточенія уже не было болѣе никакихъ слуховъ о господарѣ Лупулѣ: вѣрнѣе всего, онъ по повелѣнію султана былъ задушенъ въ темницѣ.

Жена Лупулы досталась въ неволю князю седмиградскому. Всѣмъ извѣстна была ея ловкость, сила воли и связи въ Стамбулѣ; всѣ видѣли въ ней опасную узницу, за которою слѣдить нужно было бдительно и днемъ и ночью. Она должна была поклясться на Евангеліи, что не будетъ писать писемъ ни къ мужу, ни къ кому бы то ни было изъ родныхъ, проживавщихъ въ Царьградѣ. Особенно строго воспрещено было ей входить въ сношенія съ друзьями, проживавшими въ оттоманской столицѣ, подъ угрозою, что въ противномъ случаѣ малолѣтнему ея сыну, находившемуся у седмиградскаго князя, будутъ отрѣзаны носъ и уши. Ее отправили въ Седмиградіе, гдѣ она долго томилась въ тяжеломъ заключеніи. Судьба ея мало-по-малу вовсе перестала интересовать людей и наконецъ она была совершенно забыта въ этомъ мірѣ *). Не сохранилось ни одного преданія, которое пролило бы свѣтъ на послѣдніе дни жизни матери Розанды.

Но дошла до насъ несомнѣнная и самая печальная вѣсть о судьбѣ самой Розанды. Потерявъ мужа и родителей, лишившись сокровищъ и честнаго имени, пришлось этой несчастной женщинѣ испытать одно изъ самыхъ величайшихъ несчастій — искать убѣжища въ Украйнѣ у Богдана, отца Тимошки; но, гонимая и оттуда военными бурями, вернулась несчастная въ Волощину, въ какой-то уцѣлѣвшій остатокъ изъ родительскихъ помѣстій. Она возвратилась туда за тѣмъ, чтобы погибнуть самою лютою смертью. Едва успѣла она пріютиться въ родномъ домикѣ, какъ стали кругомъ разноситься слухи, что часть изъ несмѣтныхъ сокровищъ Лупулы досталась Розандѣ и она увезла ихъ будто бы сначала въ Сочаву, а потомъ зарыла въ садикѣ своего жилища. Этого слуха было достаточно для того, чтобы

*) О судьбѣ жены господаря находимъ извѣстіе въ письмѣ изъ Варшавы отъ 13 ноября 1653 года. *Gazette de France* 1653 года, стр. 1242.

шайка негодяевъ поспѣшила покуситься на пріобрѣтеніе этой богатой добычи. Эта шайка разбойниковъ напала на Розанду и, не добившись, гдѣ скрыты сокровища, мучительными истязаніями лишила ее жизни.

Въ довершеніе горя, убійцы были украинскіе казаки, земляки ея мужа Тимошки, случайно находившіеся въ Волощинѣ. О ихъ злодѣяніи сообщаетъ тоже казакъ, въ краткихъ, но весьма характеристическихъ чертахъ, авторъ широко прославленной лѣтописи о подвигахъ казаковъ во времена Хмельницкаго. Его словами и окончимъ печальную повѣсть о бѣдной сиротѣ, лишенной отечества, которая во время жизни была предметомъ многихъ кровавыхъ войнъ, а о смерти ея дошло лишь это единственное извѣстіе:

«Ради покоя и тишины вернувшись въ Волохскую землю,—читаемъ въ наивныхъ и весьма часто сомнительныхъ разсказахъ Самуила Величка,—Розанда жила какъ богатая и почтенная вдова до дня своей кончины, которая неожиданно постигла ее отъ рукъ казацкихъ бродягъ. Оставивъ ремесло военныхъ наемниковъ въ Волощинѣ, на пути домой они узнали о проживавшей вблизи Розандѣ и, разбойнически ворвавшись въ домъ ея, забрали все находившееся на виду и стали посредствомъ истязанія и мученій допытываться о скрытыхъ ею сокровищахъ. Но эта неустрашимая женщина отвѣчала казакамъ: «Лучше пусть сокровищами моими обладаетъ бездушная земля, но не вы, враги мои, надѣленные безсмертною душою». Произнеся эти слова, кончила жизнь Розанда, жена Тимошки.

Мамаево побоище.

Въ широкомъ привольѣ заволжскихъ степей
Собралось, къ набѣгу готово,
Татарское войско, и въ ставкѣ своей
Мамай собираетъ ордынскихъ вождей,
Къ нимъ гордое держитъ онъ слово:

«Москва позабыла Батыевы дни,—
Князья ея дерзки и смѣлы.
Пусть нынѣ извѣдаютъ снова они,
Сколь мѣтки татарскія стрѣлы!

«Селенія, веси и грады ихъ вновь,
Сожженные, въ прахъ обратятся;
Польется потоками русская кровь,
Предъ ханомъ рабы да смирятся,—

«Да снова съ повинной придутъ головой,—
Придутъ, побѣжденные въ брани,—
Въ Орду на поклонъ, волоча за собой
Дары и обильныя дани!»

И слово Мамая по стану какъ громъ
Раскатомъ могучимъ катится;
Подъемлетъ несмѣтныя рати кругомъ
И, ихъ обгоняя въ просторѣ степномъ,
Къ Москвѣ грознымъ вызовомъ мчится.

Подъ тяжкою дланью пришельца-врага
Москвѣ преклоняться не гоже.
На вызовъ отвѣтная рѣчь не долга:
«Кровь вѣрныхъ сыновъ для Руси дорога,
Но воля и честь ей дороже!»

И шлетъ князь московскій Димитрій гонцовъ
Къ князьямъ, воеводамъ, боярамъ;
И дружно отвсюду на княжескій зовъ
Стекается много дружинъ и полковъ:
«Служить не хотимъ, молъ, татарамъ!

«Позорно нести намъ на крѣпкихъ плечахъ
Яремъ иноземнаго гнета;
Давно на Руси, на земляхъ и водахъ,
Въ дремучихъ дубравахъ и чистыхъ поляхъ
Намъ быть господами охота!

«Подъ стягомъ Христовымъ мы выйдемъ на бой;
Побѣда во власти Господней;
Но срамно предъ силой склоняться чужой,
А въ битвѣ за родину лечь головой
Честнѣе и Богу угоднѣй».

Такъ мыслитъ Димитрій, такъ мыслятъ князья,—
За Русь умереть всѣ согласны.
И, знаменьемъ крестнымъ чело осѣня,
Садится предъ войскомъ своимъ на коня
Димитрій, веселый и ясный.

Выходятъ полки изъ кремлевскихъ воротъ;
Хоругви, кресты и иконы
Бойцовъ провожаютъ въ далекій походъ—
И ждетъ ужь вѣстей о побѣдѣ народъ,
И молятся старцы и жены.

Межъ тѣмъ какъ впередъ, развернувъ знамена,
Грядетъ боевая дружина,
Растетъ, прибываетъ, какъ въ морѣ волна,
И вотъ передъ нею вдали ужь видна
Широкаго Дона равнина.

И князь черезъ Донъ перебраться спѣшитъ,
Дружину свою ободряя;
Впередъ онъ глядитъ и молитву творитъ,—
За Дономъ на рѣчкѣ Непрядвѣ стоитъ
Несмѣтное войско Мамая.

Москвы и Орды—двухъ враждующихъ силъ—
Близка неизбѣжная встрѣча.
Лучъ ранняго солнца поля освѣтилъ,
Проснулося утро—и часъ наступилъ,
И грянула славная сѣча!

На русскихъ, какъ коршунъ, Мамай налетѣлъ;
Поднялись стенанья и клики;
Затмилося солнце отъ вражескихъ стрѣлъ,
И поле покрылося грудами тѣлъ,
И бой разгорѣлся великій.

Враговъ разъяренныхъ смѣшались ряды;
Гремѣли лихіе удары,
Сверкали доспѣхи, шеломы, щиты;
На стягахъ московскихъ сіяли кресты,—
Къ тѣмъ стягамъ рвалися татары

И близко ужъ были; но часъ роковой
Пробилъ: понеслись изъ засады
Ряды свѣжихъ войскъ и побѣдной волной
Смущенныхъ погнали татаръ предъ собой,
Рубя бѣглецовъ безъ пощады.

И въ ужасѣ дикомъ Мамай увидалъ
Силъ грозныхъ своихъ пораженье,
И съ браннаго поля со срамомъ бѣжалъ,—
Богъ русскому войску побѣду послалъ,
Послалъ на враговъ одолѣнье!...

Съ тѣхъ поръ пронеслося полтысячи лѣтъ.
На зло иноземной гордынѣ,
Русь много иныхъ одержала побѣдъ,
Но равныхъ побѣдѣ великой той нѣтъ,—
Гремитъ ея слава донынѣ...

Затѣмъ, что впервые сказалась въ тотъ часъ
Народная русская сила,—
Та сила, что грозно потомъ разрослась,
Громила Востокъ и Закатъ—и не разъ
Къ Царьграда вратамъ подходила.

Пусть ворогъ завистливо-чуткой душой
Ту силу познаетъ и цѣнитъ!
Стоитъ она крѣпкой и вѣрной стѣной;
Въ ней русская слава, и мощь, и покой,—
Она намъ и впредь не измѣнитъ!

Гр. А. Голенищевъ-Кутузовъ.

8 сентября.

БИБЛІОГРАФІЯ.

В. Орловъ. *Формы крестьянскаго землевладѣнія въ Московской губерніи*. Сборникъ статистическихъ свѣдѣній по Московской губерніи. Изданіе московскаго губернскаго земства. Томъ IV, выпускъ 1. Москва 1879 года.

Сочиненіе г. Орлова обнимаетъ собою одинъ изъ отдѣловъ мѣстныхъ изслѣдованій надъ крестьянскимъ хозяйствомъ, предпринятыхъ авторомъ по порученію московскаго губернскаго земства. Въ теченіе трехъ лѣтъ, начиная съ 1876 года, г. Орловъ и его помощники посѣтили всѣ селенія Московской губерніи и, путемъ личныхъ опросовъ, производившихся по выработанной заранѣе обширной программѣ, собрали необходимыя данныя для характеристики хозяйственнаго положенія сельскихъ обществъ губерніи. Результатомъ этой продолжительной работы было оконченное въ 1879 г. изданіе статистическихъ таблицъ объ экономическомъ положеніи селеній Московской губерніи (томы I, II и III «Сборника статистическихъ свѣдѣній», изд. московскаго губернскаго земства). Не ограничиваясь опубликованіемъ данныхъ, исчерпывающихъ всѣ главныя подробности хозяйственной обстановки каждаго изъ селеній, г. Орловъ задумалъ обработать обильный, скопившійся въ его рукахъ, матеріалъ въ рядѣ монографій по отдѣльнымъ сторонамъ крестьянскаго быта и на первый разъ остановился на формахъ землевладѣнія.

Въ нашей литературѣ давно уже ощущалась настоятельная потребность въ трудахъ, подобныхъ изслѣдованію г. Орлова. Тѣсная связь между порядками землевладѣнія и всѣмъ экономическимъ бытомъ сельскихъ жителей пробудила живой интересъ къ изученію своеобразныхъ формъ пользованія землею, искони распространенныхъ между крестьянскими обществами великорусскихъ губерній. Но, несмотря на всеобщее вниманіе къ этому предмету, фактическое знакомство съ нимъ представляется крайне недостаточнымъ. Довольно обширная литература объ общинномъ землевладѣніи большею частію ограничивается или теоретическою обработкой вопроса, или же отрывочными описаніями отдѣльныхъ явленій и небольшихъ мѣстностей. Никакого систематическаго изученія подробностей общиннаго устройства до послѣдняго времени предпринимаемо не было. Лишь въ 1878 году два петербургскія ученыя общества, Географическое и Воль-

ное Экономическое, выработали программы для собиранія свѣдѣній о сельской поземельной общинѣ съ цѣлью придать возможное однообразіе трудамъ лицъ, изучающихъ общину. Но и работы, вызванныя приглашеніемъ двухъ обществъ, на сколько можно судить по недавно появившемуся 1-му тому «Сборника» этихъ работъ, не восполняютъ указаннаго пробѣла, такъ какъ состоятъ изъ разбросанныхъ описаній общинныхъ распорядковъ въ отдѣльныхъ селеніяхъ, которыя случайно сдѣлались извѣстными наблюдателямъ. Послѣдствія такой скудости точныхъ знаній по первостепенному вопросу русской жизни на глазахъ у всѣхъ. На обобщеніи небольшаго числа единичныхъ фактовъ, большею частію наблюденныхъ случайно, не соображенныхъ съ другими условіями нашего сельскаго быта, строются цѣлыя теоріи и предлагаются практическія мѣры, осуществленіе которыхъ грозитъ безполезною ломкой коренныхъ основъ крестьянскаго хозяйства.

Чтобъ основательно разъяснить и оцѣнить свойства общиннаго земельнаго устройства, необходимо систематическое наблюденіе надъ массою однородныхъ фактовъ изъ области землевладѣнія и притомъ въ связи съ другими сторонами крестьянской экономической жизни. Лишь этимъ путемъ второстепенныя черты и случайныя совпаденія могутъ быть отдѣлены отъ признаковъ, составляющихъ существенную особенность мірскаго земельнаго хозяйства. Такую именно задачу поставилъ и первый въ русской литературѣ разрѣшилъ авторъ разсматриваемаго труда. Книга г. Орлова есть сводъ наблюденій надъ общинными распорядками въ 5.500 селеніяхъ Московской губерніи, — наблюденій, произведенныхъ по однообразному, заранѣе обдуманному, плану, частію самимъ авторомъ, частію подъ непосредственнымъ его надзоромъ. Несомнѣнно, что ни одному русскому изслѣдователю общины не удавалось до сихъ поръ сосредоточить въ своихъ рукахъ столь обширныхъ и однородныхъ первоначальныхъ матеріаловъ, которые притомъ, какъ собранные и критически провѣренные специалистами, обладали бы такою высокою степенью достовѣрности. Чтобы оцѣнить все значеніе подобныхъ матеріаловъ, достаточно привести на мысль тѣ трудности, съ которыми они достались. Не говоря уже объ утомительности трехлѣтнихъ распросовъ крестьянъ по однимъ и тѣмъ же предметамъ, автору пришлось на каждомъ шагу наталкиваться на препятствія, зависѣвшія прямо отъ недостаточной предварительной разработки вопроса. Въ то время, когда г. Орловъ производилъ свои разъѣзды, подробныхъ программъ для изученія общины еще не существовало; имѣвшіеся въ литературѣ труды, напримѣръ, Ю. Ѳ. Самарина, князя А. И. Васильчикова, А. С. Посникова, касались лишь самыхъ крупныхъ, выдающихся сторонъ крестьянскаго землевладѣнія. Поэтому г. Орлову пришлось встрѣтиться со многими новыми неизвѣстными до тѣхъ поръ частностями общиннаго устройства, впервые опредѣлить ихъ смыслъ и создать для нихъ понятіе и имя. Онъ долженъ былъ считаться и съ пестрымъ

разнообразіемъ формъ одного и того же бытоваго явленія, и съ разноречивыми показаніями о нихъ спрошенныхъ лицъ, и съ крайнею запутанностью непривычной для посторонняго человѣка крестьянской хозяйственной терминологіи. Г. Орловъ нѣсколько разъ въ своей книгѣ упоминаетъ о тѣхъ ошибкахъ, въ которыя приходилось впадать ему въ первое время только по той причинѣ, что крестьяне придаютъ иногда совершенно иной смыслъ общеизвѣстнымъ терминамъ литературнаго языка или употребляютъ разныя названія для обозначенія одной и той же вещи *). Для исправленія подобныхъ ошибокъ приходилось, конечно, по нѣсколько разъ передѣлывать ту же работу и затѣмъ перемѣнять пріемы распросовъ и быть постоянно на-сторожѣ, чтобы предохранить себя отъ новыхъ промаховъ.

Уже одно опубликованіе столь обильнаго, новаго и притомъ доставшагося съ такимъ трудомъ матеріала по первостепенному, но мало разслѣдованному доселѣ вопросу русской жизни, дало бы г. Орлову право на почетное мѣсто въ литературѣ предмета. Но авторъ не ограничился одною ролью собирателя. Вмѣсто того, чтобы наполнять цѣлые томы сырыми фактами о земельныхъ распорядкахъ въ отдѣльныхъ общинахъ, какъ это обыкновенно дѣлается въ сборникахъ, г. Орловъ представилъ читающей публикѣ систематическое описаніе формъ крестьянскаго землевладѣнія въ цѣлой губерніи. Благодаря тщательной обработкѣ и искусно избранному пріему изложенія, автору удалось, безъ всякаго ущерба въ полнотѣ и ясности, сжать въ небольшую книгу, которая легко прочтется каждымъ, огромную массу имѣвшихся матеріаловъ. Обычный его пріемъ таковъ. Все разнообразіе формъ изслѣдуемаго явленія классифицируется по существеннымъ признакамъ на основные типы. Каждый изъ этихъ типовъ изображается во всѣхъ, иногда самыхъ мелкихъ, подробностяхъ, для чего, независимо отъ логическихъ опредѣленій, приводится цѣлый рядъ единичныхъ примѣровъ. Познакомивъ читателя съ чистыми, основными типами явленія, авторъ указываетъ затѣмъ ихъ модификаціи, смѣшенія и переходныя формы**). Въ этомъ описаніи мельчайшихъ разновидностей одного и того же явленія проявляется рѣдкая наблюдательность автора. Г. Орловъ умѣетъ подмѣтить самыя тонкія различія и представить ихъ съ такою наглядностью, что при чтеніи книги какъ будто самъ проходишь крестьянскія поля или присутствуешь при сельскихъ работахъ. Но

*) См. особенно стр. 8 о сбивчивости понятій подушной разверстки земли. На стр. 24 приведено 26 названій, употребляемыхъ въ разныхъ мѣстностяхъ Московской губерніи для обозначенія участковъ крестьянскихъ полей (ярусовъ), изъ которыхъ каждый особо передѣляется между членами общины.

**) Образцомъ примѣненія такого пріема могутъ служить изслѣдованія: объ основаніяхъ разверстки земель (стр. 8 и слѣд.), о способахъ общихъ передѣловъ (стр. 25 и сл.), о мѣрахъ къ уравненію надѣловъ (стр. 53 и сл.), о межникахъ (стр. 86 и дал.), о способахъ частныхъ передѣловъ (стр. 108 и дал.).

разсматриваемая книга даетъ читателю не одну только картину разнообразныхъ формъ изучаемыхъ явленій,—она кромѣ того знакомитъ при помощи числа и мѣры съ относительнымъ распространеніемъ каждой изъ формъ. Идетъ ли дѣло о важнѣйшихъ сторонахъ общиннаго быта, какова, напримѣръ, основанія разверстки земли, способы передѣла различныхъ угодій, или же о такихъ мелкихъ подробностяхъ, какъ форма межниковъ, отдѣляющихъ въ полѣ одну полосу отъ другой,—г. Орловъ всюду старается опредѣлить, въ какомъ количествѣ случаевъ, изъ всего числа наблюденныхъ, встрѣчается каждая разновидность, насколько чаще приходится имѣть дѣло съ одною формой, чѣмъ съ другой. Благодаря такому соединенію морфологическаго описанія съ статистическимъ, автору удается, во-первыхъ, на трехъ-четырехъ страницахъ вполнѣ познакомить читателя съ явленіемъ, — на что при иномъ пріемѣ понадобились бы, быть-можетъ, томы,—и, во-вторыхъ, даетъ каждый разъ въ его руки критерій для оцѣнки сравнительнаго значенія той или иной формы въ ряду остальныхъ.

Дальнѣйшее достоинство разсматриваемой книги состоитъ въ томъ, что она заключаетъ въ себѣ не только описаніе, но сверхъ того еще научное изслѣдованіе формъ крестьянскаго землевладѣнія. Авторъ повсюду стремится выяснить причины и послѣдствія наблюденныхъ фактовъ и ихъ связь съ другими сторонами крестьянской жизни. На какой бы изъ чертъ общиннаго быта ни останавливалось наше вниманіе, мы постоянно находимъ многосторонній анализъ условій, вызывающихъ и поддерживающихъ ее, и оцѣнку ея значенія въ крестьянскомъ хозяйствѣ. Чтобы дойдти до пониманія этихъ условій, г. Орлову приходилось предпринимать сложные распросы крестьянъ *), а главнымъ образомъ выслѣживать ихъ труднымъ и медленнымъ путемъ статистическаго сопоставленія данныхъ о землевладѣніи съ свѣдѣніями о состояніи земледѣлія, скотоводства и сельскихъ промысловъ, о размѣрахъ платежей и повинностей и т. под. Объясненіе мало извѣстныхъ фактовъ и ихъ оцѣнка, встрѣчающіяся почти на каждой страницѣ въ книгѣ г. Орлова, были бы въ большинствѣ случаевъ невозможны, еслибъ одновременно съ подробнымъ изученіемъ формъ землевладѣнія не производилось тѣми же лицами тщательнаго изслѣдованія другихъ сторонъ крестьянскаго хозяйства.

Каждый согласится, что объясненіе и оцѣнка столь сложныхъ жизненныхъ явленій, какъ разсмотрѣнныя въ книгѣ, есть дѣло не только трудное, но и крайне щекотливое. Кромѣ возможности увлечься заманчивою гипотезою, въ вопросахъ подобнаго рода всегда близка опасность подпасть подъ вліяніе личныхъ сочувствій и предубѣжденій. Внимательный читатель книги г. Орлова не обманется, конечно, насчетъ того, гдѣ лежатъ симпатіи автора. Начала равенства и справедливости, служащія основой

---

*) Способъ этихъ распросовъ въ примѣненіи къ поводамъ общихъ передѣловъ земли изложенъ на стр. 166 и 167.

общинной разверстки земли и платежей, стройная и величавая организація крестьянскаго міра, находчивость общинниковъ въ приспособленіи къ самымъ разнообразнымъ условіямъ земледѣлія вызываютъ въ авторѣ живѣйшее чувство уваженія. Чтобъ убѣдиться въ этомъ, стоитъ прочесть, напримѣръ, на стран. 33-й описаніе порядка уборки мірскихъ луговъ въ Островскомъ обществѣ, Подольскаго уѣзда, на стр. 53—замѣчанія объ изобрѣтательности общинъ въ уравненіи выгодъ отдѣльныхъ членовъ, на стр. 268—о мірскихъ помочахъ и т. п. Однако, направленіе симпатій автора, обнаруживаясь по временамъ въ томъ рѣчи, въ мелкихъ попутныхъ замѣчаніяхъ, не оказываетъ замѣтнаго вліянія ни на выводы, ни на изложеніе фактовъ. И въ томъ и въ другомъ отношеніи мы встрѣчаемъ въ книгѣ строгую объективность и безпристрастіе. Авторъ не скрываетъ темныхъ сторонъ настоящихъ общинныхъ распорядковъ, на которые наводитъ его изслѣдованіе; въ его книгѣ есть, напримѣръ, подробныя указанія о жалкомъ хозяйствѣ на такъ-называемыхъ «упалыхъ надѣлахъ», поступающихъ въ распоряженіе цѣлаго міра (стр. 119), о хищническомъ пользованіи мірскими лѣсами (стр. 244 и далѣе), о любопытномъ примѣненіи началъ мірской разверстки къ пьянству (стр. 73) и т. дал. При оцѣнкѣ явленія г. Орловъ одинаково подробно и внимательно разсматриваетъ доводы за и противъ, и если позволяетъ себѣ иногда подводить итоги, то не иначе, какъ давъ предварительно въ руки читателя всѣ матеріалы для провѣрки вывода. Таковы, напримѣръ, заключенія автора о срокахъ общихъ передѣловъ (стр. 164 и слѣд.) и особенно выводы по спорному вопросу о выгодахъ и невыгодахъ мірскаго землевладѣнія (стр. 289 и слѣд.).

Отъ характеристики сочиненія перейдемъ теперь къ обозрѣнію его содержанія и оцѣнкѣ важнѣйшихъ его выводовъ. Главный предметъ книги составляютъ: изложеніе основаній для разверстки мірской земли, описаніе способовъ общихъ и частныхъ передѣловъ различныхъ земельныхъ угодій и изслѣдованіе условій, опредѣляющихъ сроки повторенія тѣхъ и другихъ передѣловъ. Говоря о способахъ общихъ передѣловъ пахотныхъ полей, г. Орловъ разсматриваетъ дѣленіе полей на участки (ярусы) въ зависимости отъ плодородія, разстоянія и другихъ свойствъ мірской земли, группировку домохозяевъ для передѣловъ на такъ-называемые «осьмаки», разные виды жеребьевки, мѣры для уравненія домохозяевъ и увеличенія ширины полосъ и, наконецъ, формы межниковъ, отдѣляющихъ одну полосу отъ другой. Столь же подробно изучены способы общихъ передѣловъ мірскихъ сѣнокосныхъ угодій, пріусадебныхъ земель и, наконецъ, мірскихъ лѣсовъ и кустарниковъ. Особое вниманіе обращено авторомъ на малоизслѣдованные частные передѣлы между отдѣльными дворами, происходящіе въ промежуткахъ между общими или коренными передѣлами всѣхъ

мірскихъ земель, при чемъ описаны разнородные пріемы, практикуемые при «складкѣ» земли съ однихъ дворовъ и «навалкѣ» ея на другіе, при разверстаніи безхозяйной земли и запасныхъ надѣловъ между всѣми членами общины, при надѣленіи «прибылыхъ душъ» или тяголъ, когда нѣтъ свободной земли. За описаніемъ порядковъ передѣловъ слѣдуетъ подробное изученіе разнообразныхъ причинъ, отъ которыхъ зависитъ болѣе или менѣе частое повтореніе общихъ передѣловъ различныхъ угодій.—Кромѣ указанной основной темы авторъ разсматриваетъ множество другихъ явленій, связанныхъ съ мірской организаціей, какъ-то: разверстку податей, способы пользованія мірскими обрсчными статьями, общественные займы и аренды, мірскія работы, такъ-называемыя «помочи». Въ большей части сочиненія имѣются въ виду общины, предѣлы которыхъ ограничиваются однимъ селеніемъ; но затѣмъ въ особой небольшой главѣ изложены порядки, дѣйствующіе въ такъ-называемыхъ «составныхъ» общинахъ, обнимающихъ собою нѣсколько селеній, и въ общинахъ «раздѣльныхъ», предѣлы которыхъ менѣе цѣлаго селенія. Сосредоточиваясь преимущественно на общинномъ землевладѣніи какъ господствующемъ, г. Орловъ не забываетъ, однако, и другихъ формъ отношенія крестьянъ къ землѣ, встрѣчающихся въ губерніи. Въ книгѣ находятся интересныя подробности о способахъ пользованія выкупленными надѣлами и купчими землями, равно какъ о различныхъ переходныхъ ступеняхъ между общественно-мірскимъ и подворно-наслѣдственнымъ землевладѣніемъ крестьянъ. Мы перечислили лишь главные вопросы, спеціально изслѣдованные въ книгѣ, но затѣмъ въ ней попутно разсѣяны почти на каждой страницѣ замѣчанія о другихъ сторонахъ хозяйственнаго быта крестьянъ, какъ, напримѣръ, о состояніи земледѣлія въ цѣлыхъ округахъ и отдѣльныхъ селеніяхъ, объ отношеніи доходности земель къ суммѣ налоговъ и т. п. Читатель, изучившій книгу, не только узнаетъ общинные распорядки, но кромѣ того будетъ мимоходомъ посвященъ во всѣ важнѣйшія особенности хозяйственной обстановки московскихъ крестьянъ.

Не имѣя возможности въ краткомъ очеркѣ оцѣнить всѣхъ новыхъ свѣдѣній, которыми трудъ г. Орлова обогатилъ литературу по сельской общинѣ, мы остановимся лишь на нѣсколькихъ болѣе крупныхъ изслѣдованіяхъ, особенно важныхъ по полученнымъ результатамъ.—Изъ такихъ изслѣдованій прежде всего бросается въ глаза попытка выяснить *основанія для разверстки* земли и платежей при общихъ передѣлахъ. Извѣстно, что на этотъ счетъ существовало въ спеціальной литературѣ крупное разногласіе. Лучшіе знатоки общины, Ю. Ѳ. Самаринъ и князь А. И. Васильчиковъ, склонялись къ тому мнѣнію, что въ великорусскихъ общинахъ земля и платежи распредѣляются между отдѣльными дворами «по тягламъ». На этомъ предположеніи Ю. Ѳ. Самаринъ основалъ свою теорію тягловаго надѣла въ извѣстной статьѣ «О поземельномъ общинномъ владѣніи («Сельск. благоустр.» 1858 г. № 1, особ. стр. 22—25). Та же

мысль, что «все, состоящее въ мірскомъ владѣніи, дѣлится по тягламъ». выражена въ одной изъ записокъ по крестьянскому дѣлу, напечатанной во II томѣ сочиненій Ю. Ѳ. Самарина (стр. 168 и далѣе). Князь А. И. Васильчиковъ, вполнѣ примыкая къ воззрѣнію Ю. Ѳ. Самарина, признаетъ надѣленіе дворовъ землею пропорціонально числу взрослыхъ работниковъ характеристическою чертою нашего мірскаго землевладѣнія, въ отличіе отъ западно-европейскихъ порядковъ (Землевладѣніе и земледѣліе, стр. 707, 709, 732, 733 и др.). Съ другой стороны, писатели, полагавшіе, что землевладѣніе въ Россіи образовалось или по крайней мѣрѣ существенно видоизмѣнилось подъ вліяніемъ подушной подати, держались того мнѣнія, что земля передѣляется между дворами въ соотвѣтствіи съ количествомъ не взрослыхъ рабочихъ, а находящихся во дворѣ душъ мужскаго пола *). Правда, по мѣрѣ ближайшаго ознакомленія съ общинными порядками, укрѣплялась мысль, что основанія разверстки, вмѣстѣ съ прочими сторонами общиннаго быта, не представляютъ чего-либо неподвижнаго и однообразнаго для цѣлой страны; но оставалось неизслѣдованнымъ, въ какихъ случаяхъ и по какимъ причинамъ возникаютъ различія въ этихъ основаніяхъ. Г. Орловъ, благодаря обилію произведенныхъ имъ наблюденій, имѣлъ возможность рѣшить спорный вопросъ, и притомъ, повидимому, весьма близко къ истинѣ. Оказывается, что въ Московской губерніи различныя селенія принимаютъ неодинаковыя основанія разверстки. Большая часть обществъ (до 75%) придерживаются «тягольной» разверстки, причемъ однако не всегда распредѣляютъ землю и платежи между взрослыми работниками, а въ нѣкоторыхъ случаяхъ привлекаютъ кромѣ того къ участію въ землевладѣніи и платежахъ,— хотя въ меньшей противъ взрослыхъ долѣ,—и лицъ не достигшихъ совершеннолѣтія и перешедшихъ его (дробная разверстка). Но затѣмъ до 4% обществъ соблюдаютъ подушную разверстку въ строгомъ смыслѣ слова: земля надѣляется на каждую наличную мужскую душу, какого бы возраста ни было надѣляемое лицо въ моментъ передѣла. Наконецъ 21% обществъ ввели у себя разверстку, которая представляетъ нѣчто среднее между подушною и тягольною, и потому названа у г. Орлова смѣшанною: въ основѣ ея лежитъ наличная мужская душа, какъ и при подушной разверсткѣ; но при этомъ міръ, по просьбѣ заинтересованныхъ лицъ, считаетъ себя въ правѣ видоизмѣнять причитающійся по подушному счету надѣлъ, во вниманіе къ степени состоятельности семьи, опредѣляемой главнымъ образомъ числомъ работниковъ.

Указанное различіе въ основаніяхъ разверстки по изысканіямъ г. Орлова коренится, по крайней мѣрѣ въ настоящее время, не столько въ воззрѣніяхъ и привычкахъ крестьянъ, сколько въ хозяйственной об-

*) *Keussler*, «Zur Geschichte und Kritik des bäuerlichen Grundbesitzes in Russland», стр. 156.

становкѣ отдѣльныхъ селеній. Подушная разверстка встрѣчается почти исключительно тамъ, гдѣ доходы съ надѣльной земли не ниже лежащихъ на ней платежей, именно у полныхъ собственниковъ, окончательно выкупившихъ свои надѣлы, а также въ нѣкоторыхъ обществахъ государственныхъ и удѣльныхъ крестьянъ. Въ этомъ случаѣ каждая семья имѣетъ интересъ взять какъ можно больше земли, разсчитывая, въ случаѣ недостатка рабочихъ рукъ, сдать ее съ выгодой въ аренду. Напротивъ, тягольная разверстка является необходимостью въ тѣхъ обществахъ, гдѣ доходъ съ надѣла оказывается недостаточнымъ для покрытія государственныхъ, выкупныхъ, земскихъ и мірскихъ платежей, и гдѣ поэтому приходится дополнять дефицитъ стороннимъ заработкомъ, доступнымъ, конечно, лишь для взрослыхъ работниковъ. Наконецъ, смѣшанная разверстка практикуется тамъ, гдѣ доходность земли довольно близко подходитъ къ платежамъ, не равняясь однако съ ними. Таково простое объясненіе различій въ основаніяхъ разверстки. Справедливость такого объясненія подтверждается многочисленными, приводимыми въ книгѣ (стр. 13 и далѣе), примѣрами перехода сельскихъ обществъ отъ одного способа разверстки къ другому, преимущественно отъ подушнаго къ тягольному, при измѣненіи хозяйственныхъ условій. Хотя заключеніе г. Орлова основывается на фактахъ одной губерніи, но оно можетъ быть подтверждено и свѣдѣніями, опубликованными изъ другихъ мѣстностей. Такъ въ черноземномъ Борисоглѣбскомъ уѣздѣ, гдѣ сумма платежей на душу гораздо ниже обычной арендой платы за землю, исключительно господствуетъ подушная разверстка *). Въ Рязанской губерніи, судя по свѣдѣніямъ недавно опубликованнаго «Сборника»**), въ 20 селеніяхъ черноземной Мураевнинской волости земля передѣлена по ревизскимъ душамъ (стр. 93), а напротивъ въ нечерноземной Пустынской общинѣ, близъ Рязани, практикуется способъ разверстки, который у г. Орлова названъ смѣшаннымъ (стр. 162). Въ Тульской губерніи Торховская община, близъ Тулы, дѣлитъ землю по работникамъ (стр. 180), а Старухинская Чернскаго уѣзда—по числу душъ, получившихъ надѣлъ (стр. 195). Въ Блазновской общинѣ, Тверской губерніи (стр. 243), въ Погорѣловской, Костромской губ. (стр. 232), земля дѣлится по взрослымъ работникамъ. Напротивъ въ Мораховской общинѣ, Харьковской губерніи, основаніемъ разверстки служитъ число ревизскихъ душъ во дворѣ (стр. 208).—Такимъ образомъ построеніе г. Орлова объясняетъ различія въ основаніяхъ разверстки общинныхъ земель не только для Московской губерніи, но и для другихъ частей Россіи. Быть-можетъ дальнѣйшія изслѣдованія внесутъ нѣкоторыя поправки и ограниченія въ

*) «Сборникъ статистическихъ свѣдѣній по Тамбовской губер., Борисоглѣбскій уѣздъ», т. I, отд. II, стр. 10.

**) «Сборникъ матеріаловъ для изученія сельской поземельной общины», т. I. Спб. 1880 г.

изложенную гипотезу; но пока она представляетъ единственный, имѣющійся въ литературѣ, ключъ къ рѣшенію спорнаго вопроса.

Еще большее значеніе имѣютъ въ нашихъ глазахъ изслѣдованія г. Орлова о срокахъ, въ которые повторяются у крестьянъ *общіе передѣлы* различныхъ земельныхъ угодій. Въ частыхъ передѣлахъ земли обыкновенно видятъ самую невыгодную сторону общиннаго землевладѣнія, препятствующую успѣхамъ сельскаго хозяйства въ средѣ крестьянъ; около этого вопроса вращались преимущественно литературные споры по поводу общины. Даже горячіе сторонники общинныхъ порядковъ, какъ, напримѣръ, кн. Васильчиковъ, въ предупрежденіе слишкомъ частыхъ передѣловъ, признаютъ необходимымъ установить для нихъ сроки законодательнымъ путемъ *). Въ виду такой важности вопроса о передѣлахъ, г. Орловъ поставилъ одной изъ главныхъ своихъ задачъ—изучить, въ возможно большемъ числѣ случаевъ, какъ дѣйствительные сроки передѣловъ, такъ и условія, вызывающія болѣе или менѣе частое ихъ повтореніе. Съ этою цѣлью г. Орловъ собралъ свѣдѣнія о числѣ общихъ передѣловъ полей за два послѣднія десятилѣтія по 4.442 общинамъ и, подвергнувъ полученныя цифры тщательной статистической обработкѣ, сопоставилъ ихъ съ данными о хозяйственномъ состояніи селеній. Въ результатѣ получилось образцовое экономически-статистическое изслѣдованіе о передѣлахъ, подобнаго которому не представляла до сихъ поръ и, вѣроятно, не скоро представитъ въ другой разъ наша литература по общинному вопросу.

Изъ статистическихъ таблицъ, показывающихъ, сколько разъ въ теченіе 20 лѣтъ передѣлялись поля въ отдѣльныхъ селеніяхъ и каковы были промежутки между двумя послѣдними передѣлами, обнаружилось, какъ и слѣдовало ожидать, величайшее разнообразіе существующихъ на этотъ счетъ порядковъ. Есть общества, ежегодно передѣляющія паровое поле, и есть съ другой стороны такія, въ которыхъ за 20 лѣтъ произведенъ всего одинъ общій передѣлъ. Но въ цѣломъ число селеній съ рѣдкими передѣлами имѣетъ значительный перевѣсъ. Изъ 4.442 обществъ 37,2% передѣляли свои поля всего 1 разъ въ 20 лѣтъ, 42,3%—2 раза и лишь 20,5%—отъ 3 до 6 разъ. Въ среднемъ выводѣ для цѣлой губерніи въ двадцати-лѣтній періодъ приходится на каждое селеніе 2,1 передѣла.—Къ тому же выводу о преобладаніи рѣдкихъ передѣловъ приводитъ и изученіе промежутковъ времени между двумя послѣдними передѣлами. Въ половинѣ всѣхъ наблюденныхъ обществъ такіе промежутки превышаютъ 15 лѣтъ, или 5 трехпольныхъ сѣвооборотовъ; затѣмъ около 40% обществъ повторяли передѣлъ черезъ 3—15 лѣтъ послѣ прежняго и лишь въ 10,2% селеній промежутокъ между передѣлами равняется одному сѣвообороту, т.-е. 3 годамъ. Изъ этихъ данныхъ слѣдуетъ, что распростра-

---

*) «Землевлад. и землед.», стр. 680, 685 и дал.

ненный взглядъ о слишкомъ частыхъ переходахъ земли изъ однѣхъ рукъ въ другія при мірскомъ землевладѣніи несправедливъ относительно большинства сельскихъ обществъ въ губерніи. Сами крестьяне сознаютъ неудобства частыхъ перемѣнъ владѣнія и принимаютъ противъ нихъ мѣры, состоящія въ установленіи, чрезъ формальные приговоры, опредѣленныхъ, обыкновенно продолжительныхъ (отъ 12 до 20 лѣтъ) сроковъ для новаго общаго передѣла. Подобные приговоры г. Орловъ нашелъ въ 483 общинахъ.

Что же, спрашивается, побуждаетъ крестьянъ то сохранять тѣ же участки за отдѣльными лицами на цѣлое поколѣніе, то переверстывать ихъ чуть не каждый годъ?—Чтобъ отвѣтить на этотъ пунктъ, въ которомъ сосредоточивается главный интересъ вопроса о передѣлахъ, авторъ разсматриваемой книги предпринялъ сложное изслѣдованіе. Пріемы этого изслѣдованія самъ онъ описываетъ слѣдующимъ образомъ: «Почти въ «каждомъ селеніи мы съ особымъ вниманіемъ распрашивали крестьянъ о «поводахъ, вызывающихъ каждый разъ передѣлы; если въ извѣстномъ об- «ществѣ передѣлы повторяются слишкомъ часто, мы старались выяснить «себѣ тѣ особыя условія, въ которыхъ находится данное общество и отъ «которыхъ зависятъ ненормально частые передѣлы; если, напротивъ, въ «извѣстномъ обществѣ передѣлы происходятъ крайне рѣдко, то мы тща- «тельно распрашивали крестьянъ, вслѣдствіе чего они не нуждаются въ «болѣе частыхъ передѣлахъ, какія мѣры принимаютъ для устраненія ихъ, «при какихъ обстоятельствахъ передѣлъ считается необходимымъ, чѣмъ «объясняется различная частость передѣловъ въ этой и другихъ сосѣднихъ «общинахъ и т. п. Если въ извѣстномъ обществѣ частость передѣловъ съ «теченіемъ времени измѣнилась, т.-е. передѣлы стали производиться рѣже «или чаще прежняго, то мы знакомились съ исторіей такого общества, «уясняли себѣ тѣ перемѣны, которыя происходили въ экономическомъ со- «стояніи его и такъ или иначе вліяли на передѣлы. Матеріалы, собран- «ные такимъ путемъ на мѣстахъ, служатъ главнымъ основаніемъ предла- «гаемаго изслѣдованія причинъ передѣловъ; но кромѣ того, мы будемъ «пользоваться для той же цѣли всѣми имѣющимися у насъ данными объ «экономическомъ положеніи селеній и, путемъ сопоставленія ихъ съ дан- «ными, опредѣляющими частость передѣловъ, постараемся придать нашимъ «выводамъ точный статистическій характеръ» (стр. 166—167). Едва ли нужно доказывать, что пріемъ, употребленный г. Орловымъ, есть единственно-надежный путь къ сколько-нибудь вѣрному разрѣшенію подобныхъ, чисто-бытовыхъ, вопросовъ. При исключительно-кабинетной работѣ надъ статистическими выкладками, грозитъ опасность увлечься произвольными гипотезами и упустить изъ виду многія важныя условія изучаемаго явленія; наоборотъ, одни мѣстныя развѣдки и распросы могутъ привести къ невѣрному обобщенію единичныхъ фактовъ, личныхъ взглядовъ и случайныхъ толкованій спрошенныхъ лицъ; лишь соединяя оба эти пріема

и провѣряя однимъ другимъ, изслѣдователь можетъ предохранить себя отъ свойственныхъ каждому изъ нихъ недостатковъ. Посмотримъ же, къ какимъ выводамъ привела автора его кропотливая работа.

Періодическое повтореніе общихъ передѣловъ пахотныхъ полей является, по словамъ автора, необходимостью при той формѣ землевладѣнія, которая существуетъ въ Московской губерніи. При этой формѣ единственный полноправный собственникъ земли есть цѣлый міръ. Отдѣльные дворы получаютъ надѣлы по числу работниковъ или наличныхъ душъ лишь временно и условно, пока они состоятъ правоспособными членами міра и выполняютъ лежащія на нихъ, преимущественно податныя, обязанности. Какъ скоро дворъ перестаетъ удовлетворять условіямъ, въ зависимости отъ которыхъ онъ получаетъ право на мірскую землю, надѣлъ его или сокращается въ размѣрахъ, или же совсѣмъ снимается и передается другимъ членамъ общины, подходящимъ подъ принятыя основанія разверстки, а въ случаѣ отсутствія такихъ членовъ—поступаетъ въ распоряженіе цѣлаго міра. Но нѣтъ общины, въ которой землевладѣльческая способность отдѣльныхъ дворовъ, опредѣляемая семейно-тягольнымъ ихъ составомъ, не подвергалась бы съ теченіемъ времени перемѣнамъ: одни дворы уничтожаются, вымираютъ, другіе уменьшаются въ составѣ, третьи изъ «сиротскихъ, бобыльскихъ» приходятъ въ силу. Отсюда въ предѣлахъ общинъ происходитъ постоянный переходъ надѣловъ, въ цѣломъ составѣ или по частямъ, изъ рукъ въ руки, отъ одного двора къ другому. Эти «частные» передѣлы, касающіеся только заинтересованныхъ лицъ, производятъ съ теченіемъ времени въ мірскихъ поляхъ такую многополосицу и измельчаніе полосъ, что, во избѣжаніе явныхъ неудобствъ въ обработкѣ земли, крестьяне вынуждены бываютъ прибѣгнуть къ «общему» передѣлу участковъ всѣхъ членовъ міра, всей мірской земли. Эта необходимость «привести, — по выраженію крестьянъ, — землю въ порядокъ» бываетъ иногда такъ настоятельна, что даже общества, установившія приговоромъ извѣстный срокъ для новаго передѣла, рѣшаются, по единогласному требованію всѣмъ домохозяевъ, приступить къ нему ранѣе срока. Такимъ образомъ черезполосица и раздробленіе надѣловъ, происходящая отъ свалки и навалки земли съ однихъ дворовъ на другіе, вслѣдствіе измѣненія ихъ семейно-тягольнаго состава, служитъ всеобщею коренною причиной возобновленія общихъ передѣловъ.

Однако дѣйствіе приведенной основной причины обнаруживается въ отдѣльныхъ обществахъ въ неодинаковые періоды времени. Рѣшающимъ моментомъ въ этомъ случаѣ является по преимуществу то же самое отношеніе платежей къ доходности земли, которое опредѣляетъ, какъ мы видѣли, и основанія разверстки. Въ тѣхъ случаяхъ, когда доходъ съ надѣла превышаетъ сумму платежей, каждый дворъ старается удержать за собою землю, доставшуюся при общемъ передѣлѣ, хотя бы послѣ того и произошла перемѣна въ его семейномъ составѣ. Оттого переверстка надѣловъ происходитъ

здѣсь рѣже, черезполосица и дробленіе полосъ образуются медленнѣе и, слѣдовательно, поводы къ общему передѣлу являются черезъ болѣе продолжительные промежутки времени. Не то бываетъ въ общинахъ, гдѣ доходъ земли ниже платежей. Здѣсь каждый пользуется первымъ удобнымъ случаемъ, чтобы свалить съ себя часть надѣла и тѣмъ освободиться отъ платежей, поглощающихъ его посторонній заработокъ. Отсюда безпрестанная «складка и навалка душъ», а съ нею и черезполосица. Кромѣ того желаніе привлечь каждаго входящаго въ возрастъ работника къ уплатѣ повинностей и тѣмъ облегчить положеніе остальныхъ, полный упадокъ земледѣльческаго хозяйства во многихъ дворахъ и необходимость выдѣлить ихъ запущенныя полосы къ одному мѣсту и, наконецъ, практика «дробной» разверстки, въ различныхъ уменьшенныхъ доляхъ привлекающая къ землѣ и платежамъ крайне подвижный по возрастнымъ перемѣнамъ элементъ несовершеннолѣтнихъ работниковъ, служатъ, при обременительности платежей, новыми добавочными побужденіями къ болѣе частымъ общимъ передѣламъ.—Справедливость изложеннаго взгляда подтверждена въ книгѣ г. Орлова любопытными статистическими сопоставленіями. Оказывается, что у государственныхъ крестьянъ, при относительно меньшей суммѣ платежей по разсчету на десятину, передѣлы повторяются въ полтора раза рѣже, промежутки между двумя послѣдними передѣлами въ той же пропорціи длиннѣе, нежели у крестьянъ временно-обязанныхъ и собственниковъ изъ бывшихъ помѣщичьихъ. Самые рѣдкіе передѣлы, съ среднимъ промежуткомъ въ 18 лѣтъ, встрѣчаются въ группѣ полныхъ собственниковъ, которые, окончательно выкупивъ свои надѣлы, несутъ поэтому и наименьшіе платежи. Напротивъ, передѣлы чрезмѣрно частые, не превышающіе одного или двухъ сѣвооборотовъ, имѣютъ мѣсто въ тѣхъ обществахъ, гдѣ сумма платежей, падающихъ на работника, значительно возвышается надъ среднимъ уровнемъ для уѣздовъ.

Дальнѣйшая причина различій въ срокахъ передѣловъ заключается въ состояніи сельскаго хозяйства въ отдѣльныхъ общинахъ. Принявъ за признакъ отдѣльныхъ селеній процентъ дворовъ, не занимающихся хлѣбопашествомъ, г. Орловъ, чрезъ сопоставленіе этого признака съ сроками передѣловъ, приходитъ къ выводу, что наиболѣе рѣдкіе сроки приходятся на общества съ самымъ высокимъ уровнемъ хозяйства и, затѣмъ, по мѣрѣ пониженія уровня, обнаруживается наклонность къ болѣе частымъ передѣламъ полей. Но замѣчательно, что при полномъ упадкѣ земледѣлія, когда множество дворовъ вовсе не имѣютъ скота, когда большая часть мірской земли лежитъ въ пустыряхъ, снова исчезаютъ побужденія къ передѣламъ. Сознавая, что никакими перемѣнами во владѣніи землей нельзя поправить разстроенное хозяйство, крестьяне опускаютъ руки и предоставляютъ на волю каждаго запахивать землю въ какомъ ему угодно количествѣ.

Дѣйствіе указанныхъ общихъ и постоянныхъ причинъ осложняется еще, по свидѣтельству автора, нѣкоторыми случайными мѣстными и временными вліяніями. Такъ, на легкихъ почвахъ передѣлы чаще, чѣмъ на тяжелыхъ; въ многолюдныхъ общинахъ побужденій для передѣловъ больше, нежели въ малолюдныхъ. Далѣе, поводами къ передѣламъ нерѣдко служатъ: принятіе новыхъ основаній для разверстки мірской земли (напримѣръ, потягольной, вмѣсто подушной), размноженіе межниковъ въ поляхъ, нарѣзка усадебъ, отчужденіе части мірской земли, запродажа малосильными дворами своихъ надѣловъ въ руки скупщиковъ.

Разсматривая изслѣдованіе о передѣлахъ, мы имѣли до сихъ поръ въ виду лишь ту часть, которая касается пахотныхъ полей—этого важнѣйшаго вида крестьянскихъ земельныхъ угодій. Но въ книгѣ г. Орлова приведенъ цѣлый рядъ интересныхъ и притомъ большею частью новыхъ свѣдѣній о способѣ и срокахъ передѣловъ другихъ угодій — сѣнокосовъ, лѣсовъ и при-усадебныхъ земель. Читатель видитъ, какими мотивами объясняютъ крестьяне повсемѣстно практикуемый въ губерніи ежегодный передѣлъ мірскихъ сѣнокосовъ, чѣмъ опредѣляется выборъ между ежегоднымъ отводомъ лѣса на вырубку и передѣлами лѣсныхъ угодій на болѣе продолжительные сроки, отчего при-усадебная земля переверстывается въ однихъ обществахъ чаще, а въ другихъ рѣже полевой.

Представленный краткій очеркъ главныхъ выводовъ книги по вопросу о передѣлахъ показываетъ, что этотъ спорный и сложный вопросъ поставленъ авторомъ на строгую фактическую почву и разъясненъ на столько полно, на сколько можно сдѣлать это по даннымъ одной губерніи. Что касается достоинства приводимыхъ авторомъ объясненій причинъ передѣловъ, то въ ихъ пользу говорятъ и ясность логической конструкціи, и полное совпаденіе съ многочисленными, изложенными въ книгѣ, конкретными примѣрами. Въ заключеніе главы о причинахъ передѣловъ приведены подробныя данныя по 103 селеніямъ, которыя служатъ доступнымъ каждому матеріаломъ для провѣрки выводовъ. Но и помимо такой провѣрки чувствуется, что объясненія автора взяты изъ самой жизни и только формулированы и подтверждены работой мысли.

Независимо отъ научной важности, изслѣдованіе Орлова о передѣлахъ даетъ цѣнный практическій выводъ. Изученіе причинъ передѣловъ привело автора къ мысли, что «передѣлы мірскихъ полей, при существованіи общинной «формы землевладѣнія, вызываются хозяйственной необходимостью; въ основаніи ихъ лежитъ не произволъ отдѣльныхъ членовъ міра, а общее сознаніе неизбѣжности передѣла при данныхъ условіяхъ. Безъ существенныхъ «поводовъ, безъ дѣйствительныхъ причинъ передѣловъ не бываетъ. При одинаковости условій, въ которыхъ существуетъ и развивается хозяйственная жизнь общины, мы встрѣчаемъ и одинаковыя явленія въ сферѣ мірскаго землевладѣнія. Эта единообразная связь явленій съ дѣйствительными условіями поражаетъ наблюдателя» (стр. 214). Такое воззрѣніе,

конечно, не мирится съ распространенною мыслью о необходимости законодательнаго регулированія сроковъ мірскихъ передѣловъ. Г. Орловъ прямо нигдѣ не разсматриваетъ этой мысли; лишь вскользь, на стр. 163, онъ дѣлаетъ замѣчаніе, что «постороннее вмѣшательство въ область мір«скаго землевладѣнія принесло бы не пользу, а вредъ, такъ какъ оно на«рушило бы исконныя права міра на свободное пользованіе своей землей и «породило бы безчисленныя злоупотребленія со стороны отдѣльныхъ чле«новъ». Но, не касаясь указаннаго вопроса непосредственно, г. Орловъ отвѣчаетъ на него всѣмъ своимъ изслѣдованіемъ о срокахъ и причинахъ передѣловъ. Если общіе передѣлы предпринимаются въ большинствѣ селеній чрезъ длинные сроки,—болѣе длинные, чѣмъ даже тѣ, которые предлагаются сторонниками государственнаго вмѣшательства; если слишкомъ частое повтореніе передѣловъ въ нѣкоторыхъ обществахъ вызывается цѣлымъ рядомъ условій, не имѣющихъ часто ничего общаго съ формою землевладѣнія (обременительность платежей и т. п.); если, наконецъ, періодическая переверстка мірской земли служитъ въ глазахъ крестьянъ самымъ цѣлесообразнымъ средствомъ «привести въ порядокъ» перепутавшіяся и измельчавшія надѣльныя доли: то отсюда само собою слѣдуетъ, что законодательныя ограниченія только создадутъ для крестьянскихъ обществъ новыя трудности, не приведя между тѣмъ ни къ какому полезному результату. Не въ состояніи будучи по самому существу дѣла принять въ разсчетъ безконечнаго разнообразія мѣстныхъ бытовыхъ условій, эти законы лишь усугубятъ тяжесть настоящаго переходнаго времени и въ самомъ лучшемъ случаѣ останутся только на бумагѣ. Такой выводъ, естественно вытекающій изъ массы фактовъ, собранныхъ въ книгѣ, даетъ важную точку опоры для выясненія роли государства въ разсматриваемомъ вопросѣ. Не принудительное предписаніе извѣстныхъ сроковъ для переверстки полей, а облегченіе тѣхъ условій, вслѣдствіе которыхъ земельные надѣлы нерѣдко становятся бременемъ для крестьянина,—вотъ истинное средство противъ слишкомъ частыхъ передѣловъ.

Считаемъ нужнымъ обратить вниманіе еще на одинъ отдѣлъ книги, именно на изслѣдованіе формъ крестьянскаго землевладѣнія, отличающихся отъ обычнаго общиннаго типа. Число случаевъ, въ которыхъ встрѣчаются такія отступленія, равно какъ примѣняемые при этомъ способы пользованія землей, могутъ пролить свѣтъ на отношеніе самихъ крестьянъ къ господствующему мірскому земельному устройству.

Извѣстно, что законъ предоставляетъ отдѣльнымъ крестьянамъ право выкупа надѣловъ въ полную собственность и выдѣла ихъ изъ мірской земли въ особые подворно-наслѣдственные участки. Чтобы выяснить, въ какой степени крестьяне воспользовались этимъ правомъ, г. Орловъ собралъ по шести уѣздамъ свѣдѣнія о выкупѣ отдѣльныхъ надѣловъ въ полную собственность и о способахъ пользованія выкупленными землями.

Оказалось, что по всѣмъ шести уѣздамъ 244 двора выкупили 714 надѣловъ; но изъ этого числа 218 дворовъ, или 9/10, продолжаютъ владѣть землею по-прежнему, добровольно подчиняясь всѣмъ обычнымъ порядкамъ мірскаго земельнаго устройства; затѣмъ у 7 дворовъ усадебная и пахотная земля выдѣлена къ одному мѣсту и обмежевана, а пользованіе другими угодьями производится по обыкновенному мірскому способу; и только 19 дворовъ перешли къ подворно-участковому владѣнію въ полномъ смыслѣ слова, съ выдѣломъ всѣхъ угодій къ одному мѣсту. Уже незначительность числа дворовъ, которые выдѣлились изъ общественной земли по выкупѣ, показываетъ, что самый выкупъ въ большинствѣ случаевъ вызванъ былъ не неудобствами мірскаго владѣнія, а иными мотивами. Такимъ побужденіемъ, судя по фактамъ, приводимымъ въ книгѣ, служитъ обыкновенно желаніе состоятельныхъ крестьянъ освободиться отъ послѣдствій круговой поруки по уплатѣ податей.

Кромѣ указанныхъ единичныхъ отступленій, есть случаи, гдѣ цѣлыя общества владѣютъ землями на иныхъ началахъ, нежели общепринятыя. Такихъ селеній г. Орловъ насчитываетъ 12; большая часть ихъ состоитъ изъ бывшихъ вольныхъ хлѣбопашцевъ, которые, по прежнимъ законамъ, должны были ввести у себя подворно-наслѣдственное владѣніе. Оказывается, однако, что этотъ существенно отличный отъ обычнаго принципъ земельнаго устройства отозвался лишь на основаніяхъ разверстки земли: во всѣхъ 12 селеніяхъ доли каждаго двора въ общей суммѣ надѣльной земли опредѣлены разъ навсегда и могутъ свободно переходить изъ рукъ въ руки всѣми гражданскими способами; но затѣмъ характеръ пользованія землею и всѣ хозяйственные распорядки остаются тѣ же, какъ и въ мірскомъ землевладѣніи; въ нѣкоторыхъ производятся даже общіе передѣлы. Что касается до земледѣльческаго хозяйства въ этихъ селеніяхъ, то оно ничѣмъ не отличается отъ окрестныхъ мѣстностей, а въ нѣкоторыхъ случаяхъ даже оказывается хуже. Но за то во всѣхъ разсматриваемыхъ 12 обществахъ, вслѣдствіе постепенныхъ перемѣнъ въ личномъ составѣ отдѣльныхъ дворовъ, развилась крайняя неравномѣрность земельнаго владѣнія. Это послѣднее неудобство настолько сознается крестьянами, что служитъ иногда поводомъ къ переходу отъ подворно-участковаго къ общинному владѣнію. Г. Орловъ приводитъ два случая, изъ которыхъ въ одномъ однодворцы, а въ другомъ мѣщане изъ бывшихъ крѣпостныхъ, послѣ долговременнаго подворно-наслѣдственнаго пользованія, ввели у себя, съ цѣлью устранить неравномѣрность надѣловъ отдѣльныхъ дворовъ, обычное общинное землевладѣніе съ передѣлами.

Въ книгѣ г. Орлова описаны также способы пользованія «купчими» землями, когда эти послѣднія пріобрѣтены цѣлыми сельскими обществами или товариществами пайщиковъ. Изъ 150 извѣстныхъ автору случаевъ такого рода не болѣе 40 приходится на покупку цѣлыми обществами, въ остальныхъ земля пріобрѣталась компаніями пайщиковъ. Пріобрѣтенная

земля, если только она не состоитъ изъ выгоновъ, остающихся обыкновенно въ общемъ пользованіи всѣхъ участниковъ, разверстывается въ большинствѣ случаевъ между отдѣльными дворами соотвѣтственно суммѣ, внесенной каждымъ на покупку, и затѣмъ остается въ подворно-наслѣдственномъ владѣніи каждаго двора, съ правомъ свободно распоряжаться и отчуждать ее. Но во всемъ остальномъ къ купчей землѣ примѣняются обычные мірскіе порядки: точно также она дѣлится на ярусы, изъ которыхъ въ каждомъ надѣляется домохозяину соотвѣтственная полоса; точно также домохозяева бросаютъ жеребій и т. д. Хотя общихъ передѣловъ пахотной земли, за немногими исключеніями, не производится, но за то сѣнокосы передѣляются ежегодно; въ лѣсахъ періодически дѣлаются отводы точно такъ же, какъ и въ мірскихъ угодьяхъ, съ тѣмъ только отличіемъ, что каждый дворъ получаетъ свою долю не по числу душъ или работниковъ, а по суммѣ уплаченныхъ за землю денегъ.

У г. Орлова приведенъ еще рядъ селеній (8), въ которыхъ замѣчается стремленіе перейдти отъ общиннаго къ подворному владѣнію. Эта наклонность выражается въ томъ, что крестьяне постановили приговоромъ не производить впредь общихъ передѣловъ полей, а владѣть каждому двору тѣмъ количествомъ земли, которое числилось за нимъ въ моментъ приговора. Но всѣ подобные приговоры не касаются частныхъ передѣловъ въ формѣ «свалки и навалки душъ» и не устраняютъ обычнаго черезполоснаго владѣнія, а потому вносятъ только нѣкоторыя модификаціи, а отнюдь не отмѣну обычнаго типа земельнаго устройства.

Приведенные факты, выясненные изслѣдованіемъ г. Орлова, показываютъ, что землевладѣніе московскихъ крестьянъ даже въ тѣхъ немногочисленныхъ случаяхъ, когда оно строится на началахъ, отличныхъ отъ обычнаго мірскаго, тѣмъ не менѣе неудержимо стремится принять формы этого послѣдняго. Нельзя не видѣть въ этомъ характерномъ явленіи новаго доказательства того внушаемаго всею книгой вывода, что мірское земельное устройство крѣпко срослось съ нравами московскаго крестьянина, приспособилось къ окружающимъ его хозяйственнымъ условіямъ и поддерживается не одною силою рутины, а сознаніемъ его цѣлесообразности. Такое сознаніе опредѣленно выразилось въ отзывахъ самихъ крестьянъ о мірскомъ землевладѣніи, разбросанныхъ по всей книгѣ, а въ одной изъ главъ сведенныхъ и сопоставленныхъ въ систематическомъ порядкѣ (стр. 274 и слѣд.).

Изъ всего сказаннаго до сихъ поръ видно, на сколько многосторонне и основательно изслѣдована въ сочиненіи г. Орлова одна изъ важнѣйшихъ сторонъ нашего сельскаго быта. Новизна, обиліе и точность матеріала, искусство въ его систематизаціи и обработкѣ, удачное объясненіе наблюденныхъ, разнообразныхъ и часто въ первый разъ подмѣченныхъ, явленій— все это даетъ право признать разсматриваемую книгу едва ли не лучшимъ

въ нашей литературѣ изслѣдованіемъ по общинному землевладѣнію. Такой взглядъ почти единогласно выраженъ многочисленными рецензентами книги въ нашей періодической литературѣ *). Даже въ иностранной литературѣ замѣчена и оцѣнена книга г. Орлова. Д-ръ Тунъ, приватъ-доцентъ Берлинскаго университета, въ статьѣ о статистическихъ изслѣдованіяхъ московскаго земства, напечатанной въ тюбингенскомъ журналѣ государственныхъ наукъ **), называетъ разсматриваемый трудъ г. Орлова «образцовымъ хозяйственно-статистическимъ изслѣдованіемъ». Въ недавно опубликованномъ сочиненіи «о сельскомъ хозяйствѣ и промыслахъ въ средней Россіи» г. Тунъ построилъ весь отдѣлъ общиннаго землевладѣнія преимущественно на работахъ г. Орлова, которымъ онъ приписываетъ самое высокое научное значеніе» ***).

Правда, книга г. Орлова разсматриваетъ крестьянское землевладѣніе въ одной губерніи и потому не можетъ быть признана за полное изслѣдованіе вопроса. Но нельзя не замѣтить, что произвести не только по цѣлой Россіи, но даже по нѣсколькимъ губерніямъ столь подробное самостоятельное изученіе общинныхъ распорядковъ, какое мы имѣемъ въ трудѣ г. Орлова, есть дѣло физически невозможное для одного человѣка. Кромѣ того, Московская губернія въ вопросѣ о формахъ крестьянскаго землевладѣнія представляетъ выдающійся интересъ. Здѣсь, въ нѣкоторыхъ подмосковныхъ мѣстностяхъ, земледѣліе достигаетъ такой интенсивности, какую рѣдко можно встрѣтить въ остальной Россіи. Здѣсь сельское хозяйство крестьянъ находится въ самыхъ разнообразныхъ сочетаніяхъ съ обработывающею промышленностью. Въ числѣ волостей и селеній Московской губерніи есть примѣры мѣстностей и чисто земледѣльческихъ, и такихъ, гдѣ земледѣліе ведется на ряду съ промыслами кустарными, фабричными и отхожими. Такъ какъ цѣлесообразность общиннаго землевладѣнія начинаетъ оспариваться лишь по мѣрѣ перехода къ болѣе высокой земельной культурѣ и къ развитію промысловъ, то Московская губернія, какъ выдающаяся въ обоихъ указанныхъ отношеніяхъ, представляетъ изслѣдователю общины самое подходящее и интересное поле для наблюденій и выводовъ. Разнообразіе условій крестьянскаго хозяйства въ этой губерніи даетъ основаніе думать, что заключенія изъ относящихся къ ней данныхъ подойдутъ къ цѣлому ряду окружающихъ губерній нечерноземной полосы, въ силу чего изслѣдованіе г. Орлова въ извѣстной степени теряетъ свой мѣстный колоритъ и получаетъ значеніе для цѣлаго района.

А. Чупровъ.

---

*) См. рецензію въ *Голосѣ* 1879 г., № 122, *Недѣля* 1880 г., *Отеч. Зап.* 1879 г., № 12, *Крит. Обозрѣніе* 1879 г., № 23.

**) „Zeitschrift für die gesammte Staatswissenschaft", 1880. 4-te Heft. 662.

***) *A. Thun*, „Landwirthschaft und Gewerbe in Mittelrussland". Leipzig. 1880, 5.

Нѣсколько словъ объ артеляхъ.

(ОТВѢТЪ НА ВОЗРАЖЕНІЯ Г. САЗОНОВА.)

Г. Сазоновъ въ своей статьѣ [1]) «Народныя артели» дѣлаетъ мнѣ два возраженія. Предметомъ перваго служитъ установленная мною классификація артелей [2]); второе направлено противъ признанной мною за образованными слоями общества возможности оказывать вліяніе на развитіе артелей [3]).

Моя классификація артелей не понравилась г. Сазонову, во-первыхъ, потому, что она установлена мною уже раньше въ книгѣ «Промышленныя товарищества во Франціи и Германіи», и установлена даже не мною, а «европейскими учеными, вложившими огромный трудъ въ разработку принциповъ ассоціаціи и въ пропаганду ея» [4]). Во-вторыхъ, эта классификація не понравилась г. Сазонову потому, что я раздѣлилъ артели на 4 обширныя группы, тогда какъ, въ дѣйствительности, кредитныя артели—ссудосберегательныя товарищества—перенесены къ намъ съ Запада «и оказываютъ теперь народу печальную услугу, споспѣшествуя сугубому закабаленію мужика кулакомъ» [5]). Страховыхъ артелей, по мнѣнію г. Сазонова, у насъ нѣтъ, а потому я и не имѣлъ права образовать изъ нихъ особую обширную группу. Отсюда — моя классификація несостоятельна: она установляетъ 4 группы, тогда какъ, думаетъ г. Сазоновъ, можно признать за обширныя только 2 группы артелей — промышленныя и потребительныя. Г. Сазоновъ не ограничивается отрицаніемъ моей классификаціи: онъ предлагаетъ свою — «по промысламъ, въ данное время самую научную, удобную, простую» [6]). Автора поддержи-

[1]) „Народн. артели", *Рус. Мысль* 1881 г., кн. IV, стр. 311—32.
[2]) „Промышлен. артели", *Рус. Мысль* 1881, кн. I.
[3]) „Къ вопросу о кустарн. промышлен. въ Россіи", *Рус. Мысль*, 1880, кн. XI.
[4]) „Народн. артели", стр. 312.
[5]) Тамъ же, стр. 313.
[6]) Тамъ же, стр. 313.

ваютъ въ этомъ многіе лучшіе изслѣдователи, которые «стоятъ за группировку артелей по занятіямъ, промысламъ» *).

Классификація артелей была установлена мною впервые 2 года тому назадъ въ книгѣ «Промышленныя товарищества». Въ предисловіи къ этой книгѣ я указалъ на причины, побудившія меня удержать для изслѣдованныхъ учрежденій названіе «товарищество». Кто внимательно прочиталъ эту книгу, тотъ, при самомъ слабомъ знакомствѣ съ русскими артелями, пойметъ, что между послѣдними и товариществами Франціи и Германіи, при всемъ различіи въ частностяхъ, различіи въ происхожденіи, есть крупныя сходства. Стремленіе къ равенству членовъ, къ обоснованію правъ на условіяхъ, связанныхъ съ личностью, къ соединенію труда и капитала — вотъ признаки, сближающіе товарищества западной Европы съ нашими артелями. Необходимымъ слѣдствіемъ этихъ особенностей является то, что и однѣ и другія охраняютъ своихъ членовъ отъ частно-капиталистическаго производства и даже — пойдемъ дальше — отъ многихъ невыгодныхъ для малообезпеченныхъ классовъ условій, вытекающихъ изъ свободнаго соперничества и обмѣна, которыя лежатъ въ основаніи общественнаго хозяйства нашего времени. Какое товарищество,— употребляя терминъ моей вышеназванной книги,—или артель мы бы ни взяли, за каждымъ или за каждою мы признаемъ эту отличительную черту. Исчезновеніе натуральнаго хозяйства и развитіе торговыхъ сношеній ставятъ между производителемъ и потребителемъ нѣсколько посредниковъ, цѣна товара возрастаетъ и потребитель ощущаетъ невыгоды; сырьевыя и потребительныя артели устраняютъ ихъ. Необходимость при современномъ общественномъ строѣ кредита для многихъ и различныхъ цѣлей и трудность для людей необезпеченныхъ получить его—ставятъ послѣднихъ въ тяжелыя условія; поправителями являются кредитныя артели. Безземельность и безкапитальность многочисленныхъ классовъ до нѣкоторой степени устраняются страховыми артелями въ средѣ малоимущихъ.

Если же русскія артели въ своихъ основныхъ чертахъ представляютъ сходство съ товариществами западной Европы, то классификація, установленная для послѣднихъ, могла быть съ полнымъ правомъ примѣнена и къ первымъ. Хотя я не имѣю надобности ставить себѣ въ особую заслугу эту классификацію, но замѣчу, что раздѣленіе артелей на 4 перечисленныя группы принадлежитъ исключительно мнѣ и г. Сазоновъ не укажетъ ученаго, который разбивалъ бы артели на тѣ же классы. Многіе ученые Германіи, Франціи и Англіи раздѣляютъ товарищества на нѣсколько разрядовъ, но ни у одного группы не совпадаютъ съ моими.

Возможность установленія одинаковой классификаціи для артелей Россіи и западной Европы не доказываетъ, однако, чтобъ эта классификація была наилучшая. Является необходимость оправдать ее.

---

*) Тамъ же, стр. 313—14.

Всякій, привыкшій къ научной работѣ, знаетъ, что классифицированіе есть однимъ изъ необходимыхъ пріемовъ научнаго изслѣдованія. Раздѣленіе на классы позволяетъ заключить много разновидностей въ немногія группы, позволяетъ, при знакомствѣ съ наиболѣе общими отличительными признаками цѣлой группы, обозрѣть массу предметовъ. Но необходимость классифицированія отнюдь не вмѣняетъ изслѣдователю въ обязанность разбивать на группы по какому-либо опредѣленному признаку,—здѣсь каждому предоставлена значительная доля свободы. Главное требованіе, которому должна удовлетворять классификація, то, чтобы признаки, служащіе основаніемъ дѣленія на группы, были существенными, а не случайными, второстепенными чертами группируемыхъ предметовъ. Если удовлетворено это требованіе, то группированіе оправдывается цѣлью, которую ставитъ себѣ изслѣдователь. Черты, проводимыя механикомъ и экономистомъ между машинами и орудіями, не совпадаютъ; поэтому одинъ и другой, группируя машинныя и ремесленныя промышленныя заведенія, наполняютъ оба класса различными видами. То же можно сказать и о группированіи артелей. Если онѣ послужатъ предметомъ изслѣдованія для юриста, желающаго опредѣлить отношеніе къ этимъ союзамъ положительнаго права, то, вѣроятно, будутъ разбиты на двѣ обширныя группы: одну, не знающую закона, регулируемую только обычаями, и другую, для которой законъ создаетъ нормы посредствомъ общихъ или спеціальныхъ положеній. Для экономиста представляетъ большій интересъ такое классифицированіе артелей, которое бросало бы свѣтъ на связь этихъ союзовъ съ той или другою стороной хозяйственной жизни. Такая классификація позволяетъ наиболѣе полно ознакомиться съ характеромъ общественнаго хозяйства данной страны; она позволяетъ оцѣнить высоту экономическаго развитія даннаго народа сравнительно съ другими; она помогаетъ намъ опредѣлить, насколько велики въ изслѣдуемой странѣ средства многочисленныхъ массъ для борьбы съ частной собственностью на орудія производства. Посмотримъ, въ какой степени достигается эта цѣль при помощи установленной мною классификаціи артелей. Въ Россіи развиты преимущественно артели двухъ первыхъ группъ, промышленныя и потребительныя. Отчего?—Эти артели наиболѣе развиты у насъ, потому что капиталовъ въ нашемъ отечествѣ недостаточно, область примѣненія крупнаго производства гораздо уже, чѣмъ въ западной Европѣ, и остается больше отраслей съ преобладающимъ характеромъ мелкой промышленности. Многочисленность потребительныхъ артелей въ нашемъ отечествѣ стоитъ въ тѣсной зависимости отъ широкаго распространенія отхожихъ промысловъ, отдаленности многихъ и многихъ тысячъ рабочихъ людей отъ семьи, дома, отъ ощущаемой многими необходимости удешевить жилище или пищу посредствомъ образованія артелей. Появленіе у насъ кредитныхъ артелей только въ послѣднее время и полное отсутствіе артелей страховыхъ,—мы нигдѣ и не утверждали противнаго,—вы-

текаютъ изъ слабаго развитія въ нашемъ отечествѣ кредитныхъ отношеній и почти полнаго отсутствія среди нашихъ малообезпеченныхъ классовъ наклонности къ сбереженію въ формѣ страхованія. Слабость этой наклонности объясняется частію тѣмъ, что огромное большинство населенія надѣлено землей, которая, какъ обезпеченіе, можетъ заступать мѣсто страховыхъ кассъ, частію—скудостью капиталовъ. Всѣмъ складомъ общественнаго хозяйства Германіи, Бельгіи и Англіи объясняется то, что въ первой странѣ наибольшіе успѣхи выпали на долю промышленныхъ и кредитныхъ артелей, а въ двухъ послѣднихъ — на долю потребительныхъ и страховыхъ. Такимъ образомъ эти четыре группы, соприкасаясь съ какой-либо обширною областью хозяйственной дѣятельности человѣка, являются группами *естественными*: каждая изъ нихъ имѣетъ свои отличительныя черты; преобладаніе той или другой въ данной странѣ бросаетъ свѣтъ на особенности хозяйственнаго быта народа.

Г. Сазоновъ предлагаетъ замѣнить мою классификацію раздѣленіемъ артелей по занятіямъ. Онъ становится при этомъ въ положеніе зоолога, который, избѣгая дѣленія видовъ животныхъ на позвоночныхъ и безпозвоночныхъ или на дышащихъ легкими и дышащихъ жабрами, ограничивается только перечисленіемъ отдѣльныхъ видовъ. Мы охотно соглашаемся съ г. Сазоновымъ, что такая классификація «проста и удобна»; но, чтобъ она была наиболѣе научной, это нельзя доказать. Ссылка на недостаточное изученіе артелей въ настоящее время также не можетъ оправдать такую классификацію: хотя мы не довольно близко знаемъ эту форму общенія, однако частію тѣ свѣдѣнія, которыя мы имѣетъ о ней, частію возможность построить классификацію дедуктивно, по связи каждой артели съ одной изъ группъ хозяйственныхъ явленій: промыселъ, потребленіе, кредитъ, страхованіе,—оправдываютъ установленную мною классификацію. Сколько видовъ артелей ни были бы сдѣланы предметомъ изученія, мы всегда съумѣемъ помѣстить ихъ въ одинъ изъ 4 классовъ и именно потому, что нельзя и придумать цѣль артели, которая не относилась бы къ одной изъ этихъ 4 областей хозяйства.

Я признаю предложенное г. Сазоновымъ раздѣленіе артелей по занятіямъ не классификацій, а простымъ перечисленіемъ. Но г. Сазоновъ, независимо отъ того, что избѣгаетъ обобщенія изслѣдуемыхъ явленій, этой необходимой логической ступени, впадаетъ въ крупное противорѣчіе съ самимъ собой. Отрицая существованіе (по крайней мѣрѣ, обширныхъ группъ) кредитныхъ и страховыхъ артелей, г. Сазоновъ соглашается, что промышленныя и потребительныя артели составляютъ обширные классы. Разъ онъ призналъ это, разъ онъ предложилъ дѣленіе на группы, отличное отъ моей классификаціи, то не естественно ли требовать отъ него, чтобы въ основаніе его дѣленія былъ положенъ признакъ, позволяющій разбить на группы не только промышленныя, но и потребительныя артели? Занятіе артели, по которому г. Сазоновъ, подобно многимъ

другимъ, строитъ классы, можетъ служить признакомъ для группированія артелей промышленныхъ; но не будетъ ли необычайно-страннымъ группированіе по этому признаку артелей потребительныхъ? Не будетъ ли странно говорить, какъ объ особыхъ классахъ, о потребительныхъ артеляхъ извозчиковъ, охотниковъ, маляровъ, землекоповъ? Не будетъ ли это необычайно-страннымъ, такъ какъ всѣ потребительныя артели въ Россіи, каково бы ни было занятіе ихъ членовъ, совершенно тождественны? И если наши народныя потребительныя артели могутъ быть разбиваемы на группы, то развѣ только по цѣли, которую онѣ преслѣдуютъ: однѣ устраиваются только для покупки съѣстныхъ припасовъ и приготовленія пищи на общій счетъ (харчевыя), другія—только для совмѣстнаго найма жилища (жилищныя), третьи—для обѣихъ цѣлей. Цѣль союза—наиболѣе естественный признакъ при группированіи артелей вообще—является наилучшимъ признакомъ при дѣленіи на группы и потребительныхъ артелей. А потому, при дѣленіи артелей по занятіямъ, одно изъ двухъ: приходится или признать потребительныя артели не артелями, чего не хочетъ г. Сазоновъ, или же стать въ странное, чтобы не сказать болѣе, положеніе.

Но г. Сазоновъ предлагаетъ и другой «научный критерій классификаціи»—«отношеніе между артелью и капитализмомъ». Если держаться этого признака, то, по мнѣнію г. Сазонова, являются три группы: 1) самостоятельныя артели, 2) порабощенныя капиталомъ и 3) артели болѣе склоняющіяся въ ту или другую сторону, занимающія промежуточную ступень.

Такое дѣленіе логически болѣе совершенно, нежели перечисленіе артелей по занятіямъ, такъ какъ оно уже представляетъ классификацію. Но классификація эта невѣрна. Во-первыхъ, будучи пригодна для артелей промышленныхъ, она вовсе не идетъ къ артелямъ потребительнымъ: послѣднія, какъ мы показали въ другомъ мѣстѣ, по самому своему существу бываютъ только самостоятельными; онѣ не служатъ удобною почвой для давленія на нихъ капитала. Исключеніе можетъ быть только тамъ, гдѣ, напр., харчевая артель рабочихъ принуждена закупать съѣстные припасы въ лавкѣ хозяина. Но это явленіе совершенно случайно: одинъ хозяинъ ставитъ при заборѣ рабочими изъ его лавки невыгодныя условія, другой отпускаетъ товары по рыночной цѣнѣ. Такъ какъ давленіе, испытываемое этими артелями, случайно, то нѣтъ сомнѣнія, что оно будетъ становиться все болѣе рѣдкимъ, по мѣрѣ умственнаго развитія нашихъ предпринимателей и болѣе строгаго отношенія закона къ расплатѣ товарами вмѣсто денегъ. Но эта классификація не можетъ быть съ удобствомъ примѣнена даже и ко всѣмъ промышленнымъ артелямъ. Биржевыя и многія сходныя съ ними артели, очевидно, должны быть отнесены къ первой группѣ, артелямъ самостоятельнымъ, такъ какъ онѣ менѣе, чѣмъ какія-либо другія, страдаютъ отъ порабощенія капиталомъ. Но если ихъ отнести въ первую

группу, то она составится изъ весьма разнородныхъ величинъ: въ ней будутъ и такія, которыя, подобно рыболовнымъ, проводятъ во всей чистотѣ начало равенства между членами, и такія, гдѣ, подобно дрягильской компаніи, начало равенства сильно нарушается и капиталистическія стремленія, *исходя изъ самой артели*, угрожаютъ ей полнымъ вырожденіемъ. Но ни биржевыя, ни дрягильскія артели не могутъ быть помѣщены въ промежуточную группу: послѣдняя, служа переходнымъ звѣномъ, очевидно, обнимаетъ тѣ виды артелей, которыя или отчасти утратили свою самостоятельность подъ вліяніемъ капиталистическаго давленія извнѣ, или утратили ее въ значительной степени. Въ группахъ г. Сазонова,—я держусь буквальнаго смысла его классификаціи, — есть мѣсто для артелей, порабощенныхъ капиталомъ, но нѣтъ таковаго для артелей-поработителей.

Высказанныя соображенія побуждаютъ меня съ еще большею настойчивостью держаться установленной мною классификаціи.

Второе возраженіе г. Сазонова направлено на указанную мною возможность для лицъ образованнаго класса вліять на развитіе артелей. Вліяніе это должно быть, по моему убѣжденію, двоякое: 1) нравственное и 2) вещественное. Первое выражается въ организованіи артелей, второе—въ доставленіи имъ капиталовъ, облегченіи сбыта и т. д. *).

Г. Сазоновъ считаетъ первое вліяніе только пагубнымъ и усматриваетъ противорѣчіе между положеніями въ двухъ моихъ статьяхъ. Ему кажутся непримиримыми два, высказанныя мною, воззрѣнія, что артели распространенны и живучи и что онѣ необычны въ крестьянской обстановкѣ. Онъ стоитъ за первое положеніе, отрицаетъ второе и говоритъ, что если артели распространенны и живучи, то онѣ не нуждаются въ какой-либо организаторской дѣятельности членовъ образованнаго класса: «именно въ тѣхъ артеляхъ, гдѣ являлись организаторы, искажались самыя существенныя, излюбленныя народомъ, основы ея... Пора понять, что мы пришли къ ужасной пропасти и стоимъ теперь у самаго края ея именно потому, что на народъ смотрѣли какъ на стадо барановъ, съ которыхъ нужно только тщательно стричь шерсть, что слишкомъ было много пастырей, учителей, организаторовъ, что народъ былъ для нихъ именно нарумяненнымъ болваномъ, котораго они, для собственнаго удовольствія, угощали, насколько хватало силъ, тяжелыми тумаками» **). Г. Сазоновъ возражаетъ также противъ моего требованія отъ кустарниковъ бережливости, способной доказать пониманіе ими важности артелей и оправдывающей матеріальную поддержку послѣднихъ государствомъ, земствами и т. д.***). Кустарь крайне бѣденъ, ему нечего сберегать; откройте ему широкій кредитъ — и онъ самъ, освободившись отъ давленія кулаковъ, съумѣетъ устроить артель: таково положеніе г. Сазонова.

*) Исаевъ: „Къ вопросу о кустарной промышленности“, стр. 119—24.

**) „Народныя артели“, стр. 323.

***) Тамъ же, стр. 323—4.

Мнѣ показалось весьма страннымъ замѣчаніе г. Сазонова о противорѣчіи между двумя моими положеніями,—страннымъ потому, что сопоставляются двѣ разнородныя и неудобосоизмѣримыя величины. Во второй статьѣ я говорилъ о примѣнимости артелей въ Россіи, разсматривая всю поверхность общественно-хозяйственной жизни нашего отечества. Насчитавъ нѣсколько десятковъ промысловъ, знакомыхъ съ артельнымъ началомъ, изучивъ наши историческіе памятники XVI, XV и даже XIV столѣтій, нашедши въ нихъ указаніе на примѣненіе артелей въ тѣхъ отрасляхъ, гдѣ онѣ встрѣчаются и донынѣ, — я призналъ эту форму общенія «распространенной и живучей». Въ первой же статьѣ предметомъ изслѣдованія была только кустарная промышленность. Знакомство съ нею побуждаетъ меня утверждать, что артельное общеніе примѣняется въ ней теперь и раньше примѣнялось въ весьма ограниченныхъ размѣрахъ *). Человѣкъ, привыкшій къ послѣдовательному мышленію, безъ труда пойметъ, что рѣдкое примѣненіе артелей въ кустарной промышленности ни мало не исключаетъ распространенности и живучести этой формы во многихъ другихъ отрасляхъ труда, которыя, по принятой терминологіи, не относятся къ кустарничеству. Усматривать между этими двумя положеніями противорѣчіе—то же, что признавать противорѣчіе между утвержденіями: «въ прошломъ году стояла холодная зима» и «въ декабрѣ прошлаго года были большею частью оттепели».

Итакъ, я стою за оба положенія. Артели, повторяю, вовсе неизвѣстны въ однѣхъ отрасляхъ кустарной промышленности и весьма рѣдко встрѣчаются въ другихъ. Но эта форма веденія промысла можетъ принести крупныя выгоды кустарникамъ. Что же, спрашивается, можетъ способствовать развитію артелей въ ихъ средѣ?

Въ нашей литературѣ рѣдко выдѣляются два воззрѣнія. Одно выходитъ изъ того положенія, что общественная жизнь всѣхъ народовъ тожественна, что формы, пережитыя странами болѣе старой культуры, необходимо должны повториться у насъ. Чѣмъ быстрѣе появляются эти формы, тѣмъ лучше, тѣмъ скорѣе движется народъ по пути прогресса. Безчисленныя заимствованія, перенесеніе въ нашу жизнь чуждыхъ учрежденій, частое насилованіе народа — вотъ практическія послѣдствія этого воззрѣнія. До сихъ поръ я вполнѣ согласенъ съ г. Сазоновымъ. Это воззрѣніе, появившись у насъ почти два столѣтія тому назадъ, часто, слишкомъ часто, руководитъ дѣятельностью общественныхъ установленій. Реакція была необходима: она приняла наиболѣе выпуклыя формы благодаря славянофиламъ. Возставая противъ слѣпаго подражанія Западу, требуя развитія началъ, выработанныхъ и сохраненныхъ въ русской жизни, реакція пошла, особенно въ послѣдніе годы, слишкомъ далеко. Крайніе сторонники этого направленія договорились до раздѣленія русскаго народа

*) Исаевъ: „Артели въ Россіи“, 1881, глава девятая.

«на собственно народъ и интеллигенцію», признавъ въ послѣдней нѣчто совершенно чуждое Россіи, живущее иною жизнью, не понимающее интересовъ «собственно народа». Все то чисто-русское, что дорого для нашего благополучія, можетъ, по мнѣнію представителей этого направленія, только извратиться и опошлиться, когда къ нему прикоснется рука людей интеллигенціи. Органы печати, — нельзя отказать имъ въ нѣкоторой долѣ вліянія на читателей,—проникнуты этимъ воззрѣніемъ, злоупотребляютъ печатнымъ словомъ: вмѣсто того, чтобы служить дѣлу объединенія всѣхъ общественныхъ слоевъ, вмѣсто того, чтобы побуждать ихъ къ дружной совмѣстной работѣ,—эти органы печати раздуваютъ вражду, вооружаютъ одинъ общественный слой противъ другаго. Къ сожалѣнію, мнѣ кажется, это направленіе оказало замѣтное вліяніе и на г. Сазонова: не будь такъ, онъ не отрицалъ бы возможности духовнаго воздѣйствія людей образованнаго слоя на менѣе развитые классы, не отрицалъ бы плодотворности этого вліянія вообще, а въ частности и въ дѣлѣ образованія артелей.

Я глубоко убѣжденъ, что истина лежитъ какъ разъ въ срединѣ между обоими крайними воззрѣніями. Жизнь народа слагается подъ вліяніемъ безчисленнаго множества условій. Начала, которыя крѣпко держатся въ этой жизни въ теченіе ряда столѣтій, не случайны, а необходимы. Разнообразіе условій, образующихъ общественный бытъ, ведутъ къ тому, что эти начала, могущественныя въ одной мѣстности данной страны, глохнутъ и даже умираютъ въ другой. Артель примѣняется въ рыболовствѣ издревле и до сего дня; въ кустарной промышленности это начало примѣняется рѣдко и часто даже *не примѣняется*. А если эта форма по справедливости признается наиболѣе совершенною формой труда, то не естественно ли стремиться, чтобъ она распространилась и въ кустарной промышленности? Какъ же достигнуть этого?

Кустарь не привыкъ къ артельному общенію: онъ, какъ и нѣсколько поколѣній его предковъ, участвуетъ въ промыслѣ, гдѣ артельный трудъ не извѣстенъ; у него нѣтъ передъ глазами образцовъ, которые всегда встрѣчаетъ рыболовъ или охотникъ. Можно мечтать, что кустарь самъ съумѣетъ съ одного взмаха образовать артель, но нельзя возвести эти мечты въ научно-обоснованное положеніе. Устройство не только производительныхъ, но и сырьевыхъ артелей довольно значительныхъ размѣровъ требуетъ купеческой умѣлости: нужно знакомство съ рынками сырья, нужны связи съ разными лицами торговаго класса, умѣнье вести книги, уже помимо способности участвовать въ общемъ дѣлѣ,—дѣлѣ принципіально новомъ для данной группы лицъ. Въ исключительныхъ случаяхъ все, необходимое для успѣха дѣла, можетъ быть выполнено самими кустарниками; но неудачныя попытки будутъ гораздо болѣе частымъ явленіемъ. Краткая фраза: «не довѣряемъ другъ другу», съ которой сапожники въ Тверскомъ уѣздѣ встрѣчали предложеніе земской управы объ устройствѣ артелей, слишкомъ выразительна, чтобы можно было серьезно

думать о возможности образованія артелей самими кустарниками безъ организаторской помощи извнѣ. Недобросовѣстное отношеніе тверскихъ кузнецовъ къ артели, погубившее послѣднюю, служитъ убѣдительнымъ опроверженіемъ упованій г. Сазонова. А если такъ, то требованіе о доставленіи артелямъ капиталовъ безъ участія въ организованіи новыхъ учрежденій не только не можетъ принести плоды, но и не выполнимо. Найдутся довѣрчивые люди и даже учрежденія, готовыя открыть кустарникамъ кредитъ, съ обязательствомъ предоставить новую артель вѣдѣнію исключительно ея членовъ. Но когда будетъ сдѣлано нѣсколько неудачныхъ попытокъ, то на всемъ пространствѣ земли Русской не найдется владѣльца капиталовъ, который оказалъ бы вещественное пособіе кустарникамъ безъ вмѣшательства въ дѣло образованія артели: ни частныя лица, ни общественныя учрежденія, включая и государство, не захотятъ подвергать риску свои капиталы. Въ итогѣ — кустарники останутся безъ нравственной и вещественной поддержки. Это будетъ выгодно... для того же капиталистическаго производства, для того же кулачества, противъ которыхъ ратуетъ г. Сазоновъ. *Организаторская дѣятельность представителей образованнаго класса необходима для успѣшнаго развитія артелей среди кустарниковъ.*

Но кто можетъ быть арганизаторомъ? «Баринъ, аристократъ»?—аргументируетъ противъ меня г. Сазоновъ, забывая, что такая аргументація мало убѣдительна. — Нѣтъ, отвѣчаю я, ни баринъ, ни аристократъ: какого происхожденія будутъ люди, способствующіе устроенію артелей, — безразлично для дѣла. Едва ли кто станетъ умалять значеніе толчка, даннаго Сенъ-Симономъ общественной мысли потому, что предки перваго соціалиста носили золотые шпоры при Карлѣ Великомъ. Перелистуйте, г. Сазоновъ, исторію человѣчества съ древнѣйшихъ временъ—и вы увидите, что происхожденіе не мѣшаетъ человѣку быть благодѣтелемъ родной страны. Дѣло—не въ происхожденіи. Я исхожу изъ того положенія, что между нашими народомъ и интеллигенціей нѣтъ той розни, о которой кричатъ и которую хотятъ видѣть извѣстные органы печати; что нѣтъ основанія признавать тотъ и другую двумя другъ другу чуждыми тѣлами,—есть только *одинъ народъ русскій.* Законы общественнаго развитія ведутъ къ тому, что у насъ, какъ и вездѣ, движеніе впередъ не распространяется въ одинаковой степени на всю поверхность общежитія, что, благодаря множеству условій (въ ряду которыхъ насиліе занимаетъ видное мѣсто), небольшія группы достигаютъ значительнаго благосостоянія и связаннаго съ нимъ умственнаго развитія, а большинство поднимается крайне медленно. Въ этихъ небольшихъ группахъ, поставленныхъ благопріятно, есть худые, живущіе только въ угоду плоти; но въ ней есть и добрые, чуткіе къ общественнымъ интересамъ, готовые служить имъ, по мѣрѣ силъ. Эти добрые не хотятъ навязать народу чего-либо ему чуждаго; они не хотятъ подвергать ломкѣ вѣковыя формы его быта. Эти добрые могутъ ошибиться, мо-

гутъ принести не пользу, а вредъ, но вы не скажете, чтобъ они приносили вредъ изъ эгоистическихъ побужденій. Лучшіе изъ этихъ добрыхъ стараются, насколько то лежитъ въ силахъ человѣка, предупредить грубыя ошибки, а способность предупреждать дается *только знаніемъ народной жизни*. Зная эту жизнь, можно съ увѣренностью сказать, чего хочетъ народъ, что ему нужно. Кто же знаетъ народъ, тотъ имѣетъ право, не ограничиваясь изученіемъ его быта, предложить ему свои услуги въ той или другой отрасли дѣятельности. Въ послѣднее десятилѣтіе лучшая часть нашей печати ступила на этотъ путь: хозяйственная жизнь, правое міросозерцаніе, религіозныя воззрѣнія народа сдѣлались предметомъ тщательнаго изученія. Въ дѣлѣ изученія участіе принимали почти исключительно люди образованнаго класса. *Всѣхъ ихъ, какъ знающихъ народную жизнь, способныхъ стать на точку зрѣнія народа, я и приглашаю содѣйствовать улучшенію этой жизни вообще, а въ частности—содѣйствовать и образованію артелей*.

Наконецъ, послѣднее возраженіе. По мнѣнію г. Сазонова, мое требованіе отъ кустарниковъ бережливости, требованіе объ образованіи ими части капитала для веденія артели — звучитъ ироніей. Я сложилъ бы оружіе, еслибы г. Сазоновъ доказалъ, что я признаю за всѣми кустарниками возможность откладывать что-нибудь изъ скудныхъ заработковъ. Но я нигдѣ не говорю ничего подобнаго. Въ однѣхъ отрасляхъ промышленности доходы кустарниковъ такъ низки, что для огромнаго большинства нельзя и мечтать хотя бы о самомъ маломъ сбереженіи. Въ нѣкоторыхъ же они достигаютъ такого уровня, что многіе кустари могутъ откладывать на черный день. Къ послѣднимъ относится кузнечный промыселъ Ярославскаго уѣзда, на которомъ я старался въ названной статьѣ*) показать выгоды отъ устроенія сырьевой артели. Наконецъ, я исходилъ и исхожу изъ положенія, что артели должны начинаться въ малыхъ размѣрахъ, обнимать въ первое время немногихъ участниковъ, лучшихъ кустарей,—лучшихъ и по рабочему искусству, и по другимъ качествамъ,—а эти лучшіе имѣютъ и большій заработокъ въ каждой отрасли промышленности. Если же кустарь *можетъ* что-нибудь внести въ новое учрежденіе, то онъ и *долженъ* внести, долженъ связать себя съ этимъ учрежденіемъ извѣстными жертвами. Какъ привязываютъ человѣка къ учрежденію принесенныя послѣднему жертвы, всего лучше доказывается исторіей многихъ французскихъ производительныхъ артелей, возникшихъ въ 1848 г.**). Но требованіе крайняго напряженія силъ человѣка отнюдь не исключаетъ обязанности общественныхъ учрежденій оказать ему вещественное пособіе. Самопомощь и помощь общества одинаково необходимы,—дружное сочетаніе обѣихъ можетъ вездѣ и всегда принести наибольшіе плоды. Мнѣніе, вы-

---

*) „По вопросу о кустарныхъ промыслахъ", стр. 124.
**) *Исаевъ*: „Промышлен. товарищ. во Франціи и Германіи", глава третья.

сказанное въ названной статьѣ и послужившее предметомъ нападокъ г. Сазонова, я изложилъ и въ другомъ мѣстѣ *), но формулировалъ его иначе. Такъ какъ многія артели требуютъ значительнаго капитала, который не можетъ быть образованъ кустарниками, то становится необходимымъ основной заемъ; затѣмъ активъ составляется изъ паевыхъ взносовъ участниковъ. Въ этихъ случаяхъ помощь извнѣ (ссуда) предшествуетъ самопомощи (образованіе паеваго и запаснаго капиталовъ); такой порядокъ можетъ быть оправданъ, если лица, получающія ссуду для устройства артели, обладаютъ качествами необходимыми для членовъ. Принципіально нельзя рѣшить, какой порядокъ лучше. Отвѣтъ можетъ быть данъ только по изученіи всѣхъ обстоятельствъ, среди которыхъ слагается артель: опредѣляющими моментами являются высота заработковъ кустарниковъ, размѣры капитала, необходимаго для дѣятельности артели, степень знакомства заимодавца съ учредителями и многое другое. Что для кустарниковъ было бы легче вести артель только съ помощью ссуженныхъ капиталовъ, это несомнѣнно. Но, *при неоспоримости положенія, что добытое съ трудомъ цѣнится особенно дорого, мы не должны дѣлать исключенія и для кустарниковъ: будучи готовы оказать имъ нужную поддержку, мы имѣемъ право требовать отъ нихъ и значительныхъ жертвъ.*

Окончивъ, я крѣпко пожимаю руку г. Сазонову, какъ человѣку, который, не сходясь со мной быть-можетъ во многомъ, подобно мнѣ призываетъ «молодое поколѣніе... въ лицѣ своихъ представителей»... служить народнымъ интересамъ **).

Андрей Исаевъ.

Ярославль.
16 апрѣля 1881 года.

*) „Артели въ Россіи“, стр. 332—3.
**) „Народныя артели“, стр. 331.

Замѣтка по польскому вопросу.

Милостивый государь.

Прочтя, въ мартовской книжкѣ вашего многоуважаемаго журнала, статью о польскомъ вопросѣ, я, какъ полякъ, до глубины души былъ тронутъ тѣмъ добрымъ и благороднымъ чувствомъ, которое побудило побѣдителя высказать печатное слово въ пользу необходимости протянуть побѣжденному руку помощи и примиренія. Статья эта произвела на меня особенно сильное впечатлѣніе еще и потому, что она появилась въ то время, когда, по случаю ужаснаго событія 1 марта, представители русской охранительной печати, поставивши себѣ задачею сѣять раздоръ вездѣ и всегда, съ пѣною у рта бросали оскорбленія въ глаза и безъ того оскорбляемой польской націи.

Вы говорите (стр. 326): «спокойнымъ, честнымъ, проникнутымъ чувствомъ уваженія другъ къ другу, объясненіямъ русскихъ съ поляками,—объясненіямъ способнымъ привесть къ взаимному ихъ примиренію,—открываемъ мы страницы нашего журнала».

Позволяю себѣ надѣяться, что вы, какъ редакторъ, не откажетесь помѣстить и настоящую, по поводу этой статьи, замѣтку.

«Польскій вопросъ, — говорите вы (стр. 320), — туманитъ и мутитъ не мало русскихъ умовъ, заставляя ихъ, въ подражаніе нѣмцамъ, призывать русскій народъ и даже приступать къ дѣлу несвойственному русской природѣ — совершать упорно, систематически, хладнокровно, одно изъ величайшихъ злодѣяній, насильственно уничтожать нравственную личность, индивидуальность другаго народа, его душу,—насильствено *русить* поляковъ.... Надо щадить (стр. 324) благородную гордость поляка своею національностью—единственное для него утѣшеніе въ его безпримѣрномъ несчастіи.... Польская народность (стр. 324), въ предѣлахъ ея этнографическаго распредѣленія, должна пользоваться полною неприкосновенностью ея національности и свободы ея духовнаго и бытоваго творчества и развитія».

Еслибы статья о польскомъ вопросѣ до конца оставалась вѣрна приведеннымъ положеніямъ, то всѣ прочитавшіе ее поляки, желающіе добра своему отечеству, поспѣшивъ засвидѣтельствовать автору свое сердечное спасибо, могли бы отвѣтить искренно, пожимая протянутую намъ великодушно руку: мы навсегда готовы забыть старые счеты, старую вражду; мы готовы начать новую жизнь съ вами, русскими, рука объ руку, считая ваши государственные интересы своими, если вы будете щадить и наши, чисто-національные, интересы.

Но въ статьѣ мы читаемъ слѣдующее (стр. 317): «Мы думаемъ, что русскій университетъ въ Варшавѣ могъ бы сослужить великую службу дѣлу сближенія, еслибы рѣшительнѣе вносилъ въ польскую среду обновляющую струю обновленной русской науки, и только одну эту струю....» Какъ понимать васъ: о прошедшей, или о будущей дѣятельности русскаго университета въ Варшавѣ вы говорите? Если о прошедшей, то какимъ образомъ отъ русскаго учрежденія въ Варшавѣ, основаннаго,—этого скрыть нельзя,—единственно съ цѣлію обрусенія Польскаго края, вы могли ожидать дѣятельности направленной къ сближенію съ поляками? Надо полагать, что сказанное относится къ будущему, а тогда ясно, что вы находите справедливымъ оставить въ Варшавѣ *русскій* университетъ. Но скажите, неужели въ этомъ послѣднемъ заявленіи вы не видите поражающаго противорѣчія всему сказанному выше? Для чего, съ цѣлью поддержать неприкосновенную польскую народность, необходимъ въ Польшѣ *не польскій* университетъ?—Поляки, стремящіеся, съ своей стороны, къ примиренію съ русскими,—а такихъ въ настоящее время весьма много,—легко могутъ усомниться въ искренности выраженныхъ въ статьѣ симпатій къ ихъ народу, если то, что для нихъ всего священнѣе, въ чемъ они видятъ главный оплотъ ихъ національной неприкосновенности—народный языкъ въ главномъ храмѣ народнаго просвѣщенія—вы признаете полезнымъ замѣнить, и на будущее время, чужимъ. Они не поймутъ, какимъ образомъ вы, признавая честными (стр. 317) даже ихъ стремленія къ возстановленію своего государства и относясь съ презрѣніемъ къ идеѣ обрусенія поляковъ, вмѣстѣ съ тѣмъ не признаете за ними права имѣть у себя, прежде всего, свой, національный, университетъ.

Нѣтъ ли во всемъ этомъ какого-либо недоразумѣнія?

Вы согласитесь, что если двѣ враждовавшія стороны желаютъ примириться другъ съ другомъ, но находятся еще въ натянутыхъ отношеніяхъ, то ничто не можетъ такъ затормозить дѣла сближенія, какъ одно неосторожное слово, оставшееся сейчасъ же не разъясненнымъ, одинъ ложный шагъ, особенно если онъ первый. Статью о польскомъ вопросѣ въ мартовской книжкѣ журнала *Русская Мысль* по справедливости можно считать первымъ, со стороны русскихъ, шагомъ къ сближенію съ поляками потому, что она первая—честно, категорически, не обинуясь указываетъ на то, что возможно и необходимо сдѣлать для поляковъ. Поэтому

вытекающее изъ статьи недоразумѣніе, для возможности дальнѣйшаго хладнокровнаго обсужденія дѣла, требуетъ немедленнаго разъясненія. Это тѣмъ болѣе необходимо, что и въ статьѣ вашей выражено желаніе увѣрить поляковъ въ искренности добрыхъ, по отношенію къ нимъ, чувствъ и намѣреній русскаго народа.

I. Л.

Мы искренно благодаримъ г. I. Л. за его письмо, которое и поспѣшили здѣсь напечатать. Мы благодаримъ его за рѣшительно поставленный вопросъ по поводу словъ: «мы думаемъ, что русскій университетъ въ Варшавѣ и т. д....», встрѣченныхъ имъ въ статьѣ нашего сотрудника В. Р. К.—«Нѣчто о русско-польскомъ вопросѣ въ нашей печати» (статьѣ не редакціонной, просимъ это замѣтить). Это даетъ намъ поводъ и случай категорически заявить, что мы стоимъ за право поляковъ имѣть польскій университетъ, за преподаваніе въ немъ поляками и на польскомъ языкѣ всѣхъ наукъ въ томъ направленіи (только не въ *политически-тенденціозно*-враждебномъ народу русскому, разумѣется), въ какомъ поведетъ ихъ творчество польскаго ума. Мы стоимъ за это право, *во-первыхъ*, во имя самой науки, которой свободная область должна быть чужда всѣхъ внѣшнихъ, утилитарныхъ, политическихъ и другихъ цѣлей и разсчетовъ, безъ чего она перестаетъ быть въ истинномъ смыслѣ наукою. Наука есть сокровище, принадлежащее всему человѣчеству, есть откровеніе міроваго разума, Божества, насколько оно открывается въ творчествѣ ума человѣческаго, и насильственно тормозить ея всестороннее развитіе, запирая или уничтожая какой-нибудь самородный источникъ творчества въ ея области, значитъ совершать преступное хищеніе изъ достоянія всего міра и святотатственно посягать, какъ сказали мы, на самую душу человѣчества. Никакіе политическіе и другіе разсчеты не могутъ оправдать такого преступленія. Это утверждаемъ мы какъ несомнѣнную истину, а потому для насъ неотрицаемо и обязательно право поляковъ, проложившихъ уже свои самостоятельные пути и въ наукѣ, и въ литературѣ, на дальнѣйшее самобытное развитіе ихъ творчества въ области знанія, а слѣдовательно и право ихъ на самостоятельный *польскій* университетъ.

Во-вторыхъ, мы стоимъ за это право потому, что почитаемъ посягательство, съ цѣлію насильственнаго уничтоженія, на широкое, во всѣхъ направленіяхъ человѣческаго творчества, развитіе языка какого-нибудь особенно сознавшаго себя и развитаго народа, а слѣдовательно и польскаго,—дѣломъ безплоднымъ, безъумнымъ и преступнымъ, источникомъ котораго можетъ быть только невѣжество. Безплоднымъ почитаемъ это дѣло потому, что оно равносильно борьбѣ съ силою природы, возрастающей въ энергію по мѣрѣ борьбы съ нею,—безумнымъ и невѣжественнымъ потому, что оно обличаетъ полнѣйшее непониманіе и невѣдѣніе значенія и силы языка,—преступнымъ потому, что оно есть посягательство на совѣсть и вѣрованія, на душу народа.

Обращая вниманіе уважаемаго г. I. Л., что возбудившее въ немъ недоразумѣніе встрѣчается не въ редакціонной статьѣ, а въ статьѣ нашего почтеннаго сотрудника, долгомъ нашимъ почитаемъ заявить, что г. В. Р. К., подобно намъ, глубоко-искренно сочувствуетъ дѣлу нашего примиренія съ польскимъ народомъ и сохраненію польской народности и слова его не имѣютъ того значенія и смысла, какія придаетъ имъ вопрошатель.

Мы могли бы здѣсь разъяснить смыслъ сказанныхъ словъ нашего почтеннаго сотрудника; но, не будучи имъ на то уполномочены, предоставляемъ сдѣлать это ему самому.

Ред.

Изъ Берлина.

Общественное мнѣніе у насъ, въ Берлинѣ, сильно взволновано. Еще не всѣ справились со страшною вѣстью о петербургской катастрофѣ 1 марта, какъ раздались слова государственнаго канцлера, возвѣщавшія, что уже на будущемъ засѣданіи рейхстага будетъ обсуждаться вопросъ о перенесеніи изъ Берлина какъ рейхстага, такъ и прусскаго и обще-германскаго правительства. Только одинъ голосъ дерзнулъ назвать эти слова шуткой; другіе утверждали, что эта мысль абсолютно невыполнима и что императоръ на это никогда не согласится. Но болѣе умѣренные этимъ не успокоиваются, ибо мы довольно часто были свидѣтелями того, что какая-нибудь маленькая тучка на горизонтѣ, осмѣянная противниками Бисмарка, разрасталась съ удивительною быстротой и разражалась со стихійною силой, сокрушая всякое препятствіе какъ во внѣшней политикѣ государственнаго канцлера, такъ и во внутренней. Къ тому же нельзя отчасти не согласиться съ доводами князя, что противъ дальнѣйшаго пребыванія правительства въ Берлинѣ—какъ внѣшняя опасность, грозящая высшимъ правительственнымъ мѣстамъ и рейхстагу, такъ и вліяніе, оказываемое городомъ, съ населеніемъ болѣе чѣмъ милліоннымъ, на ходъ дѣлъ въ рейхстагѣ. Правда, эти доводы относятся ко всѣмъ большимъ городамъ имперіи, тѣмъ не менѣе относительно Берлина существуетъ здѣсь еще и то соображеніе, что въ послѣднее время, какъ говорятъ, число писемъ съ угрозами, адресуемыхъ государственному канцлеру изъ Берлина, возрастаетъ все болѣе и болѣе; къ тому же есть и другіе признаки связей интернаціоналистовъ съ жителями Берлина и перенесеніе въ этотъ городъ центра ихъ подпольной дѣятельности. Вскорѣ послѣ того, какъ слова Бисмарка сдѣлались извѣстны, появилась слѣдующая телеграмма: «Городъ Кассель находится въ радостномъ волненіи, такъ какъ онъ, вѣроятно, будетъ избранъ мѣстопребываніемъ правительства». И въ самомъ дѣлѣ этотъ прекрасный городъ, послѣдняя столица курфюрстовъ, предается радужнымъ мечтамъ съ тѣхъ поръ, какъ въ тамошней гимназіи учатся принцы Вильгельмъ и Генрихъ. Какъ бы

то ни было, мы всѣ должны дожидаться слѣдующей сессіи. Нѣкоторые полагаютъ, что слова князя сдѣлаются новымъ орудіемъ противъ него въ рукахъ его враговъ при дворѣ.

Что Берлинъ имѣетъ вліяніе на сессіи парламента, явно доказали засѣданія послѣдняго времени. Самые ожесточенные противники князя Бисмарка были именно выбраны Берлиномъ. Они дѣятельны и желали бы изъ всей имперіи привлечь новыхъ борцовъ въ свои ряды, такъ какъ, къ ихъ ужасу, желаніе ихъ, выраженное ими 3 года тому назадъ у избирательной урны крикомъ: «долой Бисмарка», не исполнилось, а напротивъ того ихъ партія съ почтеннаго числа 76 членовъ уменьшилась до 27. Они теперь хотятъ учредить фондъ, изъ котораго будутъ возвращены ихъ кандидатамъ издержки по парламентской дѣятельности. Уже раньше предложеніе такого вознагражденія было отклонено значительнымъ большинствомъ голосовъ рейхстага.

Народу надоѣла эта политика фракцій и игра партій, обращающихся съ необузданною страстностью противъ человѣка, который, что бы о немъ ни говорили, ввелъ насъ въ семью великихъ европейскихъ народовъ. Уже въ рядахъ либеральной партіи слышатся вѣскіе голоса, которые прощаютъ Бисмарку то, за что его такъ много бранили—табачную монополію, прибавляя все болѣе и болѣе скромное «если». Кто знаетъ, не станетъ ли государственный канцлеръ искать поддержки осенью, послѣ новыхъ выборовъ, у либеральной партіи, и не найдетъ ли ее именно тамъ. Князь Бисмаркъ знаетъ характеръ своихъ согражданъ, которые такъ часто, хотя и поздно, соглашались съ нимъ. Онъ умѣетъ приводить въ исполненіе задуманное имъ, какъ бы ни были велики препятствія. При этомъ, разумѣется, подвергаются испытанію его нервы, о чемъ свидѣтельствуютъ всѣ его рѣчи за послѣднюю четверть года. Отказавшись отъ желанія выйдти въ отставку и сказавши: «J'y suis et j'y reste», онъ обратилъ свои взоры на реформу налоговъ. «Пусть табакъ насъ выручаетъ» *), воскликнулъ онъ, выражаясь своеобразнымъ языкомъ, свойственнымъ ему, и при введеніи косвенныхъ налоговъ избралъ предметами его табакъ и напитки. Пренія по этому предмету были самыя интересныя, какія только можно себѣ вообразить: все, что только могъ сказать острый, злой и насмѣшливый языкъ, было сказано. Какъ всегда, болѣе всѣхъ отличился своей ѣдкой оппозиціей депутатъ прогрессивной партіи Рихтеръ. Но г. Рихтеръ все еще въ долгу у насъ,—онъ не далъ намъ до сихъ поръ ни одной практической мысли. Вмѣстѣ съ нимъ блистали краснорѣчіемъ члены той же партіи: профессоръ Вирховъ, Риккертъ, Гэнель и извѣстный поэтъ и адвокатъ Трэгеръ. Они принимали живѣйшее участіе также и въ совѣщаніяхъ при обсужденіи какъ закона, имѣющаго въ виду централизацію въ уплачиваніи взносовъ на государственныя, общественныя и другія по-

*) Der Tabak muss bluten.

требности, такъ и закона о страхованіи отъ несчастныхъ случаевъ, которымъ хотятъ достигнуть улучшенія положенія неимущаго класса. При обсужденіи реформы о налогѣ государственный канцлеръ выступилъ защитникомъ меньшей братіи. Высшей степени волненія достигли умы при обсужденіи закона касательно налога на квартиры служащихъ. Князь Бисмаркъ при этомъ зло насмѣхался надъ берлинскимъ податнымъ управленіемъ, говоря, что онъ самъ платитъ слишкомъ высокій налогъ и что онъ долженъ смотрѣть на это какъ на желаніе отомстить ему.

«Введите опредѣленную пошлину,—сказалъ онъ,—хоть 20%; я только не желаю подвергаться произволу *(Ого!... Движеніе)*; мы не желаемъ имѣть поводъ подозрѣвать кого-нибудь изъ нашихъ согражданъ въ томъ, что имъ руководятъ интересы партій *(Ого!... Движеніе)*. Денежный вопросъ для такого страшно богатаго города, какъ Берлинъ, не можетъ имѣть того значенія, какое онъ имѣетъ для чиновника, получающаго 600 марокъ жалованья *(Движеніе. Возгласъ: «Безстыдство!»)*. Господа, слово безстыдство совершенно безстыдное выраженіе, которое я возвращаю произнесшимъ его» *(Большое движеніе)*. Предсѣдатель фонъ-Гослеръ увѣряетъ, что онъ этого возгласа не слыхалъ, такъ какъ онъ иначе призвалъ бы виновника къ порядку.—Государственный канцлеръ князь Бисмаркъ: «Слово было произнесено. Я его слышалъ тамъ, налѣво. Его произнесъ господинъ, у котораго у самого нѣтъ стыда *(Движеніе)*. Онъ навѣрное сознается, такъ какъ лица, сидящія около него, объ этомъ знаютъ,—надѣюсь, что у него хватитъ мужества сознаться».—Депутатъ Струве: «Конечно, хватитъ: я, Струве, произнесъ это слово!» Президентъ призываетъ его къ порядку. Князь Бисмаркъ: «Послѣ того, какъ депутатъ назвалъ себя, я беру назадъ свое выраженіе, такъ какъ депутатъ повидимому имѣетъ стыдъ» *(Смѣхъ)*.

Пренія о реформѣ системы налоговъ имѣли довольно веселый характеръ. Хотя нынѣшнее направленіе реакціонно, тѣмъ не менѣе жертвою измѣненія законодательства палъ консервативный министръ, графъ Эйленбургъ, должность котораго временно исполняетъ министръ вѣроисповѣданій фонъ-Путкаммеръ. Такое совмѣщеніе возможно въ виду нѣкотораго затишья въ церковно-политическихъ дѣлахъ.

Послѣ всѣхъ этихъ утомляющихъ преній въ парламентѣ въ извѣстные вечера собираются у князя Бисмарка и здѣсь до извѣстной степени примиряются враждовавшіе элементы. Туда являются члены союзнаго совѣта, ландстага, рейхстага и политико-экономическаго совѣта, недавно учрежденнаго; иногда собирается болѣе пятисотъ человѣкъ и въ главномъ залѣ Радзивиловскаго дворца подымается шумъ, похожій на жужжаніе пчелинаго роя, несмотря на то, что и другія залы не пусты. Тутъ всегда можно встрѣтить графа Мольтке, письмо котораго по поводу защиты принципа войны недавно такъ удивило наше общество; бываютъ приглашены и дамы, но не въ большомъ количествѣ. Преобладаютъ высшія

сословія; исключеніе изъ этого составляютъ члены политико-экономическаго совѣта, рабочіе, все люди съ умнымъ выраженіемъ лица. Они держатся въ непривычной имъ средѣ скромно, но безъ всякой тѣни неловкости. Около 10 часовъ появляется закуска. Послѣ удовлетворенія матеріальной потребности разговоръ мало-по-малу переходитъ на политическую почву и общество разбивается на группы. Тутъ иногда происходятъ разъясненія важныхъ вопросовъ, не лишенныя интереса, такъ какъ князь Бисмаркъ — охотникъ до откровенной, ничѣмъ не стѣсненной бесѣды, въ которой нерѣдко даетъ волю своему юмору.

Упомянувъ о политико-экономическомъ совѣтѣ, я естественнымъ образомъ перехожу къ рабочему вопросу, пріобрѣтшему такое важное значеніе. Тутъ особенно привлекаетъ наше вниманіе упадокъ ремесленной дѣятельности, который вездѣ бросается въ глаза. Ремесленное сословіе стѣснено съ двухъ сторонъ: съ одной стороны — машиннымъ производствомъ и идущимъ рука объ руку съ нимъ капиталомъ, съ другой же—ремесленниками низшаго разряда, недостаточно подготовленными и неискусными, работой которыхъ всегда могутъ располагать за дешевую плату фабриканты и капиталисты, не гоняющіеся за доброкачественностью работы. Въ такихъ тискахъ сжато самостоятельное и технически-образованное ремесленное сословіе. Необходимость помочь этому горю чувствуется вездѣ. Статистическихъ свѣдѣній по поводу этого явленія собственно не имѣется, однако для Берлина достовѣрно, что 10 лѣтъ тому назадъ изъ тысячи пятисотъ сапожниковъ тысяча четыреста платили за промышленныя свидѣтельства, т. е. работали съ помощью двухъ подмастерій; нынче насчитываютъ шесть тысячъ сапожниковъ мастеровъ, но изъ нихъ только семьсотъ платятъ за вышеозначенныя свидѣтельства. Картина, конечно, печальная. Одни—и между ними одинъ изъ членовъ политико-экономическаго совѣта—говорятъ, что ремесленникамъ недостаетъ школьнаго образованія, другіе полагаютъ, что этому горю помогла бы организація цеховъ. Законъ о цехахъ уже былъ обсуждаемъ въ политико-экономическомъ совѣтѣ, но до сихъ поръ еще по поводу его не пришли ни къ какимъ результатамъ.

Извѣстная часть берлинскихъ ремесленниковъ въ политическихъ вопросахъ находится подъ вліяніемъ прогрессивной партіи, хотя они видятъ, что въ экономическомъ отношеніи она имъ ничего не можетъ дать. Время отъ времени въ газетахъ говорится о высылкѣ то того, то другого соціалъ-демократа. Несмотря на бдительнѣйшій надзоръ, тайное распространеніе запрещенныхъ книгъ и брошюръ не прекращается. Вотъ почему малое осадное положеніе продолжено въ Берлинѣ до 27 ноября. Раздача несчетнаго количества летучихъ листковъ соціалъ-революціонной партіи въ Лондонѣ, настоятельно стремящейся къ соціальной революціи, производится также и здѣсь различными тайными способами. Эти листки самымъ возбуждающимъ языкомъ призываютъ къ возстанію, къ насилію.

Пытались также, и не безъ успѣха, раздавать въ казармахъ летучіе листки, нарочно сочиненные для солдатъ. Была найдена и закрыта тайная типографія...

Вотъ все, что можно сказать о внутренней политикѣ. О внѣшней, кромѣ обсужденія австро-германскаго договора и предложенія относительно лишенія права убѣжища всѣхъ государственныхъ преступниковъ, также нельзя сказать ничего особеннаго,—можно только упомянуть о знаменитой интернаціональной монетной конференціи въ Парижѣ, на которую Германія смотритъ не особенно дружелюбно. Важныя событія внутри различныхъ государствъ вызвали какъ бы застой внѣшнихъ дѣлъ.

Жизнь нашего города была нѣсколько оживлена празднествами, весьма впрочемъ скромными, по случаю бракосочетанія принца Вильгельма со шлезвигъ-голштинскою принцессой Августой-Викторіей. Было дано нѣсколько придворныхъ баловъ. Изъ знаменитыхъ баловъ по подпискѣ, которые даются въ оперномъ театрѣ, въ этомъ сезонѣ былъ данъ только одинъ. На этомъ балѣ императоръ поскользнулся. Президентъ полиціи тотчасъ поддержалъ его, на что императоръ замѣтилъ: «нельзя сдѣлать тайно отъ полиціи ни одного неправильнаго шага». Въ кругу средняго общества также не было недостатка въ увеселеніяхъ; блестящіе вечера конькобѣжцевъ на островѣ Руссо въ Тиргартенѣ и балы общества юристовъ имѣли, какъ всегда, большую привлекательность для берлинцевъ. Послѣдній изъ этихъ баловъ, данный въ отелѣ Арнимъ, былъ костюмированный. Въ зимнемъ саду Центральнаго отеля происходили концерты лучшихъ артистовъ и тамъ же балетная труппа отпраздновала карнавалъ. Балетная труппа въ первый разъ, съ тѣхъ поръ какъ существуетъ, покинула «заведеніе Кролля», постоянное мѣсто ея увеселительныхъ вечеровъ, и перенесла ихъ въ салоны Центральнаго отеля. Эти балы имѣютъ особенную физіономію и безспорно принадлежатъ къ самымъ характернымъ бытовымъ картинамъ столицы, если и не къ самымъ отраднымъ. Составъ мущинъ легко назвать: «виверы», офицеры въ партикулярномъ платьѣ, спортсмэны, литераторы, актеры, иностранцы и туземцы неопредѣленнаго общественнаго положенія. Труднѣе охарактеризовать дамское общество, со всѣми его оттѣнками, начиная отъ почтенныхъ матронъ и ихъ дочерей, привлеченныхъ сюда любопытствомъ, до барынь, отличающихся богатымъ туалетомъ, съ вырѣзными лифами, съ длинными шлейфами и замѣчательною развязностью въ разговорѣ, манерахъ и обращеніи. У насъ такого рода сборища носятъ въ нравственномъ смыслѣ отпечатокъ безцвѣтности; за то глазъ пріятно поражается обширнымъ, красивымъ зрѣлищемъ, богатымъ красками и движеніемъ. На этотъ разъ въ гардеробной царствовалъ необыкновенный порядокъ. Въ прошломъ сезонѣ одинъ изъ корифеевъ, которому подавали двѣнадцатое пальто и все еще не его, поклялся, что онъ никогда больше не заглянетъ на балъ коръ-де-балета.

Болѣе серьезныя развлеченія можно было найти въ различныхъ кружкахъ и обществахъ, собирающихся съ цѣлью обсужденія разныхъ вопросовъ: политическихъ, общественныхъ, техническихъ, торговыхъ, сельско-хозяйственныхъ и благотворительныхъ. Какъ на особенно замѣчательныя можно указать на лекціи въ пѣвческой академіи, всегда охотно посѣщаемыя. Интересны были слѣдующія лекціи: «Гуттенбергъ и начало книгопечатанія въ Германіи», «Нѣмецкія княжества», «Французская поэзія 1830 г.», «Процессъ дыханія у человѣка». Дамское общество съ напряженнымъ вниманіемъ слушало гг. читающихъ, принадлежащихъ къ различнымъ сословіямъ. Чтенія Союзнаго Кружка въ зданіи ратуши все болѣе и болѣе посѣщаются людьми желающими найти объясненіе сверхъестественныхъ явленій въ жизни и природѣ. 3-го марта состоялось, въ присутствіи принцевъ Фридриха. Карла и Александра, четвертое годичное собраніе общества офицеровъ. Докладывалъ Этцдорфъ, поручикъ гвардейскаго піонернаго баталіона, о своемъ путешествіи по Россіи въ 1880 г. Докладчикъ съ похвалой отзывался о любезности къ нему русскихъ властей, товарищескомъ обращеніи съ нимъ русскихъ офицеровъ, съ которыми онъ встрѣчался, а также и о молодцеватомъ видѣ солдатъ, часть которыхъ недавно возвратилась, покрытая славой, изъ похода. Докладъ былъ чрезвычайно интересенъ. Скачки въ Гоппегартенѣ, Гамбургѣ и Вейсензее, близъ Берлина, продолжаютъ привлекать публику; однако, въ силу министерскаго декрета букмекерамъ (bookmakers), устройство зеленаго стола въ тотализаторѣ было запрещено, такъ какъ въ былые годы тутъ многіе разорялись. Въ апрѣлѣ общество Гекторъ, находящееся подъ покровительствомъ принца Карла, устроило свою весеннюю охоту на Темпеаргофской межѣ, окончившуюся обѣдомъ въ Центральномъ отелѣ, причемъ, естественнымъ образомъ, темой разговоровъ этихъ завзятыхъ охотниковъ была опять же охота и ея удовольствія. Недавно появился новый родъ спорта: скачка офицеровъ на лошадяхъ и бѣгъ въ экипажахъ въ перегонку со скороходомъ Фрицомъ Кэперникомъ, недавно лишь вышедшимъ изъ военной службы. Его быстрота изумительна и онъ не разъ въ своихъ рейсахъ между Берлиномъ и Потсдамомъ перегонялъ лошадей.

Въ Клевѣ въ настоящее время происходитъ всемірная выставка охоты, а въ Штутгартѣ Вюртембергская промышленная выставка, имѣющая большое значеніе для страны.

На выставкѣ общества германскихъ художниковъ, на Комендантской улицѣ, было собрано множество интересныхъ произведеній искусствъ. Между ними картина Густава Шпангенберга—дѣвушка, нацѣживающая вино изъ громадной бочки, и возлѣ нея гномъ, напоминающій ей о принадлежащей ему по праву дани, не особенно понравилась,—въ ней отсутствуютъ и грація, и характеръ. Напротивъ того, большой успѣхъ имѣли ландшафты обоихъ Ахенбаховъ, зимній ландшафтъ съ фигурами русскихъ крестьянъ, написанный русскимъ живописцемъ Клеверомъ, и очень глубоко

прочувствованная картина Раушпа изъ Мюнхена: «по тихому теченію». Большой талантъ обнаруживалъ очень драматически-написанный «эпизодъ изъ похода дѣтей Израилевыхъ черезъ пустыню» Іерндорфа. Картина представляетъ моментъ, когда Моисей извлекаетъ воду изъ скалы.

Въ области науки замѣчается большое оживленіе, такъ что даже высшіе круги общества считаютъ за честь получить какую-нибудь ученую степень или отличіе. Герцогъ Карлъ Теодоръ баварскій, братъ австрійской императрицы, получилъ отъ вѣнской медицинской коллегіи титулъ перваго почетнаго доктора. Мотивируется этотъ почетный титулъ тѣмъ, что герцогъ сообща съ профессоромъ Іегеромъ совершилъ рядъ микроскопическихъ изслѣдованій, операцій, опытовъ и офтальмоскопическихъ наблюденій, а также и разнообразнѣйшія операціи надъ живыми субъектами. Онъ выказалъ себя основательно образованнымъ врачомъ, искуснымъ и счастливымъ операторомъ. Докторскій дипломъ, о которомъ сейчасъ шла рѣчь, былъ вполнѣ заслуженъ. Въ противоположность этому, можно упомянуть о томъ, что громадной фабрикаціи дипломовъ Филадельфійскимъ университетомъ, благодаря доктору Бёконану, судомъ наконецъ положенъ предѣлъ. Говорятъ, что разоблаченія Бёконана скомпрометировали болѣе десяти тысячъ лицъ. Этотъ господинъ находилъ также и въ Германіи покупателей, жаждущихъ титула. Многимъ, которые до сихъ поръ гордо подписывали подъ своимъ именемъ D-r phil., теперь приходится страдать отъ сарказмовъ берлинцевъ, читающихъ эти два слова «Doctor philadelphiae».

Наше время богато изслѣдованіями и открытіями. Недавно были получены неожиданно разъясненія относительно судьбы нѣмецкаго естествоиспытателя доктора Лейхгардта. Послѣ того, какъ въ теченіе тридцати-трехъ лѣтъ о немъ не было извѣстій, его бумаги и смертные останки Классена нашлись въ Африкѣ, за 1.300 англійскихъ миль отъ Блакала. Объ экспедиціи доктора Оскара Ленца, путешественника посланнаго африканскимъ обществомъ, имѣются также довольно точныя свѣдѣнія. Образованный міръ съ удивленіемъ смотритъ на отважнаго и скромнаго путешественника, который въ прошломъ году съ такимъ успѣхомъ прослѣдовалъ изъ Морокко въ Тимбукту, по пути еще не извѣданному наукой, и въ настоящее время опять находится въ Берлинѣ. Докторъ Г. Нахтигаллъ прочелъ интересную лекцію о проектѣ проложенія желѣзной дороги черезъ пустыню Сахару, чѣмъ достиглось бы непосредственное сношеніе двухъ приморскихъ странъ—Алжира и Сенегамбіи. Величина области, черезъ которую должна будетъ проходить дорога, въ 16 разъ превышаетъ величину Германіи. Нужно однако думать, что большое количество дюнъ и отсутствіе воды воспрепятствуютъ исполненію этого грандіознаго проекта.

Желѣзныя дороги новаго устройства были испытуемы въ нашемъ сосѣдствѣ и найдены удовлетворительными. Мы говоримъ объ электрической желѣзной дорогѣ, построенной компаніей Сименсъ и Гальске, между станціей Лихтерфельдъ линіи Берлинъ-Ангальтъ и главнымъ кадетскимъ

корпусомъ на разстояніи 2½ километровъ. Подвижной составъ дороги, путь которой имѣетъ одинъ метръ ширины, состоитъ изъ маленькихъ вагоновъ на 20 пассажировъ, похожихъ снаружи и внутри на вагоны въ одну лошадь конно-желѣзныхъ дорогъ. Кондукторъ стоитъ по срединѣ передней площадки. У него подъ рукой находятся какъ сигнальный колокольчикъ, такъ и ручка тормоза, отлично приспособленнаго. Между обѣими осями вагона находится электро-динамическая машина, которою вагонъ приводится въ движеніе. Можно здѣсь еще упомянуть, что для вечерняго движенія одной изъ конно-желѣзныхъ дорогъ былъ произведенъ опытъ писать нумера и имена фосфорирующимися красками; однако опытъ не удался, такъ какъ свѣтъ слишкомъ слабъ.

Въ военныхъ сферахъ заняты пробою новой системы ружья, требующаго при заряженіи только одного пріема. Въ этомъ ружьѣ, вмѣсто ударника, находится ножикъ, который, ударяясь въ капсуль, опять становится наготовѣ. Неутомимый изслѣдователь, докторъ Генрихъ Шлиманъ, бывшій прикащикъ, любовь котораго къ классической Греціи привела къ такимъ значительнымъ результатамъ и о дѣятельности котораго такъ много говорятъ въ здѣшнихъ музеумахъ, сдѣлалъ новыя раскопки въ Орхоносѣ и нашелъ сокровищницу Миніаса.

Эта замѣтка вводитъ насъ въ область искусства. Не такъ давно много говорили о найденныхъ въ Аѳинахъ статуэткахъ Аѳины-Паллады. Но оказалось, что онѣ, для возстановленія Фидіасовой группы боговъ, имѣютъ едва ли большее значеніе, чѣмъ статуэтка Аѳины Ленормана, гипсовый снимокъ которой находится въ здѣшнемъ музеумѣ.

Картинная галлерея сдѣлала нѣсколько новыхъ пріобрѣтеній, изъ которыхъ самое важное и вмѣстѣ съ тѣмъ самое осмѣянное—картина Рубенса «Нептунъ и Амфитрита». Картина эта въ два метра вышины и 1,3 метра ширины; она прежде считалась однимъ изъ драгоцѣннѣйшихъ украшеній коллекціи графа Шемборна. Послѣ распродажи этой коллекціи она перешла въ частныя руки, а оттуда (изъ Вѣны) досталась за 200.000 марокъ нашему музеуму. Она находится въ первомъ залѣ нидерландской школы. На берегу моря лежитъ Нептунъ съ трезубцемъ въ правой рукѣ; налѣво отъ него, слегка опершись на его плечо, стоитъ прекрасная богиня Амфитрита, само собой разумѣется, безъ всякой одежды. Толстощекій Амурчикъ очень усердно обвиваетъ ея руку жемчугомъ и другими драгоцѣнными украшеніями. Она съ видимымъ удовольствіемъ смотритъ на веселую игру тритона съ нереидой; подобно ей, смотрятъ на нихъ и разные звѣри: тигръ, пантера, носорогъ и таинственный гиппопотамъ. Картина дышитъ самой неподдѣльною веселостью. Одни находятъ ее прекрасной, но въ новѣйшемъ современномъ смыслѣ полной граціи съ оттѣнкомъ веселаго лукавства. Великое достоинство артиста, нагія фигуры котораго не стѣсняются своего положенія, а какъ бы находятъ его совершенно естественнымъ, по мнѣнію поклонниковъ этой картины, выказывается и здѣсь въ высокой степени,

равно какъ и въ воспроизведеніи живой природы, а фигуры здѣсь менѣе толсты, чѣмъ въ его другихъ произведеніяхъ. Директоръ картинной галлереи, докторъ Юліусъ Мейеръ, и помощникъ его, докторъ Бодэ, а также и профессоръ Густавъ Шпангенбергъ, авторъ трогательной картины «шествіе смерти», видѣвшій эту карттну въ Вѣнѣ еще до ея покупки, утверждають, что это — настоящій Рубенсъ. Но противъ этого мнѣнія подымается множество несогласныхъ съ ними голосовъ, которыхъ нельзя не принимать во вниманіе. Адольфъ Розенбергъ, занятый въ настоящее время сочиненіемъ о Рубенсѣ, называетъ картину слабымъ произве деніемъ кого-нибудь изъ учениковъ Рубенса. Вилибаткёнигъ также склоненъ видѣть въ ней работу кропателя и называетъ ее жесткой и деревянной. Фрицъ Веблеръ находитъ ее вялой и манерной и даже сомнѣвается, что «копія» эта была написана въ эпоху Рубенса. Такія разнородныя мнѣнія раздаются вездѣ, гдѣ только сойдутся два или три художника, и, по всей вѣроятности, всегда будутъ высказываться, такъ какъ полную біографію картины едва ли можно будетъ когда-нибудь узнать. Однако мнѣніе о подлинности картины все-таки имѣетъ болѣе сторонниковъ. Большое вниманіе обратила на себя панорама битвы при Сен-Прива. Ее показываютъ въ зданіи генеральнаго штаба, на улицѣ Герварть; она посѣщается всѣми высочайшими и высокими лицами, всѣми пріѣзжими и туземцами. Ее написали профессоръ Гюнтенъ и живописецъ В. Зиммлеръ въ Дюссельдорфѣ. Художественное и техническое ея выполненіе изумительно. Она съ величайшею подробностью передаетъ всѣ детали мѣстности и самой битвы, такъ что, кажется, видишь страницу изъ дѣйствительной жизни. Почти столько же публики привлекаютъ «вакханка», Макарта, и «часъ привидѣній» на кладбищѣ, Михаила фонъ-Зихэ, въ большую угольную залу пассажа. Сюда однако болѣе всего влечетъ праздное любопытство, такъ какъ первая картина своимъ роскошнымъ колоритомъ и шаблонной кукольною головкой всего болѣе разсчитана на пустоту и чувственность зрителя, а послѣдняя своей фантастическою сценой на кладбищѣ и рѣзкимъ свѣтомъ кровавой луны—на крайнюю пресыщенность обыденнымъ. Случай свелъ здѣсь вмѣстѣ картину дышащую нѣгой и сладострастіемъ и гигантскую, подобную кошмару, страшную сцену, изображенную кистью талантливаго художника.

Въ залѣ часовъ академіи были выставлены картины французскихъ художниковъ и въ этомъ выразилась нѣмецкая любезность, за которую Франція еще у ней въ долгу.

Въ музыкальномъ мірѣ произошло много утѣшительнаго, даже важнаго. Самымъ блестящимъ явленіемъ въ этой области въ теченіе сезона были, какъ всегда, концерты въ пѣвческой академіи и кромѣ того на этотъ разъ еще циклъ квартетныхъ вечеровъ (числомъ 8), данныхъ гг. Уахилсъ, Ана, Виртъ и Гаусманъ. Объ этихъ вечерахъ знаменитаго маэстро на скрипкѣ можно вообще сказать, что на нихъ образцовымъ обра-

зомъ культивируются благороднѣйшіе и изящнѣйшіе виды инструментальной музыки. Что касается исполненія, то не знаешь чему болѣе удивляться—благозвучію ли тона, или чистотѣ, ясности и живому выраженію идеи сочинителя. Нигдѣ ни малѣйшей тѣни борьбы съ непослушнымъ матеріаломъ. Совершенство въ искусствѣ доведено до такой степени, что мы объ искусствѣ-то и забываемъ. За какого бы то ни было композитора они не взялись, мы всегда слышимъ его сокровеннѣйшую мысль. Вечера для камерной музыки устраивались господами Шарвенкой, давая богатую пищу сердцу и уму. Мы уже упомянули о концертахъ въ зимнемъ саду Центральнаго отеля, а о симфоническихъ концертахъ, которые давалъ Бильзэ въ концертномъ помѣщеніи на Лейпцигской улицѣ, нечего говорить, такъ какъ они извѣстны всему міру. Концерты даваемые въ пользу общества Песталоцци, цѣль котораго—воспитаніе бѣдныхъ дѣтей, давались въ отелѣ де-Ромъ, а въ театрѣ Кролля восьми-лѣтняя піанистка Клона Эйбеншюцъ привлекала многочисленную публику: сила, выдержка и грація, съ которой удивительный ребенокъ передаетъ музыкальныя произведенія Моцарта, Гайдна, Шопена и др., изумительны. Новая академія музыкальнаго искусства устраивала нѣсколько концертовъ въ пѣвческой академіи; эти концерты утвердили репутацію учрежденія, какъ отличнаго образователя піанистовъ. 4 февраля въ оперномъ театрѣ достойнымъ образомъ былъ отпразднованъ юбилей Моцартовской оперы «Идоменео». Изъ всѣхъ музыкальныхъ произведеній оперы скорѣй всего выходятъ изъ моды. Такъ и «Идоменео» болѣе двадцати лѣтъ не являлся передъ лицомъ берлинской публики, а между тѣмъ это такой плодъ, который можетъ созрѣть только при свѣтѣ доведенной до совершенства техники. Великое историческое значеніе «Идоменео» состоитъ въ томъ, что въ немъ очевидно проявляется отношеніе Моцарта къ своимъ предшественникамъ и ясно выказывается, насколько Моцартъ былъ обязанъ своему собственному генію. Исполненіе было ввѣрено самымъ лучшимъ артистамъ и въ главныхъ роляхъ выступили пѣвицы Фоггенгуберъ, Леманъ и Брандтъ и пѣвцы Ниманъ и Бецъ. Посѣщеніе Берлина Францемъ Листомъ, приглашеннымъ присутствовать при постановкѣ пѣвческою академіей его ораторіи «Христосъ», было цѣлымъ событіемъ. Онъ, повидимому, до сихъ поръ сохранилъ въ высокой степени свѣжесть ума и бодрость тѣла. Посѣтители осаждали его съ утра и до вечера, но онъ не уставалъ съ ними бесѣдовать, если они только интересовали его. Послѣ представленія въ честь его былъ данъ вечеръ, на которомъ онъ акомпанировалъ нѣсколько пѣсенъ, а въ 12 часовъ ночи отправился на Ангальдскій вокзалъ встрѣчать Ганса фонъ-Бюлова. На другой день въ домѣ министра двора фонъ-Шлейница былъ большой музыкальный вечеръ, на которомъ присутствовала и императрица.

Но самымъ важнымъ событіемъ, занимавшимъ умы берлинцевъ не менѣе перенесенія столицы, было представленіе «Нибелунговъ», поэта-композитора Рихарда Вагнера. Здѣсь не мѣсто излагать даже приблизительно

ходъ этой исполинской композиціи. Замѣтимъ только, что содержаніе заимствовано изъ нѣмецкаго народнаго эпоса и состоитъ изъ 4 частей: введеніе, Валькирія, Зигфридъ и Валгалла, и поэтому всякій разъ требуетъ 4-хъ вечеровъ.

Давались «Нибелунги» въ театрѣ «Викторія», гдѣ обыкновенно идутъ балеты съ ихъ волшебными превращеніями. Двери королевской оперы для этого произведенія Вагнера до сихъ поръ еще крѣпко закрыты. Билеты всѣ были распроданы. Публика принадлежала къ избранному обществу Берлина; наслѣдный принцъ съ супругой также присутствовалъ на всѣхъ вечерахъ. Даже самые рьяные противники «композитора будущаго» не могли избѣгнуть сильнаго впечатлѣнія этой музыки, и если у насъ въ исполненіи недоставало барейтскаго великолѣпія, то сама музыка дѣйствовала тѣмъ сильнѣе. Настроеніе публики было благоговѣйно, какъ въ церкви; каждый чувствовалъ близость великаго духа. Рихардъ Вагнеръ самъ присутствовалъ. Торжество его было полное и аплодисментамъ не было конца. Не мало выраженій сочувствія досталось и на долю артистовъ, охотно принявшихъ на себя трудную задачу исполненія непомѣрныхъ трудностей этого произведенія. Пѣли по большей части артисты лейпцигскаго театра. За первымъ цикломъ послѣдуетъ рядъ другихъ. На второй уже всѣ билеты распроданы; за иныя мѣста платили 40 марокъ. Драматическая сцена принесла много новаго. Въ одинъ только придворный театръ было прислано 302 новыхъ пьесы. Изъ представленныхъ тамъ я назову только двѣ: «Графиня Леа» Павла Линдау и «Сказочная тетка» Гензихена; другія, кромѣ комедій Эрнста Вихерта, Гуго Бюргера и нѣкоторыхъ другихъ, не пережили перваго представленія. Первая изъ названныхъ пьесъ написана извѣстной линдаусскою манерой: погоня за эффектомъ, остроумные діалоги, мѣстами юморъ и чувствительность, но содержаніемъ своимъ не оставляющая глубокаго впечатлѣнія. Вторая пьеса, сочиненія молодаго писателя, также комедія немного слащавая и невѣроятная, но, благодаря умной игрѣ г-жи Трипъ Блумауеръ, смотрится съ удовольствіемъ и имѣла уже много представленій.

Валлонеровскій театръ поднесъ берлинцамъ опять новинку Адольфа Ларонжа. Пьеса этого сочинителя составляетъ всегда событіе, такъ какъ всегда проводитъ какую-нибудь идею, заимствованную изъ ближайшихъ явленій текущей жизни. Такъ и въ новѣйшемъ его произведеніи «Компаньонъ», комедіи, въ которой герой, являясь и торговымъ компаньономъ и тестемъ, служитъ причиной къ столкновенію. Хотя развязка имѣетъ только слабую связь съ предшествующими явленіями и не вполнѣ удовлетворяетъ зрителя, однако много другихъ хорошихъ качествъ, какъ-то: большое разнообразіе лицъ, прекрасная характеристика, много комическихъ положеній и эффектныя заключительныя сцены—выкупаютъ этотъ недостатокъ, такъ что пьесу эту можно считать одной изъ лучшихъ въ своемъ родѣ. Она навѣрное выдержитъ нѣсколько сотъ представленій.

Ларонжъ теперь пріобрѣлъ Фридрихвильгельмштадтскій театръ. Однако пока въ этомъ театрѣ еще будутъ даваться оперетки, такъ какъ Ларонжъ своими собственными пьесами связанъ еще съ Валлонеровскимъ театромъ. Въ настоящее время идетъ трехъактная оперетка Рихарда Женее. Она мелодична, граціозна, пикантна, хорошо инструментована и пользуется значительнымъ успѣхомъ. Въ столичномъ и національномъ театрахъ даются пьесы сенсаціоннаго содержанія. Въ первомъ изъ нихъ привлекаютъ множество публики актеръ Рабэ, который теперь здѣсь гоститъ, и г-жа Гедвига Ниманъ въ роли Ципріенны въ «Divorçons» Виктора Сарду. Остальные театры также пользуются вниманіемъ публики, благодаря тому, что директоры поддѣлываются подъ скабрёзный вкусъ извѣстной части публики. При этомъ условіи всегда находится достаточное число любопытныхъ и даже любителей.

Литература предъявляетъ длинный списокъ новыхъ сочиненій. Намъ было пріятно узнать, что Соединенные Штаты хотятъ заключить съ Англіей договоръ относительно контрафакціи. По всей вѣроятности, съ такимъ точно предложеніемъ они обратятся и къ Германіи.

Профессоръ Георгъ Эберсъ, знаменитый египтологъ, написалъ новый романъ «Сестры», который, какъ всегда, читается на-расхватъ, а профессоръ Феликсъ Данъ написалъ романъ «Утѣшеніе Одина», переносящій насъ въ Исландію, гдѣ въ одиннадцатомъ столѣтіи Земундъ Зигфуезонъ собиралъ произведенія поэзіи древнихъ скальдовъ—Эдду. Какъ видно, сюжеты изъ древняго міра очень въ модѣ теперь. У насъ также былъ маленькій скандалъ по поводу того, что одинъ нумеръ газеты Berliner Tageblatt былъ конфискованъ за безнравственное содержаніе, изъ-за одного мѣста печатаемаго тамъ романа Фридриха Шпильгагена «Анджела».

Графъ Штильфридъ-Алькантара, ученый, императорскій оберъ-церемоніймейстеръ и профессоръ, и докторъ Бернгардтъ Кутлеръ издали великолѣпное патріотическое сочиненіе: «Гогенцоллерны и германское отечество», въ украшеніи котораго принимали участіе знаменитѣйшіе художники. Эта прекрасная работа доставила графу Штильфриду давно желанный титулъ доктора.

Появившійся въ мартѣ 19-й выпускъ сочиненій генеральнаго штаба о франко-прусской войнѣ 1870—71 года описываетъ конецъ военныхъ операцій. 20-й выпускъ закончитъ сочиненіе описаніемъ заключенія мира.— Къ Энциклопедическому лексикону Мейера, знаменитѣйшей справочной книгѣ, вышелъ второй годичный дополнительный томъ. Я упомяну только о статьяхъ: «Имперское законодательство», «Осуществленіе закона о соціалистахъ», «Фабричное законодательство», «Пластическія искусства», «Медицинскіе освѣтительные аппараты», «Новости о положеніи Россіи въ военномъ отношеніи». Все это—статьи весьма замѣчательныя.

По части юбилеевъ праздновались недавно: 100-лѣтняя годовщина смерти Лессинга, 100-лѣтняя годовщина дня рожденія Шамиссо и 25-ти-лѣтіе

авторской дѣятельности нашего знаменитаго сочинителя комедій-фарсовъ, г. фонъ-Мозера.

Президентъ обще-германскаго союза писателей подалъ мысль объ учрежденіи нѣмецкой имперской библіотеки. Вмѣстѣ съ тѣмъ замѣтно стремленіе посредствомъ хорошихъ патріотическихъ разсказовъ противодѣйствовать пагубнымъ произведеніямъ литературы, распространяющимся въ народѣ черезъ разносчиковъ, и библіотеки для чтенія. Для этой цѣли подъ редакціей Ц. С. Либрехта выходитъ *Народная Библіотека*, на которую обращаютъ живѣйшее вниманіе наслѣдный принцъ, военный министръ графъ Мольтке и всѣ газеты. Уже вышли: «Парецскіе Васильки», «Эпизодъ изъ жизни императора Вильгельма» и «Луиза, ангелъ хранитель Пруссіи» Бруно Гарлеппа.

Весьма серьезнымъ представляется еврейскій вопросъ, волнующій теперь всѣ умы. Бурныя собранія, дикая ненависть партій, агитаціи всѣхъ сортовъ стоятъ теперь на очереди. Адресъ со многими тысячами подписей уже отправленъ къ князю Бисмарку съ просьбой указать извѣстныя границы еврейскому элементу. Онъ отвѣтилъ только тѣмъ, что росписался въ полученіи, но антисемиты смотрятъ на это уже какъ на побѣду. Старшины города, люди прогресса, къ тому же имѣющіе въ своей средѣ евреевъ, сильно возстаютъ противъ этого движенія. Студенчество также собирается въ кружки, чтобы поддержать нѣмецкій духъ въ оппозиціи еврейскому. Органы этихъ партій подливаютъ масла въ огонь, доводятъ возбужденіе до фанатизма, и невольно спрашиваешь себя, чѣмъ это кончится.

З. G.

Хроника французской жизни.

III *).

Монетная конференція.—Эмиль де-Жирарденъ и его вліяніе на журналистику.—Тунисское столкновеніе.—Генералъ Сиссэ и графиня Каула.—Кандидатура парижскаго депутата.—Страстная недѣля.—Проповѣдники.—«Лига народнаго образованія» и основатель ея Массэ.—Взглядъ Гамбетты на направленіе народнаго образованія.—Педагогическій конгрессъ.—Собраніе ученыхъ обществъ въ Сорбонѣ.—Чтеніе Энгельгардта въ залѣ «Стараго дуба».—Совѣщаніе партіи рабочихъ въ Манильмонтанѣ.—Сходка одной изъ партій соціалистовъ въ залѣ «de la Redoute».—Жюль Гедъ.—Успѣхъ комедіи Пайльерона «Le monde ou l'on j'ennuit».—Романъ Шербилье «Noirs et rouges».— Новый романъ Гектора Мало «La femme d'argent».—Продолженіе записокъ Меттерниха.—Музей Тьера.—Маркизъ де-ла-Валетъ и Мюзаръ.

Въ Парижѣ засѣдаетъ монетная конференція, въ которой принимаютъ участіе делегаты государствъ, наиболѣе заинтересованныхъ въ этомъ вопросѣ. Нѣсколько лѣтъ тому назадъ, въ виду открытія новыхъ золотыхъ розсыпей въ Калифорніи и Австраліи, поднялся вопросъ о томъ, не слѣдуетъ ли удержать за однимъ только золотомъ значеніе мѣновой монеты и отнять у серебра его теперешнее значеніе Г. Дюма, человѣкъ весьма ученый, указалъ въ сенатѣ, въ январѣ 1870 года, важное значеніе этого вопроса, а нѣсколько ранѣе того, въ 1869 г., баронъ Альфонсъ Ротшильдъ высказался за полезность удержанія за обоими металлами полной свободы цѣнности. Напомнивъ, что безъ употребленія серебра Франція не могла бы въ такой значительной степени участвовать въ промышленномъ движеніи, начавшемся въ 1852 году, онъ замѣтилъ, что то первенствующее значеніе, которое серебро утратило со времени распространенія калифорнскаго и австралійскаго золота, въ будущемъ можетъ быть снова имъ пріобрѣтено вслѣдствіе открытія новыхъ розсыпей, и, наконецъ, утвердительно заявилъ, что изъятіе серебра изъ обращенія будетъ лишь безполезною потерей значительныхъ цѣнностей. Въ отвѣтъ тѣмъ, которые, изъ необдуманной и преувеличенной любви къ упрощенію, требовали введенія единства нормальной

*) *Русская Мысль*, кн. V.

монетной мѣры, Людвигъ Воловской, съ полною компетентностью своихъ экономическихъ познаній, утверждалъ, что нѣтъ и не можетъ быть никакой нормальной мѣры единицы цѣнности, такъ какъ невозможно приравнять постоянно и неизбѣжно измѣняющуюся монету ни къ метру, который никогда не укорачивается, не удлиняется, ни въ литру, который никогда не сжимается и не расширяется, причемъ сдѣлалъ слѣдующее остроумное уподобленіе: «Какъ маятникъ, предназначенный для измѣренія времени, пользуется противуположными дѣйствіями двухъ металловъ, изъ которыхъ онъ сдѣланъ, точно также золото и серебро, одновременно пущенныя въ ходъ, не допускаютъ рѣзкихъ скачковъ цѣны; совмѣстное обращеніе этихъ двухъ металовъ—маятникъ-компенсаторъ, примѣненный къ экономическимъ оборотамъ». Чернуски (Cernuschi) въ своей прекрасной книгѣ «Механика торговли» пишетъ: «Міръ минераловъ даетъ намъ два тѣла, одинаково способныя служить намъ въ качествѣ монеты. Зачѣмъ же дѣлать выборъ между ними? Развѣ изгоняютъ изъ употребленія дерево ради того, что и каменный уголь способенъ горѣть?»

Латинскій союзъ, образованный изъ четырехъ государствъ, подписавшихъ монетный договоръ 1865 г., т. е. изъ Франціи, Бельгіи, Швейцаріи и Италіи, подвергся, десять лѣтъ спустя, весьма чувствительнымъ измѣненіемъ, особенно вслѣдствіе изъятія изъ обращенія серебра въ Германской имперіи. Тогда какъ Франція и Италія строго держались договора ради общности своихъ интересовъ, а Бельгія оставалась солидарной съ Франціей, хоть и опасалась вторженія металла, изгнаннаго Германіей,—Швейцарія склонилась на сторону новой имперіи. Франціи слѣдовало охранить себя отъ пониженія цѣнности серебра,—требовалось или пріостановить, или совершенно прекратить на нѣкоторое время его чеканку, что и было сдѣлано.

Теперь, когда Соединенные Штаты снова производятъ уплату звонкою монетой, а Италія стремится къ отмѣнѣ принудительнаго курса, необходимость въ огромномъ количествѣ звонкой монеты даетъ себя настоятельно чувствовать какъ на Транзальпинскомъ полуостровѣ, такъ и въ великой Заокеанійской республикѣ. Все это даетъ Франціи въ монетномъ вопросѣ двухъ сильныхъ союзниковъ. Но Германія, признавшая только золото за единственную законную монету, упорно стоитъ за моно-металлизмъ. За нею слѣдуетъ и Англія, употребляющая въ Европѣ исключительно только золото, а въ Индіи—серебро; Бельгія, вмѣстѣ съ Скандинавскими государствами, какъ кажется, также склоняется скорѣе на сторону нѣмецкой системы.

При такомъ положеніи дѣла и въ виду того, что вопросъ этотъ слишкомъ важенъ для Франціи и Италіи, гдѣ перемѣна системы въ смыслѣ исключенія серебра можетъ произвести монетный кризисъ, кажется всего вѣроятнѣе, что конференцію затянутъ, дабы дать время и возможность взволновать общественное мнѣніе въ Англіи. Таково въ настоящее время

стараніе Чернуски и Луццатти (Luzzatti), опытныхъ и знающихъ делегатовъ Франціи и Италіи.

Говорили о Тьерѣ, будто бы онъ во-время умеръ. И дѣйствительно, онъ сошелъ въ могилу въ самомъ разгарѣ своей борьбы съ непопулярною властью, и Парижъ, который такъ еще недавно былъ-имъ безжалостно обузданъ, видѣлъ въ немъ одного изъ своихъ защитниковъ въ борьбѣ, отъ исхода которой зависѣла судьба республики. Эмиль де-Жирарденъ умеръ слишкомъ поздно. За его ратоборство противъ маршала Макъ-Магона парижане въ тѣ дни устроили бы ему торжественныя похороны, теперь же въ глазахъ рабочаго населенія онъ одинъ изъ вожаковъ партіи опортюнистовъ. Любопытенъ образъ этого человѣка, жившаго исключительно политикой, но любившаго ее не ради ея самой, а ради выгодъ, которыя она ему приносила. Источникомъ какъ его безграничнаго скептицизма, такъ и никогда не покидавшаго его стремленія выдвинуться и пролѣзть было, повидимому, его рожденіе. Онъ былъ сыномъ одного изъ генераловъ первой имперіи, Александра де-Жирарденъ, но сыномъ побочнымъ,—матерью его была m-me Дюпюи, жена одного изъ лицъ судебнаго вѣдомства. Родители его только и заботились о томъ, чтобы какъ-нибудь избавиться отъ компрометирующаго ихъ ребенка. Они отдали его на руки одному изъ конюховъ конскаго завода въ Пенѣ (Pin) и отецъ до такой степени забылъ о существованіи своего сына, что даже впослѣдствіи, гораздо позднѣе, никакъ не могъ вспомнить годъ его рожденія, и Эмиль де-Жирарденъ, не имѣя никакихъ документовъ, могъ возстановить свое метрическое свидѣтельство только на основаніи одного записаннаго въ нотаріатѣ акта, причемъ день своего рожденія ему пришлось обозначить приблизительно. Будучи мелкимъ чиновникомъ, подъ именемъ Деламота, онъ, благодаря лишь своей настойчивости, открылъ, кто его отецъ, и, не спрашивая у него позволенія, принялъ его имя. Въ своей первой книгѣ онъ открыто высказалъ тѣ убѣжденія, которыя руководили его жизнью: «Слава,—говоритъ онъ,—пустое лишь слово: въ немъ не слышится звона денегъ. Республика и Наполеонъ истощили силу энтузіазма. Богатство—вотъ религія дня, эгоизмъ—духъ вѣка. Чтобы выйти изъ мрака неизвѣстности, одно только средство: ройте землю ногтями, если нѣтъ у васъ инструментовъ, но ройте до тѣхъ поръ, пока не дойдете до сокровищъ скрытыхъ въ ея нѣдрахъ». Тамъ же онъ обзываетъ фригійскій чепецъ — эмблему свободы—вывѣской меркантильныхъ стремленій и увѣряетъ, что въ наше время лучшій талантъ заключается въ умѣньи пользоваться дарованіями другихъ. Обогатить себя, родившагося бѣднякомъ, и открыть себѣ посредствомъ добытыхъ милліоновъ доступъ въ то общество, которое съ презрѣніемъ отнеслось къ нему за проступокъ другаго—такова была цѣль его жизни. И онъ преслѣдовалъ ее съ необыкновенной энергіей. Не получивъ въ наслѣдство ничего, кромѣ ума, онъ тратилъ его на распространеніе идей, какого бы качества онѣ ни были, лишь бы только можно было выгодно

пустить ихъ въ оборотъ. Набивая карманъ при помощи софизмовъ въ такое время, когда никто не знаетъ чему вѣрить, онъ всегда умѣлъ выставить въ выгодномъ свѣтѣ свои пышныя и звучныя фразы, блестѣвшія съ виду какъ золото, а въ сущности бывшія замаскированною ржавчиной и гнилью. Онъ совершилъ переворотъ въ журналистикѣ, создавши дешевые газетные листки, основавъ ихъ процвѣтаніе на объявленіяхъ и на денежныхъ субсидіяхъ иностранныхъ правительствъ и финансовыхъ компаній. Не разъ сравнивалъ онъ газету со стѣной, на которой ея собственникъ за извѣстное вознагражденіе можетъ выставлять какія угодно объявленія. Всегда услужливый, всегда любезный въ своихъ частныхъ сношеніяхъ съ людьми, онъ никогда ничѣмъ не стѣснялся въ своихъ дѣлахъ и если съумѣлъ избѣжать скамьи подсудимыхъ, то во всякомъ случаѣ потерялъ уваженіе общества. République Française, органъ Гамбетты, заявляетъ, что Эмиль де-Жирарденъ вѣрилъ въ законность всякаго успѣха и что онъ не пренебрегалъ никакимъ случаемъ, чтобы добыть денегъ одинаково какъ въ то время, когда онъ терпѣлъ нужду въ нихъ, такъ и тогда, когда онъ не зналъ, что съ ними дѣлать,—онъ составлялъ свои убѣжденія приноравливаясь къ ходу событій и мѣнялъ ихъ чуть не ежедневно. Жирарденъ былъ для Вильмессана тѣмъ, чѣмъ былъ Талейранъ для Фуше. Вильмессанъ, который самъ былъ въ своемъ родѣ Жирарденъ, только низшей пробы, преклонялся передъ этимъ дѣльцомъ en grand. Figaro разсказываетъ, какъ Вильмессанъ отправился однажды къ Жирардену за совѣтомъ по какому-то дѣлу и какъ этотъ послѣдній, выслушавъ, отвѣтилъ ему, что еслибъ онъ, Вильмессанъ, считалъ это дѣло дѣйствительно стоющимъ, то не пошелъ бы сообщать ему о немъ, а попытался бы самъ его испробовать. Figaro замѣчаетъ при этомъ, что Эмиль де-Жирарденъ интересовался знаменитостями только соотвѣтственно ихъ репутаціи,—геніальный человѣкъ для него существовалъ лишь на столько, на сколько его репутація была освящена благоволеніемъ общества, и талантъ онъ цѣнилъ лишь по той матеріальной выгодѣ, которую онъ можетъ приносить лицу, обладающему имъ. Его мечтою было сдѣлаться префектомъ полиціи или министромъ. Онъ никогда не пользовался достаточнымъ для этого уваженіемъ, но, служа своимъ журналомъ извѣстнымъ партіямъ, онъ нѣсколько разъ принималъ депутаціи, присылавшіяся въ отплату за оказанныя услуги. Большинство парижскихъ журналистовъ—его ученики. Не имѣя своихъ собственныхъ убѣжденій, онъ никогда не оскорблялся ничьимъ мнѣніемъ и тщеславился тѣмъ, что пустилъ въ ходъ такое множество разныхъ идей; никто меньше его не заботился о достоинствѣ возбужденныхъ имъ мыслей и вопросовъ. Его сочиненія представляютъ собою сборникъ интересныхъ цитатъ и противорѣчивыхъ парадоксовъ. Онъ, между прочимъ, не признавалъ за обществомъ права казнить и требовалъ, чтобы всѣ носили материнское, а не отцовское имя. Онъ писалъ и театральныя пьесы. Директору одного изъ

театровъ, заявившему ему, что публика находитъ неправдоподобнымъ содержаніе его піесы «Supplice d'une femme», онъ отвѣчалъ: «да вѣдь это же самое произошло у меня въ семьѣ!» Онъ состоялъ на жалованьи у двухъ посольствъ и у множества банкировъ. Умеръ онъ съ полнымъ присутствіемъ духа. Припадокъ односторонняго паралича случился съ нимъ во время представленія въ «Gymnase» новой пьесы «Monte Carlo». Докторъ не скрылъ отъ него, что онъ безнадеженъ. До самой послѣдней минуты своей жизни онъ не переставалъ принимать своихъ друзей и интересовался новостями дня до тѣхъ поръ, пока новый припадокъ не сразилъ его окончательно. Старѣйшій изъ парижскихъ редакторовъ, онъ, какъ только какой-либо изъ его журналовъ начиналъ процвѣтать, продавалъ его за большія деньги, потомъ покупалъ другой по низкой цѣнѣ и затѣмъ снова перепродавалъ его съ барышомъ. Во всемъ, что происходило вокругъ него, онъ видѣлъ лишь матеріалъ для своихъ передовыхъ статей, въ которыхъ лучшимъ, единственно хорошимъ было его ратоборство за свободу личности, за свободу печати, которымъ онъ постоянно оставался вѣренъ. Противъ нападковъ, и подчасъ весьма справедливыхъ, онъ всегда защищался съ горячностью. Кромѣ того, у него подъ рукой повсюду были люди причастные какимъ-нибудь образомъ къ политикѣ или къ тайной полиціи; они всегда были au courant событій, и это давало ему возможность зажимать ротъ тѣмъ изъ его противниковъ, прошлое которыхъ было не особенно чисто. Онъ оставилъ послѣ себя громадное состояніе. Если Людовикъ XV унизилъ достоинство королевской власти, то Эмиль де-Жирарденъ унизилъ званіе журналиста. Онъ показалъ, что, бросая въ глаза общества софизмы на политической подкладкѣ, можно ослѣпить и морочить его. Онъ показалъ, сколько снисхожденія общество оказываетъ тому, кто его презрѣнію противупоставляетъ свои милліоны. Онъ остается идеаломъ для того, кто свое перо заставляетъ служить своимъ личнымъ интересамъ, кто въ чувствѣ совѣсти видитъ только нервозность, которую слѣдуетъ притупить, въ идеяхъ — шары, которыми подобно акробату жонглируютъ съ цѣлью вызвать аплодисменты у толпы для полученія отъ нея крупныхъ подачекъ, для достиженія благъ земныхъ и, главное, для наживы денегъ и денегъ.

Жирарденъ умеръ напутствуемый священникомъ. Эдуардъ Эрве *) разсказываетъ, что однажды въ какомъ-то салонѣ принцъ Наполеонъ воскликнулъ: «Развѣ есть еще католики?!» Жирарденъ отвѣтилъ ему, что одинъ дѣйствительно есть, такъ такъ, объяснилъ онъ, «на свѣтѣ какъ въ сферѣ религіи, такъ и національности существуютъ нѣчто въ родѣ клѣтокъ. Я родился въ клѣткѣ католической точно такъ же, какъ и въ клѣткѣ французской, и остаюсь какъ въ той, такъ и въ другой». Ультрамонтанскій органъ «l'Univers» перомъ Эженя Вейлло поручаетъ душу Жирардена

*) Главный редакторъ журнала *Soleil*.

праведнымъ. Univers утверждаетъ, что Жирарденъ никогда не находилъ своевременнымъ говорить о Богѣ и если онъ отзывался дурно о церкви, то и никогда не былъ ея ярымъ противникомъ. Изъ всей наружности Жирардена самымъ замѣчательнымъ была пара черныхъ и блестящихъ глазъ, похожихъ на глаза галки. То же самое замѣтилъ Наполеонъ I у Бурьенния, своего секретаря, какъ и Жирарденъ жаднаго на деньги.

Палата справляетъ еще вакаціи. Она спѣшила отложить на время свои занятія. Ея послѣднія засѣданія были похожи на классную комнату въ какомъ-нибудь учебномъ заведеніи передъ роспускомъ на вакаціонное время, когда школьники тѣ да не тѣ. Палата спѣшила одобрить всѣ дѣйствія правительства. Напрасно нѣкоторые депутаты пытались выставлять сомнѣнія насчетъ конституціоннаго характера экспедиціи противъ туниецевъ: во всемъ виноватыми оказались крумиры и палата предоставила рѣшеніе вопроса дуламъ Шаспо.

А тунисское дѣло продолжаетъ идти своимъ путемъ. Нападеніе крумировъ имѣетъ такое же малое значеніе, какъ, напримѣръ, ружейные выстрѣлы, которыми обмѣниваются на границахъ контрабандисты съ пограничною стражей сосѣдняго государства. Чтобъ оправдать себя, французское правительство продолжаетъ повторять на всѣ лады, что бея погубили совѣты Италіи и каждая телеграмма повѣствуетъ публикѣ о хитростныхъ продѣлкахъ Маччіо, итальянскаго консула въ Тунисѣ. Но еслибъ этого Маччіо и не было, тунисскому бею не было бы легче. Рустанъ, французскій консулъ, заявилъ ему, что съ того момента, когда онъ былъ надлежащимъ образомъ извѣщенъ о вступленіи французской арміи на его территорію, никто не долженъ въ это дѣло вмѣшиваться. Довольно новая теорія. Въ дѣйствительности же Франціи, послѣ десятилѣтняго отдыха, просто захотѣлось немножко подраться и она нашла вполнѣ своевременнымъ порасшириться вдоль Средиземнаго моря, между тѣмъ какъ Италія предпочла бы, чтобы Франція порастянулась лучше по направленію къ Мороккo, чѣмъ по окраинамъ африканскихъ береговъ, столь близкихъ къ Сициліи.

Въ то самое время, когда наши почтенные господа депутаты уже укладывали свои пожитки, появился вдругъ отчетъ о слѣдствіи по дѣлу генерала Сиссэ,—отчетъ, ограничивающійся лишь утвержденіемъ того, что ничего не было найдено такого, что могло бы служить уликой противъ бывшаго военнаго министра, хотя нѣкоторые изъ его подчиненныхъ и заслуживаютъ порицанія. Составители отчета настолько любезны, что не называютъ этихъ господъ по именамъ, и вотъ г. Сиссэ оправданъ и, мало того, даже увѣнчанъ и прославленъ, такъ какъ друзья его, чтобы достойнымъ образомъ отпраздновать это событіе, тотчасъ же порѣшили по подпискѣ поднести ему почетную саблю. До сихъ поръ почетныя сабли давались въ воспоминаніе какихъ-либо иныхъ заслугъ, а не за побѣду надъ коммиссіей, которая ничего такъ не страшилась, какъ остаться по-

бѣдительницей. Разъ Сиссэ не виновенъ, то въ чемъ была бы виновность m-me де Каулла? За одно ужъ возстановлена и ея честь. Радикальные листки, чтобъ уколоть генерала, предложили поднести графинѣ Каулла—pro pudor—почетные панталоны! Чтобы понять, какое отношеніе ко всему этому могутъ имѣть эти панталоны, надо знать, что эта дама имѣла процессъ съ своей бѣлошвейкой по поводу разукрашенныхъ гербами панталонъ, которыя, по ея мнѣнію, были поставлены ей въ счетъ слишкомъ дорого. Надъ процессомъ этимъ публика долго потѣшалась.

Наслѣдованіе кресла депутата IX округа, которое занималъ Эмиль де-Жирарденъ, оспаривается теперь Эрве, Анатолемъ де-ла-Форжемъ и Ранкомъ. Эрве — человѣкъ душой и тѣломъ преданный орлеанскимъ принцамъ. Онъ редактируетъ Soleil, журналъ хорошо поставленный и дешевый, любимый среднею буржуазіей и преданный идеѣ реставраціи графа Парижскаго. Анатоль де-ла-Форжъ—давнишній редакторъ Siècle, журнала читаемаго всѣми французскими виноторговцами. Невыдающійся литераторъ, онъ проявилъ свою энергію и присутствіе духа какъ префектъ Сен-Кантена, при защитѣ этого города отъ нѣмцевъ. Ранкъ сотрудничаетъ въ Voltaire. Радикалъ въ сферѣ религіи, онъ является опортюнистомъ въ вопросахъ соціальныхъ. Онъ былъ префектомъ полиціи въ делегаціи засѣдавшей въ Турѣ въ 1870 году и будетъ вѣроятно префектомъ парижской полиціи, если только Гамбетта одержитъ верхъ на будущихъ общихъ выборахъ.

Страстная недѣля въ Парижѣ не отличается по внѣшней своей обстановкѣ ничѣмъ особеннымъ отъ отстальныхъ дней въ году. Тѣмъ не менѣе однако бываетъ большое стеченіе народа въ церквахъ, гдѣ духовенство полагаетъ во гробъ Христа съ театральнымъ эффектомъ, часто дѣйствительно замѣчательнымъ. Изобиліе цвѣтовъ, мрачная драпировка, освѣщеніе, благодаря которому холстъ производитъ на зрителя впечатлѣніе дѣйствительности, обращаютъ христіанскій храмъ въ какую-то діораму.

Страсти Господни—благодатная тема для проповѣдниковъ. Въ Парижѣ они грѣшатъ излишнею декламаціей. Въ настоящее время самый модный проповѣдникъ—преподобный о. Монсабре. Ученый богословъ, онъ обладаетъ свѣтлымъ, глубокимъ умомъ, но сердечной теплоты у него мало. Его предмѣстникъ въ церкви Nôtre Dame, преподобный о. Гіацинтъ, также проповѣдуетъ теперь въ церкви улицы d'Arras. Эта церковь помѣщается въ прежней клубной залѣ. Бѣлыя стѣны придаютъ ей видъ какой-то протестантской церкви; оно и кстати: о. Гіацинтъ самъ вполнѣ *протестантъ*. Онъ въ одно и то же время протестуетъ и противъ католицизма, и противъ протестанства, и противъ раціонализма. У него звучный голосъ; онъ можетъ безъ утомленія говорить въ продолженіе цѣлыхъ двухъ часовъ; временами у него появляются прекрасныя мысли. Въ великую пятницу онъ былъ краснорѣчивъ, особенно тогда, когда говорилъ, что Христосъ претерпѣлъ смерть ради того, чтобы не было больше ни евреевъ, ни язычниковъ, ни

мужчинъ, ни женщинъ, ни хозяевъ, ни рабовъ,—никого, кромѣ христіанъ; а между тѣмъ все-таки есть и евреи, есть и невѣрующіе язычники, есть и бѣдные,—однимъ словомъ, царство Божіе еще не сошло на нашу землю. Итакъ, надо, чтобъ оно сошло, чтобъ исчезла рознь между людьми, чтобы не было больше ни мужей-угнетателей, ни жестокосердыхъ и алчныхъ богачей, ни обездоленныхъ массъ.

Генрихъ Гейне въ одномъ мѣстѣ говоритъ, что католическій священникъ всегда имѣетъ самодовольный видъ представителя какого-нибудь большаго торговаго дома, богатаго и имѣющаго повсюду большія торговыя связи, тогда какъ протестанскій пасторъ похожъ на агента какого-нибудь мелкаго промышленника, который не довольствуется тѣмъ, что хвалитъ свой товаръ, а считаетъ своею непремѣнною обязанностью ругать издѣлія конкуррента. Въ этой новой галликанской церкви публика ведетъ себя весьма прилично. Маленькій сынъ о. Гіацинта въ дѣйствительности гораздо красивѣе, чѣмъ на знаменитомъ портретѣ, возбудившемъ столько толковъ на послѣдней картинной выставкѣ. Этимъ портретомъ о. Гіацинтъ и его супруга, изображая себя вмѣстѣ съ своимъ отпрыскомъ, желали выразить на полотнѣ (что̀ подтверждаетъ сама надпись) свое удовольствіе, давъ новаго служителя Предвѣчному Богу. Пѣніе у нихъ происходитъ на французскомъ языкѣ, но преплохомъ. О. Гіацинтъ не созданъ реформаторомъ. Бѣгутъ слушать Саванаролу, но вмѣсто вдохновеннаго обличенія приходится слушать бесѣду, испорченную различными заимствованіями, напыщенностію духовнаго витійства и уснащенную богословскими діатрибами.

Вопросъ о воспитаніи выдвинутъ республикой на первую очередь. Въ этомъ отношеніи много уже сдѣлано. Бюджетъ народнаго просвѣщенія при Луи-Филиппѣ ограничивался только 8 милліонами, тогда какъ бюджетъ вѣроисповѣданій превосходилъ 40 милліоновъ; во времена имперіи первый поднялся лишь на нѣсколько милліоновъ, точно также какъ и второй; въ настоящее же время на народное просвѣщеніе ассигнуется 48 милліоновъ, а на вѣдомство вѣроисповѣданій—60.

Однимъ изъ самыхъ главныхъ затрудненій, которое во Франціи препятствовало развитію начальнаго обученія и на которое натолкнулся законъ Гизо 1833 года, заключалось не въ стремленіи къ экономіи, а скорѣе въ боязни раздражить духовенство, всѣми силами стремившееся во всякой общинѣ наложить руку на воспитаніе. Не довольствуясь полнымъ господствомъ въ начальной школѣ, выражавшимся не только въ наблюденіи за обязательнымъ обученіемъ катехизису, но и въ правѣ даренія сельскому учителю земли при церкви, въ которой, ради возможности существовать, онъ долженъ былъ дѣлаться причетникомъ, — духовенство, по закону 1850 года, добилось постоянно учащавшейся замѣны свѣтскихъ учителей «братьями христіанскаго ученія». Отсюда въ общественномъ мнѣніи возникло движеніе противъ воспитанія, даваемаго въ школахъ основанныхъ и руководимыхъ духовными конгрегаціями, стре-

мившимися воспитаніемъ молодаго поколѣнія побороть идеи, порожденныя великою революціей.

Имперія, которая, въ самомъ началѣ своего существованія, показала себя столь благосклонной къ духовенству, видя въ немъ средство для охраненія себя, кончила тѣмъ, что должна была положить предѣлъ этому ежедневному захвату: Персиньи, въ качествѣ министра внутреннихъ дѣлъ, всѣми силами старался помѣшать успѣшнымъ дѣйствіямъ общества «S. Vincent de Paul»; Дюруи, бывшій ученикъ Мишле, былъ уполномоченъ, какъ министръ народнаго просвѣщенія, поднять снова университетское и свѣтское образованіе.

Въ то же самое время, помимо всякаго оффиціальнаго вліянія, нѣсколько человѣкъ, проникнутыхъ демократическими идеями, основали «лигу народнаго образованія». Они задумали стремиться къ тому, чтобы не было ни одного неграмотнаго француза. Жанъ Массэ, человѣкъ простой и усердный, по природѣ своей какъ бы созданный быть сельскимъ учителемъ, образовалъ первую группу этой лиги въ одномъ изъ селеній Альзаса. Съ наступленіемъ третьей республики лига разрослась и окрѣпла: ее стали поддерживать не только общественное мнѣніе и пресса, но и всѣ авторитетныя въ этомъ дѣлѣ лица.

Въ Парижѣ былъ созванъ конгрессъ всѣхъ обществъ, преслѣдующихъ цѣль аналогичную съ повсемѣстнымъ распространеніемъ свѣтскаго образованія. Этотъ конгрессъ имѣлъ въ большой праздничной залѣ Трокадеро свое заключительное торжественное засѣданіе, подъ предсѣдательствомъ Гамбетты, который выразилъ, хотя и нѣсколько напыщенно, но вполнѣ основательно, Жану Массэ благодарность за труды его на пользу народнаго образованія. Гамбетта, по своему обыкновенію, говорилъ очень долго. Особенно была подхвачена слѣдующая фраза: «Мы желаемъ воспитанія, разбивающаго вздорныя, несбыточныя мечты, софизмы и вѣру въ абсолютное,—воспитанія, основаннаго на открытіяхъ въ области чистыхъ наукъ». Если выдѣлить изъ этихъ фразъ тотъ пылъ, съ которымъ подобныя фразы обыкновенно произносятся, и разсмотрѣть ихъ поближе, то придется лишь удивляться ихъ пустотѣ. Очевидно, что свободный, ничѣмъ не стѣсняемый анализъ всего есть принадлежность современнаго общества и что общественное воспитаніе не должно тому препятствовать; но что же это будетъ за общество, въ которомъ всѣ дѣти будутъ воспитаны съ зародышемъ сомнѣнія, съ презрѣніемъ ко всякому принципу и съ основами нравственности, мѣняющейся по прихоти страстей и интересовъ минуты? А къ этому именно и ведетъ указанная Гамбеттой система воспитанія. Изгнаніе понятія о безусловномъ и потрясеніе вѣры въ него грозитъ большой опасностью всему общественному строю. Неужели понятіе о безусловности—софизмъ? Развѣ не приносятся жертвы на пользу отечества, во имя чести, абсолютной правды, безусловной и безпредѣльной любви? Неужели все на свѣтѣ условно, относительно, предѣльно?

Такіе взгляды, какъ тотъ, который высказанъ Гамбеттой, нравственно обезсиливаютъ и разслабляютъ юношество и награждаютъ общество недодѣланными патріотами и случайно-честными людьми. «Дѣлай что должно, выполняй свои обязанности, а тамъ будь, что будетъ»—вотъ принципъ, единственно держась котораго человѣкъ во многихъ случайностяхъ и превратностяхъ жизни можетъ устоять на стезя правды и долга. Какъ бы ни была полезна нынѣшняя реакція противъ рутины и уродства воспитанія, даваемаго конгрегаціями, она, къ сожалѣнію, впадаетъ въ другія крайности и сама не чужда заблужденій, хоть бы въ той, напримѣръ, увѣренности, что наука даетъ отвѣты на все и способна удовлетворить всѣмъ требованіямъ. Можно вѣдать всѣ новѣйшія открытія, можно знать послѣдніе результаты научныхъ изслѣдованій въ области математическихъ наукъ—и быть въ то же время преплохимъ гражданиномъ. Массэ, будучи однимъ изъ главныхъ борцовъ противъ вредныхъ, по его мнѣнію, для дѣтей волшебныхъ сказокъ, написалъ «Исторію кусочка хлѣба». Читая эту книгу, ребенокъ узнаетъ, какъ дѣлается хлѣбъ и какъ онъ переваривается въ желудкѣ. Какое ужасное поколѣніе дѣтей-старцевъ будемъ имѣть мы, если въ дѣлѣ воспитанія восторжествуетъ это крайне-позитивное направленіе! Волшебныя сказки—поэзія младенческихъ лѣтъ, на крыльяхъ сновидѣній уносившія насъ въ битву съ драконами, рисовавшія намъ дальнія страны полныя чаръ—развѣ ничего уже не оставили въ насъ? Тотъ, кто въ снахъ дѣтства своего охранялъ царевну отъ лютыхъ драконовъ и кудесниковъ злыхъ, всегда протянетъ руку помощи ближнему въ бѣдѣ. Сказки въ дѣтствѣ вселяютъ въ насъ вѣру въ чудесное, въ чары, заговоры и талисманы,—впослѣдствіи мы перестаемъ искать этихъ чаръ и омулетовъ въ нутрѣ какой-либо рыбы и, перенеся эту волшебную, все претворяющую силу въ глубину сокровенныхъ изгибовъ нашей души, нашего сердца, вѣримъ по крайней мѣрѣ, что предъ всепобѣждающей силой любви и вѣры въ правду безсильна злоба и не страшны темныя стороны жизни людской. Неужели всему этому суждено исчезнуть? А похоже на то, что инженеру суждено быть послѣднимъ актомъ, вѣнцомъ творенія. Маленькія дѣвочки изучаютъ строеніе желудка; первыя тайны, открываемыя мальчуганамъ, суть тайны паровика. Игрушками дѣтямъ служатъ маленькіе телеграфы, паровички, маховые колесики. Желѣзныя дороги служатъ къ быстрому передвиженію, телеграфы—къ быстрому обмѣну извѣстій, а то и другое нужно для быстрой наживы. Деньги—счастье, и когда всякій поселянинъ постигнетъ систему половаго подбора, ученіе о борьбѣ за существованіе и увѣруетъ, что единственный соціальный и нравственный законъ заключается въ томъ, чтобы быть не пожираемымъ другими, а другихъ пожирающимъ, тогда, по словамъ Массэ и его единомышленниковъ, на землѣ наступитъ райское житье... Не былъ бы только тотъ рай адомъ, боимся мы. Образованіе хорошо, если мы смотримъ на него какъ на орудіе прогресса прежде всего нравственнаго и уже затѣмъ—матеріальнаго.

что возбуждаетъ общій смѣхъ зрителей. Профессоръ-спиритуалистъ старается съ глазу на глазъ изложить теорію Платона одной молодой и богатой англичанкѣ, ученой педанткѣ. Здѣсь мы присутствуемъ при повтореніи сцены у каштановъ въ «Свадьбѣ Фигаро». Авторъ, не заботясь особенно о правдоподобности, заставляетъ всѣхъ своихъ дѣйствующихъ лицъ снять маски и обнаружить другъ передъ другомъ свои затаенныя поползновенія. Въ темной оранжереѣ профессоръ и англичанка предаются компрометирующей ихъ болтовнѣ; герцогиня и графиня, явившіяся туда съ цѣлью подстеречь Сюзанну, слышатъ этотъ дуэтъ, точно также какъ и разговоръ субпрефекта и его жены, недавно обвѣнчанныхъ и ищущихъ повсюду уголковъ, чтобы нацѣловаться въ сласть и ругающихъ усыпляющую атмосферу того салона, изъ котораго они только-что вырвались. Наконецъ, слѣдуетъ появленіе сначала Сюзанны, думающей, что сюда придетъ ея опекунъ для свиданія съ англичанкой, потомъ самого опекуна, подозрѣвающаго, что Сюзанна влюблена въ профессора. Все заканчивается двойною свадьбой: профессора-спиритуалиста съ ученою дочерью Альбіона и опекуна съ Сюзанной. Привлекательность комедіи заключается главнымъ образомъ въ томъ, что она вся отъ доски до доски блещетъ остроуміемъ. Вотъ какими словами охарактеризованъ представленный свѣтскій кругъ: «Это одинъ изъ тѣхъ кружковъ, гдѣ судятъ и осуждаютъ, гдѣ педантизмъ замѣняетъ науку, сантиментальность—чувство, жеманство—деликатность,—гдѣ говорятъ не то, что думаютъ, и думаютъ не то, что говорятъ,—гдѣ частое посѣщеніе есть политика, дружба—разсчетъ и даже любезность—не болѣе какъ средство успѣха,—мірокъ, въ которомъ входящій уже въ передней строитъ физіономію соотвѣтствующую царящей въ немъ скукѣ—словомъ, кругъ людей старающихся во что бы то ни стало слыть серьезными».

Субпрефектъ, котораго герцогиня упрекаетъ въ томъ, что онъ республиканецъ, отвѣчаетъ: «да, я былъ респубиканцемъ; это политическая *краснуха*, которою переболѣли мы всѣ». Обвиняли Пайльерона въ томъ, что онъ подражаетъ «Précieuses ridicules» и «Mariage de Figaro». Что правда, то правда. Пайльеронъ, подобно Мольеру, осмѣиваетъ зло, которое далеко не ново, но на которое мы смотримъ совсѣмъ уже другими глазами, чѣмъ какими смотрѣли на него наши отцы. Доказательствомъ того, что Пайльеронъ попалъ не въ бровь, а прямо въ глазъ, служитъ то обстоятельство, что всякій непремѣнно хотѣлъ видѣть въ этой пьесѣ изображеніе салона г-жи Эдмондъ-Адамъ и фигуру профессора Каро. Быть-можетъ онъ у нихъ позаимствовалъ только одну какую-нибудь черту, но вѣдь у насъ не одинъ такой салонъ и не одинъ только профессоръ въ этомъ родѣ. Пьеса сыграна была въ совершенствѣ. Постоянные посѣтители Comédie Française съ удовольствіемъ встрѣтили появленіе Магдалины Броканъ въ роли герцогини. Какъ въ «Свадьбѣ Фигаро», всѣ дѣйствующія лица Пайльерона умны, даже можетъ-быть слишкомъ умны, но у Пайльерона нѣтъ ни мѣт-

каго ума Мольера, ни насквозь проникающаго сарказма Бомарше. Въ его комедіи, кромѣ Сюзанны, которая, спасшись отъ господствующей вокругъ нея заразы, еще слишкомъ дитя, чтобы судить объ окружающемъ ее обществѣ, нѣтъ ни одного дѣйствующаго лица, которое было бы вполнѣ самостоятельно. Симпатичная парочка—субпрефектъ и его жена—посмѣиваются тайкомъ надъ тѣмъ, чему они удивлялись вслухъ, но и они признаютъ въ то же время, что ради повышенія стòитъ полицемѣрить. Вмѣстѣ съ Пайльерономъ нынѣшнее французское общество смѣется надъ самимъ собой, какъ бывало смѣялись наши предки во время представленія «Свадьбы Фигаро». Это смѣхъ людей, которые сознаютъ себя плутами и ханжами, даже радостно кричать о томъ съ подмостокъ и нисколько не раскаиваются, ибо ни у кого изъ нихъ нѣтъ никакихъ убѣжденій. Мольеръ противупоставляетъ ханжамъ людей искреннихъ и прямыхъ; Бомарше и Пайльеронъ такихъ вокругъ себя, повидимому, не нашли.

Существуетъ цѣлая категорія романовъ, въ наше время замѣнившая собою секретныя «записки» или «мемуары», столь цѣнившіеся въ XVIII вѣкѣ. Тогда печатали въ Голландіи скандалёзныя хроники высшаго свѣта отдѣльными томами, а теперь ихъ помѣщаютъ въ фельетонахъ. Однако теперь не всегда рѣшаются слишкомъ явно обрисовывать существующихъ лицъ, служащихъ автору для составленія романа, и я нигдѣ не встрѣчалъ, чтобы были названы лица, послужившія типами для романа «Noirs et Rouges» Виктора Шербюлье (Victor Cherbuliez).

Викторъ Шербюлье оставилъ свою обычную манеру и вдохновляется теперь различными событіями, о которыхъ говоритъ въ данный моментъ весь Парижъ и которыя забываются на другой же день. Пріемъ довольно удобный и весьма распространенный между нынѣшними французскими писателями. Разработка внутренняго міра замѣнена наблюденіемъ надъ внѣшнею, окружающею насъ, жизнію. Такъ, въ одномъ изъ романовъ насъ познакомили съ похожденіями г-жи Сантерръ, захваченной мужемъ въ ресторанѣ и ускользнувшей отъ него въ костюмѣ поваренка. Покойный герцогъ де-Морни послужилъ матеріаломъ двумъ романистамъ, и не только на «царей въ изгнаніи», проматывающихъ въ Парижѣ послѣднія крохи своего достоянія, наводится эта немилосердая зрительная труба, но любопытство не оставляетъ въ покоѣ и болѣе мелкихъ лицъ Бравей (Bravay), промышленникъ, обобравшій египетскаго вице-короля съ тѣмъ, чтобы потомъ въ Парижѣ самому быть обобранному людьми, болѣе ловкими, чѣмъ онъ, былъ крайне удивленъ, вдохновивши своею персоной извѣстнаго романиста (Alphonse Daudet, «Le nabab».) Шербюлье въ своемъ новомъ романѣ не даетъ намъ ни одного истиннаго типа. Его Бонтарель—не кто иной какъ шоколатный фабрикантъ, Менье, жившій близъ парка Монсо, въ домѣ подобномъ дворцу, помогавшій своими деньгами ультра-радикальнымъ листкамъ и проповѣдывавшій налогъ на капиталъ; это былъ одинъ изъ тѣхъ промышленниковъ, которые выставляютъ

былъ депутатъ Бароде (Barodet). Энгельгардтъ читалъ Онъ распространялся о чудесахъ современныхъ открытій и о противорѣчіи научныхъ данныхъ съ библейскимъ текстомъ. Многое позаимствовано было у Дрэпера. Послѣ него Клемансо сталъ нападать на министерство, обвиняя его въ томъ, что оно вело войну съ конгрегаціями болѣе въ воображеніи, чѣмъ въ дѣйствительности, при чемъ высказалъ требованіе, чтобы церковь и духовенство подчинены были дѣйствію общаго для всѣхъ гражданъ права. Всякая выходка оратора противъ духовенства встрѣчаема была аплодисментами, равно какъ и всякій намекъ на политику опортюнизма. Хотя Клемансо и заявилъ себя ярымъ противникомъ Гамбетты, но всѣмъ хорошо извѣстно, что ему не долго сдѣлаться такимъ же опортюнистомъ. У него, пожалуй, нѣсколько болѣе, чѣмъ у Гамбетты, ясныхъ и опредѣленныхъ политическихъ мнѣній, но за то онъ менѣе краснорѣчивъ.

3 мая въ большой залѣ «Menil montant», т. е. въ томъ страшномъ Белльвильскомъ округѣ, который сдѣлался парижскимъ Mont Aventin, происходила конференція другаго рода, созванная по иниціативѣ нѣкоторыхъ руководителей рабочей партіи съ цѣлью опредѣлить положеніе, которое должна будетъ занять эта партія на предстоящихъ выборахъ. Та манера, съ какою правительственныя лица умѣютъ заставить suffrage universel дѣйствовать къ своей выгодѣ, поселила въ большинствѣ рабочихъ нѣкотораго рода сомнѣніе въ полезности того, что они всегда считали лучшимъ и вѣрнѣйшимъ средствомъ къ своему освобожденію. Всякій разъ, какъ только проявлялось подобнаго рода колебаніе, ораторы, опираясь на опытъ прошлаго времени, старались противупоставить ему замѣчаніе, что ежели suffrage universel и не всегда дѣйствовалъ вполнѣ хорошо, то въ этомъ избиратели должны были винить прежде всего сами себя, и къ этому постоянно прибавляли совѣтъ, чтобы передъ избирательной урной рабочіе воздерживались отъ всякой односторонности, чтобъ они, собравъ воедино всѣ свои голоса, высказались за тѣхъ,—будутъ ли то рабочіе или нѣтъ,—которые, они знаютъ, искренно преданы ихъ дѣлу и прежній образъ жизни коихъ ручается за прочность ихъ убѣжденій, ибо, говорили они, было бы страшною ошибкой предполагать, что идеи составляютъ все, а сами люди — ничего, тогда какъ, наоборотъ, идеи живутъ именно благодаря людямъ, которые ихъ въ себѣ воплощаютъ, и многіе примѣры показываютъ, что интересамъ рабочихъ могутъ измѣнить и сами рабочіе, даже скорѣе, чѣмъ какой-либо буржуа.

Въ Парижѣ скоро долженъ будетъ собраться конгрессъ рабочихъ. Въ ожиданіи его, одна группа соціалистовъ старается подобрать себѣ единомышленниковъ. Она называетъ себя «collectiviste révolutionnaire». Одинъ изъ пропагандистовъ, Жюль Гедъ (Jules Guede), объявилъ, что въ залѣ «de la Redoute» будутъ происходить пренія. Я отправился туда. Зала была совершенно полна, публики было 600—700 человѣкъ. Жюль Гедъ—

молодой еще человѣкъ, проведшій послѣ событій коммуны нѣсколько лѣтъ внѣ Франціи. Онъ не лишенъ нѣкоторой талантливости; онъ страдаетъ грудью и потому голосъ у него слабъ, но за то у него есть нѣкоторое изящество рѣчи. Принадлежитъ онъ по своему происхожденію къ хорошей семьѣ изъ судебнаго міра. Прежде онъ занимался журналистикой, въ настоящее же время онъ сдѣлался простымъ рабочимъ—типографщикомъ. Это не вожакъ партіи, но излюбленный представитель извѣстной ея группы. Все, что онъ говоритъ, критически разбирая положеніе современнаго общества съ экономической точки зрѣнія, всегда вызываетъ аплодисменты; но когда онъ переходитъ къ проповѣдуемой имъ новой организаціи, его положенія становятся менѣе ясными и потому въ большинствѣ слушателей возбуждаютъ недоумѣніе. Онъ требуетъ, чтобы весь капиталъ и всѣ орудія труда, при помощи революціоннаго движенія и въ случаѣ необходимости силою, были отданы въ диктаторское распоряженіе рабочихъ группъ, съ тѣмъ однако, чтобы продукты дѣлились соразмѣрно участію въ производствѣ каждаго отдѣльнаго лица. У него было потребовано объясненіе: что представляютъ собою эти коллективно-дѣйствующія группы—общину, націю или человѣчество? Онъ отвергаетъ собственность общинную и корпоративную, точно также какъ и индивидуальную. На это ему возразили, что если одно только государство можетъ быть собственникомъ, то, кромѣ некомпетентности его въ дѣлѣ производства, не слѣдуетъ забывать, что большинство часто бываетъ большимъ деспотомъ, чѣмъ отдѣльныя лица. Этимъ неопредѣленнымъ теоріямъ коллективизма одинъ изъ ораторовъ противупоставилъ теорію корпоративной автономіи, въ силу которой ремесленныя корпораціи зависятъ только сами отъ себя и пользуются правомъ рѣшать дѣла, касающіяся ихъ, вполнѣ самостоятельно.

Возражавшіе Геду доказывали, что если въ государствѣ возможно подраздѣленіе собственности на имущества государственныя, общественныя и частныя, то безъ всякаго нарушенія какихъ-либо основъ права возможно образованіе имуществъ корпоративныхъ, при чемъ общее собраніе корпораціи, выкупивъ у частныхъ собственниковъ то или другое зданіе, машины и т. п., подраздѣляло бы ихъ на имущество находящееся въ пользованіи цѣлой корпораціи или одной-какой либо рабочей артели. Такой порядокъ не исключалъ бы и частной собственности. Какъ на нѣчто подобное указывалось на неотчуждаемое имущество, существующее въ настоящее время въ одной изъ корпорацій, и имущество такъ-называемыхъ анонимныхъ обществъ.

Въ средѣ рабочихъ, посѣщающихъ сходки, проявляется сильная склонность къ ученію. Организація же сходокъ далеко неудовлетворительна. Во-первыхъ, требуется объ открытіи сходки каждый разъ предварительно заявлять мѣстнымъ властямъ, съ указаніемъ вопросовъ и предметовъ подлежащихъ обсужденію сходки. При этомъ невозможно установленіе правильной періодичности открытія сходокъ, чрезъ что теряется между ними

всякая связь и послѣдовательность. На сходкахъ говорятъ преимущественно тѣ, которые принадлежатъ къ группѣ, созвавшей ее. Поднимаемые вопросы не только не выясняются, но всего чаще извращаются и затемняются. Такъ какъ для сходокъ постоянныхъ помѣщеній не имѣется, да и самая публика ихъ посѣщающая часто мѣняется, то для покрытія расходовъ по найму залы и на другія нужды дѣла приходится назначать плату за входъ; обыкновенно взимаютъ по 50 сантимовъ. Все это, съ одной стороны, уменьшаетъ число посѣтителей, а съ другой—дѣлаетъ ораторовъ чѣмъ-то въ родѣ актеровъ, такъ какъ они цѣнятся организаторами всего болѣе соотвѣтственно количеству публики, привлекаемой ими въ залу. Этому горю нисколько не помогъ даже и новый законъ о правѣ сходокъ, вотированный въ палатахъ, такъ какъ онъ все еще не признаетъ ихъ періодичности.

Установился обычай праздновать національныя годовщины и даже годовщины различныхъ партій. Даже тѣ, которые нѣсколько лѣтъ тому назадъ считались во Франція въ высшей степени опасными, какъ, напр., легитимисты и коммунары, теперь безпрепятственно празднуютъ: первые—день Св. Генриха, а вторые—годовщину парижскаго возстанія 18 марта, причемъ общественное спокойствіе ни въ Парижѣ, ни гдѣ-либо въ другомъ мѣстѣ никогда не было нарушено. Въ великую пятницу въ различныхъ кварталахъ Парижа устраиваемы были скоромные обѣды, на которыхъ члены «свободной мысли» провозглашали торжественно свое полное отрѣшеніе отъ христіанства и публично заявляли о своемъ безбожіи. Правительство преспокойно предоставило имъ говорить все, что душѣ ихъ было угодно.

Возстаютъ противъ духа завоеванія, противъ духа нетерпимости, а забываютъ не менѣе губительный бичъ—духъ царящій въ гостиныхъ, въ такъ-называемыхъ салонахъ. Гостиная—это сборище рабовъ, рабовъ моды, рабовъ рутины и въ политикѣ, и въ литературѣ. Тамъ заботятся не о томъ, чтобы *быть*, но чтобы *казаться*, стремятся прикрыть различными ловкими штуками недостатокъ знаній, опустошительную работу лѣтъ, заставляютъ молчать свою совѣсть, покланяются кумиру дня и тѣмъ, которые могутъ вознаградить за учиненное въ честь ихъ кажденіе. Восхвалять позорную политику, восторгаться нелѣпою трагедіей, удивляться самому обыкновенному, пошлому уму, восхищаться поддѣльною красотой—вотъ репертуаръ свѣтскаго человѣка. Ремесло это обращается до такой степени въ привычку, что его начинаютъ любить ради его самого. Тамъ ханжество и лицемѣріе обязательны. Тотъ только прокладываетъ себѣ вѣрный путь, кто умѣетъ кстати скрывать свои чувства и выставлять такія, которыхъ у него нѣтъ. Сплошь и рядомъ случается, что какая-нибудь изъ этихъ лабораторій репутаціи людей зависитъ отъ какого-либо деспота въ женскомъ образѣ. Въ XVII вѣкѣ Мольеръ осмѣивалъ «Précieuses ridicules», заставлявшихъ талантливыхъ людей уступать пер-

венство ничтожествамъ, пользовавшимся протекціей царицъ всемогущихъ кружковъ. И вотъ Эдуардъ Пайльеронъ (Eduard Pailleron) замѣтилъ, что и въ наше время точно также существуетъ этотъ губительный *свѣтъ*,—свѣтъ, враждебный всякому проявленію какой-либо самостоятельности и преисполненный интригъ. И если Пайльеронъ не рискнулъ сдѣлать этотъ свѣтъ предметомъ ѣдкой сатиры, то по крайней мѣрѣ въ своей драмѣ онъ зло остритъ надъ нимъ. Съ добродушнымъ комизмомъ онъ въ трехъ актахъ подсмѣивается надъ «скучнымъ людомъ» (таково названіе пьесы), то-есть надъ кружкомъ, гдѣ за испытываемую вами скуку вамъ платятъ лестью и синекурами, щедро раздаваемыми направо и налѣво. Пайльеронъ видимо не особенно утруждалъ свое воображеніе. Онъ прямо вводитъ насъ въ одинъ изъ тѣхъ салоновъ, гдѣ раздаютъ портфели и каѳедры, и представляетъ намъ нѣкую герцогиню, чрезвычайно любезную и нѣсколько легкаго поведенія, которая весьма охотно пропѣла бы вмѣстѣ съ Беранже:

«Ah, que je regrette mon bras si dodu
Et ma jambe bien faite, et le temps perdu»....

У этой герцогини—племянница, графиня, страстно желающая повелѣвать и протежирующая тѣмъ, кто подчиняется ей. Среди всѣхъ этихъ маріонетокъ одна только дѣвочка проявляетъ независимый характеръ и нѣкоторую живость. Это Сюзанна—дитя любви. Отъ суровости и сухости окружающей свѣтской атмосферы спасли ее лишь несчастное ея рожденіе и тѣ оскорбленія, которыя оно ей приноситъ. Ея смѣхъ и ея наивность идутъ совершенно въ разрѣзъ съ педантизмомъ и надутою спѣсью салона, въ которомъ умѣетъ говорить вполнѣ свободно. Она любитъ, сама того не подозрѣвая, своего опекуна, сына графини, молодаго человѣка, воспитаннаго въ строгости и предназначаемаго своею матерью къ изученію археологіи; но любовь эмансипируетъ его. Комедіи однако недостаетъ живости дѣйствія. Зритель присутствуетъ при обморокахъ, причиняемыхъ однимъ лишь видомъ моднаго профессора, которому спиритуализмъ служитъ средствомъ для того, чтобы кружить головы своихъ слушательницъ, съ восторгомъ содѣйствующихъ его успѣхамъ; въ сосѣдней залѣ поэтъ-академикъ читаетъ свою новую трагедію и всякій разъ, какъ только дверь немного пріотворяется, цѣлыя тирады, долетающія до слуха публики, возбуждаютъ смѣхъ; нѣкій субпрефектъ, старающійся всячески пролѣзть въ префекты, постоянно пичкаетъ свою молодую супругу наставленіями, какъ должна она держать себя при томъ общественномъ положеніи, которое она теперь занимаетъ. Онъ такъ исправно ее вышколилъ, что она говоритъ не иначе, какъ различными сентенціями, которыя она приписываетъ безразлично всѣмъ тѣмъ писателямъ, имена которыхъ пользуются почетомъ въ академическихъ салонахъ. Выраженіе, наприм., «какъ говоритъ Токквиль»—повторяется ею такъ часто,

что возбуждаетъ общій смѣхъ зрителей. Профессоръ-спиритуалистъ старается съ глазу на глазъ изложить теорію Платона одной молодой и богатой англичанкѣ, ученой педанткѣ. Здѣсь мы присутствуемъ при повтореніи сцены у каштановъ въ «Свадьбѣ Фигаро». Авторъ, не заботясь особенно о правдоподобности, заставляетъ всѣхъ своихъ дѣйствующихъ лицъ снять маски и обнаружить другъ передъ другомъ свои затаенныя поползновенія. Въ темной оранжереѣ профессоръ и англичанка предаются компрометирующей ихъ болтовнѣ; герцогиня и графиня, явившіяся туда съ цѣлью подстеречь Сюзанну, слышатъ этотъ дуэтъ, точно также какъ и разговоръ субпрефекта и его жены, недавно обвѣнчанныхъ и ищущихъ повсюду уголковъ, чтобы нацѣловаться въ сласть и ругающихъ усыпляющую атмосферу того салона, изъ котораго они только-что вырвались. Наконецъ, слѣдуетъ появленіе сначала Сюзанны, думающей, что сюда придетъ ея опекунъ для свиданія съ англичанкой, потомъ самого опекуна, подозрѣвающаго, что Сюзанна влюблена въ профессора. Все заканчивается двойною свадьбой: профессора-спиритуалиста съ ученою дочерью Альбіона и опекуна съ Сюзанной. Привлекательность комедіи заключается главнымъ образомъ въ томъ, что она вся отъ доски до доски блещетъ остроуміемъ. Вотъ какими словами охарактеризованъ представленный свѣтскій кругъ: «Это одинъ изъ тѣхъ кружковъ, гдѣ судятъ и осуждаютъ, гдѣ педантизмъ замѣняетъ науку, сантиментальность—чувство, жеманство—деликатность,—гдѣ говорятъ не то, что думаютъ, и думаютъ не то, что говорятъ,—гдѣ частое посѣщеніе есть политика, дружба—разсчетъ и даже любезность—не болѣе какъ средство успѣха,—мірокъ, въ которомъ входящій уже въ передней строитъ физіономію соотвѣтствующую царящей въ немъ скукѣ—словомъ, кругъ людей старающихся во что бы то ни стало слыть серьезными».

Субпрефектъ, котораго герцогиня упрекаетъ въ томъ, что онъ республиканецъ, отвѣчаетъ: «да, я былъ республиканцемъ; это политическая *краснуха*, которою переболѣли мы всѣ». Обвиняли Пайльерона въ томъ, что онъ подражаетъ «Précieuses ridicules» и «Mariage de Figaro». Что правда, то правда. Пайльеронъ, подобно Мольеру, осмѣиваетъ зло, которое далеко не ново, но на которое мы смотримъ совсѣмъ уже другими глазами, чѣмъ какими смотрѣли на него наши отцы. Доказательствомъ того, что Пайльеронъ попалъ не въ бровь, а прямо въ глазъ, служитъ то обстоятельство, что всякій непремѣнно хотѣлъ видѣть въ этой пьесѣ изображеніе салона г-жи Эдмондъ-Адамъ и фигуру профессора Каро. Быть-можетъ онъ у нихъ позаимствовалъ только одну какую-нибудь черту, но вѣдь у насъ не одинъ такой салонъ и не одинъ только профессоръ въ этомъ родѣ. Пьеса сыграна была въ совершенствѣ. Постоянные посѣтители Comédie Française съ удовольствіемъ встрѣтили появленіе Магдалины Брокапъ въ роли герцогини. Какъ въ «Свадьбѣ Фигаро», всѣ дѣйствующія лица Пайльерона умны, даже можетъ-быть слишкомъ умны, но у Пайльерона нѣтъ ни мѣт-

каго ума Мольера, ни насквозь проникающаго сарказма Бомарше. Въ его комедіи, кромѣ Сюзанны, которая, спаслись отъ господствующей вокругъ нея заразы, еще слишкомъ дитя, чтобы судить объ окружающемъ ее обществѣ, нѣтъ ни одного дѣйствующаго лица, которое было бы вполнѣ самостоятельно. Симпатичная парочка—субпрефектъ и его жена—посмѣиваются тайкомъ надъ тѣмъ, чему они удивлялись вслухъ, но и они признаютъ въ то же время, что ради повышенія стóитъ полицемѣрить. Вмѣстѣ съ Пайльерономъ нынѣшнее французское общество смѣется надъ самимъ собой, какъ бывало смѣялись наши предки во время представленія «Свадьбы Фигаро». Это смѣхъ людей, которые сознаютъ себя плутами и ханжами, даже радостно кричатъ о томъ съ подмостокъ и нисколько не раскаиваются, ибо ни у кого изъ нихъ нѣтъ никакихъ убѣжденій. Мольеръ противупоставляетъ ханжамъ людей искреннихъ и прямыхъ; Бомарше и Пайльеронъ такихъ вокругъ себя, повидимому, не нашли.

Существуетъ цѣлая категорія романовъ, въ наше время замѣнившая собою секретныя «записки» или «мемуары», столь цѣнившіеся въ XVIII вѣкѣ. Тогда печатали въ Голландіи скандалёзныя хроники высшаго свѣта отдѣльными томами, а теперь ихъ помѣщаютъ въ фельетонахъ. Однако теперь не всегда рѣшаются слишкомъ явно обрисовывать существующихъ лицъ, служащихъ автору для составленія романа, и я нигдѣ не встрѣчалъ, чтобы были названы лица, послужившія типами для романа «Noirs et Rouges» Виктора Шербюлье (Victor Cherbuliez).

Викторъ Шербюлье оставилъ свою обычную манеру и вдохновляется теперь различными событіями, о которыхъ говоритъ въ данный моментъ весь Парижъ и которыя забываются на другой же день. Пріемъ довольно удобный и весьма распространенный между нынѣшними французскими писателями. Разработка внутренняго міра замѣнена наблюденіемъ надъ внѣшнею, окружающею насъ, жизнію. Такъ, въ одномъ изъ романовъ насъ познакомили съ похожденіями г-жи Сантерръ, захваченной мужемъ въ ресторанѣ и ускользнувшей отъ него въ костюмѣ поваренка. Покойный герцогъ де-Морни послужилъ матеріаломъ двумъ романистамъ, и не только на «царей въ изгнаніи», проматывающихъ въ Парижѣ послѣднія крохи своего достоянія, наводится эта немилосердая зрительная труба, но любопытство не оставляетъ въ покоѣ и болѣе мелкихъ лицъ Бравей (Bravay), промышленникъ, обобравшій египетскаго вице-короля съ тѣмъ, чтобы потомъ въ Парижѣ самому быть обобранному людьми, болѣе ловкими, чѣмъ онъ, былъ крайне удивленъ, вдохновивши своею персоной извѣстнаго романиста (Alphonse Daudet, «Le nabab».) Шербюлье въ своемъ новомъ романѣ не даетъ намъ ни одного истиннаго типа. Его Вонтарель—не кто иной какъ шоколатный фабрикантъ, Менье, жившій близъ парка Монсо, въ домѣ подобномъ дворцу, помогавшій своими деньгами ультра-радикальнымъ листкамъ и проповѣдывавшій налогъ на капиталъ; это былъ одинъ изъ тѣхъ промышленниковъ, которые выставляютъ

себя охотно поборниками убѣжденій Сенъ-Жюста и Робеспьера, но стушевались бы передъ каждымъ новымъ Робеспьеромъ и непремѣнно были бы казнены. Этотъ Менье, замѣтивъ однажды, что его шоколатъ началъ блѣднѣть, а у него запасено было его на цѣлый милліонъ, обѣщалъ сто тысячъ франковъ тому, кто укажетъ ему вѣрное средство сбыть его. И вотъ такой ловкій человѣкъ выискался: «Публикуйте въ газетахъ,—сказалъ онъ,—что *одинъ только шоколатъ Менье блѣднѣетъ съ годами*, и заплатите мнѣ обѣщанную сумму, если вамъ удастся сбыть весь вашъ товаръ». Совѣтъ оказался такъ удаченъ, что когда весь этотъ старый шоколатъ былъ распроданъ, покупатели уходили съ неудовольствіемъ, не находя уже болѣе своего побѣлѣвшаго шоколата, а остроумный совѣтникъ получилъ свои сто тысячъ франковъ. Самъ Менье, выручивъ свой милліонъ, попалъ въ депутаты. Онъ чванился и неслыханною роскошью своихъ праздниковъ, и крайнею смѣлостью экономическихъ теорій, пропагандировавшихся на его счетъ.

Подъ именемъ m-lle Молабре, въ романѣ Шербюлье, выведена m-lle Прево-Парадоль. Отецъ ея былъ сыномъ одной знаменитой актрисы. Ему приписывали столько же отцовъ, сколько Гомеру мѣстъ рожденія. Достовѣрно извѣстно только то, что при самомъ вступленіи его на жизненное поприще у него было столько же покровителей, сколько у его матери поклонниковъ. Онъ воевалъ съ имперіей въ «Journal des Débats» до тѣхъ поръ, пока Наполеонъ III, по его мнѣнію, не вступилъ на путь мира и не усвоилъ нѣкоторыхъ тенденцій орлеанистовъ. Послѣ этого онъ присоединился къ нему, принялъ постъ французскаго министра въ Вашингтонѣ и уже тамъ узналъ, что Наполеонъ III объявилъ войну Пруссіи. Тогда онъ понялъ, какъ несвоевременно было его сближеніе, и съ отчаянія пустилъ себѣ пулю въ лобъ. Его дочь, красавица и обладательница большаго состоянія, поступила въ монастырь. Тамъ увѣряли ее, что отецъ ея убилъ себя въ припадкѣ сумасшествія и что эта болѣзнь у него была наслѣдственной; ей доказывали, что всякій самоубійца—проклятъ и что дочери такого тяжкаго грѣшника не остается ничего болѣе, какъ погребсти свое горе въ стѣнахъ монастыря, — и она уступила наконецъ послѣднимъ соображеніямъ. Шербюлье, напротивъ, выставляетъ такую Прево-Парадоль, которая успѣваетъ отдѣлаться отъ этихъ нашептываній и которую отъ погребенія себя въ монастырѣ спасаетъ любовь. Поискавъ хорошенько, можно было бы дать настоящія имена и всѣмъ остальнымъ дѣйствующимъ лицамъ романа «Noirs et Rouges», начиная, наприм., съ кокетки и интриганки, маркизы де-Муасье, и кончая благочестивою матерью Амаліей, посвятившею себя всецѣло уходу за больными и благоденствію своего монастыря; но я хотѣлъ только указать здѣсь на то, какъ одновременно съ уменьшеніемъ числа писателей, влагающихъ душу въ свои произведенія, увеличивается контингентъ такихъ, изъ коихъ одни ломаютъ себѣ голову изобрѣтеніемъ невозможныхъ ком-

бинацій, а другіе занимаются придумываніемъ различныхъ варьяцій на одну изъ тѣхъ тысячи темъ, которыя составляютъ предметъ разговора въ парижскихъ салонахъ.

Если кто-нибудь часто посѣщалъ госпитали или частныя лѣчебницы, то навѣрно не разъ замѣчалъ радость и удовольствіе на лицѣ доктора, открывшаго какой-нибудь хорошій случай болѣзни. Помню, съ какимъ ужасомъ я разсматривалъ одну женщину, у которой языкъ былъ громаднѣйшихъ размѣровъ; устроены были особеннаго рода подставки для поддержки этого гигантскаго языка и приходилось прибѣгать къ чрезвычайно замысловатой процедурѣ, чтобы накормить больную. «Когда же она выздоровѣетъ?»—спросилъ я у доктора.—«Никогда,—отвѣчалъ онъ.—Ужь лучше пусть она умретъ скорѣе!»—«Что вы, помилуйте!»—«Да вѣдь это одинъ изъ самыхъ рѣдкостныхъ случаевъ, которые намъ только приходилось видѣть».—И вотъ Гекторъ Мало выбралъ именно одинъ изъ подобныхъ рѣдкостныхъ случаевъ и описываетъ намъ его. Дѣло идетъ о женщинѣ, которая страстно любитъ своего мужа, своихъ дѣтей и вполнѣ счастлива, но которая безъ всякаго увлеченія продаетъ себя съ единственною цѣлью скопить побольше денегъ и избѣжать въ будущемъ всякой возможности впасть въ бѣдность. Авторъ, правда, упоминаетъ, что ея дѣтство протекло въ страшной нуждѣ, откуда и вытекла ея боязнь нищеты. Но такъ какъ мужъ ея стоитъ на пути прочнаго благоденствія, то и страхъ передъ недостаткомъ необходимаго кажется непонятнымъ, по крайней мѣрѣ проявленіе его въ силѣ достаточной для того, чтобы подвинуть женщину на позоръ. Мало того, она любитъ своихъ дѣтей, а это чувство особенно способно посѣять сѣмя добра и удержать отъ зла. Если мы забудемъ недостатокъ въ правдоподобіи главныхъ данныхъ, то должно сознаться, что въ отдѣлкѣ деталей видна опытная и искусная рука человѣка много писавшаго. Очень удобно этотъ романъ передѣлать въ пятиактную драму. Мужъ управляетъ банкирскою конторой одного человѣка, ведущаго разгульную жизнь, который и радъ свалить на его плечи всѣ хлопоты. Сынъ банкира раззоряется на жену управляющаго и кончаетъ покражей чека отцовской конторы, на которомъ онъ дѣлаетъ подложную подпись. Полиція открываетъ, что движимое имущество жены управителя превышаетъ во сто разъ то, которое извѣстно ея мужу; ее арестовываютъ. Банкиръ выручаетъ ее изъ рукъ полиціи. Кассиръ, чтобы не повредить своимъ дѣтямъ, скрываетъ отъ нихъ позоръ ихъ матери; у нихъ остаются пріобрѣтенные ихъ матерью милліоны, а самъ онъ бѣжитъ въ Одессу. Такая развязка даетъ возможность автору наградить насъ безчисленнымъ количествомъ романовъ, продолжающихъ эту гнусную исторію.

Два новые тома «Мемуаровъ Меттерниха» пополняютъ то, что мы уже знаемъ относительно самообольщенія этого государственнаго человѣка. Подобно тому дѣйствующему лицу, не помню какой комедіи, которое увѣ-

ряло, что изъ всѣхъ его многочисленныхъ добродѣтелей онъ всего болѣе доволенъ своею скромностью, Меттернихъ во всѣхъ случаяхъ, которыхъ онъ былъ свидѣтелемъ въ продолженіе своей долгой карьеры, почти ничѣмъ другимъ въ мемуарахъ своихъ не восхищается, какъ только самимъ собой. Онъ точно пишетъ ихъ передъ зеркаломъ. Въ запискахъ этихъ новаго ничего нѣтъ, кромѣ развѣ нѣкоторыхъ политическихъ подробностей, относящихся къ началу нынѣшняго столѣтія. Авторъ записокъ то свидѣтельствуетъ о поразительномъ эффектѣ своего присутствія, то восторгается устойчивостью теорій, которыя теперь уже не въ ходу, и несокрушимостію учрежденій, изъ которыхъ теперь одни совсѣмъ уже рушились, а другія покачнулись. Сухость его сердца просвѣчиваетъ въ письмахъ, написанныхъ имъ по случаю смерти жены и сына; они могли бы даже служить образцомъ въ какомъ-нибудь письмовникѣ. Онъ удостоиваетъ замѣтить, что Наполеонъ I «былъ человѣкъ мужественный» и что «въ другомъ мѣстѣ и въ другое время онъ могъ бы быть даже великимъ», и ужасно недоволенъ «Меморіаломъ Св. Елены», который онъ называетъ романомъ изъ жизни императора. Онъ утверждаетъ, что Наполеонъ Ласъ-Казеса такъ же похожъ на историческаго Наполеона, какъ Ахиллесъ «Иліады» похожъ на дѣйствительнаго Ахиллеса. Но если Ласъ-Казесъ и умалилъ своего героя, за то Наполеонъ I оставилъ намъ свои безсмертные листки, тогда какъ слава записокъ Меттерниха не велика. И какой же особенной откровенности можно намъ ждать отъ человѣка, сказавшаго по поводу мемуаровъ m-me Кампанъ, въ которыхъ она разсказываетъ о послѣднихъ годахъ царствованія Маріи-Антуанеты: «Здѣсь подрывается уваженіе ко всему. Вообще не слѣдуетъ подвергать анализу столь высокопоставленныхъ особъ». Меттернихъ хотѣлъ бы, чтобы никто, подъ страхомъ наказанія, не дерзалъ изслѣдывать жизнь какого-нибудь монарка или государственнаго человѣка. Столь надутый пустымъ тщеславіемъ, Меттернихъ не могъ особенно нѣжно относиться и къ своимъ сотрудникамъ, а между тѣмъ по всей справедливости можно было бы къ нему самому примѣнить его собственныя сужденія о Гентцѣ *): «Гентцъ любитъ все маленькое и боится всего, что не таково». У этого великаго жреца политическаго застоя проявляются иногда признанія такого рода: «Современное общество клонится къ своему упадку, и ничто не можетъ быть остановлено ни въ мірѣ духовномъ, ни въ мірѣ физическомъ». Онъ сознается самъ, что провелъ свою жизнь, «занимаясь подпираніемъ сгнившихъ и источенныхъ червями зданій». Это можетъ-быть единственная высказанная имъ истина и оспаривать ее мы не будемъ.

Въ Луврѣ существовалъ такъ-называемый «Музей государей», въ которомъ сохранялись различныя старинныя вещи, въ числѣ которыхъ была

---

*) Одинъ изъ редакторовъ манифестовъ Священнаго Союза и одинъ изъ самыхъ дѣятельныхъ его поборниковъ.

и знаменитая аустерлицкая шпага. Послѣ 4 сентября 1870 года правительство возвратило всѣ эти вещи частнымъ лицамъ, ихъ собственникамъ, предоставившимъ ихъ Лувру подъ тѣмъ лишь условіемъ, что, въ случаѣ закрытія музея, они, то-есть собственники, вступаютъ снова въ обладаніе этими историческими вещами. Въ настоящее время поднятъ вопросъ, какъ бы утилизировать всѣ эти вещи, помѣстивъ ихъ въ «Музей Тьера». Тьеръ завѣщалъ Франціи свою коллекцію предметовъ, цѣнность которыхъ довольно сомнительна. Онъ составлялъ ее чрезвычайно эклектически, перемѣшивая напримѣръ китайскія вещи съ предметами эпохи возрожденія. Если во время его путешествій его поражала какая-нибудь статуя, онъ заказывалъ съ нея копію. Вещицамъ, изъ которыхъ нѣкоторыя весьма драгоцѣнны, скорѣе пристало бы фигурировать въ какомъ-либо музеѣ прикладныхъ искусствъ, чѣмъ въ Луврѣ, гдѣ онѣ для посѣтителя нисколько не замѣнятъ отсутствія національныхъ старинныхъ памятниковъ, взамѣнъ которыхъ онѣ помѣщены.

Недавно скончался маркизъ де-ла-Валеттъ (de la Valette); это былъ одинъ изъ болѣе затертыхъ министровъ въ царствованіе Наполеона III. Онъ удалился отъ дѣлъ, когда его государь, благодаря вліянію Морни и Оливье, сталъ дѣйствовать либерально. Смерть этого государственнаго человѣка, бывшаго два раза министромъ, произвела меньшее впечатлѣніе, нежели кончина Мюзара, который былъ не болѣе какъ мужъ извѣстной красавицы. Отецъ послѣдняго основалъ одинъ изъ тѣхъ «Concerts», куда подъ предлогомъ слушанія музыки отправлялись возиться съ барынями полусвѣта. Онъ самъ женился на одной изъ нихъ; у ней вскорѣ появились великолѣпный отель и прелестные экипажи. Въ полномъ блескѣ богатства и красоты она сошла съ ума, томилась два года въ одной изъ частныхъ лѣчебницъ и оставила послѣ себя четыре милліона своимъ дальнимъ родственникамъ и столько же своему мужу, который однако не долго пользовался этимъ наслѣдствомъ.

Лѣтнее время привлекаетъ массу публики на скачки. Долина Логшанъ, гдѣ онѣ происходятъ, превращается въ громадную игорную залу, въ которой рискуетъ своими трудовыми грошами мелкій людъ и бросаютъ на вѣтеръ легко доставшіяся колоссальныя суммы именитые члены Жокей-Клуба.

W***

РУМЫНІЯ И ЕЯ ОТНОШЕНІЯ КЪ РОССІИ, АВСТРІИ И СЛАВЯНАМЪ.

10-го мая состоялось торжественное коронованіе короля Карла румынскаго.

Преобразованіе Соединенныхъ Придунайскихъ княжествъ въ Румынское королевство давно уже подготовлялось букарештскимъ правительствомъ. Но, несмотря на увѣренность въ поддержкѣ большинства депутатовъ и сенаторовъ, министерство Братіано долго не рѣшалось возбудить этотъ вопросъ. Только удостовѣрившись, что княжества не постигнетъ неудача, подобная испытанной Сербіею въ 1876 г., правительство выразило согласіе на внесеніе въ палаты предложенія о провозглашеніи королевствомъ Румынскаго княжества. Нельзя не признать, что въ Букарештѣ дѣйствовали весьма осторожно. Въ настоящемъ вопросѣ румыны давно уже могли разсчитывать на поддержку Германіи и Франціи и если откладывали свое намѣреніе, то потому, что не имѣли свѣдѣній, признаетъ ли Европа новое королевство. Правительство не могло не знать, что какъ Австрія, такъ и Россія не могли сочувственно относиться къ его намѣреніямъ, и поэтому, чтобы достичь благопріятныхъ результатовъ, румыны должны были искать содѣйствія одной изъ вліятельныхъ великихъ державъ. Подобное содѣйствіе могло имъ быть оказано только Германіей. Не говоря уже о личныхъ симпатіяхъ императора Вильгельма, Германія должна была поддерживать румынское правительство и потому, что усиленіе княжества вполнѣ отвѣчаетъ ея интересамъ. Поэтому-то германское вліяніе отнынѣ будетъ усиливаться въ Букарештѣ. Румыны не могутъ не понимать, что Берлинъ представляетъ для нихъ серьезную опору и что, допустивъ преобладаніе германскаго вліянія, они болѣе выиграютъ, чѣмъ потеряютъ. Австрія, которой могло бы быть непріятно сближеніе Румыніи съ Германіей, едва ли рѣшится дать это почувствовать послѣдней, такъ какъ сама дѣйствуетъ подъ давленіемъ Берлина и слишкомъ дорожитъ теперь дружественнымъ расположеніемъ Германіи, чтобы въ чемъ-либо открыто противодѣйствовать ей. Напротивъ, не подлежитъ сомнѣнію, что

въ большинствѣ вопросовъ она не отдѣлится отъ Германіи. Признаніе ею королемъ кн. Карла можетъ служить этому нагляднымъ доказательствомъ. Хотя преобразованіе Румыніи идетъ прямо въ разрѣзъ съ интересами Австріи, тѣмъ не менѣе вѣнское правительство не считало возможнымъ протестовать противъ него, подобно тому, какъ оно сдѣлало въ 1876 г. относительно Сербіи.

Въ настоящее время, когда преобразованіе княжества въ королевство уже совершилось, намъ необходимо уяснить себѣ, какія послѣдствія для Россіи, славянъ и западныхъ державъ можетъ имѣть эта перемѣна. Конечно, букарештское правительство въ матеріальномъ отношеніи ничего не выигрываетъ теперь, но въ нравственномъ, несомнѣнно, оно много пріобрѣтаетъ. Еще когда Румынія оффиціально была извѣстна подъ названіемъ Соединенныхъ Придунайскихъ княжествъ, либеральная партія мечтала о соединеніи всѣхъ румынъ, причемъ наиболѣе увлекавшіеся даже заявляли о необходимости установить политическую связь съ куцо-влохами Ѳессаліи и Македоніи. Но въ то время на мечты увлекавшихся патріотовъ не обращалось почти никакого вниманія. Въ Россіи, Австріи и Сербіи мало кто зналъ даже, что на берегахъ Дымбовицы и Бохлуя *) замышляютъ объ отторженіи части ихъ территорій. Порта же совершенно игнорировала всякую связь между румынами и куцо-влохами. Съ 1866 г., т. е. съ воцаренія князя Карла гогенцоллернскаго, панрумынскія идеи быстро начинаютъ развиваться среди интеллигенціи и всѣмъ, кому приходилось за послѣднія десять лѣтъ сталкиваться съ ея представителями, не разъ удавалось, конечно, слышать, что рано или поздно послѣдуетъ возсоединеніе румынскихъ земель, или, другими словами, что Россія потеряетъ Бессарабію, Австрія—Буковину и Трансильванію, славяне—Виддинскій и Зайчарскій округи. Только относительно куцо-влоховъ румыны не знаютъ еще, въ какое къ нимъ положеніе должно стать королевство. Мысли о румынскомъ единствѣ все чаще и чаще высказывались въ послѣднее время и ими увлекается вся интеллигенція. Румыны не ограничиваются однако теоретическими разсужденіями, а нерѣдко прибѣгаютъ и къ манифестаціямъ для заявленія о связи съ своими единоплеменниками. Теперь, когда Румынія преобразовалась въ королевство, эти манифестаціи значительно усилятся. Румынскій король получаетъ въ глазахъ многихъ особенное значеніе. Народъ привыкъ видѣть Румынію раздѣленною на княжества и поэтому съ понятіемъ о князѣ не связывалось понятія о главѣ румынскаго народа. Могли быть и другіе румыны, не подчиненные этому князю. О королѣ же Румыніи патріоты хотятъ создать понятіе какъ о покровителѣ вообще всѣхъ румынъ, гдѣ бы ни находились они, и такимъ образомъ узаконить нравственную связь между Букарештомъ и румынскими провинціями, независимыми отъ правительства Карла. Но

*) Букарештъ на р. Дымбовицѣ, Яссы на р. Бохлуѣ.

на упроченія одной нравственной связи едва ли остановятся румыны, хотя даже и этой цѣли не могутъ сочувствовать ближайшіе сосѣди княжествъ. По всей вѣроятности, наиболѣе рѣшительные кружки прибѣгнутъ къ агитаціи въ Буковинѣ, Бессарабіи и другихъ провинціяхъ, населенныхъ румынами. Букарештское правительство не будетъ принимать участія въ этой агитаціи, но едва ли рѣшится преслѣдовать руководителей ея, хотя бы и знало ихъ. Поэтому намъ надо быть своевременно готовыми къ борьбѣ съ сепаратистскою агитаціей на нашей границѣ съ Румыніей. Предвидѣть это можно было еще въ концѣ шестидесятыхъ годовъ, но нельзя не признать, что событія слишкомъ быстро слѣдовали одно за другимъ.

Совершенно въ такомъ же положеніи, какъ и мы по отношенію къ румынамъ, находится Австрія; разница въ томъ только, что букарештское правительство не пожелаетъ дать Австріи почувствовать, что оно имѣетъ виды на Буковину и Трансильванію, предоставивъ это частной инииціативѣ, и хотя недостатка въ подобной инииціативѣ не будетъ, но министерство тѣмъ не менѣе не будетъ отвѣтственно за это.

Славяне Балканскаго полуострова отъ усиленія и упроченія той Румыніи, которую мы теперь видимъ передъ собою, также должны будутъ испытать только одни неудобства. Не говоря уже о территоріальныхъ претензіяхъ румынъ, весьма еще спорныхъ, но тѣмъ не менѣе поддерживаемыхъ ими, въ особенности не выгодна для славянъ та политическая роль, которую принимаетъ на себя новое королевство. Румынія все болѣе сближается съ западными державами и становится орудіемъ въ рукахъ противниковъ самостоятельнаго развитія славянскихъ народностей. Правда, вопросъ еще—отвѣчаетъ ли подобный образъ дѣйствій Румыніи ея истиннымъ интересамъ; но что она дѣйствуетъ такимъ образомъ, едва ли возможно усомниться. До послѣдняго времени существовали причины, связывавшія интересы славянъ съ интересами Румыніи: это — зависимость отъ Турціи и стремленіе общими усиліями добиться полной свободы. Теперь цѣль эта достигнута и многіе румынскіе государственные дѣятели полагаютъ, что въ славянахъ не представляется болѣе надобности и что только Европа можетъ оказать содѣйствіе для дальнѣйшаго развитія силъ Румынскаго королевства. Но такъ какъ большинстве великихъ державъ относятся несочувственно къ стремленіямъ славянъ, то понятно, что и румыны будутъ по возможности противодѣйствовать послѣднимъ. Выводъ этотъ на столько естественъ, что трудно оспоривать его. Настойчивые и небезосновательные слухи, ходившіе въ минувшемъ году о состоявшемся сближеніи между Румыніей, Германіей и Австріей, лучше всего свидѣтельствуютъ о томъ направленіи, котораго будетъ держаться букарештскій кабинетъ. Въ настоящее время мы по-неволѣ должны смотрѣть на Румынію какъ на тормозъ, который будетъ препятствовать благопріятному для славянъ разрѣшенію восточнаго вопроса, и поэтому наши и ея инте-

ресы не могутъ быть солидарны. Какъ ни грустно признать это, тѣмъ не менѣе, въ интересахъ самого вопроса, лучше своевременно понять дѣйствительное положеніе дѣлъ, чѣмъ убаюкивать себя ложными надеждами.

Румынское королевство заняло видное мѣсто въ ряду второстепенныхъ европейскихъ государствъ и представляетъ изъ себя силу, на которую нельзя не обращать нѣкотораго вниманія. Правда, по внутреннему своему содержанію оно по-прежнему остается еще несостоятельнымъ, но его политическое значеніе не подлежитъ ни малѣйшему сомнѣнію. Принимая же во вниманіе ту предупредительность, которую выказывали и выказываютъ въ Букарештѣ относительно западныхъ великихъ державъ, Россія должна внимательно слѣдить за всѣмъ, что совершается на правомъ берегу Прута. Мы, конечно, не можемъ смотрѣть на Румынію не только какъ на нашего врага, но даже какъ и на противника; но, какъ орудіе противъ Россіи, она можетъ сослужить нашимъ противникамъ хорошую службу. Возможно даже, что Румынія сама пострадаетъ отъ этого, тѣмъ не менѣе весьма сомнительно, чтобъ она добровольно отказалась отъ той роли, которая указана ей западными державами.

Исторически Румынія не враждебна Россіи и только условія, при которыхъ она организовалась въ послѣднее время, поставили ее въ теперешнее положеніе относительно насъ. Напротивъ, на основаніи историческихъ данныхъ, слѣдовало бы предполагать, что изъ нея выработается союзница единовѣрныхъ ей славянскихъ племенъ. Въ виду этого едва ли возможно утвердительно сказать, что ея настоящее положеніе со-временемъ не измѣнится. Самостоятельная политическая жизнь только-что начинается для Румыніи.

Древнѣйшія историческія свѣдѣнія, которыя имѣются о румынахъ, знакомятъ насъ съ двумя отдѣльными и самостоятельными вѣтвями этого племени, которое составилось, по всей вѣроятности, изъ нѣсколькихъ племенъ, причемъ преобладающимъ элементомъ явились римскіе колонисты въ древней Дакіи; въ послѣднемъ не трудно убѣдиться, ознакомившись съ языкомъ румынъ, весьма схожимъ съ нѣкоторыми итальянскими нарѣчіями. Вытѣсненные изъ своихъ полей многочисленными ордами, въ концѣ III-го вѣка проходившими въ Европу чрезъ Дакію, румыны были вынуждены удалиться въ неприступныя горы Трансильваніи и здѣсь, по преданію, въ двухъ удѣлахъ, Вакарашъ и Марамошъ, сохранили остатки своей независимости. Въ XIII-мъ вѣкѣ владѣтель Вакарашскаго удѣла, Раду Черный (negru), спускается съ горъ и занимаетъ Валахію, гдѣ и организуетъ правильное государственное устройство; такимъ образомъ образуется господарство Валашское. Спустя немного времени послѣ Раду румыны выходятъ и изъ Марамоша и занимаютъ пространство между Днѣстромъ и Серетомъ, гдѣ возникаетъ другое румынское государство, Молдавія. Но какъ Молдавія, такъ и Валахія не долго остаются самостоятельными (послѣдняя сравнительно долѣе). Ближайшіе сосѣди румынъ,

поляки, венгерцы и турки, попеременно подчиняютъ себѣ то одно, то другое княжество и вся исторія румынъ, до начала XVIII-го вѣка, представляетъ собою лишь рядъ кровопролитій и насильственныхъ смѣнъ господарей. Благодаря этимъ ненормальнымъ условіямъ, вліяніе турецкаго правительства на княжества постоянно усиливается, и въ первой четверти минувшаго столѣтія, когда въ положеніи ихъ начинаетъ принимать участіе Россія *), они только номинально сохраняютъ свою независимость. Господари XVIII-го столѣтія мало чѣмъ отличаются отъ турецкихъ пашей и назначаются Портой на короткое время. За весь слишкомъ четырехсотлѣтній періодъ существованія княжествъ отъ расселенія по Серету до замѣны тузейныхъ князей греками-фанаріотами, избираемыми въ Константинополѣ, Молдавія и Валахія имѣли по одному только свѣтлому моменту въ жизни: Валахія—при Михаилѣ Храбромъ, расширившемъ ея предѣлы (1592—1601), а Молдавія—при Стефанѣ Великомъ (1458—1504). Задушевною мыслію обоихъ этихъ господарей было соединить Молдавію съ Валахіею и оба они временно достигли своей цѣли, но не имѣли достаточно силъ, чтобъ удержать княжества отъ полнаго распаденія. Даже и въ блестящій періодъ Стефана Великаго Молдавія признавала надъ собой главенство иностранныхъ державъ: такъ, до самаго момента своей смерти, онъ считалъ себя въ ленной зависимости отъ Польши. Не подлежитъ, однако, сомнѣнію, что еслибы преемники этого господаря обладали хотя нѣкоторыми изъ тѣхъ качествъ, которыми наградила судьба Стефана, то княжества были бы избавлены отъ многихъ испытаній, пережитыхъ ими въ теченіе болѣе трехъ съ половиною столѣтій.

Со времени Прутскаго мира и до Кучукъ-Кайнарджійскаго договора Молдавія и Валахія были беззащитными жертвами турецкаго произвола. Три фанаріотскія**) семейства: Маврокордата, Гики и Раковицы—попеременно владѣли княжествами, безжалостно раззоряя и грабя народъ, чтобъ имѣть возможность выплачивать громадныя суммы, которыя съ нихъ требовали константинопольскіе паши. «Въ то время, какъ румынскій крестьянинъ,—говоритъ французскій писатель Вальянъ ***) о фанаріотскомъ періодѣ,—не имѣлъ ни одежды, ни постели, не имѣлъ необходимой домашней утвари,—въ то время, какъ камышъ или сырая земля служили ему ложемъ, его надменные хищники были покрыты съ головы до ногъ шелкомъ, золотомъ и дорогимъ горностаемъ». Ровно сто десять лѣтъ тому назадъ Молдавія и Валахія, въ первый разъ послѣ долгихъ испытаній, вздохнули свободно. Занятіе княжествъ русскими войсками съ восторгомъ

*) Россія имѣла нѣкоторыя сношенія съ княжествами еще до Петра Великаго.

**) Греки, населявшіе константинопольскій кварталъ Фанары, назывались фанаріотами

***) La Romanie au histoire, langue, literature, orographie, statistique des peuples de la Cangue d'or Ardaliéns, Wallques et Moldaves, resumés sous le nom de Romans.

было встрѣчено всѣмъ населеніемъ. Особая депутація отправлена была къ императрицѣ Екатеринѣ для принесенія благодарности за избавленіе отъ турецкаго и фанаріотскаго ига. Одно время возбужденъ былъ даже вопросъ объ окончательномъ отдѣленіи отъ Турціи Молдавіи и Валахіи, но впослѣдствіи Россія ограничилась облегченіемъ положенія жителей обоихъ господарствъ. Условія Кучукъ-Кайнарджійскаго мира, значительно улучшавшія участь молдо-валаховъ *), послужили основою дальнѣйшему расширенію правъ румынскаго народа. Всѣ послѣдующія войны Россіи съ Турціей доставляли румынамъ все большія и большія политическія права. Аккерманская конвенція и Адріанопольскій договоръ почти совершенно высвободили княжества изъ-подъ турецкаго ига и сохранили за Портой только верховную власть. Турецкое правительство лишилось почти всякаго вліянія на внутреннее управленіе Молдавіи и Валахіи. Во время занятія княжествъ русскими войсками, послѣ заключенія съ Турціей Адріанопольскаго трактата, русскій коммиссаръ, графъ Киселевъ, выработалъ, при участіи мѣстныхъ дѣятелей, «органическій уставъ», на основаніи котораго должны были управляться княжества. Въ то время симпатіи румынъ были на сторонѣ Россіи, благодаря жертвамъ которой они возродились къ политической жизни. Время графа Киселева есть время наибольшаго вліянія Россіи. Въ началѣ сороковыхъ годовъ вліяніе это начинаетъ колебаться. Въ княжествахъ образуются крайнія партіи, хотя весьма незначительныя, но которыя съ каждымъ годомъ все болѣе усиливаются, становятся противниками самодержавной Россіи и мало-по-малу подтачиваютъ наше вліяніе. При политической неразвитости большинства румынъ, которою и теперь они отличаются, ихъ было не трудно увлечь примѣромъ родственныхъ румынамъ романскихъ народовъ. Руководители забывали, однако, что Франція и Италія имѣютъ за собой столѣтія исторической жизни, тогда какъ Молдавія и Валахія только-что выступали на политическое поприще, да и то какъ государства полунезависимыя. Политическія волненія въ княжествахъ, тайныя и явныя, почти не прерывались съ конца тридцатыхъ годовъ и до начала первой восточной войны. Отвѣтственность за эти волненія въ значительной степени, впрочемъ, падаетъ на господарей, которые въ большинствѣ случаевъ преслѣдовали свои личныя выгоды, а не интересы народа.

Парижскій трактатъ совершенно измѣнилъ положеніе Молдавіи и Валахіи. Протекторатъ надъ княжествами, пріобрѣтенный Россіею по Кучукъ-Кайнарджійскому міру и вполнѣ установленный послѣдующими договорами, былъ уничтоженъ и вся Европа гарантировала ихъ будущность. Согласно Парижскому трактату международная коммиссія обратилась къ особымъ народнымъ собраніямъ княжествъ («диванамъ») съ предложеніемъ изложить тѣ условія, которыя они желали бы положить въ основаніе новаго госу-

*) 16 ст. Кучукъ-Кайнарджійскаго договора.

дарственнаго устройства Молдавіи и Валахіи. Молдаване представили довольно опредѣленныя требованія, тогда какъ валашскій диванъ высказался уклончиво, но въ обоихъ княжествахъ заявлено было желаніе соединиться въ одно государство. Въ 1858 году на международныхъ конференціяхъ, происходившихъ въ Парижѣ, великія державы признали возможнымъ допустить соединеніе Молдавіи и Валахіи. Новое государство должно было именоваться «соединенными провинціями или соединенными княжествами» *). Въ 1859 году состоялось избраніе на молдавскій престолъ князя Кузы; вслѣдъ за тѣмъ Куза былъ избранъ и княземъ валашскимъ; такимъ образомъ въ лицѣ Кузы послѣдовало возсоединеніе румынскихъ господарствъ. Государственные дѣятели того времени, санкціонировавшіе и поддерживавшіе уніонистскія стремленія румынской интеллигенціи, сдѣлали громадный политическій промахъ. Дальновиднѣе всѣхъ выказалъ себя въ этомъ вопросѣ австрійскій представитель на конференціи, который воспротивился этому соединенію. Франція, поддержавъ уніонистовъ, первая же извлекла выгоды изъ своего образа дѣйствій. Князь соединенныхъ провинцій сдѣлался орудіемъ французской политики, а Румынія,--передовымъ пунктомъ Франціи и нерѣдко заискивала въ послѣдней, въ ущербъ своему достоинству. Та политическая подчиненность, если не выразиться болѣе рѣзче, которою вообще отличалась за послѣднія 20 лѣтъ дѣятельность Румыніи, лучше всего свидѣтельствуетъ о неподвижности румынъ къ свободной политической жизни; близкое же знакомство съ внутреннею жизнію королевства вполнѣ убѣждаетъ, что подъ блестящею внѣшностью скрывается поразительная недоразвитость. Румынія представляетъ изъ себя страну противорѣчій и надо близко ее знать, чтобъ имѣть право судить о ней. Вотъ, напр., фактъ вполнѣ характеризующій теперешнюю Румынію, но никогда еще не обнародованный. Какъ извѣстно, передъ избраніемъ князя Кузы представители Молдавіи высказались за соединеніе княжества и выработали довольно подробную и либеральную программу государственнаго устройства княжества. Данныя эти заставляли предполагать довольно высокую степень политическаго развитія «дивана», а между тѣмъ большинство представителей при выборѣ князя высказали себя не лучше турецкихъ пашей. Разсказъ зашелъ со словъ одного изъ бывшихъ избирателей, сенатора Д. Присутствовавшій при разсказѣ, тоже бывшій избирателемъ, нынѣ умершій, гетманъ Николай Маврокордато, вполнѣ подтвердилъ его. Самыми серьезными кандидатами на выборахъ выступили бывшій молдавскій господарь князь Михаилъ Стурдза и сынъ его Григорій **). Еслибы Григорій Стурдза присоединился къ отцу, то послѣдній, несомнѣнно, былъ бы избранъ главою государства. Чтобы склонить сына,

---

*) Прибавленіе къ протоколу засѣданія 5 іюня 1858 г.

**) Князь Григорій Стурдза служилъ въ первую Восточную войну въ турецкой службѣ, а въ настоящее время считается сторонникомъ Россіи.

Михаилъ предлагалъ объявить его наслѣдникомъ престола; но предложеніе это было отвергнуто. Тогда рѣшено было, что къ тому изъ соперниковъ, который привлечетъ на свою сторону большее число голосовъ между избирателями, примкнетъ и противникъ его. Князь Михаилъ успѣлъ составить болѣе многочисленную партію, но сынъ его, несмотря на условіе, не поддержалъ отца; между тѣмъ вслѣдствіе раздѣленія голосовъ ни одинъ кандидатъ не получилъ необходимаго большинства. Такъ какъ Михаилу Стурдзѣ недоставало сравнительно небольшаго числа голосовъ, чтобы быть избраннымъ, то нѣкоторые изъ сторонниковъ его предложили подкупить избирателей въ партіи независимыхъ и между сторонниками князя Григорія. Планъ былъ одобренъ и начались переговоры. Нашлось больше чѣмъ требовалось число голосовъ, готовыхъ продать себя, но князь Михаилъ, какъ человѣкъ крайне разсчетливый, пожелалъ по возможности сократить потребную для подкупа сумму. Переговоры затянулись; тогда нѣкоторые изъ избирателей прервали сношенія съ его агентами. Независимые, видя, что теряютъ почву, постарались найти какого-нибудь кандидата, который хотя бы случайно получилъ большинство голосовъ. Въ то время, какъ князь Стурдза еще продолжалъ колебаться, полковникъ Куза, на котораго не смотрѣли даже какъ на серьезнаго кандидата, получилъ большинство голосовъ. На сколько это неожиданно было для него самого, доказываетъ то, что извѣстіе объ избраніи на молдавскій престолъ крайне удивило его. Будь князь Михаилъ нѣсколько менѣе скупъ, онъ, несомнѣнно, былъ бы избранъ княземъ Молдавіи; но такъ какъ онъ былъ непопуляренъ въ Валахіи, то, по всей вѣроятности, валашскимъ господаремъ было бы избрано другое лицо. Такимъ образомъ не осуществился бы проектъ о соединеніи княжествъ. Фактъ, что тѣ же самые выборные, которые заявляли о необходимости соединить Молдавію и Валахію и представляли крайне либеральный проектъ государственнаго устройства, едва не избрали лицо хорошо имъ извѣстное своимъ деспотическимъ характеромъ и нелюбимое валахами,—невольно наводитъ на размышленія неблагопріятныя для румынской интеллигенціи.

Французскій періодъ, если можно такъ выразиться, жизни Румыніи, кончившійся съ паденіемъ князя Кузы, доказалъ только неудовлетворительность порядка, установленнаго въ 1859 году. За это время румынская интеллигенція пріобрѣла только внѣшній лоскъ парижскихъ салоновъ и бульваровъ, сохранивъ не только прежніе существенные недостатки, но пріобрѣтя еще новые: продуктъ недостатковъ западной цивилизаціи *). Въ 1866 году выработана была новая конституція, которая остается, за незначительными измѣненіями, въ силѣ и до настоящей минуты.

Изъ краткаго историческаго очерка политической жизни Придунайскихъ княжествъ видно, что Россія не только никогда не дѣйствовала во вредъ

*) Подъ вліяніемъ Запада и въ особенности Франціи кн. Куза сдѣлалъ многія существенныя реформы, какъ, напр., надѣленіе крестьянъ землею, судебную, церковную и друг.; но многое въ этихъ реформахъ оставляетъ желать лучшаго.

интересамъ румынъ, но постоянно заботилась объ ихъ участи и питала къ нимъ симпатію, какъ къ единовѣрцамъ. Если же румыны могутъ указать на нѣкоторые поступки Россіи, нарушающіе ихъ интересы, какъ напр. на присоединеніе Бессарабіи, то слѣдуетъ принять во вниманіе, что въ то время, когда совершилось это присоединеніе, идея о національномъ единствѣ еще только-что начала проникать въ общество. Вѣнскій трактатъ, подписанный нѣсколько лѣтъ спустя послѣ Бухарештскаго міра, по которому присоеденена Бессарабія, свидѣтельствуетъ, что и въ то время идея эта не получила еще права гражданства. Возвращеніе же области, значительная часть которой уже обрусѣла, представляетъ едва ли разрѣшимую въ настоящее время задачу. Не говоря уже о томъ, что Россія неоднократно на дѣлѣ доказывала искренность своихъ симпатій къ молдаво-валахамъ, сохраненію своей самостоятельности они отчасти обязаны этимъ симпатіямъ. Еще при Екатеринѣ Второй возбуждался вопросъ о присоединеніи княжествъ къ Россіи. Съ подобными же предложеніями обращался къ императору Александру I Наполеонъ въ Тильзитѣ и Эрфуртѣ, но Россія постоянно отклоняла мысль о захватѣ Румынской земли. Между тѣмъ въ послѣднее время неоднократно приходится слышать обвиненія насъ въ тайныхъ намѣреніяхъ подчинить себѣ Соединенныя Придунайскія княжества. Обвиняя насъ въ подобныхъ намѣреніяхъ, румыны положительно заблуждаются. Мы поступили бы тогда вопреки нашимъ выгодамъ, такъ какъ теперешняя Румынія была бы только тяжелою обузой въ государственной жизни Россіи.

Пользуясь одною изъ наилибералънѣйшихъ конституцій въ Европѣ (сколкомъ съ бельгійской), Румынія сохранила многіе недостатки деспотическаго правленія, такъ что при внѣшнемъ выполненіи установленныхъ конституціей законовъ въ странѣ существуетъ полнѣйшая разнузданность и неуваженіе къ закону. Этой привлекательною внѣшностью и объясняются лестные отзывы о Румыніи туристовъ, не успѣвшихъ ознакомиться съ закулисною ихъ жизнію. Для примѣра, на сколько дѣйствительность не соотвѣтствуетъ буквѣ, достаточно указать на нѣкоторыя изъ статей румынской конституціи, которыя не имѣютъ теперь практическаго значенія. Такъ, во второмъ отдѣлѣ, въ статьяхъ 7 и 8, опредѣлены условія пріобрѣтенія права румынскаго гражданства. Въ дѣйствительности же не представляется никакой надобности обращать вниманіе на эти условія. Достаточно въ мелкихъ округахъ заявить о желаніи внести налогъ за два года,— конечно, объявивъ себя при этомъ румынскимъ подданнымъ,—чтобы получить квитанціи во внесеніи налога и на слѣдующій же годъ быть избирателемъ. Ст. 9-я того же отдѣла гласитъ, что каждый румынъ пользуется всѣми политическими правами. Какъ выполняется эта статья, лучше всего можетъ характеризовать слѣдующій фактъ. При выборахъ въ муниципальный совѣтъ городъ Яссъ, бывшій мѣстный полицейскій префектъ откровенно заявлялъ передъ выборами, что вычеркнулъ изъ числа избирателей мно-

жество лицъ, принадлежащихъ къ антиправительственной партіи. «C'est ainsi qu' il faut agir avec cette Canaille», говорилъ энергическій префектъ и правительственная партія на выборахъ восторжествовала. Ст. 13 гласитъ: «свобода личности обезпечена» *); на практикѣ же многимъ румынскимъ крестьянамъ приходилось по-долгу сидѣть въ заключеніи, не подозрѣвая даже, что существуетъ законъ, ограждающій ихъ личность отъ подобнаго произвола. О евреяхъ уже и говорить нечего,—бывали случаи, что ихъ подвергали въ полиціи тѣлесному наказанію. Въ ст. 23 того же отдѣла говорится: «первоначальное образованіе обязательно для всѣхъ молодыхъ румынъ»; а сколько тысячъ безграмотныхъ крестьянъ встрѣтитъ еще любопытный путешественникъ, посѣтившій отдаленныя отъ центровъ деревни. Вполнѣ безпристрастно относясь къ настоящему положенію Румыніи, нельзя не признать, что во многихъ случаяхъ конституція остается мертвою буквою. Явленіе это, безспорно, крайне печальное, но оно въ значительной степени зависитъ отъ отношенія къ ней самихъ румынъ. Народъ почти совершенно чуждъ борьбы политическихъ партій и мало интересуется ею, между тѣмъ пассивное отношеніе массы отражается неблагопріятно на Румыніи. Интеллигенція, самостоятельно располагающая судьбами Румыніи, крайне бѣдна личностями серьезно подготовленными къ политической дѣятельности. Но и между лицами, которыя дѣйствительно могутъ приносить Румыніи пользу на государственномъ поприщѣ, только немногія не имѣютъ за собою темнаго прошлаго и пользуются безукоризненною репутаціей. Злоупотребленія по службѣ на столько широко практикуются въ княжествахъ, что во взяточничеству даже общественное мнѣніе относится весьма снисходительно. Такъ, напр., бывшій составъ фокшанской судебной палаты пользовался повсемѣстно репутаціей продажнаго. Что же касается до судовъ первой инстанціи, то рѣдкій изъ нихъ не представляетъ возможности подкупа. Администрацію же лучше и не затрогивать. Тѣ, кому извѣстна дѣятельность «компаніи Коганъ, Грегеръ и Горвицъ» въ минувшую войну, хорошо знаютъ, въ какихъ широкихъ размѣрахъ практиковался подкупъ румынскихъ дѣятелей, начиная съ самыхъ высокопоставленныхъ и до мелкихъ чиновниковъ. Разница между тѣми и другими заключалась лишь въ томъ, что первые не стѣсняясь требовали вознагражденія въ счетъ будущихъ услугъ, въ которыхъ представится надобность.

Невольно возникаетъ вопросъ, какъ же при такой образцовой конституціи могутъ существовать подобные порядки. Причины этого весьма просты. Вся многомилліонная масса румынскаго народа въ дѣйствительности не пользуется тѣми гражданскими правами, которыя обезпечиваетъ ей конституція. За рѣдкими исключеніями въ палатѣ депутатовъ нѣтъ представителей румынскаго крестьянства и большая часть народа находится почти въ томъ же первобытномъ состояніи, въ которомъ была въ концѣ минув-

*) Art. 13: La liberté individuelle est garantie... (Constitution roumaine).

шаго столѣтія. Поэтому-то правительство короля Карла и румынская интеллигенція принимаютъ на себя тяжелую отвѣтственность за свои отношенія къ народу, экономическое положеніе котораго неудовлетворительно, а уровень умственнаго развитія весьма и весьма низокъ. Увлекаясь высшими политическими и государственными соображеніями, интеллигентные румыны совершенно забываютъ о существованіи массы, благодаря поту и крови которой они могутъ ораторствовать. Извиненіемъ румынской интеллигенціи служитъ то только, что она сама еще стоитъ на низкой ступени умственнаго развитія. Люди высоко развитые давно бы уже поняли, что для блага родины и для собственнаго ихъ благополучія необходимо поднять народъ, а не имѣть его какъ орудіе для достиженія личныхъ выгодъ. Есть, конечно, понимающіе это, но ихъ очень немного. Большинство получило крайне поверхностное образованіе и легко относится къ своимъ гражданскимъ обязанностямъ; высшія же соображенія ему положительно недоступны. Оно увлекается внѣшнею формою, постоянно упуская изъ виду самую сущность. Поэтому на настоящій періодъ политической жизни румынскаго народа надо смотрѣть какъ на временный. Съ поднятіемъ нравственнаго и умственнаго уровня народа многое въ Румыніи существенно измѣнится. Правда, клеветы, нанесенные теперешнею недоразвитостью интеллигенціи, принесутъ много вреда, но вопросъ еще—укоренятся ли они на румынской почвѣ. Что румынскій народъ совершенно чуждъ политической жизни королевства, лучше всего видно изъ выборовъ въ букарештскую палату депутатовъ. Согласно ст. 58, 59, 60, 61, 62 и 63 первой главы конституціи, избиратели раздѣлены по цензу на четыре разряда, причемъ въ послѣднемъ, четвертомъ, разрядѣ состоятъ все сельскіе жители, ежегодный доходъ которыхъ не превышаетъ ста червонцевъ, и городскіе, платящіе въ годъ налогу менѣе 80 піастровъ. За весьма немногими исключеніями въ этомъ разрядѣ состоитъ все крестьянство. Между тѣмъ депутаты отъ четвертаго разряда всегда назначаются правительствомъ и безпрекословно избираются выборными. Благодаря раздѣленіямъ на четыре разряда, правительство всегда можетъ располагать въ палатѣ депутатовъ значительнымъ большинствомъ и только грубые промахи могутъ лишить его этого большинства. Народъ, слѣдовательно, только служитъ орудіемъ для поддержанія власти министерства. Понятно, что страна при этихъ условіяхъ не можетъ находиться въ нормальномъ положеніи. Съ развитіемъ народа должно будетъ измѣняться и настоящее положеніе; по всей вѣроятности, послѣдуютъ и перемѣны въ политическихъ отношеніяхъ Румыніи къ другимъ государствамъ, причемъ многія задачи будутъ иначе пониматься румынами. Одно, что останется, по всей вѣроятности, неизмѣнно, такъ это—стремленіе къ сближенію съ своими единоплеменниками. Въ какой формѣ можетъ тогда осуществиться завѣтное желаніе румынъ, трудно сказать теперь. Въ настоящее же время стремленія эти по отношенію къ Австро-Венгріи могутъ быть осуществлены

только въ одномъ случаѣ: это—если Австрія будетъ имѣть войну съ исходомъ настолько несчастнымъ, что лишитъ эту державу всякой возможности сопротивляться отпаденію Буковины и Трансильваніи. До тѣхъ же поръ всѣ усилія румынъ останутся безплодными и въ самой Буковинѣ будутъ выражаться безплоднымъ будированіемъ и демонстраціями, а въ Румыніи—воздыханіями, грубыми статьями въ газетахъ подъ заглавіемъ: «Разбойническій захватъ Буковины», да проектами торжественныхъ панихидъ въ день умерщвленія молдавскаго господаря Гики *). Да и эти манифестаціи возможны однако лишь подъ условіемъ снисходительнаго допущенія ихъ со стороны Австріи. Но какъ только правительство румынское находитъ полезнымъ въ своихъ политическихъ видахъ вновь заигрывать съ нею, что случается довольно часто, немедленно является протестъ австрійскаго представителя въ Бухарештѣ и румынское правительство спѣшитъ тогда запретить все это, дабы не огорчить могущественнаго сосѣда. Странно только, что, несмотря на то, что Австрія уже не разъ показала на дѣлѣ, что она видитъ въ Румыніи страну, судьбою предназначенную къ поглащенію съ ея стороны, что она уже оторвала въ свою пользу богатѣйшую Буковину и не менѣе богатый округъ Мехадія на Дунаѣ,—румыны ищутъ у нея защиты отъ воображаемой опасности со стороны Россіи. Между тѣмъ противъ захвата округа Мехадія они протестовали лишь тѣмъ, что оставшуюся у нихъ часть его продолжаютъ называть Мехадинцами, хотя городокъ Мехадія, давшій во время оно названіе всему округу, находится нынѣ на австрійской сторонѣ. Та же недозрѣлость, которая проглядываетъ вездѣ въ внутренней жизни румынъ, замѣчается и во внѣшней политикѣ королевства, но въ международныхъ вопросахъ они имѣютъ подъ собою какую-нибудь твердую почву, хотя въ большинствѣ случаевъ руководствуются политикой минуты. Возможность извлечь выгоду въ данный моментъ вліяетъ на самыя серьезныя политическія комбинаціи. Увлекаясь союзомъ съ Австріей и Германіей, румыны забываютъ даже теперь, что Австрія наводнила Румынію своими евреями, убила въ ней всякую торговлю и національную промышленность и при всякомъ случаѣ доказывала ей свое высокомѣрное пренебреженіе. Тѣмъ не менѣе, по всей вѣроятности, еслибы между Австріей и Россіей возгорѣлась война, Румынія сдѣлалась бы усердною союзницею первой, чтобы съ помощью ея отнять у насъ Бессарабію. Нельзя поручиться однако за то, что, еслибы шансы войны оказались вдругъ противъ Австріи, Румынія не постаралась бы перейти на нашу сторону съ тѣмъ, чтобы въ награду за свою услугу получить отъ нашихъ щедротъ Буковину.

*) Гика былъ умерщвленъ въ 1777 г. за то, что протестовалъ противъ передачи Австріи Буковины, которую уступила Порта Габсбургамъ вскорѣ послѣ Кучукъ-Кайнарджійскаго мира. Съ 1776 года и до настоящей минуты Австрія владѣетъ Буковиной.

Во всякомъ случаѣ въ настоящее время Австрія имѣетъ несравненно больше шансовъ на содѣйствіе Румыніи, чѣмъ мы. Причинъ этому весьма много и онѣ, конечно, лежатъ болѣе всего въ симпатіяхъ и убѣжденіяхъ правительства и интеллигенціи, чѣмъ народа. Нѣтъ сомнѣнія, что въ глазахъ сего послѣдняго русскіе имѣютъ всегда перевѣсъ, который основывается отчасти на общности вѣроисповѣданія, а болѣе всего на воспоминаніи того гуманнаго и братскаго обращенія, которое румынскій простолюдинъ встрѣчалъ со стороны нашего солдата, когда наши войска занимали княжество. Помимо сознанія, что усилія нашихъ войскъ избавили страну отъ присутствія турокъ и неизбѣжно сопряженныхъ съ ихъ владычествомъ жестокостей, румынскій крестьянинъ, весьма патріархально настроенный, цѣнитъ то добродушное отношеніе къ себѣ и своей семьѣ, которое онъ всегда встрѣчалъ со стороны русскаго солдата, поставленнаго къ нему постоемъ. Это не была высокомѣрная требовательность венгерскаго гусара или низкое жестокосердіе кроата, которые надѣлали жителямъ княжества столько непріятностей въ 1854 г. и во всѣ тѣ разы, когда австрійскія войска появлялись въ княжествахъ. Это не было презрительное отношеніе турецкаго солдата, настроеннаго къ тому, чтобъ ежеминутно давать чувствовать поганому гяуру, что его жизнь, честь и имущество не ограждены ничѣмъ отъ произвола или просто каприза мусульманина. Русскій солдатъ дѣйствовалъ иначе. Войдя въ избу, онъ осѣнялъ себя широкимъ крестомъ предъ мѣстными образами, знаменуя тѣмъ свою духовную солидарность съ хозяевами, и затѣмъ добродушнѣйшимъ образомъ располагался, какъ членъ семьи. Для него не были чужды ни тягости, ни радости его хозяевъ. Безъ шуму и похвальбы, онъ, по собственной инищіативѣ, принималъ участіе въ домашнихъ работахъ, съ благодарностью ѣлъ то, что ѣдятъ и хозяева, не требуя для себя никакихъ особенныхъ почестей или отличій. Правда, его посягательства простирались иногда и далѣе, чѣмъ собственно слѣдовало, но и эти посягательства дѣлались, за немногими исключеніями, такъ добродушно, что они не въ состояніи были помрачить свѣтлое впечатлѣніе общаго, которое и сохранилось на столько привлекательнымъ въ сознаніи народа, что румынскій крестьянинъ не только не чуждается русскаго, но даже весьма благопріятно настроенъ къ нему и, называя его москалемъ, придаетъ этому прозвищу вовсе не тотъ характеръ обиднаго пренебреженія, которое придается ему въ Польшѣ и въ средѣ румынской интеллигенціи. Къ несчастію, общій характеръ румынской массы отличается апатіей и недостаткомъ инищіативы, которыя долго, если не всегда, будутъ служить препятствіемъ къ болѣе ощутительному выраженію этой симпатіи къ намъ и заключать ее въ предѣлахъ благосклонной нейтральности. Есть ли эта апатія послѣдствіе того ужаснаго гнета, который столько вѣковъ тяготѣлъ надъ этимъ, въ сущности несчастнымъ, народомъ, или зависитъ она отъ какихъ-либо другихъ причинъ, трудно отвѣчать на этотъ вопросъ

опредѣлительно. Всего вѣрнѣе допустить, что нѣсколько причинъ вмѣстѣ содѣйствуютъ въ произведенію общаго результата. Но самый фактъ существованія въ румынскомъ характерѣ апатіи и индифферентизма, какъ черты преобладающей и весьма рельефно бросающейся въ глаза, не подлежитъ ни малѣйшему сомнѣнію.

Отношеніе румынской интеллигенціи къ намъ носитъ характеръ совершенно противоположный. Насъ боятся, насъ не уважаютъ, смотрятъ на насъ какъ на источникъ силы и богатства, которымъ можно и даже должно при случаѣ пользоваться, но подъ тѣмъ условіемъ, чтобы достигнувъ желаемаго, отстраниться отъ насъ и затѣмъ держать себя отъ насъ въ сторонѣ.

Съ легкой руки Наполеона III Румынія повторяетъ, что она судьбою предназначена быть le boulevard de l'Occident contre les empietement de l'Orient. Наполеонъ, говоря эту фразу, такъ легко усвоенную румынами, сдѣлавшими изъ нея свой девизъ, хорошо зналъ, что онъ дѣлалъ. Ему было нужно создать на нашей границѣ стѣснительный для насъ элементъ. Затѣмъ при благопріятныхъ обстоятельствахъ элементъ этотъ могъ развиться и серьезно вредить намъ. Во всякомъ случаѣ наполеоновская политика находила въ Румыніи прекрасное средство отдѣлить отъ насъ славянъ Балканскаго полуострова и тѣмъ задержать наше поступательное движеніе къ разрѣшенію восточнаго вопроса при помощи славянъ Балканскаго полуострова.

Преданія о переговорахъ, будто бы затѣянныхъ Россіей въ разныя времена для того, чтобы захватить Молдавію, имѣютъ и до сихъ поръ значеніе совершенной аксіомы въ глазахъ румынскихъ государственныхъ дѣятелей. Они вѣрятъ, что Россія уже давно намѣревается подѣлить съ Австріей княжество и, захвативъ себѣ Молдавію, отдать Валахію Габсбургамъ. Убѣжденіе это столь сильно, что никакими доказательствами нельзя разубѣдить румынскихъ правителей, видѣвшихъ въ возсоединеніи Бессарабіи новое доказательство основательности своего недовѣрія къ намъ и подозрѣній насъ въ страсти къ захватамъ. Насъ обвиняютъ еще въ томъ, что мы ввели въ страну элементъ фанаріотовъ, въ формѣ господарей, что мы недружелюбно относились къ реформамъ князя Кузы и въ особенности къ секуляризаціи имѣній восточныхъ монастырей и къ отпаденію румынской церкви отъ подчиненія вселенской патріархіи. Всѣ эти обвиненія не мало содѣйствуютъ къ отчужденію отъ насъ княжествъ, обязанныхъ намъ всѣмъ и получившихъ, благодаря нашимъ постояннымъ усиліямъ и заботливости о нихъ, право на существованіе и возможность развиваться. Но нѣтъ сомнѣнія, что настоящее нерасположеніе къ намъ румынской интеллигенціи, ослѣпляющее ее даже до того, что она пренебрегаетъ дружбою Россіи, какъ противовѣсомъ Австріи, имѣетъ также основанія гораздо болѣе современныя. Румынскіе правители просто пришли къ убѣжденію, что Россія и Европа не только не имѣютъ ничего

общаго, но даже прямо исключаютъ одна другую. Видя, что дружить съ Россіею значитъ подвергнуться остракизму со стороны всѣхъ другихъ, и увлекаясь тѣми гигантскими шагами, которые сдѣлала страна въ своемъ политическомъ развитіи въ послѣднія 25 лѣтъ, когда она опиралась преимущественно на Западъ и въ особенности на Францію,—румынскіе государственные люди рѣшили, что интересъ княжества требуетъ возможно-полнаго отчужденія отъ Россіи и перенесенія всѣхъ своихъ симпатій и прислужничествъ на Западъ, гдѣ Пруссія держитъ въ своихъ рукахъ камертонъ, заправляющій европейскимъ концертомъ. Задавшись этою мыслію, румыны принялись немедленно за ея исполненіе. Даже въ то время, когда они считались нашими оффиціальными союзниками, они тяготѣли къ Западу и чутко прислушивались къ малѣйшему его заявленію. Впрочемъ, при благопріятныхъ обстоятельствахъ и при помощи силы мы можемъ и теперь на время имѣть румынъ съ собою; но никакое сочувствіе народной массы и никакія религіозныя связи не въ состояніи въ настоящее время создать намъ сколько-нибудь прочное положеніе въ этой странѣ, тѣмъ болѣе, что во весь продолжительный періодъ нашихъ сношеній съ нею мы не успѣли и не съумѣли завязать сколько-нибудь значительныхъ коммерческихъ или духовныхъ связей съ этою землей, а добродушно лелѣяли себя надеждою, что воспоминаніе объ оказанныхъ нами услугахъ и общность вѣроисповѣданія достаточно обезпечатъ наше будущее въ этомъ весьма важномъ для насъ уголкѣ.

Правда, соперница наша въ симпатіяхъ румынъ, Австрія, тоже имѣетъ тамъ весьма многое противъ себя: въ послѣднее время, въ особенности благодаря свободѣ прессы и парламентскихъ словоизверженій, всѣ узнали и заклеймили проклятіями захватъ Австріею Буковины, Трансильванія и Мехадійскаго округа; затѣмъ Румынія вообще, а Молдавія въ особенности имѣли возможность оцѣнить неудобства нашествія 400.000 австрійскихъ подданныхъ, 7/8 коихъ евреи, эксплоатирующіе всѣми силами мѣстное населеніе и препятствующіе возникновенію какой-либо національной промышленности. Всѣ до одного имѣли случай убѣдиться въ высокомѣріи и *мелочной* придирчивости австрійскихъ агентовъ, въ особенности старостъ, назначаемыхъ въ селеніяхъ и менѣе значительныхъ центрахъ для надзора за австрійскими подданными и предстательства за нихъ. Всѣ помнятъ грубыя насилія австрійскихъ войскъ, когда они проникали въ княжество, и видятъ примѣръ австрійскихъ славянъ, терпящихъ полное угнетеніе отъ высокомѣрныхъ мадьяръ. Народъ, т.-е. сѣрая масса, поэтому ненавидитъ ихъ, называя ихъ общею кличкою «нѣмецъ», составляющей позорное клеймо.

Правительство видитъ наступательное движеніе Австріи; оно сознаетъ, что ею захвачена вся торговля страны; оно не разъ испытало, какъ горько приходится, когда Вѣна что-нибудь потребуетъ у румынъ, — тогда не отыграешься, какъ это не разъ удавалось относительно другихъ. Все, слѣдовательно, складывается какъ бы къ тому, чтобъ отвратить Румынію

отъ этой опасной и неудобной соседки, а между тѣмъ на дѣлѣ выходитъ не такъ. Вліяніе ея растетъ и въ самой Румыніи образуются партіи и министерства, не скрывающія нисколько своихъ австрійскихъ симпатій и тенденцій. Имперскій посланникъ—одинъ изъ первыхъ гостей румынскаго двора и съ нимъ и чрезъ его посредство съ правительствомъ кокетничаютъ по крайней мѣрѣ всѣ тѣ, кто принимаетъ посредственное или непосредственное участіе въ дѣлахъ страны. Откуда же это происходитъ?— Отвѣтъ очень простъ:

1. Австрія есть соперница и противница Россіи. Кокетничать съ нею безопасно, потому что на это будетъ сердиться только одна Россія, вреднымъ замысламъ которой по отношенію къ Румыніи прежде всего и дѣйствительнѣе всего можетъ служить препятствіемъ Австрія.

2. Она поставляетъ Румыніи все, начиная съ лѣсныхъ матеріаловъ и кончая многочисленными Wiener Artikel, которые красуются въ витринахъ румынскихъ магазиновъ. Правда, что въ этомъ отношеніи австрійскіе производители смотрятъ на Румынію и въ особенности на Букарештъ и Яссы какъ наши торговцы на нѣкоторыя ярмарки, т. е. спускаютъ туда все залежалое, вышедшее изъ моды, которому нельзя уже найти сбыта на мѣстѣ.

3. Австрія умѣетъ весьма грубо подтянуть, несмотря ни на какія клятвы, какъ, наприм., когда она наотрѣзъ отказала открыть сообщеніе по готовому уже соединительному участку румынскихъ и австрійскихъ желѣзныхъ дорогъ, пока не будетъ окончена линія Плоешти, открывавшая прямой путь австрійскимъ войскамъ въ сердце Румыніи. Но она же умѣетъ, когда нужно, и приласкать. Она не скупится на ордена и ленты, и когда Румынія изъявляетъ готовность зарѣзать себя въ промышленномъ отношеніи коммерческимъ трактатомъ, лишь бы онъ былъ подписанъ самимъ императоромъ, Австрія только снисходительно улыбается на эту ребяческую уловку, которую румыны хотятъ подъ шумокъ и подъ носомъ у турецкаго правительства сыграть въ самостоятельное государство, и коммерческій трактатъ, начинающійся словами: «Noster Franciscus Rex», даетъ пищу мѣстнымъ политикамъ привѣтствовать новую эру возрожденія княжества, фактически завоевавшаго себѣ одинъ изъ главнѣйшихъ атрибутовъ независимости подъ покровительствомъ сильной европейской державы.

4. Австрія не поцеремонилась, что нѣсколько мѣсяцевъ передъ тѣмъ первые драгоманы посольствъ въ Константинополѣ подписали сообща протоколъ, по которому державы условились не заключать непосредственно съ Румыніей договоровъ въ другой формѣ, кромѣ конвенцій отъ правительства къ правительству. Для успѣха дѣла потребовалось потѣшить румынъ,— ну, и потѣшили.

5. Австрія имѣетъ столицею Вѣну, которая играетъ для Румыніи такую же роль этапа на пути къ удовольствіямъ, какъ Одесса для нашихъ

южныхъ помѣщиковъ. Доѣхать же до Вѣны чрезвычайно удобно,—къ услугамъ путешественниковъ двѣ линіи желѣзныхъ дорогъ и очаровательная прогулка на пароходѣ по Дунаю.

6. Австрійская цивилизація, выражающаяся въ громадныхъ зданіяхъ самой затѣйливой архитектуры, легкость передвиженія по этой странѣ, гдѣ такъ много желѣзныхъ дорогъ и прекрасныхъ шоссе, изобиліе всего того, что дѣлаетъ жизнь легкою и пріятною,—все это поневолѣ привлекаетъ легкомысленныхъ румынъ.

7. Одно изъ самыхъ важныхъ—то, что, поддерживая дружественныя отношенія съ Австріей, Румынія пріобрѣтаетъ расположеніе Берлина.

Между тѣмъ что представляетъ для нея Россія? Путешествіе по ней сопряжено со всякими трудностями, на ордена скупа, торговли съ нею почти нѣтъ, другія великія державы не одобрятъ сближенія съ ней,—однимъ словомъ, румыны убѣждены, что весьма мало причинъ, побуждающихъ ихъ искать дружбы съ нами.

Новыя причины, побуждающія румынъ кокетничать съ Австріей, въ дѣйствительности нисколько не содѣйствуютъ упроченію искреннихъ дружественныхъ отношеній между этими государствами. Можно даже съ увѣренностію сказать, что прочное сближеніе между ними немыслимо. Если румыны недоброжелательно относятся къ намъ за Бессарабію, то къ Австріи, владѣющей Буковиною и Трансильваніей, они въ глубинѣ души должны питать несравненно болѣе враждебное чувство. Не подлежитъ сомнѣнію, что румыны имѣютъ твердое намѣреніе возвратить Буковину и Трансильванію.

Возможно ли же прочное соединеніе Буковины съ Румыніею? Представляется ли оно въ формѣ вопроса уже назрѣвшаго, или можетъ состояться лишь въ отдаленномъ будущемъ, и будетъ ли оно выгодно намъ?

На первый вопросъ можно отвѣтить положительно—да, но подъ условіемъ, какъ уже выше сказано, сцѣпленія такихъ неблагопріятныхъ для Австріи обстоятельствъ, при которыхъ всякое сопротивленіе ея такому отторженію было бы немыслимо. На второй вопросъ отвѣчать категорически трудно, но, надо полагать, что рѣшить его отрицательно будетъ вѣрнѣе. Помимо того, что правительство и интеллигенція румынскія будутъ бояться возбудить неудовольствіе Берлина, трудно думать, чтобы румынофильскія симпатіи имѣли бы и въ самой Буковинѣ очень серьезную почву *). Прежде всего необходимо вспомнить, что населеніе ея крайне разнообразно въ племенномъ отношеніи и что если ему подумать о томъ, для чего мѣнять владычество Австрійской монархіи, довольно безразлично и легко относящейся ко всѣмъ безъ исключенія національностямъ, на безпорядочный произволъ, подъ которымъ стоитъ Румынія, то

*) Сѣверная Буковина, населенная русинами, уже не можетъ быть присоединена къ Румыніи.

многіе, пожалуй, предпочтутъ остаться австрійскими подданными. Они могутъ додуматься до того, что перемѣна представляется даже довольно опасною, такъ какъ первые шаги румынскихъ властей въ Добруджѣ свидѣтельствуютъ о желаніи букарештскаго правительства румынизировать при посредствѣ пріемовъ, по суровости и рѣшительности мало отличающихся отъ тѣхъ, которыми запятнали мадьяры свои дѣйствія по отношенію къ хорватамъ. Третій вопросъ представляется для насъ существенно важнымъ. На него нельзя отвѣчать въ данную минуту иначе, какъ отрицательно, такъ какъ всякое усиленіе и расширеніе теперешней Румыніи прямо противорѣчитъ нашимъ существеннымъ интересамъ. Доказывать это было бы излишне. Послѣднія событія доказали, какъ намъ будетъ невыгодно имѣть ее въ своемъ сосѣдствѣ, если только она не измѣнитъ своихъ отношеній къ Россіи. Избавиться же отъ нея тогда будетъ несравненно труднѣе. Между тѣмъ нельзя не сознать, что въ случаѣ распаденія Австріи возсоединеніе южной Буковины съ Румыніей сдѣлается вопросомъ времени и что тогда оно состоится. Воспрепятствовать этому мы будемъ не въ силахъ,—значитъ, намъ нужно приготовиться къ тому, чтобы со-временемъ помочь этому и такимъ образомъ, сквитавшись за Бессарабію, возвратить себѣ симпатіи сопредѣльной намъ Молдавіи, которая наиболѣе выиграетъ отъ такого присоединенія. Затѣмъ будущее покажетъ, какъ намъ себя вести далѣе. Для начала простая осторожность должна бы побудить насъ поддерживать по возможности сношенія съ нерумынскими народностями, населяющими Буковину, дабы не дать имъ заглохнуть и подчиниться какому-нибудь преобладающему вліянію; сдѣлать это, конечно, не легко, потому что преобладающіе въ южной Буковинѣ элементы кромѣ румынскаго не представляютъ для насъ достаточно почвы. Русскіе въ лицѣ бѣлокриницкихъ раскольниковъ богаты, но малочисленны, русины забиты и слабы; евреи, венгерцы и нѣмцы не пойдутъ съ нами, не они будутъ служить сильнымъ противовѣсомъ румынофиламъ. Такимъ образомъ если въ Буковинѣ сохранится теперешнее взаимное отношеніе національностей, то опасность въ случаѣ даже присоединенія ея къ Буковинѣ не будетъ представляться для насъ значительною. Если княжества почему-либо распадутся, то тогда намъ будетъ не только выгодно, но даже необходимо подарить Молдавіи Буковину. Этимъ мы возвратимъ себѣ ея симпатіи и усилимъ ее на столько, что она будетъ имѣть возможность поддерживать самостоятельную жизнь и противиться новому поглощенію Валахіею. Отъ недружелюбныхъ же поползновеній по отношенію къ намъ она будетъ служить для насъ надежнѣйшею опорою. Такимъ образомъ мы не только избавились бы отъ крайне непріятнаго и опаснаго сосѣда на границѣ, но замѣнили бы его покорнымъ слугою, который всегда сталъ бы служить намъ вѣрой и правдой, чтобы быть увѣреннымъ въ нашей помощи и заступничествѣ противъ Валахіи и Австріи.

Итакъ, вотъ въ какомъ положеніи относительно Россіи и Австріи находится теперешняя Румынія и какъ вынуждаетъ она насъ къ ней относиться. Многое, впрочемъ, что происходитъ теперь, можно было предсказать, внимательно прослѣдивъ образъ дѣйствій румынъ за время войны и ознакомившись съ нашими отношеніями къ ней за этотъ періодъ.

При началѣ сербской войны, будучи увѣрена, что Европа явится разрѣшителемъ тѣхъ затрудненій, которыя возникали на Балканскомъ полуостровѣ, букарештское правительство не только отказалось отъ всякаго содѣйствія славянамъ, но даже считало своимъ долгомъ дѣйствовать вопреки интересамъ послѣднихъ. Министръ Когальничано противился всякимъ послабленіямъ въ пользу славянъ и даже успѣлъ настоять, чтобы Румынія предложила Портѣ сохранять полнѣйшій нейтралитетъ и оказывать косвенное содѣйствіе Турціи; за эту услугу требовались нѣкоторыя серьезныя уступки въ пользу Румыніи. Предложеніе это однако было отклонено тогда Портою. Тѣмъ временемъ все ярче и ярче обнаруживалось сочувствіе Россіи славянскому дѣлу и выяснилось, что мы не останемся пассивными зрителями въ борьбѣ славянъ съ турками. Букарештское правительство поняло тогда, что можетъ извлечь выгоды изъ сближенія съ Россіей, и начала заискивать въ насъ. Добровольцы получили возможность свободно проѣзжать чрезъ Румынію и къ нимъ начали относиться съ особенной предупредительностью. Отрядъ Краснаго Креста г-жи С. былъ даже встрѣченъ въ Букарештѣ съ особымъ почетомъ. Министръ Когальничано вынужденъ былъ выйти изъ кабинета. Въ концѣ лѣта снисходительность румынъ даже заставляла многихъ удивляться. Генералъ Новоселовъ открыто проѣхалъ чрезъ Румынію со всѣмъ своимъ штабомъ и съ конвоемъ изъ казаковъ. Оказалось излишнимъ хотя сколько-нибудь маскировать личность Новоселова. Отъ времени до времени однако румыны давали намъ понять, что приносятъ серьезныя жертвы, хотя въ дѣйствительности никакихъ жертвъ не приносилось, а дѣйствовали лишь согласно съ своими собственными интересами. Къ заявленіямъ этого рода слѣдуетъ причислить, между прочимъ, сдѣланное по поводу незначительнаго отряда волонтеровъ, собраннаго поручикомъ З., которому приписывалось румынами намѣреніе отторгнуть участокъ Бессарабіи. Въ дѣйствительности же З. мечталъ о занятіи Тульчи и не имѣлъ относительно Румыніи никакихъ враждебныхъ намѣреній. Переполохъ же поднятый румынскимъ правительствомъ, по всей вѣроятности, былъ сдѣланъ съ цѣлью показать, что оно настолько покровительствуетъ движенію, что ея собственнымъ интересамъ начинаетъ грозить опасность.

Съ осени 1876 года и до С.-Стефанскаго мира Румынія постоянно идетъ вмѣстѣ съ Россіей. Но она была нашей союзницей не потому, чтобы сознавала солидарность своихъ интересовъ съ интересами Россіи и славянъ, а для того, чтобъ извлечь для себя въ данный моментъ наибольшія выгоды. Вотъ объясненіе причины, почему, ведя переговоры съ нами

о конвенціи относительно прохода войскъ чрезъ Румынію, букарештскій кабинетъ всѣми силами старался найти въ Европѣ поддержку предложенію, чтобъ Европа воспротивилась вступленію нашихъ войскъ въ княжество. По всей вѣроятности, даже послѣ подписанія конвенціи, между Букарештомъ и Константинополемъ происходили переговоры по этому предмету. Есть серьезныя основанія подозрѣвать Румынію въ подобныхъ переговорахъ. Трудно понять, какъ бы иначе бывшій турецкій главнокомандующій Абдулъ-Керимъ рѣшился отправить передъ войною въ Букарештъ своего адъютанта съ условіями союза Румыніи съ Турціей, а между тѣмъ это фактъ, что 10 апрѣля 1877 г. въ тотъ часъ, какъ изъ одной изъ заставъ Букарешта выѣзжалъ въ императорскую квартиру русскій дипломатическій агентъ, баронъ Спизаръ, въ другую въѣзжалъ адъютантъ турецкаго главнокомандующаго. Въ чемъ заключалось предложеніе Абдулъ-Керима и чѣмъ кончились его переговоры съ румынами, остается и до нынѣ секретомъ. Быть можетъ и состоялось какое-нибудь соглашеніе, но оно не могло имѣть значенія, такъ какъ черезъ два дня послѣ этого русскія войска вступили въ Румынію. До какой же степени дружественное расположеніе къ намъ румынъ было неискренне, можно судить по тому, что на совѣтѣ, происходившемъ у князя передъ подписаніемъ конвенціи, она принята была лишь вслѣдствіе того, что не представлялось другаго исхода. Всѣ присутствовавшіе на совѣтѣ признали, что воспротивиться проходу русскихъ войскъ Румынія не можетъ, Европа же не желаетъ,—слѣдовательно, лучше допустить наши войска по добровольному соглашенію. Вообще румынское правительство во всѣхъ существенныхъ вопросахъ, прежде чѣмъ рѣшиться дѣйствовать съ нами, пробовало избавиться отъ необходимости быть съ нами. Въ менѣе же важныхъ случаяхъ оно высказывало полную готовность сдѣлать намъ пріятное. Такъ, напримѣръ, осенью 1876 г., когда послѣ пораженія подъ Дьюнишемъ русскіе добровольцы начали возвращаться домой, министерство Братіано простерло свою любезность до того, что на станціи желѣзной дороги, на которую прибывали партіи добровольцевъ, заготовлялись особые поѣзда по пониженной платѣ, перевозившіе этихъ добровольцевъ въ Россію. Мало того, приняты были мѣры, чтобы по дорогѣ добровольцы не терпѣли ни въ чемъ нужды. Такъ же предупредительно дѣйствовали румыны и относительно болгарской дружины Милорадовича, которая, будучи распущена въ Сербіи, благодаря ихъ содѣйствію, была размѣщена по частямъ въ Молдавіи и Валахіи. Нельзя не признать, что наши военныя власти сдѣлали громадную ошибку, не позаботившись объ участи этой дружины, которая сослужила намъ большую службу, давъ кадры для сформированныхъ впослѣдствіи болгарскихъ дружинъ. Второстепенныя услуги, которыя оказывала намъ Румынія, не могли, конечно, не производить на насъ благопріятнаго для нея впечатлѣнія и она достигала своей цѣли, сохраняя для себя выходъ въ сближеніи съ Россіей, въ случаѣ если происки на Западѣ не привели бы

ни къ какимъ результатамъ. Только послѣ объявленія нами войны Турціи и вступленія нашихъ войскъ на территорію княжества румыны явились нашими союзниками и не только безпрекословно исполняли всѣ наши желанія, но иногда даже предупреждали ихъ. На сколько искрененъ могъ быть этотъ поворотъ, не трудно судить по тому, что портфель министерства иностранныхъ дѣлъ передъ началомъ военныхъ дѣйствій получилъ Когальничано, предлагавшій союзъ Румыніи съ Турціей. Содѣйствіе оказанное намъ румынами послѣ второй Плевны можетъ заставить, пожалуй, предположить, что въ то время румыны дѣйствовали искренно, но подобное предположеніе едва ли основательно. Если они оказали намъ большую услугу, то не отъ желанія помочь намъ, а находя, что собственные интересы княжества вынуждаютъ ихъ къ подобному образу дѣйствій. Въ то время Румынія не могла уже вступить ни въ какіе переговоры съ турками, утратила всякую надежду на Европу и въ значительной степени связала свою судьбу съ судьбою Россіи. Послѣдняя была въ тотъ моментъ главною опорой княжества и въ случаѣ еслибы мы потерпѣли неудачу, то первые же румыны проиграли бы отъ этого. Рѣшившись же дѣйствовать совмѣстно съ нами, они поступили съ замѣчательнымъ тактомъ. Примѣръ Греціи, уклонившейся отъ союза съ Россіей и до настоящей минуты испытывающей всевозможныя затрудненія, лучше всего доказываетъ, какъ было выгоднѣе поступить. Заслуга въ этомъ дѣлѣ безспорно принадлежитъ бывшему министру-президенту Братіано, самому выдающемуся изъ румынскихъ государственныхъ дѣятелей, представляющему собой одно изъ немногихъ исключеній среди румынской интеллигенціи. Какъ ясно понималъ онъ, чего требуютъ интересы Румыніи, видно изъ того, что когда мы обратились за помощью, то онъ тотчасъ же предписалъ генералу Мано, командовавшему войсками на Дунаѣ, исполнить наше желаніе. На возраженіе же послѣдняго, что это было бы нарушеніемъ конституціи, такъ какъ безъ разрѣшенія палаты министерство не можетъ дать подобнаго предписанія, Братіано отвѣчалъ назначеніемъ на мѣсто Мано другаго лица, которое оказалось болѣе сговорчивымъ. Послѣдствія доказали, что Братіано въ этомъ случаѣ поступалъ какъ дальновидный политикъ; но, распоряжаясь диктаторски, онъ этимъ самымъ показалъ, что не увѣренъ въ политической зрѣлости тѣхъ, отъ которыхъ требовалось получить разрѣшеніе.

Послѣ заключенія С.-Стефанскаго мира замѣчается крутой поворотъ въ отношеніяхъ Румыніи къ намъ. Отчасти это обусловливается тѣмъ, что тогда окончательно выяснилось наше твердое намѣреніе возвратить отошедшій по Парижскому трактату участокъ Бессарабіи, отчасти же нашими собственными промахами. Какъ бы то ни было, но Румынія все таки оказала намъ услугу во время войны и относиться къ ней съ тѣмъ пренебреженіемъ, которое мы высказали во время переговоровъ съ Турціей, было по меньшей мѣрѣ неосторожно. Тогда же въ Румыніи послы-

шался ропотъ на то, что мы заставляемъ ее играть незавидную роль. Полковникъ Аріонъ, отправленный румынскимъ правительствомъ въ С.-Стефано, какъ делегатъ отъ Румыніи при веденіи переговоровъ съ турками, счелъ даже болѣе удобнымъ возвратиться въ Бухарештъ, такъ какъ присутствіе его въ С.-Стефано оказывалось совершенно излишнимъ, что ему, кажется, и дали понять. Румыны, естественно, сочли себя обиженными. Получивъ извѣщеніе о заключеніи С.-Стефанскаго мира, они не только не выказали удовольствія при этомъ, но едва даже не сдѣлали непріязненную намъ манифестацію. Ст. 19 договора относительно обмѣна Добруджи на участокъ Бессарабіи они считали оскорбительною для собственнаго достоинства и тотчасъ же желали дать намъ почувствовать это. Какъ извѣстно, С.-Стефанскій миръ былъ встрѣченъ съ неудовольствіемъ не одними румынами,—вся западная Европа отнеслась къ нему крайне недоброжелательно. Правительство княжества, не имѣя болѣе надобности въ поддержкѣ Россіи, поспѣшило войти въ сношенія съ другими великими державами, надѣясь найти въ нихъ защиту противъ притязанія Россіи на участокъ Бессарабіи. Независимость и территоріальное увеличеніе обезпечивались Румыніи С.-Стефанскимъ трактатомъ,—требовалось, слѣдовательно, только сохранить то, что теряло княжество по этому трактату. Достичь же этого можно было лишь при содѣйствіи Запада. Съ весны 1878 г. наши отношенія къ Румыніи становятся крайне натянутыми и намъ приходится испытывать множество непріятностей, благодаря недружелюбному образу дѣйствій румынскихъ министровъ. Въ то время всѣ великія западныя державы были противъ Россіи и Румынія присоединилась къ нашимъ противникамъ. Она разсчитывала, что въ случаѣ новой войны мы будемъ вынуждены отказаться отъ присоединенія участка Бессарабіи. На Берлинскомъ конгрессѣ депутаты правительства князя Карла даже протестовали противъ всякаго отчужденія румынской территоріи, но требованіе ихъ не могло быть удовлетворено, такъ какъ Россія заявила, что въ этомъ вопросѣ не намѣрена сдѣлать ни малѣйшей уступки. Румыны были вынуждены подчиниться рѣшенію Берлинскаго конгресса, но тѣмъ болѣе непріязненно они стали къ намъ относиться. Отчасти впрочемъ мы сами были виноваты, что наши отношенія къ Румыніи сильно обострились. Еслибы своевременно, т. е. при самомъ началѣ послѣдней Восточной войны, мы вступили въ переговоры съ румынами относительно уступки намъ участка Бессарабіи и пришли бы къ соглашенію по этому вопросу, то не было бы поводовъ враждебно относиться къ намъ, а подобное соглашеніе могло состояться. Наконецъ, даже и впослѣдствіи мы могли бы удовлетворить румынъ, уступивъ имъ вмѣсто Добруджи Виддинскій округъ, которой они желали пріобрѣсть. Хотя они и добивались этой уступки, но едва ли пріобрѣтеніе Виддинскаго округа было бы полезно для княжества. По всей вѣроятности, оно не могло бы удержать его за собой, а мы, сохранивъ Добруджу за Болгаріей, имѣли бы на Балканскій

полуостровъ проходъ, который намъ необходимъ и котораго въ настоящее время мы лишены. Вообще надо признать, что румыны могутъ до нѣкоторой степени обвинять насъ самихъ въ тѣхъ отношеніяхъ, которыя установились между Россіей и правительствомъ княжествъ; но наибольшая отвѣтственность падаетъ, конечно, на самихъ румынъ, которые, сдѣлавшись слѣпыми подражателями Запада, дѣйствуютъ въ ущербъ истиннымъ интересамъ страны.

Быть передовымъ пунктомъ романскихъ народовъ, о чемъ мечтаетъ мѣстная интеллигенція, Румынія не можетъ даже по своему географическому положенію, и тѣ, кто указываютъ ей эту роль, или заблуждаются, или сознательно ведутъ государство къ гибели. Рано или поздно славянскія народности, окружающія Румынію, достигнутъ высокой степени культуры и передовой пунктъ Запада, какъ называютъ княжества Румыніи, поставленъ будетъ въ безвыходное положеніе. Румыніи поэтому необходимо заблаговременно позаботиться объ установленіи такихъ отношеній къ славянамъ, которыя обезпечивали бы ей мирное развитіе своихъ внутреннихъ силъ, а выступая въ роли le boulevard de l'Occident contre les empiètements de l'Orient, она лишаетъ себя возможности войти въ соглашеніе съ славянами. Венгрія, государство несравненно болѣе сильное, чѣмъ Румынія, и та чувствуетъ всѣ неудобства занятаго ею враждебнаго по отношенію къ славянамъ положенія; но Венгріи трудно уже измѣнить своей традиціонной антиславянской политикѣ, Румынія же, какъ молодое государство, должна была въ своихъ собственныхъ интересахъ теперь же обратить вниманіе на свое положеніе относительно славянъ и Россіи. То, что въ настоящее время легко можетъ быть достигнуто, впослѣдствіи потребуетъ значительныхъ жертвъ. Ни Россія, ни славяне не могутъ желать не только поглощенія румынской народности *), но даже какихъ-либо стѣсненій развитію ея внутреннихъ силъ. Румынскій народъ внутренно сознаетъ это и поэтому относится къ Россіи и славянамъ весьма дружелюбно; но румынская недоразвитая интеллигенція подъ вліяніемъ Запада желаетъ вести государство на путь борьбы съ тѣми, кто исторически и географически должны быть союзниками Румыніи. Надо надѣяться однако, что съ поднятіемъ общаго уровня образованія въ королевствѣ измѣнится и политика Румыніи. Если же, къ сожалѣнію, эти надежды не оправдаются, то славяне будутъ поставлены въ необходимость выдержать съ румынами серьезную борьбу. Было бы желательно, конечно, этого избѣгнуть, но условія, при которыхъ образовалось новое королевство, невольно возбуждаютъ опасенія за будущее.

Влад—овъ.

---

*) Что составляетъ одну изъ политическихъ задачъ Австріи.

ВНУТРЕННЕЕ ОБОЗРѢНІЕ.

I. Вопросы дня.

По поводу отставки графа Лорисъ-Меликова и циркуляра г. министра народнаго просвѣщенія.—Безпорядки на югѣ.—Главныя причины этого печальнаго явленія и главныя средства къ устраненію зла.—Необходимость обновленія нашего общественнаго строя.

Наиболѣе выдающійся, наиболѣе популярный государственный дѣятель въ Россіи, графъ М. Т. Лорисъ-Меликовъ, оставилъ свой многотрудный постъ. На его мѣсто министромъ внутреннихъ дѣлъ назначенъ графъ Игнатьевъ, бывшій константинопольскій посолъ, дважды бывшій нижегородскимъ генералъ-губернаторомъ (въ ярмарочное время). Имя графа Игнатьева хорошо извѣстно русскому обществу, и заслуги его при заключеніи договоровъ съ Китаемъ (по уступкѣ Амурскаго края) и съ Турціей (Сан-Стефанскій трактатъ, изуродованный Берлинскимъ конгрессомъ) принадлежатъ къ числу наиболѣе блестящихъ актовъ русской дипломатіи. Но что означаетъ отставка графа Лорисъ-Меликова? Смѣна ли это только лицъ или направленій? *Сѣверо-Германская Всеобщая Газета* выступила съ торжественными завѣреніями передъ лицомъ Европы, что она должна довѣрять новому русскому министру внутреннихъ дѣлъ, а *Московскія Вѣдомости* провозгласили, что теперь у насъ начнется *національная* политика (внутренняя, конечно). Изъ послѣдующихъ статей газеты оказалось, что національная политика должна заключаться въ стѣсненіи свободы печати, въ ограниченіи независимости суда, и. т. д. *Московскія Вѣдомости* рѣшительно полагаютъ, что такая охранительная свистопляска должна начаться именно съ удаленіемъ отъ дѣлъ графа М. Т. Лорисъ-Меликова....

Бывшій министръ внутреннихъ дѣлъ возбудилъ къ себѣ глубокое довѣріе и земства, и власти, и народа, до котораго дошли вѣсти о гуманномъ и вмѣстѣ съ тѣмъ энергическомъ государственномъ дѣятелѣ. Народъ весьма сочувственно посмотрѣлъ на ненаціональную будто бы политику графа Лорисъ-Меликова. Ничего не можетъ быть на Руси національнѣе твердости, соединенной съ великодушіемъ, быстроты и справедливости дѣйствія, соединенныхъ съ пощадою и мягкостью. А именно этими каче-

ствами, въ выдающейся степени, отличается знаменитый и военными подвигами, и заслугами въ гражданскомъ управленіи бывшій министръ внутреннихъ дѣлъ. Изъ всѣхъ русскихъ людей довѣріе покойнаго Императора, въ необычайно-трудную для Россіи годину, остановилось на графѣ Лорисъ-Меликовѣ, и все, что находилось въ предѣлахъ силъ одного человѣка, съ которымъ рука объ руку шли весьма немногіе изъ власть имѣющихъ,— все это было сдѣлано или подготовлено, какъ свидѣтельствуютъ отзывы подавляющаго большинства органовъ русской пачати. Газета *Русь*, которую какой-то злой рокъ и нѣкоторое упрямство нерѣдко толкаютъ въ сторону *Московскихъ Вѣдомостей*, такъ отозвалась о бывшемъ министрѣ внутреннихъ дѣлъ: «Графъ Лорисъ-Меликовъ оставляетъ по себѣ блестящій слѣдъ. Россія не можетъ не припомнить съ благодарностью, какъ успокоились ея нервы, какъ поднялось и обновилось состояніе общественнаго духа съ его назначеніемъ. Ни одинъ, кажется, министръ въ Россіи, а изъ министровъ внутреннихъ дѣлъ и положительно никто, не пользовался до него такою популярностью и общимъ довѣріемъ. Чувствовалось, что прибыло ума, жизни, широкаго и дѣятельнаго почина (чего всегда было очень скудно) и умалилась бюрократическая рутина; дышалось свободнѣй и легче. Много истинно-полезнаго успѣлъ онъ совершить въ краткій періодъ своего нахожденія у дѣлъ».

До назначенія начальникомъ верховной распорядительной коммиссіи графъ М. Т. Лорисъ-Меликовъ былъ харьковскимъ генералъ-губернаторомъ и съумѣлъ возбудить всеобщія симпатіи, съумѣлъ доставить власти и уваженіе, и любовь общества. Ни одной смертной казни не было въ Харьковскомъ генералъ-губернаторствѣ (изъ другихъ же генералъ-губернаторствъ не было казней только въ Московскомъ). Когда страшная опасность шла на насъ изъ Азіи, то для борьбы съ этою опасностью, съ ветлянскою чумою, покойный Государь послалъ графа Лорисъ-Меликова. Извѣстно, какъ удачно и скоро было исполнено и это въ высшей степени трудное порученіе.

Дѣятельность графа Лорисъ-Меликова принадлежитъ исторіи; возобновленіе этой дѣятельности съ величайшею радостью встрѣтило бы русское общество, которое вновь почувствовало бы, какъ выразилась *Русь*, что прибыло ума, жизни, широкаго и дѣятельнаго почина... Новый министръ внутреннихъ дѣлъ обратился къ начальникамъ губерній съ циркуляромъ, который разсчитанъ, конечно, на то, что онъ произведетъ впечатлѣніе на все общество. По поводу этого циркуляра газеты уже высказались, и, въ большинствѣ случаевъ, справедливо, указывается на широкія и слишкомъ неопредѣленныя намѣренія и обѣщанія, заключающіяся въ этомъ документѣ. Въ циркулярѣ нѣтъ признаковъ возвѣщенной *Московскими Вѣдомостями* «національной» политики. Наоборотъ, земству и городскимъ сословіямъ (очень много у насъ сословій! Недавно появилось *трактирное*) торжественно обѣщано, что дарованныя имъ права останутся въ полной

неприкосновенности. Что касается до печати, то графъ Игнатьевъ заявилъ недавно, какъ министръ государственныхъ имуществъ, весьма сочувственное къ ней отношеніе. Нѣсколько странно видѣть въ циркулярѣ г. министра внутреннихъ дѣлъ архаическое выставленіе впередъ *дворянскаго сословія*. Рѣчь ведется къ нему, «*да будетъ оно увѣрено*, какъ и все русское земство и городскія сословія, что дарованныя имъ права останутся, согласно Высочайшей волѣ, въ полной неприкосновенности». Представьте, что учитель географіи начнетъ урокъ слѣдующимъ образомъ: всѣ великія рѣки Европейской Россіи, Москва-рѣка, какъ и Волга, Днѣпръ, Кама и другія, имѣютъ въ судоходномъ отношеніи огромное значеніе... Москвѣ-рѣкѣ, наоборотъ, надо поскорѣе слиться съ Окою, съ Волгою, чтобъ вступить въ великую систему земскихъ водъ.

Въ концѣ циркуляра выражено положительное обѣщаніе: «Правительство приметъ при этомъ безотлагательныя мѣры, чтобъ установить правильные способы, которые обезпечивали бы наибольшій успѣхъ живому участію мѣстныхъ жителей въ дѣлѣ исполненія Высочайшихъ предначертаній». Мы не рѣшаемся думать, что въ данномъ случаѣ рѣчь идетъ объ участіи мѣстныхъ жителей въ такъ-называемой исполнительной, полицейской власти. Самоуправленіе и представительство имѣютъ надлежащее мѣсто въ области законодательной власти и контроля за дѣйствіями администраціи. Чтобъ обезпечить *живое участіе* русскихъ людей въ этой области, необходимо прежде и больше всего установленіе закономъ начала личной неприкосновенности, свободы совѣсти, печати и слова. А *Московскія Вѣдомости* завѣряютъ, что такая политика, политика графа Лорисъ-Меликова, была ненаціональною. Конечно, и при бывшемъ министрѣ внутреннихъ дѣлъ *національнаго*, во вкусѣ *Московскихъ Вѣдомостей*, оставалось не мало; но много безобразій было изгнано или по крайней мѣрѣ ослаблено: административная ссылка сократилась въ размѣрахъ и смягчилась; печать имѣла относительную свободу; земства не были опутаны запрещеніями и стѣсненіями. Общество встрепенулось; его *живое участіе* къ вопросамъ государственнаго управленія пробудилось и окрѣпло, окрѣпло настолько, что безъ особаго вреда (а быть-можетъ и съ пользою) перенесетъ временное ненастье...

Князь Бисмаркъ, сильно обезпокоенный ненаціональною, то-есть нерусскою, политикою г. бывшаго министра внутреннихъ дѣлъ, открыто высказывалъ, какъ испытанный другъ русскаго народа (что было блистательно доказано, между прочимъ, и союзомъ его съ Биконсфильдомъ и Андраши на Берлинскомъ конгрессѣ), свое недовольство управленіемъ графа Лорисъ-Меликова.

Московскія Вѣдомости и ихъ высокопоставленные, но близорукіе друзья, также возставали противъ либеральнаго направленія графа Лорисъ-Меликова и А. А. Абазы, вышедшаго въ отставку вмѣстѣ съ г. бывшимъ министромъ внутреннихъ дѣлъ.

Представители петербургской городской думы явились засвидѣтельствовать графу Лорисъ-Меликову признательность за доброжелательное отношеніе къ столичному самоуправленію, за пользу принесенную городу. Тифлисская городская дума сдѣлала весьма сочувственное заявленіе въ томъ же смыслѣ. Общество для содѣйствія русской промышленности и торговлѣ единогласно, при громѣ рукоплесканій, избираетъ бывшаго министра въ почетные члены и благодаритъ его за *громадныя заслуги, оказанныя дѣлу порядка и прогресса въ Россіи.* Черезъ день, 15 мая, то же общество подписываетъ графу Лорисъ-Меликову слѣдующій адресъ: «Ваше сіятельство, графъ Михаилъ Таріеловичъ! При многотрудныхъ государственныхъ дѣлахъ удостоивъ своего высокаго вниманія положеніе нашего Сѣвера, вы защитили промышленные интересы русскихъ и содѣйствовали разрѣшенію важныхъ экономическихъ вопросовъ, что будетъ имѣть благотворное вліяніе на развитіе отечественнаго торговаго мореходства и на благосостояніе цѣлаго края. С.-петербургское отдѣленіе Общества для содѣйствія русскому торговому мореходству, сознавая важное значеніе оказанныхъ вами услугъ цѣли Общества, признаетъ своимъ долгомъ выразить вамъ искреннюю признательность и глубочайшее уваженіе. Вмѣстѣ съ тѣмъ оно не можетъ не скорбѣть, что болѣзнь заставила васъ оставить тяжелую обязанность министра внутреннихъ дѣлъ. Государственная дѣятельность вашего сіятельства доказала безкорыстную преданность Престолу, безпредѣльную любовь къ отечеству и полное самоотверженіе для общаго блага въ тяжелое время, которое мы переживали. Вашей дѣятельности, какъ государственнаго человѣка, не забудетъ исторія; ваши же благодѣльные подвиги на полѣ брани составляютъ славу нашего отечества».

Присоединяясь къ выраженіямъ искренняго и глубокаго сожалѣнія объ отставкѣ графа Лорисъ-Меликова, мы рѣшаемся выразить надежду, что новый министръ внутреннихъ дѣлъ убѣдится въ необходимости идти тѣмъ же путемъ, бороться съ тѣми же вліяніями, съ которыми, по слухамъ, приходилось бороться и графу Лорисъ-Меликову. Подтвержденіемъ этой мысли служитъ отчасти циркуляръ г. министра народнаго просвѣщенія, напечатанный, по Высочайшему повелѣнію, уже по вступленіи въ должность графа Игнатьева.

«Соприкасаясь,—говоритъ баронъ Николаи,—самыхъ жизненныхъ духовныхъ потребностей всѣхъ сословій и призванное прилагать всѣ свои старанія къ возможному ихъ удовлетворенію, министерство народнаго просвѣщенія менѣе всякаго другаго правительственнаго органа можетъ жить въ канцелярской или формальной замкнутости и не прислушиваться голоса общественнаго мнѣнія въ лицѣ законныхъ его представителей. Сохраняя твердо въ своихъ рукахъ право руководить общимъ направленіемъ, которое должно быть дано духовному развитію народа, правительство со вниманіемъ относится къ ходатайствамъ, обращаемымъ къ нему законнымъ путемъ, о

нуждахъ, истекающихъ изъ священнѣйшихъ обязанностей къ возрастающему поколѣнію. Какъ высшіе въ районѣ своего управленія представители правительственной заботливости о народномъ образованіи, попечители учебныхъ округовъ, не уклоняясь при исполненіи прямыхъ своихъ обязанностей отъ указанныхъ имъ закономъ путей и охраняя въ предѣлахъ предоставленной имъ власти установленныя правила и порядокъ въ подвѣдомыхъ имъ учебныхъ заведеніяхъ, должны, вмѣстѣ съ тѣмъ, черезъ постоянное общеніе какъ съ мѣстными властями, такъ и съ общественною средой, служить связывающимъ звѣномъ между мѣстными нуждами и центральнымъ управленіемъ».

Уже одна эта цитата достаточно свидѣтельствуетъ о томъ, что г. Катковъ по-своему правъ, не печатая циркуляра въ *Московскихъ Вѣдомостяхъ*. То, что говорится въ немъ объ университетахъ, о пользѣ и необходимости охраны ихъ самоуправленія, должно еще болѣе не нравиться партіи московской газеты.

«Высочайше утвержденный 18-го іюня 1863 года общій уставъ Императорскихъ россійскихъ университетовъ, предоставивъ университетамъ широкое самоуправленіе, возложилъ на нихъ же, въ одинаковой мѣрѣ, обязанность пещись какъ о развитіи науки и о возбужденіи въ учащемся юношествѣ любви къ ней, такъ и объ охраненіи порядка въ стѣнахъ университетскихъ. Средствами для сей послѣдней задачи являются: право установить правила объ обязанностяхъ учащихся, о порядкѣ въ университетѣ и о взысканіяхъ за его нарушеніе, избирать лицъ для наблюденія за этими порядками и совершать судъ надъ нарушителями. Облекая ученую коллегію такими полномочіями и оказывая ей такое обширное довѣріе, правительство, конечно, изыскивало наилучшее, по его мнѣнію, средство, дабы облегчить учащемуся юношеству возможность пріобрѣтенія высшихъ познаній и охранить научныя его занятія отъ посягательства на спокойное ихъ теченіе. Ученое сословіе не можетъ не стать на высоту этого довѣрія, закономъ ему оказываемаго. Не останавливаясь на различныхъ мѣропріятіяхъ, въ послѣдніе годы временно пріостанавливавшихъ полное развитіе началъ, положенныхъ въ основаніе устава 1863 года и вызванныхъ исключительными событіями, я полагаю, что твердое установленіе, на почвѣ законности, отношеній ученой корпораціи къ университету и его слушателямъ должно послужить вернѣйшимъ залогомъ постепеннаго возстановленія порядка и тишины и полнаго возвращенія университетовъ къ тѣмъ условіямъ правильной научной жизни, которыя одни могутъ обезпечить успѣхъ ихъ дѣятельности».

Личный опытъ г. министра народнаго просвѣщенія, во время его управленія Кіевскимъ учебнымъ округомъ, убѣдилъ барона Николая въ справедливости этого мнѣнія. Циркуляръ говоритъ далѣе, что «ученымъ корпораціямъ ввѣрена будущность Россіи, въ лицѣ будущихъ ея образованнѣйшихъ общественныхъ дѣятелей; отъ нихъ зависитъ доказать, что,

служа наукѣ, онѣ служатъ опорою основамъ гражданственности, закону, порядку и доброй нравственности. Уважая ихъ призваніе, буду,—заявляетъ министръ,—уважать права, закономъ имъ предоставленныя, ожидая не въ меньшей мѣрѣ исполненія такихъ обязанностей, которыя съ этими правами неразрывно связаны».

Переходя къ среднимъ учебнымъ заведеніямъ, баронъ Николаи напоминаетъ о требованіяхъ гигіены, о необходимости соразмѣрять школьныя програмы съ силами большинства учащихся. Министръ утверждаетъ, что между семьей и школой должны быть дружественныя и тѣсныя отношенія. «Не малое число среднихъ учебныхъ заведеній содержится, въ большей или меньшей мѣрѣ, на суммы общественныя. Въ такихъ заведеніяхъ представителямъ общества законъ даетъ право на участіе въ завѣдываніи училищами. Это право должно быть уважаемо по буквѣ и по духу закона, его даровавшаго. Жизнь училищъ должна быть открыта общественному взору. Чѣмъ она будетъ правильнѣе, чѣмъ болѣе въ ней будетъ царить живой духъ, а не мертвая форма, тѣмъ болѣе школа будетъ уважаема и любима. Не строгость дисциплины, учебной и воспитательной, возбуждаетъ жалобы въ благомыслящемъ обществѣ: она необходима для исполненія высокой задачи, которую школа несетъ передъ Россіею, ибо дисциплина въ жизни создается дисциплиною въ школѣ; но холодный формализмъ, всякое проявленіе пристрастности, всякое уклоненіе отъ духовно-нравственной задачи, разрѣшеніе которой возложено на школу, вызываетъ справедливыя нареканія и заслуженное порицаніе».

Наконецъ въ области начальнаго образованія г. министръ народнаго просвѣщенія отводитъ земству и вообще самоуправленію надлежащее мѣсто, строго порицая систему затрудненій земству и пререканій съ нимъ. Для совокупности дѣйствій правительства и мѣстнаго представительства,—говорится въ циркулярѣ,—«существуютъ училищные совѣты: значеніе и права ихъ должны быть уважаемы. Директоры и инспекторы народныхъ школъ, какъ непосредственные агенты министерства народнаго просвѣщенія, должны являться агентами заботливости правительственной, а не стѣсненія самодѣятельности общественной: сію послѣднюю они обязаны уважать и поощрять».

Если наши дѣти будутъ воспитываться такъ, какъ того желаетъ баронъ Николаи, если обществу будетъ, наконецъ, дана возможность участвовать и въ другихъ отросляхъ государственнаго управленія, а личности русскаго гражданина будетъ обезпечена необходимая свобода, то болѣзнь, постигшая государство, пройдетъ скоро и не оставитъ слѣдовъ.

На всемъ югѣ Россіи—и въ многолюдныхъ городахъ, гдѣ сосредоточены власти и войска, и въ небольшихъ мѣстечкахъ и селеніяхъ—происходило разграбленіе еврейскаго имущества, разрушеніе еврейскихъ домовъ и храмовъ, избіеніе самихъ евреевъ. Озлобленная толпа ходила по улицамъ и

творила беззаконное, безчеловѣчное дѣло. Спору нѣтъ, евреи-шинкари, евреи-кредиторы были на югѣ тяготою не малою; но дикая расправа съ ними свидѣтельствуетъ о глубокомъ невѣжествѣ народа, объ отсутствіи у него чувства законности. Да и гдѣ было развиваться этому чувству законности? Вѣдь *«правовый порядокъ»* представляетъ пошлую, отжившую свой вѣкъ доктрину, какъ говорятъ наши охранители.

Тысячи людей пострадали болѣе или менѣе значительно. Газеты полны описаніями ужасающихъ картинъ. Перепуганныя дѣти, больныя, до отчаянія доведенныя женщины—бѣгутъ изъ городовъ и деревень, все бросая, спасая только жизнь. Мы не станемъ повторять этихъ описаній, не станемъ еще болѣе тревожить воображеніе читателя, и безъ того взволнованнаго и опечаленнаго газетными извѣстіями. Нѣтъ достаточно сильныхъ словъ, чтобы протестовать противъ буйнаго насилія человѣка надъ человѣкомъ. Никакими соображеніями, по нашему глубокому убѣжденію, нельзя оправдать отсутствія законности и человѣчности. Ихъ отсутствіе указываетъ, что существующему строю не достаетъ именно, какъ выражается одна газета, *основныхъ основъ,* ибо этими основами и должны являться законность и человѣчность.

Но какъ быть? Какія мѣры принять къ предотвращенію грабежа и насилій на будущее время? Очевидно, что для этого должно устранить тѣ причины, которыя вызвали безпорядки, а причины эти заключаются въ невѣжествѣ и горькой бѣдности массы населенія.

Въ педагогической хроникѣ журнала *Семья и Школа* еще въ прошломъ году такъ описывалось состояніе народнаго образованія на югѣ Россіи: «Въ 1863 году случилось величайшее несчастіе для малорусскаго народа,—несчастіе, которому мы обязаны тѣмъ, что, потративъ милліоны народныхъ денегъ, до сихъ поръ не имѣемъ *народной* сельской школы. Вспыхнувшее въ началѣ 1863 года польское возстаніе вызвало ложную идею о необходимости «обрусить» малорусскій народъ. Понадобились «обрусители»; дѣло за ними не стало.... Они явились тысячами. Дѣятельность ихъ извѣстна. Экономической стороны ея мы не касаемся, но педагогическая сторона была *преступна.* Пользуясь тѣмъ, что въ уставѣ не было прямаго *разрѣшенія* употреблять въ народныхъ школахъ народный языкъ, обрусители это *невоспрещеніе* перетолковали въ смыслѣ *запрещенія.* Народный языкъ былъ сперва *недопущенъ* въ народную школу, а когда послѣ 1866 года началась эпоха дѣятельности бюрократовъ директоровъ и инспекторовъ, то народный языкъ начали *преслѣдовать.* Живое слово учителя, или книга на народномъ языкѣ признавались фактомъ преступной «неблагонамѣренности» и основаніемъ для изгнанія учителя и замѣщеніемъ его уроженцемъ Вятки или Уфы, а не то Виндавы или Риги.... Директора и инспектора своими набѣгами оттолкнули отъ земскихъ школъ земство и успѣли навести на однихъ панику, другихъ же—«склонить» на свою сто-

рону, въ пользу «единодушной» дѣятельности къ распространенію въ народныхъ школахъ бюрократизма и обрусенія....

«Результаты извѣстны. Земства, т. е. лучшіе земскіе люди, или махнули на школы и удалились въ свои Монрепо, или были удалены.... Бюрократы-педагоги, купно съ бюрократами-земцами, Краснопѣвцевыми и Подоугольниковыми, торжествовали.... Не подоспѣй общая воинская повинность съ своими льготами по образованію, — школы на югѣ давно бы стояли пустыми.... А печать должна была молчать».

Въ другомъ выпускѣ *Семьи и Школы* были помѣщены интересныя статистическія данныя. «Населеніе Полтавской губ. составляетъ 2.132.000 душъ обоего пола, поселенныхъ въ 4.519 населенныхъ пунктахъ, на пространствѣ 43.844 квад. верстъ. Въ составѣ этого населенія дѣтей школьнаго возраста отъ 7 до 13 лѣтъ насчитываютъ 342.126,—167.315 мальчиковъ и 174.811 дѣвочекъ. Изъ общаго числа дѣтей школьнаго возраста, такихъ, которыя посѣщаютъ школы, или «хотя и не посѣщаютъ, но уже научились читать и писать»,—22.345 мальчик. и 1.789 дѣвочекъ, всего 24.734. Въ процентномъ отношеніи это составитъ: грамотныхъ мальчиковъ 13,33% и дѣвочекъ 1,03, а неграмотныхъ мальчиковъ 86,67% и дѣвочекъ 98,97%».

На основаніи оффиціальныхъ отчетовъ оказывается, что ничтожное вообще количество южно-русскихъ народныхъ училищъ подвергалось еще уменьшенію. Такъ, «инспекторъ народныхъ училищъ Полтавской губерніи удостовѣряетъ, что къ 1 января 1869 года сельскихъ училищъ въ губерніи было 436, а къ 1 января 1870 года ихъ осталось 407,—слѣдовательно, произошло *уменьшеніе на двадцать девять школъ*. Директоръ училищъ Екатеринославской губерніи, въ отчетѣ за 1876 годъ, утверждаетъ, что къ 1 января 1877 года начальныхъ народныхъ училищъ въ губерніи числилось 323, «противъ прошлаго года *менѣе* тремя училищами». Въ 1875 году сельскихъ мужскихъ училищъ въ той же губерніи было 118, а въ 1876 году уже стало 111: опять *уменьшеніе* на семь школъ.

«Изъ отчетовъ херсонскаго губернскаго земства мы узнаемъ, что въ годъ освобожденія крестьянъ (1861 годъ) бывшіе крѣпостные крестьяне открыли на свой счетъ 85 школъ. Въ періодъ времени 1865—1869 годовъ сельскія общества открыли у себя 147 школъ; въ слѣдующій періодъ 1870—1874 годовъ вновь открыто только 70 школъ, а въ 1874 г. (годъ наиболѣе усиленной дѣятельности чиновниковъ министерства графа Толстаго) *закрыто* сельскими обществами *двадцать* школъ.... Это въ одинъ только годъ, и притомъ въ той губерніи, въ которой веденіе земскаго дѣла весьма удовлетворительно и въ которой земство убѣждено, что ни одна школа ни подъ какимъ видомъ не должна быть закрываема, «въ случаѣ же крайне плохаго ея положенія, или безуспѣшности ея существованія, она должна быть подвергаема внутреннимъ реформамъ, въ чемъ бы послѣднія ни заключались; но отнюдь *не* должна быть закрываема». Сокра-

щалось число и не земскихъ школъ. Изъ отчетовъ бывшаго оберъ-прокурора св. синода, графа Толстаго, оказывается, что въ Кіевской губерніи «въ 1870 году числилось сельскихъ школъ 1.366, въ 1872 году 1.307, въ 1874 году 1.317, т. е. въ теченіе четырехъ лѣтъ послѣдовало *уменьшеніе* на сорокъ девять школъ. Заглядываемъ въ отчетъ по Волынской губеніи и видимъ, что въ 1870 году было 1.189 школъ, а въ 1873 году только 383; такимъ образомъ въ три года исчезло 806 школъ...» Въ Подольской губерніи въ 1870 году показано 1.248 школъ, а въ 1875 г. только 1.027.

Не мудрено, что при такихъ условіяхъ южно-русское населеніе не въ состояніи, во-первыхъ, противостоять смышленому, беззастѣнчивому въ торговыхъ пріемахъ племени и поддается, во-вторыхъ, всякому неясному слуху, всякой злонамѣренной агитаціи, смѣшивая *крамольниковъ* съ *краморниками* (мелочные торговцы, въ большинствѣ — евреи) и вѣруя въ распоряженіе свыше бить жидовъ. Съ другой стороны, южно-русскій крестьянинъ находится въ тяжеломъ, даже нерѣдко бѣдственномъ экономическомъ положеніи. Мы уже много разъ говорили объ этомъ на страницахъ *Русской Мысли*. Слѣдовательно, еврейскій вопросъ есть вопросъ бѣдности и невѣжества большинства крестьянскаго (и городскаго) населенія на югѣ Россіи. Несомнѣнно, что часть нашего народа чувствуетъ къ евреямъ и глубокую антипатію, имѣющую религіозное и историческое основаніе. Уживаясь мирно съ магометаниномъ и даже язычникомъ, русскій православный труднѣе, быть-можетъ, примиряется съ русскимъ Моисеева закона. Но и въ этомъ отношеніи образованіе, смягчая нравы и облегчая усвоеніе истинно-христіанской морали, представляетъ наилучшее средство къ предупрежденію кровавыхъ столкновеній между различными племенами одного и того же государства. Безъ сомнѣнія, образованіе еще болѣе необходимо еврейскому населенію, которому пора отвыкать отъ беззастѣнчивой наживы на счетъ обнищалаго народа. Кромѣ школъ, необходимо широкое развитіе самоуправленія, безпрепятственный ростъ представительныхъ учрежденій, гдѣ всѣ разноплеменные граждане великаго государства одинаково служили бы своей общей родинѣ. Мы много разъ высказывали твердое убѣжденіе, что великорусское племя, охватившее громадное пространство между Бѣлымъ и Чернымъ моремъ, между Великимъ океаномъ и Балтійскимъ моремъ, и уже растворившее въ себѣ много племенъ, не нуждается въ полицейской охранѣ, въ административной опекѣ, чтобъ оградить цѣлость государства и сохранить за собою преобладающее, руководящее положеніе. Къ сожалѣнію, самодѣятельности народа и общества воздвигнуты сильныя препятствія; въ послѣднее же время для охраненія *органическаго самороста* вводятся въ употребленіе новыя подпоры и закрѣпленія. Въ существенномъ же отношеніи, въ дѣлѣ распространенія начальнаго образованія и въ противодѣйствіи упадку крестьянскаго благосостоянія, дѣлается весьма мало. Къ счастію, свѣдѣнія изъ разныхъ мѣстностей Россіи позволяютъ надѣяться на хорошій урожай. Такимъ об-

разомъ представляется надежда, что крестьянинъ нашъ нѣсколько поправится въ нынѣшнемъ году. А въ этомъ давно уже чувствуется крайняя необходимость. Въ *Московскій Телеграфъ* писали изъ села Обиточнаго, Бердянскаго уѣзда, Таврической губерніи: «При мало-мальски плохомъ урожаѣ обиточенцы не могутъ обходиться безъ пособій изъ продовольственныхъ капиталовъ, такъ что съ 1873 года не проходило почти ни одного года, чтобъ обиточенцы не нуждались въ пособіи. За періодъ съ 1873 по 1877 годъ имъ было выдано 13.810 рублей, въ настоящее же время ихъ долгъ въ губернскій продовольственный капиталъ перешелъ уже за 20.000 рублей. Въ уплату этого долга обиточенцы ничего не вносятъ, да и врядъ ли когда-либо будутъ въ состояніи уплатить хотя бы часть его. Чтобы дать имъ возможность сколько-нибудь оправиться, необходимо совершенно измѣнить ихъ теперешнее положеніе. При наличныхъ же условіяхъ обиточенцы будутъ постоянными нахлѣбниками и неоплатными должниками земства. Крайне грустное и почти безвыходное положеніе обиточенцевъ сложилось слѣдующимъ образомъ. Бывшіе крѣпостные графини Толстой, они, при освобожденіи отъ крѣпостной зависимости, по договору, заключенному съ повѣреннымъ графини Толстой, получили въ надѣлъ даръ по 1¼ десятины на душу, а всего на 689 душъ мужскаго пола, имѣвшихъ въ то время право на полученіе надѣла въ 861¼ десятинъ. Такая ограниченность земельнаго надѣла роковымъ образомъ отозвалась на положеніи обиточенскихъ крестьянъ. Враждебныя отношенія экономіи гр. Толстой къ обществу, какъ видно изъ заявленій самихъ крестьянъ, *за долгое ихъ несогласіе на сдѣлку по уставной грамотѣ*, заставили ихъ нанимать землю подъ посѣвъ въ отдаленныхъ отъ с. Обиточнаго мѣстностяхъ и иногда по крайне дорогой цѣнѣ. При частыхъ неурожаяхъ это повело къ тому, что обиточенцы лишились болѣе половины своего скота и окончательно разорили свои хозяйства».

Изъ Бѣлой-Церкви, Кіевской губерніи, сообщаютъ, что отсутствіе въ юго-западномъ краѣ доступныхъ крестьянамъ кредитныхъ учрежденій тяжело отражается на ихъ интересахъ и не мало способствуетъ развитію кулачества и ростовщичества, окончательно разрушающихъ экономическій бытъ крестьянина (*Голосъ*, № 105). Изъ Радомысльскаго уѣзда, Кіевской же губерніи, пишутъ о возмутительномъ самоуправствѣ волостныхъ властей и о разореніи крестьянъ (*Голосъ*, № 116). Экономическое положеніе крестьянъ Псковскаго уѣзда весьма печально. Къ отсутствію хлѣба присоединился сильный недостатокъ сѣна и соломы, «крестьянамъ нечѣмъ кормить скотъ, и онъ распродается теперь за безцѣнокъ. Послѣдствія этого гибельны, такъ какъ безплодная почва Псковскаго уѣзда постоянно требуетъ большаго удобренія. Распродажа крестьянскаго скота обусловливаетъ въ будущемъ полный неурожай и полное крестьянское обнищаніе. Недостатокъ корма для скота, впрочемъ, не есть явленіе временное. Въ настоящее время малоземеліе въ Псковскомъ уѣздѣ настолько сильно, а

платежи, сбираемые съ крестьянъ, въ суммѣ настолько велики, что земледѣльцы принуждены, страшно истощая землю, сѣять ленъ не только на яровыхъ, но даже и на паровыхъ поляхъ. Въ нѣкоторыхъ деревняхъ уѣзда нѣтъ ни одной полосы, засѣянной яровымъ хлѣбомъ. Отсутствіе яровой соломы и сѣнокосовъ дѣлаетъ для крестьянина почти невозможнымъ содержаніе скота при неимѣніи достаточныхъ сѣнокосовъ. Уменьшеніе скота (въ нѣкоторыхъ мѣстностяхъ уѣзда почти на 1/3) способствуетъ появленію сильной смертности среди крестьянскихъ дѣтей, такъ какъ они остаются безъ самой необходимой для нихъ пищи — молока, и ослабленный недостаточнымъ питаніемъ дѣтскій организмъ не можетъ сопротивляться разнымъ болѣзнетворнымъ на него вліяніямъ. Это не гадательное предположеніе, а выводъ изъ фактовъ. Корь при обычныхъ условіяхъ въ Псковскомъ уѣздѣ не имѣла болѣе 5% смертныхъ исходовъ, теперь же она даетъ ихъ уже 33%» (*Порядокъ*, № 96).

Изъ Александровскаго уѣзда, Владимірской губерніи, пишутъ въ *Южный Край* (№ 89): Не нужно быть «печальникомъ горя народнаго», не нужно быть особаго рода «народолюбцемъ», не нужно быть и просто «празднымъ человѣкомъ», чтобы видѣть ту тяжесть доли, которая гнететъ бѣдняка крестьянина, въ тридцать лѣтъ дѣлаетъ его старикомъ, безвременно сводитъ труженика въ могилу, не давая ни одного краснаго денька на долю бѣдняка...

Пензенскій корреспондентъ *Московскаго Телеграфа* (№ 119) говоритъ: мѣстный губернаторъ, получивъ со времени своего вступленія въ занимаемую имъ должность восьмое Высочайшее благоволеніе за успѣшное поступленіе податей и сборовъ въ прошедшемъ 1880 году, обратился къ исправникамъ съ особымъ циркуляромъ, въ которомъ, благодаря ихъ за содѣйствіе, между прочимъ, слѣдующимъ образомъ выражаетъ имъ свою признательность: «Исправное поступленіе денежныхъ сборовъ въ минувшемъ году, когда въ Пензенской губерніи былъ плохой урожай хлѣбовъ, въ особенности въ уѣздахъ Саранскомъ, Инсарскомъ, Городищенскомъ и Краснослободскомъ, для которыхъ потребовалась даже ссуда на продовольствіе нѣкоторыхъ селеній, — служитъ очевиднымъ доказательствомъ, что населеніе, вслѣдствіе ежегодныхъ и своевременныхъ напоминаній со стороны чиновъ полиціи, привыкло, наконецъ, къ исполненію своей обязанности въ отношеніи взноса денежныхъ повинностей. Конечно, съ вашей стороны не мало было употреблено труда и стараній для достиженія того, чтобы крестьянинъ, безъ строгихъ мѣръ взысканія, безъ назначенія въ продажу за недоимку его имущества, будучи проникнутъ сознаніемъ долга, вносилъ исправно подати».

Это, конечно, очень хорошо: населеніе привыкло отдавать послѣднюю копѣйку въ уплату податей, проникшись сознаніемъ долга, то-есть необходимости голодать. И какая деликатная полиція въ Пензенской губерніи:

она воспитала въ мѣстномъ населеніи сознаніе долга исключительно силою свободнаго убѣжденія... Счастливый край!

Если читатель припомнитъ длинный рядъ фактовъ, характеризующихъ печальное положеніе нашего крестьянства и приведенныхъ въ *Русской Мысли*, если онъ сопоставитъ между собою всѣ имѣющіяся у него свѣденія въ этомъ отношеніи, то, конечно, ему покажется по меньшей мѣрѣ опрометчивымъ завѣреніе газеты *Русь* (№ 22), будто *аграрный вопросъ*, *рабочій вопросъ* завела въ Россіи, подражая Европѣ, либеральная печать. *Русь* недовольна, впрочемъ, и русскимъ земствомъ. «Наши земства!— иронически восклицаетъ эта газета.—Да двѣ трети изъ нихъ принадлежатъ къ той же интеллигенціи, которая выражаетъ себя въ *Голосѣ*, въ *Порядкѣ*, *Русскихъ Вѣдомостяхъ*, и т. п. Вѣдь во всѣхъ этихъ газетахъ подвизаются «лучшія интеллектуальныя силы», мужи науки и бюрократіи, даже и не малочиновные».

Это пренебрежительное и злобное отношеніе къ чужому мнѣнію, это глумленіе надъ людьми, которые преданы отечеству не менѣе редакціи *Руси*, въ высшей степени непріятно поражаетъ читателя газеты. Когда подумаешь, что двѣ трети газетъ и двѣ трети земствъ, по вычисленію самой *Руси*, принадлежатъ ненавистнымъ ей либераламъ, то самомнѣніе этого почтеннаго органа печати становится особенно странно. Присвоеніе себѣ монополіи говорить правду не есть еще ручательство въ томъ, что дѣйствительно говорится правда, про которую поэтъ сказалъ:

«А и много про нее говóрено,
А и много про нее писано,
А и много про нее лыгано.
Поскакали добры мóлодцы,
Всѣ семеро братьевъ удалыихъ,
И подъѣхали къ правдѣ со семи концовъ,
И увидѣли правду со семи сторонъ».

И И. С. Аксаковъ видитъ эту правду только съ одной изъ семи сторонъ... Самарскіе земцы видятъ ее съ другой стороны, и быть-можетъ ихъ точка зрѣнія избрана лучше. Какъ сообщаетъ *Порядокъ*, въ виду чрезвычайной важности вопроса о крестьянскомъ управленіи, на которомъ зиждется вся сила и мощь земскаго и государственнаго устройства, губернская управа «предлагаетъ собранію ходатайствовать предъ правительствомъ о разрѣшеніи созыва представителей всѣхъ земствъ Россіи для разсмотрѣнія трудовъ губернскихъ и уѣздныхъ земствъ, а также губернскихъ присутствій по вопросу объ измѣненіи крестьянскихъ учрежденій, съ полною гласностью всѣхъ предположеній такого общаго собранія, чтобы интеллигентныя силы Россіи могли внести, путемъ печати, новый драгоцѣнный вкладъ въ работу, которая стала бы работой всего русскаго народа, для блага и пользы его родины». Собраніе, весьма сочувственно

отнесшись къ докладу управы, избрало коммиссію изъ семи лицъ (изъ каждаго уѣзда по одному), которой и поручило, принявъ къ свѣдѣнію докладъ, представить свои заключенія къ будущему очередному губернскому земскому собранію».

Таврическое губернское земское собраніе (экстренное) постановило: въ память почившаго Государя ассигновать 150.000 рублей для ссудъ недостаточнымъ земледѣльцамъ, безъ различія вѣроисповѣданій и состояній, на пріобрѣтеніе земель. Капиталъ именовать *капиталомъ Императора Александра II*. Для этой же цѣли мелитопольское уѣздное земство (Таврической же губерніи) опредѣлило 60.000 р. и симферопольское 30.000 р. 24 апрѣля въ засѣданіи этого *либеральнаго* таврическаго земства г. Винбергъ произнесъ слѣдующую рѣчь (мы беремъ ее въ перепечаткѣ *Земства* изъ *Тавриды*): «Панихидою и крупнымъ пожертвованіемъ почтили мы память усопшаго Императора, молебномъ привѣтствовали новое царствованіе. Неужели, окончивъ молитвы, мы ничего не имѣемъ сказать по поводу совершившагося событія? Только-что окончившія свои занятія уѣздныя земскія собранія не обошли молчаніемъ настоящей минуты и подали вѣрноподданническіе адресы; думаю, нельзя молчать и намъ, и мы должны подать адресъ. О немъ-то хотѣлось бы сказать нѣсколько словъ. Въ 15 лѣтъ существованія въ Таврической губерніи земскихъ учрежденій, наше губернское собраніе ни разу не подавало вѣрноподданническаго адреса, хотя послѣдніе годы, обильные страшными, потрясающими государственный организмъ событіями, давали поводъ многимъ сословнымъ и общественнымъ учрежденіямъ выражать свои вѣрноподданническія чувства. Такая сдержанность съ нашей стороны не была дѣломъ случая, и хотя нѣтъ постановленій собранія, разъясняющихъ ее, тѣмъ не менѣе весь характеръ дѣятельности нашего собранія показалъ, что оно считаетъ подачу адреса съ исключительной цѣлью выраженія вѣрноподданническихъ чувствъ, въ существованіи которыхъ ничто не давало повода сомнѣваться, по меньшей мѣрѣ неумѣстнымъ. Сотни этого рода адресовъ, поданныхъ въ прошлое царствованіе, не предупредили ужасную катастрофу. Когда наше собраніе пожелало почтить годовщину 25-лѣтія царствованія усопшаго Императора, оно не остановилось на адресѣ, а пожертвовало солидную сумму на образованіе крестьянъ, Имъ освобожденныхъ. Неужели теперь, въ эту по-истинѣ торжественную минуту, мы будемъ молчать или ограничимся однимъ краснорѣчивымъ выраженіемъ нашихъ вѣрноподданническихъ чувствъ?—Нѣтъ, не того ждутъ отъ насъ наши избиратели, не для того уполномочивали они насъ говорить именемъ всей губерніи. Они ждутъ отъ насъ, чтобы въ настоящую историческую минуту, по мѣрѣ разумѣнія, какъ каждому говоритъ его совѣсть, безъ страха и задней мысли, мы высказали наше искреннее, глубокое убѣжденіе, какимъ способомъ найти мѣры къ искорененію зла. Еслибъ я считалъ земское собраніе компетентнымъ въ этого рода вопросахъ, я указалъ бы, какъ на

причины, способствующія развитію зла, на отсутствіе свободы слова, малоземелье крестьянъ и тягость лежащихъ на нихъ повинностей, а главное—на отсутствіе органа, правильно выражающаго народную нужду. Но не намъ, представителямъ одной губерніи, рѣшать эти вопросы. Только весь народъ, въ лицѣ его истинныхъ представителей, въ состояніи указать на средства спасенія Россіи отъ бѣдствій, грозящихъ расшатать ея крѣпкій организмъ. Намъ же остается только стремиться, чтобы голосъ народа былъ выслушанъ. Если же мы теперь, въ эту рѣшительную для государства минуту, въ это до болѣзненности тяжелое время, страха ли ради, или по какой-либо иной причинѣ, не сдѣлаемъ даже попытки помочь общему горю, то, по всей справедливости, должны будемъ принять на себя большую долю отвѣтственности за всѣ тѣ бѣды, которыя могутъ произойти отъ неустраненія причинъ, ихъ вызывающихъ. Насъ горько упрекнутъ за то, что мы молчали, когда могли и должны были говорить. Будемъ же достойны нашего призванія и выразимъ во всеподданнѣйшемъ адресѣ, точно и ясно, о выслушаніи голоса народа въ лицѣ его избранниковъ. Отъ державной воли будетъ зависѣть—услышать или нѣтъ нашъ слабый голосъ, мы же исполнимъ нашъ гражданскій долгъ. Для мотивированія адреса предлагаю избрать особую коммиссію».

Гласные Арендтъ и Казначеевъ поддерживали это предложеніе, находя, что земцы *были бы виновны своимъ молчаніемъ*. Но собраніе, большинствомъ 16 голосовъ противъ 10, признало такого рода ходатайство несвоевременнымъ. Принципіальныхъ противниковъ предложенія не было.

Только при осуществленіи мысли, высказываемой лучшими земскими людьми въ разныхъ областяхъ Россіи, между верховною властью и народомъ установится дѣйствительное единеніе, въ которомъ такъ нуждается государство. Правительство само признавало и признаетъ необходимость ознакомленія съ провинціальными нуждами помимо обычнаго канцелярскаго пути. Ревизіи, производимыя то въ тѣхъ, то въ другихъ губерніяхъ, черезъ особо для того назначенныхъ людей, служатъ, какъ мы уже говорили прежде, лучшимъ доказательствомъ неудовлетворительности бюрократическаго управленія страной. Сенаторы, теперь ревизующіе Оренбургскую, Уфимскую, Саратовскую, Кіевскую и нѣкоторыя другія губерніи, вскрыли множество вопіющихъ злоупотребленій и беззаконій. Но missi dominici не могутъ въ настоящее время управлять государствомъ, какъ было это при Карлѣ Великомъ. При многоразличіи задачъ управленія, при громадности государства, населеннаго 90.000.000 людей, необходимъ постоянный государственный и общественный контроль за правильностію отправленія правосудія, за добросовѣстнымъ сборомъ податей и согласнымъ съ закономъ ихъ расходованіемъ, и т. п. О расхищеніи земель (извѣстномъ подъ именемъ *продажи*) въ Уфимской и Оренбургской губерніяхъ въ газетахъ было уже сообщено множество возмутительныхъ подробностей. *Русскимъ Вѣдомостямъ* пишутъ, что «министер-

ство государственныхъ имуществъ, по соглашенію съ министромъ внутреннихъ дѣлъ, признало необходимымъ испросить Высочайшее повелѣніе о прекращеніи продажи земель въ Уфимской и Оренбургской губерніяхъ, по льготнымъ правиламъ закона 4-го іюня 1871 года. Изъ собранныхъ оффиціальныхъ данныхъ обнаружилось, что изъ общаго запаса свободныхъ казенныхъ земель въ Оренбургскомъ краѣ, простиравшагося до одного милліона десятинъ земли, распродано, съ 1871 года, въ руки частныхъ лицъ около 470.000 десятинъ, вслѣдствіе чего въ настоящее время обнаружился недостатокъ земли для надѣленія малоземельныхъ крестьянъ и башкирскихъ припущенниковъ. Такъ какъ башкирское населеніе обнаруживаетъ, по удостовѣренію мѣстныхъ властей, крайне враждебное отношеніе къ собственникамъ участковъ, пріобрѣтенныхъ по правиламъ 4-го іюня 1871 года, а съ другой стороны размежеваніе земель въ Оренбургской и Уфимской губерніяхъ должно начаться въ наступающемъ маѣ, то ревизующій означенныя губерніи членъ государственнаго совѣта Ковалевскій призналъ, съ своей стороны, отмѣну закона 4-го іюня 1871 года мѣрою необходимою, въ видахъ спокойствія мѣстнаго населенія края».

Въ другой области государства, на Кавказѣ, производится неслыханная *продажа* балаханскихъ земель съ нефтяными источниками. По сообщенію *Бакинскихъ Вѣдомостей*, «на основаніи Высочайше утвержденныхъ 17 февраля 1872 г. правилъ объ отдачѣ въ частныя руки казенныхъ нефтяныхъ источниковъ Кавказскаго и Закавказскаго края, источники эти подѣлены были на группы и къ нимъ прирѣзана свободно-казенная земля въ количествѣ по 10 десятинъ въ каждой группѣ. Нефтяныя группы были пущены съ торговъ, состоявшихся въ концѣ 1872 года, въ совѣтѣ главнаго управленія намѣстника кавказскаго и, затѣмъ, по утвержденіи Его Императорскимъ Высочествомъ Великимъ Княземъ намѣстникомъ результатовъ торговъ, группы перешли въ пользованіе лицъ и обществъ, предложившихъ на торгахъ высшія цѣны. Права пользованія группами опредѣляются Высочайше утвержденными 1 февраля 1872 года правилами о нефтяномъ промыслѣ. На Балаханской площади было нарѣзано такихъ группъ 17, изъ которыхъ 2 (V и XVI) не пошли на торги въ виду заявленнаго разными лицами спора на землю, вошедшую въ эти двѣ группы, а остальныя 15 группъ проданы въ 1872 г.».

Русскій Курьеръ указывалъ, что проданныя казною съ торговъ 150 десятинъ дали 2.960.000 руб., т.-е. почти по 20.000 руб. десятина. «По окончаніи судебнымъ порядкомъ спора, за казной осталось въ V группѣ три участка: одинъ—въ 5 д. 733 кв. саж. и два—по 100 кв. саж., а въ XVI группѣ 4 участка по 100 кв. саж. въ каждомъ, и всѣ эти 7 участковъ проданы съ торговъ въ концѣ 1880 года (цѣною за 55.000 руб.).

«При вырѣзкѣ этихъ 17 группъ, на Балаханской площади остались промежуточныя пространства, которыя были исключены изъ проекта надѣла Балаханскаго сельскаго общества и явился вопросъ, что дѣлать съ

этимъ пространствомъ, въ общей суммѣ составляющимъ 147 десятинъ. Взглядъ администраціи разошелся въ этомъ случаѣ со взглядомъ управленія горною частью, и началась переписка, а пространство это, получивъ названіе «заповѣднаго», оставлено неприкосновеннымъ. Соглашенія между администраціей и управленіемъ горною частью по этому предмету и до сихъ поръ не послѣдовало; между тѣмъ вышеприведенный вопросъ, помимо той и другой стороны, получилъ практическое разрѣшеніе.

«Въ 1879 году воспослѣдовало Высочайшее повелѣніе о Всемилостивѣйшемъ пожалованіи состоящему при кавказской арміи генералъ-адъютанту Лазареву участка земли, въ размѣрѣ 10 десятинъ, именно изъ этого такъ-называемаго заповѣднаго пространства, и въ томъ же году былъ отведенъ ему избранный имъ участокъ въ 10 десятинъ.

«Въ 1880 году послѣдовало Всемилостивѣйшее пожалованіе командиру Терской казачьей бригады свиты Его Величества генералъ-майору князю Зейнъ-Витгенштейнъ-Берлебургу участка земли въ 10 десятинъ въ томъ же заповѣдномъ пространствѣ, и участокъ этотъ въ томъ же 1880 году былъ отведенъ ему.

«Въ 1880 году также Всемилостивѣйше пожалованы участки изъ заповѣднаго пространства на Балаханской площади: начальнику главнаго управленія намѣстника кавказскаго, состоящему по армейской пѣхотѣ генералъ-лейтенанту Старосельскому — 10 десятинъ; вдовѣ бывшаго кутаисскаго генералъ-губернатора, генералъ-лейтенанта князя Гагарина, княгинѣ Анастасіи Гагариной—5 десятинъ; состоящему при Кавказской арміи свиты Его Величества генералъ-майору князю Амилахварову—10 десятинъ; вдовѣ генералъ-майора княгинѣ Кетеванъ Орбеліани и затѣмъ послѣдній, о которомъ упомянуто въ началѣ, вдовѣ Е. Поповой—по 5 десятинъ.

«Послѣдніе 5 участковъ еще не приняты получившими ихъ лицами. Итого уже пожаловано изъ заповѣднаго пространства 53 десятины.

«Такимъ образомъ изъ всего заповѣднаго пространства остается около 93 десятинъ, на полученіе изъ которыхъ лакомыхъ кусочковъ претендентовъ является очень много».

Русскій Курьеръ получилъ изъ вполнѣ достовѣрнаго источника извѣстіе, что въ послѣднее время состоялся отводъ еще 10 десятинъ Балаханской земли помощнику кавказскаго намѣстника кн. Меликову. Газета замѣчаетъ, что на всѣхъ розданныхъ участкахъ (за исключеніемъ участка наслѣдниковъ генералъ-адъютанта Лазарера) разработка нефти или совсѣмъ не производится, или производится незначительная, такъ что нѣтъ даже *поощренія естественной промышленности.*

И хищеніе царитъ повсюду. *Голосъ* передаетъ о злоупотребленіяхъ въ петербургской сухопутной таможнѣ, стоившихъ казнѣ многіе десятки тысячъ рублей:

«Въ свое время мы извѣщали,—говоритъ газета,—о производящемся судебнымъ слѣдователемъ Кнyримомъ дѣлѣ о *злоупотребленіяхъ въ петербургской сухопутной таможнѣ*, стоившихъ казнѣ многіе десятки тысячъ рублей. Злоупотребленіе состояло въ томъ, что товаръ, оплачиваемый самыми высокими пошлинами, при досмотрѣ объявлялся товаромъ низкопошлиннымъ, съ получателей взыскивалась настоящая высокая пошлина, въ казну же поступала ничтожная, а дѣятели такого «досмотра», смотрѣвшіе на голландское полотно или французскіе ковры и видѣвшіе парусину или войлокъ, принимавшіе шелковыя ткани за резиновыя, клали въ карманъ разницу, причемъ совершались мимоходомъ подлоги въ досмотровыхъ очисткахъ. Въ настоящее время дѣло это закончено слѣдствіемъ и получило, какъ слышно, дальнѣйшее направленіе къ прокурору судебной палаты, такъ какъ должностныя лица, въ немъ замѣшанныя, подсудны, по рангу ихъ должности, не окружному суду, а судебной палатѣ.

Главнымъ дѣятелемъ нечиновнымъ былъ экспедиторъ Сегаль, а изъ служащихъ—членъ таможни Энгельгардъ. Обвиняемые всѣ находятся на свободѣ. За Энгельгарда поручился, въ суммѣ нѣсколькихъ десятковъ тысячъ рублей, его высокопоставленный свойственникъ.

Оренбургскій Листокъ (№ 16) цифрами доказываетъ, что передача міасскихъ золотыхъ промысловъ въ частныя руки принесла казнѣ милліонные убытки, вызвала сильное недовольство жителей, подорвала ихъ благосостояніе и нравственность.

Гдѣ же спасеніе? Единственно въ гласной провѣркѣ и обсужденіи всѣхъ статей бюджета. Высшее правительство не имѣетъ иныхъ средствъ убѣдиться въ правильности тѣхъ мелкихъ суммъ, изъ которыхъ образуются милліоны. Конечно, отъ отдѣльныхъ случаевъ злоупотребленія государственными средствами не спасетъ никакое учрежденіе; но систематическое разграбленіе народнаго имущества можно и должно изгнать съ лица земли Русской. Посмотрите, что дѣлается въ другой, мало доступной общественному контролю, области—желѣзнодорожной. На станціи Островъ, Варшавской желѣзной дороги, восемь сотъ рабочихъ должны были пять дней дожидаться отправки. Бѣдняки проѣдаютъ свои послѣдніе гроши. Многіе изъ нихъ пускаются въ путь пѣшкомъ, другихъ загоняютъ, наконецъ, какъ скотъ, въ товарные вагоны. И это дѣлается не на Западѣ, гдѣ господствуетъ буржуазія и *пошлая доктрина* (и, конечно, невозможно подобное безобразіе), а у насъ на Руси. Недурно характеризуетъ желѣзнодорожные порядки и слѣдующая замѣтка, напечатанная въ *Южномъ Краѣ* (№ 117). По откровенному указанію одного оберъ-кондуктора (ѣздившаго отъ Харькова до Ростова и обратно), та поѣздка считается неудачною, которая не даетъ оберъ-кондуктору менѣе 100 рублей. Авторъ замѣтки полагаетъ, что кромѣ того рублей 50 по крайней мѣрѣ получитъ въ то же время другое *начальство* и поѣздная прислуга.

Выходитъ, что Азовская дорога, благодаря провозу *зайцевъ*, теряетъ въ годъ 342.187 руб., или около 448 рубля на версту. Общая выручка за пассажирскіе билеты всѣхъ классовъ въ 1879 году была на этой дорогѣ 1.698.571 руб.,—потеря, слѣдовательно, равняется почти 21% дохода. И повсюду злоупотребленія процвѣтаютъ, хищеніе увеличивается, какъ только тайна окутываетъ дѣла. Наоборотъ, съ увеличеніемъ гласности, съ правильною организаціей государственнаго и общественнаго контроля — воровать становится *неповадно*. На дняхъ *Русскій Курьеръ* обратилъ вниманіе на слѣдующіе факты. Въ началѣ 1878 года началось разслѣдованіе о злоупотребленіяхъ при комплектованіи войскъ лошадьми (во время минувшей войны). Оказалось, что лошади, принятыя въ нѣкоторыхъ губерніяхъ въ войска «отъ населенія, такъ называемыми, «конскими коммиссіями», оказались тотчасъ же по пригонѣ ихъ въ части войскъ не только непригодными къ службѣ въ военномъ вѣдомствѣ, но и вообще совершенно никуда негодными. Оказались, напримѣръ, принятыми лошади совершенно *слѣпыя*, на всѣ ноги разбитыя или хромыя, «непомѣрно старыхъ лѣтъ» и съ заразительными болѣзнями, потребовавшими немедленнаго *пристрѣла* лошадей. Слѣдствіемъ чего была продажа по губерніямъ массы принятыхъ лошадей, чрезъ нѣсколько дней по пріемѣ, съ аукціоннаго торга за безцѣнокъ (по 5—10 и не болѣе 20—30 руб. за штуку), тогда какъ казна только-что выдала владѣльцамъ довольно крупное вознагражденіе за этихъ лошадей (отъ 120 до 200 руб.). Лишнее говорить, что всѣ «клячи», проданныя, за негодностью, съ торговъ, оказались поставленными въ войска *добровольно*, т. е. владѣльцы ихъ получили отъ казны, согласно «Положенію», еще 20% прибавки къ цѣнѣ, назначенной за лошадь правительствомъ. До какой именно цифры простирается убытокъ, нанесенный казнѣ этою «операціей», можно судить изъ того, что по вѣдомству одной только подмосковной контрольной палаты ущербъ казны отъ продажи негодныхъ лошадей, изъ числа принятыхъ въ войска отъ населенія, усчитанъ въ нѣсколько тысячъ рублей, а конскій наборъ производился въ 1876 и 1877 гг. въ 46 губерніяхъ, особенно богатыхъ лошадьми. Минуя поселянъ, которыхъ прибѣгать къ недобросовѣстности вынуждаетъ нерѣдко крайняя бѣдность, можно указать на выдержку примѣры, что негодныя лошади въ войска ставились и отъ лицъ весьма состоятельныхъ и притомъ съ значительнымъ общественнымъ положеніемъ. Напримѣръ, въ вѣдомствѣ 1-й запасной кавалерійской бригады были проданы въ 1877 году лошади, предъ тѣмъ только-что принятыя въ бригаду и за которыхъ казна заплатила владѣльцамъ возвышенное вознагражденіе сполна,—отъ князя К. изъ Лукояновскаго уѣзда, Нижегородской губерніи, и графа Д. Т. изъ Михайловскаго уѣзда, Рязанской губерніи. Конечно, *единеніе въ любви* желательно и превосходно; *но единеніе въ правѣ* не помѣшаетъ достиженію этой идеальной цѣли, устранивши множество проявленій нечестности, корысти и жесто-

кости. Конечно, утвержденіе вѣры и нравственности — задача великая и прекрасная, только не правительственная. Циркулярами подобнаго рода цѣлей достигнуть, разумѣется, невозможно: Легко сказать: Tous les Français seront vertueux, да трудно это исполнить.

В. Г.

II. Погромъ евреевъ.

Бунтовское броженіе въ народныхъ массахъ, разразившееся страшнымъ погромомъ еврейскаго имущества, почти на цѣлый мѣсяцъ приковало къ себѣ вниманіе всего русскаго общества. Сначала всѣ были поражены внезапностью грозы, разразившейся на Украйнѣ, но, давно пріученные къ неожиданнымъ, поражающимъ событіямъ, быстро освоились, какъ бы примирились съ печальными явленіями, имѣвшими мѣсто на югѣ. Переставъ изумляться, всѣ съ напряженнымъ любопытствомъ стали наблюдать за ходомъ народныхъ вспышекъ, которыя въ однихъ будили и разжигали страсти, внушали тревогу, возбуждали преувеличенныя ожиданія и опасенія, а въ другихъ вызывали пытливую работу ума, желаніе выяснить себѣ причины и характеръ давно невиданнаго, давно небывалаго у насъ народнаго движенія. Многіе придавали ему черезчуръ преувеличенное значеніе, такъ что страху и опасеніямъ не было конца. Даже строгоразсудительные, не поддающіеся увлеченіямъ, биржевые дѣльцы—и тѣ отъ страха не знали что имъ дѣлать; собираясь на бирже, они, вмѣсто занятія обычными дѣлами, толковали только о томъ, насколько еще могутъ упасть наши бумажныя цѣнности. Опасенія были преждевременны и малооснователльны. Гроза пронеслась надъ югомъ и теперь, повидимому, все затихло. Теперь стало ясно, что у насъ были только мѣстныя вспышки какого-то давно скрывавшагося въ народѣ недовольства, какой-то ранѣе таившейся въ массахъ жгучей страсти. Подъ счастливымъ небомъ Украйны какъ будто пронесся сильный вихрь, который разрушалъ все, что попадало въ бурный круговоротъ его. Но онъ пронесся полосою, не произведя повсемѣстнаго и всецѣлаго разрушенія. То тамъ, то здѣсь возникали безпорядки, разыгрывались страстныя волненія въ народѣ, происходили дикіе, необузданные погромы,—и вдругъ все смолкало, все успокоивалось. А пока водворится тишина въ одномъ мѣстѣ, такъ что только картина страшнаго опустошенія городовъ и селеній, только массы разбитыхъ домовъ напоминаютъ о недавно разразившейся здѣсь грозѣ, въ то же время волненія вспыхиваютъ въ другихъ мѣстахъ и опять такъ же быстро прекращаются. Это далеко не былъ общій пожаръ, а только отдѣльныя вспышки того огня, который давно таился въ глубокихъ нѣдрахъ народной массы. Сами по себѣ эти внезапно вспыхивающіе то тамъ, то здѣсь огоньки не могутъ

и не должны приводить въ ужасъ общество. Но страшно сознаніе, что мы живемъ на почвѣ, въ нѣдрахъ которой таится огонь, могущій при извѣстныхъ условіяхъ сдѣлаться причиною большаго пожара. Бывшіе недавно на югѣ безпорядки служатъ несомнѣннымъ доказательствомъ существованія подземнаго огня. Но, коль скоро мы признаемъ это, то нѣтъ никакихъ основаній безусловно отрицать возможность новыхъ вспышекъ. И дѣйствительно въ газетахъ то и дѣло появляются извѣстія изъ разныхъ мѣстъ, что общество со страхомъ ожидаетъ повторенія безпорядковъ, что въ народной массѣ идутъ разнообразные толки, фантастическіе слухи, глухое броженіе, что вездѣ распространена мысль о томъ, будто скоро опять начнется погромъ евреевъ. Источникъ всѣхъ этихъ слуховъ, всей этой народной смуты отчасти остается неуловимымъ, отчасти же замѣтно, что тревожные слухи возникаютъ вмѣстѣ съ распространеніемъ въ народѣ передаваемыхъ въ невѣрномъ, преувеличенномъ видѣ разсказовъ о еврейскомъ погромѣ на югѣ. Но, какъ бы то ни было, ясно одно, что для народа достаточно самаго ничтожнаго, самаго пустаго повода, чтобы произвести бунтовскую вспышку. Достаточно какому-нибудь прохожему солдатику, случайно остановившемуся въ деревнѣ, разсказать о погромѣ евреевъ въ Кіевѣ; достаточно ему закричать въ народной толпѣ: «насъ много, я только передовой; кто провославный? иди съ нами!» — и цѣлая деревня поднимается съ мѣста, бросаетъ работы и идетъ разбивать ближайшій городъ, постоянно возрастая въ числѣ, вслѣдствіе присоединяющихся по дорогѣ крестьянъ изъ другихъ деревень. Возможно ли при столь легкой воспламенимости крестьянской массы вѣрить въ прочность недавно возстановленнаго порядка, надѣяться, что спокойствіе не будетъ вновь нарушено, можетъ - быть завтра, а можетъ - быть и сегодня? Повидимому, провинція мало довѣряетъ теперешнему спокойствію. Въ мѣстахъ, гдѣ уже были безпорядки, народъ толкуетъ, что еще не все покончено, что скоро будетъ окончательный погромъ. Въ другихъ мѣстахъ, гдѣ погрома не было, говорятъ, что онъ скоро начнется. Съ запада эти толки, слухи, ожиданія и опасенія идутъ къ востоку. Начавшись близъ береговъ Чернаго моря и около границъ Австріи, они дошли уже до степей Азіи, такъ что даже въ далекомъ Оренбургѣ—и тамъ начались толки, что скоро, скоро начнутъ бить евреевъ. Словомъ, волненіе и теперь не вполнѣ улеглось; да еслибъ оно и покончилось въ одной формѣ,—кто знаетъ, не вспыхнетъ ли опять съ совершенно новою окраской. Вѣдь подземный огонь существуетъ, онъ не затихъ, не истребленъ, и, слѣдовательно, вѣроятность новыхъ вспышекъ еще далеко не сведена къ нулю. Общество, которое дорожитъ охраненіемъ законнаго порядка, не можетъ успокоиться на томъ, что вспыхнувшіе въ отдѣльныхъ мѣстахъ безпорядки прекратились къ общему благополучію,—оно должно позаботиться, чтобы была прекращена самая возможность возникновенія безпорядковъ. Нужно изучить и выяснить себѣ причины и основной характеръ бывшихъ на югѣ бун-

товскихъ вспышекъ. Только такое изученіе можетъ открыть намъ то опасное мѣсто, гдѣ скрыты главныя массы подземнаго огня, то тамъ, то здѣсь вырывавшагося наружу пламенными вспышками. А знать это опасное мѣсто намъ необходимо, чтобы заблаговременно принять мѣры предосторожности и при помощи ихъ уничтожить возможность большаго пожара. Такъ именно смотритъ на это дѣло и правительство, которое назначило особую коммиссію для выясненія причины безпорядковъ, бывшихъ на югѣ. Такъ же смотритъ и земство, которое въ Елисаветградѣ тоже поручило особо-избранной коммиссіи представить земскому собранію подробный докладъ о причинахъ, вызвавшихъ безпорядки въ Елисаветградскомъ уѣздѣ. Извѣстно, что съ трудами этой коммиссіи случилась печальная исторія, и прежде не разъ тормозившая дѣятельность земскихъ коммиссій. Предсѣдатель собранія, на какомъ-то неизвѣстномъ основаніи, не дозволилъ обсуждать представленный коммиссіею докладъ о причинахъ противуеврейскаго движенія. Гласные, возмущенные поступкомъ предсѣдателя, протестовали единственнымъ возможнымъ способомъ: они оставили залу земскаго собранія и разошлись по домамъ. Поступокъ предсѣдателя въ высшей степени нарушаетъ самые дорогіе и насущные интересы общества. Кто, какъ не это общество—страдаетъ отъ нарушенія законнаго порядка, и кому же, какъ не ему—ближе всего позаботиться о томъ, чтобы общественный порядокъ былъ ненарушимо проченъ? Всѣ, весь народъ, начиная съ пострадавшихъ, разоренныхъ евреевъ и кончая бунтующею толпой, разорявшею еврейское имущество, — всѣ одинаково заинтересованы въ мирномъ и строго-законномъ выходѣ изъ того положенія, которое такъ вѣрно охарактеризовано названіемъ *смуты*. Никому не желательно продолженіе безпорядковъ, всѣ хотятъ успокоенія и мирнаго существованія на законной почвѣ. Поэтому всѣ не только имѣютъ право, но и обязаны сговориться между собою, выяснить причины нетвердости и шаткости существующаго порядка, чтобы возможно было мирнымъ путемъ и удовлетворяющимъ большинство способомъ установить такой порядокъ, при которомъ исчезла бы самая возможность нарушенія мирнаго теченія нашей обыденной жизни. Въ особенности эта обязанность лежитъ на нашей прессѣ, которая служитъ почти единственнымъ уголкомъ, гдѣ осталась кое-какая возможность свободно выражать свои мнѣнія.

Въ числѣ причинъ, вызвавшихъ въ народѣ противоеврейское движеніе, указываютъ на агитацію революціонной партіи. Указаніе на то, что такая агитація въ народѣ была, не можетъ быть подвергнуто сомнѣнію послѣ того, какъ Государь Императоръ высказалъ еврейской депутаціи, что еврейскій погромъ на югѣ былъ дѣломъ рукъ анархистовъ. Но революціонная агитація, будучи безспорнымъ фактомъ, не можетъ служить безусловнымъ и единственнымъ объясненіемъ причинъ, вызвавшихъ народные безпорядки на югѣ. Въ циркулярѣ министра внутреннихъ дѣлъ, графа Игнатьева, отчасти уже указано, что агитація революціонной партіи

могла имѣть успѣхъ въ народѣ только при извѣстныхъ благопріятныхъ для того условіяхъ. «Движеніе противъ евреевъ, проявившееся въ последніе дни на югѣ,—сказано въ циркулярѣ,—представило печальный примѣръ того, какъ люди, преданные престолу и отечеству, поддаваясь внушеніямъ злонамѣренныхъ, разжигающихъ дурныя страсти въ народной массѣ, впадаютъ въ своеволіе и самоуправство и дѣйствуютъ, сами того не понимая, согласно замысламъ крамольниковъ». Значитъ—между убѣжденіями и конечными цѣлями агитаторовъ-революціонеровъ и заволновавшейся народной массы, «преданной престолу и отечеству», нѣтъ и не было ничего общаго. Но тѣ и другіе нашли точку соприкосновенія своихъ интересовъ: и злоумышленники, и народная масса, не понимающая ясно цѣлей ихъ, пошли рука объ руку и дѣйствовали за одно, благодаря вспыхнувшимъ въ массѣ «дурнымъ страстямъ». Конечно, эти дурныя страсти не могли—ни съ того, ни съ сего—вдругъ народиться въ народѣ. Безъ сомнѣнія, онѣ давно таились въ глубинѣ народныхъ массъ, но только не находили себѣ никакого исхода, не могли прорваться наружу. Съ другой стороны какъ же глубоки должны были быть эти страсти и какъ кипуче волненіе ихъ, когда для ихъ вспышки было достаточно агитаціи людей, по убѣжденіямъ и конечнымъ цѣлямъ не имѣющихъ ничего общаго съ народною массою. Ясно, что агитація революціонной партіи, выразившаяся въ распространеніи прокламацій, слуховъ и, быть можетъ, въ активномъ подстрекательствѣ къ безпорядкамъ, была только поводомъ къ тому, чтобы, давно гнѣздившіяся въ народѣ, страсти вдругъ вспыхнули и съ неудержимою силой вырвались наружу. Посторонняя агитація здѣсь была только предлогомъ, а главное дѣло заключалось именно въ страсти, давно просившейся наружу. Бунтъ, какъ говоритъ Шекспиръ, валялся на улицѣ, а народъ поднялъ его.

И дѣйствительно, въ безпорядкахъ на югѣ прежде всего и ярче всего бросается въ глаза ужасная сила бунтовской страсти. Народъ, до самозабвенія, весь, всѣмъ существомъ отдается треволненіямъ охватившей его страсти; это—страсть къ разрушенію. Какой-то опьяняющій, необузданный восторгъ охватываетъ народную толпу, когда она бросается разрушать дома и истреблять имущество евреевъ. Веселый свистъ, смѣхъ, гиканье и всевозможные крики несутся изъ толпы разрушителей. Съ веселыми шутками разбиваются магазины и со смѣхомъ истребляется достояніе семействъ, пріобрѣтенное цѣною многолѣтнихъ усилій и лишеній. Оживленная, восторженная толпа ни о чемъ не разсуждаетъ и только спѣшитъ насладиться доставшимися на ея долю минутами страстнаго увлеченія. Повинуясь страсти, она бездѣльно, неразумно разрушаетъ все, что попадается подъ руку, и въ самомъ процессѣ разрушенія находитъ для себя неизъяснимое наслажденіе. Вездѣ, гдѣ только были погромы, толпа кричала одно и то же: «бей, ломай, но ничего не бери!» И точно, разрушители не только ничего не брали себѣ изъ еврейскаго имущества, но,

если видѣли, какъ другіе подбираютъ выброшенныя изъ оконъ вещи,— то отнимали ихъ и тутъ же разбивали, рвали и истребляли. Часто случалось, что, увлеченные страстью къ разрушенію, они жестоко били тѣхъ хищниковъ, которые хотѣли воспользоваться имуществомъ евреевъ. Замѣчательно, что эти разрушители, принадлежащіе къ простому народу, для котораго праздничная попойка составляетъ самое обычное удовольствіе, не хотѣли даже воспользоваться даровымъ виномъ при разореніи винныхъ складовъ. Они разбивали бочки, выпускали вино, заливали имъ цѣлые подвалы и, расхаживая по колѣно въ винѣ, не только сами не пили его, но и другимъ запрещали, говоря: «не тронь,—разумъ потеряешь». Они наслаждаяись самымъ процессомъ разрушенія, забывая о всемъ остальномъ. Когда находили въ еврейскихъ домахъ деньги, векселя и проч., то рвали ихъ въ мелкіе куски и бросали на вѣтеръ, а глазѣющая на погромъ тысячеголовая толпа, захлебываясь отъ восторга, слѣдила глазами за полетомъ кружащихся въ воздухѣ клочковъ денегъ, оглашая криками «ура» мѣсто погрома. Если разбивали кожевенную лавку, то въ куски рѣзали кожи; дорогія шубы разрывали въ клочки; рубили топоромъ цѣлыя штуки шелковыхъ матерій; растилали бархатъ подъ копыта лошадей. Словомъ, въ конечномъ разрушеніи имущества толпа находила такое наслажденіе, которое заставляло ее забывать свою нищету, голодъ своихъ семей, всю тяжелую, горьную жизнь свою. Босоногій, полураздѣтый, весь въ рубищѣ бѣднякъ въ эти два-три дня держалъ въ своихъ рукахъ всѣ богатства цѣлаго города, но безжалостно истреблялъ ихъ, ничего не оставляя для прикрытія своей наготы. Всѣ эти еврейскіе погромы были праздничнымъ разгуломъ страсти, которая въ бѣшеномъ потокѣ разрушила имущественное благосостояніе, созданное усиліями цѣлыхъ поколѣній.

По мѣрѣ того, какъ толпа удовлетворяла загорѣвшуюся въ ней страсть къ разрушенію, одновременно съ этимъ въ нѣкоторой части ея шла другаго рода, такъ-сказать созидательная, работа. Жизнь брала свое, вступала въ свои права тотчасъ, какъ только кончалось разрушеніе. За разрушителями слѣдовала толпа мирныхъ жителей, преимущественно женщины, старики, дѣти, которые изъ самаго факта разрушенія задумали вывести свое право на разбитое имущество евреевъ. Этотъ второй слой участвовавшаго въ безпорядкахъ народа былъ занятъ дѣломъ столь же противозаконнымъ, какъ и разрушеніе имущества,—онъ подбиралъ и присвоивалъ себѣ выброшенные на улицу товары и домашнія вещи. Но толпѣ не приходила въ голову мысль о незаконности такого способа пріобрѣтенія, точно также какъ люди, разбивавшіе дома и истреблявшіе имущество, считали себя въ правѣ разрушать все, что принадлежитъ евреямъ. Самый фактъ тотчасъ же обращался въ право, какъ всегда и вездѣ бываетъ. Имущество, разбитое и выброшенное изъ еврейскихъ домовъ, въ сознаніи толпы тотчасъ же перестало принадлежать прежнимъ вла-

дѣльцамъ и сдѣлалось какъ бы законнымъ достояніемъ новыхъ пріобрѣтателей. Сознаніе своего права на отнятое у евреевъ имущество было у крестьянъ такъ сильно и непоколебимо, что они вступали въ драки со властями, которыя старались отобрать его у нихъ для возврата законнымъ владѣльцамъ. Крестьянинъ никакъ не могъ примириться съ мыслью, что отнятое у евреевъ имущество можетъ быть опять возвращено имъ. Когда власти отбирали у крестьянъ попавшія къ нимъ послѣ разгрома вещи, то народъ въ недоумѣніи спрашивалъ: да зачѣмъ же отбирать,— вѣдь не отдавать же назадъ евреямъ? Значитъ въ народномъ сознаніи евреи потеряли право на имущество въ силу самаго факта отнятія этого имущества народомъ. Но вмѣстѣ съ потерею евреями права на имущество возникло право на него новыхъ фактическихъ владѣльцевъ. Конечно, это право имѣетъ свою главную опору въ самомъ фактѣ завладѣнія, и однако народъ, не останавливаясь на этомъ, искалъ и находилъ другія, совершенно новыя, основы для права, повидимому возникшаго путемъ насилія. Указывая на отнятое у евреевъ имущество, крестьяне говорили: «это наша кровь» и такое основаніе казалось имъ нерушимою опорою насильственно возникшаго права на обладаніе отнятымъ у евреевъ имуществомъ. Такимъ образомъ общій характеръ и такъ сказать сокровенный смыслъ бывшихъ на югѣ безпорядковъ заключается въ дикомъ разгулѣ страсти къ разрушенію, которая беззавѣтно охватываетъ одну часть бунтующаго населенія, въ то время какъ другая, болѣе спокойная и разсудительная, часть думаетъ на развалинахъ стараго порядка основать свое благосостояніе и отыскиваетъ прочное основаніе для того, чтобы завладѣть наслѣдіемъ, доставшимся ему, благодаря разрушительной работѣ.

Несомнѣнно, что страстное возбужденіе играло главную роль во всѣхъ еврейскихъ погромахъ, что разрушавшая еврейскіе дома народная толпа дѣйствовала подъ неотразимымъ давленіемъ страсти. Но сама по себѣ страсть еще ничего не объясняетъ, потому что она не могла вспыхнуть вдругъ, ни съ того, ни съ сего. Народныя страсти вызываются извѣстными бытовыми условіями, которыя дѣйствуютъ въ теченіе долгаго времени, подготовляя и вырабатывая въ народѣ горючій матеріалъ для страстныхъ вспышекъ. Въ то же время страсть овладѣваетъ человѣкомъ такъ сильно, что онъ, находясь вполнѣ подъ вліяніемъ ея, теряетъ ясное сознаніе о причинахъ, вызвавшихъ страстную вспышку. Очень часто бываетъ такъ, что онъ самъ не можетъ дать себѣ никакого отчета въ томъ, что съ нимъ происходитъ и чѣмъ вызваны тѣ или другіе поступки его. На вопросъ: зачѣмъ вы бьете евреевъ?—толпа сплошь да рядомъ даетъ совершенно неразумный отвѣтъ: «да такъ, — всѣ бьютъ». Но сознаніе подъ вліяніемъ страсти затемняется не вполнѣ. Въ то время, когда толпа дѣйствуетъ всецѣло подъ вліяніемъ страсти, все-таки въ словахъ и поступкахъ ея отражаются тѣ накопившіяся въ теченіе долгаго времени побужденія, тѣ объединившіеся и обобщившіеся обстоятельства и факты,

которые вызвали тѣ или другіе поступки, совершонные подъ опьяняющимъ вліяніемъ страсти. Поэтому намъ нужно въ самомъ безсознательномъ разгулѣ страстей разыскать разумное основаніе поступковъ, которые совершены почти безсознательно. Относительно причинъ, способствовавшихъ возбужденію въ народѣ страсти къ разрушенію еврейскаго имущества, существуютъ очень разнообразныя объясненія. Напримѣръ, говорятъ, что народъ былъ поднятъ религіозною враждою къ евреямъ, что это была вспышка религіознаго фанатизма. Но такое объясненіе менѣе, чѣмъ всѣмъ другія, находитъ себѣ опору въ фактахъ. Нашъ народъ отличается не только замѣчательною терпимостью, но и уваженіемъ ко всѣмъ религіознымъ убѣжденіямъ. Несмотря на то, что внѣшнія условія были въ высшей степени неблагопріятны для воспитанія въ народѣ духа вѣротерпимости, несмотря на правительственныя стѣсненія и преслѣдованія нѣкоторыхъ вѣроученій, возникавшихъ въ народѣ,—нетерпимость правительства не оставила никакого дурнаго слѣда въ народномъ характерѣ. У насъ люди разныхъ религій мирно живутъ рядомъ, множество новыхъ вѣроученій постоянно возникаетъ въ средѣ народа и никогда не бываетъ враждебныхъ столкновеній изъ-за различія религіозныхъ вѣрованій. Мало того, еврейская религія даже пришлась по душѣ нѣкоторымъ изъ нашихъ крестьянъ, которые выработали особые раскольничьи толки, заимствовавъ основы вѣроученія изъ еврейской религіи, конечно, въ сильно измѣненномъ и переработанномъ видѣ. Даже во время самыхъ безпорядковъ, когда всѣ дикіе инстинкты всплыли наружу и разгуливали на полной свободѣ,—даже въ то время не случилось ни одного обстоятельства, не обнаружилось ни одного факта, который бы указывалъ на присутствіе въ бунтующей толпѣ религіозной вражды къ евреямъ. Еслибы такая вражда была въ народѣ, то первый бы напоръ бунтующей толпы былъ направленъ на молитвенные дома евреевъ. Но этого-то мы и не видимъ, и напротивъ въ Елисаветградѣ народъ, разрушая все, принадлежащее, евреямъ, проходилъ мимо синагогъ, съ уваженіемъ говоря: «не тронь, не замай божьи дома». Только послѣ того, какъ забравшіеся въ большую синагогу евреи начали оттуда стрѣлять въ народъ, тогда, наконецъ, раздраженная выстрѣлами толпа съ яростью разнесла всю синагогу. Точно также въ мѣстечкѣ Березовкѣ, Ананьевскаго уѣзда, бунтовавшій народъ до такой степени былъ озлобленъ противъ евреевъ, что даже поджигалъ дома ихъ, разбивалъ самыя стѣны и не оставилъ въ цѣлости положительно ни одного дома, но еврейскихъ синагогъ, и только ихъ однѣхъ, онъ не коснулся. Разсказываютъ, что разгромъ здѣсь былъ ужасенъ до такой степени, что едва ли когда-нибудь это богатое торговое мѣстечко вновь возникнетъ изъ покрывающихъ его развалинъ; но синагоги стоятъ невредимыми среди общаго разрушенія. Значитъ—отнюдь не религіозная вражда, а какія-нибудь другія причины вызвали въ народѣ ненависть къ евреямъ, которая, наконецъ, завершилась страстною вспышкой и дикимъ насиліемъ.

Точно также неосновательно относить причину бунтовскихъ вспышекъ на югѣ къ племенной враждѣ кореннаго малороссійскаго населенія противъ евреевъ. Что такая вражда дѣйствительно существуетъ, объ этомъ нѣтъ и быть не можетъ никакихъ споровъ. Малороссы съ молокомъ матери всасываютъ въ себя вѣками воспитанную и завѣщанную всей предшествовавшей народною исторіей вражду къ еврейству. Безъ сомнѣнія, эта вражда играла извѣстную роль въ возникновеніи безпорядковъ, но роль ничтожную, второстепенную, такъ что о ней не было никакого помина при народныхъ вспышкахъ. Мы видимъ прежде всего, что вездѣ почти главными подстрекателями народа къ безпорядкамъ и предводителями бунтующей толпы являются «кацапы», пришлый великороссійскій элементъ. Сами евреи повсюду относятъ главную причину безпорядковъ къ агитаціи пришлыхъ кацаповъ. По словамъ одного очевидца, великоруссы и малороссы слѣдующимъ образомъ распредѣлили между собою роли во время еврейскаго разгрома. «Великоруссы въ толпѣ идутъ впереди, сильно жестикулируя, ободряя другихъ. Малороссы не отстаютъ, идутъ спокойно; принявшись за работу, продолжаютъ ее не горячась, съ увѣренностью въ успѣхѣ и съ настойчивостью. Великоруссы, соединившись съ малороссами, одни другихъ дополняли. Первые начинали и производили погромъ наскоро, вторые шли за ними и разрушали, такъ что послѣ нихъ уже ничего не оставалось такого, что можно было бы испортить». Случалось такъ, что мѣстное малороссійское населеніе, порѣшивши бить евреевъ, поджидаетъ пріѣзда «кацаповъ», толпою встрѣчаетъ ихъ на желѣзнодорожной станціи и погромъ начинается только тогда, когда пріѣзжіе кацапы поведутъ толпу впередъ, приглашая ее къ разрушенію боевыми окриками: «бей, ломай, но ничего не бери!» Еслибы главнымъ побужденіемъ къ безпорядкамъ служила племенная вражда малороссійскаго населенія къ евреямъ, тогда инниціатива погрома всецѣло принадлежала бы однимъ малороссамъ, безъ всякаго участія въ этомъ дѣлѣ великорусскаго элемента. Но во всѣхъ вспышкахъ великоруссы идутъ впереди подавляющей ихъ численностью толпы малороссовъ, при чемъ первымъ принадлежитъ главная, выдающаяся роль въ бунтовскомъ движеніи. Между тѣмъ въ Великороссіи нѣтъ никакихъ слѣдовъ національной вражды къ еврейству. Здѣсь еврея хорошо знаютъ, но относятся къ нему съ такимъ же равнодушіемъ, какъ и ко всякому другому инородцу. Въ мѣстностяхъ съ великорусскимъ населеніемъ очень часто идутъ народные толки о разныхъ націяхъ, съ которыми великоруссу приходилось сталкиваться, или даже о комъ ему удавалось слышать. Вы услышите здѣсь проникнутые глубокою антипатіей отзывы о нѣмцѣ и англичанинѣ, услышите насмѣшку надъ добрымъ, простоватымъ хохломъ, похвалы національному характеру француза, но объ евреѣ здѣсь никто не говоритъ и не думаетъ, къ нему относятся все съ полнымъ равнодушіемъ. Великоруссъ никакъ даже не въ состояніи понять, откуда берется и какъ можетъ существовать такая

глубокая племенная вражда, какая слышится въ каждомъ отзывѣ малоросса о евреѣ. Поэтому если великоруссы стали во главѣ противоеврейскаго движенія, то ихъ участіе въ этомъ прямо показываетъ, что движеніе было вызвано вовсе не племенною враждою. И дѣйствительно, еслибы тутъ главную роль играла племенная вражда, тогда самый характеръ народныхъ вспышекъ былъ бы совсѣмъ другой. Бунтовское движеніе выразилось бы въ формѣ насилія надъ личностью, повторились бы и ранѣе бывавшія въ Малороссіи кровавыя сцены, въ родѣ уманьской рѣзни. Но во время послѣднихъ безпорядковъ насилія надъ личностью были чрезвычайно рѣдки,—они почти не встрѣчались,—и если иной разъ бывали единичные случаи кровавыхъ столкновеній, то они вызывались вооруженнымъ сопротивленіемъ со стороны евреевъ. Самъ по себѣ народъ не нападалъ на евреевъ, не позволялъ себѣ насилій надъ ними. Въ большинствѣ случаевъ онъ относился къ евреямъ довольно сдержанно, а иной разъ даже добродушно. Бывали такіе случаи, что народъ входилъ въ соглашеніе съ евреями. Вотъ, напр., въ селѣ Маркусъ крестьяне приходятъ къ своему шинкарю-еврею и добродушно говорятъ ему: «слушай, все равно отдано приказаніе грабить васъ, а мы не хотимъ; такъ Богъ съ тобой, иди себѣ отсюда съ Богомъ, мы тебѣ и подводы дадимъ, только ты отдай намъ водку да сколько-нибудь денегъ». Еврей далъ крестьянамъ десять ведеръ водки да двадцать рублей деньгами и, уложивъ на общественныя подводы свое имущество, мирно выѣхалъ изъ деревни. Подобныхъ примѣровъ было не мало. Народъ даже отчасти жалѣлъ евреевъ при видѣ тѣхъ лишеній, какія приходилось испытывать имъ, вслѣдствіе потери всего имущества. Бывали въ народѣ такіе толки, что зачѣмъ-де бить и разорять евреевъ, лучше бы отвести имъ особый городъ, или землю, и пусть бы они жили тамъ, оставивъ въ покоѣ коренное русское населеніе. Другіе, по поводу упрековъ въ насиліи надъ имуществомъ евреевъ, говорили такъ: «худо,—кто говоритъ!—очень худо, одно слово—зло. Но какъ же намъ быть? Мы, кажется, рады за это самое дѣло вѣчный оброкъ платить, чтобы жидамъ все, какъ есть, оплатить, какой убытокъ они понесли. Пусть только честно покажутъ, что потерпѣли, а мы заплатимъ. Но чтобы сами-то они шли отъ насъ, куда хотятъ, лишь бы отъ нихъ намъ избавиться, потому отъ нихъ все зло на Руси,—все». Словомъ, народъ не позволялъ себѣ насилія надъ личностью, какъ было бы въ томъ случаѣ, еслибы побудительною причиной противоеврейскаго движенія была племенная вражда. Народная вспышка пронеслась разрушительнымъ ураганомъ только надъ однимъ имуществомъ евреевъ. Да и эта вспышка въ народномъ сознаніи была самою крайнею мѣрой, устраненіе которой было бы для всѣхъ весьма желательно.

Если прислушаться къ народнымъ толкамъ и окрикамъ, вылетавшимъ изъ среды бунтующей толпы, то можно составить себѣ довольно ясное представленіе о тѣхъ побужденіяхъ, которыми руководилась толпа, болѣе

или менѣе сознательно истребляя имущество евреевъ. Отовсюду, гдѣ только были народныя вспышки, сообщаютъ одно и то же о взглядѣ народа на причины и конечную цѣль еврейскаго погрома. Изъ Кіева, напримѣръ, пишутъ, что тамъ, во время погрома, народъ объяснялъ самовольную расправу тѣмъ, что евреи захватили всю торговлю, что благодаря имъ все дорого, что отъ нихъ житья нѣтъ. «Такъ имъ и слѣдуетъ, кровопійцамъ!»—раздавалось въ бушующей толпѣ, когда разбивали еврейскіе дома. Это слово «кровопіецъ» народъ понималъ въ особенномъ, своеобразномъ смыслѣ. Наприм., одинъ корреспондентъ разсказываетъ, что хотя «разбивали и грабили жилища и лавки бѣдныхъ евреевъ, тѣмъ не менѣе можно было замѣтить особенное наслажденіе толпы, когда она уничтожала имущество богатыхъ. Одинъ рабочій особенно яростно разбивалъ домъ ремесленника еврея. Я подошелъ къ нему и сталъ упрекать. Онъ отвѣчалъ: *«это не его добро, а наша кровь,—я самъ бралъ заказы отъ него»*.—«Но вѣдь это бѣдный человѣкъ, пожалуй, такой же голякъ, какъ и ты». — «Всѣ они, аспиды, изъ бѣдныхъ выходятъ, а потомъ, гляди, сталъ первѣющимъ богачомъ. А кто ему придалъ добра, какъ не мы?» Когда распрашивали рабочихъ, принимавшихъ участіе въ кіевскомъ погромѣ, то они всѣ высказывали жалобы на то, что евреи отнимаютъ хлѣбъ у рабочаго.—«На вопросъ, предложенный одному изъ участвовавшихъ въ безпорядкахъ, зачѣмъ онъ разоряетъ евреевъ,—говоритъ корреспондентъ *Новаго Времени*,— онъ разсказалъ, что имъ было открыто лудильное заведеніе, которое пошло хорошо, пока не поселился съ нимъ рядомъ лудильщикъ еврей; послѣдній сталъ брать за полуду вдвое дешевле, потому что лудилъ не оловомъ, а третьякомъ, чего не хотѣлъ дѣлать русскій; вслѣдствіе этого,—говорилъ разсказчикъ,—«я теперь по милости жида и безъ работы, и весь прожился, а лудить третьякомъ я несталъ, потому что это—не полуда, а одинъ обманъ». Нѣсколько человѣкъ рабочихъ на тотъ же вопросъ отвѣтили: «въ прошломъ году мы за укладку дровъ съ барокъ на берегу Днѣпра получали по 1 руб. и 1 руб. 20 коп.; нынѣ нанялся купцамъ доставлять рабочихъ жидъ, сталъ съ нихъ брать по рублю, а намъ платилъ по сорока копѣекъ; не сидѣть безъ хлѣба,—пошли работать за сорокъ копѣекъ, а онъ, жидъ, ходитъ да покрикиваетъ; за что же онъ беретъ по шести гривенъ въ карманъ, а намъ и на хлѣбъ не хватаетъ?» Еще разсказъ: «Я занимался извозомъ, возилъ со станціи до мѣстечка пассажировъ; жидамъ-извощикамъ завидно стало, насыпали въ ухо лошади дроби, лошадь понесла и разбила телѣгу; справилъ другую телѣгу, жиды облили лошади ноги сѣрною кислотой, лошадь пропала, пришлось быть поденщикомъ». Благодаря подобнымъ способамъ пріобрѣтенія имущественнаго достатка, народъ видитъ въ евреяхъ своихъ экспропріаторовъ, а еврейское имущество считаетъ своею кровью, отнятымъ, ограбленнымъ у рабочаго люда добромъ. Наприм., другой корреспондентъ *Новаго Времени* разсказываетъ, что «въ городѣ Нѣжинѣ 27 апрѣля евреи въ переполохѣ

начали скрывать свое имущество по нѣкоторымъ церквамъ и монастырямъ, а на другой день явились на стѣнахъ вырѣзанныя надписи: *здѣсь спрятаны награбленные жидовскіе пожитки»*. Всѣ сословія христіанскаго общества возмущены были, какъ осмѣлились осквернять святыню имѣніемъ лихвенныкъ и воровскимъ, неправильно нажитымъ отъ христіанъ. Разумѣется, этотъ общій голосъ тотчасъ заставилъ духовныхъ оберегателей возвратить пожитки евреямъ, а крестьяне, пріѣзжающіе изъ деревень, доселѣ говорятъ: «они, думаютъ, укроютъ свое поганое имѣніе въ церквахъ, да развѣ мы оттуда не вытащимъ его, коли на то пойдетъ? Достанется и жидовскимъ укрывателямъ!» По деревнямъ крестьяне выражаютъ страстное негодованіе на евреевъ за то, что земля изъ рукъ работника перешла въ руки капиталистовъ евреевъ, которые сдѣлались землевладѣльцами и арендаторами. Крестьяне, собравшіеся изъ деревень въ Елисаветградъ громить еврейское имущество, открыто говорили: «мы вырѣжемъ жидовъ и позаберемъ у нихъ землю, которой намъ не достаетъ. Мы имъ покажемъ, какъ имъ кланяться въ поясъ, да называть ихъ барами». Когда въ городѣ Конотопѣ исправникъ уговаривалъ бунтовавшихъ крестьянъ, чтобъ они разошлись, и грозилъ ссылкою въ Сибирь, то крестьяне отвѣчали ему: «чтожь, и Сибирь—царская земля; въ Сибири хоть хлѣбъ будетъ, а тутъ ни хлѣба нѣтъ, ни рубахи скоро не будетъ съ этими жидами». При этомъ указывалось на евреевъ, которые арендовали всѣ земли, какія только можно было арендовать, и поставили крестьянъ въ такое безвыходное положеніе, что у нихъ даже выгона нѣтъ и они то и знай что платятъ штрафы за арестованныхъ коровъ, свиней и куръ; а такъ какъ денегъ свободныхъ нѣтъ, то несутъ въ залогъ за безцѣнокъ вещи, которыя сплошь да рядомъ тамъ и остаются. Въ Александровскомъ и Мелитопольскомъ уѣздахъ крестьяне повсемѣстно нападали на евреевъ—землевладѣльцевъ и арендаторовъ, уничтожали дома, угоняли скотъ. Ими руководило желаніе согнать евреевъ съ земли, передать землю изъ рукъ капиталиста-эксплоататора въ руки работника. Даже къ нѣмцамъ крестьяне обращались съ угрозами побить и ограбить ихъ, если тѣ не оставятъ землю. Народъ вездѣ толковалъ, что скоро нѣмцевъ-колонистовъ погонятъ къ нѣмцамъ, греческихъ поселенцевъ—въ Крымъ, евреевъ—въ *египетскую губернію*, а оставшуюся землю раздадутъ крестьянамъ. Въ Одессѣ толпы рабочихъ разбивали еврейскія лавки, при крикахъ: «кровь пьютъ, заработокъ отнимаютъ!» Въ Елисаветградѣ, по поводу погрома евреевъ, народъ толковалъ: «все они забрали въ свои руки, на всемъ наживаются, всѣ ими недовольны». Когда старались подѣйствовать на бушующую толпу убѣжденіемъ, то она отвѣчала: «не мѣшайте намъ,—это кровь наша». Передъ рядами вооруженныхъ солдатъ становились «крестьяне и, обнаживъ грудь, кричали: «какъ, вы за жидовъ, которые убили Царя, сосутъ нашу кровь?... На-те, стрѣляйте!» Видно, что люди начали бунтовскимъ, насильственнымъ способомъ рас-

правляться съ евреями главнымъ образомъ потому, что болѣе не стало силъ сносить голодъ, нищету, всѣ ужасныя лишенія и страданія, вызванныя экспропріаціей рабочаго класса, въ которой самая выдающаяся роль на югѣ принадлежитъ капиталистамъ-евреямъ. Вездѣ, во всѣхъ отрасляхъ народнаго труда, еврей является такимъ же передовымъ бойцомъ въ рядахъ капиталистовъ, экспропріирующихъ работника, какими рабочіе «кацапы» явились въ настоящемъ рабочемъ движеніи, весь смыслъ котораго заключается въ обратной экспропріаціи экспропріирующихъ. По словамъ одного газетнаго корреспондента, противоеврейское движеніе было «вызвано экономическими причинами, страданіемъ народа, болью, которую терпѣть не стало мочи. Кто-то объяснилъ это даже образно. *Возьмите*,—говорилъ онъ,—стаканъ и лейте въ него воду. Вы наполните его, еще одна капля—и вода пойдетъ черезъ край». Нашъ, привыкшій къ терпѣнію, народъ наконецъ не выдержалъ этой муки, этихъ ужасныхъ страданій, на которыя онъ обреченъ во имя интереса ничтожной горсти людей, построившихъ свое благосостояніе на потѣ и крови рабочаго класса. Терпѣніе лопнуло, сдерживаемыя давно страсти вырвались наружу и началась дикая, разрушительная работа. Это были единичныя, мѣстныя и минутныя вспышки страстей. Бунтовали только въ немногихъ мѣстахъ люди, которые на минуту забыли вѣру въ возможность легальнымъ путемъ высвободиться изъ когтей того вампира, который, по образному выраженію народа, сосетъ кровь рабочаго. Но, при всей разрозненности движенія, охватившаго рабочее населеніе юга, при всей видимой слабости и незначительности вспышекъ, лишенныхъ всякаго единства,—какая же, однако, великая сила заключалась въ страсти, охватившей собою обездоленнаго, доведеннаго до отчаянія рабочаго? Потерявши всякую надежду на улучшеніе своего, подъ корень подорваннаго, благосостоянія, будучи доведены до полнаго отчаянія, рабочіе не дорожатъ уже ничѣмъ, лишь бы только возможно было сорвать накипѣвшую въ сердцѣ злобу на кровномъ врагѣ. Имъ говорятъ о религіи, о покорности высшей власти, думая остановить бунтовскую работу, а они отвѣчаютъ, что «не стало силъ болѣе терпѣть». «Что вы дѣлаете, и теперь-то?—говоритъ священникъ толпѣ, разоряющей еврейскій домъ.—Простимъ вся Воскресеніемъ, оставьте!» Но толпа, бросившись на колѣни, въ свою очередь умоляетъ священника: «батюшка, иди, иди отселѣ,—не твое здѣсь мѣсто. Не можемъ мы ничего сдѣлать, хоть казнить, хоть вѣшать насъ будутъ. Горько ужь намъ очень стало. Мы за свово Царя костьми ляжемъ. Гдѣ Онъ, тамъ и мы будемъ».—«Да глупые вы! Царь узнаетъ, будетъ очень огорченъ. Вы только опечалить Его въ горести хотите».—«Узнаетъ? Ну, слава Тебѣ Господи, по крайности ему вѣдомо будетъ, что мы за Него». — Увы, печальный способъ заявлять власти о своихъ нуждахъ и желаніяхъ!... Но, впрочемъ, дѣло не въ странномъ способѣ обращенія къ власти со стороны бушующей толпы, но въ томъ, что когда у этой толпы лопнуло терпѣніе, уже

ничто не можетъ остановить расходившейся на просторѣ, не знающей себѣ удержу, страсти. Бунтующей толпѣ рабочихъ грозятъ Сибирью, каторгою, разрывомъ съ родиною, семьею, обычнымъ образомъ жизни и занятіями, а народъ въ этихъ самыхъ угрозахъ находитъ какое-то сладкое утѣшеніе въ своей невыразимо-горькой жизни. Онъ говоритъ, что на каторгѣ житье будетъ лучше, чѣмъ здѣсь на свободѣ,—что тамъ, въ Сибири, будутъ и земля, и хлѣбъ, тогда какъ здѣсь у рабочаго не осталось куска хлѣба, а скоро не будетъ и рубахи. Стращаютъ толпу, что въ нее будутъ стрѣлять; предъ глазами людей встаетъ смерть во всей безобразной наготѣ, во всемъ могильномъ ужасѣ. А толпа кричитъ: «ну, что же, стрѣляйте! Ну, и становитесь вы всѣ, паны, по одну сторону съ жидами и солдатами, а мы всѣ *скрозь* въ одну линію станемъ, и палите, — мы всѣ такъ и поляжемъ, потому намъ все равно, одинъ конецъ!»

Мы выбрали только очень немногіе, наиболѣе выдающіеся факты, чтобъ обрисовать характеръ противоеврейскаго движенія. Но и въ этомъ немногомъ все убѣждаетъ насъ, что недавніе безпорядки были чисто рабочимъ движеніемъ, что противъ еврея возсталъ многочисленный рабочій классъ во имя своихъ исключительно рабочихъ интересовъ. Нѣтъ спору, что рабочіе дѣйствовали малоосмысленно, безъ правильной подготовки, безъ ясно-сознанныхъ конечныхъ задачъ бунтовскаго движенія. Ясное дѣло, что это не было правильное и съ разумнымъ разсчетомъ подготовленное рабочее движеніе. Это были просто страстныя вспышки въ отдѣльныхъ мѣстностяхъ, гдѣ поголовно рабочее населеніе доведено горькою нуждою до невозможности болѣе сдерживать въ себѣ накопившуюся и вылившуюся черезъ край массу озлобленія, горя и отчаянія. Но тѣмъ не менѣе замѣтно уже, что въ народѣ бродятъ какъ бы безсвязныя, неоформленныя идеи о конечныхъ задачахъ рабочей массы. Въ рабочемъ населеніи довольно выпукло проявляются признаки нарождающагося, или, вѣрнѣе, искони присущаго рабочему классу, но ясно не сознаннаго имъ идеала. Въ разговорахъ и возгласахъ бунтующей толпы мы какъ будто находимъ не соединенные между собою элементы для созданія какой-то цѣльной рабочей программы. Рабочій жалуется, что онъ экспропріированъ капиталомъ, который представляется ему въ образѣ еврея, что онъ пересталъ быть собственникомъ условій труда и сдѣлался поденщикомъ, выносящимъ на рынокъ свои рабочія руки, чтобы продать ихъ капиталисту-еврею за жалкій кусокъ насущнаго хлѣба. Рабочій сознаетъ также, что весь процессъ, посредствомъ котораго онъ доведенъ до настоящаго крайняго положенія, есть экспропріація его со стороны капитала, что его кровь сдѣлалась имуществомъ еврея. И вотъ, когда рабочій дошелъ до послѣдней крайности, когда онъ отчаялся и на все махнулъ рукою, говоря: «все равно, одинъ конецъ», — тогда-то у него въ головѣ зародилась идея, что теперь осталось одно — на экспропріацію отвѣчать тоже экспропріацией, ибо если имущество еврея есть «кровь» рабочаго, то

послѣдній съ полнымъ правомъ можетъ возвратить къ себѣ эту кровь свою, сдѣлавъ ее опять своею собственностью. Но какъ же это сдѣлать? Жизнь дала отвѣтъ на этотъ вопросъ, въ видѣ бунтовской вспышки, съ неудержимою силой вырвавшейся наружу. Но и такой отвѣтъ не удовлетворяетъ рабочаго. Онъ, представитель мирнаго труда, всегда былъ и остался величайшимъ врагомъ всякаго насилія, всякаго нарушенія обычнаго, мирнаго строя жизни. Онъ самъ себя упрекаетъ за насиліе, совершенное подъ давленіемъ страсти. Его идеалъ — это мирное рѣшеніе рабочаго вопроса путемъ легальной сдѣлки. Рабочіе говорятъ: мы готовы заплатить евреямъ все, что слѣдуетъ имъ по совѣсти, лишь бы только они оставили насъ въ покоѣ, лишь бы только прекратить тотъ несправедливый порядокъ вещей, при которомъ возможна невыносимая эксплоатація рабочаго класса. Понятно, что такое легальное соглашеніе, такой выкупъ трудящагося класса отъ экономическаго подчиненія капиталу возможенъ не иначе, какъ при посредствѣ государственной власти. Народъ не утратилъ вѣры въ государственную власть,—онъ ждетъ, что она спасетъ его отъ рукъ эксплоататоровъ-евреевъ. Но народу стало такъ невыносимо тяжело, что не стало мочи терпѣть и ждать, когда сама власть снизойдетъ къ нему на помощь. Онъ почувствовалъ необходимость самъ заявить власти о своихъ кровныхъ нуждахъ, стремленіяхъ и надеждахъ. Какъ на грѣхъ, у насъ нѣтъ путей, которыми бы народъ могъ довести до власти свои нужды и желанія. Куда идти и какъ дойти до этой власти? Еслибъ еще нуждались въ помощи власти Сидоръ, да Иванъ, или деревня Медвѣжій-Уголъ, тогда еще нашелся бы, правда, очень кривой и весь испорченный глубокими канцелярскими колеями, но все же, какой ни-на-есть, а нашелся бы путь къ власти. Когда же явилась нужда всенародная,—нужда, охватившая все рабочее населеніе, нужда такая насущная, такая кровная, что ей сочувствуетъ и на сторонѣ народа стоитъ почти вся интеллигенція,—тогда оказалось, что для цѣлаго многомилліоннаго народа существующія у насъ канцелярскія дороги слишкомъ узки, а широкихъ дорогъ къ власти еще не устроено. И вотъ нашъ безконечно терпѣливый, испоконъ вѣка глубоко преданный власти народъ шумнымъ возстаніемъ, дикою бунтовскою вспышкою хочетъ достигнуть, чтобъ его услышала власть. Что же съ нимъ дѣлать? Можно ли винить крестьянина за совершенное имъ насиліе, когда ему не указано, какимъ законнымъ способомъ можно довести до верховной власти наши кровныя, выстраданныя нами въ теченіе многихъ-многихъ лѣтъ, всенародныя нужды?

Случившіеся на югѣ безпорядки не были неожиданностью для людей, внимательно слѣдившихъ за ходомъ народной жизни. Они подготовлены предшествующими событіями, которые прямо толкали народъ въ круговоротъ волненій и насилій. Въ теченіе послѣднихъ десятилѣтій быстро шло обнищаніе рабочей массы. Въ средѣ крестьянъ постоянно выросталъ недостатокъ въ землѣ. Крестьянское населеніе, искони привыкшее жить земледѣльческимъ трудомъ, было принуждено большими мас-

сами отказаться отъ своихъ обычныхъ занятій по недостатку земли. Быстро нарождался многочисленный классъ безземельныхъ крестьянъ. Множество земледѣльческихъ работниковъ покидали деревни и села и стремились въ города, гдѣ искали заработка на фабрикахъ и заводахъ. Но городская фабричная жизнь не удовлетворяла людей, привыкшихъ къ сельской жизни и земледѣльческимъ занятіямъ. Въ то же время между крестьянами, еще не разорвавшими связь съ землею и продолжавшими завѣщанныя отъ предковъ земледѣльческія занятія, быстро распространялась нищета и вмѣстѣ съ нею недовольство своимъ положеніемъ. У крестьянъ было слишкомъ мало земли, такъ что непомѣрные платежи всякаго рода поглощали весь доходъ земледѣльца, не оставляя ему почти ничего для пропитанія. Работники, продолжавшіе земледѣльческія занятія, а равно и бросавшіе ихъ для стороннихъ, не земледѣльческихъ промысловъ, всѣ въ одинаковой степени были недовольны своимъ положеніемъ и единственный исходъ изъ него видѣли въ увеличеніи крестьянскаго землевладѣнія.

Въ народѣ искони земледѣльческомъ все болѣе и болѣе разгоралось страстное стремленіе къ пріобрѣтенію земли. Это стремленіе выразилось въ формѣ слуховъ, что скоро, при помощи государственной власти, крестьяне получатъ столько земли, сколько имъ нужно для приложенія ихъ рабочей силы и безбѣднаго существованія. Слухи о землѣ, исходя Богъ вѣсть откуда и, вѣроятно, нарождаясь въ непроницаемой глубинѣ той же народной массы, не умолкали въ теченіе многихъ послѣднихъ лѣтъ. Съ одной стороны они волновали рабочій народъ, возбуждая множество толковъ и тревожа умы, а съ другой—отчасти мирили его съ своимъ положеніемъ, утѣшая надеждою на лучшее будущее, котораго всѣ ожидали вмѣстѣ съ увеличеніемъ крестьянскаго землевладѣнія. Такимъ образомъ хотя положеніе рабочаго класса постоянно ухудшалось и недовольство росло, но послѣднее все-таки сдерживалось надеждою на будущее. Народъ хотя и страдалъ, хотя и былъ недоволенъ, но оставался спокоенъ, громко не роптлъ, надѣялся и ждалъ впереди лучшихъ дней. А между тѣмъ война, потребовавшая громадныхъ издержекъ, вызвала застой въ промышленности и торговлѣ, оставивъ вслѣдствіе этого много рабочихъ семей безъ куска хлѣба. И это вынесъ терпѣливый народъ въ надеждѣ, что вотъ послѣ войны дѣла поправятся. Надежда оказалась напрасною, заработки у населенія не увеличивались, мѣръ для улучшенія экономическаго положенія народной массы никакихъ не принималось.

Правительство въ это время было поглощено борьбою съ революціонною партіей, и эта борьба, конечно, не была неизвѣстна рабочей, крестьянской массѣ. Ужасныя, поражающія умъ, событія, виновниками которыхъ были революціонеры, возбуждали противъ себя рабочее населеніе и въ то же время распространяли въ народѣ тревогу, будили страсти. Въ народную массу, и безъ того недовольную своимъ положеніемъ, проникъ заро-

дымъ смуты и волненія. Когда народъ недоволенъ, то какой бы ни былъ поводъ къ волненію, все равно—это волненіе будетъ возбуждать страсти, которыя легко могутъ вырваться наружу, въ видѣ бунтовской вспышки. А между тѣмъ обстоятельства въ высшей степени благопріятствовали возбужденію народа.

Нѣсколько неурожаевъ, закончившихся ужасною прошлогоднею голодовкою, въ конецъ подорвали благосостояніе крестьянъ. Цѣлыя массы крестьянъ, не имѣя болѣе пропитанія, поднялись изъ деревень и разбрелись по странѣ, частію отыскивая свободныхъ земель для новыхъ поселеній, частію вымаливая милостыню, а частію отыскивая себѣ заработковъ на фабрикахъ и заводахъ. Въ большіе промышленные центры стало стекаться изъ деревень множество голодныхъ работниковъ, которые неумѣреннымъ предложеніемъ труда вызывали пониженіе заработной платы. Въ то же самое время спросъ на предметы обработывающей промышленности такъ значительно сократился, что фабрики и заводы одни совсѣмъ закрылись, другіе должны были уменьшить производство и распустили множество рабочихъ. Такимъ образомъ въ городахъ скопилось чрезвычайно много празднаго и голоднаго рабочаго люда, который, не находя работы въ одномъ мѣстѣ, шелъ отыскивать ее въ другое, бродяжничалъ по селамъ, вездѣ и всюду разносилъ недовольство и разные темные, тревожные слухи. И прежде не веселая, рабочая жизнь теперь сдѣлалась совсѣмъ невыносимою. Рабочему приходилось голодать и, оставаясь въ праздности, предаваться горькимъ думамъ о своемъ отчаянномъ положеніи. Понятное дѣло, какое глубокое впечатлѣніе на этотъ праздный и доведенный до отчаянія народъ произвело ужасное событіе 1 марта. Народъ взволновался еще сильнѣе, страсти разгорѣлись въ немъ еще болѣе и уже искали себѣ какого бы то ни было исхода. Революціонная партія, повидимому, всѣ свои силы употребила на то, чтобы еще болѣе, еще сильнѣе разжечь эти страсти. Судя по газетнымъ извѣстіямъ, вся Россія—какъ города, такъ и села—была наводнена революціонными прокламаціями въ такомъ множествѣ, какого никогда ранѣе не бывало на нашей памяти. Народъ, съ одной стороны, срывалъ съ негодованіемъ подпольные листки и представлялъ ихъ начальству, а съ другой—волновался, всюду говорилъ о нихъ, по-своему объяснялъ темный смыслъ ихъ. Вездѣ шли толки и споры по поводу бунтовскихъ листковъ. Одни говорятъ, указывая на нихъ: «это—дѣло *господъ*. Какъ бы насъ опять въ крѣпость не повернули?» Другіе, объясняя содержаніе листковъ, утверждали, что теперь крестьяне получатъ вволю земли. При такомъ возбужденномъ состояніи народа было ясно, что скоро должна произойдти вспышка накопившихся страстей, и нельзя было только предугадать, какую форму приметъ эта вспышка. Теперь оказалось, что народное недовольство и возбужденныя страсти вылились въ формѣ погрома евреевъ, причемъ бунтующими массами руководило стремленіе дать просторъ рабочему труду.

освободить его отъ разныхъ стѣсненій. Взбунтовавшійся народъ хотѣлъ отнять у евреевъ землю, чтобъ отдать ее малоземельному крестьянству, хотѣлъ изгнать евреевъ изъ городовъ, чтобы всѣ отрасли промышленнаго труда освободились отъ тяжелаго для рабочихъ посредничества капиталиста и въ этомъ чистомъ, свободномъ видѣ перешли въ руки обнищавшихъ, изстрадавшихся рабочихъ.

Безспорно, что отчаянное положеніе рабочаго класса и при этомъ волненіе, вызванное въ народѣ политическою смутою, были главною причиною народныхъ вспышекъ на югѣ. Но вмѣстѣ съ тѣмъ не слѣдуетъ упускать изъ виду и другихъ факторовъ, такъ же сильно вліявшихъ на подготовку бунтовскаго движенія. Между ними наиболѣе выдающуюся роль играло воспитанное въ народѣ вѣками недовѣріе къ установленному правовому порядку, или, вѣрнѣе, сознаніе безсилія права. Народъ не получилъ гражданскаго воспитанія въ духѣ уваженія къ существующему закону и къ огражденнымъ этимъ закономъ правамъ личности. Какъ было издавна у насъ, такъ и теперь осталось, что законъ существуетъ какъ бы только на-показъ, для формы, чтобы не было стыдно передъ сосѣдями. Онъ совсѣмъ не исполняется тѣми, кто призванъ быть стражами его, на комъ лежитъ наблюденіе за исполненіемъ его. Вмѣсто закона царитъ произволъ и насиліе. Права личности безнаказанно топчутся въ грязи всякимъ, кто почувствуетъ хотя малую силу въ рукахъ. Прислушайтесь, какія убѣжденія высказывалъ народъ въ мѣстностяхъ, гдѣ были бунтовскія вспышки. Тамъ всѣ поголовно толковали, что отъ Царя изданъ указъ, позволяющій бить евреевъ. Всѣ были убѣждены, что такой указъ существуетъ, но мѣстное начальство не объявляетъ его народу, потому что оно подкуплено евреями. Какъ это ни смѣшно, какъ ни дико, но народъ глубоко вѣритъ, что и полиція, и войско, волостное начальство и даже земство,—словомъ, даже всѣ имѣющіе власть и поставленные для охраны закона, всѣ они подкуплены. Откуда могло зародиться въ народѣ такое убѣжденіе въ продажности мѣстныхъ властей, въ безсиліи закона,—словомъ, въ отсутствіи у насъ правового порядка? Неужели тутъ виноватъ распущенный въ массѣ ложный слухъ? Еслибы народъ не былъ воспитанъ самою жизнью въ томъ убѣжденіи, что законъ безсиленъ предъ произволомъ властей, что законнаго порядка у насъ не существуетъ, то вѣдь онъ никогда не повѣрилъ бы такому дикому и нелѣпому слуху, какъ подкупъ властей для скрытія закона. Въ томъ-то и бѣда, что продажность властей—это фактъ, который всѣмъ намъ извѣстенъ, но всего-то болѣе извѣстенъ крестьянскому населенію. Страшно подумать о томъ, что такое творится у насъ въ деревняхъ. Взяточничество и насиліе до такой степени распространены между низшими правительственными агентами, находящимися въ ближайшемъ и непосредственномъ соприкосновеніи съ крестьянскою массою, что крестьянинъ совсѣмъ потерялъ вѣру въ законъ. Насиліе и нарушеніе закона дѣлаются съ такою безцеремонною откровен-

ностью, что, повидимому, сами правительственные агенты глубоко и искренно убѣждены въ полномъ безсиліи и непригодности закона для жизни, которая должна направляться единственно по ихъ начальственному усмотрѣнію. Исторія безпорядковъ на югѣ даетъ намъ слишкомъ много печальныхъ фактовъ, доказывающихъ полное пренебреженіе закономъ со стороны мѣстныхъ властей. Эти власти оказались совершенно безсильны, когда на ихъ глазахъ разгорѣлась бунтовская вспышка. Пока народъ бушевалъ, власти гдѣ то скрывались и если появлялись предъ толпою, то подвергались оскорбленіямъ и насиліямъ. Во многихъ мѣстахъ безпорядки прекращались только тогда сами собою, когда все, что можно было разрушить, было разрушено. Въ другихъ мѣстахъ, гдѣ полицейскія власти дѣйствовали, во время безпорядковъ, подъ прикрытіемъ и защитою военной силы, тамъ онѣ показали свою неумѣлость и неспособность къ правильному и разумному возстановленію порядка. Отовсюду слышатся жалобы, что зачинщики и коноводы безпорядковъ не были арестованы и до сихъ поръ разгуливаютъ на свободѣ. Ясно, что полиція или боялась, или не умѣла захватить ихъ. Въ то же время арестована масса совершенно невинныхъ людей, которые забирались зря, безсмысленно, только потому, что попадались на глаза полиціи и по своей слабости не могли оказать никакого сопротивленія. Судебная власть поставлена въ необходимость освобождать этихъ, безъ толку и безъ разбору арестованныхъ, людей. При своей полной неспособности къ возстановленію порядка и къ предупрежденію безпорядковъ, администрація показала изумительную распорядительность послѣ прекращенія безпорядковъ. Тѣ изъ арестованныхъ, которые, по отсутствію всякихъ уликъ противъ нихъ, были освобождены судебною властью, подвергались позорному тѣлесному наказанію по усмотрѣнію администраціи. Во многихъ мѣстахъ администрація публично, на площадяхъ, чуть не поголовно, сѣкла все населеніе. Разсказываютъ, что въ Елисаветградскомъ уѣздѣ крестьяне, выведенные изъ терпѣнія придирками полиціи, старавшейся безтолковою распорядительностью по окончаніи безпорядковъ загладить свое бездѣйствіе во время бунтовскихъ вспышекъ, сами являлись къ полицейскимъ властямъ съ просьбою, чтобъ ихъ хоть высѣкли, да только оставили бы затѣмъ въ покоѣ. Если взять въ разсчетъ всю совокупность подобнаго рода фактовъ, то невольно срывается съ языка вопросъ: какое воспитательное вліяніе на народную массу будутъ имѣть безпорядки, произведенные на югѣ. Толпа, которая подвергала грубымъ насиліямъ евреевъ, вслѣдъ затѣмъ и сама подверглась еще болѣе грубымъ насиліямъ со стороны властей. Но вѣдь эта толпа состояла изъ бунтовщиковъ, она дѣйствовала незаконно, производила безпорядки; а мѣстныя власти поставлены для охраны закона и дѣйствовали въ интересахъ законнаго порядка. И однако между дѣйствіемъ бунтующей толпы и мѣропріятіями законныхъ властей нѣтъ никакой разницы,—и тамъ, и здѣсь мы видимъ нарушеніе законнаго порядка, неуваженіе къ закону, грубое насиліе. Порядка,

основаннаго на строгой законности, нѣтъ и народъ по-прежнему воспитывается въ сознаніи безсилія и ничтожества закона предъ грубымъ произволомъ. Вотъ это то отсутствіе твердаго правоваго порядка и служитъ весьма могущественнымъ факторомъ, вызывающимъ противозаконные взрывы страстей въ народной массѣ, которая со стороны блюстителей закона и порядка не видитъ ни малѣйшаго уваженія къ праву и воспитывается въ насиліи и произволѣ.

Общество измучилось, изстрадалось, видя уже нѣсколько лѣтъ все одну и ту же смуту, волненія и безпорядки. Оно жаждетъ успокоенія отъ тревогъ, ищетъ мирной жизни и прочныхъ гарантій въ ненарушимости законнаго порядка. Но, не видя конца волненіямъ и безпорядкамъ, оно всю надежду возлагаетъ на то, что законная власть призоветъ наконецъ его къ участію въ возстановленіи этого, столь желаемаго для всѣхъ, правоваго порядка. Желанія его очень скромны и ограниченны: стремясь къ успокоенію отъ тревогъ, оно проситъ, чтобы выслушанъ былъ голосъ народа о его кровныхъ, насущныхъ нуждахъ и, когда выяснятся вполнѣ эти нужды, были бы приняты мѣры къ удовлетворенію ихъ.

С. Пр.

Организація земскаго представительства.

II *).

Признавая приведенные нами основные принципы, выработанные составителями дѣйствующаго нынѣ Положенія о земскихъ учрежденіяхъ, вполнѣ правильными, мы полагаемъ, что результатъ пересмотра этого Положенія (если таковой состоится) будетъ тѣмъ болѣе удовлетворителенъ, чѣмъ болѣе начала эти будутъ освобождены отъ даннаго имъ ложнаго примѣненія и съ чѣмъ большею затѣмъ послѣдовательностью они будутъ проведены чрезъ всю организацію земскихъ учрежденій. Такъ, мы видѣли, что необходимымъ условіемъ правильности дѣйствій земскихъ собраній коммиссія, проектировавшая земское Положеніе, признала то, «*чтобъ они наиболѣе правильно и полно служили представителями всей мѣстности и ея интересовъ*»,—другими словами, *представителями земства и интересовъ всѣхъ его членовъ*. Само собою разумѣется, что для правильнаго примѣненія какъ этого начала, такъ равно и послѣдующихъ, изъ него вытекающихъ, прежде всего необходимо точно опредѣлить, *что такое земство и кто имѣетъ право и долженъ считаться его членомъ*. Напрасно искали бы мы точнаго опредѣленія въ трудахъ названной коммиссіи,—да и вообще точнаго опредѣленія земства намъ пока еще встрѣчать не приходилось. Люди занимающіеся земскимъ дѣломъ, знающіе его, конечно, понимаютъ, что такое земство, но мы говоримъ о формулѣ выражающей это понятіе. А она необходима,—необходима прежде всего какъ мѣрило годности или непригодности примѣненія, даваемаго тому или другому началу самоуправленія въ организаціи земскихъ учрежденій, какъ исходная точка всѣхъ по этому предмету сужденій и логическихъ выводовъ. Можно съ увѣренностью сказать, что поставь коммиссія такое опредѣленіе въ началѣ своего труда, она не имѣла бы столь широкой, почти ничѣмъ не стѣсняемой, возможности противорѣчить себѣ, смѣшивать земское дѣло съ обломками, и то гнилыми, стараго строя, и тогда работа ея

*) *Русская Мысль*, кн. 2.

отличалась бы большею послѣдовательностью, болѣе удовлетворяла бы нуждамъ и требованіямъ земства. Съ другой стороны отсутствіе въ обществѣ яснаго представленія о земствѣ влечетъ за собой смѣшеніе понятій о немъ съ представленіемъ о земскихъ учрежденіяхъ. Послѣднія плохо дѣйствуютъ, неудовлетворительно ведутъ свои дѣла. Говорятъ: земство виновато, земство неспособно къ самоуправленію... А чѣмъ, спрашивается, виновато земство, что учрежденія ему даны нескладныя, построенныя безъ мѣры, на глазъ, какія-то картонныя, декоративныя и потому именно дурно дѣйствующія, что въ основѣ своей они недостаточно земскія?

Избравъ предметомъ нашей статьи вопросъ объ организаціи земскаго представительства, мы не можемъ, да и не считаемъ себя въ правѣ обойти отвѣтомъ вопросъ, *что такое земство.*

Полагаемъ, что *земство есть совокупность лицъ какъ частныхъ, такъ и юридическихъ, въ данной мѣстности пребывающихъ и чѣмъ-либо въ ней владѣющихъ, выражаемая общностью нуждъ, интересовъ, правъ и обязанностей.*

Изъ этого нашего опредѣленія земства явствуетъ, что членами его мы считаемъ лицъ, которыя совмѣщаютъ въ себѣ слѣдующее:

а) пребываютъ въ данной мѣстности;

б) владѣютъ въ ней чѣмъ-либо;

в) участвуютъ въ общихъ интересахъ;

г) пользуются общими правами;

д) выполняютъ общія обязанности.

Не думаемъ, чтобы человѣкъ, въ уѣздѣ ничѣмъ не владѣющій, ничего на нужды земства не платящій и въ интересахъ земства имущественно не участвующій—могъ бы почитаться членомъ земства только потому, что онъ живетъ въ томъ уѣздѣ. Точно также трудно себѣ представить полезнымъ членомъ земства человѣка хотя въ уѣздѣ чѣмъ-либо и владѣющаго, но въ немъ не живущаго, а потому лично въ интересахъ мѣстныхъ не участвующаго и ихъ невѣдующаго. Человѣкъ не живующій въ уѣздѣ, но совмѣщающій всѣ другія, перечисленныя нами, условія не можетъ не считаться членомъ земства; но такой членъ земства безполезенъ, а въ дѣлахъ земства болѣе чѣмъ гдѣ-либо безполезность должна быть устраняема. Странно также видѣть въ числѣ орудующихъ земскими дѣлами представителей имуществъ, ничего на нужды земства не платящихъ. Съ другой стороны явною несправедливостью представляется лишеніе правъ, долженствующихъ быть общими для всѣхъ членовъ земства, мѣстныхъ жителей, владѣльцевъ имущества, платящихъ земскій сборъ, лично и имущественно заинтересованныхъ въ дѣлахъ земства. Подобныя представленія, кромѣ несправедливости, отличаются явною нелѣпостью, а между прочимъ мы выносимъ ихъ изъ статей нынѣ дѣйствующаго земскаго Положенія:

лица въ уѣздѣ никогда не живущія могутъ быть избираемы и весьма часто избираются въ гласные земскаго собранія;

не облагаемыя земскимъ сборомъ церковныя земли даютъ право священнослужителямъ быть гласными земскихъ собраній;

владѣльцы мелкихъ земельныхъ участковъ и вообще мелкіе собственники участіе въ дѣлахъ земства принимать не могутъ, но земскій сборъ платить должны.

Права—безъ обязанностей, обязанности—безъ правъ.

Полная, безусловная равноправность всѣхъ невредныхъ и небезполезныхъ членовъ земства—вотъ условіе, безъ котораго не мыслимо, чтобы земскія собранія «правильно и полно служили представителями всей мѣстности и ея интересовъ».

Мы говоримъ здѣсь, конечно, не объ индивидуальной вредности или безполезности членовъ земства, которая можетъ подлежать оцѣнкѣ только самихъ избирателей, а о такихъ свойствахъ цѣлой категоріи лицъ, на которыя должно быть обращено вниманіе законодательной власти. Выше мы указали, что окончательно не признать членами земства лицъ отсутствующихъ—нельзя, но на все время отсутствія ограничить ихъ права на участіе въ дѣлахъ земства—необходимо, въ силу ихъ безполезности. Но есть члены земства вредные по своей профессіи,—кабатчики, напримѣръ. Человѣкъ содержащій кабакъ, владѣя и живя въ данной мѣстности, платя земскій сборъ, не можетъ не считаться членомъ земства, но это членъ вредный и онъ не долженъ имѣть права вносить въ дѣла земства развращающее и разоряющее народъ вліяніе своей профессіи.

Многочисленность членовъ земства не дозволяетъ всѣмъ имъ быть гласными земскаго собранія, но всѣ члены земства должны имѣть право избирать гласныхъ и быть въ гласные избираемыми; а такъ какъ вмѣстѣ съ тѣмъ признается необходимымъ организовать земское собраніе, такъ чтобы главнѣйшіе мѣстные интересы пользовались достаточнымъ въ немъ представительствомъ, то и вытекаетъ отсюда необходимость группировки членовъ земства сообразно однородности ихъ интересовъ. Свойство, сущность земскихъ дѣлъ всего болѣе касается интересовъ имущественныхъ, и мы находимъ, что коммиссія, проектировавшая земское Положеніе, смотрѣла на дѣло правильно, говоря, что число лицъ, составляющихъ земское собраніе, должно быть достаточно велико, для того чтобъ учрежденіе это въ составѣ своемъ *могло имѣть представителей всѣхъ имущественныхъ интересовъ мѣстности*. Группировка имущественныхъ интересовъ всего болѣе вяжется съ различіемъ имущества по роду владѣнія.

У насъ владѣніе по роду своему подраздѣляется на:

частное,
общинное,
городское,
казенное и
церковное.

Если всѣ эти категоріи владѣній будутъ въ земскомъ собраніи представлены, то этимъ самымъ достигнется представительство имущественныхъ интересовъ мѣстности. Въ этомъ мы не расходимся съ нынѣ дѣйствующимъ Положеніемъ о земскихъ учрежденіяхъ, но лишь только вопросъ касается до численности состава земскихъ собраній и пропорціональнаго соотношенія между собой отдѣльныхъ групъ гласныхъ (отъ землевладѣльцевъ, отъ крестьянъ и отъ города), то немедленно брасается въ глаза совершенно ни на чемъ не основанная произвольность приложеннаго къ 33 ст. Пол. о зем. учреж. росписанія числа гласныхъ. Объ этомъ мы уже много разъ говорили*) и теперь повторять сдѣланныхъ нами указаній не будемъ.

Задавшійся разрѣшеніемъ вопроса, что именно нужно принять за основаніе при опредѣленіи численнаго состава земскихъ собраній, можетъ имѣть въ своемъ распоряженіи только три такихъ основы:

а) размѣръ территоріи,

б) численность населенія—и

в) сумму ежегоднаго земскаго сбора.

Несоразмѣрное различіе въ густотѣ населенія въ различныхъ уѣздахъ и громадное территоріальное пространство, занимаемое уѣздами наименѣе населенными, дѣлаетъ неудобнымъ обоснованіе численности гласныхъ земскихъ собраній на числѣ десятинъ, занимаемыхъ уѣздомъ, или числѣ его жителей. Приходится отдать предпочтеніе опредѣленію числа гласныхъ соотвѣтственно годовой суммѣ земскаго бюджета. Чѣмъ болѣе тратитъ земство, чѣмъ сложнѣе его дѣла, тѣмъ большее число членовъ его должны принимать въ нихъ участіе. Соотвѣтственно этому и численный составъ категорій, на которыя подраздѣляются или будутъ подраздѣляться гласные, долженъ быть пропорціоналенъ суммѣ земскихъ платежей, ежегодно вносимыхъ тою частью земства, представителями коихъ служитъ та или другая группа гласныхъ.

На основаніи этихъ соображеній, а также всего высказаннаго въ статьяхъ нашихъ: «Одно изъ земствъ Приволжскаго края» и «Земство и земскія учрежденія въ 1876—77 годахъ»**), мы думаемъ, что было бы полезнымъ слѣдующимъ образомъ видоизмѣнить составъ земскихъ собраній и порядокъ избранія гласныхъ:

1. Уѣздное земское собраніе составляется изъ гласныхъ: а) отъ крестьянъ-общинниковъ, б) отъ частныхъ собственниковъ ***), в) отъ города, г) отъ церквей ****) и д) отъ представителей казеннаго имущества.

---

*) См. *Русская Мысль*, февраль 1881 г., стр. 80, и іюль 1880 г., «Земство», стр. 1—16.

**) *Русская Мысль*, 1880 г.

***) Не отъ однихъ только *землевладѣльцевъ*, а вообще отъ всѣхъ владѣющихъ чѣмъ-либо.

****) Подъ условіемъ обложенія церковныхъ имуществъ земскимъ сборомъ.

2. Выборы уѣздныхъ гласныхъ производятся: а) волостными сходами, б) на съѣздахъ частныхъ собственниковъ, в) городской думой и г) на церковномъ съѣздѣ. Представители казенныхъ вѣдомствъ принимаютъ участіе въ дѣлахъ земскаго собранія порядкомъ нынѣ дѣйствующимъ.

3. Не могутъ участвовать въ выборѣ гласныхъ и быть въ оные избираемы лица указанныя въ 17 ст. земскаго Положенія и кромѣ того: а) лица прожившія въ уѣздѣ въ теченіе послѣдняго трехлѣтія въ сложности менѣе 6 мѣсяцевъ; б) содержатели питейныхъ заведеній и всѣ тѣ, профессія коихъ будетъ признана земскимъ собраніемъ для уѣзда вредной; в) мѣстные губернаторы, вице-губернаторы, члены губернскихъ правленій, прокуроры и ихъ товарищи, чины мѣстной полиціи, въ томъ числѣ сотскіе и десятскіе, непремѣнные члены крестьянскихъ присутствій (если должность эта не будетъ упразднена), волостные старшины, сельскіе старосты и писаря волостные и сельскіе; г) лица, за которыми числится недоимка земскаго сбора.

4. Въ послѣднюю очередную сессію каждаго трехлѣтія уѣздное земское собраніе составляетъ изъ 10 гласныхъ *избирательную коммиссію* для завѣдыванія всѣми дѣлами по избранію гласныхъ на новое трехлѣтіе. Вмѣстѣ съ тѣмъ собраніе опредѣляетъ число съѣздовъ частныхъ собственниковъ округа, время и мѣсто ихъ открытія, а также время созванія волостныхъ сходовъ, для избранія гласныхъ отъ крестьянъ. Въ составъ избирательной коммиссіи не должны входить предсѣдатель и члены управы.

5. Избирательныхъ съѣздовъ частныхъ собственниковъ должно быть нѣсколько, но не болѣе числа гласныхъ подлежащихъ избранію отъ частныхъ собственниковъ. Каждый избирательный съѣздъ имѣетъ свой, опредѣленный ему земскимъ собраніемъ, округъ. Граница такого избирательнаго округа должна охватывать волостныя территоріи цѣликомъ.

6. Въ избирательномъ съѣздѣ частныхъ собственниковъ правомъ голоса пользуются всѣ владѣющіе въ районѣ избирательнаго округа какою-либо собственностью, платящіе земскій сборъ или ведущіе какое-либо дѣло, облагаемое земскимъ налогомъ.

7. Съѣздъ частныхъ собственниковъ открывается однимъ изъ членовъ избирательной коммиссіи, который предлагаетъ собравшимся избрать предсѣдателя съѣзда и затѣмъ остается на съѣздѣ только въ томъ случаѣ, если самъ состоитъ его членомъ.

8. Волостной сходъ, для избранія гласныхъ отъ крестьянъ-общинниковъ, открывается однимъ изъ членовъ избирательной коммиссіи, который предлагаетъ избирателямъ назначить изъ своей среды предсѣдателя схода, по исполненіи чего членъ избирательной коммиссіи остается на сходѣ только для исполненія дѣлопроизводства по выборамъ. На избирательныхъ волостныхъ сходахъ не могутъ присутствовать: волостные старшины и писаря, сель-

скіе старосты, сотскіе, десятскіе, а также члены крестьянскаго присутствія (если таковое будетъ существовать) и чины мѣстной полиціи.

9. Церковный съѣздъ составляется изъ уполномоченныхъ отъ находящихся въ уѣздѣ и городѣ приходовъ, по одному отъ каждаго. Уполномоченные избираются прихожанами изъ числа прихожанъ и приходскаго духовенства. Съѣздъ открывается въ уѣздномъ городѣ однимъ изъ членовъ избирательной коммиссіи, который, по избраніи явившимися предсѣдателя съѣзда, удаляется.

10. Въ гласные избираются: а) окружными съѣздами частныхъ собственниковъ—члены его, б) городскою думой—гласные думы и городскіе жители, платящіе земскій сборъ, в) волостными сходами—члены его и крестьяне принадлежащіе къ сельскимъ обществамъ, входящимъ въ составъ волости, г) церковнымъ съѣздомъ—уполномоченные отъ приходовъ.

11. Избирательные съѣзды, сходы и дума могутъ, если найдутъ нужнымъ, снабжать избранныхъ ими гласныхъ инструкціями о своихъ желаніяхъ, которыя и вносятся гласными на обсужденіе земскаго собранія.

12. Число уѣздныхъ гласныхъ опредѣляется годовою суммой уѣзднаго земскаго сбора (по трехлѣтней сложности) по такому разсчету, чтобы на каждую тысячу рублей этого сбора приходился одинъ гласный, если сумма сбора не превышаетъ 100.000 рублей. На каждые 5.000 руб. сверхъ ста тысячъ добавляется по одному гласному.

13. Распредѣленіе числа гласныхъ между съѣздами частныхъ собственниковъ, волостными сходами, городскою думой и съѣздомъ духовенства производится, пропорціонально суммѣ платимаго уѣзднаго земскаго сборами, лицами и учрежденіями, входящими въ ихъ составъ. Расчисленія эти производятся избирательною коммиссіей.

14. Первое каждаго трехлѣтія уѣздное земское собраніе открывается предсѣдателемъ избирательной коммиссіи, послѣ чего собраніе избираетъ изъ числа своихъ гласныхъ предсѣдателя собранія. Предсѣдателемъ собранія не могутъ быть предсѣдатель и члены мѣстной земской управы.

15. Послѣ избранія предсѣдателя собранія предсѣдатель избирательной коммиссіи даетъ собранію подробный отчетъ о выборахъ гласныхъ и всѣ нужныя разъясненія по повѣркѣ правильности выборовъ. По окончаніи повѣрки правъ гласныхъ предсѣдатель избирательной коммиссіи остается въ собраніи только въ томъ случаѣ, если самъ состоитъ его гласнымъ.

16. Предсѣдатель собранія избирается только на время созыва. Слѣдующая сессія открывается предсѣдателемъ предшествовавшей и затѣмъ собраніе вновь избираетъ предсѣдателя. Въ случаѣ неприбытія ко времени открытія собранія предсѣдателя предшествовавшей сессіи, собраніе открывается предсѣдателемъ управы или заступающимъ его членомъ управы.

Для наглядности представляемъ здѣсь примѣрное расчисленіе гласныхъ по знакомому намъ уѣзду, сдѣланное согласно предлагаемой нами системы.

	Уплачено частными собствен., городомъ и сельск. обществ.		Уплачено частными собственниками.		Городомъ.		Сельскими обществами.	
	Руб.	Коп.	Руб.	Коп.	Руб.	Коп.	Руб.	Коп.
1878	81135	30	37736	32	1131	21	42267	77
1879	76669	43	35543	90	1074	28	40051	25
1880	75970	88	35427	39	1056	91	39486	58
Всего.	233775	61	108707	61	3262	40	121805	60
Средн. въ 3 г.	77925	20	36235	87	1087	46	40601	87
Приход. гласные.	78		36		1		41	
Нынѣ.	42		21		3		18	

Н. Б....тевъ.

(Продолженіе слѣдуетъ.)

Затронутый авторомъ вопросъ объ организаціи земскаго представительства составляетъ одну изъ самыхъ насущныхъ и вмѣстѣ самыхъ сложныхъ задачъ нашего времени, отъ удовлетворительности разрѣшенія которой зависитъ будущее нашего земства какъ въ предѣлахъ нынѣшнихъ его правъ и обязанностей, такъ и при томъ расширеніи сферы его дѣятельности, которое рано или поздно, въ той или другой формѣ, несомнѣнно осуществится. Теперь болѣе чѣмъ когда-либо пора спуститься съ высоты отвлеченныхъ мышленій и не гнушаться мусоромъ и пылью, неизбѣжными при всякой перестройкѣ, пора горячо взяться за практическую выработку, формулировку, по крайней мѣрѣ, такихъ основныхъ началъ, построеніе на которыхъ нашей земской организаціи открывало бы возможность постепеннаго неуклоннаго приближенія къ идеаламъ лучшей части русскаго общества и служило бы къ возможному удовлетворенію земскихъ, народныхъ нуждъ и потребностей.

Такая задача, само собою разумѣется, не подъ силу не только одному лицу, но даже и цѣлому кружку лицъ. Задача эта есть достояніе всего русскаго общества.

Какъ редакція, такъ и авторъ статьи, помѣщая ее, руководятся исключительно однимъ только желаніемъ вызвать возможно болѣе обстоятельное и разностороннее обсужденіе затронутыхъ въ ней коренныхъ земскихъ вопросовъ. Желая вмѣстѣ съ тѣмъ поставить это обсужденіе на практиче-

скую почву и вести его въ нѣкоторой системѣ, редакція рѣшается поставить на общее, совмѣстное съ ней, обсужденіе и разрѣшеніе слѣдующіе, вытекающіе изъ помѣщенной части статьи, принципіальные вопросы:

1. Правильно ли признаніе членами земства только лицъ чѣмъ-либо въ данной мѣстности владѣющихъ и не слѣдуетъ ли признавать членами земства всѣхъ вообще жителей данной мѣстности, равно съ прочими если не имущественно, то лично заинтересованныхъ во многихъ отрасляхъ земскихъ дѣлъ?

2. Полезно ли было бы для земства недопущеніе въ число гласныхъ лицъ не живущихъ или мало живущихъ въ уѣздѣ, но участвующихъ въ платежѣ земскаго налога?

3. Насколько полезно и возможно было бы недопущеніе въ число гласныхъ содержателей кабаковъ и устраненіе отъ участія въ земскихъ и вообще общественныхъ дѣлахъ лицъ по профессіи своей для народа вредныхъ?

4. Правиленъ ли взглядъ на земскія дѣла — какъ на дѣла главнымъ образомъ имущественныя?

5. Удобна ли группировка земскаго представительства по роду владѣнія? Полезно ли было бы организовать мелкую земскую единицу? Достигалось ли бы тѣмъ сплоченіе и единеніе интересовъ жителей одной и той же мѣстности, достаточное для возможности общаго представительства?

6. Можетъ ли размѣръ платежа земскаго налога служить основаніемъ для опредѣленія числа гласныхъ въ земскомъ собраніи и числа ихъ по группамъ? Не представляется ли при этомъ большимъ неудобствомъ—неизбѣжно каждые три года долженствующее происходить колебаніе числа гласныхъ?

7. Не представляетъ ли предложенный способъ опредѣленія числа гласныхъ еще и того неудобства, что во многихъ уѣздахъ, въ особенности въ фабричныхъ, крестьянское представительство будетъ подавлено численностью гласныхъ отъ частныхъ собственниковъ?

8. Не представляетъ ли численность населенія болѣе соотвѣтствующаго основанія для опредѣленія численности земскаго собранія и пропорціональнаго соотношенія различныхъ группъ гласныхъ?

9. Не полезнѣе ли было бы не ограничивать избранія гласныхъ въ избирательномъ округѣ частныхъ собственниковъ только лицами принадлежащими къ округу и распространить это право вообще на всѣхъ частныхъ собственниковъ уѣзда?

10. Не вредно ли было бы ограниченіе круга лицъ, имѣющихъ право быть избранными въ гласные отъ крестьянъ исключительно одними крестьянами и то только принадлежащими къ избирающей волости?

11. Не лучше ли было бы допустить избраніе предсѣдателя земскаго собранія на все трехлѣтіе, а не на одну только сессію?

Изъ постановки этихъ вопросовъ явствуетъ, что редакція, въ отношеніи нѣкоторыхъ сторонъ земскаго дѣла или, вѣрнѣе, организаціи земскихъ учрежденій, держится вполнѣ опредѣленныхъ взглядовъ. Таковы суть слѣдующія положенія: а) всѣ члены земства должны быть равноправны; б) никакое сословное начало какъ въ дѣлахъ земства, такъ и въ учрежденіяхъ его не должно имѣть мѣста; в) въ дѣлахъ земства могутъ принимать участіе только тѣ лица, которыя будутъ признаны членами земства; г) не должно существовать подраздѣленія имущественнаго ценза на крупный и мелкій, и, вообще, если какая-либо форма имущественнаго ценза нужна, то предпочтеніе должно быть отдано той, которая способна распространить даваемыя ею права на наибольшее число лицъ; д) привлеченіе къ земскимъ дѣламъ людей образованныхъ должно всецѣло зависѣть отъ самихъ избирателей и потому никакого образовательнаго ценза устанавливаемо быть не должно; е) церковныя имущества суть достояніе церкви, а не духовенства, и представительство въ земскихъ собраніяхъ имущественныхъ интересовъ церкви должно принадлежать приходу, а не исключительно причту.

Редакція считала нужнымъ высказать эти положенія, дабы, приглашая къ совмѣстной работѣ, выяснить направленіе журнала и тѣмъ не дать повода къ какимъ бы то ни было недоразумѣніямъ.

Ред.

Въ этой статьѣ, на послѣдней строкѣ страницы 131,

напечатано:	*слѣдуетъ:*
и д) отъ представителей казеннаго имущества.	и д) представителей казеннаго имущества.

Редакторъ **С. Юрьевъ.**
Редакторъ-издатель **В. Лавровъ.**

„РУССКАЯ МЫСЛЬ“

НАУЧНЫЙ, ЛИТЕРАТУРНЫЙ И ПОЛИТИЧЕСКІЙ ЖУРНАЛЪ,

выходящій ежемѣсячно безъ предварительной цензуры, книгами отъ 28 до 35 лист.

Условія подписки:

	Годъ:	6 мѣсяцевъ:	3 мѣсяца:	1 мѣсяцъ:
Безъ доставки	15 р.	8 р. — к.	4 р. — к.	2 р. — к.
Съ доставкою въ Москвѣ	16 р.	8 р. 50 к.	4 р. 50 к.	2 р. 50 к.
Съ пересылкою въ другіе города	17 р.	9 р. — к.	5 р. — к.	2 р. 50 к.
За границу	19 р.	10 р. — к.	7 р. — к.	3 р. — к.

Годовымъ подписчикамъ, подписывающимся въ конторѣ журнала, допускается слѣдующая разсрочка: при подпискѣ вносится 7, 6 или 5 руб., соотвѣтственно цѣнѣ съ пересылкой, доставкой или безъ доставки, 5 р. къ 1 апрѣля и 5 р. къ 1 іюля.

КНИЖНЫЕ МАГАЗИНЫ ПОЛЬЗУЮТСЯ ОБЫЧНОЮ УСТУПКОЙ.

Подписка принимается въ конторѣ журнала: **въ Москвѣ, на Долгоруковской улицѣ, домъ Дреземейеръ,** въ отдѣленіи конторы: **на Петровкѣ, въ домѣ Петровскихъ торговыхъ линій, кв. 61.** и во всѣхъ наиболѣе извѣстныхъ книжныхъ магазинахъ Москвы, Петербурга и другихъ городовъ, но редакція отвѣчаетъ за исправную и своевременную доставку журнала только передъ тѣми подписчиками, которые подписываются въ конторѣ журнала или въ ея отдѣленіи. Иногороднихъ подписчиковъ просятъ высылать деньги исключительно на имя конторы.

Контора открыта ежедневно отъ 10 часовъ утра до 5 часовъ вечера.

Оставшіеся экземпляры изданія прошлаго 1880 года продаются по 8 рублей, а съ пересылкой—по 10 рублей за годъ.

О перемѣнѣ адреса сообщается редакціи своевременно, не позже 20 числа каждаго мѣсяца, причемъ слѣдуетъ обозначить напечатанный на старомъ адресѣ нумеръ.

При переходѣ городскихъ подписчиковъ въ иногородные доплачивается 1 р. 50 к., изъ иногородныхъ въ городскіе—50 к., изъ городскихъ или иногородныхъ въ заграничные—недостающее до цѣны, назначенной для иностранныхъ подписчиковъ.

Жалоба на неполученіе какой-либо книги журнала препровождается въ редакцію съ обозначеніемъ напечатаннаго на адресѣ нумера и съ приложеніемъ удостовѣренія мѣстной почтовой конторы въ томъ, что книга журнала дѣйствительно не была получена конторой. По распоряженію почтоваго вѣдомства, жалобы должны быть сообщаемы редакціи не позже полученія слѣдующей книги.

Редакція открыта ежедневно отъ *часа* до *трехъ* пополудни, кромѣ воскресныхъ и праздничныхъ дней. Лицъ, представляющихъ рукописи, редакція проситъ сдавать ихъ **исключительно** секретарю редакціи, который выдаетъ въ принятіи оныхъ установленныя квитанціи; въ противномъ случаѣ редакція за сохранность рукописей не отвѣтствуетъ. Доставляемыя рукописи должны быть четко написаны, подписаны авторомъ и снабжены его адресомъ, а также указаніемъ размѣра желаемаго гонорара. При невыполненіи послѣдняго условія, разсчетъ производится редакціей по ея усмотрѣнію.

На прочтеніе редакціей поступившихъ къ ней рукописей полагается срокъ отъ *двухъ недѣль* до *трехъ мѣсяцевъ*, по истеченіи котораго рукописи, къ помѣщенію въ журналъ не принятыя, сохраняются редакціей въ продолженіе года, за исключеніемъ тѣхъ, размѣръ коихъ менѣе шести листовъ писчей бумаги; послѣднія храненію и возвращенію не подлежатъ.

Отсылка рукописей по почтѣ производится не иначе, какъ по предварительной уплатѣ редакціи почтоваго расхода деньгами или марками, причемъ отправку простыми письмами редакція на себя не принимаетъ.

На всякаго рода запросы редакція отвѣчаетъ только въ томъ случаѣ, если для этого приложена почтовая марка.

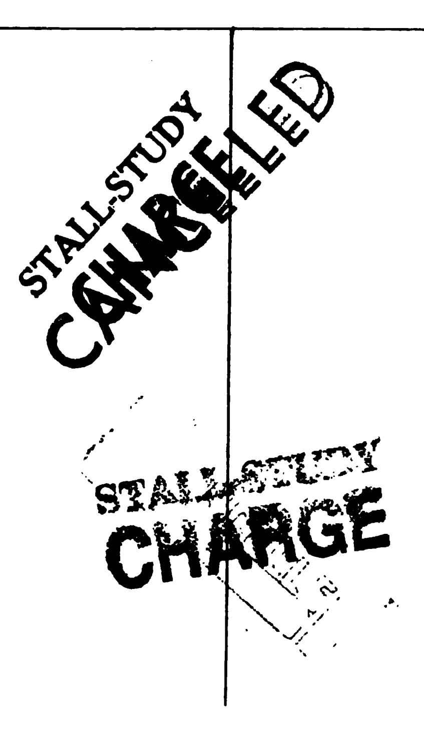
Принимаемыя для помѣщенія въ журналѣ произведенія и статьи подлежатъ, въ случаѣ надобности, сокращенію и исправленію.

Редакторъ **С. А. Юрьевъ.**

Редакторъ-издатель **В. М. Лавровъ.**

3

3 2044 015 482 532


STALL-STUDY
CHARGE
CANCELLED
CHARGE